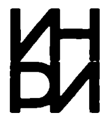
ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД

1926

ИН
РИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ



Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

6

РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД

1926

ПАРИЖ

Документы и материалы

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2006


ББК 66.3(2Рос)6
Р-76

ISBN 2-85887-168-2

Серия: Исследования новейшей русской истории 6

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В апреле 1926 года в Париже состоялся Российский Зарубежный Съезд, в котором участвовали представители русских диаспор почти тридцати государств. Он стал одним из центральных моментов общественно-политической жизни эмиграции. Однако событие, всколыхнувшее тогда всю Зарубежную Россию, до сих пор не нашло должного освещения в литературе, и читатели не имеют о нём достаточной информации. Поэтому публикация документов и материалов, касающихся Съезда, нам представляется исторически важной и необходимой.

Основу издания составляют источники из архива князя Н.Л. Оболенского, Начальника Общей канцелярии Великого князя Николая Николаевича на чужбине. Оболенский завещал свой архив А.И. Солженицыну, который принял его в своё вермонтское хранение, а по возвращении в Россию передал в Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье» (1996). В книгу также включены 26 протоколов заседаний инициативной группы по объединению русских общественных организаций из коллекции Н.В. Савича, переданные в Библиотеку-фонд Н.Н. Рутычем-Рутченко (Франция) в 2002 году.

Сборник состоит из трёх разделов: подготовка к съезду, собственно работа съезда и его итоги. Во втором разделе не только подробно освещён каждый день работы эмигрантского форума, но и представлены ежедневные отклики прессы (русской и иностранной) на происходившее в парижской гостинице «Мажестик». Материал расположен в хронологическом порядке, что, на наш взгляд, позволяет передать динамику событий, представить сложность и напряжённость, противоречивость и драматизм, которыми сопровождалось Всеобщее Беженское Собрание. Идеи, оценки, напутствия, высказанные в те далёкие годы делегатами съезда, до сих пор вызывают живой интерес и во многом сохраняют свою актуальность.

Книга составлена по материалам архива Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». При всей их содержательности и уникальности они, безусловно, не исчерпывают всего объёма документов и свидетельств, сохранившихся в принципе. Тем не менее на сегодня это самое крупное издание по теме, представляющее серьёзную основу для дальнейших фундаментальных исследований.

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ЭПИЗОД РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Созыв всеобщего для русской эмиграции патриотического объединённого Съезда пришёлся на восьмой год после Октябрьского переворота, который и вытолкнул всю эту эмиграцию из России. По никогда никем не проверенным подсчётам, мелькающим в этой книге, новое русское рассеянье составляло по всей планете то ли два миллиона, то ли три. И правда же, казалось необъяснимым, душевно нетерпимым, почему такая огромная масса, включающая до 200 тыс. недавних бойцов Белой армии, хотя теперь и обезоруженных, рассеянных по разным странам и по жестоким нуждам житейского существования, — почему вся эта масса не ищет активных путей спасения от большевиков России и самих себя? (Прежде того были весьма слабые попытки.)

Что касается руководимого ген. Врангелем Русского Общевоинского Союза (РОВС), собственно остатков Белых армий, то Врангель, уже испив за годы Гражданской войны всей беспросветности российских межпартийных дрязг, своим приказом запретил белым воинам какое-либо участие в политике. Потому, в сути, все предложения и обсуждения столь необходимого съезда уже обтекали стороной главную боевую силу эмиграции.

Всё это происходило в государствах, частично уже признавших большевицкую власть, частично нет, — но погружённых в свои заботы после разрушительной Мировой войны и, кроме Югославии, равнодушных к судьбе русской эмиграции. Масса её — занята была тяжёлым физическим трудом, истомлялась до последней степени, так что могла лишь сочувствовать идее спасения России, но не могла участвовать в драматических спорах 1925–1926 годов о Съезде, проводимых силами более состоятельных кругов. Однако и эти вели свою работу в нехватке средств, в бессилии, малочислии и раздробленности.

Начинатели, и самые активные среди них, — все были монархисты: иные по давнему убеждению, иные — уверясь в том от катастрофического падения России, так явно происшедшего тотчас за отречением Николая II. (И эти монархические убеждения теперь поддерживались молчаливой эмигрантской массой не участвующих в слышимых, регистрируемых прениях.)

В нашем издании материалам Съезда предшествуют протоколы (1923–1925) инициативной группы. Они представляют исключитель-

ный интерес для понимания истории первой русской эмиграции. Они ярко передают настроения её правого крыла, комплекс политических расчётов (ныне тем более поучительных, что они утекли с потоком времени), опасения и бессилия — все безмерные трудности объединения беззащитных и безденежных эмигрантских сил для борьбы с большевизмом. Рассудительные, элоквентные интеллигенты, деятели предреволюционного времени, разве способны были создать действенную организацию, включающую и подполье? Они, малой группкой, пытаются собираться конспиративно — но их заседания (очень содержательные по дискуссиям) текут, не дав сформулировать программу действий, не начав никакого реального дела, — а между тем их конспирация уже разгласилась — и ещё прежде всяких большевиков они открыты для травли со стороны леволиберальной эмиграции, намного прочнее их утверженной в западной среде.

Однако монархизм предполагает центр подчинения: кто же их Верховный Вождь? По убеждению инициаторов, таковым мог быть только дядя покойного Государя и бывший Верховный Главнокомандующий России Великий князь Николай Николаевич. Правда, и тут зазияла роковая трещина: летом 1924 года, вопреки всем династическим уставам и своему личному предательскому поведению в 1917 году, Великий князь Кирилл Владимирович внезапно и самозабвенно объявил себя наследником Императорского престола. Однако многими монархистами он был отвергнут и центром объединения не стал.

Николай Николаевич, уединённо живший под Парижем, лишённый финансовых средств и какой-либо материальной власти, напротив, в своих редких публичных высказываниях проявил трезвое понимание необратимости произошедших в России социальных сдвигов и высказал разумно умеренную программу: эмигрантское движение не предрешает, быть ли будущей России монархией или республикой, — это решит население самой России; земля должна остаться в руках крестьян (ошибка всеобщего недогляда: уже в 1922 году большевики реквизировали всю землю в национальную собственность, но этого не заметили даже сами крестьяне); свобода вероисповеданий; прощение тех, кто сотрудничал с большевиками поневоле, немщение; освобождение России должно произойти русскими силами, без иностранной оккупации. (Впрочем, высказывал надежду на помощь иностранных государств, особенно американскую, а своих-то физических сил — у российских эмигрантов и не было никаких...)

Понять обстановку разгара нэпа из-за границы было трудно. Патриотическая часть эмиграции была с несомненностью уверена, что всё

население России сплошь только и жаждет, как поскорее сбросить иго большевиков. Увлечённость растущего молодого поколения новой жизнью совсем не была ими учтена. Их заботило лишь, как дать знать населению «Внутренней России», что национальные силы эмиграции не несут с собой социальной реставрации и мести. И, видимо, почти никто из них не сознавал, насколько они сами не подготовлены к тем сильным, жестоким приёмам, какие нужны, чтобы схватиться со сцепчивым большевизмом. Что у них было — это (ныне утерянная нами) политическая культура. В дискуссиях — ясность изложения (не без примеси теперь устаревших милых оборотов), доброжелательность обсуждений, тонкий учёт разнообразий мнений, тщательность процедуры.

И вся эта культура очень пригодилась при трудности сформулировать программу, приемлемую для наибольшего охвата деятелей спорящих политических направлений, даже внутри монархистов, а уж тем трудней, чем шире спектр; и при крайней важности привлечь и удержать малую денежную прослойку эмиграции — властную «торгово-промышленную группу». И всё же — несчастье всякой эмиграции: кроме противоречий принципиальных — сколько же личных амбиций, раздробляющих всякое живое объединение и действие. И вынужденность тревожно считаться с дробной мелкотой противоречий.

Однако казалось: неужели же не удастся достичь объединения всех противобольшевицких направлений на общей почве борьбы с кровавым большевизмом? Созвать съезд принципиально беспартийный и просто патриотический?

Нет. На это можно было наивно надеяться, лишь не пропустив через свои чувства и сознание весь партийный опыт думского периода (1906–1917) России.

Не говоря уже о ведущих социалистах (кучка вокруг Керенского, кучка вокруг В. Чернова) — тут и «республиканцы-демократы» (р.д., эрдеки), как звались теперь кадеты, потерпевшие разгромное поражение в России, но оживившиеся вокруг своего печатного органа в Париже («Последние новости», с непререкаемым апломбом прежней «Речи»). Сохранилась и вся — победная на думских скамьях — терминология «демократического лагеря», при дружной напряжённости к самому слову «патриот». Предполагаемый съезд, эту «затею правого лагеря», встретили от первых звуков её не просто враждебно, но язвительно-ненавистно: «галлиполийская психология» (недостойное продолжение насмешек над поражённой Белой армией, которой группа Милюкова была враждебна всю Гражданскую войну). Высмеивали и всякую возможность надпартийного патриотизма, и малейшее осуждение произо-

шедшей в России революции (ибо тут Февраль естественно сливался с Октябрём); и с нетерпимостью (со всем богатым опытом хаоса 1917 года) отвергали идею, чтобы патриотическое движение искало бы себе некоего возглавителя (страшная тень монархии!); возглавление может быть только коллективно-коллегиальным. А как же бороться с большевизмом? У эрдеков-кадетов, оказывается, «свои методы», «мирная борьба с большевиками». (Посмеётся, кто сегодня оглянется на историю большевизма.) Да, впрочем, и в группе Милюкова (как, разумеется, и Керенского, и Чернова) открыто заявили, что «предпочитают сотрудничать с большевиками», нежели с этими монархистами. (Кадеты, сами обвинённые справа как «виновники революции», не без справедливости обвиняли правых, что это те — «истинные виновники революции». Да уж все потрудились на том, и сам ведь Николай Николаевич.) Эти плоскополемические, едкие статьи кадетской газеты разительно проигрывали против достойно равновесной, глубоко аргументированной позиции П.Б. Струве («Возрождение»), которого патриоты всё с большим единодушием вели к председательству на Съезде. (А главный тайный мотив кадетов был: их численное ничтожество в эмиграции, их малая группа утонула бы в патриотической массе съезда.) Но такова была сила «левого ветра» в сознании образованной прослойки, что под её неотклонимым влиянием «торгово-промышленная группа» — эти пережившие революцию русские толстосумы — откололась от намечаемого Съезда, сильно его подорвав. (У них была своя надежда, призрачная: «их близкое участие в созидательной работе в России», которую кто-то освободит им от большевиков, приложение капиталов в уже освобождённой стране.) Потом они всё же пошли на Съезд, хотя сильно колеблясь и пребывая там в оппозиции.

Однако подозрения их к монархистам оказались преувеличены: монархисты в своём большинстве стали действительно выше партийных взглядов, на патриотическую высоту; лишь в одном были неотклонимы: иметь единого возглавителя (Великого князя Николая Николаевича). Да ведь для сплочения зарубежных сил это и казалось естественным.

Съезд прошёл 4–11 апреля 1926 года в Париже, в составе до 400 делегатов, съехавшихся из 26 стран мира, со всех материков, на свои эмигрантские гроши. Сам этот многолюдный сбор — превыше средств и через неодолимые пространства, с воодушевлёнными выборами и надеждами на местах — и был высшим жестом и значением Съезда. Наибольшая со времени крушения России попытка ощутить себя не распылённой диаспорой, а единой Зарубежной Россией и, может быть, со-

здать постоянно действующий центр эмиграции — стать действенной, а не прозябающей силой.

Съезд прошёл под примирительным, но твёрдым председательством Струве. Самое ценное, что Съезд нам оставил, — это несколько ведущих речей и докладов, выражающих и тогдашнее настроение эмиграции, и тогдашний взгляд непорабощённых русских людей на истинное состояние дел в СССР — так веско и отчётливо, как подсоветским людям ещё многие десятилетия не придётся читать, а есть что усвоить и соотечественникам начала XXI века. Тут — и патриотическая речь акад. П.Б. Струве, чёткие формулировки в историческом анализе акад. С.С. Ольденбурга; весьма информативные доклады о состоянии советской промышленности и начальной средней школы в 20-е годы. И самое демократическое решение земельного вопроса. Во всех докладах и речах последовательно и единодушно было выражено примирительное отношение Съезда ко всем последствиям революции, как они касаются отдельных людей: никакой реставрации социальных порядков, «без корыстных вожделений и яда мести»; никаких обвинений в измене тем, кто служил в Гражданскую войну на красной стороне: между нами ныне «пропасть заровнялась»; простить все имущественные (разграбные) преступления революционных годов; и: «денационализация собственности без приостановления хозяйственной деятельности страны, а также резкого надрыва создавшихся отношений». (Поучительный наказ! Как раз то, что было грубо нарушено нашими оголтелыми послесоветскими «реформаторами». И ещё: Россия не посягнёт на нововозникшие государственные образования — Польшу, Прибалтику, Финляндию.)

Уроки необратимой Революции уже были усвоены эмигрантами прочно. (Только советская пресса пугала дутой угрозой «реставрации и мести».) Такого решительного отказа от реставрации и мщения, например, эмиграция Французской революции не проявляла.

А в последние дни Съезд заколебался, заметался, раскололся вокруг проблемы: оставить ли после себя постоянно действующий орган, центр — «Русский Зарубежный Комитет» (как бы теневое эмигрантское правительство)? И пусть ли будет он независим? Или должен подчиняться Великому князю Николаю Николаевичу (как требовали крайние монархисты)? Или — не оставлять после себя ничего действующего? А тогда в чём был смысл Объединительного Съезда?

Вопрос оказался очень трудным, и мешала не только разнопартийность. Не будет ли такой орган мертворождённым, обречённым на бездействие (и скорее всего) каким-то беженским комитетом? Тогда не достойней ли разойтись без него? А созданный центр уже обязан дей-

ствовать? И притом — длительно? И притом — ощутительно для большевицкой власти — «свергать власть III Интернационала»? Кто из эмигрантов был к этому готов? (Меньше всех — сам Великий князь Николай Николаевич...)

Можно бы допустить, что при другом поведении ведущих делегатов, при большей взаимной уступчивости групп — доступно было договориться до создания искомого органа. Но при политической неумелости тех деятелей (не в сравнении с ленинскими революционерами) и круговом безденежьи русской эмиграции такой комитет, даже будь он создан, вряд ли дал бы какой-нибудь реальный плод.

Получилось же, что после споров, раздоров и колебаний Съезд отказался от создания постоянного органа. И всё историческое значение его осталось в самом факте созыва — в речах, в обращениях (к русскому народу, к миру). Но и то не так мало. «В России крепнет борьба против большевиков», — заблуждённо утешали они сами себя.

Этим исходом осталась очень недовольна молодая, весьма энергичная прослойка делегатов: «Слова, слова, слова... Эта русская проказа — наша старая интеллигенция... 40 лет боролись только друг с другом» — а по прямой борьбе с большевиками ничего предпринять не можете. «Спасти Россию может только тот, кто способен на жертвы». (Верно.) И немало кто из русской эмигрантской молодёжи пошли на такую борьбу. (Мне приходилось потом сидеть с ними в послевоенных советских тюрьмах.)

А вся военная организация ген. Врангеля так и осталась, по внеполитичности, в стороне от Съезда. Да и Врангеля ждала уже близкая (и подозрительная на отравление) смерть (1928). Не много годов оставалось и Великому князю, до смерти (1929) тактично не проявившему претензий на престолонаследие. Зато самозванец Кирилл тотчас вослед Съезду издал бестактное заявление императорским тоном, что он «предупреждал о провале съезда» и законопослушны только те монархисты, кто, по его, Кирилла, указанию, вообще уклонились от выборов на Съезд.

У кого жив отзыв на крутые изломы русской Истории в XX веке, тех эта книга никак не оставит равнодушными, она живо передаёт воздух 20-х годов. (В III разделе читатель найдёт, в совещании у Николая Николаевича в 1927 году, отчётливую картину и скованных возможностей эмиграции, и посегодня не устаревшего смысла английской политики относительно России.)

Почему же в заголовке этот Съезд назван «предпоследним» эпизодом Российской Революции? С белой стороны — это было последнее

напряжение сил, последнее заметное, пусть бесплодное, движение. А с красной — через несколько лет сделан был и завершающий шаг, уже без терпеливой примирительности эмигрантов: раскулачивание-коллективизация 1929–30 годов закончила Российскую Революцию (1917–30). И — ту историческую Россию, которую мы знали в веках.

А. Солженицын

ПОДГОТОВКА К СЪЕЗДУ

I
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Н.Н. Шебеко открывает заседание в 3 часа 20 минут дня 15 сентября 1923 года.

Присутствуют: Н.Н. Шебеко, гр. Коковцов, А.Ф. Трепов, ген. Миллер, С.Н. Третьяков, М.М. Фёдоров, А.Н. Крупенский, кн. Оболенский, В.И. Гурко и Н.В. Савич

Оглашаются письмо Карташёва и телеграмма Нобеля о невозможности прибытия на заседание. Шебеко предлагает избрать председателя на настоящее заседание. Собрание просит Н.Н. Шебеко взять на себя труд председательствования.

М.М. Фёдоров сделал доклад, согласно просьбе нескольких участников предыдущего собрания группы, в котором кратко излагается история возникновения и постепенного проведения в жизнь идеи объединения общественных организаций, настоящее положение этого вопроса, подготовка образования объединённой организации, включающей в свой состав наиболее активных работников различных общественных группировок, определяется характер взаимоотношений этой новой организации к Великому князю, а равно намечается предположенный объём и схема работы её.

А.Ф. Трепов заявляет, что заслушанный только что доклад отражает личные мнения автора (быть может, взгляды Национального Комитета** или нескольких лиц, составляющих часть инициативной группы) на отношение проектируемого органа объединения к Великому князю, но отнюдь не всех её участников, не всей группы в целом.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1–16. – *Здесь и далее звёздочками отмечены примечания редактора, арабскими цифрами – примечания в оригинале, знаком # – непроверенные цитаты.*

** *Русский Национальный Комитет* — центральный орган Русского Национального Союза, созданного на Съезде Русского Национального Объединения (см. с. 148) летом 1921 г. в Париже. Целью новой организации было создание единого центра контрреволюционных сил; комитет провозгласил основной своей задачей избавление России от большевиков и восстановление русской государственности, поддержку армии ген. Врангеля и отстаивание интересов русских беженцев. Отделения комитета находились практически во всех странах русского рассеяния. Председателем комитета стал А.В. Карташёв.

В частности, сам Трепов, да и все члены объединённого организованного монархизма, совершенно иного взгляда на те взаимоотношения, которые должны установиться между проектируемым органом и Его Высочеством.

М.М. Фёдоров поясняет, что его просили на последнем заседании изложить историю вопроса, так как сейчас некоторые лица присутствуют впервые в нашем составе. Это он изложил в первой части своего доклада. Во второй части он отметил те практические задачи, которые должно будет разрешить объединение для достижения основной цели — освобождения России от большевизма. Эта часть изложена в соответствии с теми суждениями, которые имели место в предыдущем заседании, и тогда возражений не было. Целью этой части записки было дать настоящему собранию материал для обсуждения, представить на его усмотрение тему для разработки, без проверки и оценки. Собрание вольно пересмотреть предложенную схему и остановиться на том, что ему кажется более целесообразным.

В.И. Гурко подтверждает последние слова М.М. Фёдорова, подчеркнув, что предложенные семь пунктов схемы деятельности объединённой организации есть лишь та канва для обсуждения, из которой надо исходить, дабы вести прения в определённом порядке, направить их в заранее намеченное русло, причём, конечно, ничего из предложенного нельзя пока считать предрешённым, ибо решающее суждение принадлежит самой организации после того, как она окончательно сорганизуется.

А.Ф. Трепов подчёркивает, что он взял слово лишь с целью отметить, что доклад, сделанный М.М. Фёдоровым, отражает по самому коренному вопросу — об отношении к Великому князю — лишь личное мнение автора и его единомышленников в этом вопросе, а отнюдь не мнение всей инициативной группы.

А.Н. Крупенский, как участник предыдущего заседания, разъясняет, что вопрос об отношении организации к Великому князю тогда не обсуждался вовсе, а потому выражения доклада, определяющие, в известных случаях, эти взаимоотношения словами «в связи», «с ведома» и т.д., являются отражением личных взглядов автора и не могут считаться изложением отношения к этому вопросу всех участников того заседания.

Кн. Оболенский спрашивает, из каких элементов будет состоять объединённый орган, входят ли в него целые организации в лице специально уполномоченных делегатов и если да, то какие именно. Он хотел бы выяснить, будет ли это объединение включать только па-

рижские группировки или в состав его войдут также представители из других стран, а также с полною точностью установить, являются ли присутствующие полномочными делегатами их организаций или они входят в объединение персонально, за свой личный страх и риск.

А.Ф. Трепов поддерживает мысль о необходимости установить теперь же полную ясность по всем основным вопросам, дабы в будущем в составе объединения не возникало неожиданных трений принципиального характера.

Н.Н. Шебеко читает список лиц, входящих в инициативную группу. Эти лица являются либо председателями, либо наиболее активными деятелями разных парижских организаций, решивших принципиально вопрос о желательности объединить работу по борьбе с большевиками. Расширение состава возможно путём кооптации. Впоследствии возможно будет перестроить объединённый орган на будущем съезде, и тогда он получит новую структуру, причём состав пополнится представителями других стран. Вопроса о представительстве военных пока не касались, так как это предоставлено усмотрению командного состава армии.

Ген. Миллер заявляет, что ген. Врангель поручил ему передать будущему председателю письмо, в котором излагается та мысль, что с момента подчинения армии Великому князю представитель армии не может входить равноправным членом в общественную организацию политического характера, но, признавая полезным присутствие военного представителя в качестве эксперта по военным вопросам и с целью взаимного осведомления, он просит будущего председателя допустить ген. Миллера в объединённый орган с правами совещательного голоса.

А.Ф. Трепов заявляет, что отношение организованного монархизма к Великому князю такое же, как у армии. Поэтому монархисты могут входить членами в состав объединения, пока последнее вполне подчинено Великому князю. Но если будущие отношения определятся иначе, если орган объединения останется только в контакте с Великим князем, сохраняя полную независимость по отношению к последнему, то монархисты вынуждены будут пересмотреть своё положение в составе объединённого органа.

В.И. Гурко обращает внимание на то, что, пока Великий князь не выразил согласия явно возглавить объединяющуюся эмиграцию, создаётся трудное и щекотливое положение для объединения. Если бы оно после первого своего собрания послало к Великому князю делегацию заявить, что создавшаяся организация считает необходимым немедленное и явное провозглашение факта возглавления Великим

князем всего начавшегося движения и что без такого фактического возглавления объединение не может работать, то это было бы явным насилием над волей Великого князя, чего он потерпеть не может и не захочет. Надо помнить, что, по тем или иным причинам, Великий князь избрал известную тактику, и мы не имеем права не считаться с этим фактом. Поэтому в бывших ранее суждениях стремились найти такую формулу для выражения взаимных отношений между органом объединения и Великим князем, которая даёт возможность не подчёркивать слишком резко сущность этих взаимоотношений. Конечно, когда Его Высочеству угодно будет выйти из его сдержанной по внешности позиции и выступить открыто во главе национального движения, тогда объединённый орган поставит себя официально в полное распоряжение Национального Вождя.

М.М. Фёдоров развивает мысль, что для пользы дела надо находить такую внешнюю форму, как самой организации, так и её отношения к Великому князю, которая бы дала возможность привлечь к работе все объединяющиеся организации целиком, не внося в них раздора или раскола. В частности, Национальный Комитет не является организацией чисто монархического типа, хотя в его составе имеется значительное число монархистов, и отлично понимает, что сейчас нужно дружно работать на восстановление в России монархии в разумных и государственно целесообразных формах. Национальный Комитет понимает громадное значение такой силы, какой является сейчас Великий князь Николай Николаевич, и учитывает, какую роль может сыграть престиж этого имени. Поэтому Национальный Комитет всегда относился с особой осторожностью к этому политическому фактору, дабы не повредить ему неосторожным и преждевременным шагом. Национальный Комитет всецело приветствовал мудрую осторожность и обдуманность действий Великого князя в деле возглавления освободительного движения. Мы знаем, что Великий князь прежде всего желает, чтоб мы, эмиграция, объединились для общей работы и помогли бы ему выяснить положение в России, внесли бы в Россию здравое представление о том, что делается здесь и о намерениях эмиграции и самого Великого князя; наконец собрали бы точные данные о том, как относятся разные силы внутри России к факту возглавления Великим князем освободительного движения. Словом, он хочет, прежде чем выступить, учесть, насколько обозначены шансы успеха. Таково же понимание момента у Национального Комитета, а потому он ищет придать своим отношениям к Великому князю такую формулу, которая бы гармонировала с тактикой Великого князя.

А.Ф. Трепов согласен, что момент для гласного выявления отношений объединённой организации к Великому князю ещё не наступил, он и не предлагал приступить к выяснению этих отношений в целях придания им гласности, а сделал лишь определённые оговорки потому, что в заслушанном докладе Фёдорова есть попытка определить эту сторону вопроса в такой форме, которая не согласуется с политикой, проводимой организованным монархизмом. Он просит смотреть на его заявление не как на полемику по существу, а как на попытку уточнить отношение монархических организаций.

С.Н. Третьяков сообщает, что из личной беседы с Великим князем он определённо понял, что Великого князя смущает то обстоятельство, что разные организации выразили своё отношение к нему и к факту его предполагаемого выступления различно. Одни — как монархические партии, например, — поставили себя безоговорочно в распоряжение Великого князя, другие до сих пор не определили явно своего отношения к нему. Это, конечно, справедливо. Поэтому надо признать желательным, чтобы входящие в объединённый орган представители организаций окончательно договорились об отношении к Великому князю и выяснили своё отношение к вопросу о главенстве Великого князя. Нельзя забывать, что мы много раз говорили уже об объединении и всякий раз ничего из этих разговоров не выходило. Если сейчас есть шансы достичь, наконец, какого-то объединения, то это исключительно потому, что на политическом горизонте появилась новая сила сцепления — Великий князь. Однако он не считает пока возможным выступить открыто в роли руководителя национального движения, и это усложняет положение. Ведь если бы он нашёл момент для гласного выступления подходящим, он сам взял бы на себя инициативу создания рабочего органа из числа специалистов, рассеянных в эмиграции, выбирая подходящих лиц из разных партий и организаций по своему усмотрению. Очевидно, момент ещё не пришёл для этого, Великий князь считает такой шаг ещё преждевременным, он хочет, чтоб общественность предварительно сговорилась и создала рабочий орган объединения, который мог бы оказывать ему поддержку в политической работе здесь, за рубежом, а также внутри России. Нам надо отдать себе в этом отчёт и решить, хотим ли мы и можем ли мы чем-либо помочь ему в его задаче. Если мы предполагаем подкрепить его намерения взять на себя руководство делом спасения России, то мы должны создать объединённый рабочий орган, приняв для деятельности последнего ту схему работы, которая намечена в записке Фёдорова.

Н.В. Савич предлагает меньше обращать внимания на слова и выражения, перенеся центр тяжести на существо дела. В отношении к Великому князю не важно то или иное выражение, и не следует долго останавливаться на редакции изложения взаимоотношений между ним и органом объединения. Ибо сущность определяется тем фактом, что в объединение входят лишь представители организаций, видящих в Великом князе нашего Национального Вождя, призванного руководить делом борьбы с большевизмом, и согласившихся работать на создание новой национальной власти с Великим князем во главе её. А раз это так, то слова, выражающие эти мысли, не являются существенными, ибо признание в его лице вождя предопределяет отношение к нему и к тем указаниям, которые будут от него исходить. Совершенно безразлично, будут ли они выявлены в форме «мнения» или в другой, более императивной форме, — отношение будет одинаково, они будут приняты для проведения в жизнь.

Н.Н. Шебеко полагает, что определение взаимоотношений — дело будущего, они будут развиваться и видоизменяться по мере работы, в зависимости от внешних обстоятельств, теперь на этом останавливаться не стоит. Также преждевременно сегодня устанавливать программу будущей работы, её обсудит и вырешит сама будущая объединённая организация, когда она окончательно сформируется. Сейчас главной задачей является прежде всего создать самую объединённую организацию, которая всё ещё не может родиться. Такое объединение представителей и руководителей целого ряда групп и партий явится чрезвычайно ценным фактором и будет иметь большое политическое значение.

Гр. В.Н. Коковцов признаётся, что происходившие прения привели его в большое смущение. Он был отчасти в курсе подготовительной работы по объединению, и, когда С.Н. Третьяков спросил его, согласится ли он принять участие в работе объединённого органа, он выразил согласие, думая, что объединение уже достигнуто, в главных вопросах всё уже договорено и согласовано и что по крайней мере в основном пункте согласны все, начиная с правых и кончая кадетами, конечно без Милюкова и его К°. Он считает, что целью объединения является всеобщее стремление подчинить разрозненные усилия ряда лиц и организаций, направленные в сторону борьбы с большевиками, одной общей директиве, исходящей из одного общепризнанного политического центра. Словом, он думал, что уже ясно созрела мысль об замене борьбы кустарными способами правильно организованной, продуманной и согласованной системой действий,

которая возможна только при подчинении разрозненных усилий и устремлений одной направляющей воле, исходящей из центра. Между тем развернувшиеся прения показали, что нет ещё прочного сговора, что собравшихся разделяют многочисленные и существенные недоговорённости. Есть разномыслие как будто даже в основном вопросе. Правда, последующие объяснения его несколько успокаивают, так как он из них видит, что нет разногласия в главном и основном вопросах. Лично он считает, что сейчас, в момент создания объединяющего органа, не следует вовсе говорить ни о Великом князе, ни об отношениях к нему создаваемого органа. Прежде всего надо создать такой центр, объединяющий целый ряд организаций, который взял бы на себя задачу руководить борьбой с большевиками, и согласовать усилия, которые проявляют в этом отношении многие организации и группировки без взаимной связи и без взаимного осведомления. Конечно, такое руководство этого органа не лишит входящие в состав объединения организации внутренней самостоятельности, они будут по-прежнему работать самостоятельно, но общая линия борьбы будет получать освещение и направление в центральном органе. До сих пор все попытки такого объединения были тщетны, и достаточно было заговорить об объединении, чтоб на практике получилось диаметрально противоположное. Если сейчас это дело не безнадёжно, если есть возможность объединить разные группировки в одном направляющем центре, то это стало возможным потому, что сейчас имеется в резерве новая крупная политическая сила в лице Великого князя. Все это отлично сознают, и потому пока поднимать вопроса о Великом князе не следует — и без того ясна его роль и значение. Полезнее перейти к обсуждению других вопросов, затронутых в прочитанной записке, которые хотя и очень прозаические, но имеют жизненное значение. Прежде всего надо выяснить, какие организации решили объединиться в центральном органе и каково понимание каждой из них своего положения по отношению к новому органу. Очень существенно знать, будут ли они считаться с теми руководящими директивами в деле активной борьбы с большевиками, которые будут исходить от объединяющего органа. Затем надо определить те задания, которые ставит себе объединённый орган, и выяснить, каковы у него материальные средства для достижения намеченной цели. Реальная работа требует строгого согласования целей с имеющимися практическими возможностями. Лучше идти от малого к широкому, по мере развития успеха и увеличения средств, чем взяться сразу за такое дело, которое по размаху превышает имеющиеся

в наличии материальные возможности, и тем привести все начинания к преждевременному краху.

В.И. Гурко разъясняет, что сейчас нарождающийся орган ещё нельзя назвать союзом союзов, так как многие организации не представлены ещё официально делегированными представителями. Вл.Н. Коковцов только что указал, что он присутствует не по поручению комитета, коего он является председателем, а персонально. В таком же положении некоторые другие из присутствующих. Надо признать, что пока в состав объединения войдут лишь наиболее активные силы, деятельные работники разных организаций, отражающие господствующее настроение тех групп, председателями или членами президиума которых они являются. Конечно, организации должны быть об этом осведомлены. С формальной стороны, в объединённом органе, таким образом, будет иметься известный дефект, но с этим на первых порах можно и должно примириться, довольствуясь тем, что в состав его входят для практической работы наиболее деятельные в своих организациях силы, которые там будут проводить ту линию согласованной работы, которая определится в центральном органе. Однако Гурко не разделяет высказанной мысли о необходимости при составлении плана работы руководствоваться принципом согласовать работу с имеющимися средствами. Конечно, осторожность необходима, но при осуществлении мероприятий, а не при выработке плана действий и программы. Он отлично понимает, что положение очень трудное, что материальных средств нет, но это должно побудить к героическим усилиям, чтоб их добыть. Для этого необходимо наметить программу работы во весь её возможный размах, поставить на очередь все возможные средства борьбы, начиная с разведки и пропаганды вплоть до организации своих органов прессы. Для всего этого нужны средства, и размер нужных средств надо определить. Первой задачей после этого будет проявить максимум усилий, чтобы эти средства найти в таком размере, который бы обеспечил ведение работы в полной мере.

А.Ф. Трепов отмечает, что постановка вопроса, как она изложена в речи гр. Коковцова, его вполне удовлетворяет. Со своей стороны, он считает, что обстоятельства момента требуют от нас какого-то действия, которое могло бы создать известное впечатление, благоприятное для нашего дела. Такое впечатление в значительной мере может быть достигнуто фактом образования органа, объединяющего антибольшевистскую работу значительного числа эмигрантских организаций. При этом нет необходимости ждать, чтобы все участники

получили от своих организаций формальные полномочия для участия в объединяющем органе. Уже самый факт, что в результате сегодняшнего совещания будет основан орган, объединяющий главных деятелей большого числа общественных группировок, будет иметь большое значение. Поэтому надо возможно скорее сконструировать такой орган.

М.М. Фёдоров выражает полное согласие с тем, что говорил гр. В.Н. Коковцов в отношении роли и значения Великого князя, а равно в определении отношений к нему. Сознание важности объединения для активной работы давно проникло в среду Национального Комитета. Эта мысль неоднократно находила подтверждение в отзывах иностранцев, с которыми приходится иметь дело. Последние постоянно упрекают нас в том, что мы не сумели создать объединённого органа политической эмиграции, с которым можно было бы говорить и договориться. Второй упрёк, который приходится слышать, — это то, что мы не действенны. Эти упрёки справедливы. Если мы хотим найти помощь и поддержку, мы должны объединиться и начать действовать. Конечно, для дела нужны деньги, их надо энергично искать, но одновременно надо начать работу, приступить к действиям, ибо без последнего нельзя найти денег.

С.Н. Третьяков подчёркивает ещё раз мысль, что возможность достигнуть объединения явилась лишь после приезда сюда Великого князя и после того, как организации определили своё отношение к нему. Относительно политического положения в настоящий момент он не разделяет преувеличенных опасений о возможности признания в близком будущем большевиков.

Н.Н. Шебеко заключает прения установлением факта, выяснившегося очень определённо, именно: все присутствующие объединены общим желанием совместной и согласованной работы. Из обмена мнений многое выяснилось, и теперь мы подошли к такому моменту, когда уже можно было бы приступить к окончательному сформированию органа объединения и к выбору его председателя и президиума.

М.М. Фёдоров предлагает выборы произвести в следующем заседании, когда подъедут некоторые из отсутствующих сегодня представителей организаций. Притом же тогда выяснится окончательно состав будущего объединения.

А.Ф. Трепов заявляет, что уже сейчас есть желание некоторых организаций войти в состав объединения из числа тех, которые до сих пор не представлены в инициативной группе. Он полагал бы, что все подобные заявления нужно направлять к Н.Н. Шебеко,

как временному председательствующему, для доклада следующему собранию.

Ген. Миллер передаёт Шебеко письмо ген. Врангеля относительно участия представителя армии.

С.Н. Третьяков высказывает мысль, что хотя организации должны знать о состоявшемся собрании для сформирования органа объединения, однако о подробностях его нельзя делать сообщений.

Собрание признаёт, что работа его не подлежит оглашению.

Будущее заседание назначено на субботу, 22 сентября, в 3 часа дня для выбора президиума.

Собрание закрыто в $5^1/_2$ часа дня.

II
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Н.Н. Шебеко открывает заседание в 3 часа 15 минут дня 22 сентября 1923 года.

Присутствуют: Н.Н. Шебеко, С.Н. Третьяков, А.Ф. Трепов,
гр. В.Н. Коковцов, М.М. Фёдоров, кн. Оболенский,
ген. Миллер, Ан.Н. Крупенский, Н.В. Савич, В.И. Гурко

Н.Н. Шебеко сообщает, что состав собрания тот же, что и в прошлый раз, что всё ещё не все съехались в Париж, и предлагает решить вопрос, следует ли приступить в сегодняшнем заседании к выбору президиума или же отложить выборы, ограничившись избранием временного председателя. Но прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, он считал бы нужным выслушать протокол предыдущего заседания.

Собрание выслушало журнал предыдущего заседания, в который ген. Миллер и М.М. Фёдоров внесли некоторые поправки.

Гурко по вопросу о выборе председателя и остальных членов президиума объединённого органа полагает, что прежде надо обсудить и установить те задания, кои берётся проводить в жизнь намечаемая организация, выяснить цели и способы её деятельности и только тогда можно будет приступить к вопросу о выборе президиума.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1–20.

Гр. В.Н. Коковцов поддерживает эту мысль, говоря, что до обмена мнений по существу предполагаемой деятельности организации совершенно нельзя приступать к выбору её президиума, так как только после решения вопроса о деятельности организации определится отношение отдельных участников собрания к вопросу о том, могут ли они принять участие в этих выборах.

Н.Н. Шебеко предвидит, что такое обсуждение программы работ организации займёт много времени, быть может, ему придётся посвятить несколько заседаний. Поэтому он считал бы правильным установить, что, впредь до решения этого принципиального вопроса, собрание будет выбирать из своей среды на каждое заседание по очереди одного из присутствующих для исполнения обязанности председательствующего.

Гр. Коковцов возражает против такого предложения, указывая, что это создало бы много неудобств. Обязанности председательствующего, избранного на одно заседание, прекращаются с закрытием заседания, и, следовательно, до другого заседания создаётся период междуцарствия, а между тем нужно, чтобы кто-то взял на себя труд созыва следующего заседания, рассылки повестки и т.д. Поэтому он предлагает просить Н.Н. Шебеко взять на себя обязанности временного председателя впредь до того момента, когда новая объединённая организация окончательно не сконструируется и не выберет из своей среды постоянного президиума.

Н.Н. Шебеко заявляет, что в будущем настоящее помещение не будет свободно и поэтому надо решить, где мы будем собираться.

Гр. Коковцов указывает, что если следующее заседание состоится в субботу, то он мог бы предложить собраться в помещении Международного банка в 3 часа дня.

Собрание постановило просить Шебеко временно исполнять обязанности председателя и собраться в будущую субботу в помещении Международного банка.

Н.Н. Шебеко предлагает обсудить те цели, которые ставит себе настоящее собрание, выяснить, так сказать, политическое лицо будущей организации и полагает, что если бы удалось достаточно отчётливо это определить, то этим был бы достигнут крупный политический успех. При этом он считает, что интересы борьбы с большевиками требуют гласного провозглашения факта объединения всех антибольшевистских государственно мыслящих группировок, тем более что совершенно невозможно сохранить в секрете образование организации, объединяющей представителей такого числа политических течений.

Н.В. Савич считает, что факта объединения скрывать не следует, напротив, его надо сделать предметом гласности. Но можно и должно держать в тайне то, что будет эта организация делать. По крайней мере надо стараться сохранять в тайне то, что по ходу дела здесь будет признано секретным.

М.М. Фёдоров тоже считает, что скрывать факта образования объединения не следует, да это и невозможно. Но работа объединения должна быть строго конспиративна. Однако объявление о сконструировании объединяющей организации надо отложить до момента, когда представители организаций доложат последним о состоявшемся сформировании объединённого органа.

Гр. В.Н. Коковцов просит позволения остановиться на другой стороне вопроса. В то время как два предшествующие оратора указывали, как надо поступать в порядке выполнения намечаемой деятельности, ему кажется более правильным сперва обсудить, что мы предполагаем делать. После предыдущего заседания он обдумал происшедшие тогда прения, и у него возникло много сомнений. Конечно, останавливаясь на этой стороне вопроса, он сознаёт, что прения неизбежно возьмут много времени, которое всем дорого. Но вопрос так важен, что приходится мириться с этим, тем более что события сейчас, по его мнению, не идут таким стремительным темпом, который бы вынуждал немедленно приступить к делу и не давал бы возможности выяснить те многочисленные недоуменные вопросы, которые важнее профессиональной стороны. Именно неясна ещё задача, которую ставит себе будущее объединение. Как ни важна идея объединения, но всё же, входя в него, надо знать, каковы его задачи. А между тем некоторые положения доклада, внесённого в прошлый раз М.М. Фёдоровым, а также речь В.И. Гурко поставили на очередь такие задачи, которые его сильно смущают. Будучи человеком очень немолодым, а потому весьма осторожным, он считает себя обязанным высказать своё мнение на этот вопрос, тем более что оно вполне продуманно. Его основная мысль — что все мы должны серьёзно взвесить, что мы можем сделать, чего можем достичь, и из этого уже сделать вывод, что мы обязаны на себя взять. Чтоб подойти к вопросу, что нам надлежит делать, надо припомнить историю возникновения и развития идеи объединения. Попытка объединения русских национально мыслящих организаций явилась следствием двух факторов. Во-первых, среди самой русской эмиграции развилась и окрепла мысль, что давно пора нам перестать ссориться между собою, пора перестать спорить и надо начать совместно работать. Это обстоятельство дало нам

теперь возможность собраться в таком разнообразном составе и начать совместное обсуждение того, что надо делать, конечно, предварительно согласившись не поднимать острые вопросы, нас разделяющие. Второе обстоятельство — это появление под Парижем Великого князя. Великий князь Николай Николаевич с момента издания Великим князем Кириллом Владимировичем в августе прошлого года известного манифеста* совершенно замкнулся, держался в стороне от политической жизни. Однако он стал предметом домогательств со стороны целого ряда лиц и организаций, патриотически настроенных, которые убеждали его, что ему надлежит выступить активно для спасения Родины. В конце концов, под влиянием этого всеобщего напора, у Великого князя началась эволюция, он имел целый ряд бесед с разными представителями общественных и политических группировок, и у него созрела мысль о желательности и необходимости такого объединения, которое было близко к мысли, возникшей уже среди русской общественности. Великий князь неоднократно говорил, что он готов отдать остаток своей жизни на спасение России, согласиться выступить активно, когда узнает, что в России его хотят и ждут. Сверх того, он хочет знать, согласна ли русская патриотически мыслящая эмиграция сплотиться между собой и около него и помочь ему в деле воссоздания России. Вот те два главные обстоятельства, которые способствовали зарождению и развитию идеи создания объединяющего русскую эмиграцию органа. Есть ещё третье обстоятельство — это отношение иностранцев. Все они, а особенно правительство Франции, упрекают нас, что нет такой организации, которая могла бы говорить за большую часть эмиграции. Без образования такой организации они помогать не будут. Вот все эти причины, побудившие создать объединяющую возможно широкий фронт организацию, предопределяют её деятельность. Меня смутило в прошлый раз, что, с одной стороны, не все согласились вести общую работу под руководством и главенством Великого князя, а с другой — слишком напирали на конспиративную работу. Между тем для него лично не представляется возможным работа в учреждении, которое бы вводило в круг своей деятельности методы вооружённой борьбы, а тем более другие приёмы, к которым прибегали наши революционеры. Когда здесь в своё время образовался Польский национальный комитет, имевший в момент своего возник-

* Имеется в виду обращение Великого князя Кирилла Владимировича к русским людям (26 июля/8 августа 1922 г., Сан-Бриак), в котором он, «как старший в порядке престолонаследия член императорского Дома», считал «своим долгом взять на себя возглавление Русских освободительных усилий в качестве Блюстителя Государева Престола».

новения 40 млн. фр. денег, пожертвованных поляками, представители комитета пришли к главе французского правительства и, положив на стол программу деятельности и устав комитета, сказали: вот кто мы и что мы хотим делать.

Гр. В.Н. Коковцов считает, что и мы должны иметь возможность открыто сказать всем и каждому, в том числе прежде всего французскому правительству, что мы такое и что мы хотим делать. При этом нам в наших предположениях надо быть скромными, ибо нам приходится начинать с просьб о помощи. В настоящее время важнее всего привлечь как можно больше организаций, которые бы согласились войти в объединение, хотя бы для этого пришлось сузить задания, поставленные последними.

Гурко считает, что вопросы, затронутые гр. Коковцовым, являются основными, но в постановке их кроется недоразумение. Конечно, надо иметь такой объединённый представительный орган русской эмиграции, который бы сносился с иностранными правительствами, вёл бы разговоры от имени объединённой эмиграции и тому подобное. Ясно, что он не может быть конспиративным, его программа деятельности должна быть ясна и открыта, он должен быть вне возможных подозрений в конспиративной работе. Но может и должна быть другая организация действия, организованная по типу революционных обществ. Какие между ними установятся отношения — вопрос другой. Они могут быть независимы друг от друга, состоять даже из разных лиц. Но возможно, что часть участников первой организации войдёт в состав второй. Конечно, у нас нет, быть может, уже достаточного юношеского пыла, революционного пафоса, но мы должны твёрдо помнить, что, создав лишь одну первую организацию, мы ровно ничего не достигнем. Успеха достигают обыкновенно не те, кто тщательно и осторожно высчитывает силы и шансы, а те, кто имеет волю дерзать. Фанатизм, вера в успех часто являются главными факторами победы. Примерами могут служить достижения Ленина и Наполеона III. Сейчас, в момент начала деятельности, наши материальные возможности минимальны, и потому нельзя строить план работ, намечать себе цели в соответствии с наличными средствами. Такая постановка вопроса обрекала бы всё дело на неудачу, и пользы от объединения не было бы никакой. Если смотреть на создаваемое объединение только как на официальное представительство объединённой эмиграции, то гр. Коковцов, несомненно, прав. Такое представительство необходимо, и оно должно воплощаться в совершенно открытой организации. Но рядом с организацией гласной должна суще-

ствовать другая, негласная, строго законспирированная организация действия. Надо создать определённо контрреволюционный орган со всеми присущими такому аппарату свойствами. Оба эти органа нам надо создать и решить, в состав которого входят те или другие лица.

Фёдоров разделяет всю русскую эмиграцию на два сектора. Слить их воедино невозможно, ибо психология их различная. Левый, начиная с Милюкова и левее, только говорит, что он борется с большевиками. Но фактически они этого не делают и не будут делать, так как они больше всего боятся контрреволюции и предпочитают господство большевиков, лишь бы не восторжествовали контрреволюционные силы. Поэтому они мало-помалу склоняются к соглашательству и только для вида говорят о борьбе. Другой сектор ставит себе целью спасение России во что бы то ни стало. Он сознаёт, что каждый день владычества большевиков есть величайший вред для России и что надо приложить все усилия для свержения преступной власти. Но для того чтобы достичь этого, надо действовать. Если мы только будем говорить, как то делает левый сектор, то в России ничего не изменится, и мы сошли бы на роль пассивных выжидателей того, что самостоятельно может произойти в России. Чтобы определённо отмежеваться от левого сектора, мы должны приступить к действию. Этим определяется и характер объединяющего национальный сектор органа. Для его создания нужно наметить программу деятельности, обнимающую всевозможные виды борьбы. Бояться, что иностранцы будут нас за это преследовать, не следует. Напротив, до сих пор нас постоянно упрекают за то, что мы не боремся за свою родину, что мы допускаем безнаказанно губить Россию. Программа, которую я развивал в прошлый раз, заключает в себе те виды борьбы, которые, за исключением одного параграфа, уже сейчас осуществляются разными организациями. Этот проект программы деятельности следующий.

1) *Организация осведомления о том, что делается в России.* Сейчас частично эту задачу выполняют разные организации, например, информационный аппарат армии, Союз торговопромышленников*, Банковский комитет** имеет своих корреспондентов, Национальный Комитет и монархическое объединение собирают тоже

---

* *Российский Торгово-Промышленный и Финансовый Союз* возник в конце 1919 г. в Париже по инициативе Н.Х. Денисова, он же стал и его председателем. По словам заместителя председателя С.Н. Третьякова, цель союза — объединение торгово-промышленного класса с заграницей, защита своих интересов и борьба с большевиками. Среди деятелей объединения — В.П. Рябушинский, О.С. Трахтерев и др. Прекратил существование в 30-е гг.

** *Банковский комитет* создан в Париже в декабре 1919 г. В состав комитета вошли представители крупнейших банков. Председателем комитета стал гр. В.Н. Коковцов.

обширный материал. Но всё делается без определённой системы, и нет надлежащей оценки обширных сведений, почерпаемых разными путями. Надо всё это организовать, сосредоточив весь материал в одном месте.

2) *Организация пропаганды в России*. Сейчас русский народ изолирован от внешнего мира, он ничего не знает о том, что происходит здесь, или, вернее, знает всё в ложном и извращённом свете большевистской печати. Отчасти эта задача уже выполняется, но в очень недостаточном масштабе. Надо поставить это широко, установить прочную связь с национальными элементами внутри России. Надо посылать туда не только печатный материал, но главным образом людей, которые будут служить и для осведомления, и для организации пропаганды. Надо принести в Россию луч надежды на лучшее будущее, вселить в отчаявшихся веру в возможность успеха. Это подготовит почву для активного выступления.

3) *Организация борьбы против сменовеховства среди эмиграции*. Люди здесь устали, измучились, отчаялись. Большевики этим пользуются и ведут отчаянную пропаганду. У них большие деньги, они подкупают одних, действуют разлагающе на других, особенно это наблюдается среди студенческой молодёжи. Большевикам помогают такие газеты, как «День» и «Последние новости».

4) *Вооружённая борьба*. Эта часть деятельности более свойственна армии, которой мы должны лишь помочь чем можем.

5) *Организация помощи студентам для поступления в высшие учебные заведения*. Нам нужно готовить будущих деятелей для культурного возрождения России.

6) *Установление связи с разными правительствами и частными группировками Европы и Америки для привлечения их к делу возрождения России*.

7) Наконец, и с этого следует начать, *надо приложить максимум усилий для того, чтобы найти деньги для политической работы*.

Таков объём предстоящей нам деятельности. Конечно, четвёртый пункт, как свойственный более армии, чем нам, может быть в настоящее время изъят из круга ведения предполагаемого органа объединения, во всяком случае не является обязательным и первоочередным. Наконец, объединению надо подготовить созыв общеэмигрантского съезда для создания правильно организованного представительного органа эмиграции. Что касается выступления на политическую арену Великого князя, то надо заметить, что эта по-

литическая сила даёт возможность связать наш объединённый орган с действенными силами внутри России и придаёт смысл всей нашей деятельности.

Н.В. Савич излагает мысль, что главная задача объединённого органа — внести в Россию идею о том, что после падения большевиков будет организована власть с Великим князем во главе и что эта власть принесёт с собою не месть, а мир. Распространение этой идеи даст возможность Красной армии примкнуть к освободительному движению и начать попытки связаться с той организацией, которая здесь будет действовать от имени Великого князя. Равным образом для того, чтоб иметь возможность найти политическую и финансовую поддержку здесь, надо, чтоб объединённый орган имел возможность сказать тем иностранцам, с коими он будет вести переговоры, во имя какого идеала власти ведётся борьба, кто будет тот, кто наследует власть после падения большевиков, и кто, следовательно, может дать иностранцам известные гарантии за участие в поддержке. Таким образом, организация будет находиться в деловой связи с Великим князем, а потому программа её деятельности должна быть такая, которая бы не компрометировала в глазах иностранных правительств ни Великого князя, ни те иностранные политические и финансовые силы, которые нужно привлечь. Это обстоятельство побуждает так отредактировать устав и программу деятельности организации, чтоб мы могли, подобно полякам, положить этот документ на стол любого иностранного правительства, сказав: вот кто мы и что намерены делать.

А.Ф. Трепов указывает, что сегодня затронуто очень много вопросов большой важности. Сколько-нибудь обстоятельное их обсуждение потребует ряда заседаний, а между тем события не ждут и обстоятельства побуждают торопиться. Так, он слышал, что при последних переговорах по поводу Рура англичане готовы были поддержать французскую точку зрения, если со своей стороны французы согласятся принять в русском вопросе программу Англии. Чтоб хоть сколько-нибудь парализовать такие тенденции, необходимо выявить сплочённость русской эмиграции в деле борьбы против большевизма. Как внешнее проявление такого сплочения надо срочно сформировать орган объединения и опубликовать его название, которое бы разъясняло иностранцу сущность и цель объединения. Со своей стороны, он считал бы подходящим названием, например, Union Patriotique panrusse. Равным образом надо сделать известной ту цель, ради достижения коей сорганизовалось объединение,

именно: что оно ведёт борьбу для свержения большевиков и создания власти с Великим князем во главе её. Такой проект текста резолюции был передан секретарю сегодняшнего заседания. Его можно обсудить и выработать окончательный текст, определяющий цели новой организации.

Н.Н. Шебеко читает проект текста резолюции.

М.М. Фёдоров заявляет, что принять подобную резолюцию можно было бы только после того, как её текст был бы обсуждён в организациях, членами коих являются участники нынешнего собрания. Без этого получилось бы трудное положение для последних по отношению к организациям.

Гр. В.Н. Коковцов полагает, что принимать полностью текст резолюции невозможно. Она, несомненно, станет достоянием гласности, а в ней упоминается имя Великого князя. Без согласия Великого князя нельзя связывать открыто организацию с его именем. Равным образом по той же причине не следует её передавать на обсуждение в организации. Лучшим выходом было бы поручить кому-либо из присутствующих переработать проект резолюции, откинув прямое указание на связь её с Великим князем, и, размножив новую редакцию, разослать её заблаговременно всем участникам инициативной группы, дабы её можно было всесторонне обдумать. Со своей стороны, он предлагает поручить выработку проекта резолюции Савичу и Фёдорову и готов взять на себя размножить её для рассылки всем участникам.

Н.Н. Шебеко доказывает, что при настойчивом желании добиться успеха можно достигнуть больших результатов. За свою многолетнюю службу он много раз убеждался, что упорство в достижении цели и вера в успех очень часто приносили такие положительные результаты, о которых вначале нельзя было мечтать. А так как мы все одушевлены желанием поработать на освобождение России от большевиков, то надо только настойчиво идти к цели, не смущаясь тем, что наши материальные возможности сейчас кажутся ничтожными.

А.Ф. Трепов настаивает на том, что в предложенной редакции резолюции отношение объединённой организации к Великому князю изложено в очень осторожной и мягкой форме. Он не возражает против сделанного предложения поручить двум нашим сочленам передактировать резолюцию, но с тем, однако, чтоб отношение к Великому князю нашло себе определённое и ясно высказанное выражение.

Гр. В.Н. Коковцов говорит, что если бы резолюция имела назначение определения нашего отношения к Великому князю для нас самих, так сказать, для нашего внутреннего употребления, то он не стал бы возражать ни против предложенной формулы, ни против ещё более определённых выражений. Но если резолюция будет сообщена организациям, то её нельзя делать в такой форме, тем более что она станет достоянием гласности.

Кн. Оболенский соглашается, что, если резолюция должна поступить на рассмотрение организаций, её нельзя принимать в такой редакции. Однако относительно необходимости передавать резолюцию в организации у него имеются серьёзные сомнения. Это было бы правильно, если бы мы являлись здесь официальными делегатами организаций; между тем в прошлый раз говорили, что пока мы собираемся по персональному признаку, за свой личный страх и риск. Тут есть некоторое противоречие, и эту недоговорённость надо выяснить.

М.М. Фёдоров поясняет, что хотя мы участвуем в объединении пока персонально, а не в качестве делегатов организаций, но мы должны провести основные положения в своих организациях, особенно это важно теперь, в момент образования объединённого органа.

А.Ф. Трепов высказывает недоумение, как может работать объединяющий орган, если по каждому возникающему вопросу будут вноситься предложения о передаче его на предварительное рассмотрение в организации.

С.Н. Третьяков относительно поднятого кн. Оболенским вопроса разъясняет, почему целый ряд вопросов нельзя вносить в большие и разносоставные организации. Это обстоятельство заставляет мириться с тем, что мы останемся пока лишь единением лиц, собравшихся по персональному признаку. Тем не менее он согласен подписать предложенную резолюцию лишь в том случае, если она останется в тайне. Однако надежды на это мало, нет ничего тайного, что не станет явным, а в таком случае мы окажемся в трудном положении относительно Великого князя и в совершенно фальшивом относительно своих организаций.

Гр. В.Н. Коковцов предлагает встать на иной путь. Он полагает полезным выработать такую формулировку, которая не упоминала бы вовсе имени Великого князя и в то же время достаточно определённо выявила бы задачи будущей объединённой организации. Эту формулу можно передать не только в организации, в состав которых входят присутствующие, но и в ряд других национально

мыслящих группировок с тем, чтобы все принимающие такую формулу организации могли принять участие в работе объединения. Желательно возможно широкое участие в объединении разных организаций сверх тех, хотя и наиболее крупных, которые уже имеют здесь своих сочленов.

Ген. Миллер спрашивает, будет ли обсуждаться вопрос об отношении к Великому князю после того, как окончательно сформируется объединение.

Гр. Коковцов полагает, что предварительно надо позондировать, как отнесётся сам Великий князь к факту такого обсуждения. Лично он считает, что пока следует ограничиться тем, чтоб занести в протокол настоящего заседания вторую часть предложенной резолюции.

А.Ф. Трепов соглашается, что совершенно недопустимо оглашать без особого разрешения Великого князя какой-либо резолюции, в которой бы упоминалось его имя. Так как на следующем заседании он быть не может, то он просит принять его заявление, что при окончательной выработке редакции резолюции должно быть хотя бы в осторожной форме выявлено отношение органа объединения к Великому князю.

Н.Н. Шебеко объявляет заседание закрытым. Следующее заседание назначено на субботу, 29 сентября, в помещении Международного банка в 3 часа дня.

Приложение

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ, ПРЕДЛОЖЕННОЙ М.М. ФЁДОРОВЫМ

Настоящее собрание лиц, принадлежащих к различным политическим и профессиональным группировкам, имеет целью создание такой центральной общественной организации, которая должна согласовать и объединить общие усилия всех антибольшевистских, национально мыслящих организаций и группировок для наиболее успешной борьбы против власти III Интернационала в целях освобождения России и создания условий для сформирования новой национальной русской власти с Великим князем Николаем Николаевичем во главе её. Уверенность в успехе своих начинаний собрание почерпает в великодушном намерении Национального Русского Вождя Великого князя Николая Николаевича посвятить свои силы делу освобождения и возрождения Родины.

III

ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

29 сентября 1923 г.

Присутствовали: Шебеко, Третьяков, Гурко, Крупенский, гр. Коковцов, кн. Оболенский, ген. Миллер, кн. Трубецкой, Фёдоров, Тесленко, Савич, Карташёв

Председательствует: Н.Н. Шебеко

Прочитан журнал предыдущего заседания, в который внесены некоторые поправки.

Н.Н. Шебеко заявляет, что проект резолюции он не успел переслать гр. Коковцову и потому он размножит копии и передаст их для ознакомления присутствующим. Изложив далее историю борьбы с большевизмом, он указывает на два новых фактора, могущих отозваться благоприятно на ходе её, именно: наметившееся объединение для общей борьбы и появление здесь Великого князя. В этом отношении все согласны, но есть разногласие: полезно ли и желательно ли теперь же определённо выявить своё отношение к Великому князю и своевременно ли придать гласность целям, преследуемым объединением. Эти вопросы надо обсудить.

Савич читает проект резолюции и докладывает об переговорах по этому поводу с А.В. Карташёвым.

Карташёв признаёт, что, пока участники собрания не имеют формальных полномочий от своих организаций на участие в органе объединения в качестве делегатов, самый этот орган не является полноценной организацией; однако все действуют в сознании, что они предвосхищают то, что неизбежно должно совершиться и получить формальное оправдание при соблюдении известной осторожности. Впрочем, если бы результаты нашей работы разочаровали нас, всё же мы должны помнить, что самый факт объединения есть плюс, так как организованность всегда выше дезорганизации, притом же мы живём в век катастроф и неожиданностей, когда особенно важно иметь организованную общественность на случай неожиданных событий. Наша общественность распалась на два лагеря, одна часть,

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 6.

по существу, встала на путь соглашательства с большевиками, другая, правый лагерь, способна ещё на борьбу. Его и надо объединить. В отношении к Великому князю существует разное понимание момента. Хотя в эмиграции сейчас торжествует точка зрения монархистов, но всё же есть другие взгляды, именно: учитывая то, что в России рядом с монархическим течением наблюдается такое, которое можно считать пока неопределённым, есть люди, которые полагают, что выдвигать публично имя Великого князя сейчас ещё преждевременно и вредно для его собственного престижа, так как это могло бы повести к смешению его имени с именами других претендентов. Поэтому мы должны быть сугубо осторожными, чтоб не навредить ему, если сами провалимся.

Гр. Коковцов высказывает недоумение по поводу ведущихся в течение ряда заседаний прений. Лично он присутствует в силу приглашения принять участие в инициативной группе, собранной по персональному признаку во имя создания какого-либо объединяющего центра. Если это так, то наша задача состоит в выработке основных положений устава и программы будущего объединяющего центра. Этот материал надо передать в организации и узнать, согласны ли они с этим заданием, желают ли они объединения их деятельности путём создания руководящего центра. Не 10–15 человек могут вести борьбу — эта задача едва по плечу всем организациям вместе взятым; соединять надо не нас, здесь присутствующих, а те организации, в состав которых входят участники собрания. Но для того чтобы можно было привлечь организации к делу создания центра, нельзя ограничиваться ничего не говорящей вывеской. Нужна не резолюция, а продуманная программа деятельности. Надо, чтоб организации знали, что будет делать руководящий центр и как он будет действовать. Только тогда они будут иметь возможность сознательно решить вопрос, войдут ли они в центральную организацию или нет. Если значительное число организаций согласятся послать своих делегатов в объединение, тогда есть смысл дальнейшей работы. До тех пор нельзя говорить ни о выборе президиума, ни о какой работе.

Третьяков высказывает сожаление о том, что прения завели нас в дебри, откуда как будто нет выхода. Одни заговорили о съезде, другие о передаче вопроса об образовании органа объединения в организации. И то и другое повело бы к необходимости выработать программы, что мы уже пытались делать, и в результате было бы потеряно много времени. Здесь много антибольшевистских организаций, все они ведут борьбу с большевиками как умеют, своими сред-

ствами, но разрозненными силами. Есть забитый термин: в единении — сила. Все это сознали, и потому естественно явилась мысль об объединении, но осуществить таковое оказалось очень трудным. Ибо мы — русские люди, и нам объединиться трудно. Если это и возможно, то тогда лишь, когда появляется общепризнанный лидер, если хотите — икона или лозунг. Вот у большевиков таким лидером был Ленин, и даже теперь, когда он — полуживой труп, он всё же играет роль объединяющего лозунга. У нас тоже есть лозунг, икона, лидер — называйте как хотите, — который может сыграть роль объединяющего центра. Это Великий князь, личность которого может всех нас объединить. Правда, мы не вносим вопроса о правильном представительстве в орган объединения, но это делается потому, что не хочется раньше времени разглашать о создании органа, предназначенного для борьбы. Мы здесь не случайные люди, а все почти председатели и члены бюро разных группировок. Поэтому мы должны взять на себя серьёзную задачу выяснения целого ряда вопросов, без чего нельзя ни вести борьбы, ни даже приглашать организации к формальному вхождению в центральную организацию. Прежде всего нам надо выяснить, захочет ли наш вождь с нами работать, если мы объединим то или иное число организаций, находящихся во Франции; затем надо прозондировать почву, есть ли возможность достать средства, имеется ли у нас самих надлежащее желание работать и пойдёт ли за нами молодёжь. Вот два месяца мы толчёмся около этих вопросов, и в результате — ничего.

Кн. Трубецкой указывает, что всё время затрагивается два вопроса: первый — о кристаллизации правильно построенного общественного объединяющего центра и другой — организация практической работы. Соединить эти две темы трудно. Нам нужно готовиться к возможным событиям и потому нужно торопиться с организацией общественного центра. Надо помнить, что лицо, вокруг которого объединяется общественная мысль, не решится выступить, пока не выяснится достаточно широкий общественный базис, на который оно может в нужный момент опереться. Поэтому важно скорее создать такую базу, не дожидаясь даже формального подтверждения прав участников соглашения, ибо можно быть уверенным, что протестов ниоткуда не будет. Что касается практической работы, надо начинать с малого, хотя бы организовав на первое время осведомительный аппарат. Самая работа должна вестись возможно скрытным образом и без всяких заранее установленных рамок. Что касается прочитанного проекта резолюции, его принять можно, исключив пункт,

где говорится о соглашении с силами внутри России. Это вызовет лишнюю подозрительность со стороны Советов и лишний террор.

Ген. Миллер соглашается с кн. Трубецким о нежелательности упоминания о силах внутри России, так как люди там очень осторожны и такая фраза может вызвать с их стороны недоверие к нам; именно люди, с которыми надо установить связь, упрекнут нас, что мы их можем подвести.

Крупенский возражает против проекта декларации, которая не даст ничего организациям и не подвинет к объединению. Не только русские, а все люди вообще легче всего объединяются под лидерством общепризнанного вождя, поэтому и у нас получится реальный результат, когда движение возглавит Великий князь. Для работы прежде всего нужны деньги, а их нам никто не даст до тех пор, пока во главе объединённой общественности не встанет Великий князь. Монархические организации не войдут в орган объединения без того, чтобы последний не выявил своего отношения к Великому князю.

Гурко указывает, что прения заблудились в трёх соснах, именно одновременно спорят об отношении к Великому князю, о начале работы и об организации органа объединения. Одни считали, что главное — это создать объединяющий орган из делегатов от возможно большего числа организаций. Другие полагали, что задача сформирования такого органа не должна задерживать организации органов практической работы. Правильного органа объединения нельзя достичь без созыва съезда, что потребует много времени. А между тем положение трудное, и представители армии могут засвидетельствовать, как надо спешить с работой. Относительно органа объединения надо исключить слово «конспиративная работа», ибо всякое запрещённое законом действие несвойственно такой организации. Но есть много дел легально разрешаемых по закону, но о которых надо помалкивать. Увлекаться привлечением новых членов и организаций не следует, так как главнейшие организации имеют своих представителей, а всякое новое лицо начинает разговоры сначала. Поэтому надо закончить то, что мы начали в меньшем составе, а потом уже привлекать новые элементы. Декларация в том виде, как она внесена, никому не нужна.

Трепов, Третьяков, Крупенский и **некоторые другие** хотят выяснить отношение органа объединения к Великому князю. Декларация не даёт ответа на этот вопрос. Поэтому они считают, что декларацию надо отбросить и просто объяснить Великому князю поло-

жение вещей, отношение к нему. Но сделать это надо негласно. Затем надо решить основной вопрос: следует ли немедленно начать практическую работу или отложить её до окончательного сформирования объединения.

Фёдоров согласен с гр. Коковцовым, что надо объединить организации путём создания центра, составленного из уполномоченных представителей, для чего нам нужно закончить возможно скорее подготовительную работу и передать её в организации, то есть выработать устав объединяющего органа и подготовить программу съезда. Но этого мало. Мы здесь все ответственные работники разных организаций, и, подготовляя съезд и его программу, нам надо подготовить организацию для реальной работы против большевиков, которую, до сформирования центрального органа, может вести наша инициативная группа.

Шебеко спрашивает, что понимает М.М. Фёдоров под именем реальной работы.

Фёдоров поясняет, что прежде всего надо выработать устав объединяющего органа, а также установить схему работ съезда. Но рядом с этим группа может выступать активно по отдельным вопросам и вести фактическую работу хотя бы в одной отрасли, например в деле осведомления о том, что делается и что думают в России. Что касается выявления нашего отношения к Великому князю, надо помнить, что пока сам Великий князь не хочет, чтобы его имя открыто связывали с какой-либо организацией.

Тесленко из слов гр. Коковцова понял, что за $1^1/_2$ месяца его отсутствия произошло изменение в тех заданиях, которые ставят себе собравшиеся. Раньше твёрдо знали, что участники являются частными лицами, никем не уполномоченными, что их задача — это подготовка объединения и что всё должно вестись в полной тайне. Между тем пока никакого объединения достигнуть не удалось, но вызвали большое раздражение. Наша задача — подготовить проект устава объединённого органа и обсудить возможные методы борьбы с большевиками. После этого нам надо закрыться и идти с этим материалом в свои организации. От этой задачи мы отошли. Что касается резолюции, её смысл в последних трёх строках, которые явились, вероятно, попыткой примирить две непримиримые точки зрения на момент открытого выступления Великого князя. Такой компромисс в этом серьёзном вопросе недопустим. Поэтому эта резолюция не нужна. В заключение надо добавить, что наша группа сошла с намеченного пути и не удержалась.

Карташёв не согласен с Тесленко и Гурко о ненужности резолюции. Всякая политическая деятельность сопряжена с риском, поэтому и наша ставка на Великого князя есть риск. Но, идя на него, мы должны отдать себе отчёт, идём мы на него или нет. Резолюция есть скромный шаг, выясняющий нашу ставку, и, как всякий шаг вперёд, он закрепляет направление, раз избранное. Резолюция морально нас связывает. Это признак нашей консолидации.

Шебеко относится к резолюции отрицательно, так как это есть попытка выхода из трудного положения, недостаточно определённая и потому недостаточно лояльная. Поэтому выходом из положения, ему кажется, было бы занесение в журнал отношения собравшихся к Великому князю. Что касается упрёка Тесленко, будто мы отошли от избранного пути, он возражает, указывая, что путь прежний, но идём мы очень медленно.

Кн. Оболенский указывает, что прежде признавалось бесспорным невозможность объединить на программе людей разных партий. По существу, нас объединяет одно — стремление свергнуть большевиков, но это не ново, и до сих пор это объединить разные организации не могло. В России большевиков объединяет наличие хотя и порочных, но очень сильных личностей. Нам, чтоб объединиться, тоже нужно иметь моральную икону, как здесь говорилось, таковая у нас есть в лице Великого князя. Это надо признать и сказать ему об этом, и это ему нисколько не может повредить или его скомпрометировать. Монархисты вовсе не стоят за то, чтоб это было выявлено в каких-либо чеканных формах. Монархисты только хотят знать, с кем им приходится работать и какова та сила, которая свалит большевиков. Сами они сдали все свои программные позиции, но они убеждены, что только моральная сила может победить большевиков и эта сила есть Великий князь.

Фёдоров указывает, что всё же существуют две основные точки зрения на нашу задачу. Одни находят, что она исчерпывается подготовкой материала для образования органа объединения и передачей этого материала в разные организации. Другие считают, что надо приступить к немедленной работе.

Гр. Коковцов указывает, что он всё время не может понять, что хотят сказать те, которые настаивают на выражении «нужно начать работу». Если подразумевается подготовка съезда, то это могут делать уполномоченные представители организаций, а не инициативная группа. Последняя может только выработать общие положения об организации органа объединения и задач, на него возлагаемых, и пере-

дать всё в организации. Самый проект устава детально будет разработан в объединённом органе, когда таковой создастся. Что касается непосредственной борьбы с большевиками, то пока каждая организация её ведёт своими средствами. Банковский комитет, председателем которого он состоит, тоже ведёт эту борьбу, и как раз в настоящий момент он будет выступать по двум крупным вопросам. Что же касается возможности вести такую работу в инициативной группе, он должен довести до сведения собрания, что лицо, не принадлежащее к нашему составу, очень подробно осведомлено о здесь происходящем.

Фёдоров считает, что надо спешить с созывом съезда, для чего надо срочно подготовить его программу, способы комплектования, провести всё это через организации и добыть необходимые деньги.

Ген. Миллер сообщает, что ген. Врангель считает, что вся политическая работа должна сосредоточиться в руках политического органа объединения под руководством Великого князя. Что Великий князь является той моральной силой, которая единственно может быть противопоставлена аморальной силе большевизма, в этом уверена вся армия. Поэтому заявление о подчинении Великому князю армии вызвало у последней вздох облегчения. Эту надежду нельзя колебать, единение органа общественного объединения с Великим князем нужно прежде всего для самой армии, которая не может подчиняться политической коллегии, а только вождю в лице Николая Николаевича. Если такого единения не будет установлено, вероятно, Великий князь останется только зрителем, и создастся трудное положение и для армии, и для возможности работы, которая требует единого руководства. На основании сведений, полученных из России, он утверждает, что этот взгляд, безусловно, правильный, что Великий князь есть единственное лицо, приемлемое в России.

Карташёв отмечает неправильное понимание момента в речах кн. Оболенского и ген. Миллера. Ясно, что без Великого князя мы ничего достичь не сможем, но из этого не следует, что для успеха нужно только имя Великого князя, и больше ничего, как то думают монархисты. Ясно, что всякий относящийся отрицательно к мысли о том, что рано или поздно Великий князь встанет во главе движения, не может оставаться в организации. Но мы считаем, что для блага дела нужно соединение надлежаще разработанной программы с именем Великого князя, что нужно соединение материи с моральным влиянием.

Гурко присоединяется к словам Карташёва. Наша организация, как общественная, должна ставить своей задачей идеологию, ибо давно известно, что идеи управляют миром. Ошибка монархистов в том, что они хотят в момент объединения разных политических групп подчинить их все себе, своей психологии. Полезно и действенно объединение может быть только при условии добровольного соединения большого числа самых разнообразных по составу группировок, однако пока фланги этому мешают. В отношении Великого князя нам нужно ему открыто сказать, что мы видим в нём руководителя. Относительно организации борьбы с большевиками никаких полномочий ждать от организаций не следует, для действия они не нужны.

Кн. Трубецкой присоединяется к словам Гурко и предлагает просить председателя поехать к Великому князю и доложить ему, что в нём видят своего руководителя; это есть акт лояльности, который нужно сделать.

Фёдоров поддерживает мысль гр. Коковцова и Тесленко о том, что прежде всего нужно добиться организации правильно сконструированного органа из делегатов организаций. Великому князю надо через председателя доложить истинное положение вещей.

Собрание постановило отклонить внесённый проект резолюции.

Приложение

[ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ]

Настоящее собрание лиц, принадлежащих к различным политическим и профессиональным группировкам, имеет целью создание такого центрального общественного органа, который должен согласовать и объединить общие усилия всех антибольшевистских, национально мыслящих организаций и группировок для наиболее успешной борьбы против властей III Интернационала в целях освобождения России и создания условий для образования законной русской власти.

Для достижения этих целей собрание ставит своей задачей свержение большевистской власти и достижение соглашения между национально мыслящими организациями эмиграции и действенными национальными силами в России для создания власти переходного времени в период между свержением большевиков и установлением постоянной формы правления.

[ЗАПИСКА ГЕН.-ЛЕЙТ. МИЛЛЕРА]

В дополнение к сказанному мною на заседании 29 сентября прошу приобщить к протоколу нижеследующее.

1. Все наши желания и помыслы направлены к скорейшему свержению Советской власти, а не только к противодействию усиления положения Советского правительства, а тем более не к созерцательному ожиданию естественного её конца.

2. Цель эта может быть достигнута скорее при содействии зарубежных русских сил; по мнению же многих голосов из России, без этого содействия она вообще не будет достигнута.

3. Способы содействия разнообразны, но все они включают в себя борьбу с Советской властью в самых разнообразных областях.

4. Всякая борьба сулит наибольший успех при сосредоточении всех усилий под единым руководством; при отсутствии такого одного авторитетного для всех лица, то есть при возложении руководства борьбой на коллектив, на коалиционное учреждение, таковое станет совершенно недейственным; этому учит история — гоф-Кригсрат*, и к тому же заключению должны привести и наблюдения над заседаниями нашего совещания.

5. Лицом, совмещающим в себе наиболее данных: а) для руководства борьбой и объединения усилий зарубежных сил, б) для согласования этих усилий с той работой, которая с тою же целью ведётся в России, и для связи с теми кругами населения, которые в самой России могут быть привлечены к активной деятельности для свержения Советской власти, и в) для принятия на себя и успешного завершения дела восстановления в России законности и порядка после свержения Советской власти — является, по мнению Главнокомандующего ген. Врангеля и разделяемого всей армией, Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич.

Присутствие на этом совещании глав политических и общественных организаций и посещение ими Великого князя дают основание полагать, что и все члены совещания разделяют это мнение.

6. Великий князь поставил одним из условий своего участия в этой работе выявление ему доверия со стороны тех политических

* *Гофкригсрат (Hofkriegsrat)* — высший придворный военный совет Австрии до 1848 г. Здесь, вероятно, идёт речь о деятельности совета во время Итальянского похода А.В. Суворова (1799): коллегиальное управление армией связывало полководца, а решения совета приводили его порой в негодование.

и общественных организаций и групп, которые Его зовут на эту ответственную работу.

7. Первой задачей данного совещания поэтому является выражение лично Великому князю этого доверия в такой форме, которая бы Его удовлетворила, и тем порядком — гласным, негласным, конфиденциальным или секретным, — который, будучи наиболее желательным для членов совещания, будет признан и Великим князем соответствующим.

Всякие иные заявления Великому князю явятся бесцельными, ибо они ни на шаг не подвинут разрешения единственного вопроса, ради которого мы собираемся, — объединение усилий всех активно борющихся для свержения Советской власти под руководством единого лица.

Генерал-лейтенант Миллер

IV
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

6 октября 1923 г.

Присутствуют: Шебеко, гр. Коковцов, Трепов, Крупенский, ген. Миллер, кн. Трубецкой, Гурко, Третьяков, Фёдоров, Савич

Председательствует: Н.Н. Шебеко

Оглашается письмо Н.В. Тесленко об отказе от участия в группе.

Читается журнал предыдущего заседания.

Ген. Миллер просит приложить к этому журналу письменное изложение взглядов армии на роль объединения и отношение последнего к Великому князю в дополнение к тем его разъяснениям, кои изложены в журнале.

В.И. Гурко высказывает мысль, что вести подробные журналы не следует. Мы всё ещё инициативная группа, наши переговоры имеют лишь теоретический характер, по крайней мере до сих пор, а между тем, если журнал попадёт когда-либо в чужие руки, он даст пищу врагам.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7.

Кн. Трубецкой заявляет, что в прошлом заседании он высказывал мысль, что надо чрез председателя передать Великому князю, что мы, инициативная группа, сорганизовались с целью объединения борьбы против советской власти ради спасения России, и каждый из нас видит в нём, Великом князе, нашего руководителя и вождя. Тогда эта мысль не встретила возражений, но, по-видимому, не была приведена в исполнение. Поэтому он полагает, что к ней надо вернуться, обсудить этот вопрос и принять по его поводу какое-либо решение.

Шебеко оспаривает мнение Гурко о ненужности протоколов. Он не боится того, что протоколы попадут в руки большевиков. Но так как мы собираемся раз в неделю, причём не всегда все могут участвовать, то очень полезно всякий раз при начале заседания возобновить в памяти прения и выводы, которые имели место в предыдущем заседании.

А.Ф. Трепов поддерживает мнение Шебеко, считая, что протоколы необходимы. Мы здесь — представители разных партий и группировок, в собрании может быть принято большинством мнение, которое не соответствует мнению того или иного сочлена. В таких случаях очень важно, чтобы мысли, высказанные этим сочленом, нашли отражение в журнале, хотя бы для того, чтоб их потом можно было всегда воспроизвести при объяснении в своих организациях.

Гр. Коковцов присоединяется к мнению о желательности составлять протоколы. Никто не может предвидеть, как пойдут в будущем наши заседания, каков будет их результат, поэтому лучше, чтобы прения и высказанные каждым участником мысли нашли отражение в записях журнала. Он не боится даже, что сведения, помещаемые в журналы, станут достоянием большевиков. Пока что наши прения столь академичны, что они не представляют ни большой опасности, ни большого интереса для большевиков. Но всё же есть другая опасность, которую, вероятно, имел в виду Гурко, именно: очень опасно, чтобы наши разговоры не стали достоянием тех, коих здесь называли пробольшевиками. Они враги тому делу, ради которого мы собрались, и могут вынести наружу, в печать, наши надежды на возможность видеть во главе освободительного движения Великого князя и преждевременными разоблачениями скомпрометировать всё дело. Поэтому он вносит предложение: продолжать составление протоколов, которые, после их прочтения и утверждения, могут быть передаваемы ему в запечатанном конверте, и он их будет хранить в безопасном месте.

Собрание постановило принять предложение, внесённое гр. Коковцовым.

Н.Н. Шебеко разъясняет, что предложение кн. Трубецкого не было поставлено на голосование в прошлом заседании. Сверх того, тогда были высказаны мысли, что пока мы только инициативная группа и потому не можем делать определённых выступлений. Со своей стороны он тоже полагает, что Великому князю важно знать отношение организаций, а не отдельных личностей, хотя бы стоящих во главе организаций. Притом же он фактически не мог бы выполнить подобного поручения, так как от бар. Сталя он знает, что в настоящий момент незаконченных переговоров об объединении Великий князь, не желая делать какого-либо давления, избегает принимать лиц, принимающих участие в этих переговорах.

С.Н. Третьяков делает заявление, что он несколько раз и подробно излагал свою точку зрения на нашу организацию и её задачи. Он подчёркивал при этом, что не является представителем целой организации, а действует самолично, будучи притом в полном контакте с пятью-шестью лицами, которые, впрочем, являются наиболее влиятельными в их организации. Они с ним единомышленники, и он их осведомлял о всех фазисах дела. Теперь он опять вынужден был поделиться с ними тем, что происходило на последних заседаниях, и они все сообща пришли к заключению, что хотя мы никуда не двигаемся, а топчемся на одном месте, но всё же, по-видимому, сошли с той первоначальной позиции, которая имелась в виду при начале переговоров. Исчез прежний смысл, который придавался организации. Поэтому мы решили, что надо передать вопрос, как он теперь вырисовывается, на обсуждение представителей нашей организации, которые съедутся в конце октября. Тогда придётся проверить точку зрения если не всех съехавшихся, то хотя бы наиболее видных и влиятельных членов организаций. Пока это не выяснится, мы полагаем, что дальнейшее моё участие в заседаниях группы излишне. Раньше я неоднократно высказывал, что мы являемся группой лиц, собравшихся хотя по персональному признаку, но являющихся влиятельными деятелями наших организаций. Наше собрание, наша группа должна была оставаться возможно более конспиративной, которая должна работать на свержение большевиков, признавая своим Верховным Вождём Великого князя. Задача наша состояла в том, чтоб выяснить определённо, желает ли Великий князь, со своей стороны, работать с нами или нет. Затем нам нужно выяснить вопрос, можно ли вообще достать для политической борьбы деньги, ибо если выяснится, что нельзя, то и начинать ничего нельзя. Словом, прежде всего в нашей собственной среде надо разработать ряд вопросов, чтобы окончательно выяс-

нить, можно ли нам вообще вести борьбу. Что касается вопросов о съезде и о передаче этого вопроса на обсуждение организаций, то эту часть можно обсуждать и проводить параллельно с основной целью.

Трепов полагает, что если заявление кн. Трубецкого не было принято в прошлом заседании, то следует немедленно его обсудить. Мы все собрались, воодушевлённые одной идеей: сосредоточить все силы для свержения большевиков и объединить все группы, которые признают, что Великий князь должен руководить этой борьбой. Таким образом, первая задача — это выяснить, действительно ли мы все признаём это, то есть главенство и руководство Великого князя в деле борьбы с большевизмом. Если этого вопроса нельзя решить в благоприятную сторону, то придётся признать, что никакого объединения достичь невозможно. Входя в объединение, участники должны знать, что всех их объединяет общая идея борьбы с большевиками под главенством общего вождя; надо, чтоб с этим можно было идти в организации, это есть основной вопрос объединения, и, если он не решается благоприятно, если будет продолжаться со стороны Национального Комитета, в лице Фёдорова, стремление, не совпадающее с идеей национального общего органа, надо признать, что мы разделены по основному вопросу.

Гр. Коковцов говорит, что на него заявление С.Н. Третьякова сделало очень сильное впечатление. Для него ясно, что это есть открытый разрыв, и невольно у него зарождается сомнение, не были ли причиной такого решения те заявления и мысли, которые он делал на предыдущих заседаниях. Это тем более кажется ему правдоподобным, что он начал принимать участие лишь с заседания 15 сентября. К этому моменту, как ему казалось, сговор был достигнут хотя бы в главных вопросах. Но вот один из участников, Тесленко, пишет, что ему здесь больше нечего делать. Теперь и Сергей Николаевич не видит пользы от своего участия в заседаниях группы до тех пор, пока он не переговорит с съезжающимися представителями своей организации. По существу, это есть взрыв всего начинания, и он боится, не явилось ли это последствием его заявлений, продиктованных большой его осторожностью. Он знает, что Великий князь готов посвятить свои силы освобождению России и выступить, когда почва будет достаточно подготовлена, но до этого момента он хотел бы, чтоб русская общественность объединилась для совместной с ним работы. Гр. Коковцов, конечно, никогда не уклонялся от совместной работы с Великим князем, он также готов всячески содействовать объединению общественных сил, и потому, если его предложения

вызывают трения, он от них отказывается. Он их сделал потому, что считает, что наиболее важно участие в работе именно организаций, а не только отдельных лиц. После того как отпали правые кадеты, а теперь уходит такая мощная и многочисленная организация, как Торгово-Промышленный Союз, нам придётся просто разойтись, признав, что дело объединения на этот раз погибло.

Кн. Трубецкой заявляет, что и его очень смутило заявление С.Н. Третьякова, но он считает, что собрание не могло сойти с ранее избранного пути уже потому, что оно вообще ещё ни на какой определённый путь не встало. Я сделал своё предложение, именно чтоб закрепить первый шаг, который, казалось, собрание готово было сделать. Это было бы первое достижение, первый шаг. По существу, это было бы лишь сообщением Великому князю того, что все здесь присутствующие думают. Никто не знает, как пойдут последующие события, может быть, мы их не дождёмся, но возможно, что они произойдут гораздо скорее, чем обыкновенно думают. Нужно быть к этому готовым. Не важно, кто будут те люди, которые воплотят тогда национальное движение, гораздо важнее те течения идей, которые эти люди представляют. Надо, чтоб в решительный момент национальное движение было представлено возможно широким политическим фронтом, иначе оно станет однобоким, партийным, а это вредно делу возрождения Родины. Поэтому важно, чтоб уже сейчас мы все признали, что нас объединяет идея борьбы с большевиками под руководством нашего Национального Вождя. Признав это и сообщив об этом Великому князю, мы можем сказать, что сделали первый шаг в национальном объединении.

М.М. Фёдоров возражает против приписываемого ему со стороны Трепова стремления идти вне общего национального фронта. Задача Национального Комитета всегда состояла в том, чтобы объединить в единый фронт, в одну союзную организацию возможно большее число всевозможных антибольшевистских организаций. При беседах с Великим князем мы неоднократно слышали, что он отлично понимает всё громадное значение такого единого широкого фронта. Вместе с тем Его Высочеству было выяснено, что некоторые организации имеют свои особенности, что они не могут сейчас выявлять свои намерения и отношения к нему так, как это сделали монархисты. Сам Великий князь сказал, что он считает возможным открыто выступить и возглавить освободительное движение лишь тогда, когда получит точные сведения о том, что в России его хотят и ждут. Это совпадает с тем пониманием вопроса, которое существует среди нашей организации. Мы, члены Национального Комитета, отлично сознаём, что для успеха

дела освобождения Великий князь может сыграть громадную роль. Это одна из важнейших сил, но выступить он должен тогда, когда почва будет подготовлена, когда будет уверенность, что победа его обеспечена. Только тогда можем мы выявить открыто, что он — Вождь национального движения. Всякая попытка толкнуть его на такой шаг до момента, когда шансы успеха ещё не выяснились, была бы авантюрой. И нам, и Великому князю нужна победа, а не риск. У нас есть полная готовность работать с Великим князем, наши представители были у него и ему это выяснили. Но громко это говорить, особенно среди разносоставных организаций, мы считаем пока несвоевременным. Придёт время, когда это будет сделано безболезненно и безвредно для дела. Вот эту точку зрения мы считаем нужным выяснить, мы согласны сказать ещё раз Великому князю, что готовы идти с ним, работать с ним, но открытое публичное выявление этого должно быть подчинено указанному ранее обстоятельству. Сейчас же мы находим необходимым ускорить процесс выяснения обстоятельств, при которых возможно начать работу. Надо обсудить, можно ли нам рассчитывать на получение денег и возможно ли объединить разрозненные доселе усилия разных организаций в деле борьбы. Если для последнего нужно согласие организаций, надо добиться этого возможно скорее, но при этом в организациях невозможно поднимать вопрос об отношении к Великому князю. Против принятия предложения кн. Трубецкого я не возражаю, но считаю, что пока это не следует делать предметом гласности. Однако заявление С.Н. Третьякова наносит непоправимый удар делу объединения и борьбы с большевиками. Предложение гр. Коковцова не губило окончательно всего дела, оно вносило только известную отсрочку, тогда как выход одной из крупнейших организаций губит его. Если можно начать определённую работу без внесения всего вопроса в организации, я это принимаю и готов принять участие.

Третьяков возражает гр. Коковцову, указывая, что его намерение выйти из группы обусловливается не заявлениями, сделанными графом в предыдущих заседаниях. Есть две точки зрения на наши задачи. Одни считают, что для существования организации нужно, чтобы её участники имели мандаты от своих организаций. По-видимому, эта точка зрения разделяется многими. Если это так, то надо идти в свои организации за мандатами, и здесь нам делать нечего. Но ведь в организациях начнутся бесконечные разговоры, начнут допрашивать о роли Великого князя, об отношении к нему и т.д. Словом, всё будет вынесено наружу. Я всегда стоял на другой точке зрения. Для дела мандаты не нужны. Мало того, как только почувствуют, что

работа началась и есть надежда на успех, отношение многих сразу переменится. Тогда, конечно, придётся внести вопрос в организации, но ведь тогда ему будет обеспечен благоприятный приём. До тех пор надо вести подготовительную работу келейно, сама группа должна оставаться конспиративной. Так предполагалось делать при начале образования группы, и если мы остаёмся на этой позиции, то тогда я не буду иметь оснований выйти из состава группы.

Гр. Коковцов предполагает, что после последних слов С.Н. Третьякова выяснилось, что причиной желания уйти из группы были внесённые им предложения о передаче всего дела по организации органа объединения в организации. Причиной такого предложения было не желание затянуть дело, а его чрезвычайная добросовестность и щепетильность по отношению к юридической стороне вопроса. Но если по ходу дела выясняется, что к этой стороне вопроса надо относиться менее требовательно, если сейчас основной вопрос ещё нельзя вносить в наши организации, по составу очень разношёрстные, то он снимает свои ранее внесённые предложения. К резолюции он сам отнёсся отрицательно. Что касается конспиративной работы, он указал то, что нам несвойственно и чем заниматься мы не должны, а также высказал, как трудно держать всё происходящее в строгом секрете. Примером может служить то, что Ефимовскому известно, что происходило на нашем первом заседании. Сейчас, очевидно, вносить в организации вопрос о создании объединённого органа ещё нельзя и потому надо отложить это до момента, когда каждый из участников найдёт способ получить от своей организации официальный мандат. Пока же можно ограничиться принятием заявления кн. Трубецкого довести о происходящем до сведения Великого князя, объяснить ему положение и ждать, когда каждый из участников постарается привести свои организации к формальному объединению.

Н.Н. Шебеко сообщает, что, входя в состав Национального Комитета и участвуя во всех первоначальных переговорах об организации объединённого органа, он был свидетелем того, что Третьяков и Фёдоров больше всех вложили труда в это деликатное дело. Поэтому уход кого-либо из них из нашей среды нанёс бы смертельный удар делу объединения. В заключение он предлагает пробаллотировать предложение кн. Трубецкого.

С.Н. Третьяков говорит, что все мы были у Великого князя и все сделали уже ему аналогичные заявления. Но если присутствующие считают нужным, чтоб это же повторить от группы, то он не возражает. Но его смущает другое. Именно он совершенно не уверен

в том, как отнесётся сам Великий князь к нашей группе, захочет ли он с ней иметь дело. Это вопрос первостатейной важности, без этого ничего сделать нельзя. Поэтому он предлагает, чтоб председатель поехал к Великому князю, доложил бы последнему принятое нами предложение кн. Трубецкого, объяснил бы, почему сейчас нельзя вносить вопрос в организацию, и выяснил бы с точностью, каково отношение Великого князя к нашей группе.

Гр. Коковцов особенно подчёркивает важность того, чтоб при докладе было возможно яснее выяснено, почему участники инициативной группы не считают возможным внесение в организации вопроса об образовании органа путём представительства делегатов от организаций.

Собрание принимает единогласно следующее постановление.

«Группа поручает председателю доложить Великому князю, что её участники объединились ради борьбы за освобождение России от большевистской власти и считают, что эта борьба должна вестись под руководством и водительством Великого князя, в котором они видят Вождя национального движения. При этом докладе председатель должен подробно выяснить Великому князю, почему участники инициативной группы не считают возможным внести в настоящий момент вопрос об оформлении объединения на рассмотрение соответствующих организаций».

В.И. Гурко говорит, что заявление мы приняли, председатель доложит о нём Великому князю, но на этом нельзя успокаиваться. Для него важнее всего, чтобы организация наконец приступила к какому-нибудь реальному делу, — в этом её главная задача. И пора подумать, что мы можем делать и с чего следует начать. Сейчас ведут борьбу разрозненными силами многие организации, но, по существу, это есть пассивная оборона, стараются мешать большевикам улучшить своё международное положение, препятствуют им укреплять свою власть. Но до сих пор никто не ведёт активной борьбы. А между тем успех в борьбе может быть только тогда, когда борьба ведётся активно, наступление одно даёт победу. Без активности не стоит предпринимать борьбы. Здесь уже намечалась одна из сторон нашей возможной деятельности — это организация осведомительной службы. Но это не есть ещё активный способ борьбы. Разведка необходима как подсобная, предшествующая активной борьбе стадия работы. Но продуктивным может быть только наступление, каковым является организация широко поставленной пропаганды наших идей и идеалов здесь и в самой России. Конечно, для этого нужны деньги, и начало нашей работы

должно состоять в заботах уладить финансовый вопрос. И вот здесь я не согласен с осторожным отношением к вопросу, проявляемым гр. Коковцовым. Мы не можем соразмерять задач, которые мы себе ставим, с теми финансовыми средствами, коими обладаем. Ибо сейчас у нас нет никаких средств, и, следовательно, пришлось бы признать, что у нас нет ни малейшей возможности для действий. Как пример того, что средства появляются и растут параллельно с развитием деятельности, я приведу Добровольческую армию. Вначале у ген. Алексеева и ген. Корнилова не было никаких средств, но они начали движение, которое разрослось. Правда, оно окончилось неудачей, но оно охватило значительную часть России и имело громадное значение на развитие событий. Исходя из этих соображений, я предлагаю в следующем заседании обсудить всесторонне финансовый вопрос. Надо обсудить, как можно добыть средства для работы. Но сверх того, надо нам окончательно сконструироваться, выбрать президиум и начать существовать как организация. Насколько важно немедленно приступить к активной борьбе, видно хотя бы на примере Женевской конференции*, где серьёзно дебатируется вопрос о том, что единственно радикальным решением беженского вопроса была бы репатриация. При этом Гурко читает документ, иллюстрирующий этот факт.

Савич считает, что, сверх указанных В.И. Гурко вопросов, на повестку следующего заседания надо поставить вопрос об обращении к организациям с предложением избрать делегатов для подготовки вопроса о созыве съезда. Таким образом создастся коллегия из представителей разных организаций хотя и по специальному вопросу, но являющаяся эмбрионом какого-то общественного органа объединения.

А.Ф. Трепов указывает, что монархисты ставят превыше всего спасение Родины. Ради достижения этого идеала они уже отложили все свои программные требования, лишь бы достичь объединения национально мыслящих сил. Это признак миролюбия и готовности к соглашениям, и эту черту следует отметить. Лица и организации, с которыми приходится совместно работать, должны это учесть и понять, что с нашей стороны нет ни желания толкнуть Великого князя на авантюру, ни каких-либо попыток производить на других давление или насилие.

---

* На Женевских конференциях по вопросу о русских беженцах (1-я состоялась 22–25 августа, 2-я — 21–23 сентября 1921 г.) рассматривалось общее состояние вопроса, финансовая сторона проблемы, юридический статус беженцев и возможная координация их юридического положения в разных странах, организация труда эмигрантов, защита женщин и детей и т.д. На 2-й конференции решался вопрос о беженских паспортах (так называемые «нансеновские паспорта»); тогда же некоторыми государствами было выдвинуто предложение о депортации беженцев. Югославия, Чехословакия и Польша выступили против такого предложения.

Фёдоров поясняет, что если он упомянул слово «авантюра», то хотел этим сказать, что всякое неподготовленное, непродуманное и потому преждевременное выступление принесёт не победу, а неудачу.

Шебеко резюмирует результаты сегодняшнего заседания, которые сводятся, с одной стороны, к поручению поехать к Великому князю, доложить последнему принятую формулу, внесённую кн. Трубецким, выяснить Великому князю положение вещей и причины, побуждающие пока действовать самостоятельно от организаций, и узнать взгляды Великого князя. Сверх того, предположено приступить в следующем заседании к выбору президиума группы и к обсуждению финансового вопроса. При этом Шебеко удостоверяет, что внесение щекотливых вопросов в большие и разносоставные организации является трудным и опасным. Притом же участие в общей работе президиумов этих организаций делает такое внесение не особенно настоятельным.

V
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

13 октября 1923 г.

Присутствуют: Шебеко, Трепов, Третьяков, Фёдоров,
кн. Трубецкой, Гурко, Савич
Председательствует: Шебеко

Читается и утверждается журнал предыдущего заседания.

Н.Н. Шебеко докладывает, что в четверг он был у Великого князя и передал ему текст принятого в прошлом заседании постановления, а также осветил положение вопроса об образовании организации. Он сообщил, что существовали две точки зрения на порядок оформления организации. Одна, поддержанная в особенности гр. Коковцовым, состояла в том, что для организации центрального органа нужно, чтоб участники его получили официальное полномочие от своих организаций. Это повело бы к потере времени и к приостановке работы по сфор-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1–7 об.

мированию органа, само обсуждение вопроса в организациях неизбежно связано с преждевременной оглаской и для некоторых организаций являлось весьма затруднительно. Другие считали, что пока достаточно соглашения главнейших деятелей разных организаций об организации совместной работы. После заявления С.Н. Третьякова стало ясно, что первая точка зрения сейчас встречает <...>* затруднения, в некоторых организациях <...>* было решено вернуться к первоначальному предположению образовать объединяющий орган из председателей и некоторых членов президиумов разных организаций. Вместе с тем он попытался выяснить взгляд Великого князя и его отношение к создавшейся группировке. Ясно было, что Великий князь уже несколько осведомлён о том, что здесь происходило. Он отнёсся чрезвычайно сочувственно к достигнутому факту и приветствует создание объединяющего центра. Вместе с тем он определённо заявил, что готов всемерно помочь в работе новой организации, будет поддерживать с ней и её участниками полнейший контакт, но считает, что факт сотрудничества не должен подлежать оглашению. Он по-прежнему оставляет за собой выбор момента, когда он сочтёт возможным явное своё выступление. Шебеко сказал, что эта точка зрения разделяется многими участниками группы, однако по ходу работы, несомненно, могут представиться случаи, когда надо иметь право пользоваться его именем, ссылаться на него как на вождя и общий авторитет. Великий князь ответил, что сознаёт неизбежность такого положения вещей в некоторых случаях <...>* считает возможным в таких случаях на него ссылаться. Это облегчится ещё <...>*, что он будет с группой в постоянном контакте, что всегда в нужную минуту можно будет обменяться мнениями. При этом он прибавил, что пока у него есть хоть атом надежды, что он может принести пользу делу, он останется здесь, под Парижем. Своё гласное выступление он ставит в связь с получением осведомления о том, как относится к нему Россия.

Трепов подчёркивает, что из доклада вытекает, что Великий князь, не желая предавать гласности факт своего отношения к объединяющему органу, выразил согласие на установление полного взаимодействия и общения с ним.

Фёдоров приветствует принятое Великим князем определение взаимоотношений с органом объединения и присоединяется к формулировке, данной ей А.Ф. Треповым.

С.Н. Третьяков говорит, что согласие Великого князя работать с нами возлагает на нас моральную обязанность хранить в тайне

---

* В этом месте документ повреждён.

всё, что здесь будет делаться и говориться. Он напоминает это потому, что к нему пришёл Бурышкин и заявил, что он беседовал с ген. Миллером, который сказал будто бы, что Третьяков поднял над Торгово-Промышленным Союзом монархический флаг.

Ген. Миллер отрицает факт разговора с Бурышкиным, утверждая, что видел его в последний раз три года назад.

Трепов полагает, что каждый из нас может быть постоянно предметом подобной провокации и что нам надо условиться о том, что можно сообщать на неизбежные расспросы и что должно оставаться в своей среде. Всё равно нас будут допрашивать в наших организациях, и нам нужно что-то им сказать, например хотя бы о той формуле, к которой мы пришли, что мы сговорились действовать впредь сообща против большевиков и что Великий князь относится благожелательно к этой работе.

Гурко полагает, что нет возможности скрыть факт существования объединяющего органа. Около этого вопроса создалось много шума, и, если мы будем существовать как организация, нет возможности предупредить всякого рода попытки узнать, что мы делаем, и пресечь распускаемые слухи. Поэтому, чтоб законспирировать и самую организацию, и её работу, он считает необходимым так её организовать, чтоб она имела, так сказать, два дна. Мы с места заявили, что мы только инициативная группа по объединению, что в нашу задачу входит подготовка созыва съезда. Поэтому нет никаких препятствий к тому, чтоб признать себя открыто организацией по подготовке съезда, обратиться с этим вопросом к организациям и начать работу в этой области совершенно открыто. Внимание общественности будет обращено в эту сторону, и мы будем в состоянии под этим флагом вести другую, скрытую работу.

Третьяков соглашается с предложением Гурко. Невозможно совершенно скрыть то, что мы собираемся и что-то делаем, тем более что кое с кем приходится вести переговоры. Поэтому надо дать возможность общественному вниманию сосредоточиться на идее съезда, отвлечь его в эту сторону. Для этого он может обратиться к организациям с просьбой поторопиться с отзывом на проект программы, выработанной в клубной комиссии, а затем надо будет просить организации избрать и делегировать представителей для решения подготовительных по съезду вопросов. Относительно Бурышкина и вообще подобных инцидентов надо принять за правило передавать друг другу все такие случаи, но ни в какие объяснения с людьми подобного рода не вступать.

Фёдоров считает, что необходимо работать в полном единении с Великим князем, но вся эта часть нашей работы, ради которой мы, в сущности, и собрались, должна остаться секретной, другую работу по сговору между организациями о созыве съезда нет нужды держать в тайне. Напротив, мы должны сообщить в организациях, что переговоры продолжаются. При этом возможно поручить клубной организации закончить обсуждение программы. После этого надо будет просить организации обсудить вопрос, желают ли они участвовать в подготовке съезда, и если да, то прислать своих делегатов для участия в работах по подготовке съезда. Это будет внешним фасадом нашей организации.

Савич говорит, что соображение о необходимости дать какой-то внешний признак существования ячейки по объединению было причиной внесённого им в прошлом заседании предложения просить организации делегировать своих представителей в орган по подготовке съезда. Так как в число делегатов, вероятно, попадёт большинство из участников нашей группы, то для посторонних будет трудно отличить грань между явной организацией, состоящей из делегатов, и нашей группой. Сверх того, наличие организации из представителей всевозможных группировок является первым этапом в создании общего органа на началах делегирования официальных представителей.

Трепов обращает внимание на то, что всё ранее предложенное относится лишь до русской эмиграции, определяет наше отношение к последней. Но есть ещё одна сторона вопроса, которая пока не затрагивалась. Нам нужно во что бы то ни стало заручиться политической и материальной помощью иностранцев. Эта задача не безнадёжна, напротив, наметившаяся комбинация с Великим князем во главе даёт основания надеяться, что наше начинание встретит в очень серьёзных кругах здесь сочувствие и поддержку. Однако надежду на эту поддержку можно иметь только тогда, когда те политические силы, к помощи которых мы должны обратиться, будут знать о существовании нашего сговора и тесной связи, существующей между объединённой общественностью и Великим князем. Без последнего факта вся комбинация будет для них неинтересна. Следовательно, придётся им рассказать сущность нашей организации и её отношение к Великому князю. Ясно, что такой серьёзный вопрос не может не быть предметом обсуждения в министерствах и о нём неизбежно узнают многие. Надо подумать, как помирить это положение с конспиративностью нашей организации. Вопрос о съезде, если он сосредоточит на себе всё внимание, может быть поэтому, при известных условиях, вредить. Ибо иностранцы могут сказать, что пока что, до выработки объединения съездом,

никакого объединения, с коим можно разговаривать, нет. Поэтому, не отвергая идеи съезда, признавая, что, при известных условиях, он может быть полезным, всё же, где следует, нам нужно определённо и ясно сказать о достигнутом объединении ради борьбы за освобождение России под руководством Великого князя. Вообще, наша цель — борьба. Всё остальное этому подчинено, в том числе и задача осведомления о том, что происходит в России; эта часть работы необходима как подготовка главной задачи. Второстепенной задачей является и созыв съезда, который, при известной постановке, может сделаться полезным средством в достижении главной цели. Однако надо выяснить, кто будет вести работу по подготовке съезда. Раньше предполагалось, что главные положения его будут установлены нами. Выяснение этого вопроса представляется существенным потому, что нужно так поставить дело, чтоб избежать возможности разномыслия и противоположных заданий, принимаемых в основу созыва съезда, если его подготовкой будет ведать клубная или какая-либо иная организация.

Фёдоров считает, что для осуществления наших задач нужны деньги и что поэтому надо прежде всего приложить усилия их добыть. Для этого придётся вступить в переговоры с сочувствующими нашей задаче французскими государственными деятелями. Но при этом надо начать разговоры с наиболее влиятельными и ответственными представителями власти, а отнюдь не (вступать в переговоры) с второстепенными чинами Министерства иностранных дел, среди коих много сочувствующих Милюкову и К°. Притом же решение зависит от первых, их и нужно посвятить в наши намерения. Сверх того, полезно привлечь в нашу среду таких лиц, которые помогут нам в достижении этой цели, например, следует привлечь Бернацкого. Что касается организации, имеющей задачей подготовить съезд, то, во избежание возмож ности опасений, кои были высказаны Треповым, надо так составить бюро по созыву съезда, чтоб иметь в нём решающее влияние. Притом же для съезда нужны деньги, и без нас их достать не удастся.

С.Н. Третьяков не согласен с теми, кто считает, что какой-либо съезд или иной орган объединения беженства может сыграть большую роль в смысле воздействия на французское правительство и побудить последних помочь русскому делу. Только Великий князь может явиться той силой, которая сдвинет французов с нынешней позиции. Для этого надо добиться того, чтоб состоялось свидание Великого князя с Пуанкаре. Посредником в этом деле мог бы быть маршал Фош, с которым Великому князю надо предварительно переговорить. В этом вопросе сами мы ничего не сделаем, для успеха дела нужно, чтоб

в этом вопросе Великий князь выступил активно. Для всей нашей работы съезд совсем не нужен. Однако общественная мысль беженства сильно возбуждена всеми происходившими за это время переговорами и разговорами, и потому надо дать возможность беженству высказаться при помощи съезда. Но для того чтоб от этого получилась польза, а не вред для главной цели, нужно съезд хорошо подготовить и вести в определённых рамках. Надо обсудить, как лучше это сделать. Конечно, я могу собрать участников клубной организации, рассказать, что происходило летом и осенью, и просить их внести вопрос о съезде в их организации. Если последние согласятся с необходимостью созвать съезд, они выберут делегатов в подготовительное бюро. Но тут может встретиться возражение со стороны Н.В. Тесленко, который вышел из нашей группы, но осведомлён о её составе и задачах.

Фёдоров считает, что опасение относительно возможного противодействия со стороны Тесленко созыву съезда неосновательно, так как последний считает съезд желательным. Напротив, раз люди узнают, что вопрос о съезде не заглох и дело объединения пошло по этому пути, это их в значительной мере успокоит.

Кн. Трубецкой считает, что для планомерности и успешности работы нужно иметь президиум. Последний одновременно будет и исполнительным органом, особенно в тех случаях, когда нужно вести переговоры с иностранцами. Со съездом спешить не следует, и если даже принципиально решено его созвать, то, прежде чем делать решительные шаги, надо обо всём подробно условиться.

Фёдоров возражает, что не следует опасаться передачи в организации вопроса о созыве съезда. Всё равно без нас его собрать не удастся, так как мы должны достать для созыва съезда деньги, чего мы не сделаем, пока не будет всё подготовлено и обсуждено. Между тем передача вопроса о съезде в организации вызовет там обсуждение подробностей, что отвлечёт внимание публики и её успокоит.

Шебеко напоминает, что обсуждение программы, начатое весной, ещё не кончено. Теперь для продолжения этого обсуждения в клубной организации нужно последнюю пополнить представителями тех партий, которые не были до сих пор там представлены.

С.Н. Третьяков считает необходимым вопрос о программе и о деталях созыва съезда пока совершенно не затрагивать в нашей организации, предоставив обсуждение этих вопросов в настоящий момент самим организациям. Нам же нужно начать подготовку нашей собственной работы, для начала коей нужны хоть небольшие средства. В целях облегчить нахождение последних нужно привлечь

к нашей работе лиц, кои могут помочь в этом деле. Среди таких лиц он считал бы полезным привлечь Бернацкого.

Трепов считает, что есть уже несколько кандидатур, которые подлежат обсуждению, прежде чем их кооптировать. Но приступать к этому можно лишь тогда, когда мы окончательно сконструируемся. Прежде всего надо избрать постоянный президиум. Поэтому надо сейчас решить, сколько лиц должно включить в состав президиума. Этот вопрос нельзя долее оставлять открытым, и на повестку следующего заседания надо непременно поставить выборы президиума. Вопрос о съезде более трудный. Неправильным было бы упустить из наших рук руководство этим делом. Мы должны сохранить положение координирующего и направляющего центра. Ибо съезд полезен только тогда, когда он войдёт составною частью в стройную цепь продуманной работы. До сих пор вопрос о съезде, его составе и задачах недостаточно освещён и согласован, и передавать вопрос этот в таком виде в организации опасно.

Шебеко считает, что в будущем собрании следует поставить вопрос о выборах президиума. Президиум мог бы состоять из председателя, двух или трёх товарищей председателя и секретаря. Однако он считает нужным довести до сведения собрания, что гр. Коковцов, которого ранее намечали многие в председатели, прислал письмо, в котором он определённо заявляет о невозможности принять на себя обязанности председателя.

Кн. Трубецкой говорит, что нужно убедить гр. Коковцова не отказываться. При этом нужно обратиться к нему с теми же словами, с которыми тот обратился в прошлом заседании к Третьякову, именно что нельзя разрушать начатого дела.

Гурко не удивлён отказом гр. Коковцова, который, как все это знают, очень занятой человек. При этом он предлагает, прежде чем намечать кандидатов, обсудить, какую задачу мы хотим возложить на президиум. Если председатель будет только председательствовать в общих собраниях, руководить ими и исполнять роль представителя группы при переговорах с иностранцами — то это одна роль. Совсем другое положение создаётся, если мы на президиум возложим обязанности чисто делового характера, если из него мы хотели бы сделать деловой и боевой орган. В соответствии от задания должен быть и выбор лиц. Во всяком случае, в состав президиума нужно ввести представителей трёх главных политических группировок, здесь представленных. Сверх выбора президиума надо наметить лиц, которые возьмут на себя ближайшую заботу об организации работы по специальностям, ибо неправильно было бы решительно всё взвалить на президиум.

Трепов соглашается, что деловой аппарат не может состоять только из одного президиума, для отдельных отраслей работы нужно наметить людей, но и президиум не должен быть только декорацией, его функции не ограничиваются представительством, он должен направлять всю работу. Он считает необходимым обратиться к гр. Коковцову с просьбой не отказываться от обязанности председателя. Если это сделать в форме, которая была здесь предложена, и обратиться к гр. Коковцову с просьбой не разрушать дела, то, надо надеяться, граф не откажется исполнить патриотический долг, к выполнению коего мы его призываем.

VI
ЗАСЕДАНИЕ*

27 октября 1923 г.

Председ.: Н.Н. Шебеко
Присутствовали: гр. Коковцов, А.Ф. Трепов, С.Н. Третьяков, кн. Трубецкой, А.Н. Крупенский, А.В. Карташёв, М.М. Фёдоров, Н.Хр. Денисов и ген. Миллер

Н.Н. Шебеко докладывает собранию о создавшемся вследствие отклонения гр. Коковцовым своей кандидатуры в председатели положения и предлагает ему обсудить проект выбора президиума из 3 или 4 вице-председателей и 1 управ. делами без председателя, в виде временной меры.

А.В. Карташёв, А.Ф. Трепов, кн. Трубецкой и **М.М. Фёдоров,** признавая все недостатки подобного разрешения вопроса, тем не менее при настоящих обстоятельствах высказываются за его принятие как единственный выход из создавшегося положения.

С.Н. Третьяков весьма энергично возражает против принятия проекта, причём высказывает мысль, что затруднение в выборе председателя является, по его мнению, доказательством отсутствия взаимного доверия и неискренности со стороны вошедших в объединение лиц.

Гр. Коковцов также высказывается против принятия проекта, выражая при этом соглашение, что его отказ от звания председателя

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 8, л. 8–8об. Протокол в архиве представлен не полностью.

осложнил положение. Он считает желательным остановиться на одном лице в качестве председателя, но, усмотрев в словах М.М. Фёдорова предложение предоставить Великому князю Николаю Николаевичу выбрать из членов президиума председателя, он к этому присоединяется.

Проект выбора президиума из 3 или 4 лиц и 1 управ. делами и предоставлением окончательного решения Великому князю Николаю Николаевичу принимается собранием.

А.Ф. Трепов предлагает выбрать А.В. Карташёва, С.Н. Третьякова и Н.Н. Шебеко в вице-председатели и Н.В. Савича — в управ. делами.

С.Н. Третьяков соглашается под тем условием, чтобы было предоставлено Великому князю выбрать из поименованных лиц председателя.

А.В. Карташёв, С.Н. Третьяков и **М.М. Фёдоров** высказывают пожелание о вхождении А.Ф. Трепова в состав президиума как самого авторитетного лица из лагеря монархистов, они выражают опасение, что его отсутствие является признаком отрицательного отношения в среде монархистов к самой идее объединения.

А.Ф. Трепов <нрзб.> оспаривает подобное толкование его воздержанием, которое не соответствует действительности, вхождение своё в состав президиума он считает нежелательным для пользы <...>

VIII
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

17 ноября 1923 г.

На заседании присутствовали: Шебеко, Трепов, Крупенский, Семёнов, кн. Трубецкой, ген. Миллер, кн. Оболенский, Фёдоров, Карташёв, Третьяков, Савич

Председательствует: Шебеко

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 9. Журнал № VII в архиве отсутствует.

Шебеко докладывает, что в прошлую субботу пришлось отложить заседание группы, так как в последний момент он узнал, что не свободно помещение.

А.Ф. Трепов напоминает, что в следующий понедельник — день рождения Великого князя Николая Николаевича. Поэтому он предлагает просить президиум послать приветственную телеграмму от имени нашего собрания.

Постановили: Предложение принять, поручить президиуму составить редакцию телеграммы.

Ген. Миллер заявляет, что, пока наша группа не будет иметь постоянного помещения, он может предложить пользоваться для заседаний помещением, нанятым им для своего бюро, — 20, rue de Carmes, кв. Осмолова.

Трепов считает, что нельзя не иметь своего постоянного помещения, раз мы хотим, чтоб работа шла правильно. Кроме очередных общих собраний группы нужно, чтоб работал наш президиум, который должен где-то собираться, притом иногда экстренно. Сверх того, нужно иметь постоянный адрес, куда можно было бы направлять корреспонденцию и т.д.

Кн. Оболенский вполне поддерживает точку зрения А.Ф. Трепова.

Фёдоров предлагает поручить президиуму обсудить вопрос о помещении и о необходимых для сего средствах.

А.Ф. Трепов говорит, что если средств пока нет, то можно собрать необходимую сумму путём раскладки между организациями, здесь представленными.

Постановили: Вопрос о найме помещения поручено обсудить президиуму.

Шебеко доложил, что он был у Великого князя с докладом о ходе переговоров о составе и о выборе президиума. Великий князь был уже в курсе вопроса и, видимо, придавал ему большое значение. Великий князь стоит на прежней своей точке зрения о несвоевременности всего, что может быть сочтено как акт его публичного выступления, которое он пока не признаёт возможным выявлять. Поэтому и в этом вопросе он хотел бы избежать шага, который может быть неправильно истолкован, а потому отказывается назвать лицо на пост председателя. Последнее это тем труднее сделать, что, очевидно, решение собрания, остановившегося на идее избрания трёх членов президиума, имело обоснование и причины, к тому же он сам относится ко всем кандидатам с одинаковым доверием. Но вместе с тем Великий князь определённо подчерк-

нул, что относится с большим интересом и симпатией к нашей работе и не хочет, чтоб его отказ назвать лицо был неправильно истолкован как безразличное отношение к нашему делу. В порядке же не указания, а лишь высказанного мнения, он полагает, что было бы временно возможно попробовать наладить работу при наличии президиума из трёх лиц, с тем что когда на практике окажутся неудобства от такой организации, то тогда можно будет дело исправить и выбрать председателя.

Фёдоров считает, что такое решение пока было бы наилучшим. Нужно только поручить самому президиуму столковаться, кто из его состава, когда и в какой последовательности будет исполнять обязанности председательствующего.

Трепов полагает, что надо обратиться к Великому князю с настойчивым представлением о том, что время наступило, когда ему необходимо начать давать определённые указания. Первым явным актом такого непосредственного участия в решении вопросов нашей работы могло бы быть указание, кому надлежит быть председателем нашей организации. Что время для активного вмешательства Великого князя настало, ясно видно из положения международных отношений. Опускать нынешнее благоприятное положение невозможно, а без Великого князя ничего серьёзного достичь нельзя. Поэтому пора Великому князю перейти от мнений и советов к указаниям и приказаниям. Конечно, такое изменение его позиции должно остаться скрытым для публики, мы должны оставить этот факт строго между нами.

Третьяков поддерживает мнение Трепова, что время пришло, когда Великий князь должен уже давать указания и сообщать нам не своё мнение, а решение. Но нужно и нам отказаться от той нерешительности в действиях и разговорах, которую мы до сих пор проявляем. Ясно, что первым фактором, который является необходимым условием для крупной политической работы, является капитал, необходимые для работы деньги. Он пробовал подойти к вопросу о добыче средств, но не считал себя вправе раскрыть карты, сообщить тем, с кем надо говорить, что и кто стоит за группой, от имени которой он должен вести переговоры. Между тем, чтоб заинтересовать финансовый мир, надо раньше вступить в доверительные переговоры с правительством Франции, для чего момент сейчас чрезвычайно благоприятен. Но для серьёзных разговоров с последним надо совершенно определённо знать, можно ли при этом ссылаться на Великого князя. Французы только тогда отнесутся серьёзно к переговорам, если последние будут вестись от имени той политической силы, которая имеет шансы стать властью в будущем. Такою величиною является Великий князь. Но, сверх того, надо

так организовать дело, чтоб всеми переговорами заведовали определённые лица, которым это будет поручено, и притом под руководством одного, кому поручено будет дирижировать этим делом.

Фёдоров полагает, что выяснение поднятого Третьяковым вопроса должно быть поручено президиуму, который должен обсудить все обстоятельства дела и сделать обстоятельный доклад Великому князю, испросив окончательных указаний.

Трепов добавляет, что при этом докладе надо особо подчеркнуть, что изменение позиции или отношения Великого князя не станет предметом гласности, всё останется строго в нашей среде и только для нашего личного сведения.

Кн. Трубецкой указывает, что надо испрашивать указаний у Великого князя по конкретным вопросам. Из слов Великого князя он определённо понял, что последний готов в серьёзных вопросах давать указания, но при этом хотел бы держаться этих рамок, то есть давать указания по определённым конкретным вопросам. Для этого он предоставляет право в таких случаях немедленно к нему обращаться.

Третьяков считает, что сейчас момент благоприятен для того, чтоб приступить к реальному делу. Надо начать с попытки использовать те связи, которые отдельные лица или организации имеют в среде финансового мира и среди членов законодательных палат. Но для таких разговоров, чтоб они были плодотворны, надо иметь право ссылаться на то, что за нами стоит Великий князь и что самые переговоры ведутся по его поручению. Конечно, окончательное решение будет также принадлежать Великому князю. Вот почему необходимо иметь право говорить от имени Великого князя.

Трубецкой указывает на тесную связь между вопросом о финансировании работы и дипломатическими переговорами. В работе, которая ему поручена, прежде всего надо обеспечить финансовую сторону, а этого нельзя достигнуть без переговоров с иностранцами. Поэтому с последними надо вступить возможно скорее в контакт, что очень важно не только ради получения материальной помощи, но и для нашей ориентации. Для того чтоб реально подойти к разрешению этого вопроса, нужно просить президиум наметить план работы, выяснить, кто из его состава будет заниматься этим вопросом, и привлечь из нашей среды для этих переговоров тех лиц, которые могут быть полезны. Остальные члены нашей группы могут получать осведомление по мере осуществления и завершения тех или иных переговоров, подробности которых останутся в среде тех, которым будет поручено их вести. Подобного рода работа требует доверия, тайны и широких полномочий. В частно-

сти, относительно порученной ему задачи он должен предупредить, что финансовая сторона ему пока не особенно выяснилась и что, во всяком случае на первое время, она должна быть ограничена скромными рамками. Практически работа начнётся примерно в декабре.

Трепов, исходя из того, что, по-видимому, президиум наш должен будет в известных случаях принимать самостоятельно крайне ответственные решения, считает, что ему нужны обширные полномочия. Это обстоятельство облегчается тем, что он представляет собою коллегию, в которой отражены определённые и крупные течения, благодаря чему такому президиуму легче брать на себя ответственность, чем отдельному лицу. Но, конечно, всё влияние и значение как президиума, так и всей нашей группы, зависит от того, насколько можно говорить от имени Великого князя. Это надо достаточно ярко осветить Великому князю, указав на то, что момент сейчас крайне благоприятен и притом острый, который мы можем безвозвратно опустить, если им не воспользоваться сейчас. Как, например, он указывает на речь военного министра на обеде 11 ноября. Но для серьёзного дела нужно иметь право ссылаться на Великого князя, сказать, что он стоит за нами и солидарен с нами. А для этого надо, наконец, получить от него определённые указания и точные директивы.

Кн. Оболенский напоминает, что на одном из первых заседаний группы было решено, как только мы сконструируемся, войти в связь с французским правительством и сообщить ему, кто мы, какая организация вновь народилась и каковы её отношения к Великому князю. Это необходимо сделать возможно скорее. Конечно, для такого акта нужно иметь право опереться на согласие Великого князя. Для переговоров о финансовых вопросах нужно сформировать финансовый комитет или комиссию. Председателем может быть избрано лицо или из состава комиссии, или даже из посторонних лиц, лишь бы оно имело достаточный авторитет. Этот председатель должен будет испросить указаний у Великого князя, однако, начиная переговоры с французами, нельзя сразу же заявить, что мы говорим по поручению Великого князя. Сперва надо основательно прощупать почву и подготовить вопрос всесторонне. Нельзя сразу же выставлять напоказ наши, так сказать, большие образа, не будучи уверенными, какой им обеспечен приём.

Третьяков считает, что в деле переговоров с финансовыми кругами большую роль сыграют отдельные лица из нашей среды, которые имеют надлежащие связи и знакомства, однако, кто бы ни вёл переговоров, их успех может быть лишь в том случае, если финансисты

получат надлежащие гарантии и если они будут знать, кто явится главою будущей власти. О материальных гарантиях можно будет с ними поговорить и дать надлежащие гарантии. Это дело, конечно, очень деликатное, идти на неудачу или отказ не следует, предварительно нужно хорошо прозондировать почву, однако надо помнить, что во всей нашей комбинации новым фактором является лишь добавочная гарантия, которую может дать финансистам обещание Великого князя. Поэтому в переговорах придётся на него ссылаться, указав, что окончательное решение может исходить от него одного. Мы же должны всесторонне подготовить почву и, только изучив вопрос, идти докладывать Великому князю. Но при этих переговорах встаёт пред нами один громадной важности вопрос. Франция боится реванша со стороны Германии и ищет союзников. Она может поставить пред нами вопрос об обязательствах России в случае франко-германской войны и потребует в этом отношении векселя — можем ли мы его дать?

Трепов полагает, что французы не потребуют от нас обязательства быть агрессивными по отношению к немцам. Но они сознают, что когда восстановится дружественная им великая и сильная Россия, тогда восстановление экономической и политической мощи Германии станет для них безопасным, ибо Россия сможет выполнить ту миротворческую роль, которую в 1875 году выполнил Александр II. Это должно побудить Францию интересоваться возрождением России, ибо только при наличии сильной России Франция может допустить возрождение Германии, которое обеспечит получение репараций.

Фёдоров находит, что при переговорах с французами вопрос об отношении к Германии неминуемо выплывет на первый план. Французы должны знать, что мы не допустим, чтоб Россия сделалась германским тылом, стала материалом для реванша. Сейчас немцы опираются на большевиков, эта опасность исчезнет, как только Россия возродится. Такова должна быть наша точка зрения, и её надо развить Великому князю и узнать его отношение к этому основному вопросу.

Савич считает, что при переговорах выплывет на первый план ещё и другой вопрос, именно об отношениях к Польше. Нам, несомненно, скажут: сговоритесь с Польшей. Франция гарантировала восточную границу Польши против Советской России, но вопрос этот, по мнению французов, должен быть неизбежно пересмотрен, когда Россия станет опять свободной и культурной страной. Нам важно указать, что наша комбинация не имеет в виду разрешать этот вопрос непременно кровью и железом.

Фёдоров говорит, что сейчас Франция ставит на сильную Польшу, ибо это её основная ставка, другой комбинации нет. Но Советская Россия в значительной степени уменьшает цену этой ставки. Несомненно, когда появится национальная Россия, интерес к Польше станет не столь большим. Но, конечно, мы должны дать понять, что вопрос о пересмотре Рижского договора не стоит на первой очереди.

Шебеко сообщает о сведениях, дошедших до него, о подготовке немцами войны против Франции на территории России. Однако в принципе немцы решили порвать с большевиками и подготовляют сейчас комбинацию, при которой возможно восстановление производительных сил России при тесном союзе с Германией. Такая комбинация спутает все наши карты и принесёт в будущем много несчастий. Относительно позиции Великого князя надо помнить, что он не желает выступать публично, но даёт согласие на то, чтоб в известных вопросах можно было на него ссылаться.

Фёдоров предлагает поручить президиуму обсудить всесторонне вопрос о его собственной конструкции, а также о пределах, в которых необходимо иметь право ссылаться при дипломатических и финансовых переговорах на имя Великого князя, доложить все эти соображения Великому князю и испросить окончательной инструкции. Равным образом президиум должен наметить рамки и основные положения, которых можно касаться при ведении дипломатических переговоров, и, доложив об этом Великому князю, получить от него руководящие указания и распоряжения.

Предложение Фёдорова ставится на голосование и принимается собранием.

Кн. Трубецкой, переходя к докладу о подготовке порученного ему дела, сообщает, что окончательно ещё не установлен размер средств, которыми он может располагать, а потому и объём работы ещё нельзя наметить. Пока вопрос протекает в области привлечения личного состава для организации дела.

Шебеко докладывает, что был поднят ещё раньше вопрос о кооптации. В настоящий момент приехал сюда проф. Алексинский, который очень интересуется нашим делом, является представителем константинопольского объединения.

Кн. Трубецкой говорит, что имел возможность убедиться, что Великий князь доверяет Алексинскому, и, очевидно, его желательно привлечь в нашу среду.

Третьяков напоминает, что Алексинский до сих пор народный социалист. Но у него до сих пор сильнейший интерес относительно

съезда, он очень интересуется, что в этой области сделано, поэтому полезно, чтоб он вошёл в нашу среду и сам принял участие в подготовительной работе. Притом же Великий князь его ценит, и потому желательно ввести его в наш состав.

Крупенский поднимает принципиальный вопрос о том, чем нам следует руководствоваться при кооптации.

Фёдоров находит, что вообще не следует спешить увеличивать наше число. Пока, до съезда, который подведёт прочный фундамент под наше начинание, нужно допускать кооптацию только по двум признакам: во-первых, лиц, стоящих во главе крупных организаций, а во-вторых — по указанию Великого князя. Алексинский является в одно и то же время главой крупной, хотя и константинопольской, организации, а во-вторых, на него указывает Великий князь. Поэтому против его кандидатуры возражений нет.

Кн. Трубецкой согласен, что надо стоять на двух указанных признаках, именно кооптировать можно лиц или по признаку принадлежности к крупной организации, или согласно желанию Великого князя.

Карташёв считает, что, действительно, нельзя торопиться увеличивать наше число, причём если надо кого-либо кооптировать, то только по признакам, указанным кн. Трубецким. При этом нельзя останавливаться на признаке представительства какой-либо организации, между последними следует делать различие. Именно желательно привлечение представительства политических и крупных организаций.

Трепов возражает против принятия предложенной схемы, особенно предложенной Карташёвым. Мы сами здесь не являемся официальными делегатами своих организаций и потому не должны настаивать на признаке представительства от организаций для кооптации новых членов. Что касается включения в наш состав лиц по желанию Великого князя, то и в этом случае мы должны обсудить кандидатуру, и, если найдём какие-либо серьёзные причины, побуждающие не желать кооптации того или иного лица, мы обязаны эти основания доложить Великому князю и поступить затем по его указанию. Что касается проф. Алексинского, то возражений против его включения не имеется.

Фёдоров поясняет, что он имел в виду признак не представительства от организаций, а тот факт, что кандидат является представителем или руководителем какой-либо крупной организации.

Шебеко протестует против ограничения права кооптации указанными двумя признаками. Может случиться, что лицо, не принадлежащее ни к какой организации, является, однако, по своим личным качествам и связям, весьма желательным сотрудником, и нельзя

принципиально закрывать пред ним возможности войти в нашу среду. Однако он считает, что лица, состоящие в официальных русских учреждениях, не должны входить в нашу среду в качестве членов нашей коллегии. Они могут быть приглашаемы на то или иное заседание в качестве гостей и т.д., но не в качестве постоянных сочленов.

Ставится вопрос о кооптации проф. Алексинского и принимается единогласно.

Кн. Трубецкой вносит предложение, что в будущем все вопросы о кооптации предварительно должны обсуждаться в президиуме и с его заключением вноситься в общее собрание.

Предложение принято.

Председатель объявил о закрытии заседания.

IX
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ*

24 ноября 1923 г.

Присутствовали: гр. Коковцов, Крупенский, Семёнов, проф. Алексинский, кн. Оболенский, Трепов, ген. Миллер, Карташёв, Гурко, кн. Трубецкой, Шебеко, Савич

Заседание открыто под председательствованием **Шебеко,** который приветствует нового сочлена, проф. Алексинского, и оглашает текст телеграммы, посланной Великому князю**, и ответ Его Высочества. Читается протокол предыдущего заседания.

А.Ф. Трепов предлагает снять копию с первой половины протокола и препроводить её Великому князю.

Кн. Трубецкой полагает, что протоколы, излагающие суждения по весьма принципиальным вопросам, должны представляться на усмотрение Его Высочества.

М.М. Фёдоров считает, что протоколы должны быть представляемы Великому князю все и полностью, если, конечно, Его Высочество пожелает их получать.

С.Н. Третьяков соглашается с предложением Фёдорова, но указывает, что снимать копии путём переписки на машинке нельзя.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 10.

** В настоящем издании не даётся.

Постановили: Препроводить Великому князю первую половину последнего протокола и испросить указаний на будущее время.

Н.Н. Шебеко доложил, что президиум обсудил вопрос о том, как организовать его работу, и пришёл к заключению, что члены президиума будут исполнять обязанности председателя по очереди, чередуясь примерно через месяц или полтора. В настоящее время обязанности председателя возложены на С.Н. Третьякова до нового года. У Великого князя президиум ещё не был, так как приём назначен во вторник, 27 ноября. После этого он передаст председательствование С.Н. Третьякову.

А.Ф. Трепов предлагает благодарить Н.Н. Шебеко за понесённые труды.

Предложение принято.

С.Н. Третьяков докладывает, что президиум обсуждал вопрос о помещении и пришёл к заключению, что, вследствие отсутствия средств, пока можно обойтись без собственного помещения. Для очередных заседаний пока придётся пользоваться настоящим помещением, вопрос о постоянном адресе разрешается тем, что переписку можно адресовать на квартиру Н.В. Савичу. После этого он докладывает о беседе, происходившей в частном доме, по вопросу о финансовой помощи с Франсуа Марсаль. Разговор вёл с нашей стороны главным образом гр. Коковцов, который начал с того, что французы всегда нас упрекали, что мы не можем объединиться и что поэтому с нами нельзя серьёзно разговаривать по вопросу об освобождении России. Сейчас положение изменилось, так произошло объединение целого крыла русской эмиграции, притом численно более крупного. Нельзя требовать, чтоб вся эмиграция объединилась, ибо у нас есть два определённых течения, на которые делится русская политическая мысль. Правое течение более многочисленное, притом объединяется на идее борьбы с большевиками и находится в тесном контакте с Великим князем. Наши задачи — свержение большевиков и установление в России национальной власти — совпадают с жизненными интересами Франции. Притом же мы не поднимаем ярких партийных лозунгов, не навязываем России формы правления, и потому эта позиция, с точки зрения французской демократии, не противоречит принципу о праве каждого народа устанавливать политический строй по своему желанию. Фр. Марсаль ответил, что в принципе наша комбинация приемлема, но для начала работы необходимо подготовить общественное мнение, возбудить интерес к России, сейчас очень небольшой, обратить в эту сторону внимание публики. Для этой цели он считал бы по-

лезным устроить какое-либо публичное выступление, которое обратило бы на себя общее внимание. Например, следовало бы устроить большое военное торжество, чествование русских солдат, погибших на полях Франции, на которое нужно пригласить Великого князя как Верховного Главнокомандующего, пришедшего в 1914 году на помощь Франции вторжением в Восточную Пруссию. При этом можно будет подчеркнуть роль России в Великой войне, выставить рельефно заслуги Великого князя и одновременно демонстрировать единение вокруг его имени русской эмиграции. Потом он задал вопрос, поедет ли Великий князь на такое торжество, а также будут ли участвовать Маклаков и другие русские, имена коих здесь известны. На это гр. Коковцов ответил, что надо, конечно, предварительно спросить Великого князя, поедет ли он или нет. Что касается Маклакова, то он — посол и, вероятно, поедет на такое торжество в честь Русской армии, особенно если с ним заранее переговорить. Когда мы стали просить Фр. Марсаль, чтобы он переговорил с представителями французского правительства, он ответил, что может переговорить с Мильераном, но от определённого ответа по поводу возможности переговорить с Пуанкаре он уклонился. Равным образом он уклонился от ответа на вопрос о возможности финансовой помощи, ограничившись заявлением, что скоро в сенате будет поднят вопрос о России по почину Монзи и тогда можно будет возбудить вопрос пред правительством. Я стал указывать, что нужно же самим французам определить свою линию политики в русском вопросе, что этого требуют их собственные интересы. Тогда он заявил, что правительство имеет совершенно определённую точку зрения на русский вопрос, которую и проводит неуклонно в жизнь. Таким образом, наша разведка в финансовой области результата благоприятного не дала.

Гр. Коковцов добавляет, что выбор этого собеседника зависел не от него и не от Третьякова. Он считает это лицо неподходящим для такого рода переговоров, хотя оно хорошо относится к русским, имеет крупные интересы в России и надеется ещё вернуть свои потери. Но сейчас Ф. Марсаль ищет способов устроить свою карьеру в парламентских кругах и вряд ли может оказать нам помощь в финансовом вопросе. Когда я указал, что между Национальным Комитетом поляков и нашей группой есть большое различие в том отношении, что в составе польской эмиграции были не беженцы, как мы, а люди, выехавшие из России частью временно, частью добровольно, сохранив своё, иногда громадное имущество, тогда как мы лишены всего и сравнялись в бедности. Поэтому при образовании Польского национального комитета

в его состав вошли очень богатые люди, из которых только два лица внесли 35 млн. франков. У нас ничего нет, мы не можем собрать среди нас крупных сумм, чтобы вести агитацию, платить газетам за освещение вопроса в благоприятном для нас смысле. Не можем мы ввести в свой комитет все элементы нашей эмиграции, как то сделали поляки. Среди русской эмиграции есть партии и политические деятели, которые считаются противниками национального возрождения нашей Родины, например Керенский и его партия. Поэтому у нас два сектора, которые соединиться не могут. Правое крыло в эмиграции значительнее левого, притом же наша объединённая группа представляет собою политический центр русской политической общественности. Мы нашли национальный лозунг и флаг в лице Великого князя. Мы и он стоим на одной позиции, мы ждём, когда силы эмиграции потребуются России для восстановления разрушенной большевиками страны, и знаем, что Великий князь отдаст все свои силы на это же дело, если узнает, что России он нужен, что его там ждут и что он не одинок. Я не скрывал, что не верю в возможность установления в России республиканского строя, но указывал, что мы не предрешаем вопроса о форме правления. Конечно, имя Великого князя я упоминал в очень осторожной форме. Когда я коснулся вопроса о средствах для политической работы, наш собеседник обошёл вопрос.

Кн. Оболенский спрашивает о подробностях предполагаемой манифестации, задаёт вопрос, с чьей стороны должна исходить инициатива.

Гр. Коковцов разъясняет, что в своей речи он упомянул о том, что у нас накопилось много горечи при виде того, что заслуги России в течение $2^1/_2$ лет войны совершенно игнорируются, об этом забыли. В ответ на это и было сделано предложение о манифестации, организованной французским правительством.

С.Н. Третьяков полагает, что весь разговор нужно передать Великому князю.

Гр. Коковцов соглашается, что это следует сделать, но прибавляет, что не следует придавать преувеличенного значения этому разговору.

А.Ф. Трепов добавляет, что уже слышал о том, что подобная инициатива об организации манифестации возникла ранее среди военных кругов.

Гр. Коковцов заявляет, что не считает Фр. М[арсаля] очень осведомлённым. Так, он уверял, что Пуанкаре непрочен и вряд ли будет делать новые выборы.

А.В. Карташёв сомневается, следует ли Великому князю выступать на такого рода публичных манифестациях. Выдвижение Великого князя на вид политически целесообразнее происходить само собой, среди нас, русских, постепенно родится и ширится осведомление о роли Великого князя. Но участие его в политическом публичном выступлении может быть не совсем осторожно, ибо это даст пищу большевистской агитации.

Проф. Алексинский интересуется тем, каково было отношение собеседника к возможной роли Великого князя, как будто у него тоже замечается отклик тех надежд, которые имеются в русской среде. Относительно выявления отношения русских к Великому князю надо идти по пути широкого объединения не отдельных личностей, а целых организаций, что может быть достигнуто путём съезда. Предрешать вопрос о желательности участия Великого князя в предположенной манифестации не следует. У нас есть другой путь выявить значение Великого князя, именно надо приступить немедленно к созданию съезда, с помощью коего и широкого объединения можно демонстрировать роль Великого князя.

М.М. Фёдоров соглашается с необходимостью созыва съезда, но считает, что Великому князю осторожнее было бы продолжать вести ту политику, которой он держался до сих пор. Вместе с тем он рекомендует постараться подойти к Пуанкаре через военного министра.

С.Н. Третьяков предлагает не связывать с обсуждаемым вопросом прений о съезде, который является настолько серьёзной темой, что об нём надо поговорить отдельно, посвятив ему особое заседание.

Кн. Трубецкой говорит, что, если со стороны французского правительства действительно есть желание сделать манифестацию, это надо приветствовать. Этот факт даст прочный фундамент для дальнейшего и возможность коснуться других вопросов. Если удастся провести эту идею, то участие в подобной манифестации не может компрометировать Великого князя, но это свяжет французское правительство. Не важно при этом, кто из русских поедет на такое торжество. Официальные лица всё равно поедут, а факт такой манифестации будет крупным достижением в нашем деле.

Гр. Коковцов сомневается, чтоб удалось осуществить подобную манифестацию. Но если подобная мысль осуществится и была бы организована такая манифестация, надо просить Великого князя выйти из его сдержанной позиции. Это важно для международного положения. Если, наконец, будет поставлен в такой форме вопрос о признании заслуг России и Русской армии в прошлую войну, мы все обязаны

участвовать и идти к Великому князю просить и его приехать на торжество и принять в нём участие. Тогда и в России узнают, что Великий князь есть и что он не уклоняется от политической жизни.

А.Ф. Трепов сообщает, что в военных кругах возникла мысль о торжественной закладке памятника на могиле почивших русских воинов, павших при защите Франции; по-видимому, Фр. Марсаль об этом кое-что слыхал и поэтому в ответ на поднятый вопрос о финансовой поддержке начал разговор о манифестации, хотя связи тут с финансовым вопросом нет. Конечно, если состоится факт признания заслуг России по почину французской власти, Великому князю следует участвовать.

С.Н. Третьяков поясняет, что их собеседник видит в такой манифестации первый шаг со стороны французов, но никаких конкретных обещаний нам не давал. По-видимому, из происшедших прений выяснилось, что большинство присутствующих признают, что, если такое торжественное признание заслуг Русской армии осуществится, надо признать, что участие Великого князя в такой военной демонстрации очень желательно.

В.И. Гурко говорит, что он хотел бы сделать ряд сообщений русским и французам о процессе Конради и Полунина*. Для начала он обратился к Маклакову, прося разрешения сделать доклад ограниченному кругу лиц в здании посольства, но, по-видимому, встретит отказ, хотя окончательный ответ будет дан в понедельник. В случае отказа придётся сделать сообщение в каком-либо другом месте, и он предполагает начать с заявления, что, вследствие отказа Маклакова, он не мог сделать сообщение в общерусском доме, каким является посольство, и просит высказаться по этому поводу.

Гр. Коковцов указывает на факт доклада Гуровича в посольстве по делу митрополита Вениамина** и считает, что нужно настаивать на сообщении по делу Конради тоже в посольстве, если только сообщение бу-

---

* Процесс 1923 г. в Лозанне по делу об убийстве М.А. Конради советского дипломата В.В. Воровского. А. Полунин помогал Конради в организации покушения, защитником Полунина на процессе выступил швейцарский адвокат Т. Обер.

** Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин в качестве обвиняемого проходил по делу «Об изъятии церковных ценностей и колоколов» (июнь—июль 1922 г.). Для оказания помощи голодающим советское правительство постановило (декрет от 23 февраля 1922 г.) изъять церковные ценности из храмов. Многие священники жертвовали церковные украшения и предметы, не имеющие «богослужебного употребления». Протест со стороны священнослужителей (в том числе и митрополита Вениамина) и прихожан вызвало изъятие предметов, по канонам Церкви не могущих служить иным целям, кроме как для богослужения. Во многих местах вспыхнуло недовольство; в Петрограде же, благодаря усилиям митрополита Вениамина, беспорядки, связанные с изъятием ценностей, были предотвращены. Тем не менее митрополит был осуждён за сопротивление постановлению «центральной власти» и якобы возбуждение возмущения среди народных масс. Расстрелян в июле 1922 г.

дет непубличное. В случае отказа Маклакова Гурко имеет право высказать сожаление о невозможности устроить сообщение в здании посольства.

М.М. Фёдоров полагает, что надо стремиться убедить Маклакова дать разрешение, но в случае упорства его всё же нельзя подчёркивать эту ошибку и дискредитировать остаток дипломатического представительства.

А.Ф. Трепов считает, что Маклаков не имеет морального права отказать общественности пользоваться зданием посольства в таких обстоятельствах и что, в случае упорства, надо заявить об этом публично.

Проф. Алексинский обещает постараться убедить Маклакова.

А.В. Карташёв предупреждает, что политически опасно делать публичное выступление по поводу отказа Маклакова в такой форме, которая бы могла дать повод к скандальным выступлениям пробольшевиков и их друзей против дипломатического белого представительства.

Постановили признать желательным, чтоб Гурко сделал сообщение в посольстве, а в случае отказа в этом помещении Гурко имеет моральное право высказать сожаление в мягкой форме.

Кн. Трубецкой заявляет, что хотел бы сделать сообщение об интересном течении среди еврейства, но за поздним временем откладывает его до субботы.

Н.Н. Шебеко поднимает вопрос о привлечении в состав нашей группы представителей казаков.

Постановили, что принципиально привлечение желательно, но по вопросу о том, представителей каких организаций привлечь, суждение должно отложить до предстоящего посещения Великого князя нашим президиумом.

X
ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ*

1 декабря 1923 г.

Присутствовали: Семёнов, проф. Алексинский, Крупенский, Трепов, кн. Оболенский, Гурко, ген. Миллер, Третьяков, Шебеко, Савич

Председательствует: Третьяков

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 11.

Утверждается журнал предыдущего заседания.

С.Н. Третьяков докладывает, что на днях состоялось сообщение де Монзи по русскому вопросу, на которое были приглашены некоторые русские, в том числе Маклаков и он, Третьяков. Де Монзи сделал заявление, что вопрос будет идти только об интересах Франции, и потому, если захочет возражать кто-либо из русских эмигрантов, он не будет им отвечать и вообще не допустит их выступлений. В недоумении я смотрел на Маклакова, ожидая, что он будет реагировать, но тот остался спокойным. Когда после доклада де Монзи, сущность которого сводилась к необходимости немедленно приступить к постепенному признанию большевиков, ведя эту политику этапами, Григ. Ал. Алексинский попросил у председателя слова, то последний обратился к де Монзи, а тот резко отказал. После заседания я подошёл к Маклакову и заявил, что нельзя оставить это оскорбление без ответа. Затем я составил проект письма с протестом и пошёл к Маклакову, чтоб переговорить о форме совместного протеста. От него я узнал, что Маклаков уже сходил на Quai d'Orsay*, чтобы узнать, как отнесутся французы к предполагаемому протесту. Там ему сказали, что доложат о случившемся Пуанкаре. Видя, что Маклаков не желает реагировать достаточно сильно, я всё же сам составил письменный протест и предполагаю его послать хотя бы лично от себя.

А.Ф. Трепов заявляет, что был тоже приглашён, но быть не мог. На настойчивые приглашения, повторенные три раза, я указал на Гурко, который в заинтересовавшей французов теме так же осведомлён, как и я, и который может дать исчерпывающие объяснения. Секретарь, через которого велись разговоры, выразил удовольствие по этому поводу. К тексту письма Третьякова было бы полезно сделать дополнения на основании писем, полученных мною во время этой переписки.

С.Н. Третьяков соглашается с необходимостью послать письмо, включив в последнее кое-какие извлечения из писем, переданных Третьяковым, если не состоится письменного общего протеста всех русских, участвовавших на этом сообщении, о чём ведутся сейчас переговоры у Маклакова.

А.Н. Крупенский полагает, что, раз Маклаков не реагирует на нарушение достоинства русских, каждый участник такого заседания имеет право реагировать как умеет. Лучше всего в таких случаях уйти демонстративно.

---

* Имеется в виду Министерство внешних сношений Франции (Quai d'Orsay — улица в Париже, на которой находится Министерство).

Проф. Алексинский предлагает выразить сожаление по поводу отношения Маклакова и выразить уверенность, что протест всё же будет сделан.

Постановили признать желательным отправку Третьяковым письма-протеста.

С.Н. Третьяков докладывает о посещении президиумом Великого князя. Свидание продолжалось $1^1/_2$ часа и произвело сильное впечатление. Президиум заранее составил план доклада Великому князю. Сперва я доложил о составе комитета, о составе президиума. При этом я указал, что было бы желательнее иметь одно лицо во главе вместо группы, а также затронуть вопрос о представлении Великому князю протоколов. Великий князь сказал, что протоколами интересуется и желает их получать. Относительно выбора председателя он указал, что это дело самого комитета, но что в настоящий момент может быть лучше оставить дело так, как оно есть. Когда комитет пополнится новыми лицами и представителями организаций, ещё не участвующими, тогда можно будет приступить к выбору председателя. Затем я доложил о разговоре с Фр. Марсалем и спросил, можно ли нам при подобных разговорах ссылаться на имя Великого князя, пояснив, что без этого нельзя рассчитывать чего-либо добиться у финансовых групп. Великий князь поблагодарил за начало переговоров и сказал, что нам надо продолжать вести переговоры с финансистами, причём в этих случаях возможно упоминать Его имя. Но при этом Он очень определённо подчеркнул, что это касается разговоров с финансистами, но не с правительством Франции. Дипломатические переговоры Он будет вести сам. Этот вопрос очень деликатный, особенно сейчас, и требует такта, такта, такта и в сумме — сверхтакта. Мы ответили, что подчинимся Его указанию. Затем я перевёл разговор на вопрос о военной манифестации, о которой нам говорил Фр. Марсаль, и о желательности, по мнению последнего, присутствия на ней Великого князя. Из ответа Великого князя мы поняли, что Он принципиально не уклоняется от участия в ней, однако считает, что первый шаг должны сделать сами французы, притом без давления с нашей стороны. Только в таком случае такая манифестация и Его участие в ней полезны и приемлемы. Если мы увидим Фр. Марсаля — а мы его увидим, — мы можем сказать ему мимоходом, что такая манифестация состояться может. Относительно участия в ней лиц, названных Фр. Марсалем, Великий князь сказал, что не может присутствовать там, где будет гр. Игнатьев, исключённый из полка. Также весьма отрицательно Он отозвался относительно Маклакова, отказ

которого предоставить зал посольства для доклада по делу Конради глубоко возмутил Великого князя. Затем возник вопрос о том, должна ли наша организация оставаться по-прежнему в скрытом состоянии или пора ей стать явной. Тут пред Великим князем были высказаны три точки зрения: Карташёв считал, что комитет должен остаться конспиративной организацией; Шебеко находил, что пора выявиться открыто, а я поддерживал среднюю линию, считая, что выявиться комитет должен тогда, когда обозначится какой-либо его успех, хоть какое-либо достижение, чего пока ещё нет. Великий князь сказал, что в дальнейшем нет необходимости сохранять конспиративный характер комитета, что, напротив, желательно, чтоб все знали о существовании такового, но этот вопрос подлежит, конечно, обсудить у нас. Когда мы затронули вопрос о казаках и Карташёв сказал, что казачий вопрос очень сложен и потому желательно, чтобы Великий князь высказал свой взгляд на этот вопрос, а также указал, кого из казаков и от каких организаций желательно включить в комитет, Великий князь ответил, что Ему этот вопрос ясен: когда настанет день действия и Он позовёт, все казаки пойдут за Ним. Далее Он назвал Краснова и Граббе, коих, по Его мнению, желательно включить в комитет. Когда мы заговорили об атамане Богаевском, то Великий князь отнёсся к этой кандидатуре сдержанно. Он указал, что нужно, чтоб Б[огаевский] отказался сперва от некоторых иллюзий, так сказать, покаялся, и тогда можно будет и его включить. В разговоре Великий князь упомянул, что Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека* идёт с Милюковым. На это Карташёв ответил, что, судя по их прессе, видно, что казаки от милюковского течения определённо отошли. Вчера я видел Б[огаевского], который, по приезде сюда, побывал у Краснова и в курсе многого, что здесь происходит. Он знает, что есть какое-то объединение около имени Великого князя, сам очень хотел бы принять в нём участие. Состава комитета Б[огаевский] не знает, но знает лишь о том, что туда должны войти Краснов и Граббе. Он готов работать с Великим князем и под Его высшим руководством. Словом, ясно, что ему очень хочется войти в наш состав, но он сознаёт, что Великий князь относится к нему весьма сдержанно. В беседе с Великим князем на нас произвело впечатление то, что весь тон разговора был иной, чем в прежние

---

* *Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека* образован в Константинополе в январе 1921 г. и явился результатом соглашения Донского, Терского и Кубанского войсковых атаманов. Целью нового образования провозглашалось объединение казачества за границей и, как следствие, совместное выступление в вопросах внешних сношений, военных, финансово-экономических и общеполитических. Рупором совета стал ген. А.П. Богаевский. Отношение к объединению со стороны беженства было неоднозначным, в частности ген. П.Н. Врангель относился к задачам организации отрицательно, считая её деятельность сепаратистской.

посещения. Великий князь высказывается теперь совсем иначе, его указания хотя не облечены в форму прямых приказаний, но имеют уже тон императивный. Видимо, Великий князь уже вышел из прежней сдержанной и осторожной даже с нами позиции. Его настроение изменилось, есть вера в скорое спасение России. Так, он, между прочим, сказал, что предсказывать вообще нельзя, но, если бы Ему задали вопрос, как Он думает, произойдёт ли освобождение России через много лет или в скором времени, он сказал бы, что верит в скорое спасение Родины.

Шебеко добавляет, что тон разговора был, действительно, совсем иной, чем прежде. Великий князь нам сказал, что на основании сведений, получаемых из разных источников, стало ясно, что многочисленные круги русских людей ожидают Его выступления в пользу спасения Родины и относятся к нему с доверием. Это, видимо, отразилось на Его тоне в разговоре с нами, указания, нами полученные, имеют характер императивный, хотя не облечены ещё в форму приказания. Особенно определённы были указания в делах внешней политики, которую Его Высочество желает вести сам. Он определённо указал, что в этой тонкой области доверие к нему должно быть полное. Его годы и многолетний опыт дают Ему право взять эту часть общей работы всецело в свои руки. Всякий разговор на эту тему случайных людей, недостаточно осведомлённых в положении этого вопроса в данный момент, может принести вред делу. Например, подняв какой-либо вопрос чрез лицо, враждебное нынешнему правительству, можно вызвать сопротивление последнего только потому, что дело поднято при посредстве его политического противника. Я хочу отметить то, что в речи Великого князя звучала необычайно патриотическая нота, особенно когда вопрос шёл о предполагаемой манифестации. Он определённо подчеркнул, что он может участвовать в таком торжестве лишь тогда, когда России будет представлено то место, которое ей Богом определено, и лишь в том случае, если инициатива будет исходить исключительно от французского правительства. Нельзя нам в этом вопросе подталкивать французов. Таким образом, я определённо почувствовал сдвиг в позиции, принятой Великим князем. Это обстоятельство, по моему мнению, должно побудить нас тоже сделать шаг вперёд в деле выявления наружу нашего комитета, конечно, без каких-либо публичных манифестаций. Очень определённо было заявление Великого князя по казачьему вопросу, очевидно, у него есть для этого достаточные и определённые сведения.

С.Н. Третьяков предлагает обменяться мнениями по сделанному докладу и принять решения, из него истекающие.

А.Ф. Трепов указывает, что заявление Великого князя о том, что ведение дипломатических переговоров Он берёт всецело на себя, есть акт приступа к работе Великого князя и нам нужно теперь подчеркнуть, что первое Его указание нами получено и будет принято к исполнению.

Проф. Алексинский говорит, что решение Великого князя принять на себя руководство дипломатическими переговорами знаменует приступ к активной деятельности в деле спасения России и вызывает у нас чувство глубокого удовлетворения. Это решение знаменует выступление Великого князя на путь внешней политики, нам же остаётся область организации общественного мнения русской эмиграции.

В.И. Гурко приветствует выступление Великого князя в вопросе о внешней политике, видя в этом решение деятельно приступить к работе. В этой области работать без руководства и единого направляющего центра нельзя. Мы подчиняемся указаниям, полученным от Великого князя, но мы должны быть с Ним совершенно откровенны и сказать Ему, что всё же нам необходимо в известных пределах сохранить инициативу и для этого надо, хотя бы в общих чертах, знать общую линию политики, а равно — кому её непосредственно поручено проводить, дабы мы знали, к кому мы можем обращаться для получения сведений и объяснений.

С.Н. Третьяков говорит, что при разговоре с Великим князем он затронул слегка вопрос об отношении к Франции и Германии. Великий князь высказал мысль, что Германия так истощена, что не скоро станет фактором, могущим помочь возрождению России, в этом деле интересы России требуют тесного сближения с Соединёнными Штатами. Я высказал, что экономические отношения с Германией неизбежны для обоих государств, что наши отношения с Францией обусловлены политическими интересами, тогда как с Германией — экономическими.

Н.Н. Шебеко дополняет, что мысль Великого князя о том, что руководство внешней политикой переходит всецело в Его руки, не означает полного устранения от этой деятельности нашей организации. Это определяет лишь то, что руководство принадлежит ему и, по положению момента, сейчас выполнение дела производится им самим.

Гурко указывает, что каждому из нас приходится говорить с иностранцами. Пока мы не входили в общую организацию, можно было говорить, что каждый думает. Но как только станет известным,

что мы являемся членами комитета, нам нужно проводить общую линию. Необходимо, чтобы её нам указал Великий князь.

Фёдоров считает, что единое руководство во внешней политике совершенно необходимо. Эта область есть часть общей работы, и он приветствует то, что её берёт в свои руки Великий князь. Но, конечно, это не будет означать, что всё будет делаться тайно от нас. Великий князь хочет работать с нами как членами известных общественных организаций. Эти организации ведут известную политическую работу, вступают в разговоры с иностранцами, а потому, чтобы не было ошибок, нам, как руководителям этих организаций, нужно знать, каково направление политики, которую желает проводить Великий князь. Наши отношения с Великим князем должны отличаться доверчивостью и искренностью. Мы сознательно идём на совместную с Ним и под Его руководством работу как представители общественных организаций, и только при известной самостоятельности последних мы можем оказать помощь в общем деле.

А.В. Карташёв указывает, что из слов Великого князя понял, что наше дело — в процессе развития, однако же ещё не окрепло и потому есть опасение, что неосторожным вмешательством его можно испортить.

Трепов говорит, что совершенно уверен в том, что указания Великого князя будут нами исполнены. Но это не означает, что мы не должны касаться вопросов внешней политики в наших суждениях здесь, среди нас. Напротив, мы должны высказаться здесь с полною откровенностью по всем вопросам и доложить наше мнение и мотивы Великому князю. Он их выслушает и использует то, что в них будет ценного. По нашим прениям ведутся протоколы, которые могут быть препровождены Великому князю.

Третьяков напоминает, что Гурко поднял вопрос о желательности получить от Великого князя указание об общей линии политики, которой должно держаться в частных разговорах с иностранцами, а также о желательности получить осведомление о том, ведёт ли переговоры лично Его Высочество или чрез кого-либо из лиц, живущих здесь, и спрашивает, желает ли собрание, чтоб президиум обратился к Великому князю с подобным вопросом.

Трепов указывает, что вопрос, чрез кого ведёт переговоры Великий князь, очень щекотлив и его не следует задавать Великому князю.

Савич поддерживает эту мысль, указывает, что сейчас, когда наше дело ещё в зародыше, быть может, Великому князю приходится зондировать почву чрез разных лиц, из которых каждый не знает

поручения, данного другому. Когда вопрос выяснится и дело наладится, мы, вероятно, получим желаемые разъяснения и указания.

Оболенский считает область внешних сношений крайне деликатной, требующей большой тайны и большого такта, вторжение в которую отдельных членов совершенно нежелательно. Однако здесь считают полезным знать общую линию проводимой политики. Этот вопрос может выяснить президиум путём разговора с Великим князем, хотя при начале переговоров вообще крайне трудно говорить об общей линии политики.

Гурко говорит, что сейчас он ещё может говорить как частное лицо, но когда организация наша станет явной, то он должен знать, в каких главных линиях ведётся политика, чтоб не говорить вразрез с основными положениями, на которых остановился Великий князь. Он хотел бы также знать лицо, чрез которое будут вестись переговоры.

Семёнов указывает, что последний вопрос вызывается тем обстоятельством, что сейчас у Великого князя нет дипломатического аппарата, каким было прежде Министерство иностранных дел. Ещё здесь, во Франции, Великий князь может вести переговоры чрез отдельное лицо или даже сам лично. Но в других странах это затруднительно. Там и сейчас наши организации ведут сами политику. Центральные органы, находясь здесь, могут её направлять в общее русло, давать от себя определённые директивы. Но для этого они сами должны знать, по какому пути следует идти. Этот вопрос следует доложить Великому князю. Я предложил бы устроить у нас обсуждение вопросов внешней политики и высказанные нами мнения доложить Великому князю.

Алексинский поддерживает мысль о желательности такого обсуждения вопросов политики среди нашей группы, с тем чтоб высказанные мнения были доложены Великому князю. Конечно, проведение политики в жизнь есть прерогатива Великого князя, раз он взял на себя эту задачу. Нам остаётся право мнения и обсуждения вопросов. Спрашивать, чрез кого будет проводиться выполнение политической работы, сейчас невозможно. Когда настанет момент, быть может, нам скажут это и без нашего вопроса.

Трепов присоединяется к мнению проф. Алексинского.

Карташёв добавляет, что в принципе совершенно бесспорно, что мы должны получить директивы, какой основной линии политики следует держаться, а равно узнать, чрез кого она ведётся. Но в настоящий момент вопрос тактики требует, чтобы мы этих вопросов не касались.

Фёдоров говорит, что надлежит доложить Великому князю протокол наших суждений по вопросам политики и тогда мы получим надлежащие указания. Надо только осветить нашу точку зрения достаточно ясно, чтоб Великий князь мог дать исчерпывающие указания.

Третьяков резюмирует прения, говоря, что все согласны с тем, чтоб изложить наше согласованное мнение в протоколе и доложить всё Великому князю. Тогда выяснится общая линия, которой нам следует держаться.

Гурко добавляет, что, пред тем как приступить к суждению по вопросам политики, желательно получить освещение международных отношений.

Трепов предлагает просить кн. Трубецкого и Шебеко собрать нужные сведения и возможно скорее сделать нам доклад.

Предложение принято.

С.Н. Третьяков предлагает перейти к вопросу о кооптации казаков. Он напоминает, что было решено, что кооптация может происходить или по признаку принадлежности кандидата к какой-либо крупной организации, ещё не представленной, либо по указанию о желательности участия кандидата, сделанному Великим князем. В настоящий момент имеется указание на ген. Краснова и гр. Граббе, причём последний является председателем казачьего объединения во Франции. Сверх того, является кандидатом ген. Богаевский, как атаман Донского войска. Кандидатуру последнего очень поддерживает торгово-промышленная группа. Чтобы не вызывать известного неудовольствия в части казачества, желательно кооптировать всех трёх кандидатов одновременно.

А.Ф. Трепов указывает, что, раньше чем говорить о кандидатуре Богаевского, надо о ней переговорить окончательно с Великим князем и, быть может, отложить до этого момента весь вопрос (о казаках) о Богаевском.

С.Н. Третьяков поясняет, что он уже поднимал вопрос о Богаевском. Великий князь отозвался о нём очень холодно. Он не сказал, что не следует включать Богаевского в наш состав, но дал понять, что нежелательно этот вопрос форсировать.

Карт[ашёв] добавляет, что он доказывал, что казачество не только военная сила, но и территориальная область, где имеются разные политические течения, взаимоотношения коих очень сложны. Ни один из них не следует отбрасывать, создавая тем из него себе врага; напротив, их всех следует втянуть в нашу работу, сделать их нашими союзниками, собирать силы. Я почувствовал, что Великий

князь относится к Богаевскому с большой холодностью, но нам следует объяснить ему нашу точку зрения.

Крупенский считает, что вопрос о Краснове и гр. Граббе можно считать решённым в положительном смысле, вопрос о Богаевском надо отложить.

Савич указывает, что в декларации Об[ъединённого] Сов[ета] атам[анов] и казачьих правительств* имеется определённое указание на сепаратизм. Следует переговорить с ген. Богаевским, если он стоит на общенациональной платформе, не идёт сейчас за сепаратистами, то вероятно, что и Великий князь изменит своё отношение к его кандидатуре. Тогда не будет оснований не включать его в наш состав.

Фёдоров считает, что нельзя делать ошибки кооптацией лишь двух представителей казачества и откладывание вопроса о третьем. Должно быть очень осторожным, и потому правильным решением было бы признать, что первые два приняты в наш состав безусловно, а относительно Богаевского поручить президиуму выяснить, принимает ли он нашу точку зрения в национальном вопросе, и тогда доложить Великому князю. Если последний не встретит возражений, то тогда надо признать Богаевского включённым.

Кн. Оболенский напоминает, что у нас было принято положение допускать кооптацию только после обсуждения кандидата в президиуме и по докладу последнего.

Гурко выражает мнение, что, раз возникает опасение о возможности осложнений в случае избрания в наш состав лишь двух представителей казаков и оставлении вопроса о третьем в неопределённом положении, он предпочитает отложить весь вопрос и затем принять всех трёх одновременно.

Шебеко протестует против этой мысли. Вопрос о кандидатурах первых двух прошёл все стадии и ничего общего с третьей не имеет. Великий князь хорошо знает казачество, и если он так определённо указал на желательность кооптировать двух первых кандидатов, то значит нет основания откладывать этот вопрос. В президиуме эти кандидатуры не встретили возражений, и они одобрены Великим князем. Следовательно, вопрос надо считать разрешённым. Относительно Богаевского надо сперва пройти все эти установленные стадии, а следовательно, сегодня нельзя решать вопроса.

---

* В январе 1921 г. между атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани было заключено соглашение, по которому они объединяли свои силы — финансовые, политические, общественные, а также сохраняли общее командование; кроме того соглашением предусматривалось совместное выступление в вопросах внешних сношений.

Оболенский рекомендует тщательно взвесить деятельность Богаевского. Он указывает на известную декларацию, где имеется оскорбление достоинства р[усского] имени. Нужно, чтоб президиум наш достал эту декларацию и имел по её поводу разговор с Богаевским.

Фёдоров считает, что надо поручить президиуму отследить этот вопрос, переговорить с Богаевским и испросить заключения Великого князя. Нового обсуждения этого вопроса поднимать не следует, и если выяснится, что президиум не имеет возражений на включение Богаевского, а Великий князь даст согласие, то считать вопрос исчерпанным.

Крупенский заявляет, что кооптация принадлежит общему собранию, а не президиуму и он, во всяком случае, сохраняет свободу суждения.

Третьяков указывает, что Краснов и Богаевский находятся в постоянном общении и если включить одного, то другой сейчас узнает и будет обида. А он представляет собой атаманскую власть донского казачества, и его невключение отзовётся тягостно и среди нашей группы. К тому же мы все не без греха в прошлом, и я, по крайней мере, чувствую, что мне могут делать упрёки за прошлое. Поэтому лучше не будем этого вопроса касаться, лучше будем говорить о настоящем и будущем. Из разговора с Богаевским ясно, что прекрасно понимает то, что, входя в наш состав, он теряет связь с Об[ъединённой] орган[изацией] атаманов и прав[ительств] Дона, Кубани и Терека. Нам надо этого желать, а потому мы должны обратиться к Великому князю с просьбой переложить гнев на милость.

Шебеко тоже считает полезным включение Богаевского, так как, работая с нами под руководством Великого князя, он изменит прежний политический курс. Но, ввиду отношения к вопросу Великого князя, надо не торопиться, а провести вопрос чрез все положенные стадии. Это вполне нормально, и обижаться тут никто не может. Первые два кандидата должны быть кооптированы сегодня.

Проф. Алексинский заявляет, что давно знает Богаевского, который всегда был не очень устойчив, поэтому с ним надо переговорить и получить уверенность, что он войдёт в нашу среду только как атаман, а отнюдь не председатель Об[ъединённого] Сов[ета]. Никакой обиды я тут не вижу.

Третьяков ставит на голосование о приёме в состав комитета ген. Краснова и гр. Граббе, что принято собранием.

Далее собрание признало желательным кооптацию Богаевского, если в переговорах с ним президиум получит удовлетвори-

тельные заверения и если со стороны Великого князя не встретится возражений. В таком случае президиум внесёт вопрос в ближайшее заседание.

Постановили следующее заседание назначить на понедельник, 7 декабря, в квартире Савича.

Утверждено
в заседании 15 декабря 1923

XI
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ*

7 декабря 1923 г.

Присутствовали: Третьяков, Краснов, Трепов, Гурко, Фёдоров, Карташёв, Семёнов, Шебеко, Крупенский, кн. Оболенский, Нобель, Савич, проф. Алексинский
Председательствует: Третьяков

Открывая заседание, **С.Н. Третьяков** приветствует участвующих в первый раз в заседаниях группы Краснова и Нобеля и докладывает, что в декабре президиум обсудил вопрос, поставленный на повестку сегодняшнего заседания. Было установлено, что существование нашей организации стало известно, сведения о ней проникли в среду русских людей. По-видимому, и сам Великий князь не придаёт такого значения, как прежде, сохранению в строгой тайне существования организации, что соответствует тому, что Он сам начинает выявлять свою собственную позицию более явно, чем то было до недавнего времени. Таким образом, сведения о существовании нашей организации до некоторой степени проникли в среду наших организаций, и некоторые из нас, например Шебеко, заявили, что члены их организаций высказывают настойчивое пожелание узнать, каково положение нашей группы объединения, что нами делается и т.д. Это обстоятельство ставит некоторых из нас в трудное положение, так как, в силу нашего постановления и строгой конспиративности, они ничего не могут разъяснить или ответить. Поэтому они считают, что далее сохранять в секрете наше существование не следует. Я высказался, что выявление нашего существования может быть полез-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 12.

ным лишь тогда, когда у нас в активе будут какие-либо реальные достижения. Будь эти достижения налицо или получи мы определённые сведения о том, что оглашение факта нашего существования принесёт пользу делу, я, конечно, высказался бы за такое выявление. Но сейчас положение иное. У нас нет точных данных об отношении широких масс России к нашему начинанию, мы не знаем, принесёт ли такое выявление пользу Великому князю в смысле международных отношений. Поэтому всякую шумиху около нашей организации, всякое громкое выявление я считаю нежелательным и неосторожным. Доводы разума должны побудить нас к большой осторожности.

А.В. Карташёв добавляет, что было высказано мнение, что нет повода для громогласного выступления, но что настал момент, когда мы можем начать говорить, что наша объединённая группа существует и действует.

Проф. Алексинский высказывается за снятие запрета говорить о существовании нашей организации; для того чтоб вызвать отклик в России к нашему начинанию и чтоб побудить иностранцев выйти из нынешней неопределённой позиции, надо приковать внимание русского народа здесь и там, а также внимание французов к Великому князю и русскому национальному делу. Этого мы можем добиться только путём открытой работы, а следовательно, путём явного существования нашей группы. Конечно, нужна и секретная работа, но одновременно нужно выявить голос всей русской эмиграции. Открытая демонстрация единства и объединения эмиграции должна произвести сильное впечатление на иностранцев. Пока что мы представляем собою немногочисленную группу хотя бы и влиятельных в известных кружках лиц, из коих не все имеют определённые полномочия своих организаций. В таком положении мы не представляем силы в глазах французов. Нам нужно выступить открыто, выделить из своего состава группу для подготовки общеэмигрантского съезда, обратиться на места с указанием важности съезда и с предложением приступить к подготовительной работе. Такое открытое обращение к русской общественности здесь может иметь отклик и в самой России. Надо сообщить на места, что здесь образовалось объединение представителей разных политических течений ради борьбы за национальную идею, которое надеется, что борьбу эту возглавит Великий князь, и просит создать на местах областные объединения для подготовки съезда. Это будет способом выйти нам на открытую работу.

А.Ф. Трепов считает, что интерес дела требует, чтоб существование политического центра было известно, без чего нет смысла для существования последнего. Открытое существование такого

объединённого центра даст возможность устремиться к нему всем национальным русским силам, а также обратить на него внимание иностранцев. Все мы отказались от проведения партийных программ и заданий ради создания такого объединённого центра для борьбы за освобождение России. Такой центр должен существовать и быть явным. Удерживая его существование в строгом секрете, мы делаем его пустым местом, и ради этого не стоило связывать самостоятельность партийных организаций. Наша организация имеет сейчас все невыгоды секретной организации, ставшей до известной степени известной, и не имеет той выгоды, которую ей даст явное существование. Наша организация не партийная, но национальная и патриотическая. Пора её сделать явной и дать ей подходящее название. Сейчас она является нарастающей политической силой, и её надо ещё усилить и расширить с помощью съезда. Без возможности сделать её явной нельзя надеяться на политическую работу, и без этого всё выродится в простые беседы. У французов тоже есть потребность, чтоб у нас появился наконец внепартийный политический центр, всем известный, с которым можно говорить и который представляет те русские политические течения, которым принадлежит будущее. Нам надо выступить открыто, иначе у всех появится впечатление о нашей слабости. Сейчас большевизм сгнил, но держится дерзостью и нахальством. Надо ему противопоставить выявление дерзновенной моральной силы, которая посвятила себя борьбе за освобождение Родины.

Затем он оглашает письмо кн. Трубецкого*, высказавшего ту же мысль, которую поддерживал А.Ф. Трепов.

М.М. Фёдоров считает, что по существу разногласия нет. Президиум высказался за то, что далее замалчивать существование группы нельзя, вопрос только в том, как выявить это так, чтоб выявление было выигрышным. Тут нужна осторожность. Наша объединённая организация будет сильнее, когда организации, коих мы являемся представителями, будут знать, что мы не только существуем, но что что-то делаем. Пока что мы постепенно подводим нашу организацию, Национальный Комитет, к тому, чтобы она признала полезность объединения и втянулась в его работу. Многие наши организации пестры по составу, что требует большой внутренней работы для достижения объединения. Последнему помогают два обстоятельства: появление такой политической силы, как Великий князь, и надежда на успех в борьбе с большевиками, которая появилась благодаря участию в работе на осво-

* В архиве отсутствует.

бождение России этой крупной политической силы. Наша организация должна войти в новую стадию существования, её участники должны стать делегатами их организаций, официальными представителями. Тогда вся организация станет явной и более сильной. Впоследствии с помощью съезда надо подвести под неё более широкий фундамент. Таким образом, сейчас надо дать поручение участникам ввести в курс свои организации и получить их мандаты. Одновременно и здесь надо работать как в области переговоров с финансовыми группами, так и в деле организации осведомления о том, что делается в России. Наконец, надо послать верных людей в Россию, чтоб завязать связи и получать сведения из первоисточника. Конечно, на это нужны деньги, их надо найти во что бы то ни было. Для этого нет нужды сейчас же открыто выявлять существование нашего объединения, достают же средства на разные нужды русских беженцев даже отдельные лица. Такой, хотя бы частичный, успех очень укрепил бы положение нашей организации в глазах беженского общественного мнения.

Проф. Алексинский оспаривает мысль, что вопрос объявления организации надо отложить до получения её членами мандатов от их организаций. Из этого произойдёт только потеря времени. Надо взять в свои руки инициативу, тем более что организации осведомлены в общем об участии их сочленов в органе, имеющем целью добиться (организовать) объединения широких слоёв русской эмиграции. Последнее достижимо только путём съезда, и потому нам надо выделить группу по подготовке созыва съезда. В этом нет ничего обидного для наших организаций, к которым всё равно эта группа обратится, равно как к разным местным объединениям, по вопросам, связанным с созывом съезда. Но для того чтобы взять в свои руки эту инициативу, надо, чтобы русская общественность знала о нашем существовании. Наконец, когда наша организация станет явной, все общественные организации будут вынуждены выявить своё отношение к ней, что давно пора сделать.

А.Ф. Трепов поддерживает мысль, что не следует связывать вопрос о том, чтобы сделать нашу организацию явной, с вопросом о получении её членами официальных мандатов. Это поведёт к потере времени, а между тем для многих из нас становится физически невозможным отрицать существование организации и наше участие в ней. Надо возможно скорее снять с нас запрет, говорить о том, что мы существуем. В частности, положение его таково, что он не может далее оставаться в этом положении и вынужден отвечать на вопросы своих единомышленников, что объединение существует и для чего оно организовалось. Он может повременить с этим ещё неделю-полторы,

но затем ему немыслимо будет соблюдать секрет, ставший к тому же достоянием широкой публики.

Н.Н. Шебеко соглашается с доводами Трепова. Нам на вопросы наших единомышленников приходится отвечать, и нельзя отрицать очевидности. Поэтому всё равно мы будем вынуждены признать факт нашего существования. Конечно, не может быть места какому-либо шумливому выявлению нашего существования, нельзя делать бума около этого факта. Но надо только снять с нас обязательство молчания о том, что всё равно стало известно, надо с последним примириться и снять с нас клеймо за те неизбежные разъяснения, кои мы будем вынуждены сделать в своих организациях. Что касается введения в курс работ тех или иных организаций и получения от них мандатов для участия их представителей в нашей организации — это есть внутренний вопрос каждой организации и до нас не касается. Представители монархических организаций никакого давления не хотят оказывать на другие группировки и в их дела не вмешиваются. Для нас сейчас важно иметь моральное право открыто говорить о существовании объединённого органа. Это нужно не только для нас лично, не только для переговоров с иностранцами, но особенно для наших отделов. У нас есть отделы на местах, до которых уже доходят слухи о существовании объединённой организации. Мы вынуждены их правильно информировать, поставить в курс политического положения и вести за собой. Что касается необходимости сперва добиться успеха, чтоб потом объявиться, то против такой постановки вопроса нельзя не возражать. Наши организации прекрасно сознают, что успех в таком деле, как борьба с большевиками, очень труден, они не требуют немедленных успехов, для них будет важно знать уже то, что для достижения этой цели создался объединённый орган, который начал существовать и что-то делать. Но, конечно, по поводу такого существования объединённого органа никто не собирается бить в набат.

Ю.Ф. Семёнов возражает Шебеко, указывая, что для выявления организации требуется не реальный успех в деле борьбы, а хотя бы внутреннее убеждение участников в том, что дело пошло на лад, что есть плюс от наших собраний. Пока мы не наметили ни плана работы, ни методов её выполнения, до сих пор мы всё ещё спорим по конструктивным вопросам — и только. К существу нашей задачи мы ещё не пробовали подойти, и нам буквально нечего сказать своим организациям по этому вопросу. Поэтому сейчас очень трудно сделать нашу организацию явной.

Карташёв указывает, что все предыдущие попытки объединения разбивались об отсутствие точки, около коей должна была про-

изойти спайка. Теперь появилась такая точка опоры, и хотя объединение общественности ещё не завершилось, но каждый чувствует, что появилась цель для объединения и значение его. Хотя мы здесь собрались по персональному признаку, но отлично понимаем, что в будущем за нами вольются в объединение наши организации. Мы здесь — организация политическая и общественная, и, как мы ни слабы сами по себе, мы обязаны держать и выявить самое своё существование. Великий князь выдвигается сам собой на политическую авансцену, и окончательное Его выявление будет принадлежать Ему самому; однако самый факт существования нашего политического объединения, ставшего известным, будет способствовать тому, что роль Великого князя будет проявляться. Одновременно такой политический центр может служить, в известных случаях, Ему прикрытием. Сейчас важно признать, что время сохранения в секрете существования политического органа коалиционного характера прошло. Но тут встаёт перед нами другой и трудный вопрос. Как только станет известным существование коалиционного органа, нам предъявят вопрос: покажите своё политическое лицо, какова ваша программа? Есть привычные шаблоны политической деятельности, от которых не уйдёшь. Нам надо подработать ту программу, которую обсуждали весной, надо наметить основные черты той агитации, с которой мы хотим идти в Россию. Всё это ещё не подготовлено, поэтому период открытого существования требует предварительной работы в этой области.

С.Н. Третьяков находит, что практически не будет никакой разницы между шумным выявлением нашего существования и простым снятием обязательства молчать о его существовании. Всё равно, раз мы, участники, открыто признаём существование политического центра объединения, об этом начнётся шум в прессе. «Накануне» и «Последние новости» ухватятся за этот факт и начнут трепать этот вопрос. Уже и сейчас большевистские зарубежные газеты сообщают какие-то выдумки о связи наших членов с заговорами в России; но пока они только нащупывают почву, зная, что что-то есть, но не зная существа. Когда последнее станет известным, они начнут свою агитацию не только против нас, но и против Великого князя. Нельзя, говоря о нашей организации, не коснуться отношений её к Великому князю, ибо только это является новым обстоятельством. Таким образом, этим выявлением мы выставляем Его под удары враждебной прессы и способствуем разоблачению Его роли, которую Он пока не считал возможным выявлять. Он нам говорил, что выступит, когда узнает, что Россия Его хочет, Ему верит, Его ждёт; если же этого не случится, если Он узнает противное,

Он не выступит. Положение в России пока точно неизвестно, поэтому нет основания нам форсировать выявление роли Великого князя. Конечно, если бы мне доказали, что это дало бы толчок в России, я бы не колебался, но и то только тогда, когда мне будет известно отношение Великого князя. Сейчас нам нужно не выявление, не пережёвывание программы, а деятельная работа. Пока мы не создали даже разведки, надо её создать возможно скорее, надо послать в Россию людей. Люди такие есть, но у нас нет денег, а мы не делаем ничего, чтоб их достать, не ведём переговоров с финансистами, не организовали своей прессы. Вот всё это надо сделать, памятуя, что люди всегда идут туда, где успех есть или вероятен. В своё время все шли за белыми генералами, потому что верили в их успех, а мы даже не наметили плана своей работы.

А.Ф. Трепов соглашается, что успеха нет никакого, но его нельзя ждать, пока не будет известно существование нашего центра объединения. Сейчас, когда мы о его существовании молчим или даже отрицаем, он является пустым местом, которое не может ничего и никого к себе привлечь. Но для нас создаётся фальшивое положение, которое должно быть устранено. Поэтому необходимо снять печать молчания о существовании нашего органа. Что касается отношения последнего к Великому князю, то только сам Великий князь может разрешить сделать это явным.

Проф. Алексинский видит главную задачу органа объединения в том, чтобы будить общественную мысль, привлекать к работе широкие круги общества. Нам нужно привлечь в свою среду или на свою работу местные силы, работников с мест. Крупное общественное дело можно сделать лишь объединёнными усилиями широкой общественности, когда вся организованная русская общественность будет с нами и будет нам сочувствовать.

Савич указывает, в какое ложное положение попадают наши сочлены, когда им приходится уклоняться от ответа на вопрос, заданный по поводу существования нашей организации. Всё равно факт её существования известен, поэтому нет основания требовать от нас, чтоб мы его замалчивали, а тем более отрицали. Но в публике распространено, может быть, преувеличенное представление о близости организации к Великому князю, и на эту сторону вопроса направлено наибольшее любопытство. Необходимо узнать у Великого князя, можно ли и в какой мере выяснить отношение организации к Нему.

В.И. Гурко указывает, что он не может разобраться, где правда. Вопрос, о котором здесь спорят, решён самой жизнью. Нет необходимости громко провозглашать, что существует объединённая организация,

ибо она всё равно стала известна. Достаточно впредь не замалчивать её существования и поскорее приступить к реальному делу. Как бы ни было тягостно положение наших сочленов, входящих в состав сложных и разношёрстных организаций, но они должны помириться с тем, что никакого успеха мы не достигнем, пока не приступим к реальному делу, а для последнего важно, чтоб знали о нашем существовании, о состоявшемся объединении представителей крупнейших политических организаций. Вот Маклаков отказал нам в помещении для доклада по делу Конради, но, если бы мы уже существовали как влиятельный политический центр, его отношение было бы, вероятно, иное. Мир судит прежде всего по внешнему фасаду о каждой организации, обращает внимание на политическую этикетку, и потому посторонние лица (и в частности, французы) будут иначе относиться к объединённой организации, ставшей явною. Поэтому её замалчивать не следует. В будущем мы должны идти по пути, указанному проф. Алексинским. Но одновременно надо приступить к делу. Особенно важно скорее послать надёжных лиц в Россию, чтоб хорошенько осветить себе положение там и настроение масс к комбинации, которую мы здесь подготовляем. Это важно и для Великого князя, ибо нельзя выступить на пять минут раньше времени, но также опасно опоздать на год — можно упустить момент безвозвратно. Я предлагаю избрать комиссию для подготовки поднятого Алексинским вопроса о съезде, а также распределить между нами работу по отдельным отраслям деятельности. Известно, что, когда какое-либо задание возложено на большую коллегию, дело не двигается. Нужно, чтоб его поручили отдельным лицам, на которых будет лежать ответственность за успех, — только тогда работа двигается. Общий план работы должен выработать президиум, коему и надо дать это поручение. Естественно, план этот будет по мере выполнения меняться в зависимости от обстоятельств, но всё же у нас будет план, чего сейчас нет. Одновременно надо признать, что требование сохранять в абсолютной тайне существование объединённой организации с нас снимается, но что нам нужно в наших разговорах сохранять известную меру — это дело также каждого из нас.

Карташёв признаёт, что мы дожили до момента, когда стало невозможным скрывать наше существование, это надо признать de facto. Мы все не приспособлены для конспирации, для подпольной работы и не умеем быть заговорщиками. Мы привыкли работать открыто, на виду. Поэтому и организация наша, естественно, стала надпольной. Однако это в известных случаях является плюсом для наших методов революционной борьбы. Наша главная задача — подойти к России, и пока мы не нашли путей для этого.

Гурко указывает, что мы имеем дело главным образом с надпольными силами, у которых мы должны искать сочувствия и поддержки. Поэтому нам самим приходится стать надпольной организацией. Но так как у нас есть другие задания, требующие тайны, то, естественно, нам надо иметь, так сказать, два дна: одна часть работы должна протекать явно, поэтому мы должны стать явной организацией, другая должна вестись тайно, и о ней никто не должен знать.

С.Н. Третьяков предлагает прекратить заседание за поздним временем и продолжить обсуждение вопроса в следующем заседании, которое может состояться завтра, 8 декабря, в $3^1/_2$ часа дня в здании банка.

Предложение принято.

Утверждено
в заседании 15 декабря 1923

XII
ЖУРНАЛ
ЗАСЕДАНИЯ*

8 декабря 1923 г.

Присутствуют: гр. Коковцов, Гурко, Шебеко, Семёнов, проф. Алексинский, Крупенский, Трепов, кн. Оболенский, Фёдоров, Третьяков, Нобель, Карташёв, Савич
Председательствует: Третьяков

Открывая заседание, **председатель** резюмирует сущность прений, происходивших в заседании 7 декабря, после чего предлагает высказаться по вопросу.

Проф. Алексинский указывает, что главные аргументы, приводимые против выявления объединённой организации, сводились к следующему: 1) до сих пор нами не достигнуты сколько-нибудь реальные успехи, 2) момент для такого выявления сейчас неблагоприятен. Но при этом опускают из виду, что главнейшая наша задача состоит в сплочении русских общественных сил и может быть достигнута только при открытой работе со стороны группы общественных

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 13.

работников или объединённой организации, о существовании которой все знают и которая открыто сносится с местными организациями. Эта открытая работа по сплочению русской общественности, производимая открытой организацией, лучше всего забронирует ту часть нашей работы, которая требует полной тайны. Притом же у Великого князя, видимо, есть полное сознание в необходимости и полезности открытой работы по организации общественности, а её вести должна именно наша организация, как общественная и коалиционная. Но для этого необходимо выйти из полуконспиративного состояния, в котором мы всё ещё находимся. Надо помнить, что интерес к объединению и потребность в нём столь велики, что, если мы не возьмём осуществление этой задачи в наши руки, может возникнуть новый политический центр, который этим займётся, и в результате получится двойственность в работе, вредная общему делу.

Н.Н. Шебеко оспаривает указание Третьякова, что всякое выявление существования объединённой организации практически приведёт к одинаковым невыгодным результатам. Всё равно о существовании её стало известно, и этого достаточно, если противники пожелали бы поднять травлю. Сам Великий князь одно время считал полезным сохранение полной конспирации, но потом Он понял, что это физически невозможно, а практически невыгодно. Этим объясняется Его ответ, данный нашему президиуму. Если будет решено, что излишняя конспирация может быть упразднена, это не должно означать, что нам надо делать шум около нашей организации или всемерно разглашать факт её существования, а только даст нам право в известных случаях говорить о том, что она существует.

Гр. Коковцов говорит, что отсутствовал в прошлых заседаниях, но из резюме председателя и чтения журнала пришёл к некоторым выводам, коими он хотел бы поделиться. Прения, которые ведутся по настоящему вопросу, вызывают в нём некоторое недоумение. Одни говорят о каком-то выявлении нашей организации, другие толкуют это слово как право наше не скрывать своего существования. Но при этом ни разу не указывалось, в какую форму предполагают облечь это выявление, без чего невозможно определить своего отношения к вопросу. Для ответа, возможно или нет согласиться на выявление, надо иметь определённое предложение, как его сделать, чего я не вижу. Самое слово «выявление» меня смущает, и потому в настоящих условиях я высказался бы против принятия этого термина. Но если вопрос сводится к тому, что предлагает Шебеко, я его поддерживаю. Мы можем и должны говорить, что у нас, правого сектора эмиграции, есть

желание и стремление обсуждать и обдумывать вопросы по спасению и восстановлению России, что для этой цели мы объединились. Недавно в разговоре с Фр. Марсалем мы говорили, что большевистский режим погибает и что в ожидании этого мы сговорились в надлежащий момент подчиниться единому руководству, объединились около общего флага. Мы признали, что эмиграция разделилась на два лагеря, и тот, который одушевлён стремлением бороться с большевиками, признаёт своим Вождём Великого князя, если выступление последнего выльется когда-либо в реальную форму. В будущем нам надо делать то же самое, то есть открыто признавать, что мы объединились и на каких лозунгах. Сами по себе мы имеем малое значение, но мы можем подпереть своим авторитетом другую политическую силу, чем поставим её в более выгодное положение. Поэтому против всякой шумихи, против какого-либо яркого и шумного выявления надо возражать. Но в то же время нам нет надобности скрывать факт нашего объединения, не следует надевать маску и скрывать своё политическое лицо. Да это и невозможно. При разговорах с иностранными финансистами мы вынуждены говорить, что такое наша организация, и это делается сейчас же известным. Достаточно сказать, что наш разговор с Фр. Марсалем обсуждался в кулуарах сената на третий же день. Поэтому торжественного выявления делать не следует, пока у нас не будет реальной силы, но и скрывать факта существования нашего объединения не следует, да и нельзя. После того как будет кооптирован Богаевский, всё равно всё станет известно Милюкову.

А.Ф. Трепов говорит, что он никогда не настаивал на каком-либо шумном выявлении, что было бы совершенно неуместно в условиях русского беженства. Но нам нужно проявление нашей организации, дабы объединённый орган стал известен там, где его существование может принести реальную пользу. В этом есть известное расхождение с предложением Н.Н. Шебеко, который полагает достаточным получить нам право не скрывать нашего существования. Между тем надо сделать наше объединение известным там, где оно полезно для дела. Но при этом надо касаться имени Великого князя с большою осторожностью. Конечно, для пользы дела следовало бы ссылаться в известных случаях на Него, но этого нельзя делать без определённого Его указания.

Проф. Алексинский высказывается против шумного выявления организации, но считает своевременным снять с неё конспиративное покрывало. Открытое и яркое выявление органа объединения может быть только в результате съезда уполномоченных разных стран. Мы же

являемся только объединённой группой политических деятелей, которые взяли на себя инициативу организовать широкое объединение и облечь его в форму съезда. Для этого нужно создать временный политический центр, совершенно явный, чтобы он мог сноситься открыто с местными объединениями и организациями и последние могли бы обращаться к нему. Наша задача сверх того — работать под руководством Великого князя и служить Ему общественной опорой. Для этого надо стать организацией открытой и найти поддержку на местах.

В.И. Гурко говорит, что ему было приятно слышать, что гр. Коковцов выразил, хотя и в более совершенной форме, мысль, которую он защищал в прошлом заседании. Сейчас он считает нужным добавить, что нам необходимо сообщать о нашем существовании и задачах, нами преследуемых, нашим отделам на местах. Этим путём мы будем их привлекать и расширять общественную базу для Великого князя. Скрывать существование нашей организации не следует, жизнь этот вопрос уже разрешила в положительную сторону, организация стала известна. Теперь надо найти конкретный предлог, дабы иметь повод объявить отделам факт нашего существования. Это можно приурочить к вопросу о съезде, сообщив, что наша организация избрала комитет для подготовки съезда, к которому и следует по этому поводу обращаться.

С.Н. Третьяков говорит, что в каждой сложной организации есть люди, связанные с большевиками или с милюковцами. Если мы сообщим им какие-либо данные о нашем органе, всё станет известно Милюкову. Тогда немедленно начнётся травля в газетах не только нашей организации, но и Великого князя. В деле борьбы с большевиками прежде всего нужны деньги, и никакие беженские организации их дать не могут, тут никакой съезд не поможет. В этом могут помочь только французы, а говорить с ними мы можем, на это нас уполномочил и Великий князь. Объединять правое крыло русской эмиграции можно, только надо помнить, что реальной пользы от этого не будет. Всё равно это объединение происходит около имени Великого князя, но это не заменит главной работы, которую нужно вести не здесь, а в России, особенно среди Красной армии. Пути этой работы мне ясны, надо идею объединения вокруг единого центра бросить не в беженскую среду, а в широкие массы самой России. Здесь ничего, кроме неприятности и газетной шумихи, получить невозможно.

Кн. Оболенский считает, что большевики всё равно знают о существовании нашего объединения, и это его не пугает, равно как



и то, что Милюков может узнать о его существовании. Газетные нападки неизбежны, ибо всякая политическая деятельность подвержена этому. Однако мы пока видим, что сам Милюков занялся самым энергичным образом устраивать объединение левого крыла и не только этого не замалчивает, но широко рекламирует, чтобы произвести впечатление. Нам же теперь желательно иметь право сказать о нашем объединении среди тесного круга единомышленников и поделиться с ними нашими надеждами. Вчера говорили, что пока мы объединились по персональному признаку и потому значение наше невелико. Следует придать силу путём получения опоры в единомышленных кругах, что возможно только тогда, когда они будут осведомлены. Всё же факт нашего объединения есть большой моральный плюс. Великий князь в своих телеграммах определённо указал, что единственным залогом успеха Он считает объединение русских людей и их объединённые усилия. При начале наших собраний было указано, что, когда мы сконструируемся, наш президиум пойдёт к французскому правительству и скажет ему, кто мы и зачем собрались. Затем, теперь на местах стремятся к объединению и создают местные органы объединения. Мы можем с ними списаться, выяснить наши задачи и использовать их для наших целей, хотя бы в деле информации. Вот два конкретных способа выявить открыто наше существование.

Гр. Коковцов возражает против предложения обратиться к французскому правительству с заявлением о нашем существовании. Это есть прямое вторжение в область внешней политики, и сделать его можно только по прямому указанию Великого князя. Притом же момент сейчас крайне неблагоприятен, особенно принимая во внимание разоблачения газеты «Humanite».

Н.В. Савич поддерживает заявление гр. Коковцова, говоря, что обращение президиума к французскому правительству противоречит указанию Великого князя, чтоб мы не вмешивались пока в вопросы внешних сношений. А официальное обращение к французскому правительству повлечёт, несомненно, разговоры в этой области. Поэтому надлежит предварительно получить определённое указание Великого князя.

С.Н. Третьяков считает, что весь обсуждаемый вопрос нужно доложить Великому князю и испросить его указаний как по вопросу о сообщении французскому правительству, так и по вопросу о снятии конспиративности с нашей организации вообще. При этом надо доложить подробно, с фотографической точностью. Однако если собра-

ние поручит сделать доклад ему, он после доклада мнения большинства считает себя вправе высказать и своё мнение, как представителя меньшинства.

Проф. Алексинский считает, что доклад должен сделать президиум в полном составе, причём каждый член его будет иметь право высказать потом своё личное мнение.

Н.Н. Шебеко считает, что доклад должен сделать не президиум, а лишь председатель.

А.Ф. Трепов считает, что по таким спорным вопросам надо просить весь президиум поехать к Великому князю, который не отказывается иметь дело с президиумом.

Постановили: Доложить оба мнения Великому князю и испросить Его указаний. Доклад должен сделать президиум в полном составе, о чём надлежит испросить разрешения Великого князя.

Третьяков напоминает, что с первых дней нашей работы мы постоянно возвращаемся к вопросу о съезде. Ни разу никто не возражал против необходимости съезда, но для подготовки его ничего не сделано. Гурко предлагал вчера избрать комиссию для подготовки материала для созыва съезда. Не желает ли собрание избрать такую комиссию сегодня и если да, то из какого числа лиц?

Постановили: Избрать комиссию для подготовки доклада по созыву съезда. В состав комиссии избраны Алексинский, Гурко и Семёнов.

ЖУРНАЛ № 13
ЗАСЕДАНИЯ*

15 декабря 1923 г.

Присутствовали: Крупенский, кн. Трубецкой, Краснов, проф. Алексинский, гр. Коковцов, Трепов, кн. Оболенский, Шебеко, Гурко, Семёнов, Третьяков, Карташёв, Фёдоров, Савич
Председательствует: Третьяков

Читаются и утверждаются журналы заседаний 7 и 8 декабря, причём по заявлению Трепова к журналу 7 декабря прилагается письмо кн. Трубецкого, оглашённое им на этом заседании.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 14.

А.Ф. Трепов предлагает просить президиум составить проект обращения к французскому правительству с заявлением о состоявшемся сформировании комитета объединения и этот проект представить Великому князю, без чего Его Высочеству было бы затруднительно высказаться за или против предполагаемого некоторыми из нас обращения к французам.

Гр. Коковцов полагает, что если Великий князь сочтёт в принципе возможным такое обращение, то тогда президиум должен выработать самый текст обращения и отложить самое выполнение этого начинания до доклада проекта в ближайшем заседании.

С.Н. Третьяков высказывает мысль, что президиум должен получить от Великого князя указание как по этому вопросу, так и по предполагаемому выявлению нашей организации вообще, и, если решение Великого князя последует в благоприятном смысле, надо собрать экстренное заседание на будущей неделе для доклада дела общему собранию.

Предложение Третьякова принято.

В.И. Гурко заявляет, что комиссия из трёх лиц, которой было поручено представить соображения по поводу созыва съезда, исполнила свою задачу и по её поручению проф. Алексинский сделает краткий доклад о том, к чему она пришла.

Проф. Алексинский читает краткую записку, излагающую выводы комиссии. (Записка приложена к журналу.)*

В.И. Гурко добавляет, что сущность вопроса сводится к избранию особой комиссии по подготовке материалов для созыва съезда. Она должна состоять из представителей крупнейших организаций, к которым мы должны обратиться с просьбой прислать своих делегатов. Это будет способом выявления нашей организации. Конечно, осуществить это надо в случае согласия Великого князя с проектом выявления нашего объединения. Комиссия, составленная из представителей организаций, должна подготовить материал по созыву съезда и внести его на обсуждение в нашу организацию. Остальное, что имеется в записке, есть только вехи для будущих работ комиссии.

А.Ф. Трепов указывает на большое политическое значение съезда, который может быть очень полезен, но может также принести много вреда — в зависимости от того, какова будет постановка созыва. Поэтому к этому делу он относится с большим вниманием и осторожностью. Нельзя принимать без серьёзного обсуждения основ будущего съезда решения об обращении к организациям с просьбой

---

* В архиве отсутствует.

послать делегатов в подготовительное бюро съезда, ибо такое сформирование этого бюро явилось бы принципиальным предрешением вопроса о созыве съезда, основы коего нами ещё не обсуждались.

Проф. Алексинский предлагает размножить записку и раздать её членам организации, дабы можно было поставить обсуждение вопроса по существу в следующем заседании. Во время последнего его доклада Великому князю он изложил сущность предположенной схемы созыва съезда, сообщил о существовании нашей комиссии, имеющей задачей представить доклад общему собранию нашей организации, и определённо понял, что Великий князь признаёт вопрос срочным и схема Его удовлетворяет.

В.И. Гурко замечает, что обращение к организациям с предложением прислать делегатов в организационное бюро по подготовке съезда ещё не предрешает вопроса по существу.

Постановили: Размножить доклад комиссии и поставить вопрос о съезде на обсуждение заседания 22 декабря.

Кн. Трубецкой докладывает о состоявшемся в августе в Вене конгрессе религиозного еврейства и о некоторых политических течениях среди еврейства.

Постановили: Принять к сведению.

Кн. Трубецкой делает краткий доклад о подготовительной работе по организации отдела осведомления. На единовременные организационные расходы и на содержание ячейки отдела в течение первых двух месяцев ему удалось достать некоторые средства, правда в минимальном размере. Теперь он может приступить к организации дела. Последняя будет заключаться: 1) в самоосведомлении и 2) в использовании полученных сведений для антибольшевистской борьбы. Первое сейчас особенно важно для нас самих и для Великого князя. Самым действительным средством для получения точных и проверенных сведений была бы посылка надёжных людей в Россию. Это требует, однако, таких денег, коих пока у нас нет. Вообще, денежный вопрос в этом деле очень важен, у него даже возникал вопрос, стоит ли вообще начинать эту работу при тех ничтожных средствах, которыми он сейчас может располагать, не будет ли это бесцельной тратой этих средств, так как иногда недостаток денег может повести к тому, что затраченные средства не принесут ожидаемых результатов и окажутся зря брошенными. При этом может быть достигнут результат явно отрицательный, так как может создаться иллюзия, что у нас есть осведомительный аппарат, что мы достаточно верно осведомлены, а на самом деле всё это окажется самообманом. У меня тягостные колебания, следует ли мне

браться за это дело, так как если не удастся наладить связь с Россией, то вообще не стоит начинать это дело. Только в надежде на то, что по мере развития работы средства начнут поступать, я готов взяться за дело. Все свои планы и сомнения я довёл до сведения Великого князя, и он выразил желание, чтобы я всё же приступил к работе. Недостаток средств и обеспечение кредита в минимальном размере только на два месяца заставили меня предупредить тех квалифицированных работников, которых я считаю нужным привлечь к этому делу, что я могу им гарантировать работу только в течение этих двух месяцев. При этом один из них уже заявил, что не может при этих обстоятельствах бросить своё постоянное место службы. Главный мой помощник пользуется полным моим доверием, и между нами установилось полное единомышление. За эти два первых месяца будет создан аппарат, который может перерабатывать материалы, получаемые уже и сейчас из разных источников дипломатическим и военным представительством, а также отдельными лицами и организациями, но он не будит главного жизненного нерва — связи с Россией. Всё же уже сейчас многие организации получают обширный материал, иногда они работают параллельно в одной и той же области, делают одну и ту же работу. Объединить весь этот материал представляет большой интерес. Но, конечно, все эти организации работают самостоятельно, каждая под своим собственным флагом, нет уверенности, что получаемый ими материал будет полностью и немедленно передаваем нашему отделу и будут ли они в своей работе принимать во внимание наши указания. Сейчас работа их не всегда поставлена целесообразно, сложные вопросы, например касающиеся армии, крестьянства, экономического положения, требующие специальных знаний, перерабатываются иногда людьми в этой области малокомпетентными, и наоборот, иногда специалисты по отдельным вопросам занимаются разработкой материалов по специальности им чуждой. Между тем сейчас большевики тратят большие средства на дело пропаганды и освещение экономических вопросов в желательном для них направлении, они имеют на этой работе серьёзных специалистов, и, если мы дадим какое-либо неправильное освещение одного из вопросов, они этим воспользуются, чтоб опровергнуть наши выводы и дискредитировать всё наше начинание. Конечно, обработка получаемого таким путём материала не может заменить того ценного освещения, которое может быть достигнуто установлением связи с Россией, проникновением туда наших людей. Это проникновение требует от исполнителей готовности к жертве и энтузиазма со стороны выполнителей, а также материальных средств у нас, чего пока

нет. Этим создаётся трудное положение. Всё же надо попытаться наладить дело, потому что этого желает Великий князь и потому что не исключена надежда на приток средств в будущем. Для продолжения работы мне будет нужно в конце второго месяца 500 англ. фунтов. Сверх аппарата здесь надо на первое время наладить орган в Германии, который будет всецело нашим. Всё остальное будет состоять из переработки материала, получаемого от других организаций, и извлечений, делаемых из прессы. Если через два месяца мы не найдём 500 фунт., придётся прекратить работу.

С.Н. Третьяков благодарит кн. Трубецкого за сообщение. Затем он указывает на всевозрастающую трудность получить деньги по мере того, как существует власть большевиков. Сейчас достать деньги очень трудно, но надо этого добиться во что бы то ни стало. У русских денег нет, поэтому всё, что мы можем сделать, — это попытаться их достать у иностранцев, в первую очередь у французских капиталистов. Но это можно достичь лишь в том случае, если французское правительство даст в этом направлении толчок своим капиталистам. Может быть, надо обратиться к американцам, но, во всяком случае сейчас, всё дело в деньгах. Конечно, собрать воедино и правильно обработать материалы о происходящем в России очень важно и интересно, кн. Трубецкой может получить от Торгово-Промышленного Союза бюллетени с выборкой из прессы о России, а также коекакие письма оттуда, но, по существу, мы все прекрасно знаем, что в России очень плохо, что Родина наша погибает, а потому главная задача момента — не собирание материала о России, а антибольшевистская работа внутри России, посылка туда энергичных людей, установление прочных связей с силами внутри России. Для этого нужны прежде всего деньги.

Проф. Алексинский считает, что не следует ждать, пока иностранцы согласятся дать нам деньги. Надо приложить усилия, чтобы самим их собрать среди русских людей. Конечно, нельзя ждать, что этим путём мы достигнем очень крупных результатов, но всё-таки кое-что собрать можно, необходимо перейти к действию, начать собирать национальный фонд, хотя бы путём самых небольших взносов. Это будет иметь очень крупное моральное значение. Теперь нам ставят справедливый упрёк, почему русские эмигранты не смогли за несколько лет изгнания собрать между собой хоть скромный национальный фонд. Надо, наконец, двинуть этот вопрос, поручить определённым лицам обдумать и подготовить проект организации подобного сбора в национальный фонд. Мы — группа общественная и коали-

ционная, и потому на нас лежит обязанность обратиться к русским людям с соответственным заявлением о необходимости этого сбора.

А.Ф. Трепов говорит, что с большим вниманием выслушал доклад кн. Трубецкого и вполне разделяет его опасения, но всё-таки считает нужным отметить, что наконец удалось достигнуть кое-какого реального результата. Материалы, которые достанет и обработает осведомительный отдел, надо будет использовать для осведомления французского общественного мнения и правящих сфер здесь. Он не надеется собрать среди русских сколько-нибудь крупных денежных средств, но тем не менее совершенно согласен с тем, что нам надо сделать в этом отношении опыт, использовать мысль обращения ген. Краснова к казакам. Созданию аппарата, который будет давать сведения о России, точно проверенные, он придаёт большое значение, так как французы, по-видимому, готовы были бы заинтересоваться русскими делами, если бы были уверены, что материалы, им передаваемые, проверены, не преувеличены, не извращены и правильно освещены. Таким образом, с помощью осведомительного отдела кн. Трубецкого можно будет возобновить в известных французских кругах интерес к русскому делу.

Н.Н. Шебеко сообщает, что партия, которой он является председателем, придаёт громадное значение сбору денег в национальный фонд. Необходимо, чтоб беженская масса почувствовала себя участницей дела освобождения Родины, что будет иметь громадное моральное значение. Конечно, вообще трудно собирать деньги среди беженцев, но на такое дело, как собирание национального фонда в распоряжение Его Высочества, пойдут охотно, ему обеспечен благоприятный приём. Поэтому его группа надеется, что объединённый орган отнесётся к идее этой благосклонно, возьмёт на себя инициативу и поставит правильно это дело.

А.Н. Крупенский сообщает, что он уже открыл сбор среди своей организации и средства начали поступать.

М.М. Фёдоров говорит, что ему приходилось слышать упрёк иностранцев, которые говорят: «Начните сами сбор среди русских, и только тогда можно рассчитывать на помощь извне». Поэтому необходимо начать сбор денег среди нашей беженской массы, момент для этого психологически благоприятен. Когда мы обращались в прежнее время к людям, имеющим средства, с просьбами, они неоднократно отвечали, что готовы дать деньги, когда начнётся какое-либо движение в России. Сейчас положение таково, что необходимо послать в Россию верных людей для проверки сведений и для организации прочной связи с русскими силами, там находящимися. Наконец, только послав таких людей, можно помочь началу нового движе-

ния в самой России. Люди, готовые идти на этот риск, имеются, но нет денег. Их надо начать собирать на эту определённую цель, и можно надеяться на то, чтоб получить их даже от русских людей.

Кн. Трубецкой говорит, что мысль Фёдорова в основе верна, но проводить её в жизнь можно только негласно, так как всё это дело требует большой тайны. Лично он не может даже нанять квартиры для своего отдела.

С.Н. Третьяков указывает, что беженская масса очень бедна. Даже среди Торгово-Промышленного Союза мало лиц со средствами, и вся эта организация содержится на счёт пяти лиц. Поэтому вряд ли можно надеяться собрать какую-либо крупную сумму.

Гурко предлагает разделить два вопроса, которые смешивают в прениях. Первый касается обращения к массам, второй — сбора денег среди нескольких состоятельных лиц. По первому вопросу надо обратиться к массам, памятуя пословицу «С миру по нитке — голому рубаха», и организовать сбор по мелочам. Великий князь, по-видимому, придаёт этому сбору большое значение. Как ни бедна масса, очень многие могут дать по франку в месяц, надо лишь поднять массу, расшевелить её, что всегда очень трудно. Для этого надо выбрать комиссию из лиц, которые верят в это дело, с ген. Красновым во главе и поручить им подготовить этот вопрос.

Постановили: Организовать комиссию для подготовки вопроса о сборе пожертвований в национальный фонд. В состав комиссии избраны Алексинский, Шебеко, Краснов и кн. Оболенский.

ЖУРНАЛ № 14
ЗАСЕДАНИЯ*

22 декабря 1923 г.

Присутствовали: Крупенский, ген. Краснов, гр. Граббе,
гр. Коковцов, Шебеко, Гурко, Трепов, Семёнов,
кн. Трубецкой, проф. Алексинский, Третьяков,
Карташёв, Фёдоров, Савич
Председательствовал: Третьяков

С.Н. Третьяков, открывая заседание, приветствует впервые присутствующего на заседании организации гр. Граббе.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр.15.

Гр. Граббе благодарит и сообщает, что объединение казаков во Франции приветствует объединение общественных деятелей, видя в этом залог объединения русских людей под главенством Великого князя. На основании многочисленных известий из разных концов Европы сейчас уже можно сказать, что масса казачества не отделяет себя от остальной России, признаёт казачество частью единой России, оно отдаёт себя всецело на дело спасения Родины и подчиняется безоговорочно указаниям Великого князя.

Читается и утверждается протокол предыдущего заседания.

С.Н. Третьяков докладывает, что, во исполнение поручения предыдущего собрания, президиум посетил Великого князя и, доложив происходившие прения, испросил указания Его Высочества. Назначить экстренное собрание было невозможно, поэтому он сделает сегодня сообщение об этих указаниях. Но прежде чем приступить к докладу по этому вопросу, он хотел бы, в порядке информации, сообщить собранию о некоторых сведениях по русскому вопросу. Получены достоверные сведения, что большевики, под предлогом дороговизны аппарата по сбору продналога, отказались от сбора натуральных налогов с крестьян. Натуральный хлебный налог отменён, и аппарат по его взиманию, состоящий из 100 тыс. преданных режиму слуг, распускается. Это показывает, что большевики уже не в силах взимать этот налог, что они начали бояться сопротивления, оказываемого крестьянством. Брюханов докладывал в Москве, что до 5 декабря собрано всего 60 млн. пудов хлеба, из них 10 млн. — пшеницы. После этого пришлось прекратить дальнейшее взимание хлеба, а между тем большевики должны по своему хлебному займу заплатить 60 млн. пудов ржи. Это оказалось невозможно сделать, почему они приказали передать комиссариату финансов запасы хлеба, скупленного для экспорта. Этим экспорт был расстроен, и максимум, что им удастся вывезти, — это около 30 млн. пудов. Таким образом, большевики не получат валюты, на которую они рассчитывали. В самой компартии идёт борьба и развал, проводится так называемая демократизация партии, и в то же время отходят от власти наиболее влиятельные члены левого крыла. Так, только что ушёл Сталин, что признак поправения верхов.

Гр. Коковцов делает сообщение о поднятии цен на русские ценности и о причинах, вызвавших это поднятие.

А.Ф. Трепов сообщает об отношении к русскому вопросу некоторых политических деятелей Франции.

С.Н. Третьяков докладывает кратко о результатах поездки к Великому князю. По-видимому, Великий князь уже из журналов

знал о цели нашей поездки, по крайней мере при начале разговора Он указал на одно место протокола, где было неточно формулировано данное нам разрешение вести переговоры с финансовыми кругами Франции. Затем мы передали кратко постановление большинства по вопросу о выявлении нашей организации и об обращении к французскому правительству с заявлением о нашем существовании. По последнему вопросу Великий князь признал в принципе необходимым сделать такое сообщение, но сказал, что надо всесторонне обдумать самую форму сообщения, а также предварительно прозондировать почву о том, как лучше это сделать и в какой момент. Он сам предполагает осветить этот вопрос и тогда сообщит нам. Поэтому до указания Великого князя нам ничего не следует предпринимать по выполнению этого мероприятия. По вопросу о выявлении нашей организации я изложил сперва мнение большинства нашего собрания, а затем указал на то, что имелось также меньшинство, к которому принадлежали я и Карташёв. Затем сперва Карташёв, а потом и я подробно изложили мотивы, побуждавшие нас не соглашаться с мнением большинства. Великий князь высказался в том смысле, что не видит препятствий к тому, чтобы наша организация перестала быть конспиративной, и потому разделяет мнение большинства. Что касается выяснения отношения организации к Нему лично, надо соблюдать известную осторожность. Великий князь полагает, что можно указывать на то, что мы имеем с Ним известное общение, испрашиваем Его мнение по разным вопросам, но он был бы решительно против всякого указания на то, что он нашу организацию возглавляет. Вообще, в вопросе об открытом возглавлении чего бы ни было в настоящем положении вещей Он стоит, по-видимому, на прежней своей точке зрения. Мы затем вскользь коснулись вопроса о съезде, причём Великий князь сказал, что против идеи съезда Он не возражает, но тут есть технические детали выполнения, которые мы должны сами хорошо обдумать и проработать. В конце мы заговорили о ген. Богаевском, причём президиум доложил, почему считает полезным включение его в наш состав. Его Высочество сказал, что Богаевский Его поздравил и Он ответил на это поздравление. Что же касается включения Богаевского в наш состав, то Он полагает, что с этим полезно несколько повременить.

Н.Н. Шебеко говорит, что ему определённо показалось, что впечатление, которое произвёл наш разговор на Великого князя, было тягостное. Когда разговор шёл о снятии конспиративности с нашей организации, А.В. Карташёв очень подробно изложил свою точку

зрения, почему он и его организация относятся сейчас отрицательно к этому. При этом он указал, что опасается того, что неосторожным и преждевременным выявлением можно создать идею, что Великий князь является главой эмиграции, как бы вождём её, а это будет вредно для той роли, которую Ему предстоит сыграть в России. Далее были моменты, когда некоторые слова произвели на Великого князя столь тягостное впечатление, что Он даже спросил: зачем же Вы в таком случае ко мне обращаетесь?

После Карташёва взял слово Третьяков, который указал на опасность вызвать нападки враждебной прессы. Я не выступал с изложением моей точки зрения, так как говоривший после Третьякова Савич изложил подробно мнение и мотивы большинства и постарался сгладить тягостное впечатление. Мне кажется, что нам следовало бы сделать какой-то акт в отношении Великого князя, высказать Ему через кого-либо из нашей среды, какое большое значение мы придаём тому, что Он принимает участие в нашей работе, и как мы ценим эту Его громадную жертву, которую Он приносит ради спасения Родины. Вчера я был на заседании Национального Комитета и отчётливо уяснил себе, какова трудность положения Карташёва, которая и диктует ему эту чрезвычайную осторожность действий в деле выявления нашего объединения.

А.Ф. Трепов полагает, что на основании только что сделанного сообщения приходит к печальному выводу, что никакого объединения, в сущности, нет, так как участники его расходятся по существенному и основному вопросу. Пока мы говорим по техническим или второстепенным вопросам, это не бросается в глаза, но, как только выступает основной вопрос, около которого мы якобы объединились, выявляется непримиримое расхождение. В основе этого расхождения то обстоятельство, что одни из нас признают безоговорочно Великого князя своим главой, Ему всецело подчинились, считают, что чем более ярко это обстоятельство будет выявлено, тем лучше для дела. Притом же они знают, что их организации идут в этом вопросе всецело за ними. Другие хотя лично, видимо, вполне разделяют нашу точку зрения, но не в силах провести свои мысли в своих организациях и вынуждены лавировать. Поэтому, по существу, должен будет рано или поздно встать вопрос: да есть ли вообще объединение, не следует ли признать его неудавшейся попыткой? По вопросу о заявлении французскому правительству о существовании нашей организации он беседовал с Великим князем и вынес впечатление, что Великий князь одобряет эту меру. Теперь президиум побывал у Великого князя

и сообщил нам, что вопрос этот несколько откладывается. Наши колебания в деле выявления существования нашего объединения есть показатель того, что некоторые из нас не могут заставить свои организации идти за собою или боятся возможных внутренних трений. Но это замалчивание является наглядным показателем слабости всего нашего начинания, чего не может проявлять организация, созданная для борьбы. Если мы так слабы, что не можем даже выявиться открыто, то надо подумать о другом способе создания явного объединённого органа, например с помощью съезда.

Гурко говорит, что, по своему характеру и темпераменту, он вполне сочувствует точке зрения, высказанной А.Ф. Треповым. Но, имея продолжительный опыт в общественной работе, он понимает, что в общественном деле всегда приходится идти на компромиссы. В конце концов, всех интересует конечная цель, к которой все одинаково стремятся, — это возглавление национального движения Великим князем. В этом все признают единственный якорь спасения, но пути для достижения этой цели каждый хотел бы избрать разные. Для достижения согласованности в средствах и путях надо жертвовать временем, как оно ни дорого, и отказываться от прямолинейности. Было бы большой ошибкой, вместо того чтобы обойти препятствия, сказать: объединения нет — и тем положить конец начатому делу. Ведь главные работники сложных организаций с нами, и они, конечно, знают, что имеют за собой поддержку известного числа своих сочленов. В крайнем случае нам нет необходимости немедленно выступать с заявлением перед французским правительством, тем более что политическое положение сейчас не таково, чтобы можно было явиться с заявлением к французскому правительству. Что касается выяснения вопроса, кто с нами и кто нет, этого достичь можно только с помощью съезда. Тогда определится, стоит ли громадное большинство эмиграции на стороне нашей комбинации или же эмиграция раскололась на три течения. Сейчас уже есть два определённых течения — левое и национальное. Только съезд покажет, насколько однородно национальное течение в вопросе о возглавлении национального движения. Поэтому вопроса, поднятого Треповым, пока лучше не касаться.

Савич разъясняет, что указание Великого князя относительно заявления французскому правительству о существовании нашей организации не было, по-видимому, следствием выступления Карташёва. Великий князь в принципе признаёт, что заявление нужно сделать, но, вследствие имеющихся у Него, по-видимому, некоторых

сообщений, сказал, что самую форму этого заявления надо хорошо обдумать, а также нащупать благоприятный для этого момент. Последнее Он предполагал сделать сам. Что касается вопроса о выявлении нашего объединения, он считает этот вопрос исчерпанным. Большинство группы высказалось за выявление, Великий князь соглашается с мнением большинства, значит, теперь надо приступить к выполнению. Это и начало делаться. Как раз вчера он был на заседании Национального Комитета, где Карташёв сделал обстоятельный доклад о нашем объединении и поделился некоторыми сведениями о последнем посещении Великого князя. Сверх того, президиум Национального Комитета разослал своим местным отделам информацию о существовании нашего объединения. Этим президиум Национального Комитета положил начало выполнению указания Великого князя на желательность выявления нашего объединения. Лично я тоже не считаю себя более связанным бывшим ранее и ныне отпавшим постановлением о конспиративности и не буду далее отказываться давать информацию конституционно-монархической группе, к которой я принадлежу.

Н.Н. Шебеко заявляет, что Великий князь сам признаёт, что в вопросе о заявлении французскому правительству о нашей организации нужно проявить известную осторожность и сперва узнать, в какой форме всего лучше это сделать и насколько благоприятен момент.

Ю.Ф. Семёнов признаёт, что, действительно, имеется разномыслие по вопросу о тактике и на это разномыслие надо обращать серьёзное внимание. Гурко прав, что, раз попытка объединения сделана, был бы большой вред делу, если бы она не удалась по вопросу о методах, о тактике. Здесь говорят, что одни из нас безоговорочно подчинились авторитету Великого князя, а другие боятся это сказать из-за опасения вызвать раскол в своих организациях. Это верно в том отношении, что в организациях сложных есть элементы, которые боятся сказать, что Великий князь стал главою и вождём эмиграции, что мы все Его признали диктатором уже здесь, в эмиграции. Они полагают, что этим был бы нанесён вред той цели, к которой они стремятся, а именно чтобы Великий князь стал диктатором в освобождённой от большевиков России. Национальный Комитет полагает, что объединённый орган, как коалиционный, должен иметь какую-то политическую платформу, какую-то программу, где были бы выяснены те лозунги, к коим он стремится. Такая платформа существует у всякой сложной организации, и пугаться слов «платформа» и «про-

грамма» не следует. В деле выявления органа объединения Национальный Комитет встал на путь выполнения этого решения и уже разослал отделам в осторожной форме информацию. В основном же вопросе мы очень осторожны, потому что не хотим нашего Национального Вождя перевести на положение вождя эмиграции.

Проф. Алексинский возражает против попытки противопоставить эмиграцию национальной России. Эмиграция потому и есть эмиграция, что она состоит из наиболее национально настроенных элементов, которые не могли помириться с антинациональной властью большевиков. Правда, эмиграция раскололась, но та её часть, которая наиболее сильно окрашена в национальные цвета, признаёт Великого князя желательным главой национального движения, и то обстоятельство, что Его признаёт Национальным Вождём патриотически настроенная эмиграция, не может набросить какую-либо тень на Его имя. Поэтому, если мы только солидарны в том, что желаем возглавления национального движения Великим князем, все мы должны идти к этой цели с твёрдостью и последовательностью. Конечно, возможны трения и отколы в известных организациях, могут уйти отдельные лица, но это не должно останавливать поступательного процесса. Надо применять наименее болезненные приёмы — это верно, но всё же необходимо привлечь к делу самые организации. Скрывание и замалчивание до добра не доведут, они порождают лишь недоброжелательство и подозрительность.

С.Н. Третьяков говорит, что было бы желательным сосредоточить прения на основном пункте доклада. Относительно заявления французскому правительству мы имеем определённое указание Великого князя обождать до того момента, когда он сообщит нам, что надо действовать. Вопрос о нашем выявлении решён в благоприятную сторону, и теперь надо обсудить лишь, как это сделать.

А.Ф. Трепов указывает, что он поднял принципиальный вопрос потому, что у него есть опасение, как бы после заявления, сделанного французскому правительству, отдельные лица из нашей среды не были бы вынуждены своими организациями заявить, что объединение не существует или оно распалось.

Карташёв извиняется, что вынужден был опоздать, и потому отвечает на заметки, сделанные Семёновым. Он считает, что разногласие существует, но не такого свойства, которое бы мешало работать совместно. В каждой сложной группе разногласия по тактике неизбежны, но важно то, чтобы было внутреннее, в основе всего лежащее единство. Наше сердце, наша внутренняя спайка состоят

в том, что мы все одинаково верим, что, в результате бури, пронёсшейся над Россией, там неизбежно будет национальная реакция. Второй связывающий нас лозунг — это сознание, что в монархическом принципе заключается спасение России. Все мы верим в силу и значение личного авторитета Великого князя, которого мы стремимся увлечь на подвиг. Но есть также моменты расхождения и разномыслия между нами и группами ярко монархическими, между неформальными и формальными монархистами. У вторых преобладает некоторое мистическое отношение к идее монархизма, у левого нашего крыла — рационалистическое, на которое обращено главное внимание. Поэтому, делая все монархическую работу, мы не можем маршировать в ногу, выступать, как солдаты в роте. У нас разное понимание вопросов тактики. Например, в вопросе о выявлении роли и значения Великого князя у нас и у монархистов разное понимание момента. У монархистов большая вера в то, что форсирование этого вопроса ускорит отклик в России. В этом есть риск, который присущ боевым деятелям, я бы сказал, революционному темпераменту. Но среди нас, левого крыла, много скептиков, людей изверившихся и рационалистов, которые боятся всякого риска и считают, что процесс этот нужно совершать постепенно, малыми дозами.

Трепов протестует против приписываемых Карташёвым монархистам намерений.

Гурко замечает, что в словах Карташёва есть доля правды. У нас, монархистов, есть заслуга в том, что мы не революционеры, а контрреволюционеры. Мы работаем на свержение господствующего в России режима, и потому наши методы должны быть революционны по отношению к власти большевиков.

Крупенский говорит, что он не согласен с определением Карташёва сущности разногласий с монархистами, но не будет возражать, чтоб не затягивать прений. Мы объединились на трёх признаках: 1) любовь к Родине, 2) борьба с большевиками и 3) подчинение авторитету Великого князя. Между тем из слов Семёнова он усматривает наличие оговорок по третьему признаку, и это вызывает у него сомнение в прочности объединения.

Кн. Трубецкой считает, что бесполезно стремиться доказать, что партия того или другого оратора единственно правильно понимает положение. Нам не следует спорить о том, что вызывает разногласие, лучше остановиться на том, что соединяет. У нас был спор о том, нужно или нет выявить организацию. Решили, что надо передать спор на усмотрение Великого князя. Теперь мы имеем Его решение,

и все подчинились этому указанию. Национальный Комитет, ранее возражавший, уже привёл это указание в исполнение. Теперь нам нужно обсудить вопрос о легализации нашего объединения, вероятно, нужно заявить о нашем существовании в префектуре, но как это сделать, надо посоветоваться с юристами. Самое выявление нашей организации нужно делать по мере надобности, например по мере обсуждения финансового вопроса с иностранными банкирами. Что касается выявления роли Великого князя, по этому вопросу нам спорить не приходится. У Великого князя свои взгляды, и не нам за Него решать. Мы можем желать более скорого и активного Его выступления, но это зависит прежде всего от обстоятельств.

А.Ф. Трепов говорит, что, по-видимому, Карташёв искренне убеждён в том, что он, Трепов, хочет подвести объединённую организацию под флаг монархизма. Это неверно. Напротив, эта организация должна остаться формально надпартийной, и подводить её под характер монархических организаций не следует. У монархических организаций свои задания и своя роль, отличная от надпартийного коалиционного органа объединения.

Фёдоров считает, что наша организация не монархическая, но коалиционная, составленная из разнородных элементов, где есть левый сектор. Но все одинаково вошли в одну политическую комбинацию и имеют одну конечную цель. Отношения к Великому князю вполне ясны. Он считает всякое возглавление преждевременным, не желает пока отдавать приказаний, но не отказывается высказывать свои мнения, а мы все считаем нужным это мнение исполнять. Вопрос о нашей легализации и об обращении к французскому правительству всецело теперь в руках Великого князя, мы будем действовать, когда он укажет, что момент наступил. Что касается выявления нашего объединения, мы, президиум Национального Комитета, познакомили с вопросом наш комитет, и последний не возражает принять всё к сведению. Но мы обязаны действовать постепенно и осторожно, чтоб не вызывать ненужных отколов. Наша заслуга в том, чтоб привлечь к движению возможно больше элементов, не разрушать, не разделять, а объединять.

С.Н. Третьяков считает, что легализацию возможно сделать лишь после того, как мы сообщим французскому правительству о нашем существовании и получим на это указание Великого князя. Последнее указание, быть может, нам будет сообщено чрез кого-либо из нашей группы, кто чаще видит Великого князя. Так как теперь наша организация выходит наружу, то возможно, что к нам будут

обращаться с расспросами представители прессы. Желательно, чтоб собрание дало указания, в каких пределах возможно давать информацию.

Кн. Трубецкой сообщает, что по аналогичному поводу он обратился за указаниями к Великому князю, который сослался на составленную мною летом записку, где я пытался изложить сущность беседы с Великим князем. Великий князь программы сейчас давать не может, но считает полезным наметить вехи на будущее время, что и было сделано в этой беседе. Президиуму следует по этому поводу обратиться к Великому князю за указаниями.

С.Н. Третьяков полагает, что до этого момента следует всем нам воздержаться давать какую-либо информацию в прессу.

Н.Н. Шебеко сообщает, что кн. Трубецкому и ему было дано поручение сделать доклад по международному положению. Он видел М.Н. Гирса и, получив от него некоторые материалы, готов сделать доклад.

Постановили: Просить Шебеко сделать доклад в следующее очередное заседание, в субботу. На среду, 26 декабря, в $2^1/_2$ часа дня назначить экстренное заседание для обсуждения вопросов: 1) об организации сбора средств, 2) об образовании подготовительного бюро по созыву съезда.

ЖУРНАЛ № 15 ЗАСЕДАНИЯ*

26 декабря 1923 г.

Присутствовали: Трепов, Карташёв, Гурко, кн. Трубецкой, ген. Миллер, гр. Граббе, ген. Краснов, проф. Алексинский, Шебеко, Третьяков, Савич

Председательствовал: Шебеко

Проф. Алексинский читает проект воззвания с призывом собирать деньги в национальный фонд, выработанный особой комиссией, и докладывает, что предстоит произвести сбор денег по мелочам с массы беженства. Чтобы достигнуть благоприятного результата, нужно наличие трёх условий: во-первых, надлежит поставить вполне ясно цель, для достижения коей собираются средства; во-вторых, создать аппарат по пропаганде идеи сбора, организацию комитетов или представительств,

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 16.

которые бы побуждали беженцев нести деньги на общую цель; наконец, надо создать удобный способ собирания взносов. Необходимо создать в каждой стране центр по сбору средств в этой стране, причём дело должно быть так организовано, чтобы жертвователь мог вносить свою лепту или явно, или анонимно, в зависимости от своего желания. Самая организация собирания денег не должна быть платной, чтобы жертвователи знали, что вся пожертвованная сумма целиком идёт на дело по прямому назначению. Далее, комиссия полагает, что нужно вступить в соглашение с каким-либо банком, который чрез свои отделения или своих корреспондентов начал бы приём денег, жертвуемых в фонд Великого князя, открыв ряд текущих счетов на Его имя.

Крупенский заявляет, что вчера у него собралась инициативная группа по сбору пожертвований и решила организовать особый комитет для этой цели. Решено, что необходимо разделить город на районы и в каждом таком районе создать особый штат лиц, взявшихся добровольно и бесплатно обходить русских и побуждать их подписываться и вносить отчисления в фонд. Для этой цели предположено привлечь женщин. Таким образом, работа уже началась, собрано до 2000 франков. Но предположенная комиссией система неудобна, так как при открытии текущих счетов требуется представление в банк подписи лица, на имя которого открывается счёт. Неудобно требовать это от Великого князя для каждого из отделений банков, куда будут поступать деньги. Сейчас в Сербии уже организовались комитеты по сбору и работают. Призыв, составленный комиссией, надо отпечатать и широко распространить в публике.

А.Ф. Трепов полагает, что прежде всего необходимо установить единообразное наименование фонда, дабы не было недоразумений в будущем. Он полагал бы правильным назвать этот фонд так: «Казна Великого князя Николая Николаевича». В редакции воззвания надо упомянуть, что мы видим в Великом князе своего вождя, а также уточнить, что воззвание исходит от нашей объединённой организации. В каждой местности, где имеется скопление беженцев, необходимо создать попечителей для пропаганды и организации сбора денег. Здесь для начала надо подкрепить и использовать уже создавшуюся организацию, о которой говорил Крупенский.

Проф. Алексинский признаёт, что на местах должны быть доверенные лица в качестве попечителей или же местные комитеты. Их роль — агитировать и побуждать делать взносы. Но беженская масса никому не доверяет, и, если они сами начнут сборы денег, это отпугнёт многих. Охотно вносить будут лишь в том случае, если деньги

будут поступать непосредственно в банк в распоряжение Великого князя. Здесь, в Международном банке, уже имеется счёт казны Великого князя. Банк имеет корреспондентов во многих странах и может организовать сбор и перевод сумм.

Н.Н. Шебеко считает, что детали организации сбора следует обсудить с гр. Коковцовым, так как мы не имеем возможности судить, согласится ли банк принять в этом деле участие и на каких условиях. Его больше, чем подробности, беспокоит то, что сообщил Крупенский, так как он боится двойственности в организации дела и возможности придать ему оттенок партийности. Сбор в национальный фонд должен происходить не под партийным, а под национальным флагом.

А.Н. Крупенский удостоверяет, что дело будет поставлено так, что всякая партийность будет исключена. Многие из состава объединения будут включены в комитет по сбору средств, но всё же нельзя требовать, чтоб орган объединения имел привилегию монополии в этом воистину общерусском деле.

Н.Н. Шебеко приветствует почин комитета по сбору средств и находит, что его надо поддержать и передать выполнение сбора здесь, в Париже, этому комитету.

Гр. Трубецкой считает, что в состав комитета надо включить наших представителей. Однако важно, чтобы воззвание к массам было выпущено за подписью органа объединения. Он считает, что сбор должен производиться для фонда Великого князя так, чтоб ясна была цель и в то же время инициатива исходила только от нас, но отнюдь не от Великого князя. Поэтому неудобно открывать во всех городах текущие счета Его имени.

Н.Н. Шебеко считает, что возможно появление сборщиков, которые под видом сбора в фонд будут обманывать публику и тем скомпрометируют всё дело. Затем надо так организовать дело, чтоб у жертвователя не было ни малейшего сомнения в том, что все деньги идут в фонд и что ничего из них не расходуется на дело взимания.

Проф. Алексинский считает, что в каждой стране должен быть центр, куда стекаются деньги, который их препровождает сюда, в Париж. Вот почему комиссия остановилась на Международном банке, имеющем своих корреспондентов в других странах. Здесь должен быть главный, объединяющий весь сбор аппарат, который должен быть в тесном единении с нами.

Кн. Трубецкой предлагает просить нашу комиссию войти в связь с вновь образовавшимся комитетом и совместно с ним выработать окончательный проект организации дела сбора средств, после

чего проект этот должен быть внесён сюда для окончательного утверждения.

Карташёв считает, что надо создать на местах организации по сбору денег и пропаганде идеи о сборе там, где они ещё не создались. Для контроля нам надо войти в центральную организацию и тем её подкрепить. Относительно текста воззвания он предложил бы некоторые поправки, именно: сказать там, где говорится о Великом князе «который в своё время возглавит». Именование фонда было бы принять такое: «Русская казна имени Великого князя Николая Николаевича».

С.Н. Третьяков говорит, что при последнем докладе Великому князю президиум лишь вскользь коснулся вопроса о сборе и не выяснил определённо, как отнесётся Великий князь к вопросу о наименовании фонда Его именем.

А.В. Карташёв поясняет, что мы должны разработать детальный проект организации сбора и проект воззвания и, закончив это, доложить весь вопрос Великому князю.

А.Ф. Трепов указывает, что порыв ген. Краснова надо закрепить, вылив идею в законченную, организованную форму. Подготовить проект организации могут наша комиссия и вновь образовавшийся комитет под председательством Крупенского.

Проф. Алексинский развивает мысль, что, для того чтоб делу было оказано большее доверие, надо инициативу взять нашей организации. Теперь уже все знают, что объединение находится в контакте с Великим князем, и потому авторитета будет больше у такой организации, которая исходит отсюда.

Ген. Миллер рассказывает, что в Сербии после письма Краснова началось всюду движение по сбору средств. Председатели колоний начали сбор среди членов, и деньги стали поступать и передаются для пересылки Великому князю. Трудно их переводить сюда, так как вывоз средств запрещён, но пока пересылают при случае. Так, он получил поручение привезти некоторую сумму, собранную в одной колонии. Но надо помнить, что вообще среди беженства никто никому не верит. Поэтому надо так организовать дело, чтобы не было сомнений, что деньги немедленно и целиком поступают в распоряжение Великого князя. Верят только Ему и охотно дадут Ему чрез банк, но отнюдь не чрез комитет. Однако это не значит, что не надо иметь попечителей или комитетов. Напротив, надо неустанно напоминать, толкать и будить массу.

Н.Н. Шебеко говорит, что техническую сторону вопроса должна выработать комиссия совместно с комитетом Крупенского. Надо только так поставить здешнюю центральную организацию, чтоб сразу установился прочный контакт с нами.

Савич говорит, что больше всего боится двойственности в организации, возможности конкуренции. Тогда дело будет испорчено. Надо сразу установить нормальные отношения между центром и местными отделами, роль которых в Париже должна играть создающаяся организация Крупенского.

Крупенский указывает, что все три члена нашей комиссии могут быть включены в состав нового комитета и тем будет установлено прочное взаимоотношение комитета к объединению.

Постановили: Поручить Краснову, Алексинскому, Шебеко войти в соглашение с комитетом Крупенского для выработки подробного проекта организации сбора средств в «Русскую казну имени Великого князя Николая Николаевича».

С.Н. Третьяков сделал сообщение о происходящих в Москве спорах по вопросу о демократизации компартии. По существу, вопрос идёт о судьбе центрального комитета партии. Беспрерывные митинги в 7000–8000 человек обсуждают этот вопрос, страсти разгораются, требуют демократизации, провозглашают лозунги, как в 1917 году. Словом, идёт раздор и разброд в компартии.

Проф. Алексинский дополняет это сообщение на основании материалов, полученных от только что приехавшего из России лица.

Постановили: Просить Третьякова собрать материал по этому вопросу и доложить в следующем заседании.

Н.Н. Шебеко предлагает перейти к обсуждению вопроса о съезде.

Проф. Алексинский читает доклад комиссии и добавляет, что крупные политические организации, о которых идёт речь в докладе, известны и их представители здесь, в составе нашего объединения. Главнейшие союзы, объединяющие беженцев по профессиональным признакам, имеют свои центральные органы, с которыми легко вступить в сношение, и, наконец, во многих местах образовались объединения разных русских организаций, и каждое такое объединение имеет свой центр. Вот съезд делегатов, выбранных всеми этими центральными органами, будет иметь в глазах масс большой авторитет, если участники будут единомышленны в основном вопросе.

Савич указывает, что съезд ценен лишь тогда, когда он демонстрирует публично то, что заранее выработано и предрешено. Именно

он должен выявить отношение русского беженства к вопросу о возглавлении национального движения Великим князем. Затем он должен популяризировать некоторые лозунги, которые новая национальная власть должна нести в Россию, в том числе отношение к военным силам Советской России. Последнее лучше всего было бы провозгласить на съезде устами вождей Белой армии, подчинение коих Великому князю точно известно. Будет ясно и здесь, и в России, что такое заявление сделано если не по указанию, то хотя бы с согласия Великого князя, и это может сыграть большую агитационную роль. Но чтоб всё это прошло гладко, надо заранее поставить местные организации в известность о том, что эти темы неизбежно будут затронуты. Тогда не сочувствующие организации, вероятно, воздержатся от участия в съезде, что предупредит тягостную картину разногласия русских людей в основных вопросах.

Крупенский соглашается с предыдущим оратором и спрашивает докладчика, могут ли профессиональные организации, по идее своей беспартийные, участвовать в решении столь острых политических задач. Поэтому надо хорошенько заранее выяснить все такие вопросы, дабы не столкнуться на съезде с неожиданностью. Затем для решения вопроса о съезде надо знать, будут ли для этого деньги. Без денег на съезд приедут не те, кого желали бы послать с мест, а лишь лица, имеющие средства, чтоб ехать на свой счёт, что извратит всю идею съезда.

В.И. Гурко предлагает для практического приступа к делу обратиться к нашим организациям с просьбой прислать несколько делегатов для обсуждения деталей по созыву съезда. Эти делегаты, совместно с некоторыми из нас, образуют подготовительное бюро по созыву съезда, и бюро это может потом увеличиться путём кооптации представителей от новых организаций, единомышленных в основных вопросах. Вопрос денежный очень важен, но пока не будет приступа к делу, денег не будет, а во-вторых, местные организации, желающие участвовать в съезде, должны прийти на помощь и собрать среди своих членов некоторые суммы для посылки своих делегатов.

Кн. Трубецкой возражает Крупенскому, указывая, что хотя профессиональные организации не имеют политической внешности, но они отражают интересы иногда очень влиятельных классов, почему их участие крайне желательно. Пойдя на политический съезд и согласившись заранее с основными положениями, они тем самым потеряют свою аполитичность. Но, конечно, никакой прыжок в неизвестность не может иметь место, надо относительно каждой организации выяснить

цели съезда. Для этого необходимо, чтоб вопрос о съезде был в наших руках, и мы должны сообщить организациям принципы, на которых созывается съезд. Принципы эти должны быть установлены нами немедленно. Что касается средств, необходимых для созыва съезда, их надо иметь тоже в руках центральной организации, иначе ценные деятели с мест, где не смогут собрать денег, будут лишены возможности приехать и съезд пополнится людьми, случайно имеющими средства.

А.Ф. Трепов говорит, что есть два пути установить, какие организации должны принять участие в съезде. Первое — это перечислить все организации и по каждой иметь подробное суждение; второе — это установить цели съезда и поставить об этом в известность приглашаемые организации. Тогда само собой выяснится, кто сочувствует этим целям, те приедут, и кто не сочувствует, те воздержатся. Поэтому он считает, что сейчас нам надо, прежде всего, установить, что целью съезда является задача подкрепить авторитет Великого князя, а также уточнить те лозунги, которые нужно нести в Россию. Дело организационного бюро будет определить, какие организации сочувствуют этим заданиям. Если мы пойдём в деле подготовки съезда этим путём, то он признает, что съезд может быть полезен. Денежная сторона тоже должна быть в руках центра. Если у нас не будет денег, а приезд делегатов будет всецело зависеть от того, найдёт ли та или иная организация средства, то нашему делу может грозить опасность. Большевики, несомненно, воспользуются этим положением и путём финансирования нежелательных и сомнительных лиц постараются внести раздор. Если не будет заранее установлена задача съезда и не найдётся денег, то придётся отказаться от съезда.

Проф. Алексинский говорит, что съезд сам по себе есть средство, которое может стать очень сильным оружием даже в глазах иностранцев. Но для этого он должен быть многолюдным, в нём должны быть представлены организации, представляющие интересы масс. Поэтому нельзя ограничиваться только политическими организациями, тем более что сейчас нет аполитических организаций. Даже Красный Крест борется с большевиками, даже он — антисоветская организация. Съезд коснётся не партийных, а общенациональных вопросов, по которым надо выявить мнения организованного беженства. На местах уже общественное мнение консолидировалось, оно в основе солидарно с нами, само беженство там объединилось, организовалось. Собрав здесь представителей от разных центров в разных странах, мы получим выражение мнения всего беженства. Великий

князь это понимает и потому сочувствует идее съезда. Деньги необходимы для центра, но кое-что могут собрать и местные организации. Программные задания надо сообщить организационному бюро для обсуждения и проведения в жизнь.

В.И. Гурко предлагает немедленно обратиться к нашим организациям с предложением прислать делегатов в организационное бюро. Вопрос о выявлении нашей организации решён в положительном смысле. Это обращение к организациям будет удобным поводом выявить бытие нашего объединения. Основные положения, на которых мы объединились, должны быть разделяемы нашими организациями, иначе возникнет сам собой коренной вопрос о бытии самого объединения. А раз основные принципы разделяются нашими организациями, они должны прислать делегатов в бюро, подкрепить в нём нас численно. Пора положить предел персональному принципу, нужно, чтоб, наконец, организации выявили своё отношение.

А.В. Карташёв считает, что съезд должен выявить публично то, что уже выработано и установлено. Нельзя передавать работу по созыву съезда в другие руки, хотя бы лицам, принадлежащим к нашим же организациям. Поэтому мы все должны войти в состав бюро по созыву съезда, но бюро должно быть лишь усилено и дополнено делегатами от наших организаций. Самый съезд предназначен для определённой цели — подкрепить и выявить единение эмиграции около Великого князя. Если бы последний нашёл, что ещё рано это открыто провозглашать, можно то же самое сделать в несколько по внешности завуалированной форме. Пока мы являемся ещё совещанием лиц, но пора стать объединением организованного беженства. Мы — организация общественная, и потому нам надо собирать силы, привлекать общественность сгруппироваться около Великого князя. Пока он ещё не взял на себя бремя власти, мы добровольно около Его имени собираемся и собираем других. Привлекать надо всякие организации, как политические, так и бытовые и профессиональные, тем более что сейчас все общественные организации, по существу, стали политическими.

Проф. Алексинский напоминает, что Великий князь неоднократно указывал, что Ему сейчас ценно знать, доверяет ли Ему большинство русских людей. Это выявит будущий съезд.

Н.Н. Шебеко указывает, что если по этому вопросу присутствующие считают нужным продолжать прения, то придётся их перенести на экстренное заседание, так как следующее очередное уже посвящено другому вопросу.

Кн. Трубецкой говорит, что надо ясно поставить те цели, ради коих созывается съезд. Это надо сперва обсудить между собой, закрепить цели съезда и установить его лозунги. Для последнего можно воспользоваться его запиской, которую он составил летом на основании бывшей беседы с Великим князем. Лозунги, в ней содержащиеся, в общем, одобрены Великим князем.

В.И. Гурко считает, что надо, не откладывая, призвать организации к присылке делегатов в бюро и начать совместную работу с последними. Некоторые организации, как, например, Торгово-Промышленный Союз, уже высказали принципиальное согласие послать делегатов для обсуждения вопросов по созыву съезда.

Гр. Граббе считает вопрос спешным, надо его взять в свои руки, иначе другие, наши противники, возьмутся за это дело.

Н.Н. Шебеко считает, что обращение к организациям надо сделать, хорошо его мотивируя. Поэтому вопрос надо ещё раз подвергнуть обсуждению в общем собрании, для чего следует назначить экстренное заседание.

Постановили: Назначить экстренное заседание для установления окончательного отношения к вопросу о съезде.

ЖУРНАЛ № 16
ЗАСЕДАНИЯ*

29 декабря 1923 г.

Присутствовали: Третьяков, Шебеко, Трепов, Гурко, кн. Трубецкой, Крупенский, ген. Миллер, гр. Граббе, Фёдоров, гр. Коковцов, проф. Алексинский, Карташёв, Савич
Председательствует: Третьяков

Читается журнал 22 декабря.

А.В. Карташёв просит приложить к журналу следующее его заявление. Он при докладе Великому князю не отстаивал необходимость сохранять полную конспирацию нашего объединения, но доказывал, что выявление бытия надо делать постепенно, по мере надобности и этапами. Следовательно, он был против внезапного выявления в максимальном размере. Затем он указывал, что наибольшую трудность представляет выявление отношения органа объединения к Великому князю. Для

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 17.

этого нами ещё не найдена подходящая форма, замалчивать эти взаимоотношения полностью невозможно; с другой стороны, при той сдержанной и осторожной позиции, которую сохраняет ещё Великий князь, найти надлежащую форму для выявления этого отношения очень трудно. Это обстоятельство побуждало к большой осторожности. Затем он протестует против имеющихся в журнале указаний, сделанных некоторыми лицами относительно внутренних разногласий среди Национального Комитета и вытекающей отсюда необходимости для его сочленов лавировать, как сказано в протоколе. Прежде всего, внутренние трения есть частное дело нашей организации, причём это обстоятельство не таково, чтоб оно заставило нас лавировать. Мы знаем, что имеем за собой большинство, и если держимся известной позиции в вопросе о тактике, то потому, что она отвечает нашему внутреннему убеждению. Поэтому он просит или исключить соответствующее место из журнала, или приложить к нему настоящее заявление.

М.М. Фёдоров просит сделать некоторые редакционные изменения в изложении его речи.

Поправки принимаются, после чего журнал утверждается собранием с тем, что к нему должно быть приложено заявление Карташёва.

С.Н. Третьяков делает краткое информационное сообщение о происходящих в России трениях среди коммунистической партии. Осенью по всей стране прокатилась волна забастовок под влиянием экономической разрухи. Это необычное явление стало предметом оживлённых дебатов среди ЦИКа и в самой компартии. Политбюро вынесло резолюцию о необходимости провести демократизацию в компартии и вернуться к выборному началу при замещении должностей в партии. 6 декабря эта резолюция была напечатана и разослана на места. Затем появилось в печати письмо Троцкого, не только поддерживающее эту резолюцию, но идущее значительно далее. Троцкий настаивает на том, что за эти шесть лет подросла и политически окрепла коммунистическая молодёжь, которой пора дать возможность встать у власти. Для этого старики коммунисты должны потесниться и дать место молодёжи. В этом был усмотрен выпад против Центрального Комитета, который, в лице ряда влиятельных лиц, как, например, Зиновьев, Калинин, Каменев и пр., решил вынести спор наружу — в самую компартию. В Москве состоялись многотысячные митинги коммунистов, где наиболее видные коммунисты обменивались страстными речами и форменно ругали друг друга. Когда Каменев доказывал, что режим держится только центром и налаженным аппаратом власти, а потому при демократизации надо вся-

чески охранять этот аппарат, противники, например Сафронов, доказывали, что устранять весь аппарат никто не собирается, но каждого из видных старых деятелей пора вывести на свет. Зиновьев указывал, что одни только разговоры о демократизации партии вызвали переполох во всех комиссариатах, где говорят уже о крахе. Калинин указывал, что не любит бить тревоги, но при последней поездке в деревню он был поражён отрицательным отношением к власти крестьян. Он не видел бедноты, были одни кулаки, которые мрачно молчали в ответ на его призывы. Калинин считает, что, если бы Ленин был здоров, он выступил бы против демократизации. Заседания коммунистов кончились резолюцией, одобряющей ЦК. Тогда противники вынесли обсуждение вопроса в газеты, начались перебранки в печати, разоблачения и взаимные укоры. Сталин обвинял Троцкого в том, что последний является возглавителем оппозиции. Одновременно появились разоблачения деятельности Троцкого. Тогда Троцкий ответил, что не желает вести полемику в печати. ЦК был вынужден ввести цензуру партийной печати, причём объявил, что авторы неугодных ЦК статей будут иметь дело с партийной чекой. Цензура сосредоточена в руках Зиновьева, а Троцкий, по-видимому, был вынужден уйти из ЦИКа. В результате ЦК вынужден вводить среди своей собственной партии военное положение и применять к ней систему террора. Причиной всей этой свары надо считать то финансовое оскудение, которое парализует деятельность советской власти. В партии 350 000 человек, которых надо кормить и оплачивать, а ресурсы делаются всё более ограниченными. Бюджет составляет 600 млн. червонных рублей. Теперь, когда сборы будут взиматься деньгами, а не натурой, эта сумма ещё более упадёт, так как налоги вносятся дензнаками прежних выпусков, ценность коих стремительно падает. Таким образом, средств на содержание партийных работников не хватает, отсюда взрыв недовольства.

Кн. Трубецкой в дополнение к сказанному читает документ, излагающий разговор с видным большевиком*.

В.И. Гурко говорит, что в оглашённом документе положение России рисуется так, как мы его понимаем. Оно было бы очень интересно, если бы была уверенность, что документ воспроизводит подлинное мнение видного коммуниста. Несколько месяцев назад документ этот ходил по рукам и приписывался Рыкову, но есть сомнение в подлинности. Не следует нам предаваться излишнему оптимизму, поэтому ошибочно приписывать отказ от взимания продналога в натуре слабости большевиков, которые уже давно решили отказаться

* В архиве отсутствует.

от этого налога. Хлебная торговля у них налажена и притом всецело сосредоточена в руках влиятельных пяти евреев.

С.Н. Третьяков говорит, что, по исчислению самих большевиков, число безработных в 55 губернских городах составляет 538 000 человек.

Кн. Трубецкой соглашается, что очень увлекаться оптимизмом не следует. Относительно прочитанного документа он считает, что подлинность его вероятна. В нём интересны не подробности, а настроение, причём, быть может, краски нарочно сгущены. Документ попал в руки тех иностранцев, которые поддерживают Советы. Большевики этим пользуются, доказывая, что им надо помочь, иначе они скоро падут, в России наступит полный хаос, что они одни способны сдерживать массы.

Н.Н. Шебеко считает, что доклад о внутренних делах в России может иметь значение, поскольку мы можем, на основании этих сведений, сделать выводы для плана нашей работы. Нам надо решить, что же надо сейчас делать. Мы знаем, на основании сведений из различных источников, что положение большевиков очень тяжёлое, но никакого практического вывода не делаем. Нельзя сидеть здесь, ничего не делая, надо что-то предпринять. Раньше Белое движение действовало, совершенно не учитывая внутреннего положения, оно было очень плохо осведомлено о настроениях в России. Теперь мы сравнительно хорошо осведомлены, но бездействуем. Нельзя долее опускать благоприятно сложившиеся обстоятельства, пора действовать.

Ген. Миллер добавляет, что до сих пор борьба среди коммунистов шла на почве идей. Теперь впервые она переходит на личную почву. В идейных вопросах они находили возможности пойти на компромисс, и единство не нарушалось. Теперь острый раскол на борьбе личностей.

С.Н. Третьяков в ответ на слова Гурко доказывает, что отказ от налогов в натуре поведёт к чрезвычайному уменьшению поступлений от налогов. Их взимать будут в бумажных рублях, ценность коих падает чуть не на 100% в месяц. Казна будет нести колоссальные убытки. К документу, оглашённому кн. Трубецким, месяца два-три назад он тоже относился с недоверием, но то, что сейчас происходит в России, подтверждает, что составитель был человек очень осведомлённый.

А.В. Карташёв присоединяется к мысли, высказанной Шебеко, о необходимости решить, что нам надо немедленно делать.

Гурко подчёркивает, что самое ценное в сообщённых о России сведениях — это то, что среди коммунистов началась борьба на почве личностей. Но его пугает другое. Сейчас вся национальная русская интеллигенция или изгнана, или перебита. Взамен поднимается новый слой людей малокультурных и беспринципных, который занимает освободившиеся места. Эти люди будут цепляться за своё положение и боятся восстановления нормальных порядков, при которых вернутся изгнанные культурные силы и заменят их. Недавно большевики выпустили 3000 курсантов и тотчас же уволили 3000 старых железнодорожных служащих, заменив их курсантами. Ясно, что последние — защитники режима. Такая политика делает возврат к старому всё более трудным.

А.В. Карташёв соглашается с Гурко, что это обстоятельство затруднит в будущем восстановление нормальных порядков в России. Однако оно не спасёт режима большевиков, так как замечается уже сейчас антагонизм между властью и коммунистической молодёжью. Последняя хорошо натаскана на Марксе, верит в социалистические доктрины, поэтому она левее верхов и против политики уступок экономическим требованиям жизни.

В.И. Гурко считает, что даже в случае признания Советской власти никто ей денег не даст. Таким образом, признание не усилит власти, не продолжит её существования, но чрезвычайно запутает и затруднит положение будущей национальной России.

Кн. Трубецкой делает сообщение по вопросу о международном положении. Он отмечает всеобщую неустойчивость во взглядах на русский вопрос. Положение разных правительств вообще трудное. Замечается антагонизм между Англией и Францией, неуверенность в прочности границ, созданных Версальским миром. Наконец, отзвуки русской революции выразились везде чрезвычайным усилением левых течений. Правительства, живущие изо дня в день, не способны на крупные решения, не могут управлять событиями, поэтому они в русском вопросе не проявляют никакой твёрдости и последовательности. Вероятно, в Англии скоро последует признание Советов, это сделает рабочая партия в силу соображений внутренней политики. Другим центром, работающим на признание Советов, является Чехия. Бенеш — левый и социалист, он поддерживает группу Керенского и Милюкова. Чехи боятся сильной императорской России, вообще сильной власти в России. Они понимают, что положение советской власти критическое, и хотят путём признания несколько её поддержать. Их план состоит в том, чтобы, признав

и придя на помощь деньгами, взять в опеку финансы России и вынудить таким образом эволюцию большевиков в сторону коалиции с демократически-республиканскими группами. Они хотят закрепить в России демократическую республику и сильно работают здесь и в Белграде за признание. Это может иметь успех, так как, раз начнётся где-либо признание большевиков, это отзовётся сейчас же в других странах, которые будут бояться опоздать. Возможность признания существует даже во Франции, ибо статья Гетре была написана с ведома Министерства иностранных дел и влияние здесь Бенеша очень сильно. Не исключена возможность признания даже в Америке, где президент уже колеблется, а еврейство энергично работает за признание. Но денег, вероятно, никто не даст, следовательно, даже признание не спасёт большевиков. Они должны будут эволюционировать, вступая в коалицию с демократически-буржуазными группами. Это поведёт, в конце концов, к установлению международного контроля и закабалению России международным капиталом. В конце концов, эта эволюция вызовет ослабление аппарата власти и закончится революционным взрывом. По причинам морального свойства мы должны всячески бороться против идеи признания большевиков, но если таковое случится, всё же мы можем надеяться, что в результате получится сдвиг в нашу сторону. Однако положение международное заставляет нас относиться очень сдержанно к вопросу о выявлении роли Великого князя. Всякое его открытое выступление создаст ему в Англии и во Франции, в случае признания Советов, очень трудное положение. В Сербии такое признание поставит в тяжёлое положение армию, и если её возглавит уже Великий князь, то и его, так как он будет лишён возможности помочь. Открытое выявление нашей группы возможно и желательно, но совершенно обособленно от имени Великого князя.

Карташёв высказывает, что, не зная материалов, на основании коих кн. Трубецкой пришёл к только что сообщённым выводам, он сам чувствует то же самое. Ему кажется, что сейчас происходит какое-то паническое стремление в сторону признания большевиков. Тут работают два течения — известная нервность и боязнь опоздать, а также определённый расчёт, представителем коего является Бенеш. Последнее течение боится, что воскреснет сильная русская империя, что явится началом восстановления империй в Европе вообще. Эти господа хотят путём признания купить большевиков, побудить их войти в коалицию с демократическими буржуазными группами. Их поддерживают евреи, которые стремятся, признав большевиков,

заставить уйти нынешних главарей, вывезти их в безопасное место и затем купить мелкоту. Милюков уже выехал на поклон к Керенскому, Дан уже говорил о предстоящем в скором времени приступе к сформированию коалиционной власти в России. Всё это послужит началом появления слабых режимов, которые начнут эволюционировать вправо и постепенно распадаться, пока не уступят место сильной имперской власти. Поэтому, что бы ни произошло, как бы худо положение ни было, мы должны быть уверены, что наша комбинация в конце концов восторжествует, ибо она — единственно правильная. Ошибка расчётов всех Милюковых, Бенешей и пр. демократов в том, что они надеются, что завоевания революции остановятся где-то на полпути, что им это нравится. Между тем у истории своя логика, и революция неизбежно докатится до своего логического конца, то есть до крайне правого правительства.

Гурко говорит, что недавно приезжавший в Париж Rechberg побывал у Пуанкаре, Мильерана и Фоша, с которыми он говорил по русскому вопросу. Он фанатический враг большевизма и до сих пор мечтает об интервенции. Поэтому, развивая эту мысль, он говорит о необходимости послать 100 тыс. армию с ген. Фошем во главе для изгнания большевиков, что очень понравилось Фошу. Пуанкаре ему определённо ответил, что, пока он у власти, признания большевиков не будет.

А.Ф. Трепов считает, что освещение вопроса о признании большевиков спорно. Он думает, что переговоры, которые ведутся некоторыми правительствами с большевиками, неискренни, они имеют целью не столько установить дипломатические сношения с советской властью, сколько для получения необходимых материалов, которые могли бы служить материалом для доказательства невозможности признания. Но чем сильнее напор в смысле признания большевиков, тем энергичнее должна быть наша борьба против этой идеи. Мы должны действовать, а не ждать, что всё само собой образуется. Если бы точка зрения о неизбежности в результате признания падения большевиков была признана верной, нам надо было бы быть логически последовательными и встать на путь защиты идеи признания. Но это в корне противоречит всему нашему миросозерцанию и пониманию интересов России, мы не можем не бороться против этой идеи.

Н.Н. Шебеко соглашается с мыслями, высказанными Треповым. Он не считает, что признание большевиков неизбежно. Только в Англии оно вероятно вследствие политики рабочей партии. Все остальные

державы, кроме разве Чехии, вряд ли пойдут на риск признания, понимая отлично, что признание будет иметь вредные для их внутреннего состояния последствия. Конечно, все понимают, что, как бы ни ненавидели большевиков внутри России, протеста оттуда в случае признания ждать нельзя. Но державы были бы, вероятно, очень изумлены, если бы мы, эмиграция, с таким фактом помирились без протеста и борьбы. Напротив, этот протест многим из них на руку, так как даёт возможность ссылаться на существование другой, отличной от большевиков, России, которая представляет собою национально настроенные элементы русского народа. Нам следует энергично и открыто выступать против признания Советов и сообщать правительствам и политическим деятелям тот материал о России, который поможет им получить правильное освещение русских дел. Поэтому уже сейчас нам надо заявить французскому правительству о нашем существовании и о надеждах, связанных с нашей комбинацией. Если французское правительство не будет возражать против такого явного выявления, это надо сделать возможно скорее. Это правительство имеет определённую точку зрения на большевиков и их не признаёт, но это, конечно, не означает, что оно согласится активно помогать свержению власти Советов. К последнему вопросу надо подходить с большой осторожностью.

Гр. Коковцов говорит, что не хочет делать выводов из той информации, которая была нам сделана, однако он не может согласиться с оптимизмом Шебеко. Будучи человеком очень осторожным, он не мог бы высказаться так уверенно за то, что признание большевиков французами невозможно. Но, конечно, повлиять на их решение мы не можем, наш долг только посильно осветить вопрос и тем рассеять те неверные представления, которые имеются у многих влиятельных лиц относительно положения России под властью большевиков. Но, с другой стороны, он не может тоже присоединиться к выводу Карташёва, что в том зле, каким является признание большевиков, есть своя доля хорошего. Напротив, в признании скрыто так много плохого, что мы должны сделать всё возможное, чтоб предотвратить эту беду. Пока мы много раз собирались, но никакой реальной работы от этих собраний не было, сегодня заседание посвящено информации. Это полезно в том случае, если мы эти сведения используем для освещения иностранцам положения советской власти и положения России вообще. Как раз сегодня он узнал, что его работа, посвящённая разбору экономического и финансового положения России, будет напечатана в одном французском журнале. Что же касается выявления

роли Великого князя, он целиком присоединяется к осторожной трактовке этого вопроса, сделанной кн. Трубецким. Отношения к русскому вопросу изменяются постоянно, сейчас как раз идёт напор в неблагоприятную для нас сторону, и кн. Трубецкой прав, что в такой момент опасно выявлять наш флаг и нашу последнюю надежду.

М.М. Фёдоров говорит, что вопрос о непризнании большевиков французами вовсе не так бесспорен, как это кажется некоторым. Хотя Пуанкаре на первый взгляд занял в этом вопросе определённую позицию, но скоро начнутся выборы, которые могут всё в корне изменить. Слова Карташёва неверно поняты, он всегда стоял за борьбу до конца и хотел только сказать, что, как бы ни было плохо, какие пессимистические перспективы ни стояли бы пред нами, в конечном счёте выводы надо сделать благоприятные для нашего дела. До сих пор многие организации ведут борьбу против признания большевиков, и в частности заслуга Банковского комитета в этом деле борьбы велика. Что касается отношения к выявлению Великого князя, выводы гр. Коковцова кажутся ему совершенно правильными.

А.В. Карташёв указывает, что его слова неправильно поняты. Мы должны бороться с большевиками всеми способами, мешать их признанию. Но свою связь с Великим князем мы не можем очень ярко выявлять, тут необходима осторожность. Но если наши усилия помешать признанию будут тщетны, мы должны всё же помнить, что путь соглашательства, на который неизбежно встанут большевики, приведёт к революции против них.

Кн. Трубецкой признаёт, что признание большевиков грозит заменить иго большевиков новым игом евреев-капиталистов. Это возлагает на нас обязанность сугубо бороться против такого несчастья. Но он глубоко убеждён, что расчёты врагов русского народа будут ошибочны и новая революция их сбросит. Пока мы должны более открыто выявить нашу организацию и собирать вокруг неё новые элементы. Такой центр даст поддержку нашим друзьям здесь, которым надо ссылаться на наличие национального русского объединения. Раньше он сам колебался, нужен ли съезд, теперь он считает его полезным, если только с его помощью можно создать внушительный фасад для объединённого органа. Яркое выявление роли Великого князя сейчас опасно, но поэтому надо осторожно и тайно довести до сведения французского правительства о роли, которую предстоит сыграть Великому князю в деле возрождения Родины.

С.Н. Третьяков говорит, что мы посвятили два часа прениям по вопросам внешней политики и $^1/_2$ — внутренним делам России.

Между тем почти всё наше внимание должно быть приковано к России и к происходящим там событиям. Наша ставка не здесь, а в России, события, там происходящие, большой важности и могут привести к полному развалу власти. Он надеется, что процесс этот пойдёт так скоро, что здесь просто не успеют признать большевиков. Пока что мы должны настаивать, что признание большевиков есть просто безумие и всё равно не изменит того внутреннего процесса, в силу которого они должны пасть. Что касается выявления роли Великого князя, он соглашается с формулой, данной в докладе кн. Трубецкого.

А.Ф. Трепов говорит, что с последним не согласен, так как он имеет другое мнение по вопросу о выявлении роли Великого князя.

С.Н. Третьяков заявляет, что за поздним временем приходится закрыть заседание. Следующее заседание состоится в среду, 2 января, в $2^1/_2$ часа дня.

ЖУРНАЛ № 17
ЗАСЕДАНИЯ*

5 января 1924 г.

Присутствовали: Шебеко, Краснов, кн. Трубецкой, гр. Граббе, проф. Алексинский, ген. Миллер, Третьяков, Семёнов, Фёдоров, гр. Коковцов, Савич

Председательствует: Третьяков

Читается и утверждается журнал заседания 26 декабря.

Шебеко сообщает, что он до сих пор не получал от Крупенского извещения о дне заседания для выработки с представителями комитета, о котором сообщал Крупенский, проекта организации сбора денег.

Проф. Алексинский докладывает, что он для этой цели посетил Крупенского, от которого узнал, что всё дело находится в руках княгини Палей, председательницы комитета. Таким образом, мы потеряли 10 дней и рискуем потерять ещё больше, если не возьмём инициативу в свои руки. Нам нужно разослать приглашения с просьбой собраться для обсуждения деталей сбора и контроля, иначе местная организация затормозит решение принципиального вопроса.

Третьяков напоминает, что мы не имеем прямого разрешения Великого князя собирать в фонд Его имени. До сих пор это делается

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 18.

частными лицами и кружками по их собственной инициативе. Уже и сейчас в Париже ходят разные дамы с подписными листами, предлагая подписываться в пользу этого фонда. Мы, как организация общественная, не можем делать воззвания к массам без прямого разрешения Великого князя.

Проф. Алексинский полагает, что нашей организации надлежит упорядочить организацию сбора, для чего поручить комиссии выработать детальную схему сбора средств здесь и на местах, каковая могла бы служить инструкцией для местных комитетов.

Фёдоров предлагает поручить президиуму доложить вопрос Великому князю и испросить разрешение на то, чтобы взять урегулирование сбора в наши руки.

Гр. Коковцов заявляет, что никакого участия в сборе денег Международный банк не принимает и принимать не может. Несколько недель назад Великий князь спросил у него совета, как лучше организовать хранение денег, которые начали поступать в национальный фонд в распоряжение Великого князя. В ответ на это обращение он указал на возможность открыть в Международном банке специальный текущий счёт. Банк может открыть такой счёт на имя Великого князя, принимать вносимые на этот счёт суммы, а равно реализовать поступающую иностранную валюту. К вопросу о сосредоточении дела в наших руках надо относиться с величайшей осторожностью. Прежде всего, надо знать, желает ли Великий князь дать нам поручение организовывать сборы денег в фонд Его имени. Сейчас этими сборами занимаются частные кружки, у которых мысль об этом возникла самостоятельно, которым мы не можем ни давать указаний, ни их контролировать. Таков комитет кн. Палей, производящий сборы по собственному почину. Та же мысль возникает и проводится в жизнь в разных местах, разными лицами. Недавно полк. Антонов требовал, чтобы духовенство парижской церкви обратилось к прихожанам с проповедью о сборе денег в национальный фонд. Церковный совет это требование отклонил, ссылаясь на то, что в церкви нельзя производить сборы на политические цели. Словом, сейчас много лиц проявляют инициативу в этом деле. Мы не можем всё это объединить и взять на себя за всё ответственность. Дело это грозит крупными неприятностями, быть может, вмешательством административных властей. Поэтому мы должны доложить всё это Великому князю и не имеем морального права приступить хотя бы к подготовительной работе до получения указаний от Его Высочества. Относительно комитета кн. Палей надо признать, что он образовался помимо нас, не желает

становиться нашим органом, а, напротив, предлагает нам влиться в его состав.

Проф. Алексинский говорит, что комиссия, составляя проект обращения, считала, что Великий князь этому начинанию сочувствует. Имеется основание опасаться, что дело сбора, оставшись неупорядоченным, будет скомпрометировано. Поэтому надо его централизовать. Комиссия не желала посягать на свободу частных комитетов по сбору денег, но считала, что необходимо урегулировать хранение денег в одном месте. Конечно, чтоб взять дело в свои руки, надо получить разрешение Великого князя. Затем надлежит выявить наше отношение к вопросу, выработать схему организации сбора и обратиться с воззванием от нашего имени. Это сейчас возможно сделать, так как мы, до известной степени, стали явной организацией, хотя ещё не решили, как себя наименовать. Комиссия подняла вопрос о привлечении к делу хранения сумм Международного банка потому, что ей было известно, что там уже имеется счёт подобных сумм.

Гр. Коковцов поясняет, что банк не может собирать денег в чью бы ни было пользу. Он может только хранить внесённые на чьёлибо имя деньги. Он может также дать список своих корреспондентов, и, если последними будут внесены суммы с указанием перевести их на чей-либо счёт, они это сделают.

Шебеко соглашается с гр. Коковцовым, что нам не стоит обсуждать подробностей вопроса, пока мы не получим указаний от Великого князя, кого он уполномочивает встать во главе этого дела. Централизовать дело очень важно, так как сейчас сбором занимается всякий кто хочет, и возможны злоупотребления и ошибки, которые скомпрометируют идею.

Ген. Миллер возражает, что наша задача — разработать техническую сторону сбора денег, но самый сбор производится и будет производиться организациями, от нас независимыми. Конечно, надо испросить у Великого князя разрешение на издание воззвания и затем это воззвание выпустить, а равно указать, как технически надо поступать с деньгами, как легче их переводить сюда.

Гр. Коковцов считает, что Шебеко прав, ибо, если мы согласимся с ген. Миллером и займёмся разработкой технической стороны, мы рискуем, что дело будет поручено не нам, что Великий князь найдёт неудобным, чтобы мы этим вопросом занимались.

Проф. Алексинский говорит, что комиссия выработала проект обращения к массам, будучи уверена, что Великий князь желает, чтобы мы приняли участие в организации дела.

Фёдоров обращает внимание на то, что, когда возник вопрос о выявлении, Великий князь указал, что Его имя не должно быть открыто связано с нашей организацией. Между тем уже отчасти известно о некоторой связи, существующей между Ним и объединённым органом. Если мы теперь выпустим воззвание о сборе средств в распоряжение Великого князя, эта связь будет ярко подчёркнута. Поэтому решаться на это можно только после получения согласия Великого князя, которому необходимо доложить, что дело это требует большой осторожности, тем более что среди сборщиков могут оказаться самозванцы, которые будут, пользуясь именем Великого князя, делать сборы в свою пользу.

Шебеко говорит, что если Великий князь поручит это дело нам, тогда будет ограничена частная инициатива по сбору денег. Но для выяснения положения надо получить указания Великого князя. То обстоятельство, что мы ещё официально не зарегистрировались, не имеем ещё окончательно установленного названия, не должно быть помехой для того, чтобы взять дело в свои руки, если на то последует указание Великого князя.

Кн. Трубецкой предлагает просить президиум обратиться к Великому князю за указаниями, кому Он полагал бы поручить урегулирование дела сбора. Затем нам придётся подумать, как облегчить местным комитетам сбор и перевод денег.

Третьяков соглашается с кн. Трубецким, но добавляет, что при докладе надо указать на существующую сейчас опасность появления недобросовестных сборщиков, а потому на необходимость введения в дело сбора известной планомерности и порядка.

Карташёв указывает, что надо обратить внимание не столько на техническую сторону вопроса, сколько на моральную и политическую. Мы — организация политическая, существующая для того, чтобы направлять и регулировать политическую энергию. Поэтому мы не должны отнестись к начавшемуся движению безразлично, мы должны или от него открыто отмежеваться, если ему не сочувствуем, или принять в нём участие и его организовать. Это движение имеет политическую сторону, ибо с его помощью происходит явное отчеканивание факта, что Великий князь уже сейчас делается главою национального движения.

Постановили: Поручить президиуму доложить вопрос Великому князю и испросить Его указаний, желает ли Он, чтобы орган объединения взял дело организации способа сбора в свои руки.

Третьяков докладывает, что вчера президиум имел очередное заседание, причём, ввиду истечения срока его, Третьякова, полномо-

чий по исполнению обязанностей председателя, возложил обязанности эти на Карташёва впредь до 1 февраля, когда наступит очередь Шебеко.

Карташёв заявляет, что как раз по субботам, когда происходят очередные заседания, он занят до $4^1/_2$ часа, почему вынужден будет хронически опаздывать. Затем он докладывает, что вчера президиум обсуждал вопрос о съезде. Во время предшествующих прений все почти считали съезд желательным, если только он будет настолько подготовлен, что не грозит сюрпризами. Но мы должны взять дело съезда в свои руки и повести его так, чтобы выразить и провозгласить тот политический курс, который принят нашим сектором русской эмиграции. Для этой цели президиум полагал бы правильным создать теперь же организационное по созыву съезда бюро и войти в его состав в возможно большем числе в качестве делегатов от наших организаций. На первое время в состав бюро надлежит пригласить делегатов только от парижских организаций, затем можно будет предложить местным организациям прислать делегатов, но, конечно, на их собственный счёт. Бюро это будет, по существу, нашим деловым органом. Для съезда нужна не программа, а некоторые лозунги, платформа, так сказать, походного характера. Эти лозунги можно или обсудить здесь и затем передать в бюро, или сразу же передать материал в бюро для обсуждения и выработки лозунгов уже в порядке его работ. Первая система возьмёт много времени, и потому казалось бы правильным поручить эту работу бюро.

Кн. Трубецкой считает, что съезд полезен при известных условиях, тем более что сейчас происходит объединение левых элементов, опирающихся на одно иностранное правительство. Им надо противопоставить организованное мнение национальной части беженства. Но он опасается, что если обсуждение лозунгов будет происходить в бюро из многочисленных делегатов разнообразных организаций, то дело запутается и неизбежны трения. Поэтому надо сперва согласиться о лозунгах, чтоб, по крайней мере, нам самим не спорить в бюро между собой.

Гр. Коковцов спрашивает, является ли вопрос о съезде предрешённым или принципиальный вопрос о его созыве ещё дебатируется.

Карташёв разъясняет, что в прошлом заседании этот вопрос не был поставлен на голосование, поэтому прения по принципиальному вопросу не прекращены и каждый имеет право высказаться по существу.

Гр. Коковцов считает, что сейчас не следует предрешать вопроса о том, что надо непременно созвать съезд, ибо и внутренние

причины, и внешние обстоятельства не благоприятствуют его созыву. Внутренние дефекты нашей организации затрудняют планомерное проведение созыва съезда. Часть из нас имеет за собой поддержку и полномочия своих организаций, другие участвуют здесь лишь персонально. Если мы созовём делегатов с мест, они не найдут здесь организацию, однородную по составу. Притом же как раз крупные и пёстрые по составу организации, как, например, Торгово-Промышленный Союз, по-видимому, ещё не подготовлены к тому, чтоб послать сюда полномочных делегатов. Также и Карташёв говорил нам, что его организацию не нужно торопить, надо дать ей время переработать всё внутри. С мест же приедут люди, имеющие формальные мандаты, почему и могут возникнуть крупные недоразумения. Это показывает, что вопрос не созрел. Внешняя обстановка тоже неблагоприятна. Очень желательно, чтобы национальный, правый сектор эмиграции громко выразил своё credo, но внешняя обстановка для этого неблагоприятна. Прежде всего, другие центры эмиграции, как Берлин, Константинополь, София, слабеют, люди переезжают сюда или распыляются, а Париж ещё не подготовлен, чтобы дружно выявить национальное credo. Среди иностранцев определённо обозначается течение не за нас, а против нас. Можно сказать, что на нас надвигается девятый вал в виде возможного признания большевиков, отвратить его мы бессильны. Если он разобьётся, настанет момент для выявления нашего движения, если же этот вал всё зальёт, положение будет печально, он соберётся на тризну. Здесь говорилось, что для успеха съезда нужны деньги и гарантия против возможных сюрпризов. Пока денег нет, но, помимо того, надо помнить, что заранее ввести съезд в определённые рамки нет возможности. Приедут люди с мест и выкинут флаг, около которого мы здесь собрались, очень резко и определённо. Так, Марков 2-й на своей лекции поставил вопрос о Великом князе во весь рост, но на лекции послушали и разошлись. Другое дело съезд, который может принять по этому поводу формулы, резолюции, и тогда наружу выйдут все шероховатости. Поэтому к вопросу о съезде надо отнестись с величайшей осторожностью, в зависимости от внешней обстановки, иначе будет не плюс, а могут получиться роковые последствия.

Проф. Алексинский возражает гр. Коковцову, указывая, что в бюро по созыву съезда персональное начало должно быть заменено представительством от организации в лице избранных ими делегатов. Этим путём будет избегнуто то внутреннее препятствие, на которое

указывал граф. В это же бюро будут избраны некоторые члены нашей коллегии в качестве делегатов от последней. Внешние обстоятельства, девятый вал, как говорит граф, побуждают нас что-то сделать новое и крупное, чтобы противоставить это неизбежному натиску противной стороны. Иначе если наш сектор не смеет ничего открыто предпринять, то и нам и ему не стоит вообще существовать. Съезд повредить делу национального возрождения России не может, но при удаче может принести пользу, поэтому надо сделать такую попытку. Бюро по созыву будет состоять из делегатов от организаций, но лозунги будущего съезда должны быть установлены нами и в готовом виде переданы в бюро. Конечно, на съезде возможны неожиданности, но это уже дело будущего президиума съезда — блюсти, чтоб съезд не отклонился от программы.

Гурко указывает, что созыв подготовительного бюро ещё не предрешает вопроса о съезде. Сейчас ещё нельзя решить, желателен или нет съезд, так как впереди ещё предстоит очень длинная подготовительная работа. Пугаться неизбежного натиска девятого вала не следует, напротив, ему надо противоставить не разрозненные голоса слабых организаций, а мнение нового органа общественности, каковым будет съезд. Однако для созыва нужна столь продолжительная работа, что, если мы её начнём сейчас, мы сможем собрать съезд лишь много месяцев спустя. Поэтому нужно сейчас же составить организационное бюро, но это бюро не может стать решающей инстанцией в вопросе о выборе момента для созыва съезда. Решение этого вопроса должно принадлежать нам.

Фёдоров поддерживает доводы Гурко. Он указывает, что наша организация пока не связана тесно с разными группировками, к которым мы принадлежим. Добиться этого можно легче всего путём выбора делегатов в подготовительное бюро, которое будет для нас прочной связью с организациями. Мы сами должны войти в это бюро в качестве представителей от наших организаций, будем работать в его составе, и оно сделается нашим подсобным органом. Только в этом бюро можно легче всего стирать острые углы между разными организациями и выяснить, удастся ли заранее подготовить дружное течение съезда. Международное положение не может служить помехой к созыву съезда. Мы, несомненно, подходим к перелому в отношениях к русскому вопросу, и, быть может, полезно сделать громкое заявление от лица русских людей. Может быть, это увлечёт тех, кто ещё колеблется, во всяком случае, мы обязаны сделать всё, чтоб объединить русское беженство.

Третьяков согласен с теми, кто считает полезным сейчас же создать подготовительное бюро. Работу в нём надо вести открыто, и это выяснит отношение ко всему делу тех или иных группировок. В это бюро войдёт большинство из нас, оно начнёт перерабатывать составленную весной программу. При этом выяснится, кто пойдёт до конца с нами и кто отпадёт. Что касается угрозы, которую здесь называли девятым валом, то не следует забывать, что решение русского вопроса может последовать в самой России, где тоже назревает девятый вал, но только против большевиков. Например, сейчас в Москве целый ряд комячеек военных частей высказался против центральной советской власти. В течение января состоятся знаменательные съезды коммунистов в Москве, которые могут иметь для власти роковые последствия.

Кн. Трубецкой, соглашаясь с желательностью возможно скорого созыва подготовительного бюро, настаивает на необходимости предварительно выработать лозунги для съезда, чем сохранится за нашей организацией лидерство во всём деле созыва съезда. Он опасается, что, передав всё в сыром виде в бюро, мы выпустим дело из своих рук и другая организация станет решающим фактором.

Семёнов находит, что разногласие несущественно. Нам необходимо сказать организациям, коих мы будем просить прислать делегатов в бюро, для чего их приглашают и каковы основные задания предполагаемого съезда. Если мы начнём сейчас подготовительные работы, мы всё же не сможем собрать съезда ранее июня. К этому сроку надо предположительно приурочить созыв съезда, ибо, пропустив его, придётся отложить дело до конца года. Несомненно, к этому предполагаемому сроку созыва международная обстановка вполне выяснится, а события в России определят положение власти там. Тогда, в зависимости от обстоятельств, можно будет или отложить съезд, или его собрать, если подготовительная работа будет уже закончена. Эта работа требует много времени, и, когда обстановка потребует созыва съезда, поздно будет начинать подготовительную работу. Что касается левых группировок, он считает, что это крыло теряет почву в эмиграции, но её поддерживают извне и у неё пресса, которая шумит и производит впечатление. За нами масса беженства, она ждёт внешнего проявления жизни и деятельности правого сектора, она бродит. Тут разочарование в политической деятельности лидеров старых партий, сильно желание объединиться и обойтись без былых вожаков. Эта масса пойдёт за съездом.

Кн. Трубецкой считает, что левые партии не так слабы, как это кажется. Они развивают агитационную работу в России, получают политическую и материальную поддержку чехов и имеют даже в России ряд подпольных типографий. Среди иностранцев левые имеют успех, национальный сектор бездеятелен, и только крайние правые проявляют некоторую энергию. Съезд даст нам возможность бросить в Россию известные лозунги, которые должны быть сперва нами самими установлены, согласованы и сообщены организационному бюро. Число их должно быть минимально, и они должны быть таковы, чтобы не вносили раздора в нашу среду.

Савич говорит, что обсуждение нами лозунгов потребует много времени. Затем, передав их в организационное бюро, мы не избежим того, что там их снова начнут также долго обсуждать, причём, если узнают, что вопрос предрешён, выйдет обида и стремление во что бы ни стало изменить их редакцию. При этом всегда есть опасность, что разные группировки не сговорятся и расколются. Если это произойдёт в подготовительном бюро, то оно развалится, быть может, отпадёт идея съезда или последний будет созван меньшим числом организаций, но при этом идея нашего объединения останется целой. Но, если лозунги эти вызовут раскол у нас и распад нашей организации, то тогда получится впечатление, что русский национальный сектор расколется по основному вопросу, нас связывающему. Поэтому надо создать бюро и поручить ему установить программу съезда и его лозунги. Бояться не следует, ибо мы там всё равно будем, это бюро будет нашим вторым дном, притом же с помощью наших организаций мы в любой момент сможем затормозить созыв съезда, если убедимся в его опасности или несвоевременности.

Карташёв считает, что всё же желательно параллельно с созывом бюро обсудить в нашей среде записку кн. Трубецкого, чтоб определить, насколько содержащиеся в ней лозунги нас объединяют и насколько они приемлемы для декларирования путём съезда.

Постановили: 1) Признать съезд в принципе желательным, но считать вопрос этот непредрешённым, что можно сделать только по выяснении работы подготовительного бюро, 2) обратиться к парижским организациям с просьбой прислать делегатов в подготовительное по созыву съезда бюро, 3) поручить нашей комиссии выработать техническую сторону вопроса по созыву бюро и по его конструкции, 4) просить президиум послать приветственные поздравления с Новым годом Великому князю и армии в лице ген. Врангеля.

ЖУРНАЛ № 18
ЗАСЕДАНИЯ*

12 января 1924 г.

Присутствовали: Трепов, проф. Алексинский, гр. Граббе, Третьяков, Шебеко, Крупенский, кн. Трубецкой, Миллер, Фёдоров, Семёнов, ген. Краснов, гр. Коковцов, Карташёв, Савич

Председательствует: Шебеко и затем Карташёв

Читаются и утверждаются с некоторыми поправками журналы заседаний 29 декабря и 5 января.

Крупенский делает внеочередное заявление, что, согласно суждениям, бывшим в одном из предшествующих заседаний, он предпринял шаги, чтобы члены нашей комиссии по подготовке вопроса о сборе пожертвований получили приглашение на первое общее собрание возникшего в Париже комитета по сбору средств в казну Великого князя. Все эти члены комиссии действительно были приглашены, но никто из них не явился. По-видимому, их уклонение явилось следствием суждений, имевших место в заседании 5 января, в котором он не присутствовал. Он полагает, что собрание имело право перерешить своё отношение к участию членов её комиссии в комитете по сбору пожертвований, но тогда следовало его предупредить об этом. В таком случае он не стал бы принимать шагов к тому, чтобы их приглашали. Поэтому он выражает сожаление, что его не предупредили о принятом в заседании 5 января решении. Это первое заседание комитета было отложено. После этого он был принят Великим князем, которому доложил положение вопроса и убедился, что Великий князь не возражает против проявления в этом деле частной инициативы. Поэтому он считает, что в следующем заседании комитета наши представители должны были бы принять участие.

Шебеко говорит, что в этом заседании члены комиссии заявили, что они ждали этого приглашения. Но затем, после развернувшихся прений, было решено, что следует запросить указаний Великого князя, считает ли Он удобным, чтобы наша организация открыто приняла участие в сборе денег в фонд Его имени, а равно в деле централизации и организации такого рода сборов. После этого заседания он получил повестки как член комиссии. Поэтому, если бы он принял участие в этом заседании, он поступил бы несогласно с при-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 19.

нятым постановлением, вследствие чего он воздержался от участия в заседании комитета. Он, во исполнение поручения собрания, был у Великого князя, от которого получил указание, что желательно оставить дело сбора в национальный фонд в частных руках. Наше объединение слишком близко связано с именем Великого князя, а потому едва ли удобно, чтобы оно принимало прямое участие в деле организации и централизации сбора. Вообще Великий князь, по-видимому, предпочитает, чтоб не было централизации этого дела, долженствующего быть результатом свободного порыва и инициативы частных лиц, кружков и организаций. Он высказался против того, чтоб мы, как организация, обращались к массам с воззванием. Таким образом, в этом вопросе мы имеем исчерпывающие указания.

Крупенский говорит, что он показывал Великому князю повестку, которая была разослана от имени комитета, и Великий князь высказался в том смысле, что не видит препятствий в том, чтобы наши члены приняли участие в сборе частным порядком.

Проф. Алексинский сообщает, что первоначально он предполагал, что возникший комитет имеет в виду сбор денег в Париже, а потому желательно было вступить с ним в связь для обсуждения вопроса, как лучше поставить такого рода сборы. Из полученной повестки, однако, он увидел, что комитет уже сконструировался, избрал председательницей кн. Палей и, по-видимому, имеет целью централизовать и взять в свои <...>*

...нежелательной и считает более правильным предоставить всё это дело проявлению частной инициативы.

Гр. Коковцов разъясняет, что он тоже получил приглашение принять участие в заседании комитета, причём в повестке было указано, что он приглашается как председатель Банковского комитета и председатель кружка бывших воспитанников Императорского Александровского лицея. Он тотчас же ответил кн. Палей, что, не имея возможности быть в заседании, он не преминет немедленно сообщить бывшим воспитанникам лицея, в порядке персональном и доверительно, об открытии работ комитета по сбору пожертвований, но, ввиду некоторых особенностей Банковского комитета, он лишён возможности быть посредником между этим комитетом и комитетом по сбору средств, а потому не может участвовать в последнем в качестве председателя Банковского комитета.

Третьяков говорит, что он ответил на приглашение письмом, в котором указал, что он не состоит председателем Торгово-Промыш-

* Далее отсутствуют, видимо, две страницы протокола.

ленного Союза, как было сказано в повестке, а сверх того, вследствие пестроты состава нашего союза, он затрудняется доводить до сведения последнего полученное приглашение.

Шебеко резюмирует прения указанием, что вопрос надо считать исчерпанным. Мы имеем определённое указание, что не должны, как объединённая организация, заниматься сбором денег в фонд Великого князя, но каждый из нас в порядке частном может участвовать в этом деле.

Краснов делает внеочередное заявление. Он говорит, что в первый раз ему приходится работать в организации, состоящей из общественных деятелей. Но после заседаний он вынес грустное впечатление. Каждый раз, как только какой-либо серьёзный вопрос кажется после долгих дебатов благополучно разрешённым, вносится новое предложение, вопрос пересматривается в следующем заседании и никак не могут прийти к определённому решению. Так долго спорили о выявлении, как будто было принято предложение Шебеко, очень осторожное по существу, но и оно потом было скомкано и не проведено в жизнь. Затем была внесена одна записка кн. Трубецкого, вскоре заменённая им самим другою. Но так дело и не дошло до рассмотрения ни той ни другой. Он не может понять, что это такое. Есть ли это система борьбы, или просто неумение работать, или, наконец, чрезмерное стремление добиться самого лучшего решения, причём забывают пословицу, что лучшее есть враг хорошего. Записка кн. Трубецкого распадается на две части. В первой части всё ясно и определённо, тут нет места для споров, которые могут возникнуть по второй её части. Надо рассмотреть первую часть, принять её и с разрешения Великого князя разослать во все беженские организации, а также постараться распространить её в России. Этим будет кое-что сделано. То же отношение проявила наша группа и к вопросу о сборе денег. Наша комиссия составила воззвание к эмиграции, но потом начались колебания, и это дело вырвалось ныне из наших рук. Гр. Коковцов усомнился, имеем ли мы право, живя во Франции, заниматься сборами на политические цели. В момент, когда насильники губят Россию, сбор денег на их свержение не подходит под категорию сборов на политические цели. Когда я обратился по своей инициативе к казакам, почти все казачьи станицы откликнулись. Теперь все они, за исключением парижской и ещё одной, производят уже сборы. В Сербии официальный представитель беженской организации не побоялся обратиться с открытым воззванием о сборе денег, то же сделал ген. Экк как председатель Союза офицеров. Здесь председатель Союза Георгиевских кавалеров тоже открыто призывает офицерство жертвовать. Сло-

вом, все проявляют решимость и инициативу, а мы всё колеблемся. Говорят о возможных злоупотреблениях. Прежде всего, беженство осторожно и не так легко его обмануть, но если бы даже и произошли злоупотребления, это не беда, ибо это будут редкие исключения. В каждом крупном начинании могут быть ошибки, и не ошибается только тот, кто ничего не делает. Сейчас в деле сбора проявляется так много частной инициативы, что его не пугает та страстность и необузданность, которые проявляются в этом деле, ибо это показатель, что массу беженства можно пробудить и спаять. Сейчас нам нужно сделать только одно — опубликовать список корреспондентов Международного банка, коим надо вносить деньги для направления их в фонд имени Великого князя. Что касается съезда, то хотя здесь принципиально признали его желательным, однако ему кажется, что здесь боятся съезда, подходят к вопросу более чем осторожно, пока решили созвать бюро. В последнем соберётся человек 20–30 от разнообразных организаций, начнутся прения о лозунгах и получится выявление полного разномыслия. Сверх того, на созыв съезда нужно от 200 до 300 тыс. франков. Если действительно мы будем иметь такие деньги, то гораздо целесообразнее их истратить на другое, более практически полезное дело. Очевидно, из этой затеи ничего не выйдет. Пожалуй, прав гр. Коковцов, что сейчас вообще мы ничего сделать не можем, что сейчас пожар разгорелся с такой силой, что пожарным нужно на время отойти, чтобы выждать момент, когда можно приступить опять к делу тушения. Но если мы хотим вообще играть роль пожарных, нам надо не самоупраздняться, а что-то сделать, хотя бы покончить с тремя вопросами, давно стоящими на очереди, именно с вопросами о выявлении, о принятии записки кн. Трубецкого и разослать на места список корреспондентов Международного банка.

Председательство принимает Карташёв.

Гр. Коковцов берёт слово по личному вопросу. Он считает, что речь Краснова есть нравоучение, сущность которого можно характеризовать словами баснописца: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё ж в музыканты не годитесь». В этой речи генерал отвёл должное внимание моим выступлениям. По-видимому, мы с ген. Красновым одинаково скептически относимся к вопросу о съезде, в осуществимость которого он тоже не верит. Но в другом вопросе — об участии нашей организации в собирании денег в фонд имени Великого князя — ген. Краснов бросил мне упрёк едва ли правильно. Он назвал мои слова «роковыми». Между тем я обратил лишь внимание на то, что мы, как организация, стоящая в известной близости

к имени Великого князя, не должны без указания и разрешения Его Высочества принимать открытое участие в сборе денег в фонд Великого князя. Конечно, как частные лица, вы вольны заниматься этим сбором, но отнюдь не как организация, которая неразрывно связана с именем Великого князя. Мы должны помнить, что Великий князь живёт в чужой стране и проявляет в течение трёх лет величайшую осторожность. Поэтому всякий раз, когда мы хотим что-либо сделать, мы должны подумать прежде всего о том, как бы не повредить Великому князю. В соответствии с этим я считал, что мы могли бы, как организация, принять участие в сборе денег в национальный фонд только после прямого разрешения Великого князя, а также лишь после того, когда убедимся, что нет препятствий со стороны французского правительства.

Карташёв говорит, что президиум полагает поставить на обсуждение ближайшего заседания записку кн. Трубецкого, то есть вопрос, который является одним из тех трёх, коих коснулся в своей речи ген. Краснов.

Гурко заявляет, что по случайному заявлению того или иного члена собрание не может перескакивать с одного вопроса к другому. Дело президиума — внести известную планомерность в обсуждение вопросов, дабы устранить случайность и неорганизованность из наших занятий. Сейчас пред нами неоконченный вопрос по созыву подготовительного бюро, который надо как-то кончить. Лично он придаёт большое значение этому бюро, в котором он видит цемент для спайки наших организаций.

Трепов разделяет основную мысль ген. Краснова: наша работа не клеится. По его мнению, это является последствием неоднородности по составу нашей организации, причём уходит много времени на улаживание внутренних трений и разномыслий. Но всё же надо признать, что некоторые вопросы из затронутых Красновым уже получили разрешение, именно: вопрос о выявлении пред французским правительством зависит теперь не от нас, а от указания Великого князя. Выявление пред нашими организациями уже делается. Вопрос об участии в сборах тоже получил окончательное направление, именно: Великий князь полагает, что мы можем в нём принять участие как частные лица, а не представители объединённого органа. Наконец, вопрос о съезде хотя не решён окончательно, но постановлено обратиться к организациям с предложением послать делегатов в подготовительное по съезду бюро. Окончательное решение будет принято в зависимости от результатов работы этого бюро.

Фёдоров считает, что по вопросу о съезде предрешено созвать подготовительное бюро и вновь касаться этого вопроса не следует. Выявить настроение и чаяния беженства можно, только втянув в работу все организации, для чего нужно подготовить созыв съезда. Сейчас идёт агитация в пользу признания Советов, и потому особенно важно выявить отношение к этому вопросу, мнение объединённого беженства.

Проф. Алексинский заявляет, что после указаний Великого князя он признаёт невозможным принять предложение о рассылке от нашего имени списка корреспондентов Международного банка. Если мы разошлём такое извещение, оно будет принято повсюду как руководящее указание от организации, близкой к Великому князю. Поэтому, хотя он горячо сочувствует этому делу, приходится воздержаться от участия и вмешательства в организацию сбора.

Карташёв напоминает, что у нас на очереди спешное и неотложное заявление Шебеко. Поэтому, если мы хотим проявить хоть некоторую продуктивность в работе, к которой призывает нас ген. Краснов, нам следует оставить прения по разрешённому уже вопросу и перейти к заявлению Шебеко.

Шебеко говорит, что в связи с поднятым повсюду вопросом о признании Советов и с заявлением президента Соед. Штатов настал момент, когда мы должны высказать мнение национальной русской эмиграции. Вопрос этот очень важен и — главное — срочный, ибо надо сказать своё слово сейчас или не говорить его вовсе. Прежде отдельные организации проявляли свою инициативу, теперь, с созданием объединённого органа, многие ждут инициативы от нас. Поэтому наш долг выступить с заявлением по вопросу о признании большевиков. Хотя он не придаёт слишком большого значения этому заявлению, в смысле влияния на решение вопроса, но всё же было бы преступным бездействием молчать в такой момент. Мы сейчас бессильны что-либо серьёзное сделать в самой России, поэтому мы должны делать здесь всё, что в наших силах. Прежде, в моменты, когда поднимался вопрос о признании большевиков, например в Генуе*, голос русских людей имел значение, он показывал, что, кроме большеви-

---

* В Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. состоялась конференция по вопросам экономического восстановления Европы. В конференции участвовало 29 стран и США в качестве наблюдателя. Помимо основной цели конференции — экономического восстановления Европы — решался и русский вопрос. Западные страны выдвинули семь условий, при которых Россия могла получить финансовую помощь, и главные среди них: признание Советами всех долгов царского и Временного правительств, возвращение иностранным собственникам национализированного имущества (или возмещение его стоимости), прекращение пропаганды на территории других государств. Советская сторона соглашалась принять некоторые требования международного сообщества в обмен на признание Советской России de jure. В Генуе взаимные претензии сторон не были разрешены, переговоры продолжились в Гааге (см. прим. на с. 605 наст. изд.).

ков, есть ещё другая Россия, что не всё обезличено пред Советами. Среди иностранцев есть противники признания, и им наш голос может оказать помощь, он покажет, что за ними не пустое пространство. Поэтому я выработал текст заявления и предлагаю его вниманию собрания. Конечно, дело не в редакции текста — её можно изменить, но прежде всего надо решить принципиальный вопрос: желает ли наше собрание послать председателям правительств это заявление. Если решение будет в положительную сторону, тогда можно составить редакционную комиссию для установления текста, причём я очень настаиваю на сохранении основных мыслей, выраженных в проекте.

Постановили: Признать необходимым послать к главам правительств обращение по вопросу о признании большевиков, а также напечатать это обращение в газетах.

Шебеко указывает, что в проекте обращения указано, что оно делается от русских патриотов, и нет ссылки на наше объединение. Конечно, если это признано будет желательным, можно сделать указание на объединение. Если это неудобно, можно подписать заявление от имени наших организаций или даже просто собрать фамилии здесь присутствующих.

Гурко считает, что если подписи будут личными, то заявление теряет смысл, ибо никто не знает наших имён. Поэтому надо подписать заявление в качестве представителей тех организаций, к коим мы принадлежим. Вопрос этот настолько бесспорен, что организации не будут возражать против подобной инициативы.

Трепов считает, что надо предоставить право каждому подписаться, как он хочет.

Фёдоров напоминает, что в аналогичных случаях делались совместные заявления от нескольких организаций. Если желательно сделать то же самое сейчас, надо дать возможность сообщить вопрос нашим организациям. Что касается текста, его надо несколько изменить, усилить некоторые места.

Проф. Алексинский считает, что заявление должно быть сделано от имени объединённой организации.

Карташёв высказывает мысль, что в этом заявлении две стороны: именно существо вопроса и публичное выявление нашей организации, если заявление будет сделано от имени объединения. Он тоже считает желательным сделать заявление от имени объединения, хотя мы ещё не сложились окончательно.

Третьяков говорит, что их организация обратилась с письмами к президенту С.А. Штатов и к Муссолини по этому же вопросу,

но ответа не получили. Поэтому он придаёт большее значение распространению в публике правильного освещения положения в России и старается помещать в газетах всё, что возможно, с этой целью. Но раз считают нужным послать ещё одно такое заявление от имени объединённых организаций*, надо передать в редакционную комиссию текст, там его окончательно обработать, подписать от имени наших организаций и передать находящимся в Париже послам с просьбой переслать главам правительств.

Карташёв считает, что такое предложение, когда мы обращались в таких случаях от имени разных организаций, возвращает нас к старому положению. В таком случае желательно собрать подписи тех, кто раньше участвовал.

Трепов говорит, что он всегда стоял за всё, что способствует нашему выявлению, но сейчас находит, что делать подобное обращение, притом публичное, к главам целого ряда держав раньше, чем мы заявили о своём существовании французскому правительству, было бы некорректно по отношению к последнему. Такое обращение можно сделать только после формальной легализации нашего объединения.

Савич полагает, что вопрос настолько прост и ясен, что каждый председатель любой из представленных здесь организаций может смело взять на себя инициативу и подписать заявление в качестве председателя организации. Протеста ждать нельзя, а обращение за бесспорным разрешением в организации потребует слишком много времени.

Гурко поддерживает эту мысль, говоря, что лично он не задумался бы подписать такое заявление как председатель Парламентского комитета**.

Шебеко считает, что подписанный текст надо размножить и вручить послам для передачи главам правительств.

Фёдоров предлагает внести некоторые поправки редакционного характера, именно указание на то, что большевики скоро падут.

---

* *Комитет Объединённых Организаций* образован в июле 1924 г. В него входило более 70 различных организаций — профессиональных, политических, гуманитарных и пр. Задача комитета — принятие мер по защите прав русских беженцев. Председателем комитета стал В.Н. Коковцов. Шесть представителей комитета входили в состав Эмигрантского комитета.

** *Русский парламентский комитет за границей* образован по инициативе А.И. Гучкова в декабре 1920 г. в Париже. Комитет объединил бывших членов законодательных учреждений России; по словам А.В. Карташёва, цель его создания — «укрепление связи и развитие сотрудничества между русскими и иностранными парламентскими деятелями для защиты интересов России», а также осведомление иностранных парламентов о происходящем в России. Комитет защищал права русских беженцев и «агитировал» «за русское дело пред парламентариями других стран» (См.: *Карташёв А.В.* Задачи, характер и программа Русского Национального Объединения. Доклад Съезду Русского Национального Объединения). Председателем был избран Гучков. Парламентские комитеты, по типу парижского, образовались в столицах многих стран Европы.

Третьяков возражает, что подобные поправки, понятные для нас, потребуют серьёзного обоснования в обращении, направленном к иностранцам.

Постановили: Избрать редакционную комиссию из трёх лиц и поручить председательствующему окончательно установить текст обращения и направить последнее главе французского правительства и послам в Париже для передачи главам их правительств, а также напечатать текст обращения в газетах. Избраны в комиссию: Шебеко, Крупенский, Карташёв.

Семёнов читает краткий доклад комиссии по вопросу о съезде, в котором предлагается обратиться к организациям с письмом, излагающим желательность созыва съезда, и с предложением прислать делегатов в подготовительное по созыву съезда бюро.

Проф. Алексинский добавляет, что пока решено пригласить для участия в бюро лишь крупные организации в Париже. Остальные крупные местные объединения надо просто осведомить о предположении созвать съезд и о созыве подготовительного для сего бюро. Дальнейшее приглашение их, а равно разных других организаций, которые пожелают принять участие в подготовительной работе, сделает само бюро.

Третьяков указывает, что в тексте проектируемого письма есть фраза, которая может быть неправильно понята и которую надо поэтому опустить.

Семёнов поднимает вопрос о том, от чьего имени будет послано письмо. Попутно он возражает Краснову относительно стоимости съезда. Так, съезд Национального союза*, состоявший из 200 человек, обошёлся всего в 2700.

Гурко считает, что все организации, к которым мы обратимся сейчас с письмами, знают о существовании нашего объединения и потому никакого недоразумения не будет, если письмо будет подписано нашим президиумом. Те организации, которые ещё сюда не входят, тоже знают это, но им можно дать ещё объяснения в частном порядке.

---

* *Съезд Русского Национального Объединения* состоялся 5–10 июня 1921 г. в Париже и был созван по инициативе В.Л. Бурцева и М.М. Фёдорова. На съезд собрались делегаты от организаций самого разного толка. Вступительное слово произнёс Бурцев, среди выступавших — П.Б. Струве, К.Д. Набоков, А.В. Карташёв. Результатом работы съезда стало принятие резолюции, которая декларировала продолжение непримиримой борьбы с большевизмом любыми средствами и скорейшее свержение его в России, отказ от «безжизненных» стремлений восстановить рухнувший строй и признание самим народом той формы государственного устройства, которую он определит для себя на Учредительном собрании. По окончании съезда был избран Национальный Комитет.

Шебеко докладывает, что при посещении Великого князя он получил указание, что сейчас делать официальное заявление французскому правительству преждевременно. Регистрация нашей организации не является необходимой, и потому весь этот вопрос следует отложить.

Ген. Миллер делает краткое сообщение о разговоре с бывшим послом Палеологом и читает последний приказ ген. Врангеля.

Карташёв делает резюме постановлений, принятых в настоящем заседании:

Совещание русских общественных деятелей, входящих в состав различных политических и общественных организаций, признало полезным, в целях объединения деятельности русских организаций за границей, созвать русский национальный съезд.

Задачами предполагаемого съезда должно быть выяснение политической обстановки в России и за границей; объединение планов и работы по свержению ига III Интернационала; объединение планов работы в России и за границей после свержения большевизма и создание центрального русского органа за границей, объединяющего работу существующих организаций.

Для подробной разработки всех вопросов, связанных с созывом вышеназванного съезда, как-то: определение его состава, программа его работы, плана докладов и проекта постановлений, техники созыва съезда и прочих материальных вопросов — словом, для всей совокупности необходимой предварительной работы по организации съезда совещание считает нужным создать организационное бюро из представителей всех русских организаций, ставящих задачу национального освобождения России превыше личных, групповых, партийных и классовых интересов.

На основании вышеизложенного, совещание русских общественных деятелей просит представляемую Вами организацию уполномочить 1–3 лиц для участия в работе названного организационного бюро по созыву съезда (а также сообщить, в какой форме и в каком объёме Ваша организация может и готова принять участие в осуществлении съезда).

Настоящее приглашение рассылается следующим организациям, список каковых может быть расширен организационным бюро.

Ответ подготовить.

ЖУРНАЛ № 19
ЗАСЕДАНИЯ*

19 января 1924 г.

Присутствовали: Трепов, гр. Граббе, проф. Алексинский, кн. Трубецкой, Краснов, Шебеко, Миллер, Гурко, Фёдоров, гр. Коковцов, Карташёв, Савич
Председательствовал: Карташёв

Читается и утверждается журнал заседания 12 января. **Пр[едседатель]** оглашает ответ Великого князя на новогоднее поздравление. Карташёв предлагает обсудить записку кн. Трубецкого и читает последнюю.

Кн. Трубецкой заявляет, что записка составлена давно. Сейчас предполагается передать её как материал для суждения в подготовительное по съезду бюро. Здесь уже было указано, что в ней имеются две части, разные по содержанию и назначению, которое он имел в виду при составлении записки. Первая часть, до слов «первым своим долгом», имеет целью отразить нашу собственную позицию в вопросе об отношении к Великому князю, это есть наша вера, которая нас всех здесь объединяет. Она касается нас самих и не подлежит критике или обсуждению ни бюро, ни съезда, который сам установит своё отношение к этому вопросу. Во второй части изложены лозунги, которые могут быть подняты на съезде, а потому подлежат обсуждению в бюро. При составлении этой части записки он старался возможно ближе подойти к содержанию беседы, которую он имел с Великим князем по этим вопросам. Сейчас поднят был вопрос о том, чтоб разделить эту записку. В таком случае надо помнить, что первая часть, как выявление нашей собственной позиции, не должна быть передаваема на обсуждение в бюро. Относительно лозунгов, изложенных во второй части, необходимо нам самим обменяться мыслями, чтоб выработать для своих представителей в бюро определённое отношение к затронутым вопросам.

Карташёв соглашается, что первая часть, касающаяся нас самих, не подлежит передаче в бюро. Что касается второй части, он обращает внимание на то, что там в отношении к одному вопросу приведены подлинные слова Великого князя. Последнее обстоятельство лишит возможности бюро высказать своё собственное мнение

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 20.

по вопросу, поэтому было бы лучше по тактическим причинам эту цитату исключить, оставив вместо неё ту же мысль, но изложенную в другой редакции, как бы исходящую от нас.

Трепов говорит, что, прежде чем перейти к обсуждению записки, он хотел бы уяснить себе цель этого обсуждения, ибо от этого зависит и наше отношение к предстоящим суждениям. Если это будет установлением программы для нас самих, как нечто нас связывающее, отношение будет одно. Если же предполагается лишь выработать некоторые предложения, которые будут служить материалом для суждений в подготовительном бюро, положение очень облегчится и прения пройдут гораздо скорее.

Карташёв указывает, что нам надо выработать материал для суждений бюро, надо, созвав это бюро, сразу же дать ему тему для занятий, поставить на определённые рельсы с первого же заседания. Съезд, если он состоится, должен служить средством для достижения намеченной нами цели. Осуществление этой задачи находится в зависимости от успеха и направления работ бюро, и надо теперь же подготовить работу этого бюро и дать ему готовый материал.

Фёдоров говорит, что только в самом бюро выяснится, состоится ли съезд. Но даже если бы съезд собрать не удалось, подготовительное бюро и работа в нём могут послужить серьёзным цементом для спайки наших организаций, если работа там будет сразу же правильно поставлена. Поэтому туда надо внести подготовительный материал, то, что нас всех объединяет. Так как первая часть касается изложения нашей веры, её передавать съезду не следует. Но во второй намечены лозунги, которые будут темой суждений съезда, поэтому их надо предварительно обсудить в нашей среде.

Трепов повторяет, что для него важно было знать, какова цель предстоящего обсуждения. Как это выясняется, предполагается выработать материал для суждений в бюро. Это облегчит для него участие в обсуждении, так как нас, по существу, объединяет то, что изложено в первой части, и он не хотел бы участвовать в выработке такой детальной программы, которая бы нас потом связала. Раз результаты обсуждения поступят как материал в бюро и будут служить вехами для направления работ последнего, то никаких возражений против такого обсуждения он не делает. Этим путём мы наметим лишь основные вопросы, коими придётся заняться бюро, и дадим предположительные ответы на некоторые из них.

Проф. Алексинский считает, что нам неудобно передавать в бюро наши постановления или решения по затронутым вопросам. Надо

лишь наметить основную линию будущих суждений подготовительного бюро, дать ему главные мысли, провести в течение работ чрез наших представителей основные идеи, из коих первая есть желание видеть во главе национального движения Великого князя.

Карташёв соглашается с предложением Трепова по тактическим соображениям, хотя в основе имел бы многое возразить. Конечно, нам нельзя делать себе фетишей из платформы или программы, мы должны помнить, что в случае изменения обстановки придётся отступать от принятых ранее положений, но всё же, как организация общественная, мы не можем обойтись вовсе без всякой программы. Последняя нас не свяжет формально, но она явится моральною связью между нами и морально нас обязывает, поскольку внешние силы не принудят от неё отойти. Сейчас нам надо обсудить лозунги или платформу, которые будут предметом суждений в бюро, иначе мы выпустим совершенно инициативу из рук. Необходимо в своей среде проделать черновую работу подготовки того проекта программы, который мы должны будем передать в бюро. Это нужно прежде всего для того, чтоб в бюро мы между собою не боролись, а проводили одну общую идею.

Трепов отвечает, что в принципе он не противник установления какой-то общей платформы, тем более что по основным вопросам мысли русских патриотов очень близки между собой. Так, все вопросы, затронутые в этой записке, были предметом суждений Рейхенгалльского съезда* и изложены в программе последнего в том же духе. Таким образом, эти лозунги, совпадающие с лозунгами Рейхенгалля, приемлемы для него, но он воздержался бы выдвигать какую-либо программу для бюро, чтоб дать последнему возможность свободно высказать своё мнение, будучи совершенно убеждён, что в бюро и на съезде свободно выкуется общее мнение русских патриотов. В одно из ближайших заседаний он представит программу Рейхенгалльского съезда, чтобы показать, насколько основные вопросы трактуются всеми одинаково.

Кн. Трубецкой говорит, что бюро само выработает лозунги для съезда, но при этом наши представители, входя в состав бюро, должны будут постараться провести там наши идеи. Поэтому лучше не препровождать в бюро никаких материалов, а установить теперь

---

* *Рейхенгалльский съезд (Русский съезд промышленного восстановления России)* состоялся в Бад-Рейхенгалле (Германия) 29 мая — 6 июня 1921 г. по инициативе Н.Е. Маркова (2-го). На съезде присутствовало 100 делегатов (в том числе из России), большинство из них (41 человек) принадлежали к группе Н.Е. Маркова. Важнейшим итогом съезда можно считать объединение монархических сил русского беженства и создание Высшего Монархического Совета (см. прим. на с. 225 наст. изд.), которому должны были безусловно подчиняться все монархические организации.

же наше отношение к различным пунктам записки и поручить нашим представителям руководствоваться при работе в бюро суждениями, здесь высказанными. Если же возникнут новые вопросы, наши сочлены нас созовут и доложат. Тогда мы будем иметь возможность высказаться по существу этих вопросов.

Фёдоров утверждает, что нельзя устанавливать здесь программы для России, так как никто из нас не знает, что нужно сейчас России. Наша задача сейчас состоит в том, чтоб из всех программ взять лишь то, что нас всех объединяет. При этом придётся, вероятно, ограничиться лишь небольшим числом бесспорных вопросов, обсудить их и дать нашим представителям задание проводить эту краткую программу в бюро.

Гурко соглашается, что сейчас надо установить лишь наше отношение к основным пунктам, поэтому он возражает против выработки детальных программ.

Карташёв присоединяется к предложению Гурко и предлагает перейти к постатейному обсуждению второй части записки кн. Трубецкого, чтобы проштудировать её, так сказать, начерно. Первый абзац выражает, иными словами, то, что обычно понимают под словами «амнистия», «прощение», «отсутствие мести».

Кн. Трубецкой добавляет, что здесь есть ещё указание, что не будет делаться различие между бывшими эмигрантами и жившими под властью Советов.

Трепов говорит, что можно двояко толковать этот абзац, в зависимости от понимания того, как должно произойти установление новой власти. Если считать, что мы придём в Россию и будем диктовать свою волю, как то свойственно психологии эмиграции, — этот пункт выразил бы всепрощение. Но если свержение большевиков произойдёт без нас и силы, это сделавшие, потом лишь допустят нас в Россию, то этот пункт надо изложить так, что мы придём к ним на помощь и для сотрудничества в деле восстановления Родины. Поэтому надо бы внести понятие о взаимном прощении и примирении.

Карташёв указывает, что в России всё же много людей, боящихся мести эмиграции. Это опасение надо рассеять.

Проф. Алексинский предостерегает от всего, что напоминает о мести, это слово не должно вообще упоминать. Лучше ту же мысль выразить указанием на нашу готовность к совместной работе, на будущее взаимодействие.

Фёдоров говорит, что всё же в России много людей, которые боятся мести. Другие, захватившие чужое добро, боятся нового пере-

распределения имуществ. Эти опасения надо рассеять, равно как опасение военных, живущих в России, которые думают, что возвратившиеся белые их ототрут от мест, ныне ими занимаемых. Надо как-то выразить мысль, что эмиграция вернётся для общей работы совместно с теми, кто остался в России.

Гр. Граббе указывает, что опасения в России существуют и потому надо открыто сказать, что мести не будет.

Карташёв резюмирует прения по этому пункту указанием, что съезд должен формулировать мысль о том, что эмиграция не явится в качестве мстителя, но придёт для дружной совместной работы с внутренними силами России в деле восстановления страны. Переходя к обсуждению второго абзаца, он указывает, что было бы правильным везде заменить слова «большевики» словами «коммунисты», так как крестьяне в России делают большое различие в этих терминах.

Гр. Граббе указывает, что подобное же различие делают некоторые иностранцы, которые готовы иметь дело с советскою властью, но не хотят знать коммунистической.

Трепов говорит, что абзац изложен неправильно. Порядок и успокоение наступят лишь после установления в России государственной власти, ибо одно свержение большевиков без немедленного установления разумной власти приведёт к периоду анархии.

Карташёв предлагает этот абзац опустить совсем, по крайней мере в форме, изложенной в записке.

Предложение это не встречает возражений. Читается и принимается без возражений третий пункт.

Карташёв читает четвёртый пункт и указывает, что тут содержится в затушёванной форме распространённая среди крестьян мысль, что только Царь может дать крестьянству прочное право на землю.

Трепов указывает, что первая часть абзаца бесспорна, но слова: «которую он обрабатывает» — вызовут споры, хотя всякому понятно, что земля, которую обрабатывает крестьянин, останется при всяких переменах власти в его владении.

Карташёв говорит, что неизбежность оставления в руках крестьян обрабатываемой ими земли понимается эмиграцией и эту мысль надо высказать громко, как залог примирения сословий в аграрном вопросе. Это заявление нужно ради политических и агитационных целей. Поэтому надо или вовсе умолчать о земле, что очень трудно, ибо крестьянин боится ещё, что вернувшийся барин будет

отбирать землю, или сказать открыто, что насильственного отбирания не будет. Он понимает, что такое заявление, как указание грабежа, глубоко поражает наше правосознание. Но всё же его надо сделать, в этой жертве землевладельческого класса глубокий этический смысл, сущность мистического отношения к вопросу о примирении.

Трепов говорит, что в подобном отказе от насильственного отбирания он не видит никакой жертвы со стороны старых владельцев, ибо землёй они фактически не пользуются и знают, что всё равно назад её не получат, по крайней мере ту, которую обрабатывает крестьянин. Можно получить вознаграждение, какой-то выкуп, но не самую землю. Это отлично сознаётся всеми, но нельзя, идя в Россию, чтоб восстанавливать закон и порядок, провозглашать лозунг, который подрывает уважение к законности и к государственной власти. Поэтому придётся в порядке факта оставить землю в руках тех, кто её обрабатывает, но не провозглашать это как лозунг, как право.

Кн. Трубецкой не возражает против исключения слов, указанных Треповым.

Гурко говорит, что всем нам отлично известен вопрос об земле, но, если мы сейчас захотим формулировать то, что надлежит сказать на съезде, мы проспорим две недели. Так как существенных разногласий на существо вопроса нет, то надо предоставить бюро выработать такую формулу, которая бы обняла, что разделяется всеми, и не касалась того, что вызывает разногласие.

Предложение принимается.

Карташёв читает абзац, касающийся отношения к армии.

Гурко говорит, что одним из важнейших вопросов, по которому необходимо сговориться до съезда, — это наше обращение к армии. Под Русской армией он подразумевает те воинские части, которые сохранили свою военную структуру, хотя и перешли на трудовой заработок и образовали рабочие артели. Эта армия — единственное сохранившееся у нас зерно государственности. Зерно это мы должны всемерно беречь, независимо от количества составляющих его людских единиц. Мы должны сберечь кадры этой армии, её воинскую дисциплину, её структуру, её организацию. Если командование этой армии сложило с себя несение чисто политических функций и ограничило свою деятельность военно-техническими заботами, то от этого сама армия всё же не перестала иметь широкого общегосударственного значения. Ныне, как и ранее, она является едва ли не единственным организованным носителем традиции слагавшейся в течение многих веков русской исторической государственности, в самой России ныне разру-

шенной. Словом, армия является единственным реальным носителем русского государственного знамени, национального трёхцветного флага.

Наше старое дипломатическое представительство, имевшее притязание в лице созданного им органа, так называемого Совещания послов*, на представительство русского государственного начала, давно перестало им быть. Оно не сумело ни сохранить собственное достоинство, ни создать живые связи с государственно мыслящими элементами русской зарубежной общественности. Заботясь преимущественно — а в историческом отношении исключительно — о том, чтобы не быть окончательно не признаваемым иностранными правительствами, оно поставило себя в такое положение, что не только его фактическое существование, но и морально-общественное положение всецело зависит от доброй воли иностранных держав, или, вернее, французского правительства. Таким образом, оно, выражаясь известной латинской формулой propter vitam vivendi causas perdere — ради сохранения жизни утратило самый смысл своего существования. Ясно, что ковчегом русской государственности, её преемственным представителем оно быть не может. Оно повисло в воздухе, ибо никакой общественной базы подвести под себя не сумело.

В ином положении находятся доблестные остатки Русской армии, сохранившиеся на Балканах**. Представляя сама собой государственную организацию, армия эта сохранила и сплела живые связи с государственно мыслящей русской общественностью. Благодаря этому мы имеем честь видеть здесь, в нашей среде, её уполномоченного представителя, чем мы все гордимся и весьма дорожим.

Являясь прямой преемницей Русской императорской армии, доблестные заветы которой она свято хранит, армия эта вместе с тем — последняя носительница русской государственной власти, ибо образованное ею в Крыму правительство было признано как русской на-

---

* *Совещание послов* — постоянное совещание бывших дипломатов царского и Временного правительств. Впервые созвано в 1919 г. в Париже. В 1921 г. постоянным органом совещания стал Совет послов («коллегия послов»), орган координирующий действия русских дипломатов за границей. Председателем был избран М.Н. Гирс, среди членов — Б.А. Бахметев, К.Д. Набоков и др. Совет считал себя преемником законной власти, располагал крупными денежными средствами, принадлежавшими России и находившимися за границей. Отказался поддерживать (в том числе и финансово) ген. Врангеля и под давлением французского правительства развернул активную кампанию за распыление Русской армии на Балканах.

** *Русская армия на Балканах* под командованием ген. Врангеля состояла из остатков эвакуировавшейся в ноябре 1920 г. из Крыма Русской армии. Временно армия месторасположилась в Галлиполи, Чаталджи и на о. Лемнос, флот был отведён в Бизерту. К 1922 г. из Турции врангелевцы вынужденно были переведены «в славянские земли» — в Сербию и Болгарию. Несмотря на стремление бывших союзников России, французов, распылить Русскую армию, стараниями Главнокомандующего и его сподвижников она была сохранена.

циональной общественностью, также и некоторыми государствами Европы. Вследствие этого Русская армия, нашедшая приют в славянских землях, должна быть во что бы то ни стало сохранена не только как эмблема, но как живое олицетворение русской национальной мысли, сохранена как организованная самодовлеющая сила.

То обстоятельство, что не все русские силы, боровшиеся до последней возможности с поработившим Россию III Интернационалом, полностью состоят в Русской армии, нисколько не умаляет её огромного значения, не лишает её характера единственного государственного центра.

Нет, разумеется, сомнения, что, помимо тех военных элементов, которые отчасти фактически состоят, отчасти числятся в рядах Русской армии, имеются ещё и другие, довольно многочисленные воины, по тем или иным причинам не вошедшие в эту армию, но которые отличаются такой же преданностью русской национальной идее, обладают такой же доблестью и даже принимали на том или ином антибольшевистском фронте такое же деятельное и самоотверженное участие в борьбе с захватчиками власти в России, как и их товарищи Русской, приютившейся на Балканах, армии. Воины эти образовали во многих центрах Западной Европы особые союзы, которые содействуют как поддержанию их воинского духа, так и взаимной между ними связи. Таким образом, сохраняется драгоценный материал для будущего воссоздания русской мощи, пренебрегать которым никоим образом нельзя. Полное, как формальное, так и фактическое, духовное присоединение этих элементов к Русской армии, сохранившейся на Балканах, в высшей степени важно и необходимо.

По многим причинам, перечислять которые излишне, полное присоединение является ныне легкоосуществимым.

Одно заявление Великого князя Николая Николаевича, что он готов в нужный момент и при наличности известных условий стать во главе сохранившихся русских военных сил, в полной мере обеспечивает осуществление этого столь желанного факта. Непререкаемый высокий авторитет бывшего Верховного Главнокомандующего Русской армией, безраздельно признаваемый всем русским национально мыслящим воинством, более чем достаточен для достижения указанной цели.

Однако это воссоединение никоим образом не должно привести к образованию какой-то новой военной силы, в которую вольётся и в которой потонет Русская армия на Балканах. Подобная новая, силою вещей искусственно созданная военная организация неизбежно

утратит ту непрерывную преемственность, которая, безусловно, существует между старой, исторической Русской армией и её доблестными остатками на Балканах. С другой стороны, существенно важно, чтобы идея непримиримой борьбы с большевизмом была сохранена во всей чистоте. Между тем воплощает эту идею именно Русская армия, командование которой ныне находится в Сербии, и никакое новое военное образование в той же мере воплотить её не будет в состоянии, ибо как таковое, в своём целом составе, оно одновременно и до самого конца в борьбе с большевизмом не принимало участия.

В последнее время приходится иногда слышать весьма странную мысль, что упомянутую живую преемственность между русскими военными элементами, находящимися за рубежами родины, и тою Русскою армией, которая олицетворяет былое антибольшевистское движение, не только не стоит, но и не следует сохранять.

Исходя из того предположения, что наиболее действительной силой для свержения большевистской власти в России ныне может явиться Красная армия, и признавая чуть что не доказанным, что эта Красная армия считает остатки Русской государственной армии своим непримиримым врагом, приходят к тому заключению, что русская зарубежная военная сила должна как бы перелицеваться, преобразовавшись в нечто новое, порвавшее живую связь с Белым движением. Только при этом будто бы условии Красная армия станет видеть в русском зарубежном воинстве опасного недруга, могущего после освобождения России от большевистского засилья, опираясь на воскресшее в русском народе национальное чувство, вернуться на родину в качестве организованной силы и тем или иным путём проявить свою злобу к военным элементам, входящим ныне в Красную армию, независимо от их внутренних свойств и качеств. Такое настроение Красной армии может-де удержать её от выступления против большевиков. Необходимо посему принять меры к его коренному изменению. Но такой мерой может быть лишь образование из русских зарубежных военных элементов под верховным главенством Великого князя Николая Николаевича новой военной организации, порвавшей связь с Белым движением; если же эта связь сохранится, то вышеуказанная опасность, в представлении Красной армии, может никогда не исчезнуть.

Нельзя не удивляться столь странной, не выдерживающей критики, постановке вопроса. Что Красная армия далеко не в полном её составе предана большевистской власти, что многие входящие в неё элементы включены насильно и состоят в ней под давлением жесто-

ких, непреоборимых обстоятельств, что, наконец, недовольство в рядах Красной армии большевистской властью и всем насильно навязанным стране порядком усиливается — во всём этом едва ли можно сомневаться. Что наряду с этим в рядах Красной армии могут быть, по разнообразным причинам, лица, опасающиеся недружелюбного отношения к ним русской зарубежной военной силы, едва ли можно оспаривать. Но разве перелицевание русской военной силы, находящейся за рубежом, что-либо в этом отношении изменит?

Две основные причины могут возбуждать в личном составе Красной армии опасения за свою участь в случае свержения большевистской власти и воскрешения русской государственности, знаменующей возвращение на родину русских зарубежных военных сил. Первая из них — возможная расплата за былое участие в борьбе с Белым движением. Вторая причина — возможность непризнания старой Русской армией выслуженного в Красной армии служебного положения её чинов.

Обе эти причины надо иметь в виду и по возможности парализовать то отношение к тому составу Красной армии, который был бы готов вступить в борьбу с большевистской властью. Такой образ действий правилен не только ради того, чтобы побудить Красную армию свергнуть власть коммунистов и дружелюбно встретить зарубежные русские военные силы; он правилен и сам по себе, ибо по существу, по отношению ко многим элементам Красной армии справедлив. Действительно, независимо от тех элементов Красной армии, которые вступили в неё по принуждению, в её рядах <нрзб.> находятся люди, поддавшиеся тому общему психозу, который охватил в революционную пору широкие массы русского народа, а ныне, наравне с этими массами, прозревшие всю ложность большевистских лозунгов и всю лживость их посулов. Карать этих людей столь же в государственном отношении нецелесообразно, как фактически невозможно карать русские народные массы. Множество этих людей может превратиться в полезных слуг государства. Их, следовательно, необходимо будет использовать как строителей воссоздаваемой русской государственности, а посему нет разумного основания лишать их того служебного положения, которого они достигли в рядах Красной армии, коль скоро они восстали против большевистской власти, достигли её свержения и готовы посвятить свои силы на восстановление родины и создание русской национальной власти.

Это не обозначает, однако, что Русская армия для этого должна перелицеваться и отказаться от своих традиций, хотя бы по той

причине, что на деле свержение большевиков Красной армией фактически поведёт к обратному, а именно — к упразднению Красной армии и возвращению её к тем лозунгам, которые искони исповедовала Русская армия, исповедуют и поныне её доблестные остатки, сохранившиеся на Балканах.

Наконец, разве перелицевание Белой армии может изменить отношение к ней хотя бы малой части Красной армии? Разве, по существу, это изменит состав Белой армии, изменит питаемые её чинами к Красной армии чувства и разве это обстоятельство не будет совершенно ясно для всего состава Красной армии?

В этом отношении опять-таки имеет огромное значение возглавление Русской армии, находящейся на Балканах, Великим князем Николаем Николаевичем. Слову Его Императорского Высочества, что не будет принято никаких репрессий по отношению к чинам Красной армии, коль скоро они отступятся от большевиков и примут деятельное участие в их свержении, поверят все чины Красной армии, сколько-нибудь способные восстать против большевистского засилья, а ведь о них только и может идти речь; об остальных говорить не приходится. Без этого возглавления возможно, что никакие заверения Белой армии, как она ни перелицовывайся, для Красной армии значения иметь не будут: она может нам не поверить, а следовательно, всякое перелицевание бесполезно. Наоборот, при означенном возглавлении подобное заверение для сколько-нибудь добропорядочных элементов будет непреложным, а следовательно, перелицевание Русской армии бесцельно и лишне. Оно даже может произвести обратное впечатление, ибо в нём легко могут усмотреть какую-то недостойную маскировку, какое-то лицемерие. Наконец, связывать перелицевание Белой армии и, хотя бы некоторый, отказ от её традиций с её возглавлением Великим князем Николаем Николаевичем — прямое предательство по отношению к Его Императорскому Высочеству.

Да, всё, решительно всё говорит за сохранение Русской армии на Балканах во всей её нынешней структуре, со всеми её традициями, со всем её доблестным прошлым, с присоединением к ней, под верховным главенством Великого князя Николая Николаевича, всех русских зарубежных военных элементов, ныне в ней числящихся.

Этот лозунг мы и должны провести на предполагаемом съезде.

Краснов присоединяется к словам Гурко. В момент, когда Великий князь встанет во главе военных сил, не будет разговора ни о Белой, ни о Красной армиях, тогда будет единая Русская национальная армия. Русская армия должна собираться к старым славным

знамёнам и штандартам. Сейчас часть этих знамён и штандартов охраняет армия на Балканах, и к ним, к этим знамёнам, должна стекаться русская военная молодёжь, под их сенью должна вновь создаваться национальная Русская армия.

Гурко говорит, что мысли ген. Краснова дополняют то, что он сам хотел сказать в отношении армии.

Проф. Алексинский замечает, что в записке говорится об армии за рубежом России, но не упомянут термин «русская армия». Эта Русская армия и в изгнании была той силой, которая нас, противников советской власти, спаивала, поддерживала морально. Не будь её, мы давно потеряли бы всякую надежду. Русские воины, составляющие эту армию, сейчас распылены на работах, но они составляют одно духовное целое, их спаивает воедино беспредельная любовь к Родине. Не только мы, изгнанники, возлагаем на неё свои надежды, в самой России очень много людей видят в ней залог будущего возрождения русской государственности. Лично он мало верит в то, что Красная армия свергнет большевистское иго. Кадрового офицерства в ней почти не осталось, молодёжь совсем иначе воспитана и надеяться на её патриотизм не приходится. Только небольшой процент офицерства заслуживает доверия, но и эти люди возлагают свои надежды на внешнюю помощь, прежде всего на ту же армию на Балканах. Что касается до других военных организаций, возникших здесь, в изгнании, они должны бы духовно тяготеть к основному ядру, носителю национальной чести — к Русской армии на Балканах.

Трепов говорит, что он согласен с Гурко, что идея русской государственности сохранилась в Русской армии, а не в дипломатическом представительстве. Он признаёт также верность указания на то, что сейчас военные элементы за рубежом не спаяны воедино. Причины этого явления, однако, более серьёзны, чем то было указано. Военное дело требует единого управляющего центра, одной решающей воли, коей всё подчинено. Достигнуть этого сейчас возможно только тогда, когда Великий князь возглавит национальное движение и встанет во главе армии. Пока этого возглавления не произойдёт, не будет и единства среди русских военных за границей. Он отлично понимает, что Великий князь, очевидно, имеет очень веские основания не делать пока этого шага, и если устанавливает этот факт, то, конечно, не из намерения критиковать это решение, коему он беспрекословно подчиняется. Но раз у Великого князя есть серьёзные основания пока воздержаться от возглавления, приходится мириться с наличием известной двойственности и раскола военной

среды. Сейчас к тягостному впечатлению от этого раскола присоединяется ещё некоторая горечь, которую, видимо, испытывают представители Белой армии, когда говорят о будущей связи, о слиянии воедино Белой и Красной армии. Несомненно, положение Красной армии, по крайней мере её командного состава, много легче в настоящий момент, чем Белой, вынужденной тяжёлым трудом зарабатывать свой хлеб. Это делает их положение неодинаковым, и у белых имеется большая чувствительность, когда говорят о слиянии в будущем. Притом же сейчас некоторые толкуют телеграмму Великого князя армии так, как будто он признаёт, что Красная армия есть именно Русская армия. Конечно, такое толкование неправильно, но оно существует и поселяет большую горечь. Надо помнить, что в тот момент, когда Красная армия сбросит большевиков, повернёт против них своё оружие, она перестанет быть Красной, перейдёт на сторону Белой. Ибо сущность Белой армии была и будет — борьба против большевиков.

Фёдоров присоединяется к мыслям, выраженным говорившими ранее его, и хочет только ещё раз отметить, что в минуту общего безумия, охватившего русский народ, русская Белая армия отстояла честь русского народа и идею нашей государственности. Было бы крайне желательно, чтоб эта мысль была высказана по отношению к армии главою нашего национального движения. Что касается Красной армии, надо определённо и публично подчеркнуть, что она станет русскою армией лишь тогда, когда сбросит позорное иго большевиков, тяготеющее над русским народом и над самой армией.

Гурко настаивает, что среди офицеров, которые не состояли в рядах армии в Крыму, есть не желающие влиться в эту армию. Они не хотят признавать Врангеля за начальство, стремятся отмежеваться от организации им возглавляемой, и проявляют определённую тенденцию создать какое-то новое военное образование, которое будет подчинено непосредственно Великому князю и поглотит в себя армию на Балканах как одну из составных частей. Но эта новая военная организация не будет уже той Белой армией, которая была носительницей русской государственности и народной чести в эти тяжёлые годы. Мы должны заявить, что эти тенденции ложны, что Белая армия должна остаться как таковая, как незапятнанный символ чести.

Карташёв считает поднятый вопрос чрезвычайно важным. От былой русской государственности уцелели обломки, из которых одним из первейших и самых главных является армия. Она сохранила в себе идею русской государственности, чести и достоинства России. Кроме армии, у нас, к счастью, сохранилась этическая сила в лице зару-

бежной православной церкви, не подвергшейся гонению и насилию большевиков. Наконец, сохранилась ещё моральная сила, воплощённая в представителях династии. Все эти силы представляют величайшую ценность, и относиться к ним надо с особой заботливостью. Что касается отношения нашего к армии, было бы лучше сохранить первую редакцию этого пункта, как он изложен в первой записке. Эта редакция даёт изложение более исчерпывающее и яркое.

Кн. Трубецкой отмечает, что все возникавшие до сих пор споры касаются несущественных редакционных подробностей. Поэтому он с большим удовлетворением отмечает, что, по существу, все мы единомышленны. Особенно определённо выяснилось это единодушие в вопросе об отношении к армии. Он полагает, что первым же актом съезда должны быть обращения к Великому князю и к армии, которые выяснят отношение съезда.

Ген. Миллер говорит, что он с большим волнением выслушал, что здесь говорилось. Хотя лично он не состоял в рядах армии в Крыму, но вот уже $1^1/_2$ года является ближайшим помощником Врангеля, близко знает всё, что делается в армии, и проникся глубоким благоговением к ней. По существу вопроса — о воссоединении с армией военных элементов, в неё не входящих, он может разъяснить, что с момента подчинения армии Великому князю ген. Врангель проникся мыслью, что надо к моменту, когда Великий князь признает нужным возглавить армию, собрать в одно целое возможно больше военных сил. Это собирание рассеянных и распылённых военных элементов требует подготовительной работы, системы и согласованности. Всё это, на что Врангель смотрит как на свой прямой долг и тяжёлый крест, вызвало много недоумения, критики, протестов. Стали говорить, что Врангель желает всех и вся себе подчинить, и возмущались. Но военная среда, если она хочет быть организованной, должна получать из какого-то центра указания и объединение действий. Пока Великий князь не признает возможным выступить и взять на себя эту задачу, её вынужден временно исполнять Врангель. Впрочем, он, по существу, дал только два руководящих указания: первое касалось участия русских военных в иностранных войсках, второе — судов чести. Сверх того, старались произвести регистрацию. Эта мера имела целью установить, что можно подвести под Великого князя в момент, когда последнему придётся выступить. Идею слияния в будущем Красной и Белой армий в одну наша армия понимает так, что в состав армии в будущем вольются лица, входящие сейчас в Красную армию. Сама же наша армия живёт одной мыслью, одной идеей, ради которой

она готова на все жертвы, — это идея служения Родине. Люди, армию составляющие, убеждены, что она ещё пригодится родине, и это сознание держит их всех вместе, спаивает в одну дисциплинированную силу.

Трепов указывает, что, вполне присоединяясь ко всему, что было сказано относительно армии на Балканах, он не хотел бы, чтоб наши прения могли быть поняты как осуждение каким-либо другим организациям военных.

Савич хотел бы уточнить отношение собрания к двум вопросам. Первое относится к высказанной здесь мысли о том, что съезд должен раньше всего высказать своё отношение к армии и к Великому князю в виде приветствий. Если это так, надо поставить бюро задачу: выработать формулировку и редакцию этого рода обращений. Второе касается вопроса о приглашении в бюро. По-видимому, одна из главнейших задач съезда — выяснить будущие взаимоотношения между военными, находящимися здесь и в России. Очевидно, это лучше всего сделать устами командного состава армии или, в крайнем случае, после совместного обсуждения вопроса с представителями армии. Поэтому желательно послать армии приглашение прислать представителя в бюро, хотя бы для связи в качестве эксперта.

Кн. Трубецкой указывает, что вопрос об участии представителей армии на съезде очень щекотлив. Хотя сейчас вопрос о признании Сербией советской власти отложен, но всякое публичное выступление командного состава для армии опасно.

Гурко говорит, что из возбуждённых Савичем вопросов можно принять без дальнейших обсуждений приглашение армии прислать своего представителя в бюро под тем или иным титулом.

Краснов заявляет, что здесь, говоря о борьбе с большевиками, ни словом не упоминали о казаках. Поэтому он просит права поднять этот вопрос в следующем заседании.

Карташёв предлагает за поздним временем прервать дальнейшее обсуждение записки кн. Трубецкого. Относительно рассмотренного только что пункта он полагал бы остановиться на редакции изложения из первой записки.

Предложение это принято.

Шебеко сообщает, что на имя объединённого органа поступила записка от ницского монархического общества, в которой указывается на желательность нашего участия в деле сбора денег. Записка довольно обширна, и потому он предлагает заслушать её в следующем заседании и тогда высказаться по существу её.

ЖУРНАЛ № 20
ЗАСЕДАНИЯ*

26 января 1924 г.

Присутствовали: Трепов, Фёдоров, кн. Трубецкой, Семёнов, Гурко, Краснов, Миллер, Карташёв, Шебеко, Савич
Председательствует: Шебеко, затем Карташёв

Читается и утверждается журнал 19 декабря.

Трепов предлагает отменить чтение протоколов, отнимающее много времени. Каждый желающий может прочесть журнал, и, если ни с чьей стороны нет возражений, последний можно считать утверждённым.

Фёдоров соглашается с внесённым предложением под условием, чтоб журналы были всегда в распоряжении членов собрания, по крайней мере за $^1/_2$ часа до начала заседания, чтоб их можно было просмотреть и сделать замечания в собрании в случае, если встретятся возражения против изложения тех или других заявлений отдельных участников заседания.

Предложение Трепова принято с добавлением, сделанным Фёдоровым.

Гурко просит слова по внеочередному заявлению. Он считает, что наша организация, чтобы не отмежёвываться от жизни, должна постоянно и быстро реагировать на все события как внешних, так и внутренних беженских происшествий, имеющих отношение к русскому вопросу. По одному такому вопросу, так сказать внешнего порядка, мы только что высказались. Он имеет в виду наше заявление по вопросу о признании большевиков. Равным образом мы не можем пройти мимо фактов, касающихся беженской среды и могущих иметь крупное значение для всего нашего дела. Как раз только что произошёл такой прискорбный случай в офицерском союзе, которого он хотел бы теперь коснуться. В прошлое воскресенье состоялось общее собрание союза под председательством ген. Гулевича. На этом собрании была допущена крайне резкая критика Главного командования, грубые выпады против него и недопустимая демагогия. Всё это не встретило отпора со стороны председателя. Тут сказалась та тенденция, о которой он упоминал в прошлое заседание, — увеличить и углубить раздор и разногласие между командным составом армии и офицерской средой. Ходят

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 21.

слухи — может быть, это просто сплетни, но эти сплетни проникают в офицерскую среду и вызывают там смущение, — что ведётся определённая кампания, имеющая целью посеять в офицерстве мысль, что Великий князь относится к ген. Врангелю совершенно отрицательно и что поэтому те, кто расшатывают авторитет командования, делают угодное Его Высочеству дело. Для борьбы с этой ложью и коварной интригой мы должны ещё раз подчеркнуть наше мнение о значении армии и её высшего командного состава. Крайне важно для дела, чтоб авторитет ген. Врангеля сохранился полностью до того момента, когда Великий князь найдёт возможным встать открыто во главе армии. Ибо, расшатывая сейчас авторитет высшего командного состава армии, наносят удары по самой организации, расшатывают ту моральную спайку, которая сплачивает армию в единое дисциплинированное целое. Конечно, когда во главе армии встанет сам Великий князь, авторитет которого так велик, вопрос о Врангеле и др. командном составе отпадёт сам собой. Каждый из них сойдёт на роль простого исполнителя велений Великого князя. Но надо, чтоб армия, как целое, дожила до момента возглавления её Великим князем, а для этого необходимо поддерживать, а не разрушать авторитет Врангеля. Поэтому нам надо высказать своё решительное осуждение этой явной попытке усилить расхождение между офицерством и Врангелем.

Проф. Алексинский заявляет, что в первый раз сейчас услыхал о происшедшем на собрании Союза офицеров. По этому поводу он считает нужным сообщить об одном тягостном факте, имевшем место в Константинополе. Там образовался орган из патриотически настроенных людей, для того чтобы выслеживать и выводить наружу тех, кто вступал в тайную связь с большевиками. Случилось, что несколько членов этого кружка, заслуживавших полного личного доверия, возвели обвинение на некоторых лиц. При дальнейшем расследовании оказалось, что сами они были введены в заблуждение агентами большевиков, воспользовавшимися этой организацией для разложения беженства. Аналогичное явление было замечено в Праге. Он опасается, что и теперь мы имеем пред собой попытку большевистских агентов поссорить и разложить эмигрантскую среду. Возможно, что эти тайные агенты незаметно возбуждают отдельных легко воспламеняющихся офицеров против Врангеля, прикрываясь при этом своею якобы преданностью к монархической идее и к Великому князю, и чрез них стараются нанести удары авторитету Главного командования, отлично сознавая, что эти удары отражаются очень болезненно на самой армии, расшатывают её морально. Такова ведь теперь задача большевиков и всех тех, кто ей сочувствует.

Трепов указывает, что он всегда считал необходимым всемерно поддерживать авторитет Главного командования и неоднократно это доказал. Тем не менее он решительно возражает против прямого нашего вмешательства в военные дела. Нет сомнений, что всё происшедшее в прошлое воскресенье станет известно Великому князю и что Его Высочество найдёт способы и средства уладить возникший конфликт и поставит всех на надлежащее место. Мы же, не зная подробностей дела, не можем выступать с какой-либо формулой, могущей быть признанной как осуждение кого бы то ни было. По поводу наблюдающихся в последнее время трений ему приходилось слышать от военных два совершенно противоположных мнения. Теперь же, после сказанного проф. Алексинским, он считает необходимым усугубить осторожность, дабы не впасть в невольную ошибку. Среди офицеров, составляющих союз, есть элементы вполне доброкачественные и лояльные, но которые недовольны позицией, занятой Врангелем, и которые считают, что агрессивность была проявлена не ими. Слиться с армией, подчиниться Врангелю им мешает то обстоятельство, что им кажется, что Врангель не встал всецело под лозунг «За веру, Царя и Отечество». Нет сомнения, что в военной среде более чем где бы то ни было нужны мир и лад, но внести последнее может только непререкаемый авторитет власти. Наше вмешательство только обострит положение и усилит рознь, только Великий князь может внести мир в офицерскую среду. Мне говорили, что заранее было условленно не касаться вовсе имени ген. Врангеля, но это имя было втянуто в прения вследствие инициативы ген. Миллера. Теперь мы, не зная основательно происшедшего, не можем быть судьями происшедшего. Мы можем лишь признать, что всякая попытка колебать авторитет ген. Врангеля недопустима, что для общего дела вредно и совершенно недопустимо вносить рознь или обострение между главным командованием и офицерскими союзами, наконец, что только вмешательство Великого князя может внести мир и порядок.

Фёдоров считает, что по вопросам крупным, имеющим большое политическое значение, мы не можем молчать. Напротив, мы должны в таких случаях высказывать своё мнение, хотя бы они касались военной среды. Уже А.Ф. Трепов высказался определённо, что ни колебать авторитет Главного командования, ни вызывать раздор между армией и офицерскими союзами недопустимо. К этой мысли он вполне присоединяется. Сверх того, Гурко высказал мысль, что нам следует высказать своё мнение по этому вопросу Великому князю, обратив внимание Его Высочества на большое принципиальное

значение этого происшествия. Ему передавали, что на этом собрании офицеров проявились две тенденции: первая — это стремление подорвать авторитет командного состава, вторая — это признаки сменовеховских течений. Но если даже имело место одно первое стремление, этого достаточно, чтобы высказать своё отрицательное отношение, изложить его подробно в журнале, дабы из содержания последнего Великий князь узнал о происшедшем и бывших здесь прениях.

Гурко с удовлетворением отмечает, что по существу вопроса у нас разногласия нет. Он сам не предложил бы выносить кому-либо осуждение, не зная всех деталей дела, но лишь считал необходимым отметить, что в результате прений, имевших место в офицерском союзе, произошло недопустимое расшатывание авторитета Главнокомандующего и углубление розни между армией и Союзом офицеров и эти факты мы должны отметить и их заклеймить, так как в результате расшатывается самая организация армии и колеблется даже авторитет Великого князя, поскольку некоторые люди пользуются Его именем для подрыва авторитета командного состава. Поэтому не прав Трепов, говоря, что вопросов, относящихся к армии, мы совсем не должны касаться. Это верно лишь в отношении технических, внутренних вопросов армии, но, поскольку они касаются общеполитической обстановки, мы имеем право высказать своё мнение. В этом смысле необходимо подчеркнуть, что авторитет ген. Врангеля, как бы мы ни относились к нему лично, должен быть поддержан всеми силами до того момента, пока Великий князь не встанет лично во главе армии.

Краснов говорит, что он тоже хотел затронуть инцидент, происшедший в Союзе офицеров, и всецело присоединяется к сказанному здесь. Однако он находит, что этого недостаточно. Мы, как и по другим вопросам, высказываем верные мысли, но не делаем из них надлежащих выводов, сопровождающихся действием. В прошлое воскресенье в Союзе офицеров произошло что-то, напоминавшее митинги времён Керенского. Это был именно митинг, а не собрание Союза офицеров. Сперва выступил с провокаторской речью Ефимовский, затем последовало совершенно недопустимое по форме выступление Баранова, и, наконец, речь Нечволодова напомнила демагогические выступления ораторов-большевиков того времени. Все эти выступления не случайны. Ещё четыре месяца назад до него доходили сведения о подготовке кампании, имевшей целью свалить ген. Врангеля, используя для этого имя Великого князя. Поэтому одного изложения в журнале наших суждений мало. Надо немедля обратиться к Вели-

кому князю с просьбой вмешаться и положить предел этой интриге. Если бы по некоторым основаниям Великий князь счёл сейчас неудобным вмешаться открыто и высказаться по делу Нечволодова и Гулевича, мы могли бы, с согласия Великого князя, обратиться открыто к ген. Врангелю с изложением нашего взгляда на происшедшее. Военная среда, зная близость нашей организации к Великому князю, поймёт, что наше выступление могло иметь место только в случае Его моральной поддержки. Надо помнить, что среди офицерского союза есть известное число лиц, которые, вместо того чтобы бороться с большевиками, вовремя эвакуировались. Теперь, после шести лет беженской жизни, они совершенно отстали от военного дела, но всё же желают играть руководящую роль и занимаются интригами, что и выяснилось на этом митинге.

Трепов говорит, что колебать авторитет Врангеля совершенно недопустимо. Борьба против него началась на политической почве, так как далеко не все считали правильными его политические выступления. Лица, считавшие, что лозунги Врангеля не сходятся с их лозунгами, боролись против его политики. Но теперь, когда Врангель, подчинившись Великому князю, совершенно отказался от всякой политической деятельности, борьба против него и колебание авторитета его как Главнокомандующего совершенно недопустимы.

Краснов указывает, что теперь пора оставить в покое приказ № 82* и политическое credo ген. Врангеля. Все отлично знают, что Врангель всецело подчинился указаниям Великого князя и что сам он и его армия стоят на общемонархической платформе «За веру, Царя и Отечество».

Проф. Алексинский подтверждает мысль, что с момента подчинения Великому князю и после отказа от политики Врангеля борьба с ним на почве политической теряет всякий смысл. Конечно, лица, сообщавшие Трепову о причинах борьбы, не могут быть заподозрены, но, имея в виду факты, которые произошли в Константинополе и Праге, позволительно подозревать, что они могли стать бессознательными игрушками в руках ловких агентов большевиков. Сейчас последним надо растлить во что бы то ни стало армию, и самый лучший и верный для этого способ заключается в сеянии раздора в офицерской среде. То, что произошло в воскресенье, показывает, что эти люди сыграли, быть может несознательно, в руку большевиков.

---

* Приказ П.Н. Врангеля № 82 от 8 сентября 1923 г. «О несовместимости пребывания в Русской армии с членством в политических партиях и организациях».

Гурко напоминает, что над разложением армии работают не одни большевики. Одинаковую работу с последними производят эсеры, Милюков и его К°, а также масонские организации.

Ген. Миллер заявляет, что он с чувством удовлетворения выслушал слова Трепова. Врангель действительно отказался от политики, но не только за себя, а за всю армию, за всё офицерство, состоящее в её рядах. Вопрос о лозунгах, на которых якобы идёт бой, отпадает сам собой. Уже Краснов достаточно осветил вопрос, что, подчинившись всецело Великому князю, Врангель и армия радикально разрешили вопрос о тех лозунгах, во имя коих боролись. Врангель всегда был монархистом, никогда не боролся против монархического лозунга и уже давно старался перевоспитать армию, имевшую когда-то другие лозунги. Уже давно армия стала монархической и исповедует общий монархический лозунг. Надо помнить, что сам Великий князь никогда не выставляет напоказ этот лозунг, а всегда говорит прежде всего о спасении и возрождении России. Теперь Врангель отдал себя и армию в распоряжение Великого князя, отказался вовсе от политики. Поэтому люди, говорящие, что они борются с Врангелем во имя дорогого им лозунга, неискренни. Лозунг тут только предлог, а цель — иная. На собрании я упомянул имя Врангеля потому, что говорившие ранее Ефимовский и Баранов позволили себе делать выпады против штаба Главнокомандующего. При этом всякому было ясно, что удар направлен против самого Врангеля, так как критиковались мероприятия последнего. Это делалось в союзе, который всегда пользовался материальной поддержкой ген. Врангеля. Председатель ген. Гулевич или растерялся, или не хотел положить предел происшедшему. Надо помнить, что сам Гулевич в течение известного времени пользовался материальной поддержкой армии, равно как нападавшие Баранов и Нечволодов тоже в своё время получали пособия из средств Главного командования. Ввиду бездеятельности председателя он подал протест против его действий, который сейчас и огласит. (*Читает протест*.)

В Сербии и Болгарии между армией и офицерскими союзами долгое время никаких трений не возникало. Некоторое недоразумение возникло лишь после того, как ген. Гулевич начал проводить идею объединения всех офицерских союзов в одном центре, каким был избран Париж. При этом как предлог было выставлено утверждение, что Врангель не присоединяется к лозунгу «За веру, Царя и Отечество», и офицерство призывалось, следуя за этим ло-

* В архиве отсутствует.

зунгом, объединяться не около армии, а около парижского центра. Таким образом, в офицерскую среду было внесено смущение при посредстве недостойного злоупотребления этим лозунгом. В последнем собрании Союза офицеров была опять проявлена недобросовестная агитация при помощи неверного толкования лозунгов армии, имевшая целью создание центра вне армии. До сих пор второе намерение скрывалось, но теперь оно вышло наружу. Быть может, некоторыми при этом руководило местное честолюбие, желание играть роль, но тут есть и другая подкладка. В Сербии к одному уважаемому генералу, не служившему в рядах армии при Врангеле, пришло несколько лиц, прибывших отсюда, просить его взять в свои руки создание нового офицерского союза. На его указание, что офицерские союзы здесь существуют, ему объяснили, что всё это делается с целью развалить армию. Таким образом, прав был Гурко, говоря, что есть тенденция создать новый военный центр с выборным главою, что есть нелепость, что поведёт только к развалу военной среды. Но к этому-то и идут, одни сознательно, большинство бессознательно. Поэтому он демонстративно ушёл с собрания, отлично понимая, что это не случайный инцидент там произошёл, а проявление наружу накопившегося гноя. Помочь оздоровлению может только Великий князь, его слова ждут все. Для старшего командного состава встаёт вопрос: нужна ли наша армия как организованное целое для Великого князя и проводимых им планов? Словом, все ждут властного слова Великого князя, которое одно может разрешить запутанное положение.

Трепов подчёркивает, что он отнюдь не хочет брать под защиту то, что произошло. Он всегда стоял за сохранение авторитета командного состава, в частности Врангеля. Поэтому он не хотел бы, чтоб создалось ложное впечатление от его заявления, что нам не следует выносить порицание или осуждение кому бы ни было.

Шебеко говорит, что вопрос достаточно выяснен. Если бы дело касалось пререканий между отдельными лицами, мы не имели бы основания их касаться. Но здесь вопрос глубже. Идёт определённая планомерная работа на разрушение армии. Её ведут масоны, большевики, милюковцы и, наконец, отдельные лица, враждебные Главному командованию. Все мы помним газетную кампанию против командного состава, которую вёл Ефимовский. Мы её прекратили, тогда он перенёс её в офицерскую среду, и там теперь идёт усиленная работа. Эта работа направлена не только против армии и её командного состава, но против всего нашего дела вообще. Нам надо принять

резолюцию, подчёркивающую важность поддерживать авторитет Врангеля и клеймящую всякую работу, направленную к разрушению этого авторитета.

Фёдоров считает, что такой резолюции недостаточно. Нам надо просить Великого князя вмешаться в это дело. Но если бы Великий князь, по известным ему соображениям, не признал возможным лично вмешаться, то тогда надо испросить согласия Великого князя обратиться к Врангелю с открытым заявлением о нашем отношении к этому делу.

Шебеко считает неудобным обращаться с подобной просьбой к Великому князю. Его Высочеству будет представлен журнал с изложением бывших здесь суждений, и Великий князь сам сделает, что найдёт нужным.

Постановили: 1) Что совершенно недопустимо колебать авторитет Главного командования в офицерской среде; 2) что окончательное урегулирование возникшего раздора в офицерской среде может последовать лишь в случае вмешательства Его Высочества.

Председательствование принимает Карташёв.

Краснов говорит, что заслуги казаков в деле борьбы с большевиками так велики, что их трудно перечесть. Первое же выступление большевиков в июле 1917-го было подавлено исключительно казаками. На Московском государственном совещании выступил атаман Каледин с определённым заявлением против большевиков. Вернувшись на Дон, он перешёл от слов к делу и начал открытую борьбу с большевиками. Дон стал той базой, где зародилась Добровольческая армия, только благодаря Каледину Алексеев и Корнилов смогли начать своё дело. Каледин при этом сделал всё, что мог, для снабжения добровольцев. На Северном Кавказе было около $7^1/_2$ тыс. офицерства и до 35 тыс. кубанских казаков. Тот факт, что Деникин и Врангель носят кубанскую форму, подчёркивает значение, которое эти вожди придавали участию казачества в борьбе с большевиками. Даже донцы добровольно подчинились Деникину. Все знают подвиги и смерть Дутова и др. атаманов казачьих войск. Большая часть казачьих вождей погибла, до 60% донцов истреблено, донские калмыки почти уничтожены, терцы тоже почти все перебиты. Пренебрежение и непонимание казачества погубило Деникина. В составе армии Врангеля в Крыму было 50% казаков, доблестно сражавшихся рядом с корпусом Кутепова против общего врага. Они вместе с Врангелем ушли в Константинополь, откуда попали в Лемнос. Здесь против них направилась отчаянная пропа-

ганда к возвращению на родину. Послушавшиеся и вернувшиеся все перебиты. Сейчас в рядах армии Врангеля столько же казаков, сколько чинов регулярных войск. Поэтому, когда говорилось об армии, здесь не упоминали отдельно о казаках. Между тем у казаков свои традиции. И в старое время в царских приказах всегда о казаках упоминалось отдельно. Поэтому и сейчас надо выразить им отдельное приветствие и отдельно пригласить их в бюро по созыву съезда.

Миллер поясняет, что все говорившие об армии не упоминали отдельно о казаках потому, что там все так сжились, что уже не отделяют себя от других.

Фёдоров говорит, что он был при Добрармии с самого начала её возникновения и отлично знает, какую громадную роль сыграло казачество в борьбе с большевизмом. Он наблюдал работу Каледина и знает, как тот всемерно шёл навстречу нуждам добровольцев. Цифры, названные Красновым, верны, но затем Добрармия начала пополняться наборами, и тогда соотношение изменилось. Но для него армия и казачество всегда были одно нераздельное целое, поэтому, когда он говорил об армии, он имел одновременно в виду и казаков, входящих в её состав. Он уверен, что казаки не сказали ещё своего последнего слова и сыграют ещё большую роль в последней схватке с большевизмом. Учитывая их психологию, надо обратиться к ним с приглашением участвовать в работах бюро по созыву съезда. Нельзя, конечно, указывать лиц, кого желательно видеть в составе бюро. Следует просто просить Врангеля, чтобы он прислал в бюро одного представителя от регулярных частей и одного от казаков. Сверх того надо будет пригласить атаманов как представителей выборной казачьей власти, а равно казаков как бытовой группы. Казаки теперь в массе за единую Россию, и, во всяком случае, если среди них есть колеблющиеся, то важно их ввести в нашу среду и нашу работу, так как это втянет их в наше общее дело.

Трепов тоже считает полезным просить Врангеля прислать в бюро представителей от обеих частей его армии, то есть от регулярных и казачьих частей.

Карташёв говорит, что опять возникает вопрос о ген. Богаевском, который разрешится только тогда, когда атаманы войдут в нашу организацию, встав на общую государственную платформу. Что касается участия атаманов в составе бюро, то следует вопрос о расширении состава бюро передать в самое бюро.

Краснов указывает, что атаманы, подписав известную декларацию, не только разошлись с Врангелем*, но стоят за самоопределение казачьих областей. Поэтому их положение в бюро, состоящем из элементов, признающих единство России, будет ложным.

Гурко говорит, что подобные вопросы в бюро не поднимутся вовсе. Сейчас пред нами борьба с большевиками под главенством и руководством Национального Вождя, и всякий, кто идёт на эту борьбу с нами под Его руководством, должен рассматриваться как наш союзник.

Проф. Алексинский полагает, что приглашать в состав бюро на первое время надо только центральные организации, а не местные отделы.

Гурко предостерегает от слишком поспешного увеличения числа приглашаемых организаций. Чем больше будет народу, тем труднее сговориться.

Постановили: 1) Просить Врангеля прислать в бюро сверх представителя от армии отдельного представителя от казаков, 2) пригласить на первое время в состав бюро только те организации, представители коих входят в состав объединённой организации.

Карташёв делает заявление о поступившем отказе Третьякова от участия в работах президиума. Президиум, заслушав это письмо, полагает, что не следует торопиться замещать освободившуюся вакансию, отложив вопрос до переговоров с торгово-промышленной группой.

Постановили: Принять к сведению.

Шебеко говорит, что поступившую от ницского монархического общества записку привёз Давыдов, который просил его дать возможность устно доложить нашему собранию подробности. После того как ему было указано, что подобных случаев в нашей практике ещё не было, он уехал. Но принципиально надо признать желательным приглашение на наши заседания приехавших делегатов от местных организаций, что полезно в смысле освещения вопросов

---

* 22 июля 1920 г. в Севастополе состоялось подписание соглашения между ген. Врангелем и атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Согласно документу, «государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани» обеспечивалась полная независимость «в их внутреннем устройстве и управлении». Главнокомандующему присваивалась вся полнота власти над всеми казачьими вооружёнными силами «как в оперативном отношении, так и по принципиальным вопросам организации армии». Действие соглашения устанавливалось «до полного окончания Гражданской войны». Однако в мае 1921 г. Русский Совет (см. прим. на с. 182 наст. изд.), усмотрев в подписанном казаками совместном соглашении (январь 1921 г.) стремление к сепаратизму, постановил признать ген. Врангеля свободным от каких бы то ни было обязательств ввиду нарушения казаками договора.

и в смысле установления более тесных связей с организациями на местах.

Фёдоров считает, что кооптировать в наш состав можно только представителей организаций. Но приглашать на отдельное заседание с целью информации можно кого угодно. Это приглашение должно зависеть от президиума, которому надо предоставить это право.

Карташёв поддерживает это предложение.

Постановили: Предоставить право президиуму приглашать лиц на отдельное заседание организации.

Кн. Трубецкой заявляет, что накопился интересный осведомительный материал, который может быть сообщён в следующем заседании.

Постановили: Назначить экстренное заседание в четверг, в 5 часов дня, на квартире Савича для заслушания доклада осведомительного отдела.

Приложение

ПИСЬМО С.Н. ТРЕТЬЯКОВА

С.Н. Третьяков
31, rue Spontini
Paris. XVIO

Париж
17 января 1924 г.

Глубокоуважаемый
Антон Владимирович.

Мои личные дела не позволяют мне в данное время принимать участие в работах президиума совещания общественных деятелей в Париже.

Покорнейше прошу Вас, как председательствующего в совещании, довести до сведения совещания в ближайшем заседании о принятом мною решении.

С совершенным почтением

С. Третьяков

ЖУРНАЛ № 22
ЗАСЕДАНИЯ*

9 февраля 1924 г.

Присутствовали: Трепов, гр. Граббе, Третьяков, Краснов, Крупенский, Шебеко, Гурко, кн. Трубецкой, Миллер, проф. Алексинский, Карташёв, Савич
Председательствуют: Шебеко, затем Карташёв

Савич заявляет, что вчера им получено письмо от Фёдорова, в котором он сообщает о необходимости пересмотреть вопрос об участии объединения в деле сбора денег в национальный фонд, а также поднимает вопрос об условиях принятия в нашу среду представителей новых организаций, причём последнее основано на явном недоразумении. Вследствие этого, прежде чем оглашать письмо, желательно его обсудить в президиуме, где недоразумения могут быть рассеяны. Вместе с тем президиум полагает, что и вопрос об участии в сборе денег не следует обсуждать сегодня как вследствие имеющихся в письме возражений, так и по причинам технического свойства. Именно президиум не имеет ещё возможности закончить выработку обращения и плана технического исполнения дела.

Гурко делает внеочередное заявление. Завтра приезжает в Париж Обер, бывший защитник Полунина, который задался целью использовать уроки Лозаннского процесса с целью борьбы с III Интернационалом. Он пропагандирует для этой цели образовать международную Лигу борьбы с коммунизмом**, в котором он видит опасность мировой культуре. Для пропаганды своих идей он предполагает сделать доклад во вторник, в 8 часов, в помещении Торгово-Промышленного Союза. Обер составил себе имя борьбой с большевизмом вообще и особенно во время Лозаннского процесса, он человек независимый, энергичный и увлечён идеей борьбы с большевизмом, для чего он надеется собрать до 15 миллионов. Сейчас момент подходящий, так как во многих странах, особенно в Англии, перепугались. В Лигу борьбы с большевизмом предполагается привлечь почти все страны, кроме Германии и Балканских государств.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 22. Журнал № 21 в архиве отсутствует.

** *Лига по борьбе с III Интернационалом* создана в 1924 г., второе название — «Лига Обера» — получила по имени организатора и члена бюро Лиги, швейцарского адвоката Т. Обера.

Трепов говорит, что, к сожалению, он, вероятно, не сможет быть во вторник, но очень сочувствует идее доклада. Сам он развил аналогичный план в 1922 году испанскому королю, который отнёсся к идее симпатично, но происшедшие вслед за тем события в Испании отодвинули в тень этот план и помешали его осуществлению.

Гурко считает, что было бы желательно привлечь к делу председателя Союза собственников во Франции г. Лармефа, для чего надо его пригласить на доклад, но сделать это можно только через Обера, который сам будет приглашать французов.

Кн. Трубецкой сообщает, что он поставил осведомительному отделу задачу осветить работу большевиков по подготовке революции в разных странах. Интересно то, что большевики возлагают большие надежды на фашистское движение. Они считают, что фашизм и коммунизм имеют много общего, что при неудачах фашизма его сторонников легко увлечь в коммунизм. Ход их рассуждений таков: при фашизме затрагивается и увлекается в движение демократическая масса. Она сплачивается во имя временно её увлекающих идеалов, в основе ей чуждых, от которых она легко может быть оторвана. Между тем она уже сплочена, уже приведена в движение, её мелкие вожди при разочаровании весьма легко переходят от одной крайности к другой.

Гурко соглашается, что эта мысль свойственна большевикам, которые считают, что самое главное — это организовать толпу. Тогда она станет силой, которую можно легко использовать, играя на инстинктах.

Кн. Трубецкой сообщает, что сюда приехал Пильц, который мог бы сообщить нам интересные данные о болгарских делах. Было бы желательно пригласить его на наше следующее заседание. На этом заседании сам кн. Трубецкой предполагает сделать сообщение по вопросу о положении крестьянства и земельного вопроса в России.

Постановили: Просить кн. Трубецкого сделать предложенное сообщение и пригласить на это информационное заседание Пильца.

Гурко поднимает вопрос о желательности выслушать сообщение Окорокова по делам Дальнего Востока.

Третьяков разъясняет, что Окороков давно уехал из России и ничего по вопросу о происходящем там сообщить не может. Но он всё время жил в полосе отчуждения Китайской жел. дороги и в Японии, где видел много народу, может поделиться своими сведениями об отношении к нам японцев. Впрочем, он выехал до землетрясения в Японии, после чего там многое изменилось. По своей ориентации он японофил.

Трепов считает, что Окорокова было бы удобнее выслушать в нейтральном месте, например в Торгово-Промышленном Союзе. Затем он указывает, что в разосланном от нашего имени приглашении прислать представителей в бюро по подготовке созыва съезда вкралась некоторая неточность изложения, именно: из текста можно понять, что вопрос о созыве съезда предрешён, между тем как одна из задач, возложенная на это бюро, состоит в том, чтоб выяснить, возможно ли и желательно ли созвать съезд. Он на это указывает, чтоб потом не было недоразумений, ибо предрешения вопроса о созыве съезда не было, и делегаты в бюро вольны высказываться и за, и против созыва.

Шебеко подтверждает мысль Трепова, указывая на то, что, например, гр. Коковцов всегда был против и остался при этом мнении. Притом по особому составу Банковского комитета гр. Коковцов затрудняется внести в комитет вопрос о посылке делегатов в бюро съезда.

Гр. Граббе и **Третьяков** заявляют, что их организации ещё не получили приглашения прислать делегатов в бюро.

Третьяков сообщает, что $1^1/_2$ месяца назад Торгово-Промышленный Союз подробно информировал свои отделы по вопросу о предполагаемом съезде. Сейчас получены ответы от трёх отделов, причём берлинский и висбаденский высказались определённо против своевременности съезда. Лондонский отдел тоже против съезда политического характера, но допускает возможность съезда для обсуждения бытовых нужд самого беженства, но при этом считает необходимым ранее создать во всех странах аполитичные бытовые организации беженства для обслуживания нужд беженства в данной стране, что откладывает дело в долгий ящик. От балканских и пражского отдела пока ответов нет.

Алексинский добавляет, что он имеет сведение, что в Сербии отдел Торгово-Промышленного Союза приемлет съезд при условии, чтоб не занимался обсуждением той детальной программы, которая была выработана весной в клубе.

Гурко спрашивает, о какой не получившей приглашения организации говорит гр. Граббе.

Гр. Граббе разъясняет, что, помимо официального представительства казачества, каким являются атаманы и казачьи правительства, сформировалась казачья общественность, которая здесь, во Франции, представлена особой лигой, или союзом казачества, объединившейся для взаимопомощи и обслуживания бытовых нужд казаков,

живущих во Франции*. Вся рассеянная ныне масса казаков объединяется в станицы и хутора, которые, в свою очередь, стремятся объединиться в союзы или объединения в каждой стране. Он в качестве председателя французского объединения имеет связь со всеми почти хуторами и станицами, расположенными во Франции, и все они уполномочивают его быть их представителем в органе объединения и в других коалиционных организациях, работающих на освобождение России и признающих Великого князя нашим вождём. Отдельно стояла Парижская станица, но и она на днях или вольётся в объединение, или расколется и из неё уйдёт большая часть природных казаков.

Трепов говорит, что хотел бы уточнить и углубить вопрос, затронутый Гурко. Если мы пошлём приглашение организации, возглавляемой гр. Граббе, каково будет наше отношение, если и другие казачьи объединения потребуют допущения своих делегатов? Он отнюдь не возражает против участия в бюро делегатов французского объединения казаков, но хотел бы знать, будет ли этим исчерпано представительство казачества в бюро по подготовке съезда.

Краснов разъясняет, что законным и официальным представительством казачества являются выборные атаманы. Но ныне возникли отдельные казачьи объединения для обслуживания нужд казаков в отдельных странах, которые имеют территориальный характер.

Гр. Граббе указывает, что сейчас казачество раскололось. Большая часть казаков идёт за Великим князем, признаёт его своим Национальным Вождём, она примыкает или к объединению, коего гр. Граббе является председателем, либо к объединениям в других странах, но которые к Великому князю относятся так же, как мы здесь. Другая, меньшая часть идёт за ген. Сидориным и пр. эсерствующими казаками. Это по преимуществу лица левого толка, близкие в прежнее время к казачьим властям. Отдельно стоит законное и официальное казачье представительство атамана и правительства, позиция коих недостаточно определённо выяснилась, вследствие чего замечается оппозиционное настроение масс по отношению к ним. Уважая и дорожа идеей выборной атаманской власти, тем не менее казаки живо осуждают политику лиц, облечённых властью.

Крупенский недоумевает, о каком общественном представительстве казачества говорит гр. Граббе, раз он признаёт, что законным и официальным представительством казачества являются атаманы.

---

* Бытовой *«Казачий союз»* был создан в августе 1924 г.на съезде в Париже. Отвечая лозунгу съезда — «Казачество в опасности», делегаты определили задачи новой организации: сохранение самобытности казачества, объединение всех казаков за рубежом, защита прав казаков в будущем строительстве России.

Шебеко передаёт председательствование Карташёву.

Карташёв полагает, что атаманы могут представить собою казачью общественность, но рядом с ними возможно образование отдельных очагов казачьего самоуправления, которые могут работать самостоятельно как самоуправляющиеся единицы.

Гр. Граббе разъясняет, что политика официальной казачьей власти и законного представительства в лице атаманов может разойтись с чаяниями масс и самоуправляющихся казачьих объединений. Например, идея организации казачьих областей в отдельных государствах не встретила бы поддержки со стороны массы, что и вызывает необходимость участия в съезде, рядом с атаманским представительством, делегатов от самоуправляющихся казачьих объединений.

Третьяков высказывает удовлетворение по поводу высказанной Красновым мысли о том, что атаманы являются официальным представительством казачества. Он сам всегда стоял на этой точке зрения и по этой причине настаивал давно, чтоб Богаевский был приглашён в нашу среду. Теперь, пожалуй, такое приглашение окажется уже запоздавшим, но, во всяком случае, в бюро по созыву съезда должно пригласить законное представительство казаков в лице выборных атаманов.

Трепов приветствует прямую и открытую постановку вопроса о привлечении в нашу среду и в бюро атамана Богаевского. При выборе лиц в состав объединённого органа мы должны помнить те цели, ради которых собрались. Главнейшая наша цель — восстановление великой и единой России. Поэтому в нашей среде не место всем тем, кто стремится расчленить Россию. Несомненно, та же идея цельности России должна лечь в основу съезда. В подготовительном бюро, несомненно, должна возникнуть эта мысль и стать предметом обсуждения. Естественно, тогда все не согласные с этой идеей отпадут, выйдут сами из бюро. Поэтому в состав бюро можно рядом с представителями казачьей общественности, признающей единство России, включить законное казачье представительство, которое, по-видимому, ещё не отказывается от сепаратизма, от идеи отделения от России казачьих государственных образований. Их истинное отношение к единству России выяснится в самом бюро, где этот вопрос будет поставлен ребром. Но другое дело наша организация. Здесь подобных вопросов не возникает, поэтому здесь могут быть представлены только организации, открыто стоящие за целость и единство Русского государства.

Гурко, возражая Карташёву, указывает, что разделение на представительство государственное и общественное естественно

в стране со старым государственным укладом. В казачьих же образованиях власть атамана есть выборная и является представительством демократической общественности. Организация, подобная той, которую возглавляет гр. Граббе, есть местная организация казачьей общественности, часть целого, которую в её целом возглавляет выборная атаманская власть. Поэтому в бюро прежде всего надо пригласить атаманов.

Алексинский рассматривает организацию, возглавляемую гр. Граббе, как часть казачьей общественности, как местную организацию, расположенную во Франции. Мы решили пригласить в бюро все крупные парижские организации, поэтому организацию эту, как парижскую, следует пригласить в бюро. Но вместе с тем надо пригласить и атамана Богаевского, как представителя всего донского казачества и живущего ныне в Париже. Равным образом придётся впоследствии пригласить атаманов других казачьих войск.

Краснов даёт историческую справку об образовании Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека. Декларацию об образовании подобного совета подписали атаманы и главы правительств ещё в Новороссийске перед эвакуацией последнего. Этим они положили основание союзу, который отделялся от остальной России, включая в себя Ставропольскую губ. и Новороссийскую область. Впоследствии ген. Врангель тщетно старался привлечь их на свою сторону, но это ему не удалось, хотя войсковые части казаков, переправившиеся в Крым, всецело примкнули к армии и вошли в её состав. В Константинополе казаки войсковых частей остались в рядах армии, об них заботился Врангель, они попали на французский паёк. Правительства и атаманы остались на весу, около них сгруппировалось только небольшое число беженцев-казаков из лиц, не входивших в состав войсковых частей. Но они продолжали существовать и существуют благодаря тому, что в руках их остались денежные средства. В 1922 году общеказачий съезд требовал созыва войскового круга, но атаман Богаевский, хотя и обещал это, не созвал, по разным причинам, войскового круга до сих пор, хотя срок его полномочий как атамана истёк. Он до сих пор считает себя атаманом, и, по существу, возражений со стороны казаков не было. Но он всё более расходился с массой, которая устремляла свои взоры на Великого князя. В прошлом году казаки решили приступить к объединению помимо атаманов и правительств. Одно такое объединение образовалось в Париже, которое растёт и крепнет. Таким образом, сейчас казачество распалось на несколько групп. Самая значительная

и сплочённая — это казаки, оставшиеся в кадрах армии. Они всецело подчинены Врангелю и управляются ген. Абрамовым. Затем в разных странах образовалась казачья общественность, представителем её части, находящейся во Франции, является гр. Граббе. Наконец, остаётся ещё законное казачье представительство в лице атаманов. Вопрос со включением в наш состав Богаевского задержался тем, что выявлению истинного политического «како веруешь»* Богаевского мешает его зависимость от Мельникова и тесная близость между ними. В свою очередь Мельников близок к Милюкову. Сверх того, из писем атамана к Великому князю ясно, что он готов признать своим вождём Великого князя лишь тогда, когда последний выступит на русской территории и возглавит там национальное движение.

Гр. Граббе говорит, что казачье объединение во Франции создалось тогда, когда казачьих властей здесь не было. Первоначально целью объединения была взаимопомощь. Теперь были приложены все усилия договориться с атаманом Богаевским и его правительством об общей работе, но эти усилия пропали даром. В результате создалась явная оппозиция законной казачьей власти, основанная на расхождении оценки значения Великого князя.

Миллер делает поправку к речи Краснова. Именно он указывает, что в июле 1920 года состоялось соглашение между Врангелем и казаками. И только в декабре месяце на рейде Константинополя Врангель узнал, что только что подписано атаманами и главами правительств соглашение об образовании самостоятельного Совета объединённых Дона, Кубани и Терека.

Кн. Трубецкой и **Савич** подтверждают, что летом 1920-го было подписано соглашение казаков с Врангелем.

Алексинский утверждает, что он видел все относящиеся к делу документы, из коих выясняется, что образование Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека произошло в Константинополе в декабре 1920 года. Когда возникло предположение о включении казаков в Русский Совет** при Врангеле, Богаевский выразил согласие, но на другой день поступило письменное заявление об отказе, на котором первым подписавшимся был Богаевский.

---

* См.: Матф. 8:13.

** *Русский Совет* создан весной 1921 г. в Константинополе как общественный центр. Совет состоял из выборных представителей различных организаций, а также лиц, приглашённых самим Врангелем; находился в тесной связи с Главнокомандующим. Первым своим долгом совет считал защиту Русской армии от насильственного её распыления; кроме того осуществлял защиту прав беженцев на территории рассеяния и «гражданское управление» и отмежёвывался от «домогательств партийных образований». Председателем совета стал П.Н. Врангель, его заместителем — проф. И.П. Алексинский.

Кн. Трубецкой говорит, что он и Савич были свидетелями переговоров с казаками при Врангеле и Деникине. Сперва возникла идея Юго-Восточного союза, постепенно менявшаяся. Были соглашения с Добрармией, и, наконец, всё вылилось в декларацию, подписанную Советом объединённых Дона, Кубани и Терека. Всё это в основе ненормально, но объясняется ненормальностью тогдашнего положения. Тогда не было идеи национальной власти, тогда всякая часть страны стремилась самоопределиться, лишь бы выйти из-под большевистского ига. Тогда, ещё при Краснове, и Всевеликое Войско Донское было, в сущности, самостоятельным государством. Теперь мы в другом положении. Есть общий центр, Национальный Вождь. Но некоторые политические деятели той эпохи не хотят отказаться от лозунгов, понятных тогда и неприемлемых теперь. Если атаманы стоят на старой точке зрения — им среди нас нет места. Но если они хотят идти в ногу с нами, если они признают Великого князя Национальным Вождём и желают сохранения лишь казачьих вольностей и самоуправления в рамках единой России, их надо включить в наш состав.

Карташёв докладывает, что он по поручению прошлого заседания говорил с Финисовым, который на вопрос об отношении к Великому князю ответил удовлетворительно. Следовательно, эта сторона вопроса выяснена, остаётся только доложить Великому князю и узнать, нет ли с его стороны препятствий. Что касается поднятого Третьяковым вопроса о Богаевском, то он более острый. Трепов по этому поводу поднял принципиальные вопросы об будущем устройстве России, которых мы решили не касаться. Федерализм казаков пришёл, естественно, в процессе борьбы с большевиками, они очистили свои земли и там начали организацию какой-то государственности, без чего нельзя было вести какую-либо борьбу. Но, выделившись в порядке факта, их вожди начали потом подводить теоретический фундамент. Теперь они бьют отбой и в своей прессе отрекаются от идеи сепаратизма. Но и мы, если мы только хотим, чтоб нашему заявлению об амнистии, всепрощении и гражданском мире верили, — мы должны забыть их старые прегрешения в этой области и идти рука об руку с казаками, горячо желающими войти в общенациональное русло. Не пускать их — большая ошибка, уже имевшая последствием заявление Денисова о том, что он, как лояльный донской казак, вынужден выйти из объединения, в которое не принимают его атамана.

Трепов говорит, что здесь никогда не поднимался вопрос об отношении к идее единства России как о чём-то таком, что само собой

разумеется. Но после слов Карташёва он просит в ближайшем заседании поставить этот коренной вопрос на обсуждение.

Миллер обращает внимание на появившуюся в «Новом времени» заметку, что одна станица собрала деньги в фонд Великого князя и переслала их чрез Донское правительство, которое вернуло деньги с заявлением, что не сочувствует этому начинанию.

Краснов заявляет, что имел разговор с Богаевским, который подтвердил свою солидарность с известной декларацией Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека.

Гурко говорит, что несколько дней назад он имел случай говорить с Великим князем, причём был затронут вопрос о Богаевском. Выяснилось, что Великий князь не противник того, чтобы Богаевский вошёл в нашу среду, — как раз наоборот. Он послал недавно к Богаевскому Сталя, чтоб передать, что сейчас он принимает только по делу и что, если Богаевскому что-либо нужно сообщить, пусть он напишет Великому князю это в письме. От разрешения этого инцидента зависит всё остальное. Когда Великий князь получит письмо, он нас уведомит о том, к какому выводу он пришёл. Относительно федеративного устройства можно много спорить. Под этим названием понимают две очень различные формы. Первая — это есть добровольный союз ранее независимых государств на основе договора между ними. Другая — это, в сущности, система областного самоуправления, ряд автономий, октроированных из центра и в пределах этим центром указанных. По-видимому, у Богаевского нет сепаратических тенденций, а лишь стремление к областной казачьей автономии.

Савич передаёт свой разговор с Мельниковым, из которого видно, что казаки желали бы войти в объединение на общих основаниях, отлично учитывая отношение объединения к Великому князю. Это объясняется тем давлением общественного мнения казачества, которое резко проявляется на их властей и которое ставит последних пред дилеммой: или войти в объединение с подчинением авторитету Великого князя, или вызвать острый раскол как среди казачества, так и между казаками и их правительствами.

Постановили: 1) Пригласить в состав подготовительного по созыву съезда бюро организацию казачьего объединения во Франции, предложив ему прислать в бюро одного делегата; 2) послать каждому из атаманов казачьих войск (Донскому, Кубанскому и Терскому) приглашение участвовать в подготовительном бюро или прислать в последнее своего заместителя; 3) поручить президиуму выяснить у Великого князя отношение Его Высочества к включению Финисова в состав объединения.

Карташёв заявляет, что следующее заседание состоится в субботу, 16 февраля, и будет посвящено информации.

ЖУРНАЛ № 25
ЗАСЕДАНИЯ*

1 марта 1924 г.

Присутствовали: Гурко, Трепов, гр. Граббе, Крупенский, Краснов, кн. Трубецкой, Шебеко, Алексинский, Савич, Миллер, Карташёв
В качестве гостя присутствовал кн. С.Е. Трубецкой
Председательствовал: Шебеко

Кн. С.Ев. Трубецкой делает сообщение на основании материалов, полученных в осведомительном отделе, о положении в России церковного вопроса, о настроениях на Дальнем Востоке и о той борьбе, которая происходит среди разных течений в коммунистической партии.

Шебеко благодарит за сообщение.

Гурко заявляет, что недавно вышла брошюра Клейбера, который имеет большие связи в антибольшевистских кругах. Между тем выводы у него такие, будто бы в России устанавливается социальная справедливость, всё там идёт к лучшему, религиозного подъёма никакого нет, а о Романовых давно забыли. Словом, его симпатии к большевикам вне сомнения. Необходимо его остерегаться.

Шебеко говорит, что хотя тяжело возвращаться к инциденту, происшедшему на прошлом собрании, однако он считает нужным огласить письмо, которое он послал Фёдорову. Президиум, со своей стороны, считает, что, по-видимому, мы сделали ошибку, отменив чтение протоколов. При этом чтении подобные инциденты разрешались бы миролюбиво, путём проверки правильности записей, и не было бы предлога для подобных печальных недоразумений.

Затем он оглашает письмо Савича к нему и его письмо к Фёдорову**.

Гурко считает, что чтение журналов занимает много времени. Но если, тем не менее, признано необходимым их читать, то надо установить, что чтение должно начинаться ровно в 3 часа.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 23. Журналы № 23 и 24 в архиве отсутствуют.

** В архиве отсутствуют.

Постановили: Начинать заседания ровно в 3 часа чтением журнала предыдущего заседания.

Кн. Трубецкой передаёт, что Фёдоров в разговоре с ним заявил, что пока он не сделал официального заявления о выходе из объединённой организации, но, тем не менее, воздержится посещать заседания.

Карташёв подтверждает, что подобное же заявление Фёдоров сделал и ему.

Шебеко докладывает, что президиум имел суждение по вопросу об организации делового органа. Совершенно ясно, что такая многочисленная организация, как наше совещание, не в состоянии вести деликатную работу по разведке, агитации и т.д. Для практической работы нужен деловой орган, коллегиальный или нет, но непременно состоящий из людей, отдающих работе все свои силы. Очевидно, что его надо отделить от общественной организации, какую представляет наше совещание. Президиум считает, что время для создания делового органа пришло, и предлагает собранию высказаться по этому вопросу.

Карташёв зачитывает предложение президиума. Он указывает, что сама жизнь требует разделения между организацией общественной и органом исполнения, построенным по иному принципу и имеющим задачей практическую работу. По крайней мере, такое разделение, хотя в эмбриональной форме, уже начало существовать, уже пришлось создать аппарат для исполнительной работы, хотя бы по разведывательной части.

Трепов не видит связи между происшедшими в прошлый раз прениями по поводу письма Фёдорова и предложением президиума об организации исполнительного органа. Лично он к этой идее не относится отрицательно, но затрудняется определённо высказаться до того момента, когда на обсуждение собрания президиум внесёт какое-либо конкретно разработанное предложение.

Шебеко соглашается, что президиум вносит вопрос в совершенно сыром виде и что поэтому трудно обсуждать его по существу. Однако вопрос о создании делового аппарата становится срочным как вследствие внешних условий, так и вследствие того, что каждый раз, как только предполагается сделать какой-либо шаг, какое-либо выступление, сейчас всё тормозится опасением, что это поведёт к нашему выявлению. Если исполнительную роль будет решено передать другому органу, этот тормоз отпадёт.

Савич объясняет, что необходимость создания делового органа была ярко подчёркнута первою частью письма Фёдорова, где вопрос

шёл об участии нашем в деле сбора денег. При обсуждении в президиуме нашего участия в организации сбора был составлен проект положения о фонде и возложении заведования им на одно лицо по выбору Великого князя. Таким образом, стало ясно, что приходится создавать какой-то орган, хотя бы единоличный, для заведования финансовой частью в связи с вопросом о сборе денег. Создаётся второе лицо рядом с существующим уже лицом, стоящим во главе осведомительного органа, с функциями чисто исполнительными. Несомненно, в таком же положении дело организации и переговоров с иностранцами. Для того чтоб эти вопросы двинуть, надо, чтоб кто-то принял на себя исполнение поручений в этих областях. Но так как вопрос идёт, по существу, о создании аппарата для выполнения поручений Великого князя и притом состоящего из лиц по выбору Его Высочества, то ясно, что нельзя приступать к обсуждению подробностей, пока президиум не выяснит взгляда Великого князя на существо вопроса. Но идти к Великому князю и поднимать принципиальный план конструкции нового органа невозможно, пока собрание не выскажется принципиально за или против идеи создания такого исполнительного органа. Президиум ждёт от собрания, что оно выскажет своё мнение по существу, чтоб иметь возможность доложить вопрос Великому князю. Президиуму надо знать, считаете ли вы своевременным поднимать этот вопрос вообще.

Гурко считает, что образование делового аппарата необходимо. Всякое дело успешно двигается лишь тогда, когда оно поручено людям, ответственным за его успешность и притом всецело отдающим себя на выполнение порученной им задачи. Надо, чтоб кто-то думал над тем, как лучше выполнить дело. Высказываясь в принципе за создание такого органа исполнительного характера, он хотел бы высказать несколько мыслей об основных положениях, кои должны быть приняты во внимание при создании этого органа. Лица, коим будет поручено выполнение практической работы, будут выбраны и назначены Великим князем, но они должны быть в самой тесной связи с нами, передавать на наше обсуждение свои главнейшие принципиальные соображения, опираться на наше мнение. Этим их работа приобретает особую ценность, ибо она будет иметь за собой опору, основываться на общественной базе. Попутно я считаю полезным высказать то, что уже неоднократно отстаивал. Было бы очень полезно, если бы по этому поводу Великий князь пригласил к себе некоторых из нас для обсуждения ряда вопросов в его присутствии. Мне, например, как лицу, воспитанному в старых монархических традициях,

было бы трудно оспаривать мнение Великого князя, но совсем иное дело было бы тогда, когда я мог бы в Его присутствии возражать на мысли, поддерживаемые кем-либо из нас.

Трепов считает, что создание работоспособного делового органа необходимо. Но при этом возникает ряд вопросов технического характера, которые надо обсудить. Например, деловой орган может быть непосредственно при Великом князе, быть его исполнительным органом. Но, теоретически говоря, он может быть исполнительным органом совещания. Это надо разрешить так или иначе. Далее надо выяснить, каковы будут отношения нового органа к совещанию, образуется он из лиц по назначению или избранию, будут ли эти лица зависеть от совещания или, оставаясь независимыми от последнего, будут только в контакте с ним. Словом, при создании этого органа можно положить в основу его конструкции принципы абсолютизма, конституционализма и парламентаризма. Но какой бы из этих методов ни был положен в основу при создании нового органа, по нему будут судить в публике о том, каковы намерения Великого князя, какую политику Он будет проводить, если Богу будет угодно поставить Его во главе России. Это обстоятельство вызывает необходимость особой осторожности с нашей стороны. Пока мы можем лишь доложить Великому князю в сыром виде идею о создании какого-то делового органа, не предрешая его формы и взаимоотношения его с совещанием — мы ведь не знаем, из кого в ближайшем будущем будет состоять само совещание, наш состав ещё не установился, не определился окончательно. В первых же заседаниях я как-то спросил: да желают ли лица, которых тогда предлагали включить в наш состав, быть с нами? Тогда уверяли, что такие лица, как Тесленко, этого хотят. Но они отпали. Это указывает на незаконченность нашей собственной организации, поэтому весь вопрос о деловом органе было бы правильным разрешить теперь временно, не предрешая постоянной его формы, что следует отложить до будущего съезда.

Проф. Алексинский говорит, что уход из нашего состава некоторых лиц может быть объяснён той неудовлетворённостью работой нашей организации, которая явно чувствуется. Время не ждёт, работа же наша не двигается с места. Надо немедленно приступить к организации делового аппарата, хотя бы во временной, переходной форме. Наша организация и сама не окончательно сорганизовалась; она создана по двум разным причинам: часть из нас выдвинуты разными организациями, хотя мы здесь и собрались по персональному признаку, другие находятся здесь по желанию Великого князя.

Для создания делового аппарата можно было бы облечь некоторых из наших сочленов определёнными функциями, возложить на них выполнение тех или иных поручений. Они продолжали бы оставаться в нашей среде, их предположения могли бы быть предметом обсуждения в общих собраниях. Это не было бы образованием аппарата, подобного совету министров, не было бы и подобия парламента. Создалась бы новая форма взаимоотношений. Конечно, поручения даются Великим князем, исполнители должны работать по его указаниям. Наши мнения, здесь высказываемые, должны быть докладываемы Великому князю, который будет волен согласиться с мнением большинства или меньшинства. Этим путём между органом общественного объединения и Великим князем установится не только моральная, но и деловая связь, что очень важно. Если же мы будем продолжать собираться по субботам и разговаривать без участия в реальной работе, создастся разочарование и всё развалится. Моя схема такова, что рабочий орган не выносится из нашей среды и самая работа будет тесно связана с нами.

Шебеко считает, что при выборе лиц для делового органа Великий князь не должен быть ограничен выбором из нашего состава. Напротив, желательно взять способных лиц со стороны.

Алексинский указывает, что в состав Русского Совета при Врангеле входили лица по избранию организаций и по назначению Врангеля. Всякий получавший назначение на известную должность входил в состав Русского Совета. Тот же принцип может быть проведён и сейчас.

Гурко соглашается с Алексинским. Вспоминая уход из нашей среды, он утверждает, что выход Тесленко объясняется принципиальным несочувствием к нашему делу. Но другие ушли, потеряв уверенность в полезности дальнейшего участия в совещании, в работе коего они разочаровались. Он возражает против мысли, что то или иное устройство делового органа предрешает отношение к будущему устройству России. Ибо всё равно на первое время в России нельзя обойтись без диктатуры. Быть может, полезно идти в Россию, провозглашая те или иные лозунги, но это слова, а в действительности диктатура неизбежна. Что касается делового органа, лица, входящие в его состав, должны назначаться Великим князем и, тем самым, входить в наш состав на правах членов. Конечно, из создания делового аппарата нельзя делать шумихи, а просто, по мере нарастания работы, для её исполнения надо назначать новых лиц. Сейчас обстоятельства таковы, что надо перестать только разговаривать и пора начать оказывать содействие

тому движению, которое стремится сбросить большевистское иго. Для этой цели надо иметь людей, всецело себя посвятивших этой задаче. Но конечно, в этой работе будут иметься такие секретные стороны, о которых даже здесь нельзя говорить. Естественно, обсуждать такие вопросы здесь не придётся, они всецело останутся на ответственности исполнителей, которые должны их доводить лишь до сведения Великого князя и получать от Него указания.

Гр. Граббе говорит, что положение вообще очень тревожно. Великий князь есть Вождь всего национального движения, а не только нашего совещания. Так как широкие массы не видят ни с чьей стороны активной работы, то начинается разочарование. Надо, чтоб знали, что работа началась, что имеется деловой аппарат, который ведёт какую-то практическую деятельность. Это вопрос очень спешный.

Карташёв считает, что острота положения заключается в том, что люди будут стараться угадать намерения Великого князя в смысле будущего устройства России по той конструкции, которая будет придана исполнительному органу здесь, и по взаимоотношениям последнего к нашему общественному совещанию. Поэтому надо быть сугубо осторожным и избегать всего, что бы дало возможность думать, что предрешены будущие формы устройства власти. Здесь, в изгнании, вообще невозможно предвидеть, каковы должны быть эти формы, поэтому сейчас надо создать положение, ясно показывающее, что эта конструкция временная, так сказать, походного характера. Проще всего было бы каждое новое лицо, на которое Великим князем будут возложены поручения по ведению практической работы, включать в наш состав. Тогда они будут постоянно в нашей среде, установится обмен мнений, и они получат право и возможность все принципиальные вопросы вносить на обсуждение общего собрания.

Постановили: Просить президиум представить на усмотрение Великого князя журнал настоящего заседания и узнать отношение Его Высочества к затронутому вопросу.

Гурко спрашивает, в каком положении вопрос о созыве бюро по подготовке съезда.

Савич разъясняет, что сегодня утром он получил письмо Третьякова, извещающее об отказе Торгово-Промышленного Союза принимать участие в работах бюро. В Национальном Комитете вопрос обсуждается, но решение не принято, и ранее пятницы нельзя ждать выяснения отношения Национального Комитета. Что касается Союза инженеров, там решение положительное, но извещения пока не получено, и кандидаты этой организации неизвестны. От атаманов ответа нет.

Гурко считает, что, пока не начнётся работа бюро, нельзя надеяться на благоприятное отношение целого ряда организаций. Но как только увидят, что дело налаживается, многие войдут в бюро, даже из тех организаций, которые сейчас решили остаться в стороне. Далее Гурко поднимает вопрос о желательности пригласить на следующее заседание ген. Врангеля.

Трепов присоединяется к этому предложению и считает желательным просить Врангеля прибыть в субботу на наше очередное заседание и поделиться с нами сведениями об армии, о ближайших перспективах. Это будет полезно для нас и вместе с тем даст возможность продемонстрировать знаки нашего уважения к армии.

Миллер говорит, что после отказа Врангеля от политической работы за себя и армию ему трудно принять участие в очередном заседании политической организации. Поэтому было бы желательным сделать следующее заседание не очередным, а экстренным частным совещанием членов объединения, причём в таком случае Врангель мог бы принять участие.

Постановили: Назначить на следующую субботу частное совещание членов объединения, пригласив на это совещание ген. Врангеля.

ЖУРНАЛ № 26 ЗАСЕДАНИЯ*

29 марта 1924 г.

Присутствовали: Шебеко, Трепов, кн. Трубецкой, Крупенский, Семёнов, Краснов, Алексинский, Гурко, гр. Граббе, Миллер, Третьяков, Савич
Председательствовал: Шебеко

Председатель сообщает, что от Карташёва поступило письмо, извещающее, что он по делам службы вынужден опоздать на сегодняшнее заседание. Далее Шебеко сообщает, что президиум предлагает выяснить вопрос, следует ли нам продолжать собираться периодически каждую субботу или назначать заседания по мере накопления материалов, приглашая членов на заседание повестками. Сам он примыкает ко второму варианту.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 24.

Крупенский говорит, что было бы желательно узнать, к чему привели продолжавшиеся в последние недели дебаты в Национальном Комитете относительно участия его сочленов в нашем объединении.

Семёнов сообщает, что прения закончились единогласной резолюцией, одобряющей прежнюю линию поведения и не вносящей никакой перемены в позиции Национального Комитета.

Трепов замечает, что постановление Национального Комитета недостаточно определённо в отношении позиции, которую последний занимает в отношении к Великому князю. По его сведениям, принятая резолюция не препятствует продолжению совместной с нами работы представителей Национального Комитета, но она, относясь в общем благоприятно к идее сотрудничества с нами и к привлечению Великого князя к национальной работе в качестве Национального Вождя, не определяет, однако, взаимоотношений Национального Комитета к Великому князю. При таких обстоятельствах наша работа должна продолжаться независимо от отношения к ней тех или иных отдельных лиц, и мы должны собираться всякий раз, когда есть какой-либо материал для обсуждения. По существу, он всегда относился пессимистически к возможности достижения продуктивных результатов от попытки создать тот вид объединения, какой был намечен при создании нашей организации. Признавая полезность единства действий в деле борьбы за родину, он считал, что наиболее правильным способом достичь этого было бы, чтоб все организации, видящие в Великом князе Национального Вождя, заявили Ему об этом, причём одни сказали бы, что они подчиняются Ему безусловно, другие же — на иных основаниях, согласно убеждениям каждого. Затем из представителей этих организаций волею Великого князя могло бы быть составлено деловое ядро, способное к реальной работе. Эта идея была в своё время сообщена чрез Третьякова всем организациям, принимавшим участие в клубе, но ничего из этого не получилось, был принят другой план создания органа объединения снизу. Это построение, которое легло в основу нашей организации, более трудное, и далее организационных вопросов дело не продвигается. Но из этого не следует, что надо прекратить наши занятия. Мало того, было бы желательно посмотреть, нельзя ли расширить наш состав включением представителей организаций, ещё не представленных.

Гурко говорит, что придаёт большое значение сегодняшнему собранию после трёхнедельного перерыва, который сам по себе очень симптоматичен. Он был вызван тем, что происходило в Национальном Комитете и что является прямым последствием печального факта отсутствия конкретной цели существования объединяющего

органа. Он имел смысл для объединения работы, а раз последней не имеется, если по-прежнему практическая работа нам не по силам, всякое значение существования объединяющего органа отпадает и мы всё равно должны распасться. Раз будет реальная работа по свержению большевиков, всё пойдёт иначе, объединение широких кругов, даже стоящих сейчас вне влияния объединяющихся организаций, само собой совершится, ибо все объединятся охотно на работе, без которой ничего объединить нельзя. Пока приходится констатировать печальный факт, что все эмигрантские организации — и мы в том числе — не ускорили ни на один день падение большевиков, ничего для сего не сделали. Вся работа шла только на помощь беженцам. Между тем время критическое. До сих пор можно было утешаться идеей, что время работало на нас, но теперь оно против нас. Ещё недавно росло настроение монархическое и государственное, теперь замечается начало преобладания левого. Так, недавно бал в пользу Красного Креста дал 2500 фр., а вечер, устроенный левыми в пользу их организаций, дал 22 000. Даже в Сербии идёт напор эсеров, что видно по успеху поездки Маслова. Всё это — результат планомерной работы, протежируемой Бенешем и субсидируемой из Праги. В воздухе чувствуется падение настроения, вызванного выдвижением имени Великого князя и разочарование в этой идее. Надо или работать, или разойтись, чтоб бездействием не компрометировать самой идеи. Поэтому было бы целесообразным выяснить, можем ли мы что-либо делать или нет, для чего надлежит выбрать комиссию, дав ей задание обдумать этот вопрос и доложить нам.

Краснов считает, что заданный Гурко вопрос может быть решён положительно. Сейчас люди ищут авторитетного голоса, дающего указание, что делать, чего ждать. Если бы мы каждое заседание начинали краткой сводкой известий о положении в России и, обсудив их, заключали бы заседание выводами, указывающими, что надо делать для ускорения падения большевиков, а потом всё это публиковали бы в виде бюллетеней, рассылаемых организациям, то мы тем самым сделали бы громадное дело, внесли бы успокоение и подъём настроения и приобрели бы сами авторитет. Пора перестать молчать, надо начинать указывать, что следует делать по мнению патриотического объединения.

Шебеко говорит, что ранее обсуждения важного вопроса, поднятого Гурко, он хотел бы доложить собранию текущие дела. В словах Гурко, что перерыв есть следствие отсутствия реальной работы, не всё верно. Самый состав нашей организации неоднороден, благодаря чему

всякий раз, когда предстояло сделать какое-либо определённое решение, знаменующее начало действия, возникало среди некоторых из нас опасение, что такое действие неминуемо связано с выявлением, и дело тормозилось. Поэтому само собой выдвинулся проект выделить деловой орган, хотя бы малый численно, но способный к активной работе и действиям. При этом задача нашей организации свелась бы на роль общественной базы для Великого князя, но и это сейчас тормозится боязнью выявления. Тем не менее лично он считает полезным существование нашего органа, хотя бы в стадии прозябания.

Трепов говорит, что вопрос очень сложен. Такое многочисленное собрание представителей разнообразных организаций может иметь значение декларативное, как указание на существование объединённой борьбы с большевиками широких общественных кругов под общим руководством одного Национального Вождя. Это декларативное значение имеет большую практическую ценность. Со стороны такому построению могут придавать большое значение, притом же оно может стать притягательным центром, около которого возможно объединение всех борющихся с большевиками. Но полное своё значение в этом смысле объединение приобретёт лишь тогда, когда станет явным его существование. По-видимому, сейчас это ещё невозможно, в нас нет духа силы и того дерзновения, без коих ничего достичь даже в этой сфере нельзя. Мы не смеем даже выявить своё существование, боимся даже заявить о нём французскому правительству, мы остались с первых дней на мёртвой точке, проявляем духовное бессилие. Благодаря этому мы как бы не существуем, раз мы боимся заявить о своём существовании, и тем создаём пустое пространство, которое заполняют эсеры, как то же раньше делали большевики. Поэтому я утверждаю, что без выявления мы ровно ничего не сделаем. Но всё же я предлагаю тянуть лямку и не заявлять о нашем самоупразднении, чтоб не выявить на радость врагам нашего духовного бессилия. Может быть, внешние обстоятельства изменятся в благоприятную сторону, и тогда станет возможно то, что сейчас нам не по силам. Поэтому следует тянуть наше существование, памятуя, что реальная деятельность станет возможной только после публичного выявления и в результате такового. Пока же можно выбирать любую комиссию, в том числе и предложенную Гурко, — всё равно ничего из этого не выйдет.

Алексинский соглашается с основной мыслью, высказанной Треповым. Он считает пока нужным поддерживать существование

нашей организации и собирать её по мере накопления материала. Наша организация сперва вызвала надежды, затем, по мере выявления отсутствия с её стороны практической работы, наступило разочарование, которое может перейти во враждебность. Мы сделали один практический шаг, именно в деле организационного бюро по созыву съезда. Но дальнейших действий в этом направлении не последовало. Точно так же не было сделано необходимого шага для выяснения нашей роли и факта существования французскому правительству. Это надо, наконец, сделать. Что касается реальной работы, она не движется, пока отдельные её отрасли не будут поручены определённым лицам. Этого не сделано, только одна отрасль поручена кн. Трубецкому. И только в этой области и идёт работа. Никто не занимается, однако, ни финансовым вопросом, ни сношением с национальными силами в России. В прошлом заседании говорилось, что желательно было бы достичь назначения нескольких лиц Великим князем для выполнения этой работы, но если бы выяснилось, что Великий князь не считает пока удобным сделать это, следует самим нам наметить таких лиц, выяснить отношение к ним Великого князя и, в случае его согласия, поручить им ведение работы от нашего имени. Это станет началом деловой работы. Если мы этого не сделаем, инициативу захватят другие, враждебные нам течения.

Гурко считает, что предложенная Алексинским работа нереальна. Ибо практически невозможно работать без денег, а денег у нас нет. Поэтому он желал бы прежде всего установить, можно ли вообще вести нам работу и если да, то какую и как. Относительно созыва подготовительного бюро дальше слов ничего не сделано, по-видимому, из-за неопределённой позиции Национального Комитета. Поэтому он хотел бы знать, выяснил ли, наконец, Национальный Комитет своё отношение к съезду.

Алексинский говорит, что президиум Национального Комитета на последнем заседании не сделал никакого предложения по этому вопросу. По-видимому, считали, что вопрос острый и лучше его отложить, чем вызывать обострение внутри комитета. Он считает, что если у Национального Комитета не хватает духа поставить на разрешение даже такого вопроса, то это явный признак его морального разложения.

Гурко предлагает не ожидать более решения Национального Комитета и немедленно созвать представителей тех организаций, которые откликнулись на предложение прислать своих представителей в бюро по созыву съезда. Но прежде всего надо решить, можем ли мы

вести какую-либо работу. Ведь то, что делает орган кн. Трубецкого, очень интересно, но практического значения пока не имеет. Это есть материал для работы, а не цель, к которой нужно стремиться.

Третьяков напоминает, что задачей объединения была практическая работа по борьбе с большевиками. Все мы являемся представителями организаций, которые как-то боролись всё время с большевиками или думали, что они борются, а так как все понимали, что объединённые усилия более действительны, то и попытались объединиться, дабы усилить борьбу. Чтоб спаять разномыслящие организации, обратились к Великому князю и просили его возглавить и объединить борьбу. Мечтать об освобождении извне не приходилось, оставалось надеяться на организацию восстания внутри России, и для этого нужны два условия, именно — политическая поддержка какой-либо великой державы и денежная помощь. Но чтобы получить средства, тоже нужно сочувствие и моральная поддержка правительства, ибо никакие капиталисты денег не дадут, пока им не посоветуют их правительства. Наша первая реальная работа и должна была состоять в том, чтобы заручиться такой поддержкой. С первых же шагов выяснилось, что Великий князь берёт на себя самую трудную задачу — переговоры с иностранными правительствами, в частности с французами. Теперь, по прошествии многих месяцев, мы ничего не слышали, достигнуты ли в этой области какие-либо результаты или нет. Конечно, если переговоры с французским правительством не удались, нельзя складывать оружия, как бы это ни было печально. Надо вести работу в других странах, главным образом в Америке и отчасти в Германии. Из нас каждый отдаст на это дело весь свой опыт, но надо, чтоб кто-то взял на себя объединение работы в этом направлении. Здесь часто говорят о выявлении. Но ведь работу, если мы получим средства, придётся вести в России, а для этого чем меньше выявления, тем лучше. Во всяком случае, прежде всего надо найти политическую поддержку какой-либо державы. Недавно приехал из Америки один мой знакомый и рассказывал, что там есть интерес и сочувствие к нашей комбинации, следовательно, дело не безнадёжно. Надо только, чтоб кто-то начал подготовительную работу. Если надо для этого послать людей туда, это надо сделать, и на это найдутся средства.

Семёнов говорит, что выявление надо сделать при помощи работы, которую бы увидели и ощутили. Всякое иное выявление бесполезно и даже вредно. Когда выявили имя Великого князя, это произвело известное действие, но теперь, когда не последовало реальной

работы, настроение пошло на убыль. Я только что побывал в Германии и Прибалтийских государствах и видел, что множество людей страстно жаждут начала работы, ожидают приказов, исходящих из центра, которые они будут охотно исполнять. В Риге один министр сказал мне, что работают одни эсеры и что правительство им помогает, оно это делало бы и в отношении нас, если бы мы работали. Люди, живущие около границы, просят только указаний, что им нужно делать, а равно литературы. Они уже приспособились, кое-как живут и будут работать в нашу пользу, если получат руководство и литературу для отправки в Россию. Сейчас есть большой спрос на белую литературу, она стала предметом торговли контрабандистов, спекулянты охотно переправляют её внутрь России. Таким образом, в нашем распоряжении есть громадный кадр работников, преданных нашей идее. Сейчас они помогают эсерам как единственной организации, борющейся с большевиками. Надо поручить комиссии выяснить, что можно сейчас сделать, и доложить результаты Великому князю и общему собранию.

Шебеко соглашается, что необходимость приступить к продуктивной работе чувствовалась давно и ещё при последнем свидании с Великим князем он говорил об этом. Все приезжающие из разных стран единодушно указывают, что пора перейти к реальному делу и что эта обязанность лежит прежде всего на нас.

С.Н. Третьяков только что указал пути, ведущие к этой цели. Само собой разумеется, что нельзя все надежды связывать только с французами, надо искать поддержки всюду, где её можно было бы получить. Мы были правы, когда указывали, что для выполнения работы нужно наметить несколько лиц и возложить на каждого определённые обязанности. При существующем положении вещей очевидно, что выполнить это должна объединяющая организация. Ибо из двух возможных способов составления делового аппарата — назначения по воле главы национального движения и выбора органом объединения — сейчас приходится по целому ряду причин прибегнуть ко второму. Само по себе ясно, что кто-то должен заниматься сношениями с Россией, другой — с иностранцами и третий — финансовыми вопросами. Эти лица должны отдаться всецело делу спасения Родины. При последнем посещении Великого князя я доложил, что оставлять дела в нынешнем положении более нельзя, надо немедленно организовать деловой орган и начать практическую работу. Тогда люди охотно пойдут за теми, кто работает, иначе, если всё будет находиться на мёртвой точке, наше дело умрёт.

Трепов отвечает на вопрос Третьякова относительно достигнутых результатов в деле переговоров с французским правительством указыванием, что осведомить об этом мог бы только сам Великий князь, если бы признал это полезным. Поэтому можно поручить президиуму просить Великого князя познакомить нас с положением вопроса. Переходя к конструкции делового органа, он указывает, что последний может работать от имени и по поручению Великого князя или от имени объединения, став в последнем случае его исполнительным органом. Есть ещё третий способ образовать такой деловой аппарат. Для этого надлежит созвать съезд, который выберет орган объединённой эмиграции, от имени которого будет работать деловой аппарат. Поэтому, не надеясь на возможность создать деловой аппарат иным способом, он предлагает подойти скорее к вопросу о съезде и обсудить это в комиссии.

Алексинский считает, что для созыва съезда имеется уже достаточная инициативная группа, состоящая из членов совещания по объединению и из представителей организаций, которые уже ответили на обращение к ним по этому поводу. Если этой группе присвоить право кооптации, то получится достаточно мощное ядро по подготовке съезда.

Шебеко возражает, говоря, что не видит необходимости связывать вопрос о деловом органе с работами по подготовке съезда. Первый можно разрешить немедленно, тогда как вопрос о созыве съезда займёт много времени.

Трепов говорит, что нельзя предполагать, что можно наладить работу делового органа так же просто, как это удалось сделать с организацией осведомления. Тут нельзя проводить параллели между устройством этих различных отраслей деятельности, тем более что аппарат кн. Трубецкого удалось наладить благодаря наличию на это дело известных средств. Поэтому, прежде чем говорить об организации работы, надо найти для неё деньги.

Шебеко предлагает ознакомить собрание с запиской, составленной президиумом по вопросу о деловом органе, указывая, что это есть набросок схемы, долженствующий служить материалом для обсуждения собранием. Затем он читает эту записку*.

Кн. Трубецкой считает, что проект отвечает положению вещей. Конечно, пред нами стоит вопрос, как осуществить это задание, кто примет на себя инициативу создания. Это, конечно, вопрос формы, но его надо всесторонне обдумать, что дело президиума, быть может,

* В архиве отсутствует.

нарочито пополненного. Но уже теперь ясно, что все сношения с Россией нужно объединить в одних руках, это мы выяснили во время нашей работы. Вторая отрасль работы — сношение с иностранными правительствами и организациями — тоже должна быть сконцентрирована в одних руках ответственного лица. Иначе в это дело будут вмешиваться случайные лица, и выйдет путаница. Наконец, кому-то надо поручить финансовый вопрос, который не двигается с места. Таким образом, основная мысль ясна и не требует большего обсуждения. Однако, как уже было сказано, затруднительность заключается в форме осуществления. Если будет предложен проект создания аппарата снизу, путём созыва съезда, созданием этим съездом органа объединения, который назначит уже лиц для делового аппарата, — то против такого построения надо возражать. При этом будет потеря очень большого времени, да притом мы живём в революционную эпоху, когда следует проявлять инициативу, брать на себя ответственность самочинно.

Крупенский считает, что во главу всего дела надо поставить вопрос о средствах, без коих ничего сделать нельзя. В сторону поиска денег надо направить наибольшие усилия.

Кн. Трубецкой соглашается с этой мыслью и говорит, что надо попытаться найти деньги в Америке, для чего послать туда кого-либо. Это риск, но его надо сделать во что бы ни стало. Для пропаганды в России нужна литература. Сейчас там есть спрос на белую литературу, и наиболее активным средством было бы создание здесь газеты, которая, несомненно, проникала бы в Россию. Это должна быть газета национального направления, чем-то вроде органа русского фашизма. Но и для этого нужны деньги. Недавно прошли слухи о создании здесь газеты, но почему-то дело не двигается.

Третьяков сообщает, что, действительно, нашлось лицо, полагавшее полезным создать здесь газету и решившее дать на это средства. Мысль эта ещё не оставлена окончательно, по крайней мере была уже приобретена типография, но затем дело несколько затянулось.

Миллер говорит, что, по его сведениям, орган Ефимовского становится ежедневной газетой*.

Гурко оспаривает схему кн. Трубецкого. Он считает, что организация по объединению, как общественная, должна выделить сама деловой аппарат. Надо, конечно, разработать вопрос в подробностях, что является задачей президиума.

---

* Имеется в виду «Русская газета», которая с апреля 1924 г. стала ежедневной, до этого выходила по понедельникам.

Шебеко предлагает поручить президиуму пригласить в свой состав некоторых членов объединения и сообща обсудить как вопрос, поднятый Гурко в начале заседания, так и вопрос о деловом органе.

Постановили: Предложение Шебеко принять.

Затем Шебеко оглашает письмо ген. Богаевского к нему и копию письма ген. Богаевского Великому князю* и сообщает, что в понедельник у него состоится беседа с ген. Богаевским относительно вхождения последнего в наш состав.

БЕСЕДА БЫВШЕГО ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ НА ПАСХЕ 1924 г.**

Я до сего времени не принимал ни одного представителя печати. Однако на этот раз я решил сделать исключение по двум причинам: во-первых, за последнее время, в связи с положением в России, участились упоминания моего имени, причём мне приписывают всевозможные виды и мысли, которым я совершенно чужд. Во-вторых, я рад видеть в вашем лице представителя той нации, отношение которой к России в настоящее время не может не вызывать со стороны русских людей самой горячей признательности. Русские люди, патриоты, проникнуты благодарным чувством к Америке и её правительству за отношение, проявленное к России и русскому вопросу, и за ту помощь, которую Америка оказала России во время последнего ужасающего голода и оказывает русской эмиграции, в особенности учащейся молодёжи.

Русский вопрос так сложен и обширен, что обнять его во всей его совокупности в одной беседе невозможно.

Могу высказать вам свой взгляд на главнейшее. Что происходит в России, известно всякому, кто действительно этим интересуется: произвол, террор, бесправие, насилие, попрание принципа частной собственности, непосильные поборы, поместный голод... Поруганы все народные святыни — масса иерархов, священников, монашествующих казнена, другие в ссылке, в самых ужасных условиях. Те, кто

* В архиве отсутствуют.

** Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 10.

остались, подвергаются жестокому преследованию и ежеминутно рискуют разделить ту же участь. Большевики посягают на самую душу народа, они хотели бы вырвать с корнем из неё все религиозные и нравственные устои. Однако ни гонения, ни яростная проповедь безбожия не искоренили в народе веры. Его духовная живучесть обнаружила моральный крах коммунистической власти и ещё раз доказала верность народа Православной Церкви. В этом сила народа.

Россия жила верой, будет жить верой, и эта вера спасёт её.

Не только Православная Церковь преследуется большевиками, но и все вероисповедания, все верующие. Борьба идёт против Бога...

В области же материальной захватчики власти добились того, что наша богатейшая страна доведена до ужасающей степени разорения. Говорить о будущем, тем более предугадывать его, весьма трудно. Ясно одно: для спасения России и её многомиллионного населения от окончательной гибели надо освободить страну от коммунистической власти. Нам не известно ни время, ни условия, среди которых осуществится столь долгожданное освобождение нашей родины.

Мы не должны здесь, на чужбине, предрешать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства. Они могут получить разрешение только на русской земле в согласии с чаяниями русского народа. Новая эра, по падении коммунистической власти, должна начаться с умиротворения и поднятия страны из праха разорения и унижения, в который она теперь повержена. Много злобы и ожесточения накопилось в людях за это тяжёлое время. Сколько молодёжи вконец совращено во всех отношениях. Безбожие, разврат, отсутствие каких-либо принципов, без которых государство существовать не может. *Мир, законность и порядок должны сменить господство произвола.* Измученные и исстрадавшиеся люди должны вздохнуть спокойно, почувствовать себя действительно освобождёнными от всякого насилия.

За эпохой разрушения должна начаться дружная созидательная работа. К ней должны быть привлечены все живые силы страны, все, кому благо Родины бесконечно дороже личных и узких интересов. Сейчас Россией правит партия во имя интересов классовых и интернациональных. На смену ей должна прийти власть национальная, внеклассовая и внепартийная. Эта власть должна быть твёрдой и сильной и, в то же время, справедливой и просвещённой. Она должна *стать на охрану священных прав личной и гражданской свободы собственности, правопорядка. Прекращение классовой*

и национальной ненависти, предотвращение насилия одних над другими и всякого рода самоуправства, предоставление народам, входящим в состав Российского государства, права свободного развития их национальной жизни — вот главные начала, которые должны быть положены в основу возрождения России.

В социальном строе произошли за последние семь лет коренные изменения. Достаточно дать себе отчёт хотя бы в таком первостепенной важности вопросе, как земельный. Крестьяне фактически обрабатывают частновладельческую землю, не находящуюся в непосредственном пользовании государства. *Земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята. Но сами крестьяне будут только тогда удовлетворены, когда земля будет законно укреплена за ними бесспорной, незыблемой государственной властью в полную их собственность.* Я имею веские данные полагать, что у землевладельцев, в громадном их большинстве, созрело сознание необходимости жертвенного подвига в интересах государства. Со своей стороны власть озаботится вознаграждением тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства.

Взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено было в начале революции, невозможно. На прошлом надо поставить крест, но с минуты водворения новой власти всякое новое посягательство на чужую собственность, на чужие права, всякое насилие должно быть пресекаемо самыми решительными мерами.

Наша промышленность также разрушена вконец, и здесь предстоит для будущей власти задача величайшей сложности. Её восстановление может быть достигнуто только на почве незыблемого охранения права собственности и предоставления частной инициативе широкого применения.

Опыты коммунистического управления на почве конфискации и перехода к государству почти всех орудий производства и распределения достаточно доказали всю гибельность этих принципов, которые довели ещё столь недавно богатейшую страну до унизительного разорения. Нет сомнения, что при восстановлении этих нормальных условий интересы и положение рабочих будут ограждены и обеспечены законом несравненно действительней, чем теперь в «рабоче-крестьянской» республике. *Власть поставит своей задачей улучшение положения рабочих.* Надо, однако, говорить правду народу, не увлекая его несбыточными обещаниями. Потребуются многие годы на восстановление того, что было накоплено веками и ныне разрушено. Но Россия обладает несметными природными богатствами

и могучей жизненностью, которую доказал наш народ, ибо никто до него в истории не переносил таких тяжких испытаний. Работы хватит на всех, и возрождение России послужит ключом для разрешения мирового кризиса.

Вас интересует вопрос об армии?

Армия — плоть от плоти русского народа. Когда пробьёт час освобождения, народ сознает, что необходимо сбросить иго насильников и восстановить национальную власть. Та же перемена произойдёт и в сознании армии, и она перестанет быть «красной». Те, кто, оставшись в России, были привлечены в красные ряды, счастливы будут искупить свои вольные и невольные грехи перед Родиной. С ними сольются и те, кто доблестно проливали свою кровь за освобождение Отечества от ига коммунистов и ныне томятся на чужбине. И будет тогда единая, доблестная, могучая Русская армия, отвечающая величию России, стоящая на страже её чести, обеспечивая мирное бытие и благосостояние русского народа.

Власть учтёт тяжёлое положение тех, кто в рядах Красной армии вынуждены были повиноваться коммунистическому правительству. То же самое относится и ко всем находящимся на советской службе.

Я не сомневаюсь, что с восстановлением России нарушенное мировое равновесие вновь станет в нормальные условия.

На долгие годы энергия России должна быть поглощена задачами внутреннего обновления. *У России может быть только русская политика.* Для всех истинных друзей её, которые не желают эксплуатировать её временную слабость, но строят свою экономическую политику на здоровых началах, хозяйственное восстановление России в нормальных условиях представит самое благоприятное поприще для помещения энергии и капитала. Истинные друзья познаются в несчастии, и кто окажется таким другом в деле освобождения и восстановления национальной России, тот может спокойно рассчитывать на её признательность в будущем.

Вы спрашиваете, как я отношусь к призыву моих соотечественников стать во главе движения во имя освобождения России? Каждый день я получаю самые трогательные доказательства доверия. Я ничего не ищу для себя и, как старый солдат, могу только сказать, что я готов отдать все свои силы и жизнь на служение Родине. Но стать во главе национального движения я сочту возможным только тогда, когда убеждусь, что наступило время и возможность для принятия решения в соответствии с чаяниями русского народа.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА*

(Согласно беседе директора Ассошиэйтед Пресс с Великим князем)

Опубликованная в американских газетах беседа Великого князя Николая Николаевича с директором американского телеграфного агентства Ассошиэйтед Пресс представляет громадный интерес для всех, кто основывает свои чаяния на национальном русском движении, возглавляемом Великим князем Николаем Николаевичем.

Мы полагаем, что беседа эта не является плодом досужей фантазии, раз она опубликована серьёзным телеграфным агентством. Мы придаём ей в таком случае важное значение, как показателю того большого интереса, с которым американское общество и пресса относятся к программе будущего строительства национальной России.

Значение это вполне понятно, если вспомнить, что Америка до сих пор твёрдо стоит на позиции отрицания советской коммунистической власти и непризнания таковой в России. Поэтому тот интерес, который ныне Америка, в лице одного из крупнейших представителей своей общественной мысли, проявила к вопросам и основаниям будущего строительства России после советской коммунистической власти, — имеет для нас исключительное значение. Интерес, проявленный Америкой, особенно показателен для переживаемого момента, когда началась эпидемия признаний СССР со стороны государств, ещё так недавно боровшихся с коммунистическо-большевистской заразой в России. Остановимся последовательно на основных тезисах программы Великого князя Николая Николаевича, как они выражены в сообщении директора Ассошиэйтед Пресс, и посильно сделаем из них естественные выводы.

1. *Государственная власть в возрождённой России будет национальная, внеклассовая и внепартийная.*

Сейчас Россией правит партия во имя интересов классовых и интернациональных. Благо народа в целом совершенно забыто. Все стремления сосредоточены к тому, чтобы закрепить диктатуру пролетариата, то есть группы населения, составляющей по численности едва 1% всей массы населения России. У власти стоит коммунисти-

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 8, л. 19–21. Документ не датирован.

ческая партия, насчитывающая в своих рядах, по последним сведениям, не более 800 000 человек, считая в том числе как полноправных и правоверных коммунистов, так равно и кандидатов в партию и комсомольцев. Значит, у власти в настоящее время в России стоит не народ, а лишь отдельная малочисленная группа его, составляющая около $^1/_2$% общей массы народа.

Будущая власть, по программе Великого князя, мыслится как власть, исходящая из недр всего народа — без господства какого-либо одного класса — и не отражающая политических воззрений какой-либо одной партии, собравшей после предвыборной борьбы большинство голосов, как это, например, ныне случилось во Франции, где после господства Национального блока у государственной власти оказался социалистический блок и в связи с этим стала резко меняться внешняя и внутренняя политика с уклоном влево, и как это произошло в Японии, где у кормила власти встала более левая политическая партия — кенсейкай*.

Власть должна быть национальной, русской, без засилья иноплеменного элемента. Общее благо всего народа, а следовательно, его крестьянской массы прежде всего должно руководить действиями этой власти.

2. *Новая власть должна стать на охрану священных прав личности и гражданской свободы, собственности, правопорядка.*

Прекращение классовой и национальной ненависти и предотвращение насилия одних над другими и всякого рода самоуправства явятся первейшими задачами новой власти. Отсюда, как следствие, установление гласного, равного для всех, беспристрастного суда и уничтожение всякого рода чрезвычаек и застенков, где граждане уничтожаются без следствия и суда по прихоти лиц, принадлежащих к правящей партии. Отсюда — отмена всякого рода стеснения во всех сторонах жизни и деятельности населения, раз эти стеснения не обусловливаются требованиями государственного или общественного союзов как таковых. Отсюда — государственная защита права частной собственности как экономической основы народного хозяйства.

3. *Народам, входящим в состав Государства Российского, будет предоставлено право свободного развития их национальной жизни.*

Это положение предусматривает полную автономию иноплеменных народов, входящих и, можно думать, входивших в состав России,

* *Кенсейкай* — демократическая партия, выражавшая интересы среднего класса. В 1924 г. на выборах в парламент набрала большинство голосов, и лидер партии Като стал премьер-министром Японии.

во внутренней их жизни. В конечном выводе, это может доходить до федерации этих народностей с коренною частью России. Другими словами, из беседы директора Ассошиэйтед Пресс можно допустить, что в новой России может создаться федеративный союз народностей, ранее представлявших единую, неделимую Россию, а в будущем — соединённых наподобие Союза Северо-Американских Штатов после Гражданской войны в Америке.

4. *Разрешение аграрного вопроса предусматривается в новой форме, которая вполне учитывает тяжёлый опыт Гражданской войны и неудачи белых движений, не желавших считаться с этим опытом.*

Земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята.

Значит, то положение в вопросе владения землёю, которое создалось в результате революционного периода, должно быть сохранено и закреплено новою государственною властью. Власть эта должна законно закрепить за крестьянами на праве собственности те земли, помещичьи и иные, которые были ими отняты с началом революции у прежних владельцев.

Эта точка зрения — новая и чрезвычайно смелая. По заверению директора Ассошиэйтед Пресс, она созрела у Великого князя под влиянием веских данных, удостоверяющих, что в громадном количестве землевладельцев созрело ныне сознание необходимости жертвенного подвига в интересах государства. Со своей стороны власть должна озаботиться вознаграждением тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства.

Несомненно, точка зрения Великого князя на разрешение земельного вопроса найдёт живейший отклик в душах крестьян, лишь бы до них дошла весть о ней, и создаст ему могучую опору в основной народной массе, а из неё эти настроения перейдут и в Красную армию.

Великий князь определённо говорит: *«Взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено было в начале революции, невозможно. На прошлом надо поставить крест».*

Точка зрения Великого князя на решение земельного вопроса должна в будущей борьбе Его с советской властью совершенно изменить настроения крестьян в тылу боевого фронта сравнительно с тем, что было, например, в тылу боевого фронта Деникина, когда он, повидимости, победоносно шёл к Москве, а в тылу у него начались крестьянские восстания из-за того, что вслед за войсками в деревни явились помещики с карательными отрядами и старыми исправниками и становыми

приставами и начали расправляться с крестьянами за присвоение помещичьей земли. Результат известен: боевой фронт Деникина в сентябре 1919 года дошёл почти до Тулы, а потом, под влиянием крестьянских восстаний в тылу, быстро покатился обратно к Черноморскому побережью, где весною 1920 года и разразилась неслыханная катастрофа.

Определённое решение земельного вопроса в пользу крестьян показывает, что будущая государственная власть России мыслит опираться уже не на старый дворянский слой и не на крупных землевладельцев, показавших свою неспособность поддерживать государственную власть, а на слой средних и мелких земельных собственников, закрепляя в первую голову земельные отношения в той форме, как они сложились стихийно в революционный период, разрушивший крупное помещичье землевладение.

Итак, можно предполагать, что в новой России основным слоем, на который будет опираться государственная власть, явится главная масса населения — крестьянство. В этой массе новая власть мыслит иметь свои крепкие корни.

5. *Восстановление разрушенной в корне промышленности*, представляющее для новой власти задачу величайшей сложности, может быть достигнуто только *на почве незыблемого охранения права собственности и предоставления частной инициативе широкого применения.*

Точка зрения, диаметрально противоположная той, на которой построена экономическая политика большевиков, приведших Россию к разрушению промышленности и обнищанию.

6. *Новая власть поставит своею задачею улучшение положения рабочих и ограждение их интересов самым действительным образом — законом, и притом надёжнее, чем это сделано теперь в «рабоче-крестьянской» республике.*

7. *Великий князь не верит в возможность изменить существующее в России положение путём новых внешних выступлений и интервенций.*

Переворот должен произойти при посредстве внутренних народных сил и армии, которая есть плоть от плоти русского народа. Когда настанет час освобождения, народ сам осознает необходимость сбросить иго большевиков. Перерождение психологии народа идёт полным ходом. Свои настроения народ передаст в Красную армию, где служат его сыны. И Красная армия перестанет быть красной.

Необходимо иметь в виду, что в настоящее время *Красная армия состоит почти исключительно из крестьян; рабочих в армии почти нет, и Красная армия несёт в себе все настроения крестьян.*

Внешние же удары, очевидно, будут играть вспомогательную роль в соединении с общим внутренним взрывом и с восстанием частей Красной армии.

8. В связи с такою ролью Красной армии в деле свержения советской власти в России естественным является и *отношение Великого князя ко всем тем, кто ныне служит в рядах Красной армии* и вынужден повиноваться коммунистическому правительству, а равно и ко всем находящимся на советской службе.

Новая власть учитывает их вынужденное тяжёлое положение и находит для них выход для жизни в новой России и служения ей. Конечно, это, вероятно, не может касаться тех лиц, которые ведут ныне ответственную работу в СовРоссии не за страх, а за совесть.

9. Вслед за свержением власти большевиков в России Великий князь полагает, что *на долгие годы энергия России должна быть поглощена задачами внутреннего обновления и строительства.*

Для всех испытанных друзей России, которые не желают эксплуатировать её временную слабость, но хотят строить свою экономическую политику на здоровых началах, хозяйственное восстановление России в нормальных условиях представит самое благоприятное поприще для помещения энергии и капитала.

В России может быть только русская политика. Такое заявление вселяет надежду, что Россия не будет увлекаться впредь разрешением туманных внешних задач, в погоне за которыми она тратила средства за чужие интересы в течение всего XIX века, а в начале XX века ввязалась в войну 1914 года и погибла...

Можно думать, что *здоровый государственный эгоизм* действительно заставит её ныне обратить все силы и средства на внутренние дела и на развитие бесчисленных природных богатств, лежавших доселе втуне. Достаточно вспомнить богатства Азиатской России, рациональная эксплуатация которых быстро даст обнищавшей России возможность восстановить её экономическую, а затем и былую политическую мощь.

Интерес, проявленный Америкою к государственной программе Великого князя Николая Николаевича, и опубликование в американской прессе основных её положений — особенно в настоящее время, — полагаем, представляет большой интерес и значение.

А.И. Андогский

[САБЛИНСКАЯ] ЗАПИСКА*

1. Провозглашение себя Великим князем Кириллом Владимировичем в конце августа в Кобурге Императором Всероссийским привлекло к себе на известное время внимание русского зарубежного общественного мнения и отчасти общеевропейского. Теперь вызванный этим актом прошлого года интерес совершенно отпал, чему в большой степени содействовали неудача поездки Великой княгини Виктории Феодоровны в Северо-Американские Соединённые Штаты** и самая обстановка этой поездки. Вопрос можно было бы считать совершенно ликвидированным, если бы от времени до времени в органах печати и в обществе не поднималась речь о будто бы существующей в русской Императорской семье розни и разногласиях, вытекающих из противопоставления Великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича как претендентов на Российский Престол.

Появление подобных слухов может быть объяснено только совершенною неосведомлённостью распространяющих их лиц. Никакой розни и никаких разногласий на личной почве в Императорской семье нет. Но существует основное и глубочайшее различие во взглядах на пути разрешения русского вопроса.

Великий князь Кирилл Владимирович почитает возможным вне пределов Родины и без участия русского народа предрешать будущее его государственное устройство и в соответствии с этим провозгласил себя Императором в Кобурге. Последствий для России это событие, несмотря на истекающую вскоре годовщину его, никаких не имело и изменения в судьбы русского народа не внесло, ослабив лишь, и то на некоторое время, единодушие среди русских, ныне вынужденно пребывающих за границею.

Великий князь Николай Николаевич неоднократно высказывал, что всё касающееся будущего устроения России может быть решено только на Русской земле и согласно с чаяниями русского народа, почитая, что всё за него предрешённое будет народом отвергнуто, а всё ему навязанное не будет прочно. Свой взгляд этот Великий князь Николай Николаевич основывает на глубоком личном убеждении, проистекающем из знания русского народа.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 16.

** В ноябре 1924 г. жена Великого князя Кирилла Владимировича Великая княгиня Виктория Фёдоровна получила приглашение от председательницы американского благотворительного клуба г-жи Люмис. В СА Штатах Великой княгине был оказан торжественный приём. Собранные в ходе поездки деньги она передала в Русский Красный Крест, хотя расчёт был иным — планировалось использовать эти средства для нужд эмиграции и легитимистов.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, со своей стороны, равным образом признала, что вопрос о восстановлении Престола — дело будущего и что он должен получить разрешение на основании закона, в союзе с Церковью и совместно с русским народом.

Из приведённого явствует единомыслие во взглядах на пути разрешения русского вопроса у обоих авторитетнейших членов Российского Императорского Дома.

2. Это единомыслие тем важнее и значительнее в глазах русских людей, что как Государыне Императрице, так и Великому князю Николаю Николаевичу чужды всякие личные стремления и притязания в решении русского вопроса.

3. Какое из двух воззрений на пути его разрешения соответствует пониманию русского народа, ясно из настроения той его части, которая вынуждена ныне пребывать за границей. Она связана с Родиной тысячами неуловимых и не поддающихся учёту нитей и в силу этого несомненно отражает народные чаяния внутри России.

Русские на чужбине своё настроение выявили с полной определённостью. Подавляющее их большинство, в лице национально мыслящих элементов, союзов, обществ, профессуры и учащейся молодёжи, торгово-промышленных, железнодорожных и др. кругов, единодушно признали своим Национальным Вождём Великого князя Николая Николаевича.

Таковым почитают его и военные, являющиеся столь существенным и значительным элементом среди русских, вынужденных пребывать вне России. Мы разумеем в этом случае и остатки армии Врангеля, воинские части которой представляют, применительно к теперешним условиям, рабочие команды, однако связанные воинской дисциплиной и руководством; и остатки других противобольшевистских армий, имеющие свои группировки, и, наконец, большое число офицеров, объединённых в разных странах в различные союзы. Всё это входит в Русский Общевоинский Союз*, во главе которого стоит Великий князь Николай Николаевич. Возглавив весь военный элемент, Великий князь только ответил этим на неоднократные к Нему ходатайства со стороны всех военных, которые продолжают видеть в нём, как и ранее, своего Верховного Главнокомандующего.

---

* 1 сентября 1924 г. распоряжением ген. П.Н. Врангеля был создан Русский Общевоинский Союз (РОВС). Причины и цель появления организации — сохранить, уберечь военные кадры от распыления. Организация способствовала объединению русских армейских кадров в разных странах, укреплению духовной связи между ними и сохранению их как носителей лучших традиций Российской Императорской армии в условиях перехода к гражданской жизни. Во главе РОВС стал ген. Врангель, а в декабре 1924 г. — Великий князь Николай Николаевич.

Православная Церковь за границей равным образом не нарушила общего единодушия русских за границей и не пошла по пути, избранному Великим князем Кириллом Владимировичем. Иерархи её многократно благословляли на подвиг спасения России как Национального Вождя именно Великого князя Николая Николаевича.

Эти настроения находят себе полное подтверждение в идущих из самой России сведениях, свидетельствующих, что Великого князя оттуда призывают, и что там Его ждут, и что общий голос и крестьянство в особенности Его одного считают способным восстановить на Русской земле порядок и закон.

Всё это позволяет прийти к непреложному выводу, что в лице Великого князя Николая Николаевича нашла своё отражение вся сущность противобольшевистского русского движения, на Него возлагающего свои надежды на спасение России от ига III Интернационала.

4. О возглавлении этого движения ходатайства начали поступать к Великому князю ещё с 1920 года. Число их ежегодно увеличивалось, и теперь, можно сказать, ходатайства эти стали общими.

Ответ на них Великого князя был неоднократно опубликован и общеизвестен. Подтверждая готовность свою служить России и отдать ей все свои силы и самую жизнь, Великий князь Николай Николаевич постоянно заявлял, что возглавит дело свержения III Интернационала и установления порядка и законности в России только тогда, когда признает общую обстановку для сего благоприятной и дающей уверенность в успехе.

В связи с ходатайствами о возглавлении движения нередко выражаются пожелания об образовании делового рабочего центра. Эти пожелания стали выражаться чаще с тех пор, как Великий князь в опубликованных рескриптах на имя некоторых деятелей осведомил их о том, что Он приступил к подготовительной работе.

5. Различие между возглавлением движения и фактической работой по подготовке спасения России ясно и понятно. При начале движения организация такового должна будет вылиться в определённые формы, и самое возглавление явиться официальным исходным действием этого движения.

До наступления благоприятной для того обстановки вся работа может иметь только подготовительный характер, по самому существу своему исключающий всякую надобность в официальном его оглашении.

Непосредственно лично руководя этой работой, Великий князь имеет при себе по разным отраслям отдельных лиц для постоянной

работы и использует опыт и знания тех или иных русских людей в мере встречаемой в том, по ходу дела, надобности. Великий князь не только не испытывает в том затруднения, но можно с уверенностью сказать, что всякое обращение его за сотрудничеством всегда встретит полную готовность к исполнению. Это тем естественнее и понятнее, что в выборе лиц Великий князь руководится главным образом требованием, чтобы польза Родины и государственные интересы были для них превыше партийных и личных интересов.

В таких условиях и в подготовительной стадии работы образование какого-либо центра, какое бы название ему ни было бы придано, явится во всяком случае преждевременным, а может принести вред делу. Врагами русского национального дела учреждение такого центра будет истолковано как образование правительства, и мероприятие это будет использовано в России в целях контрпропаганды.

6. Выше уже отмечалось, что Великий князь не считает возможным предрешение русского вопроса вне пределов России и без участия русского народа. Само собою разумеется, что Великий князь, тем менее, допускает возможность решения этого вопроса в порядке иностранного вмешательства. Русское дело и должно, и может быть сделано только русскими руками. Это долг всех русских, вынужденно проживающих за границей и в составе своём располагающих необходимыми для этого силами. Их вступление будет встречено русским народом как избавление от тяжкого ига чуждой ему власти чуждого III Интернационала, а не как попытка замены этой власти другою, чуждою же или как завоевание в случае иностранного вмешательства.

Это не означает, однако, что Великий князь исключает всякое участие и помощь в деле спасения России со стороны иностранных держав.

7. В настоящее время правительства всех государств вынуждены вести у себя борьбу с коммунизмом. Преступность и грозная опасность его сознана всеми. Более того, общеизвестно, что эта угроза миру и культуре исходит из единого центра — Москвы, являющейся не только местом пребывания III Интернационала, но источником средств для его работы и главным руководителем таковой в лице советской власти.

При таких условиях, казалось бы, своевременно было признать, что борьба с III Интернационалом должна быть направлена против его центра — советской власти, а не ограничиваться борьбою с проявлениями его разрушительной работы в отдельных странах. Систе-

му этих жалких паллиативов необходимо заменить уничтожением зла в корне, которое иначе неминуемо поведёт к новым мировым потрясениям.

В этом отношении, казалось бы, иностранные державы должны, наконец, понять общность своих непосредственных интересов с целями русских патриотических сил. Они должны понять, что наличность этих сил и их готовность к борьбе за освобождение России от власти III Интернационала являются в стоящей перед этими державами задаче не только могучим, но и чрезвычайно благоприятным и ценным фактором.

События идут с необыкновенной быстротой. Соображение их — дело правительства каждой страны. Не нам их спасать и не нам навязывать нашу помощь. Но правильный учёт обстановки необходимо должен побудить иностранные державы прийти к нам на помощь в борьбе за освобождение нашей Родины и тем оградить прежде всего себя самих от непосредственной опасности.

Великий князь Николай Николаевич всегда готов выслушать и обсудить клонящиеся к сему соображения и предположения, из каких бы сфер они ни исходили, дабы, если это откроет возможность, вступить с теми или иными государственными или общественными силами в деловую связь, как для уяснения действительного положения вещей, так и для изменения его в желательном с русской национальной точки зрения смысле.

Лично руководя всею вообще подготовительной работой, смысл которой очерчен выше, Великий князь, в частности, непосредственно сам ведает и всею областью необходимых и возможных в настоящее время внешних отношений, определяя их задачи и давая руководящие указания по осуществлению этих задач лицам, облечённым его доверием.

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ НА КВАРТИРЕ А.Ф. ТРЕПОВА В ПАРИЖЕ*

29 января 1925 г.

Присутствовали: А.Ф. Трепов, И.П. Алексинский, М.Н. Андреевский, кн. М.К. Горчаков, гр. М.Н. Граббе, А.А. Гулевич, С.Л. Демешко, Н.В. Савич, Н.Н. Григорьев

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 34, л. 8–11.

По открытии заседания **Н.Н. Григорьев** прочитал протокол заседания, состоявшегося 9 января 1925 года. Протокол утверждён и подписан всеми присутствовавшими.

Затем **А.Ф. Трепов** сообщил, что, во исполнение постановлений, принятых 9 января, им было сделано всепреданнейшее обращение к Великому князю Николаю Николаевичу, на которое он удостоился получить ответ, напечатанный в «Вечернем времени» и в «Новом времени». По второму постановлению — о разговоре с представителем американской прессы — составлена памятная записка, которая была подвергнута обсуждению, при участии И.П. Алексинского и Я.И. Савича. Н.Н. Шебеко в этом обсуждении принять участия не мог, но через Я.И. Савича сообщил свои замечания, которые приняты во внимание, кроме одного, а именно: Н.Н. Шебеко настаивает, чтобы было исключено указание, что притязания на престол Великого князя Кирилла Владимировича* являются небесспорными, находя, что таковое указание для него неприемлемо. Вместе с тем Н.Н. Шебеко полагал, что записка, которая будет передана представителю американской прессы, должна быть подписана одним лицом.

Из обмена мнений, в котором приняли участие все присутствующие, по поводу сообщённого А.Ф. Треповым выяснилось, что в рескриптах Великого князя, данных за последнее время на имя разных лиц, следует усматривать, что Его Высочество вступил в деятельность Верховного Вождя уже не только по военной части; эти акты знаменуют, что Великий князь восприял тяжкое бремя общего народного водительства. Это должно быть разъяснено органам печати и широким общественным кругам.

В соответствии с этим было указано на необходимость и полную своевременность учреждения при Особе Великого князя совещательного органа из небольшого круга вполне доверенных лиц, который мог бы работать в качестве политического совещания, или, если мысль об учреждении совещания будет отклонена, при Великом князе должен состоять избранный им ответственный исполнитель по общей политической и гражданской части, подобно тому как таковой представитель уже избран по военной части. Если будет одобрено второе решение, то таковой политический исполнитель явится звеном, связующим Верховного Вождя с остальным миром. Через него должны будут вестись все внешние сношения. Он будет в связи с сильным общественным центром, которому

---

* Великий князь Кирилл Владимирович провозгласил себя императором («...принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского...») 31 августа 1924 г. в Кобурге (Германия).

должны подчиняться все отдельные общественные организации, когда таковой центр удастся создать. Этим шагом — назначением ответственного исполнителя по политической и общегражданской части — было бы в значительной мере дано удовлетворение широким общественным слоям, постоянно указывающим на полную необходимость и своевременность создания организации, так как несвоевременность в этом отношении может пагубно отразиться на общем деле возрождения России. В частности, гр. **М.Н. Граббе** доложил, что обстоятельства требуют немедленного проведения в жизнь того, что намечается. Сейчас разрешается вопрос украинский, который вместе с тем есть вопрос и русский. По советским данным, на Украине 82% населения — украинцы. Из них 70% хотят соглашения с Россией, 15% говорят: с кем угодно, только не с Россией; остальные 15% относятся безразлично. Представители украинцев из Берлина и Мюнхена приезжали в Париж, но ответа здесь не получили. В Кобурге они получили удовлетворяющий их ответ. Можно опасаться, что центром решения вопросов и о других окраинах явится Кобург.

Доложенное гр. М.Н. Граббе ещё более укрепило убеждение совещания о необходимости немедленного создания явной организации по политической и гражданской части при Верховном Вожде, хотя бы в виде одного ответственного исполнителя по этим частям. Исходя из этого, совещание единогласно постановило поручить И.П. Алексинскому, как наиболее яркому представителю общественности, представить лично на благовоззрение Е.И.В. Великого князя Николая Николаевича настоящий журнал. В частности, по вопросу о денежных средствах, необходимых для создания намеченной организации, было указано, что, если работа начнётся, она будет продолжаться и средства на неё найдутся.

В отношении записки, составленной для представителя американской прессы, совещание, ознакомившись с её содержанием, вполне одобрило таковое и полагало указание на небесспорность притязаний сохранить, изменив лишь несколько редакцию. Совещание подтвердило своё прежнее постановление о том, что представляется крайне желательным, чтобы представителю американской прессы было указано, что записка выражает не единоличное мнение, а излагает воззрения ряда отдельных лиц и общественных групп, принимавших участие в обсуждении вопроса.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ НА КВАРТИРЕ А.Ф. ТРЕПОВА В ПАРИЖЕ*

18 февраля 1925 г.

Присутствовали: А.Ф. Трепов, И.П. Алексинский, кн. М.К. Горчаков, Я.И. Савич, гр. М.Н. Граббе, С.Л. Демешко, В.М. Андреевский, А.А. Гулевич, П.А. Половцов, П.П. Орлов, гр. П.В. Гендриков и Н.Н. Григорьев

1. По прочтении **Н.Н. Григорьевым** протокола заседания 29 января сего года таковой утверждён и подписан всеми присутствовавшими в заседании лицами.

2. Затем **проф. И.П. Алексинский** доложил, что, во исполнение постановления совещания, он испросил аудиенцию у Великого князя Николая Николаевича и был принят Его Высочеством 10 сего февраля. Великий князь внимательно прочитал журнал и столь же внимательно выслушал представленные дополнительно устные объяснения, касающиеся учреждения политического совещания или назначения ответственного исполнителя по политической и гражданской части, а также о том, что совещание считает необходимым ведение активной борьбы с Интернационалом, разрушающим все государства, и видит Великого князя в роли Вождя в борьбе за национальное движение. Великий князь высказал, что Он считает вполне естественными и вполне логичными те предположения, которые возникли у группы русских патриотов. Однако в настоящее время приходится считаться с крайне сложной политической обстановкой. Подготовительная работа к национальному движению идёт. Создание же ныне намеченного совещанием органа является преждевременным, ибо появление подобной организации здесь может вызвать неблагоприятные последствия в России. Может возникнуть предположение, что здесь, за рубежом, создаётся какое-то правительство для России. «Подготовительная работа идёт, — повторил Великий князь. — Делается уже многое. Когда у меня утвердится убеждение, что почва окрепла — а это может случиться скоро, — я не сомневаюсь, что русские патриоты пойдут по намеченному мною пути. Национальное и патриотическое движение идёт и должно развиться

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 8–11.

далее. Объединение и в дальнейшем необходимо. Слова о том, что подготовительная работа началась, помещены в моих письмах, посланных в ответ на обращённые ко мне приветствия, преднамеренно, с целью указать русским патриотам, что работа ведётся, но рассказать, какая именно, нельзя». Далее Великий князь указал, что для Него было бы очень легко создать предположенное политическое совещание и этим актом сложить с Себя ответственность. Во всяком случае, сейчас осуществить доложенные Ему предположения Он не считает возможным, чтобы не повредить начатому делу. Всё вызываемое обстоятельствами времени исполняется отдельными лицами, в порядке отдельных поручений. В частности, по вопросу украинскому Великий князь пояснил, что все разговоры, которые сейчас ведутся какими-то лицами от имени Украины, не имеют значения. Вопрос решится там, в России.

По окончании доклада И.П. Алексинского **А.Ф. Трепов** отметил, что слова Великого князя об основаниях воздержания Его от принятия меры, предлагаемой настоящим совещанием и признаваемой Им, по существу, совершенно логичной, вновь выявляют высокое попечение Его о благе русского народа. Он хочет воспрепятствовать появлению в России превратных и вредных толков о том, что эмиграция желает возвращения на Родину для того только, чтобы там властвовать. Само дело не находится на мёртвой точке: меры принимаются. В этом отношении мы получили ныне данные, вполне выясняющие этот вопрос. Из того же обстоятельства, что Великий князь внимательно ознакомился с журналом нашего совещания, нашёл предлагаемую совещанием меру естественной и логичной, следует вывести непреложное заключение о том, что Его Высочество признаёт пользу дальнейшего патриотического объединения. Поэтому, одушевлённые таким отношением Великого князя, мы должны развиваться по тому пути, на который мы встали. При этом наша работа может принести пользу в том смысле, если мы будем предавать гласности имеющиеся у нас данные, служащие ответом на волнующие общественность запросы.

На поставленный одним из присутствовавших (Я.И. Савича) вопрос, возможно ли сообщить в печать слова, сказанные Великим князем И.П. Алексинскому в частной беседе, без особой санкции на это Великого князя, **И.П. Алексинский** объяснил, что всё доложенное им было сказано Великим князем для совещания. Сказанное же в частной беседе он совещанию не докладывал. Выслушав соображения председателя о том, что одной из целей совещания является быть связью между Великим князем и широкой общественностью и в от-

ношении осведомления общественности выполнить то, что Великий князь сам сделать не может, совещание признало полезным появление в печати главной сущности доклада И.П. Алексинского.

3. Выслушано заявление **гр. М.Н. Граббе** о том, что, кроме вопроса украинского, в настоящее время возникают два других больших вопроса: общеказачий съезд в Венгрии (всё казачество, а за ним и горские народы могут пойти по неправильному пути, если не будет руководителя) и результаты английской политики (всё внимание обращено на отделение Кавказа от России). По мнению гр. Граббе, если бы совещание могло обсуждать подобные вопросы, оно могло бы оказать существенную пользу в великодержавной политике России.

Председатель вновь пояснил, что совещание должно продолжать начатую работу и, когда то будет вызываться обстоятельствами, представлять свои журналы на благовоззрение Великого князя.

Совещание эту точку зрения одобрило.

4. **А.Ф. Трепов** сообщил, что им получено от Н.Н. Шебеко письмо, в котором он сообщает, что ввиду того, что Совет Союза Освобождения и Восстановления России* отнёсся отрицательно к участию его в предположенном выступлении в печати, он должен от такого участия отказаться.

Ввиду того что из этого письма не усматривалось, желает ли Н.Н. Шебеко принимать дальнейшее участие в работах совещания, А.Ф. Трепов запросил об этом Н.Н. Шебеко и сделал распоряжение о посылке ему повестки на это заседание.

По выслушании заявления **Я.И. Савича** о том, что Н.Н. Шебеко в отсутствии и потому, вероятно, письмо А.Ф. Трепова им не получено, совещание оставило этот вопрос открытым.

5. Совещание постановило пригласить принять участие в работах совещания ген. Н.Н. Баратова и Б.Н. Неандера (по предложению И.П. Алексинского), бывшего председателя Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО).

В совещании возник вопрос о желательности привлечения к работам совещания проф. Н.К. Кульмана. Однако, не зная, насколько основные принципы совещания разделяются проф. Кульманом, а также насколько он признает для себя желательным вхождение в состав политической группировки, совещание просило выяснить этот вопрос И.П. Алексинского совместно с Я.И. Савичем.

---

* *Союз Освобождения и Воссоздания России* (*Союз Освобождения и Возрождения России*) образован в марте 1921 г. в Париже. Организатор и председатель — Н.Н. Шебеко, в правление вошли В.И. Гурко, кн. А.Д. Голицын, Е.П. Ковалевский, В.В. Свечин, гр. А.П. Беннингсен и др.

При происшедшем обмене мнений было установлено, что Совещание в своей организации должно сохранять принятые при его возникновении формы, чтобы лица, входящие в его состав, обладали все полнотой свободы действий. Ввиду этого оно не переходит к системе представительства от организаций, а остаётся на основе личного участия полезных деятелей.

6. По выслушании сообщения о напечатанном в газете «Последние новости» фельетоне г. Минцлова «Тайна», содержащем клеветнические измышления на основные догматы христианства, совещание отнеслось с полным негодованием к тому, что такой фельетон появился на страницах русской зарубежной печати, и вполне разделило чувства, высказанные многочисленными беженцами в их обращениях по этому поводу к церковному начальству.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

6 марта 1925 г.
Париж

Присутствовали: А.Ф. Трепов, И.П. Алексинский, гр. М.Н. Граббе, А.А. Гулевич, гр. П.В. Гендриков, кн. М.К. Горчаков, П.М. Кауфман-Туркестанский, П.А. Половцов, Н.Д. Тальберг, Н.Н. Шебеко, Н.Н. Григорьев

1. По открытии заседания **Н.Н. Григорьев** прочитал протокол заседания, состоявшегося 29 января 1925 года. Протокол утверждён и подписан всеми присутствовавшими.

2. **А.Ф. Трепов** предложил придерживаться и на будущее время того порядка, который им применялся до сего времени в отношении представления журналов совещания Е.И.В. Великому князю Николаю Николаевичу, конечно если не последует от Великого князя иных по этому предмету указаний. Порядок этот заключался

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 14–16.

в том, что журналы совещания непосредственно по их изготовлении представляются Великому князю. По прочтении журнала в следующем заседании если по нему последуют какие-либо замечания или исправления, то таковые будут внесены в новый журнал, который тем же порядком будет представлен Его Высочеству. Совещание одобрило предложенный порядок.

3. Одним из членов совещания (**гр. М.Н. Граббе**) поднят был вновь возбуждавшийся им и в предыдущих заседаниях вопрос о полной необходимости в точности установить, чем является настоящее совещание, пользующееся неизменным гостеприимством А.Ф. Трепова: есть ли это самостоятельная политическая группа; есть ли это орган, зависящий от Верховного Вождя, или что-либо иное. От того или другого ответа на этот вопрос зависит ряд последующих, первостепенной важности вопросов, которые гр. М.Н. Граббе предполагает внести на рассмотрение совещания.

Другое лицо (**П.М. Кауфман-Туркестанский,** ко всему сказанному коим присоединился и **Н.Н. Шебеко**) отметило, что появившиеся в газетах заметки о работе «группы патриотических деятелей» в различных кругах эмиграции вызывают разговоры о том, что появилась новая политическая группировка, спрашивают, по чьему уполномочию она возникла. По мнению этого лица, считаясь с беженской психикой, когда говорят: «почему вы — патриоты, а мы — не патриоты?» , не должно выступать в печати от имени совещания, так как это будет мешать нашей деятельности. Стоя же на почве практической и целесообразности, следует, чтобы в тех случаях, когда совещание примет какие-либо решения, таковые решения проводились в жизнь среди тех групп, которые члены совещания возглавляют или в жизни которых принимают близкое участие. Если же о принятом совещанием решении будет сообщено в газетах, то в настоящих условиях проведение такого решения в жизнь может встретить затруднения в среде указанных групп. По изложенным соображениям П.М. Кауфман-Туркестанский предлагал работу совещания вести, как он называл, «конспиративно». В тех же случаях, когда возникает надобность осветить какой-либо вопрос в печати, он полагал, что могут приниматься нужные для этого меры, без указания, однако, на совещание.

Высказанное мнение вызвало ряд возражений и продолжительные прения. Было указано (**И.П. Алексинский** и **Я.И. Савич**), что настоящая организация является совещанием отдельных лиц. Возникшая группа должна сохранить полную свободу действий, исходя

из соображений целесообразности. Если члены группы будут испрашивать указаний различных организаций, это создаст нагромождение, которое будет тормозить работу, если не остановит её совершенно. Конечно, есть недовольные, с этим считаться приходится. В отношении опубликования своих решений совещанию не следует связывать себя принятием по этому предмету какого-либо определённого постановления: по одним вопросам не следует выступать публично, по другим, напротив, это может оказаться необходимым, если того потребует политический момент. Бояться критики нам не должно. Мы должны взять пример с французов, которые даже любят, когда их критикуют. Разумеется, совещанием будет соблюдаться «конспирация» в тех случаях, когда это окажется необходимым. Печатание же в газетах о наших совещаниях — это самая доступная в настоящих условиях форма оповещения широких русских кругов.

После обмена мнений **А.Ф. Трепов** пояснил, что все существующие русские учреждения сейчас являются «самовольными». Инициатива настоящего совещания принадлежит нескольким лицам, которые находили, что надо «искать путей» для достижения конечной цели — восстановления Родины. Для этого мы и собираемся. Но мы ещё не кристаллизовались — для этого не наступило время. А.Ф. Трепов отметил, что никакого председательствования за собой он не считает, только руководит прениями, и этот вопрос считает для себя неразрешённым. Гласность же в работе совещания он признаёт необходимой, для того чтобы широкие массы видели, что силы, признающие Великого князя Национальным Вождём, не дремлют, а ведут активную работу. Кроме того, сообщения в прессе нужны для того, чтобы не было превратных толкований. Далее А.Ф. Трепов указал, что чем более отдельные члены совещания будут приспособляться к различным группировкам, тем менее надежды на то, что мы сдвинемся с мёртвой точки. «Мы завязли в болоте, принадлежа к группам, к организациям. Сдвинуть русский камень с мёртвой точки может только группа лиц, смело, определённо и дерзновенно на это идущих».

Гр. М.Н. Граббе, выразив А.Ф. Трепову глубокое приветствие за его патриотическую энергию и порыв и за приглашение группы лиц в настоящее совещание, предложил, ввиду чрезвычайной важности поднятых вопросов, в настоящем заседании баллотировки по ним не производить и отложить решение их до следующего собрания. Предложение это принято присутствовавшими.

4. Приняты к сведению заявления **А.Ф. Трепова:**

а) о том, что Ю.П. Бахметев перевёл на английский язык сообщение для американской прессы, которое будет сделано не от имени совещания, а от группы отдельных лиц, и

б) о том, что по поводу появившегося в польских газетах интервью г-на Короб-Кухарского им послано опровержение в заграничную прессу, соответственно той беседе, которая была напечатана в «Вечернем времени» и которая исправляет ошибки, допущенные г-ном Короб-Кухарским.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

19 марта 1925 г.
Париж

Присутствовали: А.Ф. Трепов, гр. П.В. Гендриков, гр. М.Н. Граббе, кн. М.К. Горчаков, М.Н. Андреевский, А.А. Гулевич, П.М. Кауфман-Туркестанский, Я.И. Савич, Н.Н. Шебеко, Н.Н. Григорьев

1. По прочтении **Н.Н. Григорьевым** протокола заседания, состоявшегося 6 марта 1925 года, таковой утверждён и подписан всеми присутствовавшими. При этом **П.М. Кауфман-Туркестанский** отметил, что хотя сказанное им в заседании 6 марта изложено точно, но в сопоставлении с мыслями, высказанными другими лицами, получается некоторая неясность: он хотел отметить, что, в случае появления в печати сведений о решениях, принятых совещанием, эти решения будет трудно проводить в жизнь в той группе, которую он представляет, так как такое решение в группе может быть отвергнуто только потому, что группа по своему составу не пожелает принять решения, которое ей как бы навязывается.

2. **А.Ф. Трепов** ознакомил с содержанием полученного им от кн. Оболенского письма, в котором сообщается, что, ввиду высказанных в настоящем совещании сомнений о характере такового и подня-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 20–23.

того вопроса о зависимости его от Великого князя Николая Николаевича, Его Императорское Высочество находит, что необходимо более определённо и точно указать, что совещание это и возникло, и существует вне всякой зависимости от Великого князя, в порядке исключительно частной и совершенно притом самостоятельной инициативы. Его Высочество, следя за всеми проявлениями русской общественной мысли и за работою всех группировок, преследующих избавление нашей Родины от большевистского ига, со вниманием знакомится с представляемыми ими данными, предположениями и заключениями. Однако Великий князь ни в какой мере не руководит деятельностью ни одной из существующих организаций, всецело предоставляя их направление патриотизму и усмотрению самих составляющих эти организации лиц.

Доложенное письмо принято совещанием к сведению, и высказанные в нём соображения послужат основанием для установления дальнейшего образа действия совещания.

3. По выслушании сообщения А.Ф. Трепова о попытке группы лиц в Ницце произвести объединение монархистов всех течений и оттенков созданием «Союза Объединённых Монархистов»*, а также письма по этому вопросу Н.Н. Шебеко совещание подвергло всестороннему обсуждению вопрос о возникшей на юге Франции инициативе.

По этому поводу председательствующий объяснил, что почин этого дела является, по существу, не новым, так как на всех бывших монархических съездах всегда выдвигался на первый план вопрос о сохранении единства в монархической среде и в этом же стремлении было создано первое монархическое объединение во Франции. Если по дальнейшему ходу дела эта мысль временно не осуществилась, то, конечно, по существу, можно только приветствовать возвращение к ней. Необходимо, однако, себе уяснить, имеются ли налицо в обсуждаемом предложении данные, дающие надежду возможности достижения цели объединения, касающегося как отдельных лиц Императорского Дома, так и разновидностей программ отдельных монархических группировок.

По ознакомлении с программой, на которой предположено создать указанное объединение, усматривается, что в ней нигде нет упоминания о признании Великого князя Николая Николаевича Верховным

* *Союз Объединённых Монархистов* создан в Париже весной 1925 г. Цель объединения, согласно декларации, — «сплочение всех оттенков монархической мысли», «воссоздание единого монархического фронта». Одной из задач союза было «скорейшее осуществление общемонархического съезда» с созданием выборного органа; председателем союза стал герц. Г.Н. Лейхтенбергский, среди членов — Н.Н. Шебеко, кн. С.А. Щербатов, кн. Л.В. Урусов, гр. П.Н. Апраксин.

Вождём. Инициаторы этого не объявляют и открывают свободный доступ всем, как признающим Великого князя Николая Николаевича, так и идущим за Великим князем Кириллом Владимировичем. Поэтому в совещании возникло сомнение, как отнестись к этой недомолвке.

Было отмечено, что, может быть, правильнее начать объединение монархических сил сначала в пределах лиц и организаций, признающих Национальным Вождём Великого князя Николая Николаевича, то есть уничтожить рознь между монархистами различных оттенков — от абсолютистов до конституционалистов. При этом была подтверждена полная необходимость и своевременность согласовать все монархические силы, борющиеся между собой и взаимно друг друга ослабляющие, для общей борьбы с большевиками.

Ввиду приведённых сомнений, **Н.Н. Шебеко,** со своей стороны, объяснил, что мысль о создании объединения возникла в Ницце. Там же предположено начать работу, с тем что дальнейшая деятельность будет перенесена в Париж. Выработанный проект программы отнюдь не заключает положений, отстраняющих Великого князя Николая Николаевича. Если бы Великий князь пожелал, чтобы некоторые лица не входили в состав проектируемой организации, то, вероятно, и сама организация не образовалась бы. У Великого князя может сложиться впечатление, что затевается что-то Ему враждебное. На самом деле это не так. В Ницце было стремление уничтожить династическую рознь. Надо иметь в виду, что кругозор Ниццы уже кругозора Парижа, где существует намерение сгладить рознь политическую. Различные оттенки среди монархистов неизбежны, даже желательны, но в такие острые моменты, как борьба с большевиками, они не должны ослаблять силы и препятствовать созданию единого монархического фронта. Династической розни не должно быть. Идея объединения преследует интересы широких, монархически настроенных масс, которые часто говорят: «Я не хочу идти ни в один из двух лагерей, я — просто монархист и не знаю, почему существуют два лагеря». Все инициаторы объединения в Ницце признают Великого князя Николая Николаевича Верховным Вождём и отдают себе отчёт в том, что ничего не должно быть сделано, что может помешать Великому князю в его работе по освобождению России. Договориться обеим сторонам монархистов возможно, и возможна дальнейшая совместная работа. Целью создания союза является именно уничтожение розни.

А.Ф. Трепов отметил, что ближайшей целью объединения должно явиться созвание нового монархического съезда. Эта инициатива очень ценна. Надо добиться широкого съезда, свободно составленного из представителей разных оттенков монархической мысли. Если такой

съезд вновь подтвердит постановления Рейхенгалльского съезда, а также подтвердит, что Великий князь Николай Николаевич признаётся Национальным Вождём, то этим будет оказано большое содействие дальнейшему проведению в жизнь здоровых начал монархической мысли. Весьма ценно, что инициативная группа вошла по этому поводу в сношение и с председателем Высшего Монархического Совета*, ибо только согласованные и открытые действия могут повести к устранению всяких недомолвок и к достижению единства в заветном деле.

По возбуждённому **гр. М.Н. Граббе** частному вопросу о необходимости немедленно дать ответ приехавшему из Ниццы представителю местного монархического объединения г-ну Цветкову на вопрос о том, сочувствует ли совещание возникшей на юге Франции идее, совещание уполномочило гр. М.Н. Граббе ответить, что принцип объединения монархистов всегда признавался желательным. Что же касается возникшей инициативы, то совещание недостаточно ещё даёт себе отчёт в том, имеются ли налицо данные условия для успешного осуществления основной мысли, всегда бывшей близкой всем монархическим начинаниям.

Соответственно всем изложенным суждениям, совещание постановило по общему вопросу — об отношении к почину создания нового монархического объединения, — равно как и по вопросу о порядке действия самого совещания, в настоящем заседании решений не принимать ввиду отсутствия в заседании И.П. Алексинского, А.Н. Крупенского, Н.В. Савича и некоторых других лиц.

Поэтому установлено назначить для разрешения указанных вопросов специальное заседание в воскресенье, 29 марта, в 4 часа дня, пригласив в это заседание Е.В. Герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского как одного из участников обсуждаемого почина.

4. По предложению председательствующего решено пригласить к участию в трудах группы патриотов члена Высшего Монархического Совета кн. А.А. Ширинского-Шихматова, переехавшего на жительство в Париж.

5. **Председательствующий** огласил полученное им письмо от председателя Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркова по

---

* *Высший Монархический Совет* создан на Рейхенгалльском съезде в мае 1921 г. Председателем был избран Н.Е. Марков (2-й). Постоянное пребывание ВМС определялось в Берлине. Совет мыслился как орган с неограниченными полномочиями, которому должны были подчиняться монархические организации всего русского беженства. По образцу ВМС повсеместно возникали монархические объединения. Задачи ВМС — агитация и пропаганда монархических идей среди беженских масс, привлечение новых членов, распространение информации о положении в России, связь с лицами, живущими в СССР. Печатным органом Совета стал еженедельник «Высший Монархический Совет».

вопросу об отношении совета к украинскому вопросу. Письмо это принято к сведению.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

29 марта 1925 г.
Париж

Присутствовали: Е.Св. Герцог Г.Н. Лейхтенбергский, А.Ф. Трепов, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Крупенский, И.П. Алексинский, гр. П.В. Гендриков, кн. М.К. Горчаков, гр. М.Н. Граббе, А.А. Гулевич, С.Л. Демешко, Н.К. Кульман, П.М. Кауфман-Туркестанский, М.Н. Моллер, Н.В. Савич, Я.И. Савич, Н.Н. Шебеко, Н.Н. Григорьев

1. По прочтении **Н.Н. Григорьевым** протокола заседания, состоявшегося 19 марта 1925 года, таковой утверждён и подписан всеми присутствовавшими.

2. **Председательствующий,** сообщив, что в настоящем заседании подлежит дальнейшему рассмотрению возникшая на юге Франции инициатива по созданию Союза Объединённых Монархистов, приветствовал новых участников настоящего совещания: кн. А.А. Ширинского-Шихматова и проф. Н.К. Кульмана и приглашённого в заседание одного из инициаторов проектируемого союза, Его Светлость Герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского.

По оглашении основных положений проектируемого союза, **Н.Н. Шебеко,** повторив вкратце доложенное в заседании совещания 19 марта 1925 года, отметил, что рознь, существующая в монархическом лагере, вредно действует на всю работу. Основная задача проектируемого союза — устранить династическую рознь. Вопрос о розни политической более сложный, так как полное устранение политических разномыслий невозможно, и этот вопрос стоит на

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 24–29.

втором плане. Он не берёт на себя специальную задачу защищать проект, но его пленила идея уничтожения монархической розни. После возвращения из Ниццы в Париж он старался как можно шире пропагандировать здесь эту идею. Оппоненты, с которыми приходится встречаться в этом вопросе, выдвигают два условия: одни говорят, что эта попытка не будет иметь успеха и потому она может быть только вредна. На самом деле это не так — она уже заслуживает внимания потому, что является возрождением попытки объединения; другие, те монархические круги, где не имеет господства легитимический принцип, относятся к этому вопросу определённо отрицательно. Ввиду того что эта рознь особенно резко проявляется в низах, массах монархических, то дело примирения и надо начать с них. Идя по пути примирительному, мы можем достигнуть больших результатов, может быть, даже отказа Великого князя Кирилла Владимировича от изданного им акта. Может быть, в предпринимаемой ныне попытке заключается капитуляция так называемого кирилловского движения.

Е. Св. Герцог Г.Н. Лейхтенбергский указал, что все многочисленные попытки достигнуть соглашения наверху не увенчались успехом и потому стало совершенно очевидным, что достигнуть здесь открытого соглашения не удастся. Великий князь Кирилл Владимирович совершил большую ошибку, провозгласив себя Императором и тем сделав трещину в монархическом деле. Проектируемый Союз Объединённых Монархистов укажет сторонникам и того и другого движения modus vivendi. Инициатива учреждения союза исходит не от приверженцев Великого князя Кирилла Владимировича. Мысль эта зародилась у сенатора Любимова, он её сообщил гр. А.А. Бобринскому, и уже потом присоединились ген. Мосолов и М.И. Горемыкин. Оба лагеря здесь перемешаны. Если они правильно угадали настроение монархических масс, в союз будут широко записываться члены и пойдут за руководителями.

П.М. Кауфман-Туркестанский указал, что для того, чтобы выяснить отношение к возникшей идее, надо рассмотреть, какие произойдут от осуществления её последствия. Великий князь Николай Николаевич в своем credo объявил, что в России будет установлена форма правления — «по воле народа». Великий же князь Кирилл Владимирович предрешает этот вопрос и заявляет, что он будет Государем Императором. Великий князь Николай Николаевич принял Верховное Водительство вследствие обращённых к нему многочисленных просьб и ходатайств монархистов. Великий

князь Кирилл Владимирович заявил, что он также желает, чтобы Великий князь Николай Николаевич возглавил национальное движение, но по его приказу. При этом выступления со стороны приверженцев Великого князя Кирилла Владимировича делались в такой форме, что совершенно дискредитировали монархическую идею. Надо, чтобы Великий князь Кирилл Владимирович признал, что Великий князь Николай Николаевич действует не по приказу, а по ходатайствам эмиграции. Кроме того, Великому князю Кириллу Владимировичу следует отменить свой акт, так как по форме власть не должна быть навязана народу, ибо Великий князь Николай Николаевич своим credo объявил иное. Задача ницского объединения могла бы быть, может быть, с пользою сведена в более узкие рамки соглашения между собою для объединения действий в борьбе с общим врагом — большевиками — расколовшихся ныне последователей двух, столь резко разошедшихся, течений.

А.Н. Крупенский сообщил, что, по его мнению, инициатива создания союза принадлежит последователям Великого князя Кирилла Владимировича. В случае принятия их проекта создалось бы такое положение: будет создан какой-то центральный орган будущего союза и этому органу должны будут члены союза и организации подчиняться. Как могут лица, подписавшие «присяжные листы»*, подчиняться этому органу и признанному ими Государю Императору, если будет несогласие? Династический вопрос внутри семьи Романовых стоит так, что примирение невозможно. Великий князь Николай Николаевич — Верховный Водитель. Но если есть Государь Император, то Верховный Водитель должен Ему подчиняться. Единственный выход, чтобы Великий князь отменил свой акт. Что же касается широких монархических масс, то они пойдут за тем, кто будет иметь дерзновение.

Ряд других лиц **(И.П. Алексинский, Н.К. Кульман, гр. М.Н. Граббе)** отметили, что рассматриваемая попытка не может иметь реального значения: она не может объединить императорских приверженцев и последователей широкого национального движения. Если бы она стала осуществляться, она внесла бы лишь смущение. Кроме монархистов, состоящих в организациях, есть большие группы монархистов, стоящих в стороне. Великий князь Кирилл Владимирович совершил акт величайшей вредности. Объединение с приверженцами Великого князя Кирилла Владимировича даже нежела-

* *Присяжный лист* — в Русской армии лист, по которому священник читал присягу; присягающий дословно повторял её и подписывал.

тельно, так как тот клин, который вбил Великий князь Кирилл Владимирович, будет ещё более разбивать монархическую идею. Поэтому монархическое движение должно развиваться, оставляя в стороне Великого князя Кирилла Владимировича. Конечно, положение совершенно изменится, если Великий князь Кирилл Владимирович изменит своё решение.

Присутствовавший первый раз в заседании член Высшего Монархического Совета **кн. А.А. Ширинский-Шихматов** заявил, что он обрадован общим мнением о необходимости поставить первой задачей объединение и укрепление монархического фронта. Что же касается вопроса о возникшей попытке, то ему неизвестно, чтобы эта попытка обсуждалась в Высшем Монархическом Совете. В ответ на это замечание Н.Н. Шебеко пояснил, что письмо на имя председателя Монархического совета Н.Е. Маркова по вопросу о проектируемом союзе ещё не отправлено.

По окончании дальнейшего обмена мнений по этому вопросу, в котором приняли участие Я.И. Савич, Н.В. Савич и др. лица, **председательствующий,** резюмируя все прения, указал, что, по-видимому, было высказано больше сомнений, чем надежд. Много раз уже отмечалось, что прямого разногласия между Великими князьями нет. Великий князь Кирилл Владимирович выдвигает своё право на престол, Великий князь Николай Николаевич выдвигает только своё право служить России. Приверженцы Великого князя Кирилла Владимировича не проявляют выдержки и в некоторых случаях поступают очень резко. Поэтому после долготерпения и на другой стороне признаётся, что также должна быть проявлена активность. Только яркими лозунгами, смело и определённо объявленными, можно привлечь те массы, которые исстрадались. Группа русских патриотов приходит к заключению, что только при восстановлении монархии возможно возрождение России. Иного вождя, кроме Великого князя Николая Николаевича, быть не может. Власть его идёт от Государя Императора, вручена ему свыше, а не только основывается на его широкой популярности. Формула «Верховный Вождь», с соизволения Великого князя Кирилла Владимировича, решительно недопустима; формула эта умаляет его значение, ибо если Великий князь Кирилл Владимирович может ему дать эту власть, то он может взять её и обратно в любой момент.

По поводу возникшей инициативы трудно прийти к окончательным выводам, так как она является ещё в сыром виде с неясными целями. Основная мысль — желательность объединения в монархическом

лагере — всеми приветствуется. Эта мысль очень ценная, очень дорогая. Для детальной разработки проекта следовало бы расширить инициативную группу путём привлечения к работам её представителей различных монархических течений. Надо иметь в виду, что громадный контингент монархистов, не принимающих участия ни в каких организациях, думают, что мы мало горим священным огнём, что мы равнодушны к монархическому делу. Многие вопросы могли бы быть решены путём съезда, и съезд очень желателен. Несомненно, он подтвердит, что признаёт Великого князя Николая Николаевича Верховным Вождём.

3. Председательствующий указал, что на очереди стоит решение вопроса, обсуждавшегося в предыдущих собраниях, — о сообщении в печать сведений о деятельности совещания. Как известно, мнения по этому вопросу разделились. Одни полагали сохранить конспиративность в работах совещания, другие, наоборот, считали необходимым сообщать о всей той работе, которая не требует соблюдения конспиративности. При этом следует предусмотреть, подчинится ли меньшинство решению, если по нему не будет достигнуто единогласия.

На это **П.М. Кауфман-Туркестанский** заметил, что он остаётся при прежнем своём мнении — о соблюдении конспиративности, ибо считает, что осведомление широких кругов о работе совещания практического значения иметь не будет; вместе с тем он указал на желательность, вместо настоящего, нового совещания, восстановление прежнего монархического объединения, бывшего в Париже. Последнее указание встретило возражения со стороны **А.Н. Крупенского,** заявившего, что восстановление бывшего объединения невозможно, раз входивший в него Союз Освобождения и Восстановления России отказался признать Высший Монархический Совет. К мнению П.М. Кауфмана-Туркестанского о соблюдении конспиративности присоединились **Н.Н. Шебеко** и **Н.В. Савич.** Остальные члены совещания придерживались того мнения, что коренным условием работы надо поставить возможно широкое оповещение о том, что делается в совещании, так как самое совещание первоначально возникло для того, чтобы внести бодрость в души русских людей, которые томятся тем, что думают, что ничего не делается. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, получаемые из разных мест отдельными участниками совещания.

Попутно был возбуждён вопрос, в каком соотношении должны быть лица, являющиеся участниками совещания и вместе с тем занимающие ответственное положение в других политических группировках, к этим последним группировкам. Из обмена мнениями выяс-

нилось, что совещание придерживается того принципа, что участие в его работах является личным и не налагает на участников обязательств в отношении их к деятельности в других группировках, к которым они принадлежат, и, уже во всяком случае, не может стеснять свободу действий этих группировок. Идя далее по пути свободы действий своих соучастников, совещание не видит препятствий к тому, чтобы те или иные патриотически настроенные группировки возложили какие-либо поручения или предоставили полномочия отдельным лицам, входящим в состав совещания. При таких условиях было бы малопонятно, если бы патриотически настроенные группировки стеснили своих сочленов в новой возможности применения и распространения своих взглядов.

Председательствующий заявил, что, согласно высказанному большинством совещания, сообщения в печать, как то и делалось после первых заседаний, опять будут даваться в объективной, самой скромной форме. Затем он указал, что было бы крайне прискорбно, если бы со стороны каких-либо группировок опять был внесён раскол, уже раз имевший место и поведший к распаду монархического объединения; поэтому председательствующий просил лиц, оставшихся в меньшинстве, переговорить со своими организациями и затем продолжить совместную работу.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ
СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

14 апреля 1925 г.
Париж

Присутствовали: А.Ф. Трепов, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Крупенский, В.М. Андреевский, гр. М.Н. Граббе, гр. П.В. Гендриков, кн. М.К. Горчаков, А.А. Гулевич, Н.К. Кульман, Я.И. Савич, А.В. Карташёв, Н.Н. Григорьев

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 30–35об.

1. По прочтении **Н.Н. Григорьевым** протокола заседания 29 марта 1925 года таковой утверждён и подписан всеми присутствовавшими.

2. **Председательствующий** отметил, что русский народ постигла тяжёлая незаменимая утрата — смерть Святейшего Всероссийского Патриарха Тихона. Собрание почтило память Патриарха-мученика благоговейным вставанием.

Собрание признало соответственным всесторонне выяснить то политическое значение, которое кончина Патриарха может иметь и в настоящем, и в будущем в церковно-государственной жизни русского народа.

В этих видах был выслушан доклад прибывшего в заседание проф. А.В. Карташёва.

А.В. Карташёв заметил, что он всегда высказывался за то, что духу церкви, её кафолическим основам, противно отделение её от государства во имя интересов новейшего неверия. Церковь есть такое конкретное общество, которое стремится универсально заполнить и завладеть всею жизнью верующих. У нас, православных, церковь и государство сосуществуют в любовном тяготении друг к другу. В наших православных государствах по заветам Византии проводился опыт гармонии церкви и государства. Исторический ход событий потрясает эту систему. Мы живём в эпоху тяжёлых переломов культуры, когда всё разваливается. Устоит та нация, которая вернётся к своей вековой мудрости, хотя бы инстинктивно. Всякая государственная нация держится на религиозной своей душе. Мы, русские, держимся на православии. В эпоху государственных потрясений мы должны спасаться им и спасать его от расколов. В настоящее время в России произошёл раскол «вольнодумно-поповский», каким является движение живоцерковников и обновленцев.

Со смертью Патриарха Тихона положение Православной Церкви представляется ещё более драматическим. Теперь большевики постараются доломать во внешней организации церкви то, что ещё уцелело. Скорее всего, что они уберут в ссылку намеченных заместителей Патриарха. Мы в эмиграции в этом отношении ничего сделать не можем. Мы находимся в положении вынужденного созерцания трагедии. Но мы можем, и потому обязаны, соблюсти верность каноническому принципу законности иерархической власти Московского Патриарха, чтобы самим не впасть в раскол. При отсутствии у нас Патриарха испытание нас в православии и верности ему будет ещё более тяжёлым и для многих соблазнительным. Это нала-

гает на нас долг величайшего долготерпения, пассивной выдержки, отречения от необдуманных предприятий.

У эмиграции есть своя высокая миссия. Эмиграция творит в тех областях, которые в России разрушены. Созданы здесь, за рубежом, историко-филологический, юридический факультеты, которые там уничтожены. Открывается школа богословская. От России мы отделены небывалым кордоном террора. Между тем всё право каноническое построено на конкретном территориальном начале. Вся каноника местна, локальна. Власть духовная каждого епархиального епископа независима от других почти до абсолютности. Участвовать в выборе Патриарха Московского можно, только находясь в Москве, или мыслимо послать туда представителей или «повольную грамоту»*. Длительность нашего отсутствия из России создаёт всё большие моральные препятствия для вмешательства в распоряжение внутрироссийскими делами. Выбрать здесь Патриарха для России — это звучит абсурдом. Наша истинная услуга православию, томящемуся в плену Совдепии, будет состоять в непоколебимой верности нашей канонической связи с нашим законным главой — Московским Патриархом (независимо от возможности его личного замещения). В противном случае мы анархически впадём в раскол, равный если не самочинной грузинской автокефалии, то расколу русско-польской иерархии.

По окончании доклада А.В. Карташёва **председательствующий** благодарил А.В. за сделанное сообщение и отметил, что обмен мнений по этому, интересующему собрание, первостепенной важности вопросу придётся отложить до одного из следующих собраний, ввиду необходимости перейти к обсуждению текущих дел.

3. Было оглашено письмо Н.Н. Шебеко от 11 апреля сего года на имя А.Ф. Трепова следующего содержания:

«Многоуважаемый Александр Фёдорович. Как я и предвидел, Совет Союза Освобождения и Возрождения России признал неудобным давать полномочия своему президиуму представлять союз в организованном Вами совещании группы патриотов и тем ставит членов союза в исключительное положение в сравнении со всеми прочими членами совещания, принимающими в нём участие по персональному приглашению.

Вот текст принятой по сему поводу Советом союза резолюции:

"Принимая во внимание, что печатание отчётов о заседаниях у А.Ф. Трепова и ведение подробных протоколов прений, происходящих на этих заседаниях, придают этим собраниям видимость существования особой организации или нового союза, возглавляе-

---

* *Повольная грамота* — письменное согласие архиереев на постановление Собора.

мого А.Ф. Треповым — что, при существующем порядке комплектования этой новой группы, она не может признаваться представительством или совещанием представителей монархических организаций, а является собранием по составу более или менее случайным, что, таким образом, в монархических эмигрантских кругах и за их пределами неизбежно возникает ложное представление как о самой организации, так и о роли её в монархическом движении, — признать дальнейшее участие в заседаниях новой группы президиума Союза Освобождения и Воссоздания России, доколе организация группы не изменится, нежелательным, но предоставить отдельным членам союза, не входящим в состав президиума, право участвовать в означенном совещании лично, за собственною ответственность".

Ввиду всего вышеизложенного, П.М. Кауфман-Туркестанский, Н.В. Савич и я должны, к сожалению, отказаться от посещения заседаний совещания.

Не скрою от Вас, что на такое решение союза, независимо от соображений высказанных выше, повлиял инцидент с Вашим разговором с польским корреспондентом. Несмотря на Ваше опровержение корреспонденции, исказившей Ваши слова, то, что появилось в польской и немецкой печати, было злонамеренно использовано нашими врагами и недоброжелателями внутренними и внешними для того, чтобы возбудить общественное мнение русских национальных и некоторых иностранных кругов против русских монархистов. По получаемым нами сведениям, инцидент этот тяжело отразился на положении наших беженцев в Германии.

Хотя мы о Вашем разговоре узнали только из газет и совершенно не разделяем высказанных в нём взглядов, тем не менее, ввиду опубликования наших имён в числе членов совещания, взгляды эти приписываются и нам».

Приведённое письмо вызвало продолжительный обмен мнений, в результате которого было постановлено просить председательствующего послать Н.Н. Шебеко ответное письмо, в котором отметить, что совещание группы патриотических деятелей никогда не присваивало себе значения собрания монархических деятелей. При этом, выражая сожаление о выходе трёх лиц (Н.Н. Шебеко, П.М. Кауфмана-Туркестанского и Н.В. Савича) из своего состава, совещание полагало сообщить Н.Н. Шебеко, что оно будет радо, если существующее различие в понимании задач совещания устранится и тем воссоздастся возможность совместной работы.

Вместе с тем совещание полагало, что о выходе Н.Н. Шебеко, П.М. Кауфмана-Туркестанского и Н.В. Савича из его состава следовало бы сообщить в печать, как это делается о вступлении новых членов. Однако, ввиду личного значения этого вопроса, совещание считало необходимым спросить указанных лиц, желают ли они, чтобы о выходе их было опубликовано в газетах.

4. **Председательствующий** заявил, что из второй части письма получается впечатление, что он в качестве председателя представляет затруднение для успешного развития деятельности совещания и расширения его состава. Не устраняется сомнение также и в том, не явилось ли бы другое лицо более удобным для установления теснейшей связи с нашим Национальным Вождём. Ввиду этого А.Ф. Трепов полагает совершенно необходимым в следующем же собрании произвести выборы председателя, причём, по его мнению, было бы правильнее этим не ограничиться, а избрать несколько лиц, из коих составить президиум. При этом от собрания зависело бы либо выбрать председателя самому, либо уполномочить на это выбранный президиум.

Собрание с этим предложением согласилось.

5. **Гр. М.Н. Граббе** указал, что кругом творится нечто очень серьёзное. Есть много людей в русской эмиграции, которые не принадлежат ни к какому лагерю и хотят восстановления России на старых началах. Эмиграция должна совершить две работы: во-первых, длительную техническую работу и, во-вторых другую работу, которая должна удовлетворить широкую русскую общественность, которая требуется русской эмиграцией, рассеянной по всему миру.

Затем гр. Граббе огласил часть полученного им из Нью-Йорка письма, в котором указывается, что если русскую колонию в Нью-Йорке удастся сплотить, то посыпятся и денежные средства и будет создана большая моральная сила. Большая часть письма сводится к жалобам на отсутствие информации. Вследствие этого гр. Граббе считает, что настоящее совещание могло бы сыграть большую роль, если бы его посещал ген. Кутепов и сообщал необходимые сведения и таким образом из совещания шла бы в эмигрантскую массу живая мысль.

Председательствующий отметил, что он приветствует по существу высказанную мысль, но в отношении ген. Кутепова, как постоянного участника настоящего совещания, она невыполнима, но надо надеяться, что периодически ген. Кутепов не откажется посещать наши собрания и давать нужные разъяснения по отдельным вопросам.

6. Закрытой баллотировкой избран по предложению кн. М.К. Горчакова в число членов совещания горн. инж. П.В. Семичев.

7. Совещание поручило Н.К. Кульману и Я.И. Савичу переговорить с С.Г. Лианозовым, не пожелает ли он принять участие в трудах совещания.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ПРОТОКОЛ
СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

2 мая 1925 г.
Париж

Присутствовали: А.Ф. Трепов, И.П. Алексинский, Н.К. Кульман, Н.Н. Баратов, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Крупенский, гр. П.В. Гендриков, кн. М.К. Горчаков, Я.И. Савич, П.П. Орлов, П.В. Семичев, С.Л. Демешко и Н.Н. Григорьев

1. По прочтении **Н.Н. Григорьевым** протокола заседания 14 апреля 1925 года таковой утверждён и подписан всеми присутствовавшими.

2. Совещанием заслушана и принята к сведению доложенная председательствующим почтотелеграмма Великого князя Николая Николаевича, полученная в ответ на принесённые Его Высочеству поздравления по случаю праздников Св. Пасхи от группы патриотических деятелей.

3. Заслушано и принято к сведению изложение некоторых руководящих положений, одобренных Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем, препровождённых при письме кн. Оболенского от 25 марта сего года.

Совещание приняло во внимание, что таковые получены не для печати и потому оглашению не подлежат. Однако при внутренних своих суждениях совещание, принимая имеющиеся в них определения к неуклонному руководству, вместе с тем отметило, что, по его пониманию, находящиеся за границей русские военные силы нельзя считать только за остатки армии ген. Врангеля, обратившиеся в ра-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 34, л. 40–43об.

бочие команды. Совещание высоко ценит сохранившиеся кадры Русской армии, которые должны явиться началом той могучей силы, которая будет возрастать и спасёт русский народ и возродит Россию.

По поводу возникших сомнений о редакции п. VI положений, где говорится о возможности решения вопроса в порядке иностранного вмешательства, **И.П. Алексинским** было отмечено, что Его Высочество признаёт, что такое вмешательство было бы нежелательным, но допускает, что оно может случиться. Формы его могли бы быть различны, и, разумеется, самой печальной формой была бы оккупация. Со своей стороны, совещание полагает, что если признать иностранное вмешательство не соответствующим интересам России, то, тем не менее, иностранная поддержка русским начинаниям не только может быть очень ценна, но и совершенно необходима. Нынешнее политическое положение в Европе выявило для каждого разумного человека общность интересов цивилизованных народов в вопросе о свержении большевиков. Поэтому вопрос о соотношениях с иностранцами является вопросом огромной важности, за ним надо пристально следить, и совещанию придётся неоднократно к нему вернуться.

4. **Председательствующий** напомнил о состоявшемся в одном из прежних собраний постановлении сообщить в американскую прессу записку, отражающую взгляды русских государственных и общественных деятелей, входящих в состав группы патриотических деятелей, на различные стороны русского вопроса. Из прежних докладов известно, что задержка в осуществлении этого произошла по не зависящим от председателя и совещания обстоятельствам.

Совещание подтвердило прежнее постановление, находя особенно своевременным осуществление его в настоящий момент, когда государства Западной Европы начинают думать о способах борьбы с большевиками, высказало пожелание о том, чтобы сущность его была передана также и в английскую прессу, и просило А.Н. Крупенского взять на себя переговоры с представителями американской и английской прессы и прочие хлопоты по напечатанию составленной записки на страницах газет указанной прессы.

5. Принято к сведению сообщение **Я.И. Савича** о том, что из переговоров с С.Г. Лианозовым выяснилось, что он согласен принять участие в работах настоящего совещания.

6. Заслушано письмо **Н.Н. Шебеко** от 20 апреля сего года, в котором он сообщает, что вопрос об оглашении в печати факта выхода из состава совещания его, П.М. Кауфмана-Туркестанского и Н.В. Савича обсуждался в Совете Союза Восстановления Родины

и решён в отрицательном смысле, дабы не возбуждать за пределами монархического лагеря толков о розни в его среде.

Совещание приняло доложенное письмо к сведению, но отметило, что совещание не является исключительно «монархическим лагерем», а объединением патриотических сил в широкой постановке, о чём неоднократно уже отмечалось.

7. Ставя на обсуждение вопрос о выборе председателя и президиума совещания, **А.Ф. Трепов** предложил обсудить с полной откровенностью и без всяких стеснений, насколько он сам является полезным председателем. Общеизвестно, что некоторые лица придают ему чрезмерно крайнюю политическую окраску, что может быть использовано во вред делу, ограничивая круг привлекаемых в состав совещания участников. С другой стороны, это обстоятельство может создать некоторые препятствия в смысле установления более близких отношений между совещанием и признанным нами Верховным Вождём. Поэтому, ставя себя в полное распоряжение совещания и подчиняясь его решению, А.Ф. Трепов предложил вдумчиво и с полной свободой отнестись к вопросу о председателе.

При происшедшем обмене мнений **И.П. Алексинский** указал, что в настоящее время все мы, русские люди, независимо от принадлежности к той или иной политической группировке, можем говорить только об одной работе — о свержении большевиков. Мы являемся группой «патриотических деятелей», а патриотом может быть всякий, каковы бы ни были его настроения. Исходя из реальных соображений, признавая современное состояние России, для которой единственным возможным строем является строй монархический, можно даже оставаться в душе республиканцем, но говорить за монархию. Поэтому не может иметь значения, к какой партии будет принадлежать председатель. Поэтому он полагает, что надо считаться с пользою дела и с возможностью его развития, и не может, по этим основаниям, разделить сомнений, высказанных А.Ф. Треповым.

А.Н. Крупенский указал, что те группы, которые могли бы быть отпугнуты, если бы А.Ф. Трепов оказался выбранным председателем, численно и по значению своему совершенно ничтожны.

Затем закрытой баллотировкой были произведены выборы председателя группы и четырёх членов президиума. Председателем единогласно избран А.Ф. Трепов, а членами президиума — проф. И.П. Алексинский, А.Н. Крупенский, С.Г. Лианозов и Я.И. Савич.

А.Ф. Трепов, поблагодарив собрание за оказываемое доверие, напомнил о деятельности группы со времени её возникновения.

За весь этот период группа не отступала от начал, положенных в основание её образования. Такими началами являются: стремление всеми доступными средствами к освобождению русского народа от накинутого на него врагами России ярма советской власти и к восстановлению затем России на исконных началах её государственного бытия. Группа признаёт, что полное и скорое освобождение русского народа может произойти единственно под твёрдым и мудрым водительством Национального Вождя — Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича. Несомненно, все русские военные силы, находящиеся за границей, независимо от того, к каким бы белым армиям они ни принадлежали, сольются в будущем с русским народом для составления единой «русской армии». Группа объединяет исповедующих эти общие начала различных русских государственных, общественных, финансовых, промышленных и учёных деятелей, без различия принадлежности их к той или другой политической группировке. Таким образом, группа, объединённая духовно, единством своего мышления, не имеет партийного характера, и делавшиеся со стороны некоторых лиц попытки придать ей таковой характер являлись совершенно необоснованными и даже противоречащими действительному положению вещей, — самый состав группы является красноречивым тому доказательством. И впредь и в дальнейшем своём развитии и в предстоящей деятельности группа не отступит от принятых ею начал, памятуя на первом месте пользы исстрадавшегося русского народа и благо Родины. Этими стремлениями будет определяться вся будущая работа группы и способы достижения поставленных ею целей. До сих пор группа, придавая исключительное значение прямой своей связи с русской общественностью, стояла на точке зрения самой широкой гласности своей работы. Это же будет проводиться и далее. В мере имеющейся возможности группа стремилась освещать различные стороны государственной жизни России путём привлечения к её работе специалистов различных областей знания и людей практики. С этого пути группа не сойдёт.

Собрание, со своей стороны, одобрило высказанные председателем положения.

Принимая во внимание заявление **А.А. Ширинского-Шихматова,** сделанное им при избрании состава президиума, о том, что он в настоящее время перегружен работой и принять участие в работе президиума не может, собрание предоставило президиуму кооптировать в свой состав кн. А.А. Ширинского-Шихматов, когда это окажется возможным. Равным образом совещание предоставило прези-

диуму кооптировать в свой состав и других лиц, когда то окажется необходимым.

Список выбранных лиц собрание постановило послать всем отсутствующим членам группы, прося их, в случае если у них имеются какие-либо соображения, касающиеся этого вопроса, сообщить таковые для доклада следующему собранию.

8. Затем произошёл обмен мнений по поводу заслушанного в предыдущем собрании доклада проф. А.В. Карташёва о последствиях, вытекающих для Русской Православной Церкви из кончины Святейшего Патриарха Тихона. После продолжительных прений по этому вопросу совещание, ввиду исключительной важности вопроса и необходимости соблюдения в нём особой осторожности, к окончательным решениям пока прийти не может. Было высказано лишь общее мнение, что, пока большевики будут в России, состав Церковного Собора, который может быть там созван, будет канонически неправильный, так как в него войдут и женатые епископы, да и, несомненно, будут допущены другие неправильности. Совещание полагало, что, по-видимому, Святейший Архиерейский Собор явится временно высшей инстанцией для Русской Православной Церкви, находящейся в изгнании.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ЖУРНАЛ
СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

29 мая 1925 г.
Париж

Присутствовали:
председатель — А.Ф. Трепов
члены: Его Светлость Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Крупенский, Я.И. Савич, П.В. Семичев, гр. М.Н. Граббе, гр. П.В. Гендриков, Н.Н. Баратов, А.А. Гулевич и Н.Н. Григорьев

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 35, л. 10–17об.

Открыв заседание, **председатель** отметил, что в настоящее время все государственно мыслящие группы русских людей озабочивает вопрос о том, как помочь русскому делу. Ввиду той инициативы, которая появилась на юге Франции, стремящейся к объединению русских монархических масс, президиум группы патриотических деятелей постановил просить Его Светлость Герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского, одного из лиц, кому принадлежит указанная выше инициатива, принять участие в работах настоящей группы и посещать собрания группы, когда таковые происходят во время пребывания Его Светлости в Париже. (От лица участников группы председатель приветствовал пожаловавшего в заседание Герцога.) Далее, напомнив, что возникшая на юге Франции инициатива ставит одною из целей созыв съезда, председатель указал, что вообще вопрос о созыве съезда имеет первостепенное значение, ибо такой съезд должен закрепить те начала, которые следует считать незыблемыми и на которых надо строить возрождение России. Как известно, инициатив по созыву съезда представителей русской эмиграции было несколько: такая инициатива возникла еще в Константинополе, сначала двигалась быстро, докатилась до Парижа, но затем дело остановилось. Было два значительных монархических съезда — один в Рейхенгалле и другой в Париже*, давший директивы на один год. Это дело находится в руках Высшего Монархического Совета. Ныне третья попытка возникает на юге Франции, в среде лиц, горящих патриотическим огнём. Инициаторы предполагают сначала создать большое объединение, а затем подойти и к съезду. Думает также о съезде и наша группа. В этом вопросе следовало бы объединиться, чтобы создать могучую силу, так как известно, что врагу легче бить по частям.

Герцог Г.Н. Лейхтенбергский, ознакомив собрание с текстом составленного обращения организационного комитета Союза Объединённых Монархистов, пояснил, что съезд, о котором упоминается в обращении, должен организовать самый съезд, так как предполагается, что, когда на обращение отзовётся 1000 человек, они изберут по одному представителю на каждые 10 лиц и будет созван (малый) учре-

---

* Имеется в виду *Второй монархический съезд*, проходивший в Париже 16 — 23 ноября 1922 г., председателем был избран Марков 2-й, почётным председателем — митрополит Антоний. В основной своей работе съезд был закрытым, центром его внимания стали Великий князь Кирилл Владимирович и его манифест о блюстительстве. По окончании работы съезд принял резолюцию, признающую «блюстительство престола» прерогативой всей царской семьи, а не отдельных её членов, указывалось также, что вопрос о престолонаследии следует решать по возвращении в Россию, «непререкаемым высшим моральным авторитетом» признавалась Императрица Мария Фёдоровна, а возглавителем движения, направленного к восстановлению России, — Великий князь Николай Николаевич. Против резолюции воздержались только малочисленные сторонники Великого князя Кирилла Владимировича.

дительный съезд, который произведёт выборы должностных лиц съезда и пр. Когда же сорганизуется съезд, будут собраны достаточные денежные средства, тогда лишь можно будет думать о большом съезде.

А.Н. Крупенский отметил, что он принимал участие в четырёх заседаниях упомянутой инициативной группы. На этих собраниях, в которых принимало участие 9—10 лиц, он встретил полное внимание, и все высказанные им замечания нашли своё отражение в прочитанном обращении. Но по существу он со многим не согласен. Инициаторы хотят набрать 1000 человек и затем собрать съезд, не считаясь с другими существующими организациями. Между тем новая организация может рассчитывать или на тех лиц, кои не находятся ещё ни в какой организации, или на тех, которые если и состоят в организациях, но являются элементом самым слабым. Обращение инициативной группы говорит о союзе монархистов, но из текста этого обращения совершенно определённо явствует, что ни о каком «союзе» речи быть не может, так как всякий союз предполагает объединение каких-либо уже существующих единиц или организаций; в данном же случае организаторы стремятся образовать какую-то новую партию, или сверхпартию, что несёт в себе новые элементы раскола, явно противоположные идее союза. При этих условиях самая многочисленная и дисциплинированная организация, коей он является председателем, должна будет отнестись отрицательно ко всем шагам новой инициативной группы и предложить всем зависящим от неё отделам воздержаться от участия в осуществлении идеи, могущей быть, по его мнению, весьма опасной для общемонархического дела. Поэтому было бы правильнее идти иным путем — согласительным с существующими уже организациями. Конечно, этот путь более трудный. Что же касается вопроса о съезде, то, казалось бы, правильнее созвать съезд «общепатриотический», который по своему подавляющему большинству не может быть иным, как монархическим.

Герцог Г.Н. Лейхтенбергский пояснил, что в обращении говорится о том, что надо обратиться к существующим организациям. Что же касается того, что будет создано объединение лиц, не принадлежащих ни к каким организациям, то от этого может быть только польза, а не вред. Если новой организации не удастся собрать 1000 человек, это будет значить, что попытка не удалась; если же наберётся 1000 лиц и более — значит, мы идём по правильному пути.

Председатель пояснил, что то, что предполагается создать, явится новой монархической группировкой, а не союзом существу-

ющих монархических организаций. В такой постановке этой попытке можно сочувствовать, так как она стремится создать лишний монархический орган из лиц, ныне в монархических организациях не участвующих и потому находящихся в небытии. Но самое название не соответствует такой постановке, вследствие чего существующие группы должны будут, при том характере, который придаёт делу это название, по меньшей мере принять какое-то защитное положение. Нам же в настоящее время следует думать о создании одного общего органа всей патриотически мыслящей русской эмиграции. Эти две инициативы не противоречат одна другой, а, напротив, одна другую восполняют. Надо и новую организацию просить принять участие в общем патриотическом съезде. Предварительно надо будет собрать сведения о существующих в различных странах союзах, профессиональных организациях и пр., так как надо соединить все силы, чтобы созвать патриотически мыслящих русских людей. Затем при участии монархических организаций, Высшего Монархического Совета, союзов офицерских, учёных, инвалидных, промышленных, торговых, технических и др. созвать патриотический съезд. Съезд, созванный в Рейхенгалле, назывался Съездом хозяйственного возрождения России, и лишь на самом съезде было объявлено, что такое возрождение возможно лишь при монархическом строе. Ныне время рамки значительно расширило. Из 2 000 000 русской эмиграции, наверное, 1 900 000 являются монархистами. Надо, чтобы к нам примкнули и другие силы для осуществления единого съезда на широкой платформе. Конечно, для организации съезда нужны денежные средства. Из предварительных переговоров с несколькими лицами (И.П. Алексинский и др.) выяснилось, что некоторые средства могут быть изысканы и в нашей среде. Если такие средства мы будем иметь, затем можно будет обратиться и к другим организациям. По соображениям тактическим сначала надо собрать средства самим. Поэтому членам нашей группы надо думать, где такие средства найти. Средства для съезда потребуются не столь большие. Когда мы объявим, что съезд состоится тогда-то, многие организации на местах пожелают прислать своих представителей и на поездку их в тех случаях, когда это потребуется, изыщут средства из местных источников. Нам же средства будут нужны для производства организационной работы, для приёма делегатов, для оказания, в отдельных случаях, разного рода помощи в оплате квартиры, проезда и пр., для оплаты помещения, в котором будет происходить съезд, и т.д. Съезду могло бы быть присвоено

наименование «Всероссийского патриотического съезда», так как в нём могли бы принять участие все, за исключением тех элементов, которые не мыслят государственно. Такой широкопатриотический съезд, несомненно, привёл бы к выявлению, что патриотическая Россия мыслится не иначе, как монархическою. Съезд подтвердит, что Верховным Водителем может быть только Великий князь Николай Николаевич. Что же касается вопроса о престолонаследии, то таковой не может обсуждаться на чужой земле.

Нам надо напрячь все силы, чтобы созвать такой патриотический съезд, так как положение русского дела ужасающее. Причиной этого является, с одной стороны, та работа, которая кругом нас ведётся и которая направлена к тому, чтобы натравить всех друг на друга.

С другой стороны, может быть, ещё большим злом является то равнодушие и безнадёжность, которые объяли значительные круги русской эмиграции, изверившейся в возможности действительной работы. Только широко поставленный съезд может влить в русских людей новую веру и подвинуть их на единение в работе как единственный залог успеха.

Собрание отнеслось с полным сочувствием к доложенной идее о создании патриотического съезда, сознавая всю трудность осуществления этой задачи и признавая, что это является единственным путём, который может вывести нас из тупика. По предложению **Я.И. Савича** собрание приняло постановление: просить председателя, при участии Его Светлости Герцога Г.Н. Лейхтенбергского, А.Н. Крупенского, С.Г. Лианозова и И.П. Алексинского, разработать главные основания проектируемого съезда и затем, при участии президиумов других сочувствующих организаций, обсудить вопрос о созыве съезда.

Затем собрание продолжило обсуждение вопроса о возникшей на юге Франции инициативе.

Я.И. Савичем было указано, что если результатом появления новой организации будет борьба с Высшим Монархическим Советом, тогда образование этой организации будет вредно; если же она будет содействовать Высшему Монархическому Совету в осуществлении лежащих на нём задач, то тогда, прежде всего, будет ей благодарен сам Высший Монархический Совет.

Герцог Г.Н. Лейхтенбергский отметил, что хотя значение Высшего Монархического Совета, по-видимому, уменьшилось, но совершенно неправильно облекают новую попытку в форму неблагожелательного отношения к Высшему Монархическому Совету.

Кн. А.А. Ширинский-Шихматов заявил, что, будучи действенным членом Высшего Монархического Совета, он должен был оправдываться в тех утверждениях со стороны некоторых ранее говоривших, что Высший Монархический Совет не использовал всех возможностей и привёл монархическое дело к бездейственному состоянию. Не видя надобности, в условиях данного времени, в таком оправдании, которое, в своё время и в соответственном месте, конечно, будет авторитетно выяснено Высшим Монархическим Советом, кн. А.А. Ширинский-Шихматов считает надобным оттенить некоторые лишь из современных условий, под влиянием которых слагается монархическая работа. Прежде всего следует остановиться на психологии русского беженства в 1925 году. Люди изверились в возможности борьбы с большевизмом; напряжённая работа ради насущного куска подавляет силы и энергию; в явлениях современной жизни не усматривается ничего бодрящего. При таких условиях, а также имея в виду наличность среди беженства значительных элементов недовольства, личных обид, завистливых вожделений и неразбирающихся нравственных качеств тех или иных приёмов борьбы — люди с таким складом являют собою богатый запас лиц, склонных становиться в ряды всякого нового политического начинания. Мы уже слышали, что основой будущей организации избирается опрос одного от десяти из той тысячи записавшихся, которые должны составить собою кадр союза и вершителей его работы и направления его деятельности. Со своей стороны кн. А.А. Ширинский-Шихматов находит, что одной тысячью расчёты ограничивать не следует, но от такого численного «успеха» кн. А.А. Ширинский-Шихматов считает своим долгом решительно предостеречь, ибо новая монархическая затея в конечном виде окажется лишь неудачной и подаст новый и обоснованный повод всем врагам монархистов торжествовать по этому случаю. По этим соображениям и целому ряду других, перечисление коих по времени являлось невозможным, кн. А.А. Ширинский-Шихматов приходит к заключению, что предположенный «союз монархистов» следует признать вредным для монархического дела.

П.В. Семичев отметил, что он был на нескольких собраниях инициаторов и у него не осталось впечатления, что это создаётся для борьбы с Высшим Монархическим Советом. Наоборот, он считает, что организация задумана в целях достижения соглашения.

Резюмируя прения, **председатель** отметил, что настоящая группа ни в каком смысле здесь не призвана судить о действиях Высшего Монархического Совета. Он считает долгом, однако, самым решительным образом отметить, что Высший Монархический Совет

нёс и охранял знамя монархизма, вручённое ему двумя съездами. По условиям данного времени никакое другое учреждение не могло бы сделать большего, чем сделал Монархический совет. Вопрос этот может обсуждаться только на будущем съезде. Из бывших суждений явствует, что мы можем отнестись благожелательно к новой группировке монархических сил при условии отсутствия соревнования этой организации с существующими, и тогда она вместе с другими войдёт в то объединение общих патриотических сил, создать которое мы будем стремиться.

По поводу частного заявления, сделанного **гр. М.Н. Граббе,** что у него создаётся расплывчатое впечатление о наших заседаниях, между тем как он относится чрезвычайно серьёзно к настоящей группировке, ввиду собранных в ней самодовлеющих для принятия всяких решений сил, и потому он обращается с требованием приходить к самым серьёзным государственным выводам, — **председателем** было разъяснено, что совещание таковые мнения свои и выносит по всем обсуждаемым вопросам; если же не производится голосования по каждому отдельному вопросу, то потому, что происходящие прения с полной определительностью показывают отношение к ним большинства совещания.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

БУДУЩЕЕ РОССИИ, КАК ЕГО ВИДИТ НИКОЛАЙ*
(Взгляды маститого Великого князя и вождя монархистов, здесь изложенные его посланцем)

ПОЧЕМУ ОН ГОТОВ ВЫСТУПИТЬ? И КОГДА? ОШИБКА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КИРИЛЛА. АВТОРИТЕТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕН. ЛУКОМСКОГО

«В настоящее время Россия является корнем всемирного зла, и оттуда яд распространяется по всему свету. В.кн. Николай готов стать во главе русского народа, чтобы сбросить иго Советского правительства и его руководителя в лице Коммунистического Интернацио-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 7, л. 1–6. Перевод статьи из газеты «Нью-Йорк таймс», 31 мая 1925 г.

нала. Ему хорошо известно положение России, где быстро приближается перелом. Не существует никакой ссоры между Великими князьями Николаем и Кириллом, имеется лишь различие во взглядах. Это различие фундаментальное: Великий князь Кирилл считает возможным восстановить порядок извне, без помощи русского народа. Великий князь Николай другого мнения и к тому же полагает, что Великий князь Кирилл, заставив своих немногочисленных приверженцев объявить его Императором, учредив вокруг себя миниатюрный двор, тем самым нанёс сильный ущерб русскому делу, которое состоит лишь в том, чтобы освободить большинство народа от ига меньшинства».

Таковы положения, которые были высказаны репортёру «Нью-Йорк таймс» ген. Александром Лукомским, стоявшим во главе мобилизационного отдела во время Мировой войны, затем бывшим адъютантом Великого князя Николая, когда он был Верховным Главнокомандующим, и, наконец, начальником штаба ген. Брусилова во время его знаменитого наступления на Австрийском фронте в 1916 году.

Ныне, в то время как каждый из членов его семейства зарабатывает здесь свою жизнь, сам генерал находится в Нью-Йорке по частным делам Великого князя Николая.

(Далее в статье даются сведения о семье ген. Лукомского, причём приводится мнение генерала о её положении, мнение, совпадающее с его взглядом на положение России: «Сейчас плохо. Могло бы быть хуже. Скоро будет лучше».)

Ген. Лукомскому 57 лет, его здоровье, по-видимому, великолепно. Он улыбается, как человек, сумевший превзойти несчастия и верящий, что он и впредь сумеет их превзойти.

Он был спрошен, почему он берёт на себя высказывать взгляды В.кн. Николая:

— *Будете ли вы тем, что принято называть агентом Великого князя Николая Николаевича, или, как его принято здесь называть, Grand Duke Nicholas? Имеет ли ваш приезд в Америку какую-либо политическую цель?*

Генерал улыбнулся:

— Если бы вы могли только видеть, как скромно Его Императорское Высочество живёт в окрестностях Парижа, вы бы убедились, что он не может иметь ни адъютанта, ни политического агента. Я здесь проживаю в качестве приближённого к нему лица (friend) исключительно по его частным делам. Ввиду того что здесь было печатаемо столько неверного о положении в России, об Его Императорском Высочестве и стремлениях Великого князя Кирилла Владимировича,

я счёл полезным воспользоваться случаем, чтобы внести некоторые поправки.

— *Но то, что вы заявляете, есть ли только ваше личное мнение или же за вами стоит авторитетное Лицо?*

Генерал снова улыбнулся и сказал:

— Я буду достаточно осторожным, чтобы высказывать, как по части фактов, так и по части взглядов, только то, что высказал бы Его Императорское Высочество, если вы бы беседовали с ним.

— *В таком случае каково мнение Великого князя Николая Николаевича о теперешнем положении в России? Скоро ли можно ожидать перемены?*

— В настоящее время Россия является корнем всеобщего зла. Из неё яд распространяется на весь мир. Вы можете наблюдать работу этого яда в тех государствах, которые признали Советское правительство. Казалось бы, что это должно было бы открыть глаза народов на характер власти, с которой они завязали сношения, но, по-видимому, это открыло глаза далеко не всем. Совет, за спиной которого стоит Коминтерн, вреден и России, и всему миру. Мир так же нуждается в России, как и Россия в нём нуждается, но при нынешнем положении никаких выгодных соглашений быть не может. Это я слышал повсюду — от Японии до Германии.

Вначале русский народ верил большевикам. Ныне он всякую такую веру потерял. Он видит в них бандитов, губящих его Родину, но он не знает, как от них избавиться, главным образом потому, что у него нет орудия для воздействия.

Нелепо было бы предполагать, что люди, стоящие у власти в Москве, — люди со смыслом и лишь только ошибающиеся. Они не более как самомнительные невежды. Они невежды, потому что всё уничтожают. Они самомнительны, потому что считают возможным создать новое государство из ничего. Что же касается до прочего мира, то он совершенно вне поля их зрения и интересует их лишь постольку, поскольку он может служить им как арена для пропаганды.

— *Тогда чем вы объясняете то, что оставшиеся в живых представители интеллигенции, как, например, ваш прежний начальник ген. Брусилов, идут вместе с ними?*

— Это исключительно вопрос самосохранения, первейший закон природы. Они живо от них отвернутся, когда придёт к тому время. Россия напоминает собой крупный распланированный завод с заготовленным сырым материалом; дайте ему толковое управление,

и он возобновит свое оборудование и будет готов к действию. Большевики у власти почти восемь лет. Что они сделали? Уничтожение оборудования у них продолжается, и они ищут заграничного золота, чтобы продолжать работу разорения. Будь они действительно умны, года или два было бы достаточно, чтобы поставить Россию на ноги и исправить ущерб, нанесённый войной.

НЕОБХОДИМ УДАР ПО МОСКВЕ

— Что необходимо — это решительный удар по московскому правительству, этому центру мирового коммунизма. Москва — это то, что для тела голова. Отсеките голову — и тело умрёт.

Его Императорское Высочество находится в положении, позволяющем ему знать многое. Ему, между прочим, известно, что в то время, как Коминтерн работает на то, чтобы за границей возбуждать классовую ненависть, Советское правительство старается возбуждать народы против народов. Ему также известно, что все меры, которые Советское правительство принимает, чтобы создать иллюзию реформ, стремясь вызвать доверие дома и завести сношения с заграницей, не уменьшают роста движения, имеющего целью их свержение, движения, особенно сильного среди деревенского населения России.

Его Императорское Высочество не имел намерения что-либо предпринимать после своего отъезда из России, но с 1923 года его убедили русские люди, как те, что остались в России, так и те тысячи, которые, как и он, живут в изгнании, что русские дела пошли бы гораздо успешнее, если бы у русских появилось сознание, что у них есть вождь. Великий князь убеждён, что долг всякого русского, кем бы он ни был и чем бы он ни занимался, состоит в том, чтобы сделать всё возможное для освобождения страны. По этой причине, хотя ему уже под 70 лет (впрочем, он выглядит много моложе меня), он готов стать во главе движения, а затем, когда народ решит, что ему надо, то подчинится этому решению.

Прежде всего России нужен мир. Для сего необходимо пройти через две ступени: свержение московского правительства и учреждение такого аппарата, посредством которого русский народ мог бы выразить свою волю и который гарантировал бы ему приведение этой воли в исполнение. Первое потребовало бы некоторого кровопролития, хотя и в меньшей мере, чем это обыкновенно думают. Вам известна

притча о цепи и её слабейшем звене. Дело в том, что большевистская цепь имеет много слабых звеньев, и при разрыве одного из них всё дело сойдёт на нет. Естественно, будет ждать мщения, и мщения ужасного. Но история выяснит тот поразительный факт, что имеется так мало коренных русских среди завзятых большевиков.

— А что вы скажете относительно Великого князя Кирилла Владимировича?

— Нет никакой ссоры между ним и остальными Романовыми, но есть коренное различие взглядов. Оно состоит в следующем: Великий князь Кирилл Владимирович решил вопрос, как свергнуть большевиков и кем их заменить, не спрашивая об этом русского народа. Вследствие этого он дал себя объявить своими приверженцами чем-то вроде Императора в изгнании — несколько месяцев тому назад. После этого он рассылал посланцев и издавал манифесты, чтобы об этом объявить. Возможно, что он и его приверженцы искали для сего материальной поддержки.

Каков же был результат? В России это нанесло значительный ущерб делу освобождения, во имя которого работает Великий князь Николай Николаевич, и только усилило положение большевиков. Это убедило многих, желавших последним нанести удар, что лучше, пожалуй, подождать. Дело в том, что Великий князь Кирилл Владимирович совсем неизвестен в России, и большевики его использовали как символ всего, что было плохого в царском режиме. За границей выступление его подверглось лишь осмеянию. Одним словом, произошёл значительный сдвиг среди всех, поставивших себе целью свергнуть большевиков и дать народу возможность высказать свою волю.

Что касается до Великого князя Николая Николаевича, то он неоднократно заявлял, что всё, относящееся до будущего устройства России, возможно будет решить только на Русской земле и что всё за русский народ предрешённое не может быть долговечно. Единственно, чем могут помочь иностранцы (а ведь и те, что признали Советское правительство, убеждаются, что они ничего от этого не выиграли, и жаждут честного и устойчивого правительства), — это то, чтобы отказаться от сношений с Москвой. В этом отношении твёрдая позиция вашингтонского правительства выше всякой похвалы. Вернувшись через несколько дней в Париж, я буду в состоянии успокоить Великого князя Николая насчёт того, что, несмотря на все противоположные слухи, status quo не изменится, пока большевики у власти в Москве.

У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА В ШУАНЬИ[1]*

Маленькая, захолустная станция. Не видно мелькающих мимо в грохоте и треске экспрессов. Два-три поезда в день. Из вагонов выходят несколько пассажиров. Нет ни давки, ни суеты больших вокзалов. Станционная зала пуста. Проходит сторож, как бы нехотя, с фонарём в руке. Точно где-нибудь у нас на Сызрано-Вяземской железной дороге.

Вы едете по дороге, обсаженной деревьями, сворачиваете, проезжаете мимо посёлка и далее, по аллее пирамидальных тополей, к воротам усадьбы. В глубине двора стоит большой дом с каменным подъездом, окружённый старыми деревьями сада. Это не дворец, а господский дом нашей помещичьей усадьбы. Кругом деревенская тишина.

Вы в замке Choigny, где живёт Великий князь Николай Николаевич. Небольшая прихожая. Налево — тёмная деревянная лестница с широкими ступенями. Направо — проход в гостиную. Комната убрана просто. На мебели потёртая обивка. Из большого окна виден сад. На лужайке — одинокая берёза, покрытая инеем.

Вас представляют Великой княгине, и сразу — в простоте обращения, в том русском радушии, от которого мы так отвыкли среди огрубелости беженской жизни, — вы чувствуете себя как бы дома.

Вам показывают домовую церковь, устроенную в нижнем этаже здания, — один из тех беженских храмов, в которые вложено столько нашего горя, где каждая икона, написанная беженской рукой, каждая лампада, каждое из жести сооружённое паникадило — всё для нас дорого, как своё, родное.

И в этом тёмном храме вы вновь чувствуете близость с теми, кто молится здесь в той же русской скорби, как и в глухом захолустье Сербии, куда закинула судьба русских.

Беженский храм — это неугасимая лампада русского духа среди тьмы, окутавшей нас.

---

[1] Редакция обращает внимание читателей на личность автора настоящей статьи.

Николай Николаевич Львов, депутат-прогрессист Государственной Думы и участник конституционных земских съездов 1904–1905 гг., с самого начала Корниловского движения связал свою судьбу с делом национальной России. Это он, никогда не бывший до того в строю, активно участвовал в Ледяном походе и награждён Корниловским значком. Это он затем работал у ген. Деникина и Врангеля и очень много сделал для сохранения живой силы и духа Русской армии в Галлиполи. Н.Н. Львов — одна из наиболее светлых и кристально чистых фигур русской общественности.

* «Ревельское время», 8 июня 1925 г.

Великий князь принимает наверху в своём кабинете.

С именем Великого князя связано столько наших надежд, что естественно желание каждого узнать, какое впечатление производит он при личном свидании.

Первое, что у вас спрашивают, как выглядит Великий князь, и вы чувствуете в этом вопросе тревогу.

Вы видите перед собою человека, одетого в штатское платье, но с тою выправкой, которая сразу обнаруживает в нём военного. Прямая осанка, крупный рост, такой, что даже людям выше среднего роста нужно смотреть на него снизу вверх. Когда твёрдым и решительным шагом он ходит по комнате, комната кажется такой маленькой и тесной для него.

Его голос звучит по временам властно и повелительно. Во всём его облике, в его голосе, в его обращении есть что-то царственное. И в этой скромной обстановке — в небольшой комнате с потёртою мебелью — Великий князь, одетый в штатское платье, с его величественным видом производит внушительное впечатление.

И как гнусны и вместе с тем смешны кажутся эти сплетни о старческой дряхлости.

Я приведу вам свидетельства других людей, чтобы то, что я говорю, не показалось вам моим личным, субъективным впечатлением.

Иностранный журналист, профессор Эдинбургского университета Саролеа, принятый Великим князем, говорит, что он думал встретить человека преклонных лет, надломленного пережитыми несчастьями, а увидел в Великом князе столько душевной и физической бодрости, что он был поражён, как могли сохраниться такие силы после таких ужасных потрясений.

«Я думал, — продолжал он, — встретить сурового воина, вроде лорда Китченера, замкнутого в своей области военного дела, а нашёл радушного хозяина, человека с широким кругозором, внимательного к чужим мнениям».

Мне приходилось слышать доклады людей, посетивших Великого князя и вынесших то же самое благоприятное впечатление, как и я.

Когда представители Национального съезда выразили благодарность Великому князю за его готовность на самопожертвование, «ни о каком самопожертвовании и речи быть не может, — ответил Великий князь. — Поверьте, что нет большего счастья, как служить России».

И эти искренние слова сразу привлекли к нему людей предубеждённых и недоверчивых.

Постараюсь как можно правдивее передать то, что я видел.

Прежде всего, Великий князь чрезвычайно прост; вы не чувствуете в его присутствии никакой неловкости и стеснения, разговор сразу принимает естественный и задушевный характер, точно вы сто лет знакомы. Всё то, что для вас близко и дорого, также близко и дорого ему.

Но при всей простоте обращения он внушает к себе такое чувство почитания, какого я никогда не испытывал во дворце, в роскоши и пышности дворцовых приёмов. Перед вами человек, до глубины души русский, перестрадавший много и много передумавший за эти годы.

Он вдумчиво выслушивает вас, вникает в ваши мысли, и каждое слово, которое он говорит, значительно и продуманно. Видно, что не раз он задумывался над тем же вопросом: что нужно сделать для нашей Родины?

Умудрённость сказывается во всём, что он говорит. Как часто приходилось мне чувствовать себя в Париже, да и не только в Париже, как бы лишним, никому не нужным, вроде докучливой старой женщины с её ревматизмами. «Ах, опять этот Галлиполи», — если не говорилось, то ощущалось в равнодушии, с которым вас слушали.

Не то встречаете вы в Великом князе. Живое участие ко всему, чем мы страдаем. Он болеет всем тем, что приходится выносить каждому из нас.

И заслуженный русский генерал на службе дневничаром, и офицер финансийской стражи*, которому говорят: «Вы должны забыть, что вы полковник Русской армии», и семья полковника царского конвоя, живущая в землянке в горной трущобе, и русский офицер-горнорабочий, и все мы, русские люди, и наше прошлое, этот тысяче- и тысячевёрстный путь, который мы прошли, и люди, и сёстры, и дети Кубанского похода, и наши скитания и наша страда — всё в душе его находит отклик.

Он взял на себя бремя нашего национального унижения; он взял его с упованием на милость Божию и с верою в торжество правды над злом.

Да, он принадлежит нашему прошлому, но он воплотил в себе всё то, что было благородного и возвышенного в старой России. И среди окружающей пошлости людской, среди исканий себялюбивых,

---

* *Дневничары* (*серб.*) — нештатные, подённые работники, получавшие обычно по 20 динаров в день (почти в два раза меньше реальной оплаты низших служащих). Значение «финансийской стражы» осталось невыясненным.

среди этих ряженых на маскараде тщеславия образ Великого князя встаёт перед вами во всём своём благородстве.

Он ничего не ищет для себя. Ничего личного. Один нравственный долг им руководит. Он весь отдался думе и заботе о России. Стоны замученного русского народа доходят до него, и в душе его накопилось много горечи и боли.

Я говорю вам: Великий князь до глубины души русский. Какимто чудом в окрестности Парижа перенесена наша старая русская усадьба. Я точно побывал у себя дома, в деревне. Я вдохнул в себя этот живительный воздух, и мне хотелось бы и вам передать всё то, что я сам воспринял.

Я говорю это вам вот для чего. Мы перестали кого-либо и что-либо уважать.

Всё растоптано. Всё загрязнено. В этом наша болезнь. Нужно исцелиться от разъедающего нас недуга.

Нам нужно найти тот нравственный авторитет, который бы всеми был признан.

Великий князь принадлежит всем нам без различия и никому в особенности — никакой партии, ни монархической, ни национальной, ни демократической, ни помещикам, ни крестьянам, ни рабочим, ни военным, ни казакам. Он принадлежит всем равно русским. Все и каждый могут сказать: он наш.

Старейший член русского Императорского Дома, он пользуется высоким уважением в Западной Европе. С его именем связана слава наших побед в Мировой войне. Всё это много, и всё-таки это меньше того высокого нравственного авторитета, какой мы имеем в личности Великого князя. И я скажу вам: ничто не имеет такой ценности, как моральный авторитет.

Ибо то, что называют революцией, есть грехопадение целого народа. Большевизм — это моральная болезнь, моровая язва человеческой души.

Никогда мир не видел разлива такого зла на земле. И не борьба между капитализмом и пролетариатом, а борьба между добром и злом, между правдою и ложью происходит в мире.

Не ищите других путей, которые будто скорее приведут вас к цели. Большевизм может быть побеждён не чем другим, как преодолением зла.

Н. Львов

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ И ЕГО АГЕНТЫ*

(Перевод статей, появившихся в немецких газетах в Галле и Мариенвердере)

I

В начале мая я опубликовал в некоторых немецких газетах сведения об опасной деятельности враждебных Германии русских монархистов, пользующихся гостеприимством в Германии. Это вызвало поток ничего не говорящих возражений из лагеря русских эмигрантов, однако этот манёвр не достиг своей цели. Тогда Великий князь Николай Николаевич заговорил сам и через посредство корреспондента «Дэйли телеграф» сообщил миру о том, какую безобидную роль Он лично играет, что Он лично для Себя ничего не ищет и не желает, но стал во главе русского монархического эмигрантского движения вследствие настойчивых просьб с целью освободить Россию от власти большевиков. «Дэйли телеграф» сообщает, что 68-летний Великий князь, который проживает с Великой княгиней в окрестностях Парижа, выглядит значительно моложе и при беседе был весьма оживлён и энергичен. Будет ли путём осуществления фантастических планов Великого князя свергнута в России советская власть, мы не будем сегодня исследовать, но укажем лишь, что такими же надеждами полны приверженцы проживающего в Германии Великого князя Кирилла. Последний олицетворяет симпатизирующих Германии русских монархических эмигрантов, а Николай Николаевич — враждебных Германии. Чтобы последний, если допустить, что Он придёт к власти, будет вести политику с Германией, нельзя серьёзно думать. Поэтому возникает вопрос, насколько деятельность Великого князя Николая Николаевича уже теперь идёт вразрез с внешней политикой Германии и ей вредит и не является ли эта деятельность вообще лишь мантией для прикрытия широко организованной разведывательной службы Антанты.

Николай Николаевич, супруг черногорской принцессы, которая всеми способами женских интриг вела к войне против Австрии и Германии, русский Главнокомандующий Мировой войны, находящийся совершенно в путах французов, сам себя называет высшим руководителем судеб всей русской эмиграции. Военным Главнокомандующим

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 8, л. 1–8.

этого царя без территории является генерал барон Пётр Врангель, с немецкой фамилией, но душой и телом преданный сторонник Франции. Он — Главнокомандующий «Врангелевской армией» в Сербии, личный представитель, так сказать, генерал-адъютант Великого князя Николая Николаевича в Париже и военный представитель Врангеля при французском правительстве и при французском генеральном штабе — это в одном лице ген. Евгений Карлович Миллер. Миллер, на мои нападки, отказывался от приведённого мною его письма от 28 февраля к одной из подчинённых ему инстанций и отрицал также, что находится в каких-либо отношениях к французскому генеральному штабу. Однако в 1920 году Миллер, что ныне уже сделалось достоянием истории, провёл признание Францией Южно-Русского правительства Врангеля, он же интернировал после падения Врангеля его разбитые войска в Сербию и врангелевский флот в Бизерту, и всё это по желанию и с согласия Франции. Он же и сейчас заботится о том, чтобы Врангелевская армия в изгнании получала содержание от французского правительства. С кем же вёл Миллер все эти важные переговоры военного и политического характера: с парижскими гризетками или с правительством Французской Республики или с Генеральным штабом маршала Фоша?

По поручению своих властителей Миллер содержит в большинстве европейских столиц так называемые военные миссии. В странах Большой и Малой Антанты они часто открыто показывают свой флаг; в Германии, германской Австрии, в Турции и др. они прикрываются маской Русского Красного Креста (старой организации). Начальник русской военной миссии в Париже — ген. Хольмсен. Русская военная миссия в Берлине была учреждена ещё в 1919 году. Первым руководителем её был ген. Потоцкий. Он находился в теснейшей связи с миссиями Антанты, не скрывал своей вражды к Германии, но был так неосторожен, что называл немцев вообще только «бошами», и поэтому был, наконец, отозван. Его преемником был полк. Брент, который прикидывался сторонником немцев, но запутался в такие сомнительные дела со сторонниками Антанты, что также должен был исчезнуть из Берлина. На короткое время его пост получил полк. Лампе, который вскоре был переведён в Будапешт. На его место в Берлин был назначен ген. Хольмсен, офицер, опытный в дипломатической службе. Поэтому он дольше удержался в Берлине. Вскоре Лампе, вследствие шпионской деятельности, сделался невозможным в Венгрии и должен был покинуть Будапешт. Хольмсен был переведён в Париж, и Лампе снова занял пост последнего в Берлине. В ка-

честве управляющего делами русской военной миссии в Берлине ему подчинён полк. Гагман, адъютантом которого является бар. Каульбарс. Кроме того, Лампе располагает частной разведывательной организацией под руководством Владимира Григорьевича Орлова. Последний доносит о своей агентской деятельности под контролем Лампе также Генеральному штабу Врангеля в Сербии. Необходимо ещё отметить, что в Париже руководящим разведывательным офицером ген. Миллера является ген. Потоцкий. Он организовал за границей сеть тайных агентов: в Германии таковыми, в числе других, являются полк. Кутепов и кап. Грач в Гамбурге, полк. Эвальд в Мюнхене. Русская военная миссия в Берлине находится на Уландштрассе, 156; в том же доме находится также канцелярия Русского Красного Креста.

Наряду с этим военным кабинетом Великого князя Николая Николаевича в Париже имеется также и политический кабинет. Начальником последнего состоит бывший русский посол фон Гирс, а его представителем при французском правительстве — бывший русский посол (с республиканского времени) Маклаков. Деятельность посла, посланника или генерального консула в Берлине выполняет г-н Боткин, канцелярия которого носит невинное название «паспортное бюро» и находится Ин-ден-Целтен, 16. В берлинских русских кругах Боткин имеет прозвище Зверский Боткин, так как играл руководящую роль в работавшей во время войны в России под руководством сенатора Кривцова комиссии для выяснения германских зверств. Это паспортное бюро, которое выдаёт личные удостоверения для получения германских бумаг, имеет политическое разведывательное отделение под руководством г-на Андреева, бывшего дипломата, который, между прочим, был в Стокгольме. Он уделяет наибольшее внимание внешнеполитическим отношениям Германии, в особенности к Польше и Советской России. Всё, что он узнаёт, он доносит добросовестно через Боткина фон Гирсу в Париж. Его донесения почти всегда составлены на французском языке, с тем чтобы они без необходимости перевода могли быть передаваемы французам. Андреев поддерживает тесные отношения с берлинским французским консульством на Матэикирхштрассе, 3. Уверяет, что он проводит половину времени в канцелярии французского консула. К штабу Боткина принадлежат также г-н Гамм и барон Остен-Сакен, руководитель действительного паспортного бюро.

Наряду с военным и политическим кабинетами Великого князя Николая Николаевича в Париже находится также Главное управление Русского Красного Креста (старой организации). Начальник — монсие Иваницкий. Отделение в Берлине находится на Уландштрассе,

156. Начальник этого отделения — г-н фон Шлиппе. Он сильно подчёркивает свои немецкие симпатии и поддерживает тесные сношения с безупречными немецкими кругами. В оправдание его скажем, что на него влияют Лампе и известный Хрипунов. Помощником руководителя Русского Красного Креста для Берлина является барон Анатолий Врангель. Чрезвычайно удивительно, что он до сих пор ещё остался на своей должности, так как осенью прошлого года он имел «конфликт на французской базе». В отличие от своего престарелого отца его называют в русских кругах «молодым Врангелем». Затем необходимо ещё назвать г-на Владимира Дерюгина; он называет себя председателем ревизионной комиссии Русского Красного Креста. Однако его истинная деятельность, кажется, находится в области таинственной политики. Г-н Гагман, сотрудник Лампе, в то же время доверенный сотрудник г-на Боткина, является, таким образом, как бы офицером связи между этими двумя господами.

II

Все названные во вчерашней статье учреждения поддерживают тесные отношения с президиумом объединённых русских эмигрантских учреждений. В этом объединении г-н Хрипунов играет руководящую роль, являясь диким врагом немцев и преданнейшим слугою Великого князя Николая Николаевича. На тёмном фоне этой картины стоит ряд сильно опустившихся в моральном отношении русских людей. Там находится таинственный г-н Гуманский, бывший русский присяжный поверенный. Вследствие своей вредной деятельности он неоднократно был арестован германскими властями, но так как он женат на дочери германского социал-демократа Губерта, то всегда находились влиятельные посредники, которые предотвращали его высылку и добивались его освобождения. Далее среди них ротмистр фон Пфейль 17-го Нижегородского драгунского полка, бывший адъютант ген. Гурко, генерала, который позволил себе в Германии в одной книге приписать Германии вину за войну и «нечеловечное ведение её», за что не был выслан. Там же подделыватель документов Дружеловский, работающий на различные стороны. Посредником и другом всех этих людей является молодой г-н фон Бельгард (Беллегард), провокатор самого плохого сорта. Таинственными путями он поддерживает сношения между этими политическими шиберами* и вышеназванными русски-

* Спекулянтами (*нем.*).

ми учреждениями. Провокатором является также и г-н Гольдгоер, который лишь недавно вступил в сношения с г-ном Лампе и путешествует между Парижем и Берлином.

Откуда же все эти учреждения получают необходимые деньги? Так называемый Старый русский совет послов сумел спасти значительные суммы царских денег, которые хранятся в одном лондонском банке. Центральный орган этого Совета послов находится в Париже; председатель совета — фон Гирс. Этот совет даёт в Лондон наряды на выплату денег, так что, например, Боткин получает деньги из Лондона, Лампе получает деньги от штаба Врангеля из Парижа, Красный Крест — от своего центра из Парижа. Само собою разумеется, что Антанта периодически пополняет эти денежные источники.

Резюмируя изложенное, я считаю серьёзной угрозой германским государственным интересам тот факт, что во главе полуофициального русского «паспортного бюро» стоит доказанное враждебное Германии лицо, которое всеми знающими обстановку без исключения отмечается как исключительно симпатизирующее Антанте; я считаю несовместимым с задачами Русского Красного Креста нахождение в непосредственном соседстве с ним военной миссии Великого князя Николая Николаевича; я считаю опасным, что полк. Лампе, который в Будапеште был изобличён ротмистром Кестичем в качестве находящегося на французском жалованье разведывательного офицера, беспрепятственно может продолжать свою тёмную деятельность в Берлине. Это во вред германским интересам, если терпят, что г-н фон Шлиппе — сколько бы он ни уверял в своих германских симпатиях — в своей канцелярии имеет общение с людьми, которые всеми способами работают против Германии.

Старой России более не существует. Лица, которые утверждают, что работают над её восстановлением, в действительности служат лишь Франции. Лишь в такой стране, как Германия, где преувеличивают гостеприимство и предупредительность по отношению к политическим шарлатанам, возможно, что известный круг людей в течение многих лет злоупотребляет доверием имперских учреждений и безукоризненных национально настроенных немцев. Казалось бы, этот круг людей достаточно определяется тем, что исполняет поручения Великого князя Николая Николаевича и генералов Врангеля и Миллера.

Дело касается не газетной полемики. Дело касается беззамедлительного принятия очистительной меры широкого масштаба, с целью принципиально убрать элементы, которые политически для нас

вредны. Уже и так Германии причиняет достаточно затруднений официальное представительство признанной нами Советской России.

Оставляю за собою право дальнейших сообщений в соответственное время.

Эдуард Кенкель,
член Прусского ландтага

ЖУРНАЛ СОВЕЩАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

9 июня 1925 г.
Париж

Присутствовали:
председатель — А.Ф. Трепов
члены: Его Светлость Герцог Г.Н. Лейхтенбергский, А.А. Гулевич, А.Н. Крупенский, П.А. Половцов, кн. М.К. Горчаков, гр. М.Н. Граббе и Н.Н. Григорьев

Открыв заседание, **председатель** напомнил о суждениях, происходивших в предыдущем заседании и касавшихся созыва патриотического съезда.

После обмена мнений совещание решило приступить к работам по организации осенью текущего года широкого патриотического съезда в Париже. Это решение совещание постановило неотложно провести в жизнь, видя в этом единственный способ положить предел разрозненности усилий, направленных, в сущности, к единой цели, но при несогласованности их взаимно друг друга уничтожающих. Всем ясно, что время не терпит и что все усилия врагов русского возрождения направлены к тому, чтобы противополагать друг другу отдельные группы и лица. Должен раздаться властный призыв слиться всем воедино для служения общим принципам и русскому делу, а такой призыв по силе лишь съезду, представляющему русскую общественность в лучшем смысле этого понятия.

К участию в этом съезде предполагается пригласить все те русские группы, общества, объединения, съезды и т.д., которые, мысля патриотически, сознают весь ужас нанесённого России революцией

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 35, л. 10–17об.

тяжкого кровавого удара и видят возрождение России на основах исторического самобытного государственного её бытия в ближайшем согласовании их с культурными и бытовыми условиями русской современной действительности.

Председатель указал, что в ближайшем будущем необходимо установить список учреждений и обществ, которые будут привлечены к участию в съезде, равно как и самую программу занятий съезда.

Для успеха дела необходимо установить общение и обмен мнений по этому вопросу, с одной стороны, с Высшим Монархическим Советом, в лице его председателя, а с другой стороны, со всеми организациями и группами. В этих видах предполагается просить Н.Е. Маркова приехать в Париж, причём расходы на эту поездку могут быть покрыты заимообразно из суммы в 10 000 фр., которые председатель совещания обещает достать для всего этого дела. Что же касается сношения с ген. П.Н. Врангелем, то путём переписки будет установлен способ общения с ним, причём в этом вопросе значительную помощь окажет И.П. Алексинский. Главная необходимость, для того чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, заключается в изыскании первых 50 000 фр., необходимых для постановки организационной работы. В этом отношении кн. М.К. Горчаков и ген. П.А. Половцов обещали взять на себя труд составить вторые 10 000 франков.

В отношении третьих 10 000 фр. совещание поручило председателю войти в сношения с И.П. Алексинским и С.Г. Лианозовым на предмет их изыскания. Со своей стороны, А.Н. Крупенский заявил, что, в случае получения 30 000 фр., он обязуется внести следующие 10 000 франков.

Одобрив намеченные предположения, касающиеся изыскания денежных средств для приступа к делу, совещание, со своей стороны, высказало намерение широко пополнить инициативную группу, войдя для сего в сношения с политическими, патриотическими и государственно мыслящими организациями, близко захватив все профессиональные и бытовые группировки, а также с военными объединениями и их главным командованием, действуя при этом в тесном содружестве с русской печатью как вернейшим залогом для успеха этого трудного, но жизненно необходимого дела.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

БЕСЕДА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА С РЕДАКТОРОМ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»*

Редактор «Возрождения» П.Б. Струве был принят Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем.

— Я рад приветствовать ваш орган, — сказал Великий князь. — Я надеюсь, что при помощи вашей газеты ещё теснее сплотится здоровое ядро зарубежной России вокруг основных начал, которые могут объединить самые широкие круги нашей общественности. Чем полнее эти идеи найдут своё выражение в вашем органе, тем скорее они просочатся по ту сторону рубежа и убедят томящихся под игом советской власти наших русских братий, что их страдания нам понятны, их мечты близки нашему сердцу, словом, что в день встречи нам не придётся искать общего языка с ними, ибо он уже найден...

Вы желаете знать мои взгляды на общее положение?

Что я могу прибавить к тому, что мною уже было раньше сказано?

Положение в России, когда на него смотришь издали, кажется без перемен, но если вглядеться ближе в то, что там совершается, то чувствуется, что каждый год, каждый месяц приближает нас к развязке. Основные черты советского строя — удушение всякой личной свободы и инициативы, безбожие и деморализация, наконец, ставка на мировую революцию, без которой советский режим осуждён на падение, — все эти черты остаются те же, что и вначале, и довели общее состояние до крайнего напряжения. Россия не перестаёт жить в ожидании развязки.

Насколько я могу судить, признание советской власти иностранными государствами имело отрицательные для них последствия.

Однако чужой опыт никогда никого, к сожалению, не мог научить. Пока большевиков не знали, за границей могли предаваться иллюзии, что большевизм — это специфически восточная болезнь, что она не страшна для «просвещённых европейцев». От признания советской власти ожидались чудеса в смысле оживления торговых сношений.

В результате — торговые связи не возросли или возросли ничтожно, но в каждой столице появились пользующиеся дипломатической неприкосновенностью очаги смуты и революции. Что смуты прибавилось в Европе и во всём мире за истекший год — этого никто не может отрицать.

---

* «Возрождение», 20 июня 1925 г.

Использование большевиками смуты в Западной Европе, на Балканах, на Востоке, в колониях приняло размеры, тревожные для прочности не только тех или иных государственных порядков, но и всей христианской культуры. Это открыло глаза благоразумным людям гораздо полнее, чем какие-либо доводы или мнения выброшенных за рубеж русских, которые заранее заподозреваются в пристрастии.

Весь этот печальный опыт имеет одну положительную сторону: в Европе стали наконец понимать истинную природу большевизма.

Это повлияло и на переоценку нашего прошлого. Не так давно, когда в печати говорили про очередное возмутительное злоупотребление советской власти, то добавляли шаблон: «Это напоминает худшие времена царизма». По счастью, всякая пошлость имеет свой срок, и теперь такие утверждения становятся редки. Наоборот, за границей всё больше приходят к правильной оценке той огромной культурной работы и положительных достижений, которыми мир обязан был России до революции, не говоря о том обеспечении общего мира, которое устранено в международных отношениях с тех пор, как Россией правят коммунисты.

Правда рано или поздно, но восторжествует. Одновременно с этим как будто бледнеют страхи перед воображаемой реакцией, которую почему-то считают неизбежной, когда пробьёт час освобождения России.

Нужно ли даже говорить, что всё это — плоды воображения, домыслы, ни на чём не основанные? Никто не может задаваться мечтой, будто можно повернуть колесо истории. Не восстановление старого порядка, а воссоздание самой России в живом преемстве с лучшими заветами прошлого — вот наша задача.

Умиротворение нашей измученной Родины, лечение её глубоких ран — вот наша главная и единственная забота. Национальная власть может быть страшна только тем, кто строит своё благополучие на хронической гражданской войне, на классовом господстве, на партийной диктатуре.

Восстановление и возрождение России — вот единственная цель наших стремлений. Что тут может кого-либо тревожить, что может беспокоить наших бывших друзей и бывших врагов? На прошлом ставится крест. Я пользуюсь случаем, чтобы решительно отклонить приписывавшиеся мне недавно какие-то предвзятые симпатии и антипатии во внешней политике. Решения русского народа не могут быть никем предвосхищены здесь, за границей. Ясно одно: никакая национальная власть не может ставить себе иной задачи, кроме

той, которая формулируется лозунгом: «Россия для русских»; истинные друзья познаются в несчастье.

Никто не собирается посягать на самостоятельность окраинных государств, выделившихся из состава России. Возрождение России, религиозное, нравственное, культурное и экономическое, — вот задача, выполнения которой хватит на поколение. Она требует напряжения всех сил и свободного соревнования на этом поприще всех национальностей.

Здоровый государственный порядок не может быть основан ни на власти каких-либо национальных меньшинств, ни на их притеснении. С государственной точки зрения какие бы то ни были акты самоуправства и, тем паче, насилия недопустимы, и власть не должна останавливаться перед самыми решительными мерами для их предотвращения.

Для власти, главной задачей которой будет умиротворение России, не может быть ничего тягостнее племенной розни, недоверия и ненависти. Она первая будет рада устранению этой розни, которое поможет скорейшему утверждению общего гражданского правопорядка в России, столь нужного для экономического и культурного её возрождения.

Посягательств на жизнь и имущество кого бы то ни было сильное, подлинно национальное правительство допустить не может, ибо такие посягательства означали бы колебание самых основ государственного порядка, который зиждется на обеспечении всем гражданам, без различий национальности и вероисповедания, жизни, собственности и условий мирного преуспеяния.

Для того чтобы вступить на этот путь мирного преуспеяния, все без исключения национальности, населяющие Россию, должны положить свои силы и энергию на беспощадную борьбу с её поработителями-коммунистами. Эта единодушная борьба с общим врагом и стремление к единой общей цели — воскрешению России будут больше всего способствовать угашению племенной вражды и расчистят путь для грядущего государственного строительства России.

Я по-прежнему не берусь устанавливать времена и сроки, но я с верою смотрю в будущее и призываю всех и каждого, работая на своём поприще, всегда связывать эту работу с памятью о России и её возрождении.

Своё последнее слово я обращаю к русской молодёжи.

Помните свой долг перед Родиной, набирайтесь знаний и опыта за границей, но оставайтесь русскими, гордитесь тем, что вы — дети

великого народа. Будьте верны ему в несчастье, тогда вы разделите и его славу. И будьте каждую минуту готовы отдать Отечеству все свои силы, а если нужно, то и жизнь. И с Божьей помощью наступит день, который оправдает все жертвы, искупит все страдания. Это будет день Воскресения России.

БЕСЕДА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА С АНГЛИЙСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ*

В июне месяце сего года видный представитель крупных органов печати г-н Штейнталь был принят Государем Императором и имел с Ним продолжительную беседу. Вопросы, поднятые на этой беседе, касались главным образом планов Государя о России и её будущем и были освещены Его Величеством с достаточной полнотой. Беседа эта ныне напечатана во многих газетах Германии, Австрии, Венгрии, Дании, Швеции, Швейцарии и Америки и привлекла серьёзное внимание многих политических европейских деятелей. С своей стороны, придавая ей большое политическое значение, мы считаем своим долгом ознакомить с нею и русскую читающую публику, переведя те места этой беседы, которые нам представляются более животрепещущими.

Начав описание своей беседы с приведения известных и уже обнародованных обращений Государя к русским людям, г-н Штейнталь в немногих, но очень ярких и верных словах рисует портрет Его Величества и переходит к главной цели своего посещения. Вот его слова.

Кирилл Владимирович принял меня одетый в светлый спортивный костюм. Он русый, ему около 48 лет, но выглядит он гораздо моложе, чему, может быть, способствуют подстриженные усы. Его стройная и гибкая фигура выдаёт бывшего морского офицера. Обхождение полно достоинства и обаяния и чарующей любезности.

— Имеет ли Ваше Величество, на основании точных данных, впечатление, что советская власть укрепляется или распадается? — спросил я Его после того, как мы заняли места в старомодно меблированном зале.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 1, М-255, л. 2. Документ не датирован.

— Все наши сведения из России говорят о существующем чрезвычайном недовольстве, и это само собой понятно, ибо Россия отброшена на три столетия назад.

— Но многие доклады, например отчёт Бритиш Тред Юнион делегейшен, излагают тамошнее положение совершенно иначе.

Государь кивнул, и его уста сложились в саркастическую улыбку.

— Да, Я читал отчёт, он смешон и надуман. Всё крайне односторонне, и доклад скорее даёт впечатление, что он составлен в Англии для её домашнего употребления. Даже статистические цифры совсем искажены. Но выводы, к которым стремились, были предрешены заранее, и в согласии с этим задача была разрешена.

— Ваше Величество усматривает, значит, близкий конец ныне существующего режима? Предполагаете ли, Ваше Величество, что изменение его произойдёт вследствие внезапного переворота или же постепенного развития?

— Вследствие эволюции, конечно, нет, — гласил определённый ответ. — Вероятно, вследствие внезапного переворота, может, с помощью небольшого толчка извне. Москва сильна, Красная армия хорошо вооружена. Но, с другой стороны, обстановка для переворота уже созрела, нужна лишь рука помощи, протянуть её следует извне угнетённой нации, и миллионы, ухватившись за эту руку, примкнут к освободителю. Это знают коммунисты и приготовляются перейти на положение пенсионеров. Я усматриваю из «Дейли телеграф», что Троцкий купил себе замок в Сан-Ремо, чтоб почить там на лаврах...

— Сколько коммунистов в России?

— 54 главаря. Это только небольшой кружок, который занимает в Москве высшие места и всем руководит.

— Но ведь имеется же значительно больше русских, которые являются сторонниками большевизма?

— Во всяком случае, их много меньше одного процента населения. Три миллиона, которые проживают за границей, — все противники большевизма.

— И что делают эти три миллиона, чтоб помочь их угнетённым землякам? Развивают ли эмигранты какую-либо политическую работу?

— Что они могут сделать? Их состояние бедственное, почти 90% из них голодают.

— Пробовал ли Великий князь Николай Николаевич образовать армию и делал ли он план военных операций?

— Что-то похожее он пробовал. Но это очень трудно.

Что-то вздрагивало около глаз Кирилла Владимировича, иногда немного отрывисто. Лёгкая нервная вибрация его стана заставляет меня вспомнить, что он однажды пережил минуты, когда от ужаса смерти кровь стынет в жилах. Только нервы иногда дают отзвук этих страшных минут.

— На какие круги населения, Ваше Величество, главным образом будете опираться? — продолжал я нашу беседу.

— Русская интеллигенция или уничтожена большевиками, или бежала за границу. В России остатки этой интеллигенции крайне угнетены и находятся под постоянным надзором чеки, или, как её теперь называют, ГПУ. Хотя большинство интеллигенции сознаёт необходимость восстановления монархии, но, по вышесказанным причинам, в первое время никакой помощи от неё ожидать нельзя. Не так, — продолжал Кирилл Владимирович, — дело обстоит с крестьянами и казаками. В их среде нет ни одного коммуниста или республиканца, и представители Советской власти лишь с трудом пробивают себе дорогу в деревне, где их за последнее время массами убивают. Я очень хорошо осведомлён о настроениях казаков и крестьян и знаю, что, когда наступит время, они скажут своё веское слово. Казаки и крестьяне явятся опорой Законного Царя, а их — 90% всего населения. Но и рабочие, за исключением привилегированных коммунистов, познали всю гибельность социализма для государства, и Я знаю, что большинство из них с радостью встретят восстановление монархии.

— Что подразумевает Ваше Величество под восстановлением монархии?

— Под восстановлением монархии Я понимаю восстановление частной собственности, строгой законности и непреклонного порядка, обеспечение личных прав и личной свободы, свободы национальности и религии.

Та твёрдость и определённость, с которой Кирилл Владимирович произносит эти слова, его живые глаза, в которых читается желание приступить к делу, ему очень к лицу. Я прошу его рассказать мне, что он думает о будущем, и, после секундного размышления, он убедительно, медленно и вместе с тем из глубины души, говорит:

— В день мятежа в Петрограде и в день отречения Государя Николая Россия получила ужасный удар судьбы. По своему существу Россия не может быть без монарха. Это видно из того, что Россия после мартовской революции 1917 года уже в октябре того же года стала жертвой III Интернационала, который, по своему

свойству, совершенно не соответствует русской идеологии. В настоящее время моя Родина находится, как в отношении культурном, так и в духовном и материальном развитии, в ужасном положении. Но ни Я, ни русский народ не потеряли уверенности, что мы переживаем тяжёлую, но не смертельную болезнь, которая поведёт к оздоровлению и возрождению всех народов, населяющих наше великое государство. Из самой России поступают ко мне свидетельства, что коммунистам не удалось уничтожить тот культурный государственный фундамент, на котором Россия выросла и который служит ручательством, что в скором времени Россия вновь возродится в прежнем величии. Опираясь на это, Россия будет дальше шагать по пути преуспеяния и блага как в духовном, так и в материальном смысле. Эта же уверенность даёт русским изгнанникам-патриотам утешение и укрепляет их в старании спасти Отечество...

Я спросил дальше, в каком виде Его Величество представляет себе будущую форму государственного правления и сторонник ли он идеи абсолютизма или парламентаризма.

Ответ гласил:

— Чтоб излечить свои бесчисленные и глубокие раны, России нужен народный Царь, который стоял бы в близкой связи с народом и его потребностями. Бюрократическая система, которая только отдаляет монарха от своего народа, не может быть терпима. Народ должен сам принять участие в строении своей судьбы. Для этого потребуется сильно расширенная децентрализация правительственной власти, при которой некоторые области и народы должны получить автономию. Для других же более подходящ будет принцип федерации.

— Должно ли это означать, что Ваше Величество собирается управлять при помощи парламента или нескольких парламентов?

— Царь — это парламент. Каждая национальность посылает своих лучших людей, которые собираются вокруг него и поддерживают его политику...

В то время когда Кирилл Владимирович произносит эти слова, мускулы его напрягаются и лицо его принимает энергичное выражение.

— Может быть, — продолжает он, — форма правления в России будет похожа на таковую в Соединённых Штатах. Ряд самостоятельных отдельных государств, соединённых в один, почти федеративный союз. Это будет управление снизу вверх, а не сверху вниз. Я имею

свои определённые взгляды на монархическую форму правления в России, но Я покамест не могу высказаться подробнее, ибо хочу в самой России убедиться в соответствующем настроении народа. В этом случае не может быть чисто теоретического разрешения вопроса, а то, что при известных обстоятельствах может принести благо и пользу народу, должно быть своевременно осуществлено на деле...

— Какого взгляда Ваше Величество придерживается относительно будущего хозяйства в монархической России?

— Монархия в России равносильна понятию о свободе, порядке и прогрессе. Это обеспечит быстрое использование всех больших естественных богатств России, в первую очередь земледелия, от которого она всецело зависит. Освобождённая от своих тиранов, Россия будет иметь самые блестящие виды на будущее, и не мы будем стараться при помощи концессий привлекать иностранный капитал, а он сам к нам придёт. В моём манифесте от 31 августа 1924 года Я обещал крестьянам законным образом закрепить за ними землю, так как признаю это необходимым для мира и общего блага.

— Как Ваше Величество представляет себе разрешение земельного вопроса?

— Это один из самых трудных вопросов в России. В настоящее время крестьяне владеют землёю в большем размере, чем они могут обрабатывать. Значительная часть русских земель лежит без обработки. Крестьяне владеют землёю, но не имеют достаточно скота и хозяйственного инвентаря, чтобы успешно хозяйничать. Недовольство среди крестьян невероятно велико, а ведь 90% русского населения — земледельцы. Деревенские продукты оплачиваются крестьянину очень низко, а когда он желает купить себе одежду или другие предметы первой необходимости, то таковых нет или же цена им такова, что он платить не может. Он принуждён изготовлять свою одежду и обувь у себя дома. Может быть, земельный вопрос можно было бы разрешить таким образом, что каждый крестьянин получит столько земли, сколько он и его семья смогут обработать. Но как бы то ни было, Я уверяю Вас, что после исчезновения большевиков Россия очень скоро опять станет на ноги.

— Признает ли новая Россия те денежные обязательства, которые были заключены в Советской России с иностранными государствами?

— Нет, но зато мы, само собою разумеется, признаем наши обязательства до войны.

— Также и военные долги?

— Да, все долги до 1917 года.

— На какие государства европейские, по Вашему мнению, должна будет опираться будущая Россия в своей иностранной политике?

— В наше время государства находят своих друзей там, где они имеют свои хозяйственные интересы, но, помимо этого, мы хотим быть в хороших отношениях со всеми теми, кто будет нам доброжелателен.

— И каково будет отношение Вашего Величества к так называемым ранштадтным государствам?*

— У них имеются общие хозяйственные интересы с нами, и, вероятно, они экономически объединятся с Россией.

— Как самостоятельные государства?

— Может быть. Возможно, как члены федеративного союза.

— Как предполагает Ваше Величество, будучи законным монархом, держать себя по отношению к революционному элементу?

— Это острый вопрос, — ответил Кирилл Владимирович. — Принимая во внимание ту злобу, которую народонаселение питает к большевикам, — задумчиво сказал он, но с ударением, — будет, наверное, трудно препятствовать насильственным действиям. Во всяком случае, Я думаю, что при новом строе большевики будут чувствовать себя нехорошо...

В заключение беседы речь невольно перешла на балканские события, и в особенности на большевистское движение, которое раздирает Болгарию и которое нашло своё ужасное проявление во взрыве в софийском соборе**.

Я передаю здесь слова Кирилла Владимировича относительно этих событий.

— Политические и социальные условия Болгарии не допускают никакого социализма, не говоря уже о коммунизме. Число рабочих очень невелико, земля находится во владении мелких землевладельцев и крестьян. А потому Я убеждён, что коммунизм в Болгарии — не собственного происхождения, а извне занесённый продукт, а имен-

---

* Приграничные государства (от нем. randstaaten — окраинные государства) — государства, образовавшиеся после 1917 г. в результате развала Российской империи, — Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Бессарабия.

** Взрыв в соборе Святой Недели в Софии произошёл 16 апреля 1925 г. и был осуществлён Военной организацией, входившей в состав Болгарской компартии (организация действовала вполне самостоятельно и специализировалась на проведении вооружённых акций против существующей власти). Взрыв явился актом, направленным против правительства А. Цанкова. Власти на действия БКП ответили репрессиями.

но с большими затратами из Москвы, и эти расходы ложатся тяжёлым бременем на плечи голодающего русского народа. В этом импорте коммунизма виноват Стамболийский и его сообщники, которые работали из-за личных выгод и которые также уничтожили Болгарию, как другие уничтожили Россию. Но в Болгарии дали отпор, и всё вышло иначе. В настоящее время ещё некоторые люди пробуют в Болгарии провести в исполнение план III Интернационала. Та же попытка была сделана в 1923 году в Германии, в 1925 году — в Эстонии. До тех пор пока III Интернационал будет иметь твёрдую опору в Москве и получать оттуда огромные средства, какая-нибудь из европейских стран постоянно будет ареной для беспорядков, кровопролития и даже гражданских войн.

— Не может ли Ваше Величество стать во главе Белой армии, чтоб положить конец этому состоянию?

— Нет... Я ясно подчёркиваю, что Я не намерен силой ворваться в Россию и насильственно захватить власть.

Кирилл Владимирович подчёркивает каждое слово и уверенным голосом продолжает дальше:

— Я только скажу, что Я, согласно закону, — Всероссийский Император и что Я сознаю свой долг. Я знаю, что придёт время и Россия будет нуждаться в законном Царе. Я требую от всех, чтобы они выполняли свой долг по отношению к Родине, и потому Я — первый, который это делаю...

Так у меня запечатлелся духовный облик Преемника на Русский Престол. Это уверенный человек и исполненный высокого понимания Своей Святой миссии «Божьей Милостью».

СЪЕЗД РУССКИХ ПАТРИОТОВ*

Несколько слов по вопросу о предполагающемся созыве осенью текущего года патриотического съезда в Париже.

К делу, связанному со столь серьёзным вопросом, как созыв политического съезда из представителей различных общественных группировок, следует подходить сугубо осторожно, твёрдо помня, что съезд, не достигший в своих конечных результатах намеченной цели, является, безусловно, вредным для общего дела.

Следовательно, в вопросе о созыве съезда необходимо предварительно детально разобраться, хорошенько вникнуть в современную

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 7–11.

политическую обстановку и, лишь изучив вопрос тщательно и всесторонне, приступить к его организации.

Когда известная идея воспринята целым рядом однородных организаций и известным количеством отдельных лиц, когда таковая идея успела скристаллизоваться, тогда съезд не только желателен, но и необходим в целях гласного выявления этой общей идеи.

Но удачи самого съезда ещё мало. Успех его обеспечивается лишь немедленным претворением в жизнь решений, на съезде провозглашённых.

Отсюда следует необходимость выяснить:

— имеется ли в данное время таковая общая идея, требующая созыва проектируемого съезда;

— является ли данный момент подходящим;

— имеется ли уверенность в соответствующей действительной пользе задуманного дела и возможности достижения желанного результата.

Всё это необходимо внимательно взвесить перед тем, чтобы решиться затрачивать силы, время и значительные денежные средства.

Не вдаваясь в подробный разбор, в кратких словах: политическая обстановка к сегодняшнему дню представляется следующим образом: самый крупный, самый серьёзный вопрос во всех государствах, во всём мире — это вопрос о конечном разрешении борьбы двух идей, двух взаимоисключающих начал — государственность как национальность и, с другой стороны, Интернационал.

Борьба этих двух начал в переживаемую эпоху имеет доминирующее значение, каждое из них имеет под собою серьёзнейший фундамент и многочисленных сторонников.

После Великой войны борьба между этими началами особенно усиливается и обостряется, обе эти идеи неминуемо окончательно столкнутся, и лишь оружием и кровью мировой спор этот будет так или иначе разрешён.

Имея в виду вышесказанное, будет ясно, что даже такой серьёзный вопрос, как будущая форма правления в России, в данный момент, при наличии там Советов и указанной общей политической обстановки, является вопросом второстепенным.

Большинство русских беженцев вполне убеждены, что лишь монархия воссоздаст Россию великою и могучею, и эту веру следует беречь и всемерно распространять, не вдаваясь в излишне преждевременные детали, ибо в данной обстановке старание разрешить, какова именно должна быть будущая монархия, ведёт лишь исключи-

тельно к разделению и вредным взаимным трениям, мешая созданию единого, сильного русского национального фронта, без коего не представляется возможным вести успешную, планомерную, общую борьбу с Интернационалом и способствовать скорейшему разгрому большевистского гнезда.

В России. Самое крупное явление — это народившееся, под влиянием пережитого, самосознание среди серой массы, среди крестьянства. Крестьянская масса постепенно вырастает, выливается в нечто единое, самодовлеющее, и для, может быть, ближайшего будущего главным вопросом является: кто захватит эту силу — национальное начало или же интернациональное?

В эмиграции. Чем дольше продолжается пребывание на чужбине, тем сильнее, особенно последний год, чувствуется упадок среди эмиграции авторитета и значения вождей всех степеней и политических организаций. Также заметно усиливается разделение между отдельными партиями — сторонниками отдельных Великих князей; врангелевцами и их противниками; Высший Монархический Совет и Врангель; Высший Монархический Совет и кирилловские образования; трения между различными группировками монархических оттенков; левые и правые на национальном фронте; разделение, основанное на личностях, и т.д.

Для успеха съезда нужны два фактора:

1) вполне ясно определённая цель, для достижения которой съезд и собирается, цель, конкретно выраженная, всеми его участниками вполне усвоенная, и

2) сговор между головками всех группировок, долженствующих принять участие в съезде.

В данное время дело представляется следующим образом: общей идеи среди русского беженства, вызывающей необходимость созыва патриотического съезда, не видно; вполне конкретно выраженной цели для созыва съезда не имеется; искренний сговор среди враждующих между собою группировок вряд ли достижим и, наконец, самое понятие «русские патриоты» чрезвычайно растяжимо и неясно.

К делу созыва съезда патриотов в данное время следует подойти с большою вдумчивостью и осторожностью, иначе может получиться большая беда, а именно — публичное выявление политической несостоятельности русского беженства и окончательный подрыв авторитета и престижа его вождей.

Допустим, что успех самого съезда обеспечен и даст вполне желанные результаты. Спрашивается: как должен он быть конкретно

использован, то есть какие должны немедленно последовать реальные действия?

Лишь обсудивши положения вышеуказанные и имея готовую программу действий, в кои решения съезда должны претвориться, явится возможность правильно судить о пользе или вреде затеваемого дела.

20 июня 1925 г. *Гр. Михаил Граббе*
Париж

ЖУРНАЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

23 июня 1925 г.
Париж

Присутствовали:
председатель — А.Ф. Трепов
члены: Н.Е. Марков, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, И.П. Алексинский, Н.К. Кульман, А.Н. Крупенский, гр. М.Н. Граббе, кн. М.К. Горчаков, М.Н. Андреевский, Н.Н. Баратов, гр. П.В. Гендриков, М.Н. Моллер и Н.Н. Григорьев

Открыв заседание, **председатель** напомнил, что в ряде последних собраний группа пришла к заключению, что никакого другого выхода для выявления отношения к русскому делу, кроме созыва широкого патриотического съезда, нет. Предстоит установить, какой чертой должен быть ограничен круг тех лиц, обществ и учреждений, которые могут быть привлечены к участию в съезде. В предыдущих собраниях, в этих видах, были намечены следующие три признака:

— решительное осуждение революции — открытое признание того, что революция нанесла тяжёлый удар Российскому государству;

— возрождение России на русских самобытных государственных началах и

— применение русской государственности к условиям современной действительности.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 3–6 об.

Вопрос о признании Великого князя Верховным Вождём может не выдвигаться в основных положениях к созыву съезда, а об этом следует лишь указать в объяснительной записке, так как собранный на указанных началах патриотический общеэмигрантский съезд, несомненно, громко и единодушно провозгласит это. Поэтому, по тактическим соображениям, для созыва широкого объединения лучше выдвинуть только одни общие принципы, без указания на лицо.

Председатель от лица собрания приветствовал Н.Е. Маркова, отозвавшегося на предложение принять участие в работах группы.

Поставленный на обсуждение вопрос вызвал оживлённый обмен мнений, в котором приняли участие большинство присутствовавших.

Н.Е. Марков, поблагодарив за привлечение его в состав настоящей группы, отметил, что он, как и прочие участники совещания, присутствует здесь не в качестве председателя Высшего Монархического Совета, а как частное приглашённое лицо. Однако идея созыва съезда приветствуется Монархическим советом, равно как и предположение о создании объединения на широких намеченных признаках. Со своей стороны, он пошёл бы и дальше в этом направлении и признавал бы возможным допустить участвовать на съезд всех тех, кто желает искренно бороться с большевиками за русскую государственность, за её восстановление на исторических началах, хотя бы он и не осуждал русской революции, так как последний вопрос является вопросом академическим. По его мнению, не следует спешить подчёркивать своё отмежевание от левых, так как ни республиканцы-демократы, ни одна из социалистических партий на съезд, несомненно, не пойдут сами.

Председатель отметил, что им был указан признак «осуждения русской революции» в противоположность выдвигаемому крайними партиями понятию о «завоеваниях русской революции», так как в действительности таких завоеваний нет, нельзя назвать ни одного. А ведь и Керенский борется с большевиками.

И.П. Алексинский, указав, что, конечно, революция принесла для России величайший вред, остановился на наших ближайших задачах. Таких задач, по его мнению, две: борьба с большевиками и восстановление Русского государства на основании национальных исторических начал его бытия. Сейчас приближается момент, когда надо переходить от слов к делу, поэтому следует указать на определённое лицо — на верховное водительство Великого князя.

Гр. М.Н. Граббе огласил составленную им по вопросу о съезде записку, которую просил приложить к журналу*.

Прочитанная записка вызвала пояснения со стороны **И.П. Алексинского** о том, что высказанные в записке пессимистические мысли не находят оправдания. Идея, которая нас всех объединяет, жива и всеми нами чувствуется. Это — спасение Родины. Съезд может сделать громадное дело — создать центр, объединяющий всех русских людей, находящихся на чужбине — как в Европе, так и в Америке, который может явиться важным фактором в деле обрисовывающегося общего движения за необходимость борьбы с Интернационалом. Должен быть создан для этого и русский центр.

Председатель отметил, что возбуждённый в записке гр. М.Н. Граббе вопрос опять возвращает нас к прежней мысли: если от съезда не будет пользы, то может произойти вред в случае его неуспеха. В существующих разногласиях есть и хорошая сторона. Они показывают, что многие горят вопросом спасения России, но спасение это понимают различно. Существующее противодействие одних другим является лучшим доказательством того, что съезд необходим. Если нашу инициативу о созыве патриотического съезда подхватили, в порядке соревнования, и другие организации и тоже заговорили о съезде, то это можно только приветствовать. Ведь важно, чтобы возникшая в нашей среде идея была проведена в жизнь и съезд был осуществлён.

Н.К. Кульман указал, что, по его мнению, съезд должен иметь две цели: это — смотр силам и пропаганда. Поэтому если в съезде будут принимать участие малые силы, то такой съезд лучше не созывать. Он приветствует мысль Н.Е. Маркова о том, чтобы условия созыва съезда были таковы, чтобы открывалась возможность вступления в съезд возможно большему числу участников. Пусть случится так, что не мы не пустим социалистов и проч. на съезд, а они сами не пожелали в нём участвовать. Поэтому вопроса о «завоеваниях революции» лучше не касаться. Надо выдвинуть общие национальные начала, и тогда широкие организации пойдут на съезд. Со своей стороны, он видит одно завоевание революции: это — дискредитирование идеи социализма в России.

Н.Н. Баратов поддерживал мысль о необходимости созыва съезда и создания единого центра. По-видимому, Европа начинает понимать грозящую ей опасность. Мы наблюдаем, как здесь всё со-

* В архиве отсутствует.

вершается по той же программе, по которой шло у нас, и поэтому должно привести к тем же целям, если не будет оказано противодействие. Вопрос о самосохранении не может не обратить внимания западных государств на то, что в лице почти двухмиллионной русской эмиграции они имеют нужную силу для борьбы с Интернационалом.

Резюмируя прения по обсуждавшемуся вопросу, **председатель** отметил, что мысль о том, что надо идти к съезду, разделяется всеми. По-видимому, нет сомнения и в том, что надо созывать съезд на патриотически настроенных, государственно мыслящих людей, желающих восстановления России на её исторических началах. Если мы будем вести переговоры о созыве съезда ещё с несколькими учреждениями — Национальным Комитетом, Торгово-Промышленным Союзом и др., то составить окончательный учредительный акт по созыву съезда можно будет только по окончании этих переговоров, поставив, однако, непременным условием изложение в этом акте вышеуказанных основных мыслей.

Гр. П.В. Гендриков заметил, что он находит, что признание Великого князя Национальным Вождём должно быть необходимым условием для участия в съезде.

Н.К. Кульман пояснил, что он думает, что заключительным аккордом съезда явится такое признание.

И.П. Алексинский оттенил особенную ценность такого признания на съезде, который явился результатом самодеятельности русских людей.

Совещание просило И.П. Алексинского переговорить по вопросу об участии в созыве съезда с П.Б. Струве, а председателя — с представителями Торгово-Промышленного Союза — Н.Х. Денисовым, С.Н. Третьяковым и С.Г. Лианозовым, а также с представителями Национального Комитета.

Затем **председатель** предложил обсудить вопрос об участии военных организаций в патриотическом съезде, высказав лишь, что, когда вопрос о созыве съезда будет решён, придётся тем или иным путём испросить указаний у Великого князя, в каком порядке военные должны принять участие в патриотическом съезде.

Выдвинутый вопрос вызвал обширные прения.

Н.Е. Марков отметил всю сложность этого вопроса. С одной стороны, все члены военных союзов входят в состав армии и, как таковые, подчиняются Верховному Главнокомандующему. С этой точки зрения участие чинов армии в съезде, созываемом на выборочных

началах, военным начальством может быть признано неудобным. С другой стороны, фактически армии сейчас нет, а есть запасные офицеры, живущие трудом. Очень часто человек сейчас ездит на такси или стоит за станком и связь с армией у него лишь идейная. При таких условиях исключать военных из участия в патриотическом съезде неправильно. Между тем при исключении военных съезд на три четверти потерял бы своё значение — если бы не утратил его вовсе.

А.Н. Крупенский указал, что практически вопрос стоит так: ген. Врангель продолжает настаивать на применении приказа № 82 всюду полностью. С этим согласиться нельзя. Военные в настоящих условиях такие же гражданские люди и могут принять участие в обсуждении судьбы России. Обращение по этому вопросу к ген. Врангелю было бы ошибочным. Он запретит участие в съезде, и придётся считаться с fait accompli*. Поэтому следовало бы послать приглашения на съезд непосредственно в военные организации, когда будет окончательно решена мысль о съезде.

И.П. Алексинский и **Н.Н. Баратов** указывали, что по этому вопросу следовало бы испросить руководящие указания у Великого князя.

Председателем в заключение было отмечено, что в данном вопросе все пришли к тому заключению, что наиболее целесообразным представляется непосредственное обращение ко всем военным организациям со стороны бюро по созыву съезда или инициативной группы. От этих военных организаций должно зависеть представить вопрос на разрешение своего военного начальства. Если такая постановка вызовет сомнения со стороны Великого князя, мы пойдём, в отношении привлечения на съезд военных организаций, по тому пути, который Его Императорскому Высочеству угодно будет нам указать. Ведь все протоколы наших заседаний представляются, по их изготовлении, Великому князю, и от воли Его Высочества зависит преподание тех или иных указаний, в случае несоответствия принимаемых нашей группой решений, общему направлению дела.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

---

* Свершившимся фактом (*франц.*).

ЖУРНАЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

8 июля 1925 г.
Париж

Присутствовали:
председатель — А.Ф. Трепов
члены: А.Н. Крупенский, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, И.П. Алексинский, М.Н. Андреевский, гр. М.Н. Граббе, Н.Н. Баратов, кн. М.К. Горчаков, Я.И. Савич

Заслушаны и утверждены журналы заседаний 9 и 23 июня сего года.

Согласно заявлению **А.Н. Крупенского,** по журналу от 9 июня сего года приняты следующие пояснения:

а) текст журнала о том, что «должен раздаться властный призыв слиться всем воедино для служения общим принципам и русскому делу — а такой призыв по силе лишь съезду...», изложен в отношении к съезду. Причём само собой разумеется, что, независимо от съезда, такого рода объединяющий всех призыв мог бы зависеть от непосредственной воли Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича;

б) в отношении покрытия расходов по поездке Н.Е. Маркова в Париж неточно указаны источники, из которых могут быть покрыты расходы по этой поездке. Следовало отметить, что лишь половина расходов покрыта из тех сумм «Русского очага»**, которые, согласно заявлению А.Ф. Трепова, имелось в виду, в случае созыва съезда, распоряжением группы патриотических деятелей предоставить этой группе;

в) при обсуждении вопроса об изыскании денежных средств на устройство патриотического съезда А.Н. Крупенский заявил, что, в случае получения на это дело 30 000 фр., он обязуется не «внести», а «собрать» следующие 10 000 франков.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр.37, л. 12–17.

** *«Русский очаг»* — русский клуб в Париже, созданный в декабре 1920 г. на базе Объединения русских за границей. Учредитель и первый председатель — А.Ф. Трепов, затем председателем стал А.Н. Крупенский; в правление клуба входили А.Н. Крупенский, гр. М.Н. Граббе, А.А. Гулевич и др. «Русский очаг» имел свой периодический журнал «Русская летопись».

Затем **председатель** сообщил, что в отношении бывших суждений в заседании совещания 23 июня сего года, в отношении порядка привлечения военных организаций к участию в патриотическом съезде в настоящее время, он пришёл к убеждению, что непосредственное обращение в военные организации представлялось бы неправильным, так как оно не соответствует духу военной дисциплины. Поэтому единственный правильный путь — это первоначальное направление вопроса к Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу, от воли коего будет зависеть осуществить его через ген. Врангеля или иным признанным соответственным путём. К этому мнению присоединились все присутствующие.

Далее председатель подробно ознакомил собрание с движением вопроса по созыву намеченного настоящей группой патриотического съезда, как этот вопрос развивался в течение времени, прошедшего после заседания 23 июня. Согласно состоявшемуся в заседании 23 июня постановлению, А.Ф. Трепов обратился с письмом по этому вопросу к Н.Х. Денисову и С.Н. Третьякову, которые тотчас же отозвались, и 26 июня в помещении Торгово-Промышленного Союза состоялось совещание А.Ф. Трепова с ними и привлечёнными ими другими членами союза. В дальнейшем к этому обсуждению был приглашён и представитель Национального Комитета М.М. Фёдоров. В совещании этом высказывалось предположение (С.Н. Третьяков и А.О. Гукасов) устроить через две недели «слёт» представителей русской эмиграции, которые в течение 2–3 часов могут принять те резолюции, которые будут заранее подготовлены. А.Ф. Трепов решительно возражал против этого и настаивал, что надо организовать широкий съезд, на который могли бы прибыть представители и из Америки, и из Китая, и из других стран, или, если находящиеся там объединения не смогут прислать своих представителей, им должна быть предоставлена возможность прислать съезду свои письменные заявления. Поэтому такой съезд не может состояться ранее нескольких месяцев. При этом А.Ф. Трепов заявил, что он никоим образом не собирается удерживать председательствование в инициативном бюро по созыву съезда, ибо считает, что в качестве председателя подготовительного бюро будет удобнее иметь лицо с менее яркой политической окраской. Кроме того, он считает, что, как член бюро, он будет пользоваться большей свободой в отношении высказывания своих мыслей.

В результате этого совещания состоялось, как известно, 29 июня сего года совместное заседание членов нашей группы с представителями Торгово-Промышленного Союза и Национального Комитета, на котором путём сговора было выбрано бюро в составе 15 лиц, на которое возложена предварительная разработка вопросов, касающихся созыва проектируемого съезда. Хотя состав этот являлся случайным и представительство в нём недостаточно разграничено и не поставлено в соотношение со значением отдельных групп, тем не менее, ввиду того что это бюро является только предварительным и должно довести дело только до обсуждения его представителями русских организаций, находящихся во Франции, представители группы патриотических деятелей нашли возможным против такого случайного состава не протестовать впредь до указаний времени. В состав этого бюро вошли шесть лиц, принимающих участие в работах нашей группы (А.Ф. Трепов, А.Н. Крупенский, И.П. Алексинский, А.А. Гулевич, Н.К. Кульман и Я.И. Савич).

Бюро это имело уже два заседания. Таким образом, возникшая по почину нашей группы инициатива созыва патриотического съезда находится на пути к своему осуществлению. Ввиду указанной численности лиц, входящих в нашу группу в составе инициативного бюро, представлялось бы полезным параллельно обсуждать в нашем совещании вопросы, возникающие в бюро, в целях принятия сплочённых решений.

Присутствующими при этом, по почину председателя, был подвергнут подробному обсуждению вопрос о том, представляется ли нужным дальнейшее существование совещания группы патриотических деятелей, раз вопрос о съезде разрешается в положительном смысле. Рядом ораторов было решительно отмечено, что дальнейшее существование группы не только необходимо, но самый состав её должен быть расширен в связи с предстоящим развитием её деятельности. Ведь если один из затронутых группой государственной важности вопросов — вопрос о съезде — получает развитие и находится, по-видимому, на правильном пути, то имеется ряд и других первоочередных вопросов, ожидающих обсуждения государственно мыслящими компетентными людьми.

А.Н. Крупенский и **кн. А.А. Ширинский-Шихматов** не считали продолжение деятельности группы патриотических деятелей необходимым, так как в настоящее время вся работа по созыву съезда сосредоточена в инициативном бюро. Патриотическая группа включает в себя различные элементы; постановления её не могут

почитаться обязательными для монархической организации, представителями коей они являются. Во всяком случае, они высказались против увеличения состава группы, в случае желания большинства сократить эту группу и наименовать её «частным совещанием патриотических деятелей», дабы в кругах, занятых вопросом о предполагаемом съезде, совещание это не могло рассматриваться как самостоятельная политическая организация, как на то неоднократно указывали вышеупомянутые круги и каковым оно никогда не было. А.Н. Крупенский и кн. А.А. Ширинский-Шихматов считают правильным, чтобы, во избежание неправильных толкований, в сообщениях о работе группы, которые проникают в печать, отмечалось, что они являются в группе представителями монархической организации.

Выслушав заявление **Я.И Савича,** также настаивавшего на развитии работы группы и указывавшего на необходимость избрания заместителя А.Ф. Трепова, на случай предполагающегося его, хотя и краткого, отъезда из Парижа, совещание постановило, принимая во внимание высказанные суждения, в следующем собрании подвергнуть обсуждению вопрос об условиях преобразования группы в постоянно действующее учреждение.

Затем **председатель** ознакомил собрание с суждениями, происходившими в инициативном бюро: А.Ф. Трепов указывал, что в первую очередь должны быть рассмотрены основные положения о съезде. С.Н. Третьяков произнёс программную речь общего характера и внёс пространную записку*, давно составленную, затрагивающую многочисленные и разнообразные стороны государственного строительства. Если эту программу начать подробно обсуждать, то неизбежно создадутся расхождения, и это может повести не к съезду, а от съезда. Поэтому А.Ф. Трепов, со своей стороны, внёс следующую краткую формулу:

«Русский Патриотический Съезд должен собрать воедино представителей всех русских людей, сознающих всю тяжесть нанесённого России революцией кровавого разрушающего удара и твёрдо решивших дружно сотрудничать делу возрождения великой Российской державы на вековых исторических основах её государственного бытия, в применении их к условиям современной русской действительности».

Собрание единогласно подтвердило, что в инициативном бюро следует настаивать на принятии этой формулы.

---

* В архиве отсутствует.

И.П. Алексинским было заявлено, что есть единственный путь для воссоздания Российского государства — это путь восстановления России под управлением монарха. Этим путём мы и должны идти. Русский народ до республиканской формы правления не дорос, так как иначе не мог бы продолжаться семь лет большевизм. В этом заключается сущность, и это должно проходить красной нитью через все доклады. Отметив то странное впечатление, которое произвело на него внесение на рассмотрение бюро С.Н. Третьяковым пространной записки, обнимающей все стороны государственного управления, И.П. Алексинский высказал опасение в том, не придётся ли встретиться с итальянской забастовкой со стороны многих членов бюро. Если бы это было так, то долгом нашей группы явится проводить дальше идею о съезде, так как мы решили созвать съезд и исполним это. Ведь для него совершенно ясно, что если Национальный Комитет и Торгово-Промышленный Союз сейчас идут на съезд, то делают это только из соревнования.

А.Н. Крупенский указал, что в то время как мы многократно отмечали, что готовы иметь постоянное общение с прессой, в заседаниях бюро неоднократно было заявлено, что надо как можно меньше сообщать в прессу о деятельности бюро. Невольно появляется сомнение в том, что у них есть то, что следует скрывать. А.Н. Крупенский отметил, что, несмотря на все указанные условия, мы должны и будем продолжать совместную работу, подавая особые мнения в тех случаях, когда для нас представится невозможным присоединиться к решениям, принимаемым бюро.

Собрание присоединилось к заявлению, сделанному гр. **М.Н. Граббе,** о том, что следует настаивать, чтобы наша группа, как инициативная в деле созыва съезда, имела своего особого представителя на съезде.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

Всепреданнейшим долгом считаю представить на рассмотрение Вашего Императорского Высочества журнал совещания группы патриотических деятелей, состоявшегося 16 июля сего года.

Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

30 июля 1925 г. *Александр Трепов*
Париж

ЖУРНАЛ СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

16 июля 1925 г.
в Париже

Присутствовали:
председатель — А.Ф. Трепов
члены: А.Н. Крупенский, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, И.П. Алексинский, Н.К. Кульман, гр. М.Н. Граббе, кн. М.К. Горчаков, Н.Н. Григорьев

1. **Председатель** возобновил в памяти присутствующих суждения, имевшие место в заседании 8 июля сего года, о дальнейшей работе группы патриотических деятелей и поставил на обсуждение вопрос о преобразовании её в постоянно действующее учреждение.

Гр. М.Н. Граббе, поддерживая мысль о развитии работы группы, отметил, что группа могла бы приобрести значение «политического клуба», в котором лица, приезжающие в Париж, могли бы иметь общение. Потребность в этом особенно остро будет ощущаться в период намеченного съезда.

И.П. Алексинский напомнил, что мысль об устройстве съезда возникла в нашем объединении. Если бы оно прекратило существование, это могло бы иметь самые печальные последствия для устраиваемого съезда. Польза нашего объединения, благодаря гласности его работы, несомненна. Большую роль оно может сыграть и во время самого съезда. Группа никоим образом сама себя не изжила.

Резюмируя происшедшие суждения по этому вопросу, **председатель** отметил, что среди членов совещания нет расхождения

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 23–24 об.

в признании пользы работы группы и дальнейшего её существования. Для выработки и установления основных положений, которыми должна руководствоваться группа в своей деятельности, председатель предложил выделить особую комиссию. Со своей стороны, председатель полагал, что главное содержание этих положений составят те постановления, которые были приняты совещанием за время своей предыдущей работы.

Разделяя таковые соображения председателя, совещание избрало для указанной цели комиссию в составе А.Н. Крупенского, И.П. Алексинского, гр. М.Н. Граббе и Н.Н. Григорьева.

2. По выслушании заявления А.Ф. Трепова о том, что он в течение краткого времени (до 3 недель) будет отсутствовать из Парижа, совещание постановило собираться во время его отсутствия под председательством старшего из членов — А.Н. Крупенского, на квартире И.П. Алексинского.

Что же касается состоящего под председательством С.Н. Третьякова инициативного бюро по созыву съезда, то А.Ф. Трепов полагал на время своего отсутствия свой голос передать А.Н. Крупенскому, с тем что в случае надобности А.Н. Крупенский пригласит второе лицо по своему усмотрению. Предложение это совещанием принято.

3. Председатель огласил формулу, которая принята в комиссии бюро по созыву съезда в заседании 13 июля:

«Российский Зарубежный Съезд должен собрать и сплотить в единую политическую силу всех русских людей, стремящихся к активной борьбе для низвержения в России власти поработившего её III Интернационала и для восстановления России как Великой Державы на вековых исторических началах правового государства, принимая при этом во внимание происшедшие в России крупные перемены и условия современной русской действительности».

И.П. Алексинский указал, что, таким образом, комиссия приняла формулу, предложенную А.Ф. Треповым, с некоторыми, однако, изменениями, но, к сожалению, не в пользу формулы. Со своей стороны он полагал бы предложить бюро следующую формулу:

«Русский Зарубежный Съезд должен собрать воедино всех русских людей, ставящих своей задачей освобождение России от ига поработившего её III Интернационала и восстановление Великой Державы Российской как правового государства на её исторических государственных основах, в согласовании с ними требований государственной целесообразности и интересов населения, выдвинутых происшедшими за время революции событиями».

А.Н. Крупенский пояснил, что хотя комиссия в заседании 13 июля приняла приведённую выше формулу, тем не менее, когда в пленарном заседании инициативного бюро И.П. Алексинский внесёт составленную им формулу, это откроет новые горизонты, прения возобновятся и представится возможность присоединиться к этой, вновь внесённой, формуле.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

Париж, 30 июля 1925 г.

Нам уже приходилось касаться этой новой, уже четвёртой по счёту затеи правого лагеря русской эмиграции. Политический смысл этой затеи очень точно определяется прежде всего её прецедентами. Для большей ясности напомним о них вкратце ещё раз.

Первая попытка объединения эмигрантского фронта была самой обещающей и наилучше замаскированной политически. Люди, подобные покойному Набокову, верили тогда в возможность объединения всей эмиграции и невольно послужили ширмой для создания группировки, правой и монархистской по существу, хотя и провозгласившей сравнительно левую программу. Мы тогда заблаговременно разоблачили политический смысл сорганизовавшегося «Национального Комитета», и последующие события вполне оправдали наш прогноз. «Национальный Комитет» эволюционировал вправо, признал Николая Николаевича и постарался забыть о радикализме своей первоначальной программы. Вторая попытка сделана была тогда, когда кончалось бесцветное существование константинопольского «Русского Совета», предназначенного служить политическим прикрытием врангелевского эпилога. Проф. И.П. Алексинский сделал себе тогда громкое имя своими разъездами по разным средоточиям эмиграции с целью создать единый фронт для поддержки Врангеля. К левым тогда не обращались, ввиду явной безнадёжности привести их под команду Врангеля и Николая Николаевича. Были сделаны попытки привлечь более крупные группы — бытовые и профессиональные — эмиграции, как офицерство, казаков, студенчество. Но попытки эти повели только

* «Последние новости», 30 июля 1925 г.

к расслоению этих групп и к выделению из них демократических элементов, которые успели к тому времени сознать безнадёжность цепляния за старую провалившуюся тактику и явную реакционность элементов, продолжавших возлагать на неё надежды. Попытка проф. Алексинского была брошена на полдороге. Третья попытка объединения эмиграции была сделана ввиду предстоявшего признания большевиков де-юре — и она увенчалась относительным успехом. Но этот ограниченный успех и показал, каким условиям должно удовлетворять объединение, чтобы осуществиться и существовать. Речь шла тогда об организации «эмигрантского комитета»* во Франции под председательством бывшего российского посла. Те же самые лица, как теперь — в частности, С.Н. Третьяков, — и тогда пытались воспользоваться вывеской общей организации для проведений под её фирмой объединения правых элементов, готовых признать «вождя». Но этой попытке демократический лагерь эмиграции противопоставил свои требования, о которых в своё время мы много говорили: требования полной аполитичности организуемого учреждения и представительства в нём, на началах полного равенства, обоих лагерей эмиграции. Третьяков и его единомышленники попытались тогда действовать одни, но увидали явную невозможность этого и принуждены были сдаться перед неизбежностью, приняв выставленные демократической частью эмиграции условия. «Эмигрантский комитет» осуществился и продолжает вести свою скромную, но полезную работу. Но амбиция г-на Третьякова удовлетворена не была. Вынужденные объявить свою сотню профессиональных организаций аполитичной, националистические лидеры правого лагеря продолжали вести в них определённую политику, что, между прочим, и вызвало новую дифференциацию некоторых из этих групп. Теперь, когда оживление антибольшевистских настроений в заграничной среде окрылило надежды монархистов и интервенционистов, та же группа руководителей пытается повести в бой послушные ей профессиональные организации уже явно на политической почве. В случае удачи открывается, таким образом, возможность обойти с тыла эмигрантский комитет и как-нибудь заменить его.

---

* *Эмигрантский комитет* был создан летом 1924 г. в Париже и стал попыткой сплочения эмиграции перед фактом признания Францией Советов. Комитет после долгих переговоров объединил представителей разных блоков — «правых», «левых» и «центристов». Члены комитета избирались от двух организаций — Комитета Объединённых Организаций и Совета Общественных Организаций. Комитет защищал права русских эмигрантов, занимался выяснением нужд беженцев, которые могли бы быть удовлетворены правительством. Председателем стал В.А. Маклаков. Просуществовал до 2-й Мировой войны.

Но это — только один из элементов, толкающих на созыв «Зарубежного съезда». Он — не единственный. В предыдущей, третьей попытке объединения крайнее правое крыло правого лагеря эмиграции, представленное гг. Треповым и Крупенским, после долгих колебаний решило остаться в стороне от создания «эмигрантского комитета». Теперь, наоборот, именно этим ультрамонархическим элементам принадлежала инициатива идеи о съезде. Мы уже отметили, что рядом с этим была поставлена герц. Лейхтенбергским задача предварительного объединения монархического фронта — для определённой цели — взять в руки монархистов политическое руководство съездом. При таких условиях смысл собираемого съезда был совершенно ясен, и никакого отношения к нему не только демократический лагерь эмиграции, но и истинно аполитические профессиональные организации иметь не могли.

Было, однако же, ясно, что так откровенно поставленный вопрос о съезде теряет широкий политический интерес и что такой съезд никому импонировать не может. А между тем одной из задач съезда должно было явиться — привлечь к политическим затеям правой эмиграции деятельное сочувствие иностранных правительств и найти тут новый приток средств для вооружённой борьбы. Нужно было, следовательно, по возможности затушевать правый характер съезда и придать ему характер всеэмигрантский, если не «всероссийский». За это дело взялись С.Н. Третьяков и П.Б. Струве.

В чём заключается интерес группы Третьякова, мы уже видели. Приходится жалеть о том, что интерес этот — узкополитический и в значительной степени личный — прикрывается поддержкой торгово-промышленных кругов. Когда-нибудь и в этой среде, по существу аполитичной, должна будет произойти дифференциация, ибо, по существу, интерес торговопромышленников не может идти вразрез с интересом демократических кругов. Но в данный момент эта группа позволяет вести себя отдельным честолюбцам и маньякам национализма. Политика в их руках принимает характер интриги. Так это было при создании «эмигрантского комитета». Так, по-видимому, повторится и теперь.

Вмешательство торгово-промышленной группы уже толкуется в известных кругах так, что Третьяков перехватил инициативу у Трепова. Возможно, что и результат будет прежний: охлаждение и воздержание со стороны крайних правых. Некоторые из этих правых групп уже высказались против участия в съезде. Но этот результат может ещё измениться, когда выяснится, что попытки Тре-

тьякова делать диверсию влево и тем восстановить заранее нарушенное политическое равновесие съезда ни к каким результатам практически повести не могут. После шага влево уже был сделан шаг вправо. Председательство в комиссии по определению состава съезда получил правый из правых — Крупенский. Зато председательство в комиссии по составлению программы (декларации?) съезда было передано Струве. После Трепова и Третьякова Струве и является третьим столпом будущего съезда. До его появления в Париже размагниченный Национальный Комитет Карташёва и Фёдорова, несомненно, такой роли сыграть не мог. И идеология этих вождей, и их тактика до некоторой степени осложняются и затуманиваются их внутренними колебаниями и недостатком доктринаризма. У Струве нет этих поправок на душевную или житейскую сложность. Его сухой доктринаризм не знает сомнений, и, раз выбрав дорогу, Струве упрямо идёт по ней, ставя подчас своих вольных или невольных спутников в довольно затруднительное положение. В такое положение они были поставлены уже провозглашением Николая Николаевича и слепого дисциплинарного подчинения «вождю» — на страницах «Возрождения». Старые, опытные дельцы монархизма знают, что главные фигуры в политических шахматах надо до поры до времени оставлять на заднем плане и вводить их в игру лишь в решительные моменты. Для неофита и доктринёра типа Струве эта более тонкая тактика непонятна и недоступна. И он неосторожно поднял занавес раньше, чем были расставлены декорации. Идеология съезда была обнажена до последней степени. Струве на дороге признаний уже остановиться не может. За провозглашением «вождя» последовали на страницах «Возрождения» попытки реабилитации царизма, канонизации Николая II, защиты сверхзаконной прерогативы самодержавия, в частности даже прямой апологии переворота 3 июня 1907 года дворянской земельной реформы. Струве перескочил через Третьякова к Трепову и пытался даже реабилитировать себя в глазах крайних правых царской амнистией. Едва ли с полным успехом...

Понятно после сказанного, какое значение может иметь систематическое заигрывание инициаторов съезда с левыми элементами. В последние дни в газетах были специально названы из числа 75–100 организаций, на которые рассчитывают для создания на съезде правого большинства, только пять организаций республиканско-демократического направления. Затем названа была в числе имеющих быть приглашёнными наша газета. Оглашённая вчера «политическая формула» съезда также составлена хитро, с явным намерением не оттолкнуть

сразу левых, чтобы, в крайнем случае их отказа, на них сложить и ответственность за неучастие в съезде. Правда, достаточно упоминания в этой формуле о «вековых исторических началах», чтобы через эту ставшую шаблонной лазейку провести в идеологию съезда всё, что надобно для всех трёх столпов съезда. Но всё же мы охотно верим в искренность желания руководителей иметь левых в составе членов съезда. Ведь таким образом приобретается за весьма сходную цену право говорить о съезде как действительно о съезде всей «зарубежной России» и требовать соответственного к себе внимания со стороны иностранцев...

Быть может, найдутся ещё и в составе демократической эмиграции наивные люди, которые будут доказывать, что надо откликнуться на приглашение и перенести наш спор со столбцов газет на «свободную трибуну» съезда. Не сговоримся там — всегда будет время уйти со съезда. Мы к числу этих наивных людей не принадлежим. Собирается не митинг, с которого можно разойтись, не согласившись с резолюцией. Собирается организация, имеющая целью превратиться в постоянно действующее учреждение. Инициаторы известны, известны и их взгляды, и надо благодарить Струве, который о них так ярко напомнил. Другими словами, и цель организации, и её политический характер предрешены. С тем и другим у нас нет ничего общего. Не думаем, чтобы и профессиональные организации, *действительно* аполитические, сочли возможным принять участие хотя бы в предварительных совещаниях, для осуществления организации явно политического — и притом узкополитического — характера.

Когда-то, в период хлопот проф. Алексинского, в правой печати была высказана идея плебисцита среди эмиграции, и нам ставили коварный вопрос: неужели мы против применения всеобщего избирательного права? Действительно, как способ сосчитаться, применение такого поголовного опроса об отношении к съезду в среде эмиграции имело бы известный интерес — хотя бы для того, чтобы удостовериться, действительно ли нас всего 15%, а наших противников 85%. Но этим путём инициаторы съезда не пошли. Они обеспечили себя обращением не к эмигрантской массе, а к организациям, часто фиктивным, в которых помногу раз повторяются те же члены. Дело в том, что эти организации уже выдержали свой предварительный экзамен в борьбе за эмигрантский комитет. Другими словами, карты открыты с самого начала — не только благодаря прямолинейности Струве, но и благодаря закулисной работе Третьякова. Кто хочет, пусть садится за стол. Мы в этого рода играх участия не принимаем.

Всепреданнейшим долгом считаю представить на рассмотрение Вашего Императорского Высочества журнал совещания группы патриотических деятелей, состоявшегося 2 августа сего года.

Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

6 августа 1925 г. *Александр Крупенский*
Париж

ЖУРНАЛ № 15 СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

2 августа 1925 г.
Париж

Председательствовал: А.Н. Крупенский
Присутствовали: И.П. Алексинский, гр. М.Н. Граббе, кн. М.К. Горчаков, П.П. Орлов, П.В. Семичев и Н.Н. Григорьев

1. Заслушаны и утверждены журналы заседаний 8 и 16 июля сего года.

Согласно заявлению **гр. М.Н. Граббе,** по журналу от 8 июля отмечено, что в отношении порядка привлечения военных организаций к участию в патриотическом съезде он остаётся при своём мнении, высказанном им в заседании 23 июня; и по журналу от 16 июля добавлено, что, по его мнению, группа могла бы приобрести значение «закрытого» политического клуба.

2. Выслушав составленные особой комиссией, во исполнение постановления совещания от 16 июля сего года, основные положения, коими должна руководствоваться группа в своей деятельности, и обсудив каждое из доложенных положений, совещание приняло их в следующей окончательной редакции:

— группа объединяет государственно мыслящих и патриотически настроенных русских людей, не считаясь с принадлежностью их к той или иной политической группировке;

— группа признаёт, что Верховным Вождём русского национального движения является Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич;

— группа решительно осуждает русскую революцию, признавая, что она разрушила Российское государство;

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 45–50.

— группа видит возрождение России возможным единственно на русских самобытных государственных началах;

— постановления группы не могут связывать представителей других организаций, если взгляды таковых будут расходиться с постановлениями группы;

— группа имеет целью: а) совместное обсуждение государственных вопросов и того направления, которое желательно давать политической мысли в русских эмигрантских кругах; б) установление среди членов группы возможного единомыслия во взглядах на происходящее в России и вне её политические события;

— пополнение группы новыми членами производится независимо от принадлежности или непринадлежности их к отдельной организации — путём кооптации. Для положительного разрешения вопроса о кооптации требуется не менее $^4/_5$ голосов присутствующих.

Совещание приняло предложение комиссии о том, что, в случае возникновения вопроса о пополнении группы новыми членами, вопрос этот должен быть особо отмечен на повестке (не в ряде «текущих дел»), но без поимённого указания предлагаемых кандидатов.

3. **А.Н. Крупенский** ознакомил собрание с дальнейшим движением вопроса о созыве патриотического съезда в инициативном бюро и его комиссиях. Инициативное бюро большинством голосов приняло формулу, выработанную его комиссией, и формулу, внесённую И.П. Алексинским, не обсуждало.

Обратив внимание на грамматическую неправильность формулы («Съезд должен восстановить Российскую державу, принимая во внимание...»), А.Н. Крупенский подал особое мнение, подписанное им, ген. Богаевским, И.П. Якоби, которое согласились подписать И.П. Алексинский и Я.И. Савич.

В заседании комиссии 30 июля, под председательством П.Б. Струве, возник чрезвычайно существенный вопрос. Комиссия обсуждала проект речи председателя инициативного бюро к представителям общественных организаций. Было обращено внимание, что в этом проекте отсутствуют упоминания: о русской эмиграции, о русском войске и о Великом князе Николае Николаевиче. Комиссия согласилась ввести упоминание об эмиграции, указав, что она работает вместе с русским народом; комиссия согласилась также ввести упоминание об армии. Указание А.Н. Крупенского на то обстоятельство, что неупоминание в речи Великого князя производит удручающее впечатление, вызвало обширные прения. С.Н. Третьяков настаивал, что такое упоминание нежелательно самому Великому князю.

Ввиду невозможности достигнуть единомыслия по этому вопросу, П.Б. Струве предложил испросить аудиенцию у Великого князя, чтобы получить указания по этому предмету. Собрание с этим мнением согласилось и избрало для этого комиссию в составе П.Б. Струве, А.Н. Крупенского и С.Н. Третьякова.

Аудиенция у Его Высочества состоялась 1 августа. Великий князь высокомилостиво выслушал подробные доклады всех трёх лиц. С.Н. Третьяков говорил убеждённо и лояльно. Окончил он свою речь указанием на то, что, конечно, все мы работаем для того, чтобы объединиться вокруг Великого князя, и что, по тактическим соображениям, об этом не надо говорить в начале организации съезда, а об этом будет заявлено в конце съезда.

Его Императорское Высочество, отметив, что Его положение является в данном случае трудным, так как речь идёт о Нём самом, пришёл, однако, к заключению, что указание на Его имя на предварительном съезде является нежелательным.

Великий князь, учитывая авторитет его, А.Н. Крупенского, среди правых групп, уверен, что он сможет воздействовать на представителей правых организаций, дабы они не требовали точного указания на отношения предварительного съезда к особе Его Высочества, причём Великий князь разрешил ссылаться и на Его по сему предмету мнение и указание.

На вопрос Его Высочества, имеет ли А.Н. Крупенский что-либо возразить, последний почтительно заявил, что он не убеждён мотивами, приведёнными П.Б. Струве и С.Н. Третьяковым, и остаётся при убеждении необходимости, для пользы дела, определённого указания на имя Верховного Национального Вождя; возражать же Его Высочеству он не считает возможным, так как делегация прибыла для получения указаний от Его Высочества. Таковые указания Его Высочеством даны, и он им вполне лояльно подчиняется.

Засим, в отношении участия в съезде военных организаций, Его Высочество сказал, что Он категорически воспрещает военным участвовать в этом съезде в качестве представителей военных организаций.

Затем А.Н. Крупенский сообщил, что назначенное 31 июля заседание финансовой комиссии не состоялось за неприбытием кворума. Из частных переговоров его с председателем комиссии С.Н. Третьяковым выяснилось, что С.Н. Третьяков полагает, что для организации съезда нужны небольшие средства, всего несколько тысяч, — на наём помещения, канцелярские расходы и т.п. Что же касается числа

участников съезда, то С.Н. Третьяков считает, что таковых будет 400–500. С этим мнением А.Н. Крупенский согласиться не может. Он мыслит, что для организации съезда нужны весьма значительные средства, чтобы оплатить путевые расходы участников съезда, которые приедут из различных стран. По его исчислению, если на съезд соберётся до 150 лиц, то и для такого числа участников надо иметь до 200 000 франков.

По этому вопросу в совещании возник обмен мнений.

И.П. Алексинский, прежде всего, отметил, что представляет большую ценность состоявшаяся у Великого князя аудиенция, так как возникший вопрос будет обязателен в будущем для тех, кто колебался сейчас. Что же касается финансовых средств, необходимых для созыва съезда, то часть таковых средств, по его мнению, следует искать на местах. Съезд представляет такое большое, исключительно государственное значение, что все обязаны напрячь силы, чтобы он осуществился. Если на местах нельзя собрать много, то какие-то средства и в Сербии, и в Болгарии, и в других местах должны дать. Ещё лучше было бы, если бы нужные средства можно было получить из иностранного источника. Может быть, такие средства могло бы дать иностранное государство, для которого важно создать русский противобольшевистский центр.

П.В. Семичев, возвратившийся на днях из Сербии, указав на тот широкий интерес, который проявляется там в отношении к предполагаемому съезду, отметил, что некоторые средства, конечно, там найдутся, но очень ничтожные. За свой счёт Сербия может послать двух представителей, самое большее — трёх: от Торгово-Промышленного Союза, от объединения правых организаций и, может быть, от Русского комитета.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

СООБЩЕНИЯ А.Н. КРУПЕНСКОГО

I*

3 августа [1925 г.]

На заседании Совета Русской монархической партии во Франции** председателем А.Н. Крупенским было сделано подробное сообщение о ходе работ по созыву Русского Зарубежного Съезда за предшествующую неделю.

На заседании комиссии инициативной группы по созыву Съезда 31 июля под председательством П.Б. Струве были рассмотрены поправки, внесённые несколькими членами комиссии, к той программной речи председателя, которая была составлена С.Н. Третьяковым. А именно было обращено внимание комиссии на отсутствие в означенной речи указания на действенное участие русской эмиграции в стремлениях к свержению власти III Интернационала в России и восстановлению государственного бытия в России; во-вторых, в этой речи нет никаких указаний на существование за границей Русской армии с её командующим и сохранившимися кадрами; и в-третьих — что является самым важным, — нет даже косвенного указания на имя общепризнанного Верховного Вождя Великого князя Николая Николаевича и того отношения, которое предполагаемый предварительный съезд представителей организаций на территории Франции должен иметь к Великому князю Николаю Николаевичу.

Первые две поправки, формулированные П.Б. Струве, были комиссией единогласно приняты. Что же касается третьей, то мнения разошлись.

С.Н. Третьяков полагал, что в настоящее время и в условиях предварительного съезда совершенно не нужно касаться имени Великого князя ввиду того, что указание на имя может затруднить некоторым вполне патриотически настроенным элементам принятие участия на предварительном съезде; прения и споры по такому вопросу могут вызвать нежелательное умаление значения съезда. С именем Великого князя Николая Николаевича надлежит обращаться сугубо осторожно ввиду его значения и ценности. Прежде-

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 27–37.

** *Русская монархическая партия во Франции* создана в 1921 г. Председателем стал А.Н. Крупенский. Программа партии провозглашала восстановление монархии и права собственности в России, не признавала самостоятельности отделившихся от России «ея частей», кроме Польши «в ея этнических границах» и Финляндии «в границах, не угрожающих безопасности и мирному развитию России»; что же касается положения трудового населения страны, то утверждалось, что «одна только царская власть сможет обеспечить интересы трудящихся, и в частности рабочего класса».

временным упоминанием имени можно оказать медвежью услугу самому Великому князю, и неизвестно ещё, желает ли сам Великий князь, чтобы возникли споры и разногласия по поводу Его имени.

Член комиссии В.Н. Новиков, поддерживая мнение С.Н. Третьякова, добавил, что вредно звонить в колокола заранее и преждевременно кричать на весь мир о Национальном Вожде, а надо ударить авторитетно и веско в большой колокол на самом Зарубежном Съезде и только тогда объявить Великого князя Водителем и Вождём.

С.Н. Третьяков согласился с желательностью провозглашения имени Великого князя только на последнем акте, то есть во время общего Зарубежного Съезда.

А.Н. Крупенский возражал обоим ораторам и категорически требовал, чтобы в речи председателя было указано на подчинение патриотически мыслящей эмиграции, на имя Верховного Вождя, объединяющего и возглавляющего борьбу с советской властью в целях возрождения Родины. Сам Съезд, в какой бы стадии он ни был, может иметь значение только постольку, поскольку он связан с именем Великого князя Николая Николаевича. Все монархически настроенные элементы, которые представляют, несомненно, громадное большинство эмиграции, будут поражены отсутствием указания на Национального Вождя, и на самом предварительном съезде этот вопрос будет неизбежно поднят. Если же председатель не допустит речей по этому вопросу, то и предварительный, и настоящий общий съезд потеряют в их глазах всякое значение. Что касается колоколов, то если большой колокол и должен ударить на самом Зарубежном Съезде, то, во всяком случае, малые колокола и перезвоны должны предшествовать большому колоколу, дабы патриотически настроенная эмиграция знала, в каком направлении ведутся работы по созыву Съезда и к каким целям эти работы ведут.

После этого обмен мнений по этому вопросу продолжался, и член комиссии И.П. Якобий дополнил речь Крупенского, высказав, что признание верховного водительства Великого князя Николая Николаевича необходимо не для Великого князя, а для самого Съезда, ибо Великий князь и без того признан всей национально мыслящей эмиграцией и широкими кругами русского народа, между тем как Съезд, устраняясь от такого признания, лишит себя всякого доверия и авторитета в эмигрантских кругах. Что же касается предложения С.Н. Третьякова упомянуть не о подчинении Великому князю, а лишь о том, что инициативная группа сочувствует программе, высказанной Николаем Николаевичем иностранным корреспондентам,

то с таким предложением нельзя никак согласиться, ибо сущность признания верховного водительства заключается именно в сосредоточении власти в руках лица, пользующегося доверием всего народа, а никак не в согласии или несогласии с его программой.

Видя, что соглашение разномыслящих сторон достигнуто быть не может, председатель комиссии П.Б. Струве предложил выйти из этого положения путём делегирования особой депутации в составе его, Струве, Крупенского и Третьякова к Великому князю Николаю Николаевичу, коему и будут изложены мотивы каждой стороны. Великого же князя делегация будет просить сказать своё мнение и дать исчерпывающие указания.

Предложение это было принято, причём член комиссии ген. М.Н. Суворов добавил, что если Великий князь не даст определённого указания, то это должно будет быть понято в том смысле, что упоминание имени Его Высочества и отношение к Его лицу предварительного съезда должны быть сделаны.

Делегация в указанном составе была принята Его Высочеством в субботу, 1 августа.

После краткого вступительного слова П.Б. Струве, вкратце изложившего предмет явки делегации, сначала Крупенский, а затем и Третьяков подробно мотивировали свои точки зрения и основания своих мнений. Причём С.Н. Третьяков вполне определённо указывал, что объявление Великого князя Вождём и руководителем произойдёт на общем эмигрантском Съезде.

П.Б. Струве добавил, что, вполне понимая точку зрения Крупенского, он, однако, боится, что преждевременное указание на имя может заставить некоторую весьма желательную часть эмиграции воздержаться от участия в Съезде.

Крупенский вторично возражал на мотивы, приведённые Третьяковым и отчасти Струве, и сказал, что те элементы, которые будут отпугнуты именем Великого князя, слишком незначительны и, во всяком случае, на них не следует обращать никакого внимания. Что же касается указания С.Н. Третьякова на то обстоятельство, что организация Съезда, явно направленная против признанного Францией советского правительства, может оказаться опасной для самого Великого князя, если преждевременно будет указано на Его имя и на Его водительство, так как враждебно к Нему настроит французское правительство, — то указание это совершенно неосновательно, так как и предварительный съезд, и окончательный Съезд смогут состояться только с согласия французского правительства, которое заранее будет осведомлено о его

сущности, и если оно сочтёт для себя неудобным санкционировать противобольшевистское собрание эмиграции, то не разрешит ни того ни другого съезда. Если же таковые будут разрешены, то никакой опасности ни для Великого князя, ни для участников Съезда предвидеть нельзя.

Внимательно выслушав всех говоривших, Великий князь начал с того, что указал в совершенно частном порядке на трудность своего положения, так как дело идёт о Нём самом и Ему трудно давать в этом отношении определённые указания.

Затем Великий князь распространился вообще по вопросам о Съезде. Он выражал большое удовлетворение видеть у Себя одновременно представителей различных течений и сказал, что это доказывает стремление к единению. Он видит какую-либо пользу от Съезда только в том случае, если Съезд выявит единение государственно мыслящих русских патриотов, и если такого единения не было бы достигнуто, то и Съезда лучше не затевать. Великий князь закончил свою речь тем, что весьма категорично заявил о ненужности упоминания Его имени на предварительном съезде. Зная, каким авторитетом Крупенский пользуется в правых организациях, Он уверен, что последний сумеет удержать свои группы от каких бы то ни было протестов и выдвижения Его, Великого князя, имени, и Он уполномочивает Крупенского ссылаться и на желание самого Великого князя. Таким образом легко будет избегнуть нежелательных осложнений.

На вопрос Великого князя, ему поставленный: имеет ли Крупенский что-либо возразить, Крупенский ответил, что он в правильности своего мнения не поколеблен, но что, придя к Его Высочеству за указаниями, он более не делает никаких возражений: указание дано, и он от имени монархистов таковому вполне лояльно подчиняется.

Впоследующем Великий князь указал, что не позволит военным участвовать в Съезде в качестве представителей военных организаций, так как таковые должны быть в стороне от политики. Кроме того, Великий князь указал, что Съезд должен воздержаться по возможности от каких-либо разрешений земельного вопроса и ограничиться общими соображениями, не выходя из границ той беседы, которую Он имел с представителями иностранной прессы.

После беседы по вопросам общей мировой политики делегация откланялась.

Надо отметить, что Великий князь был застигнут врасплох и даже не знал, о чём Ему предстоит беседовать с делегацией, и в этом отношении нельзя было предпринять никаких мер, так как ходатайство о приёме было возбуждено в пятницу, а приём состоялся в субботу.

Засим в понедельник, 3 августа, на заседании инициативной группы под председательством С.Н. Третьякова последний подробно доложил группе о результатах посещения Его Высочества и при этом добавил, что он вынес впечатление, что Великий князь, быть может, сочтёт излишним указание на Него как на Верховного Вождя и Руководителя даже на предполагаемом общем эмигрантском Зарубежном Съезде, но что, конечно, теперь об этом ещё рано говорить, тем более что как по этому, так и по другим вопросам, вероятно, придётся беседовать с Великим князем ещё неоднократно, и тогда можно будет получить соответствующие указания от Его Высочества.

На предложение председателя дополнить его доклад, Крупенский указал, во-первых, что на вопрос Великого князя он заявил, что не согласен с мнением такового, но что он и все монархисты лояльно подчинятся указанию Его Высочества. Об этом Крупенский потребовал занести в протокол заседания.

Засим, что касается впечатления, вынесенного С.Н. Третьяковым о возможном желании Великого князя не быть упомянутым даже на общем Зарубежном Съезде в качестве полновластного Правителя и Вождя, он, Крупенский, вынес совершенно иное впечатление и уверен, что если Великий князь согласился на неуказание на Него на предварительном съезде, то он совершенно уверен, на основании слов самого С.Н. Третьякова, что имя Его объединит всех русских патриотов, готовых Ему подчиниться.

Во всяком случае, сказал Крупенский, раз один из делегатов выразил возможность неупоминания имени Великого князя Николая Николаевича в самой определённой форме на Зарубежном Съезде, он, Крупенский, просит занести в протокол следующее своё заявление от имени тех групп и масс, которые он в инициативном бюро представляет:

Если в будущем инициаторы Съезда пожелали бы получить от Великого князя Николая Николаевича какие-либо указания по вопросу желательности или нежелательности указания на Него как Национального Вождя и Руководителя дела освобождения России, то ни он, ни кто-либо из его единомышленников не будут участвовать в подобной делегации, так как они имеют в этом отношении свои непоколебимые убеждения и в указаниях не нуждаются.

Если же какая-либо делегация помимо них получила бы указание Его Высочества о нежелательности на Зарубежном Съезде указывать на Него как Возглавителя и Вождя, то ни он, ни кто-либо из его единомышленников (политических) не примут участия в Съезде, так как считают таковой Съезд не только бесполезным, но и вредным.

После этого комиссия коснулась вопроса финансового.

С.Н. Третьяков уже и ранее неоднократно стремился созвать неотложно предварительный съезд путём рассылки уже выработанного и одобренного текста пригласительной записки, вне всяких финансовых соображений, так как на предварительный съезд все делегаты должны прибыть за свой счёт или за счёт своих организаций. Но всякая подобная попытка С.Н. Третьякова встречала категорический протест тех членов, которые находили, что нельзя созывать предварительного съезда, пока не будут обеспечены средства на большой Зарубежный Съезд и не будет решено в общих чертах, какие запросы будут поставлены на разрешение Съезда.

На данном заседании С.Н. Третьяков вновь поднял этот вопрос и предложил разрешить в положительном смысле вопрос о немедленной рассылке пригласительных повесток. С.Н. Третьяков не признавал важности предварительного обеспечения большого Съезда с материальной стороны, так как все местные расходы по организации Съезда потребуют не менее 10 000 франков. Нет сомнения, что найдутся ещё 10 000 фр. для случаев экстренных субсидий делегатам; но в принципе все организации должны будут обеспечить своих делегатов своими собственными средствами или же, при неимении таковых, уполномочить соответствующими мандатами своих единомышленников, живущих в Париже.

Несмотря на возражения Крупенского и некоторых других и видя, что большинство комиссии весьма вероятно согласится на рассылку приглашений, С.Н. Третьяков поставил этот вопрос на баллотировку.

Первым спрошенным был ген. А.А. Гулевич, который голосовал за рассылку приглашений. Вторым был спрошен Крупенский, который и ранее определённо высказывался в отрицательном смысле, в данном же случае он резко протестовал против производимого насилия, так как он является единственным представителем той монархически мыслящей массы, которая в действительности составляет огромное большинство. И ввиду этого Крупенский заявил, что если голосованием вопрос о созыве предварительного съезда будет решён положительно, то он требует занесения в протокол, во-первых, предложения его не посылать повесток ни одной монархической организации и, во-вторых, что на собранном при таких условиях предварительном съезде ни один правый делегат участия не примет, он же, Крупенский, немедленно покинет инициативную группу. После этого заявления большинство в лице П.Б. Струве предложило не продолжать голосования, так как преждевременно разрешать вопрос,

а следует рассмотреть его в финансовой комиссии и постараться прийти к миролюбивому и согласному решению.

Крупенский руководился в своих возражениях Третьякову следующими соображениями: ни о каких предварительных собраниях представителей не может быть речи, пока не будет разрешена материальная сторона предполагаемого Зарубежного Съезда, имеющая кардинальное значение; нельзя поставить предварительный съезд в составе 180 человек в неизвестное положение, не разрешив окончательно и предварительно этот важный вопрос, так как члены предварительного съезда могут спросить своих представителей в инициативной группе, почему их всех созвали, не обеспечив материальной возможности собрать Съезд из делегатов организаций всех стран по крайней мере Европы. В такое положение представители правых организаций никогда не согласятся себя поставить. Предложение С.Н. Третьякова возложить расходы на средства самих организаций недопустимо, ибо и ему, и всем известно, что правые организации не обладают абсолютно никакими средствами и что потому их не только пропорциональное, но и самое минимальное представительство неосуществимо и сам Съезд явился бы однобоким и тем лишился бы необходимого авторитета.

Одни только некоторые профессиональные объединения и отдельные их члены из числа торгово-промышленных и банковских слоёв обладают средствами, и потому эти группы могут рассчитывать на исчерпывающее их права представительство. Эти именно слои, если они действительно стремятся созвать Съезд, который бы представлял из себя огромное большинство эмиграции, и должны финансировать Съезд. Нельзя допустить, чтобы вся русская эмиграция, например в Сербии, то есть в стране, где находится наибольшее количество беженцев, не была представлена полагающимся ей количеством делегатов, а доверила бы свои мандаты организациям Парижа. На это организации в Сербии никогда не согласятся, так как они имеют полное право выражать своё мнение через собственных делегатов, а не через подставных лиц. Ввиду соблюдения чрезвычайной экономии Крупенский полагает, что на Съезде должны участвовать от 150 до 200 делегатов, а не от 400 до 500, как желает С.Н. Третьяков, и при этом, принимая во внимание ту же экономию, в распоряжении организационной комиссии должно иметься в среднем по одной тысяче франков на каждого делегата. Живущие в Париже и окрестностях не вызовут никакого расхода, живущие же в Сербии обойдутся не менее 2500 фр. каждый делегат.

Все делегаты промышленников, банкиров и их единомышленники будут, конечно, снабжены широкими средствами и будут все на-

лицо, остальные же разномыслящие группы и объединения, в случае отсутствия основного фонда, будут представлены в самом небольшом количестве, и посему направление, которое примет Съезд, окажется в полной зависимости от желания групп, обладающих средствами. Такое положение недопустимо в принципе, и поэтому недопустимо созывать и предварительный съезд впредь до того времени, пока в распоряжении будущего Организационного комитета не будет находиться достаточная сумма, которая этим комитетом и будет справедливо и равномерно распределена между всеми организациями вне зависимости от их политического направления и государственной идеологии. Лучше никакого съезда, нежели съезд кривобокий или съезд, решения которого будут диктоваться лицами и группами, обладающими денежными средствами.

Независимо от сего и так как предварительный съезд далеко не будет состоять из правильного пропорционального представительства, необходимо до этого предварительного съезда частным образом согласиться и установить, из каких лиц будет состоять будущий избранный предварительным съездом орган, а именно Организационный комитет, который будет ведать, во-первых, составлением схемы представительства в будущем общем Зарубежном Съезде и, во-вторых, разработкой тех программных докладов, которые будут представлены на рассмотрение Съезда. Поэтому сам состав Организационного комитета играет роль первенствующего значения и должен содержать в себе элементы всех политических течений в размерах справедливой пропорциональности к существующим в эмиграции течениям.

Ввиду изложенного, предварительный съезд может быть созван без вреда для общего дела только в том случае, если до его созыва будут успешно и окончательно решены вопросы:

1) денежный — для созыва общего Зарубежного Съезда и

2) о составе Организационного комитета.

Нельзя волновать и будоражить всю русскую эмиграцию созывом предварительного съезда, не имея уверенности, что возможен созыв всеэмигрантского Зарубежного Съезда.

II*

На заседании Совета Русской монархической партии во Франции А.Н. Крупенским был дан следующий отчёт о заседании финансовой комиссии 7 августа 1925 года.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 37, л. 38–41.

На заседание прибыли: председатель комиссии С.Н. Третьяков, секретарь В.Н. Новиков и члены — ген. Суворов, И.П. Алексинский, М.Л. Киндяков, Кнатц и А.Н. Крупенский.

Третьяков, поддерживая своё мнение, что для созыва предварительного съезда нет надобности предварительно иметь в своём распоряжении крупных сумм, тем не менее заявил, что для расходов центра, то есть на наём помещения, на все канцелярские расходы и тому под., организация промышленников обеспечивает сумму в 5000–10 000 фр., что же касается путевых расходов делегатов, то таковые должны быть собраны самими организациями, и что только в виде особого исключения центр может прийти на помощь организациям, и что для этого не потребуется более 10 000 франков. Он хотел бы знать, что дают другие группы, ибо торговопромышленники исполнили свой гражданский долг и приносят в жертву общему делу до 10 000 франков.

Крупенский также продолжал стоять на своей точке зрения о необходимости принятия центром на себя всех расходов; если же какие-либо организации смогут внести и свою лепту, которая, по его убеждению, будет весьма невелика, то и все эти взносы должны поступить в общую кассу центра. Количество необходимой суммы, которая должна быть обеспечена до созыва предварительного съезда, по его мнению, зависит от количества созываемых делегатов, и если таковых будет 150, включая и парижских, то ему кажется, что менее чем 150 000 обойтись нельзя. Если же созывать, по предположению Третьякова, от 400 до 500 делегатов, то потребуется такая сумма, которой собрать не будет никакой возможности. Независимо от сего Крупенский полагал, что до созыва предварительного съезда необходимо согласиться в вопросе о личном составе будущего Организационного комитета, каковой должен выражать возможно справедливую пропорциональность эмиграции в её политических оттенках, ибо было бы, например, явно несправедливо ставить на один уровень организацию Национального Комитета и организацию монархическую, которая, как всем известно, имеет за собой огромную массу эмиграции. Во всяком случае, состав Организационного комитета должен быть предрешён, и относительно него должно произойти соглашение. Необходимо также иметь перед собой точную картину состава большого Зарубежного Съезда. Задача выработки схемы Зарубежного Съезда возложена была на комиссию под председательством М.М. Фёдорова. Другие комиссии работают, комиссия же М.М. Фёдорова не собиралась ещё ни одного раза в течение этих трёх недель.

До представления схемы представительства Крупенский не считает возможным приступать к созыву предварительного съезда, которому должен быть представлен более или менее готовый материал.

После речи Крупенского председатель Третьяков констатировал коренное разногласие между ним и Крупенским и заявил, что, привыкши всегда говорить откровенно, он полагает, что Крупенский руководится не целями созыва Съезда, а целью таковой сорвать, и добавил, что Съезд сорван не будет, а будет собран и без монархистов.

На это Крупенский реагировал весьма энергично, заявив, что, во-первых, все правые стремятся созвать Съезд, ибо и не начинали бы о нём разговаривать, если бы такого не хотели, но что, искренно желая, чтобы Съезд был действительным выразителем мнения эмиграции и имел бы какой-либо авторитет, надо обеспечить все меры, к тому ведущие, и в первую очередь финансовый вопрос. Крупенский резко протестовал против слов Третьякова и просил занести в протокол, кроме существа своего возражения, также его чувство возмущения, так как председатель не имеет никакого права агрессивных выпадов по отношению к отдельным членам комиссии, его мнение не разделяющим.

И.П. Алексинский выразил своё крайнее сожаление по поводу слов Третьякова, как он, Алексинский, так, по-видимому, и другие члены комиссии уверены в лояльности Крупенского и не могут одобрить слов председателя. Алексинский выразил по этому поводу свою искреннюю симпатию Крупенскому. Он не монархист, но понимает точку зрения Крупенского.

По его мнению, можно было бы созвать предварительный съезд, имея в своём распоряжении от 50 000–60 000. Суворов полагал, что достаточно 20 000. Киндяков согласился с Алексинским. Кнатц также полагал, что при наличности 20 000 можно созывать предварительный съезд.

С.Н. Третьяков подтвердил своё мнение о желании Крупенского сорвать съезд, оскорблять Крупенского он не хотел, и если А.Н. оскорблён, то в этом он извиняется.

В дальнейшем обмене мнений выяснилось, что Торгово-Промышленный Комитет даёт 10 000; И.П. Алексинский гарантировал поступление в 5000 франков.

Крупенский заявил, что, по всем вероятиям, и правые соберут до 10 000 фр., но гарантии он на себя принять не может.

Комиссия единогласно согласилась, что все суммы, откуда бы они ни исходили, должны поступить в распоряжение Организационного ко-

митета и им расходоваться. Засим председатель предложил вопрос, считает ли комиссия желательным созвать предварительный съезд при наличности 25 000 фр., обеспеченных за Организационным комитетом.

Крупенский возразил, что финансовая комиссия существует только для разработки вопросов денежных и некомпетентна высказываться о сроке созыва предварительного съезда. Этот вопрос подлежит рассмотрению общего собрания инициативной группы. С таким возражением ни председатель, ни комиссия не могли не согласиться, и заседание было закрыто.

А.Н. Крупенский

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

Берлин, 13 августа

Если бы специальной задачей созываемого в Париже беженского съезда было раздуть придушенную взаимную вражду и вскрыть болящие язвы эмиграции, то лучшее средство, пожалуй, найти было бы трудно. Конечно, нельзя было не предвидеть, что такой созыв, прежде всего, обострит газетную полемику, которая по своей, какой-то мертвенной страстности и болезненному забвению насущных беженских интересов принимает чисто анекдотический характер. Но полемика разгорелась не только между органами разных «направлений». Ещё в более грубой форме она вспыхнула между газетами, конкурирующими между собою в преданности «вождю» и в правильности отражений его идей и стремлений. Полемика разгорелась из-за приглашения на съезд так называемых республиканцев-демократов**, отказ которых от участия в съезде не мог заранее подлежать никакому сомнению. Особенность этой полемики состоит в том, что оба полемиста правы. Съезд имеет целью провозгласить Николая Николаевича

* «Руль», 13 августа 1925 г.

** *Республиканско-демократическое объединение (РДО)* — союз, объединивший представителей различных партий («от левых кадетов до правых социалистов»), а также членов разных общественных организаций. Образован в Париже в июне 1924 г. «с целью сплочения всех русских граждан»; вырос из Республиканско-демократического блока левых кадетов и организации «Крестьянская Россия» (см. прим. на с. 423 наст. изд.). Лидер — П.Н. Милюков. Позиции РДО нашли выражение в «Трёх платформах РДО, 1922–1924»: Россия виделась как «демократическая, федеративная республика, с сильно подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью»; «Важнейшим фактором строительства России, как страны земледельческой, объединение считает крестьянство, казачество и вообще трудовой земледельческий элемент», возрождение государства объединение видело также и в отказе от коммунистического ведения хозяйствования и т.д. РДО прекратило своё существование в январе 1928 г. на почве разногласий, возникших между «Крестьянской Россией» и республиканско-демократической группой кадетов.

«вождём». Его организаторы не только не скрывают, но тщательно подчёркивают монархическую сущность своих намерений и ненужность «программ». При таких условиях обращения к блюстителям демократии, взявшим теперь патент на республику, значило заведомо идти на получение величественного отказа. Но, с другой стороны, если заранее ограничить круг приглашаемых своими заведомыми приверженцами, то тогда и съезд может быть оправдан только тем, что маслом каши не испортишь, и уже, во всяком случае, нельзя его было бы назвать съездом зарубежной России. Другое дело, если приглашения рассылаются, так сказать, направо и налево, если двери съезда широко раскрываются, если днём с фонарём разыскиваются все беженские организации. Таким образом, намерения созвать всю «зарубежную Россию» демонстрируются с полной определённостью. Если же засим (что и заранее было ясно) та или другая группа откажется, то не менять же из-за этого уже готового штемпеля, а пусть эта группа пеняет на себя. Но, конечно, диссиденты с этим мириться не желают и подымают громкий и резкий протест, шум коего солидно увеличивается недовольством и сторонников съезда, обиженных полученным отказом со стороны некоторых приглашённых.

Вряд ли, однако, можно спорить о том, что значение съезда очень мало изменилось бы, если бы и не последовало отказа. Организаторы нашли в Париже около ста — кто бы мог поверить! — беженских организаций. Можно было бы радоваться и гордиться таким умением сплачиваться и взаимно поддерживать друг друга в исключительно тяжёлых обстоятельствах. Но слышал ли кто-нибудь до сих пор о деятельности огромного большинства всего этого пышного списка? Тут не только Парламентский комитет, то есть пять-шесть бывших членов Государственной Думы и Госсовета, но и союзы служащих государственной канцелярии и различных министерств и даже отделов этих министерств, и союзы воспитанников прежних учебных заведений, и прежде всего привилегированных. Кого они, кроме самих себя, представляют, какое отношение они имеют к острым нуждам той миллионной диаспоры, которая рассеяна по всему свету? Что изменится, чем облегчится её тяжёлое положение от того, что съезд провозгласит вождя?

Да и вообще, разве голос этой миллионной массы, нуждающейся и в материальной, и моральной поддержке, может прозвучать на съезде? Организаторы великодушно ассигновали 10 000 франков на наём помещения, на печатание докладов, на оплату секретариата, но отказались найти средства на путевые расходы «делегатов», предоставляя это коллективным усилиям местных организаций. Но неужели организаторы

съезда и того не знают, что кассы этих организаций угрожающе пусты, что приходится употреблять нечеловеческие усилия, изощряться и унижаться перед иностранцами, чтобы добыть жалкие средства, необходимые для спасения беженцев буквально от голодной смерти, избавить от страшных жизненных драм? Будет ли этот вопрос поставлен на съезде или он тоже входит в область «программ», которые так решительно отвергаются?

А ведь эта попытка созвать съезд далеко не первая. Она ведь неоднократно делалась за эти печальные семь лет и справа и слева, и всегда одинаково неудачно и бесплодно. Чем же объяснить такую настойчивость, превращение этой идеи в феникса, неизменно возрождающегося из пепла?

ЦИРКУЛЯР
КАНЦЕЛЯРИИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
№ 23*

16/29 августа 1925 г.

Его Императорское Величество повелел всем верноподданным никакого участия в созываемом некоторыми эмигрантскими группировками «Зарубежном съезде» не принимать.

Обоснованием такого решения Государя Императора является провидение настоящих целей инициаторов и вдохновителей съезда, которые под маской патриотизма таят гибельные для дела возрождения России, клонящиеся к замене принципа законности политиканством, частью злонамеренных, частью близоруких партийных вождей. Ошибки 1917 года с трагическою ясностью показали вред всяких уступок и всякого соглашательства. Результаты проектируемого съезда могут быть лишь самые отрицательные, резолюции, несомненно, подтасованные, а расчёты — себялюбивые и, в конце концов, обречённые на неудачу.

Более подробное разъяснение причин Высочайшей резолюции воспоследует в ближайшее время через особое обращение Его Императорского Величества к верноподданным русским людям.

Начальник Канцелярии
Его Императорского Величества
капитан 2-го ранга Г. Граф

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 57, л. 8.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА*

В варшавской газете «За Свободу» напечатана интереснейшая статья большого русского писателя Арцыбашева, который, как все знают, является одним из непримиримейших борцов против большевизма. В статье этой (озаглавленной «Вождемания») мы читаем следующее:

> «В пылу полемики инициаторы "съезда зарубежной России" с несомненностью выяснили, что они никогда и не помышляли о съезде действительно общеэмигрантском.
>
> Широковещательный призыв к единению всей русской эмиграции, без различия партий и направлений, оказался лишь тактическим приёмом.
>
> Слово жестокое, но иначе определить нельзя!
>
> Перед будущим съездом поставлена совершенно определённая цель — торжественное провозглашение вождём Николая Николаевича, и "всем" предоставляется одно только право: беспрекословно присоединиться!
>
> Очевидно, что при таких условиях все, по каким бы то ни было причинам не согласные стать "под знамя вождя", не имеют иного выхода, как отказаться от участия в съезде.
>
> А между тем отказывающиеся заранее объявлены ненационально мыслящими и пособниками большевиков!
>
> Таким образом, мы все поставлены под угрозой — или признавайте Николая Николаевича, или в глазах тёмной эмигрантской массы, не способной разобраться в тонкой игре понятий и постичь разницу между единением вообще и объединением вокруг непременно Николая Николаевича, вы будете изменниками русскому делу!
>
> Нетрудно представить себе, какое страшное озлобление должна вызвать такая постановка вопроса у всех, ставших жертвой этого недоразумения.
>
> Действительно, можно сказать, что если бы у инициаторов съезда была мысль окончательно вырыть пропасть между двумя лагерями эмиграции, то они не могли бы придумать ничего лучше!»

Арцыбашева никто не может заподозрить ни в отсутствии глубокого и горячего патриотизма, ни в недостатке ненависти к большевикам (г-жа Кускова нашла даже, что он их ненавидит чрезмерно). И тем не менее — или, точнее сказать, именно в силу своего горячего патриотизма — Арцыбашев, как видите, с патриотической тревогой смотрит на предстоящий Зарубежный Съезд. От этой тревоги

---

* «Русское время», 31 августа 1925 г.

нельзя ни отругнуться, ни отмахнуться. Над нею надо серьёзно призадуматься.

Должен сказать, что я лично стал с большим скептицизмом, чем прежде, смотреть на вероятные результаты Съезда после того, как присутствовал на посвящённых Съезду собраниях Русского рабочего союза*. Когда слышишь, как один русский (офицер) кричит другому русскому (тоже, вероятно, офицеру): «Жид!» — за то, что тот недостаточно увлекается мечтой о Зарубежном Съезде, становится тошнотно не только от внесения в дебаты этого антисемитского и погромного элемента, но ещё больше от мысли о том, что идеологи Съезда, то есть прежде всего Струве, сумели ещё до созыва Съезда сделать его оселком для оттачивания взаимной ненависти среди эмиграции.

Организаторы Съезда должны делать всё зависящее от них, для того чтобы ввести дискуссию о Съезде в более спокойные и достойные рамки.

Г. Алексинский

В РУССКОМ РАБОЧЕМ СОЮЗЕ**

Состоявшееся 23 августа второе заседание общего собрания Русского рабочего союза во Франции имело иной состав и иные результаты, чем предыдущее.

Избранный на предыдущем заседании председатель г-н Муретов был заменён г-ном Воронцовым-Вельяминовым (правого лагеря), и вообще было ясно, что правые руководители союза на этот раз подготовились к собранию, которое было многочисленнее предыдущего (было около 130 человек из 400 человек общего количества членов).

Дебатировался вопрос об участии союза в Зарубежном Съезде. Ораторы от правления защищали точку зрения последнего, согласно которой «раз зовут, надо идти». Правление уже выбрало и делегацию — из состава правления. В дебатах выяснилось, однако, что правление ничего не знает о Съезде и даже не осведомлено о составе инициативной группы.

---

* *Русский рабочий союз* создан в ноябре 1924 г., отделился от Союза русских рабочих. Союз защищал профессиональные интересы рабочих, членом его мог стать любой из русских эмигрантов. В организации существовала касса взаимопомощи, отдел трудоустройства, оказывалась юридическая и медицинская помощь, союз открывал профессиональные курсы и, кроме того, организовывал досуг рабочих-эмигрантов (музыкальные вечера, встречи с литераторами, обсуждение новых книг и пр.). Председателем союза был избран Н.Н. Кришевский.

** «Русское время», 31 августа 1925 г.

Противники участия в Съезде, гг. Палеолог, Величко и др., поставили вопрос на слишком формальную почву, ссылаясь на параграф устава об аполитичности союза. Г. Алексинский возразил на это, что борьба с большевизмом, как и с другими микробами, есть не политика, а санитария и ассенизация. Однако Г. Алексинский не был согласен с правлением и, не возражая принципиально против участия в Съезде, находил, что надо сперва знать, каков предполагаемый состав Съезда и его программа. Это тем более необходимо, что Струве, выступающий в роли идеологического руководителя Съезда, придал ему заранее характер узкопартийного и реакционного предприятия. А такой характер Съезда вызовет отрицательное отношение к нему со стороны антибольшевистских элементов внутри России. Поэтому нужна осторожность.

Предварительная агитация, однако, предрешила решение собрания. Если на предыдущем собрании союза были случайно в большинстве противники Съезда, то на этом собрались в большинстве его нерассуждающие сторонники. Предложение Г. Алексинского, рекомендовавшего сперва как следует ознакомиться с работой инициативного комитета и затем решить окончательно вопрос об участии в Съезде, не было принято. А последующие выступления противников Съезда стали встречаться враждебными криками и бранью, так что свободное и спокойное обсуждение вопроса стало невозможно. Когда член союза г-н Величко стал доказывать, что, согласно уставу, союз не должен сходить с аполитичной позиции, ему стали кричать: «Жид!» Председательствовавший г-н Воронцов-Вельяминов не остановил кричавших. Тогда Г. Алексинский взял слово и заявил, что в Русский рабочий союз могут входить все русские граждане — чисто русские, татары, евреи и т.д. — и неприлично вводить погромный элемент в товарищеское обсуждение серьёзного вопроса.

В конце концов, большинством $^3/_4$ голосов было одобрено решение правления об участии в Съезде. Но характер дебатов и дух собрания были таковы, что вряд ли это решение будет плодотворным для единства и развития союза и для успеха Съезда.

Как это часто бывает у людей, увлекающихся поверхностной и лёгкой победой случайного большинства, у победителей на общем собрании союза явилось сейчас же стремление закрепить своё господство при помощи механических мер и дисциплинарного воздействия на несогласно мыслящих. Для достижения этой цели были предложены изменения и дополнения к уставу, общий смысл которых таков, что выполнение их неизбежно должно привести не к расширению, а к сужению деятельности союза и к ограничению численности его членов.

Так, например, было предложено подвергать вновь вступающих членов месячному стажу — испытанию. Решено было также ввести взамен общих собраний союза референдум, в виде опроса членов союза по важным вопросам.

Если подобные меры будут практически проводиться в жизнь, то неизбежно быстрое омертвение организации, которая и без того не отличалась до сих пор особенно кипучей жизнью.

Всепреданнейшим долгом считаю представить на рассмотрение Вашего Императорского Высочества журнал совещания группы патриотических деятелей, состоявшегося 8 сентября сего года.

Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

18 сентября 1925 г. *Александр Трепов*
Париж

ЖУРНАЛ № 16 СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

8 сентября 1925 г.
Париж

Председательствовал: А.Ф. Трепов

Присутствовали: кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Крупенский, М.Н. Граббе, кн. М.К. Горчаков, А.А. Гулевич, И.П. Алексинский, С.Л. Демешко и Н.Н. Григорьев

1. Заслушан и утверждён журнал заседания 18 августа сего года за № 15.

2. **Председатель** сообщил, что, согласно прежним суждениям настоящего совещания, вопрос о денежных средствах, необходимых для созыва Съезда, был поставлен в инициативной группе и в протокол заседания инициативной группы занесено наше мнение о том, что вопрос о средствах должен быть разрешён, во всяком случае, до производства выборов на местах.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 39, л. 13–16 об.

Затем председатель сообщил о ряде полученных им сообщений от лиц, проживающих в других странах (Югославии, Финляндии, Болгарии, Америке), из коих усматривается, что интерес различных организаций и отдельных лиц, вызванный нашей инициативой о созыве Патриотического Съезда, очень велик. Этой инициативе придаётся большое значение. Если бы в будущем начатое нами дело стало развиваться по неправильному пути, мы должны будем опять взять его в свои руки.

Председатель огласил полученное им от инженера П.Н. Финисова заявление о желании вступить в состав группы патриотических деятелей. После обмена мнений по этому предмету совещание признало расширение состава группы в настоящее время, впредь до выяснения программы дальнейшей её деятельности, несвоевременным, о чём и постановило уведомить П.Н. Финисова.

Затем продолжительный обмен мыслей, в котором приняли участие большинство присутствующих, произошёл по поводу предстоящего 13 сентября собрания представителей русских общественных организаций, находящихся во Франции. Большие дебаты вызвал вопрос о председателе собрания 13 сентября. Было указано, что наиболее желательной представлялась бы кандидатура И.П. Алексинского. Самим же **И.П. Алексинским** было отмечено, что хотя он не считает возможным отказываться от работы, и притом столь большого общественного значения, но полагает, что если будет выдвинута его кандидатура в председатели, то она вызовет явную оппозицию в кругах Торгово-Промышленного Союза и Национального Комитета, ибо они считали бы, что таким избранием было бы умалено значение Торгово-Промышленного Союза. Поэтому он считает более правильным, чтобы его не выбирали председателем собрания 13 сентября. К этому мнению присоединился и председатель совещания.

Затем **А.Ф. Трепов** сообщил, что после речи председателя на собрании 13 сентября он возьмёт слово, о чём им уже было заявлено в инициативной группе.

Далее совещание единогласно признало необходимым добиваться того, чтобы на предстоящем съезде наибольшее число мест (примерно $^2/_3$) было предоставлено представителям русской эмиграции, находящейся в других странах. Только при таком условии были бы соблюдены условия справедливого представительства и были бы избегнуты в будущем нарекания, что эмиграция и общественные учреждения, находящиеся во Франции, пользуясь своим преимущественным положением, захватили чрезмерное количество мест. Само

собой разумеется, что при этом приходится иметь в виду, что все места, которые были бы предоставлены эмиграции, находящейся в других странах, не могут быть пополнены представителями с мест и потому придётся допустить представление мандатов, причём число таких мандатов, которые представит каждое отдельное лицо, не должно быть чрезмерно велико (примерно следовало бы допустить не более трёх мандатов для каждого лица).

После оглашения составленного инициативной группой списка кандидатов, которые будут предложены собранию 13 сентября для избрания в Организационный комитет, совещание приняло к сведению сообщение А.Ф. Трепова о том, что он сделал в инициативной группе решительное заявление о том, что не считает для себя возможным, чтобы его имя находилось в том же списке, в котором фигурирует имя кн. Павла Долгорукова — этого потомка Рюриковичей, перешедшего на сторону революции. В соответствии с этим имя его в список предлагаемых кандидатов не внесено.

В заключение совещание признало необходимым, чтобы собрание 13 сентября было закончено в течение одного дня.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

РОССИЯ И ЭМИГРАНТЫ*

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД

В конце июня по почину группы, состоящей из десятка виднейших представителей национальной России, было принято решение созвать всероссийский съезд и образовать российский центр.

Целью этой инициативной группы (так она себя назвала) была предварительная разработка общей программы работы этого съезда; с другой стороны, её исходная задача заключалась в установлении порядка выборов, в соответствии с которым будет созван съезд, призванный объединить представителей всех русских, рассеянных по всем странам и принадлежащих ко всем партиям. Количество русских эмигрантов составляет примерно три миллиона.

* «Le Gaulois», 13 septembre 1925 (*перев. с франц.*).

Инициативная группа, сразу после своего возникновения создавшая три комиссии: политическую, экономическую и организационную, приняла решение созвать, прежде всего для того, чтобы обеспечить успешное проведение съезда, общее собрание русских организаций Парижа. Организационный комитет, который будет учреждён в ходе собрания, будет состоять примерно из пятидесяти членов. Ниже следует полный текст извещения, направленного каждой из этих организаций, общее число которых составляет 110.

Этот текст тем более примечателен, что в первой его части определяются принципы, на основе которых будет созван общий съезд.

> «Инициативная группа приняла решение созвать Всероссийский Съезд, назначение которого — сплотить всех русских, желающих освободить Россию от ига III Интернационала и воссоздать страну в качестве Великой Державы, зиждущейся на законности, справедливости и свободе, с учётом, с одной стороны, её исторических основ, а с другой — совершившихся значительных изменений, а также подлинного положения, в котором пребывает нынешняя Россия.
>
> В связи с тем что для созыва Съезда нужно создать Организационный комитет, опирающийся на самые широкие круги русской эмиграции, инициативная группа просит вас направить своего представителя на общее собрание русских организаций, которое будет проведено в воскресенье, 13 сентября 1925 года, в половине третьего пополудни в помещении Международной конфедерации производства, порядка и мира (ул. Седийо, 12).
>
> Повестка дня:
>
> 1. Доклад председателя инициативной группы.
> 2. Обсуждение по поводу необходимости созыва Съезда.
> 3. Выборы Организационного комитета».

Далее идут несколько строк с техническими подробностями о подаче мандатов и числе голосов.

Из чрезвычайно многочисленных ответов на решение о созыве, поступивших в последние дни в инициативную группу, и из отношения к съезду со стороны русских эмигрантов, проживающих в различных странах, вытекает, что эти последние почти единодушно сознают, насколько полезен и важен его созыв. Мы сказали: «почти единодушно», и тут следует сделать отступление, обратив внимание на чрезвычайно любопытный отклик, вызванный известием о созыве съезда, в эмигрантских кругах и в их печати.

Многие страницы газет, издаваемых русскими, находящимися в эмиграции, в настоящее время посвящены съезду; подавляющее

большинство с восторгом высказалось за его созыв и за создание единого антибольшевистского фронта, в то время как незначительное меньшинство — три газеты из примерно тридцати, а именно парижская «Воля России» (главный редактор Чернов), берлинские «Дни» (редактор Керенский) и парижские «Последние новости» (главный редактор Милюков), которые, по их собственному признанию, представляют взгляды от силы десяти процентов русских эмигрантов, — высказались против съезда и тем самым оказались вынужденными определить своё отношение к Советам, отношение, которое до последнего времени оставалось неясным. Этим газетам (или, по крайней мере, их главным редакторам) предстояло встать либо на сторону противников большевиков, либо на противоположную сторону. В настоящее время их политическое кредо больше не порождает никаких кривотолков. Они чётко заявили, что предпочитают сотрудничать с большевиками. Что касается Чернова и Керенского, с которыми, даже с точки зрения Советов, можно, так сказать, больше не считаться, такая просоветская позиция ни у кого не могла вызвать удивления. Напротив, линия поведения Милюкова (бывшего министра иностранных дел во Временном правительстве), когда-то сторонника немецкой оккупации Украины, и который, веря в 1918 году в победу Германии, побуждал — впрочем, без всякого успеха — силы национальной России обратиться за помощью к Германии, для того чтобы навести в России порядок — даже ценой предательства по отношению к союзникам, — вызвала, видимо, живейший интерес у Советов. В этой связи необходимо сообщить об известии, только что обнародованном в неофициальном органе чехословацкого правительства «Tchekoslovenska Respoublica» (так во французском тексте. — *Перев.*), № 232. В газете обращается внимание на то, что, ознакомившись с последними статьями, напечатанными г-ном Милюковым в своей газете, статьями, в которых этот последний выступает за сотрудничество с Советами и выражает готовность оказать им поддержку в области внешней политики, Чичерин, сразу же по прибытии в Европу, направит ему, через посредство доверенного лица, предложение о проведении согласованного демарша, для того чтобы оказать давление на великие державы.

В свете вышеизложенного вполне естественно возникает вопрос о целях, которые ставит перед собой инициативная группа, и о назначении съезда, на котором соберётся, как-никак, 95% представителей русских эмигрантов и где так или иначе будут представлены какие-то подпольные антибольшевистские организации из

России. (Вполне вероятно, что съезд пройдёт в конце октября; предполагается, что численность участников составит 500 человек.)

Очевидным образом, делать по этому поводу какие бы то ни было уточнения было бы затруднительно; тем не менее документы, с которыми нам удалось ознакомиться (NB!), дают нам возможность составить примерное представление об основных чертах программы, которая будет заявлена съездом. Эта программа, которая является — или скорее станет — программой единства национальной России, выглядит бесконечно более либеральной, чем можно было бы полагать. Прежде всего, в ней никоим образом не будет речи о политическом режиме, а уж тем более — о восстановлении отжившего строя. Напротив, эмигрировавшие жители России стремятся лишь к тому, чтобы способствовать усилиям русского народа, который в настоящее время борется против III Интернационала во имя освобождения России от коммунистического ига и установления такого строя, при котором все равны перед законом, личная свобода каждого гарантируется, а частная инициатива сможет получить свободное развитие.

Что касается аграрной проблемы, которой в России принадлежит первостепенное значение, в первую очередь будет провозглашено, что никто не помышляет о том, чтобы отнять землю у крестьян. Более того, мы можем вообще сказать, что и речи быть не может не только о политической реставрации, но даже и о какой бы то ни было реставрации экономической, равно как и о карах за противозаконные действия, совершённые во время смут исключительно под воздействием большевистских агитаторов.

Те, кто — возможно, небезосновательно — выдают себя за вождей завтрашней России (при том что это главным образом русские), не цепляются за прошлое и озабочены нынешним и будущим положением дел; они требуют мира внутри страны и за её пределами и хозяйственного возрождения великой державы, какой является Россия. Такова их единственная забота.

Вследствие этого программа Российского государства является по своей сути либеральной и демократической в полном смысле этого слова.

Даже если предположить, что, помимо будущего сплочения всех русских, свободных в своём волеизъявлении — как результата этого съезда, — сплочения, основанного на этой программе, деятельность съезда и созданного им центра не приведёт в ближайшее время на деле ни к чему другому, — всё это станет свидетельством большого значения съезда.

Обеспечив в России и за её пределами широчайшую известность этой программе, в которой мы едва коснулись лишь самых заметных положений, съезд непременно внесёт свой вклад в усиление борьбы против III Интернационала.

Во всяком случае, народные массы в России на деле узнают, что ждёт их после уничтожения большевизма, а крестьяне, ныне неустанно борющиеся против большевиков, будут продолжать эту борьбу с ещё большим упорством, будучи убеждёнными в том, что им нечего опасаться со стороны прежних землевладельцев. Что до иностранцев, сознающих, какую важность представляют для них хозяйственное восстановление России и ликвидация III Интернационала, и стремящихся содействовать возрождению страны, то знакомство с программой предоставит им возможность без всяких опасений вести переговоры с русскими противниками большевизма.

А. Де Г-ч

ОПОВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ЗАКОНОПОСЛУШНЫХ В Ч.С.Р.*

На принесённое поздравление по случаю тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Владимира Кирилловича мы удостоились получить милостивый ответ:

«Сердечно благодарю Вас и всех русских людей, принёсших поздравления ко Дню моего ангела».

На подлинном собственною Его Императорского
Высочества рукою начертано:

12 августа 1925 г. *Владимир*
С. Бряк

Объявляем во всеобщее сведение, что Его Императорское Величество повелел всем верноподданным никакого участия в созываемом некоторыми эмигрантскими группировками «Зарубежном съезде» не принимать.

Основание: Циркуляр Канцелярии Его Императорского Величества № 23 от 16/29 августа 1925 г.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 1, М-255, л. 2об.

Прага, 15 сентября 1925 г.

Ровно год тому назад Государь Кирилл Владимирович издал Манифест о приятии титула Императора Всероссийского. Часть эмиграции поняла всю жертвенность, религиозность и необходимость акта, но нашлись — и до сих пор ещё есть — люди, с ним борющиеся. Попробуем разобраться в причинах этой борьбы и в стремлениях тех, кто борется с законным Царём.

Эмиграция в своих рядах объединила самые разнообразные партии и направления, от интернационалистов Дана и Чернова до ставшего в эмиграции республиканцем кадета Милюкова, монархиста Струве и оставшимся тем, чем он был, — вождём Союза русского народа, Маркова 2-го.

Эта разношёрстность политических позиций эмиграции показательна как единодушный протест против власти III Интернационала всех политических групп, представленных в своё время в залах Таврического дворца.

Ведь если б кому-нибудь, хотя бы за две недели до революции, 15 февраля, сказали, что скоро наступит время, когда Главнокомандующий Великий князь, Дан, Керенский, Чернов, Милюков, Трепов, Крупенский и Марков 2-й будут в одно и то же время и в одной и той же стране политическими эмигрантами, с каким бы сожалением и сочувствием каждый из этих эмигрантов посоветовал полечиться своему собеседнику.

Но сбылось самое невероятное, самое неожиданное!

В эмиграцию ушёл Главнокомандующий и рядовой солдат, казак и офицер, аграрный Чернов и парламентарный Милюков, неудержный Марков и учёный Струве. В своём эмигрантском исходе на время объединились все, кто до сего времени были врагами, и многие в этом видели отрадный факт, во-первых, того, что все русские партии и группы не находят для себя возможным идти под власть и на сотрудничество с III Интернационалом и своим общим исходом выявляют это всему миру; во-вторых же, некоторые наивные думали, что общий исход, объединив в протесте, служит залогом возможности объединения и в созидательной работе.

Но если отчасти было верно первое, то сейчас же разубедились во втором. С первого же дня эмиграционной жизни началась партийная грызня, все попытки объединения разлетаются как дым, оставляя по себе горький след в душе каждого любящего Россию.

Наконец, появляется воззвание Великого князя Кирилла Владимировича 2 апреля 1923 года, как ближайшего родственника по-

койного Государя и Законного Наследника Престола, вследствие неизвестности судьбы Царской Семьи, о принятии им на Себя блюстительства Престола*. Казалось бы, что этот акт, основанный на долге и законе, должен был привлечь к себе сердца всех, кому дорога Россия, но вместо этого акт лишь послужил толчком для некоторых лиц, до сих пор совершенно инертных и бездеятельных, начать интригу против Великого князя. Акт пробудил к жизни заснувшие честолюбия, вызвав подражания людей, лично стремящихся к власти для осуществления своих планов, чуждых интересам Родины.

31 Августа 1924 убедившись в гибели Царской Семьи, Государь Император сказал своё вещее слово, внушённое сознанием долга перед Родиной, любовью к народу и преклонением перед волей Всевышнего, о приятии Им Престола Российского, в силу своего первородства. Этот акт вызвал различные чувства и стремления.

Прежде всего, обострились раздоры среди тех, кто в своё время делали революцию, были большими и малыми червяками, с большей или меньшей силой и талантливостью подточившими Русский трон, тех, кто обливал грязью мученика Царя, издеваясь над самой священной традицией русского народа и государства.

Потом, как компромисс, — признание собственных ошибок; они заявляли, что поняли, что во время войны нельзя делать революцию. Но тогда, слепые в своей незрячести, они, подтачивая Трон, подтачивали русскую государственность и привели всех нас за рубеж родной страны, чтобы здесь, в чужих землях, объединиться на каких-то съездах, на надуманных программах, заранее зная всю безнадёжность своих попыток.

Казалось бы, настал момент для объединения, но вместо этого мы видим новую борьбу, воскресившую с новой силой, вдали от Родины — продолжение 17-го года, новый поход против Царя и Родины, против силы, единственно способной вырвать Россию из рук Интернационала.

Из эмигрантов первыми определённо высказались социалисты-демократы и революционеры. Они не приемлют монархии, для них счастье — социализм, и пусть гибнет Россия, да здравствует доктрина!

Если большевикам будет угрожать сменой монархия, они пойдут с ними, а не с нами, и, несмотря на то что для большевиков они — со-

---

* Неточность. «Обращение к русским людям» Великого князя Кирилла Владимировича о блюстительстве было 26 июля/8 августа 1922 г. В обращении же от 2/15 апреля 1923 г. Великий князь рассматривал ситуацию, сложившуюся после революции, и призывал «каждого» отказаться «от кары и мщения».

циал-предатели, они им все-таки братья, свои люди, и когда наступит час общей опасности, то свой своему, хоть и поневоле, будет брат.

Положение ясное и определённое. От них Россия спасения не ждёт, и вся их борьба сводится к желанию разделить власть с собратьями. Мы их понимаем и только жалеем, как жалеют снисходительной жалостью безнадёжно больных и особенно — душевно больных.

Менее понятен республиканизм Милюкова, ещё недавно и столь настойчиво добивавшегося вступления на Престол Великого князя Михаила Александровича. Казалось бы, что государственный опыт и ум, несмотря на книжность и теоретичность, не позволяют ему сделаться начётчиком-сектантом, более верящим в формулу, чем в Бога и Истину; становится обидно за него, за его нежелание, а может быть, уже и неспособность понять простую истину, что историю столетий не вычеркнуть из жизни народа, что Россия должна управляться на самобытных исторических основах, и, наконец, признать то, что он не раз сам утверждал в своих передовицах, говоря о мосте между эмиграцией и русским народом и о том, что там, так же, как в эмиграции, растёт монархизм.

Но, видно, такова уже его судьба. Павел Николаевич всегда шёл не в ногу со всей ротой, прихрамывая на левую пятку, и всегда вместо молебнов пел панихиды. Но мы уверены, что наступит день, когда душа Павла Николаевича услышит голос: «Савл, почто гонеши»* — и Павел присоединится к общему хору.

Больше всего нас поражают люди, нам близкие, — монархисты без монарха. Во Франции вот уже более полустолетия республика, и всё же каждая группа роялистов имеет своего кандидата на трон. У нас появились монархисты нового типа — без монарха, нечто вроде рыбы без воды. «Возрождение» всем своим существом возрождает монархию. Безпрограммный Струве обнародывает свою монархическую программу. Премьер покойного Царя провозглашает здравицу за законного монарха из Дома Романовых, и все вместе — не решаются произнести Имя, несмотря на Долг, Присягу и Закон, Имя Того, кто указан Законом.

Невольно хочется задать вопрос: что же заставляет их молчать? Неужели из самолюбия, честолюбия или нечто подобного, когда Россия ждёт избавления? Неужели же, наконец, советы и указания какой-либо державы, обещающей им за это помощь?

Нам было бы больно усомниться в их патриотизме, но — да простят они нам нашу нерешительность — мы и не станем его утвер-

---

* См.: Деян. 9:4.

ждать. Не станем, пока они не докажут это своими последующими действиями.

Только сплотившись вокруг законного Царя, монархисты докажут свою преданность Родине и свой патриотизм. Ведь мы не смеем и не можем допустить, что кто-либо из именующих себя монархистами, посмеет выдвинуть какую-либо незаконную кандидатуру на Русский Трон, когда у этого кандидата нет никаких прав на Престол. Ведь это будет лишь новой авантюрой, никогда и ничем не оправдываемой. Ведь теперь мы ведём борьбу с узурпаторами власти, сидящими на шее русского народа, и нельзя их прогнать, выдвинув узурпатора Трона.

Насильникам-узурпаторам в нашей борьбе мы должны противопоставить идею Права и Правды, верность Закону, преданность народу и Престолу, а не интригу против законного Царя; и только в таком случае мы победим.

Как раз теперь делается новая попытка начать борьбу против коммунистов, и опять, вместо определённости и ясности целей, ясности программы, всё движение проводится под густой вуалью. Ни в одном вопросе нет договорённости: монархия — без монарха, ни парламентаризм, ни конституционализм, ни советы, ни автономия, ни федерация — ничего ясного и определённого.

Ведь это — новая и последняя попытка воскресить Белое движение, но попытка более слабая, чем прежние, уж потому, что она начинается на чужой земле; и, несмотря на эту слабость, оставляют в силе те причины, которые в своё время погубили, вследствие недоговорённости и умалчивания главного, движение Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля.

Собственно говоря, об этой попытке сейчас можно говорить, как о прошлом, ведь съезд провалился, не начавшись совсем, в лучшем случае из него получится реформированный Национальный Комитет с уклоном вправо; и это можно рассматривать лишь как ясный показатель невозможности объединить необъединимое, при отсутствии ясности и определённости решений, с идеей выборного, а не законного Вождя. Даже весь опыт отца «Освобождений» и «Возрождений» не помог в этом, и новым фазисом своей деятельности он принёс лишь новое разъединение вместо вожделенного согласия.

Эта неудача не должна обескураживать русских патриотов, она лишь укрепит позицию не свихнувшихся с основного принципа законности, всех же отчаявшихся и разочаровавшихся приведёт к нам.

Ведь, в конце концов, люди должны понять, что только единая воля и единый разум могут вести борьбу, и в период борьбы смешны

и жалки слова о конституционных гарантиях. Ведь должны же люди, наконец, понять, что среди того моря лжи и обмана, которое разлилось по всему миру, только те программы и обещания истинны, которые начертаны Священною Волею Царя. И только им одним поверит русский народ. Его намерения ясны, Он их не скрывает, о Своих задачах и надеждах Он говорит всем, Свою любовь и заботу о благе народа Он подтвердил Своим Царским словом, а если этого кто не понимает, то мы ответим таким словами персидского поэта: «Не виновато же солнце, если летучая мышь днём не видит его лучей».

СОБРАНИЕ РУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

ОТКРЫТИЕ СОБРАНИЯ

13 сентября в зале «Конфедерации, мира, производства и порядка», на рю Седийо, состоялось собрание общественных организаций, созванное инициативной группой по организации Зарубежного Съезда. В собрании должны были участвовать русские организации, находящиеся в пределах Франции, и они в подавляющем большинстве откликнулись на этот призыв. В зале собрались представители свыше ста организаций, приславших около 130 делегатов; кроме того, присутствовали многочисленные гости и представители печати. Зал и хоры были заполнены.

Собрание открылось молебном, отслуженным митрополитом Евлогием, который по окончании службы обратился к присутствующим с приветственным словом.

СЛОВО МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ**

Митрополит Евлогий после молебствия произносит краткое слово, в котором приветствует собравшихся в добром патриотическом начинании. «Душа радуется, — говорит он, — что делается ещё одна попытка создать объединение, так долго не удававшееся. О том, как все мы страдаем от разделения и разбросанности, — об этом много говорилось и писалось. Это ясно и понятно всем. От-

* «Возрождение», 14 сентября 1925 г.

** «Возрождение», 15 сентября 1925 г.

чего же до сего времени так и не удалось осуществить этого объединения? Для этого объединения недостаточно одних разговоров и писаний, недостаточно даже и убеждения. Нужно нечто большее. Требуется особенное напряжение воли, для того чтобы преодолеть в себе многое из того, что стало привычкой и что служит к нашему разъединению. Нужно отказаться от всего частного, от всякой партийности — во имя горячей любви к родине... Нужно поступиться многим из того, с чем сжилось и срослось сердце. Это трудно, но нужно это делать. К делу объединения должно приступить с тем высоким христианским настроением, которое так трогательно и так полно выражено в одной молитве — "дух смиренномудрия, терпения и любви..." — Вот с этой особенной любовью и должно приступать к делу патриотического объединения, — с той любовью, которая, по слову апостола Павла, не превозносится и не гордится, которая всё переносит и всё терпит. Должно подняться на высоту этого подлинного христианского настроения, которое победит и личное самолюбие, и партийную обособленность».

Далее митрополит говорит:

«И ещё одно слово хочу я прибавить к сказанному. Мы возмущаемся Советским правительством, большевиками, мы сожалеем о тех, кто принуждён был поддаться под их власть, мы негодуем против предателей сменовеховцев. Но там, на родной земле, кроме их, существует многомиллионный русский народ, родной нам, который томится в тисках бесправия и утеснения. И вот с этим народом своим мы должны быть в тесном единении, и, хотя за время нашей физической оторванности от родины нас стараются разобщить большевики, пытаясь вырыть пропасть между нами и родиной, мы не должны ни в коем случае отучиться от взаимопонимания с нашим народом. Да не будет этого! Пусть физическое разобщение не породит духовного разобщения. Должно суметь разглядеть отсюда исстрадавшуюся и измученную душу родного народа, быть вместе с ним. Чтобы он встретил в час встречи нашей нас не как чужаков, иностранцев, но как родных братьев, плоть от плоти и кость от кости своей. Бог вам на помощь, и да благословит Он ваше благое великое начинание...»

После слова митрополита, выслушанного с благоговением, председатель инициативной группы С.Н. Третьяков объявил собрание русских организаций открытым и произнёс речь о задачах настоящего совещания и о значении Зарубежного Съезда.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ*

«Мысль о созыве Съезда уже давно возникла в целом ряде политических, общественных и профессиональных русских зарубежных организаций, но до сих пор мысль эта не была осуществлена. Почему же именно теперь эта мысль обретает более конкретные, определённые формы? Почему теперь мы более близки к осуществлению этой мысли, чем год или два назад?

Причины этого более или менее ясны. Их две и основные:

Первая — это международное положение коммунистической власти. Нет сомнения, что за последнее время правительства великих держав Европы, не говоря уже об Америке, начинают всё с большей и большей ясностью понимать мировую опасность существования в России так называемого III Интернационала и советской власти как производной этого Интернационала.

Во-вторых, внутреннее положение в России таково, что коммунистической власти приходится всё больше и больше обращать свои взоры на Запад и искать денежной поддержки у той самой мировой буржуазии, с которой советская власть ведёт борьбу не на живот, а на смерть. Но, не получая этой финансовой поддержки, советская власть, для того чтобы просуществовать в России, должна идти, идёт и пойдёт в дальнейшем на известные уступки. Пусть эти уступки ненадёжны, ибо они будут взяты обратно при первых успехах коммунизма в Европе, но всё же всякое закрепощение человеческой воли даёт возможность предполагать, что воля эта будет крепнуть, и при отсутствии поддержки из-за границы коммунистическая власть начнёт всё более и более уступать, а русский народ всё более и более крепнуть духом и предъявлять всё большие требования поработившей его власти, пока окончательно насильственно не свергнет её.

Таковы причины, побудившие нас, общественных и политических зарубежных русских деятелей, во весь рост поставить именно теперь вопрос о созыве Российского Зарубежного Съезда. Если засилье III Интернационала ослабеет в России, если есть надежда, что старая и искушённая опытом Европа поймёт наконец его глубокую опасность, надо попытаться широким фронтом объединить русскую эмиграцию, ибо нужно доказать великим державам, что в тот момент, когда они перестанут считаться с III Интернационалом и советской

* «Возрождение», 14 сентября 1925 г.

властью, перед ними будет другая реальная русская сила патриотически настроенных, с широким кругозором русских людей».

Далее С.Н. Третьяков указывает на необходимость избрания Организационного комитета, который должен довести дело созыва Съезда до счастливого конца, и переходит к раскрытию той формулы, которая объединила инициативную группу.

«Мы утверждаем, — заявляет он, — что подлинная, национальная Россия жива, она жива там, в миллионах душ, пронёсших непоколебимую верность и неистребимую любовь сквозь все муки и испытания. Она жива здесь, в наших душах, сохранивших ей ту же верность и ту же любовь. В борьбе лишь мыслимо освобождение. Единение помогает борьбе. Единая воля даёт достижение. И все, которые ещё не пали духом и которые хотят видеть Россию великой державой, должны будут присоединиться к нам. Мы верим, что присоединятся к нам и те наши братья, которые остались в России, мы верим, что и они жаждут иной жизни.

Мы не предрешаем и не думаем предрешать на Съезде будущего государственного устройства России. Мы знаем лишь одно — что эти вопросы могут решаться лишь на Русской земле, в соответствии с чаяниями русского народа. Мы говорим лишь о том, что Россия должна быть государством правовым, где каждый гражданин должен строго знать как свои права, так и свои обязанности, и закон должен быть выше всего. Мы также говорим о том, что 1000-летняя история России не может быть вычеркнута восемью годами правления III Интернационала. История России, её быт, её религия, уклад её государственной жизни, выношенный сотнями поколений, не могут быть сданы в архив истории. Мы также знаем, что события последних лет не могут пройти бесследно. Со многим придётся считаться. Многие жертвы уже пришлось и придётся понести русским гражданам во имя борьбы, во имя Родины, во имя будущей Великой России.

Из этих трёх основных положений и должна вылиться политическая основа, на которой должен стоять Съезд. Таковы определённые вехи, по которым должна строиться будущая русская государственная жизнь.

Съезд должен был бы объединить всю российскую эмиграцию, стоящую на формуле борьбы с III Интернационалом. И чем шире он будет, тем, конечно, будет лучше.

Особый привет мы посылаем отсюда тем русским людям, которые до сих пор держатся здесь, за рубежом, так же стойко и сплочён-

но, как они стояли тогда, когда мужественно и стойко, с оружием в руках, боролись за Россию и её спасение. У них особое место и особые задачи. Зарубежная Россия чтит Русское Воинство и преклоняется перед его подвигами».

Собрание покрыло речь С.Н. Третьякова единодушными аплодисментами.

Затем были произведены выборы председателя собрания, которым оказался избранным С.Н. Третьяков.

СОБРАНИЕ РУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

После слова владыки собрание было объявлено открытым, и председатель инициативной группы С.Н. Третьяков произнёс приведённую во вчерашнем номере вступительную речь. Затем были произведены выборы председателя собрания. Подано было 127 записок. Избран был С.Н. Третьяков, получивший 72 голоса; И.П. Алексинский получил 53 голоса; Э.Б. Кригер-Войновский — 1. Кроме того, одна записка была пустая.

По избрании председателя, собрание переходит к обсуждению общего вопроса о желательности созыва Зарубежного Съезда.

РЕЧЬ А.Ф. ТРЕПОВА

Значение этого собрания велико, ибо уже соединены различные группировки, не имевшие до сих пор достаточного живого общения. Такое общение устранит многие недоразумения и предубеждения и всё более и более расширит наш круг. Нужно настойчивое усилие. Земля Русская собиралась веками, нам предстоит сделать попытку помочь делу возрождения русской государственности, созданной нашими монархами, насильственно прерванной огнём и мечом революции, но духовно не угасшей.

Разосланная формула созыва предварительного для Съезда собрания подвергалась обсуждению многих разномыслящих лиц, что неминуемо отразилось на её содержательности и определённости. Если ею до некоторой степени очерчивается круг групп и лиц, призываемых к Съезду, то самое определение целей Съезда недостаточно реально.

---

* «Возрождение», 15 сентября 1925 г.

Первоначально инициативная группа находила нужным выразить в задачах Съезда нечто более конкретное, окрестив его именем *патриотизма*, точнее сказать, *действенного патриотизма*, ставящего государственные интересы выше партийных, осуждающего революцию и стремящегося бороться с её последствиями, то есть с большевизмом, коему революция настежь открыла двери России, обрекая её в кровавую жертву Интернационалу.

Эти основные указания затуманены в той формуле, которая предложена, но они неминуемо ярко возгорятся, иначе вся наша работа будет бесцельной, бесцветной и бесполезной. Своим ближайшим заданием мы должны постановить воссоздание силы русской общественности — силы реальной, силы производительной, силы, на которую мог бы уверенно опираться Верховный Вождь. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Это достижение немалое и нелёгкое. За последние годы нашего политического бытия нас приучили к противоположению общественности исторически сложившемуся государственному строю России.

Каждый беспристрастный свидетель русского лихолетья давно уже скорбно отметил то направление, которое было дано в то время нашей общественности. Повелась на Руси общественность в кавычках, оппозиция для оппозиции, разрушение исторической власти для замены её слабостью и попустительством, отсутствие творчества и жажда личных безмерных достижений.

Снять с русской общественности этот извращающий её налёт, возродить её как народную, государственно-созидательную и охраняющую, а не разрушающую силу и тем помочь несчастной России вырваться из-под кровавого гнёта большевиков и воскреснуть из бездны небытия — *вот первейшая, истинно патриотическая задача, принадлежащая Съезду*. И только широко поставленному Съезду доступно авторитетное разрешение этого вопроса.

Бытие России как государства, твёрдо охраняющего жизнь, имущество и свободу разноплемённого населения, мыслимо только путём возвращения России к её исторически создавшемуся государственному строю. *(Аплодисменты.)* Нельзя основывать жизнь страны на отвлечённых, подчас, быть может, и соблазнительных теориях, но чуждых нашему укладу. Жизнь слагалась день за днём в течение столетий и выработала такие непреложные начала, дерзновенное отступление от коих губит народы и страны.

Ныне всякий добросовестливый человек не имеет права быть слепым. На наших глазах свершилось великое преступление и великое

бедствие. Свергли монархию — и в тот же миг не стало и России. (*Аплодисменты.*) Богатейшая и прекраснейшая страна в мире уже восемь лет повержена в прах, нет у неё Хозяина и Заступника, и льются реки русской крови на потеху одних, при равнодушном бездействии всех. В этом сознании казалось бы необходимым выдвинуть вопрос о Съезде определённо *монархическом* как единственно государственном. Однако *мы не настаивали на выявлении этой мысли* при созыве сегодняшнего подготовительного собрания и *не предлагаем* включить её и в дальнейшем в определение *титула и программы Съезда*. Мысль эта стала настолько ясна, что повторять её нет надобности. Она столь естественна, что не надо делать её обязательной, — надо, наоборот, устранить от неё всякое принуждение. Она осуществится сама собою и в своё время. Правда, преклоняясь перед подвигами Белого движения, мы, монархисты, всегда скорбели о том, что вожди русского воинства, ведшего освободительную борьбу *на Русской земле*, не начертали в то время на знамёнах "За Веру, Царя и Отечество". *Но ныне нет у нас ещё Земли Русской, и, быть может, при этих условиях истинный патриотизм* повелевает нам сохранить до поры полноту наших верований в сердцах наших.

Так не будем предрешать здесь, на чужбине, при организации Съезда этого вопроса, столь неразрывно связанного с судьбами нашего Отечества. Мы живём одними чувствами с русским народом. Светлая личность и кристальное бескорыстие нашего Верховного Вождя служат нам порукою в том, что чаяния народа русского свободно осуществятся и России не будут навязаны несвойственные ей и чуждые русской самобытности политические формы.

Вот те основания, по которым нам надо всей полнотою доступных нам средств стремиться собрать воедино в *Российском Патриотическом Съезде* все русские общественные силы, искренно и нелицемерно желающие послужить святому делу спасения Родины.

РЕЧЬ Н.Н. ШЕБЕКО

Н.Н. Шебеко, выступая от имени Народно-монархической партии*, говорит, что он считает необходимым подчеркнуть, что Народно-

---

* *Русский Народно-монархический союз (партия конституционных монархистов)* образован весной 1922 г. в Берлине. Лидером союза стал С.С. Ольденбург, председателем ЦК — Е.А. Ефимовский. Основные положения конституционных монархистов изложены в Декларации Русского Народно-монархического союза конституционных монархистов (свержение ига большевизма, сохранение за границей Русской армии, восстановление монархии и частной собственности в России, вождём русского освободительного движения признавался Великий князь Николай Николаевич). В июле 1923 г. в результате возникшего конфликта Ефимовский вышел из союза.

монархическая партия всегда стояла на том пути, на который встал инициативный комитет по созыву Съезда. В прошлые годы, ещё на русской территории и в Ясском совещании* конституционные монархисты всегда настаивали на необходимости самого широкого объединения. Целый ряд попыток в осуществлении этой мысли был проделан именно по инициативе этой партии. Н.Н. Шебеко прибавляет к этому, что, по его мнению, вновь избранный Организационный комитет должен получить самые широкие полномочия не только в области технической, но и идейной — для того чтобы предстоящий Съезд действительно объединил бы всю Зарубежную Россию.

РЕЧЬ А.В. КАРТАШЁВА

А.В. Карташёв, как председатель Главного комитета Русского Национального Союза, также указывает на то, что организации, вошедшие в этот союз, всегда стремились к претворению в жизнь идеи единения. А.В. Карташёв заявляет, что он испытывает чувство большого удовлетворения от той части речи А.Ф. Трепова, в которой заявлено, что монархические организации считают нужным работать совместно с другими и немонархическими группировками. Он приветствует монархические партии за то, что те считают возможным во имя успеха совместной работы идти на Съезд со свёрнутыми партийными знамёнами. Нужен и должен свершиться подвиг воздержания от партийных интересов во имя восстановления распавшейся государственности. Идея единения существует от начала противобольшевистской борьбы Русской армии. Русская армия в лице своих вождей встала на путь патриотического национального объединения и этого подвига программного самоограничения вопреки, может быть, сердечным позывам её вождей к большей определённости. Русская армия не изменила этому необходимому чувству такта и спасительному чутью, когда боролась под знаменем примирения всех партий и всех национальностей, населяющих Россию. То, что в данную минуту опять возбуждается вопрос о широком объединении, — в этом нет ничего удивительного и чрезвычайного. Это голос жизни. Этим мы жили

* На *Ясском совещании* (ноябрь 1918 г., последнее заседание проходило в Одессе) представители политических партий и организаций попытались создать единый антибольшевистский фронт и установить связи с «Державами Согласия» (на совещании присутствовали представители Англии, Франции, Италии и США). Кроме того, в Яссах поднимался вопрос и о возглавлении Белого движения. В совещании участвовали А.В. Кривошеин (председатель), П.Н. Милюков, С.Н. Третьяков, М.С. Маргулиес и др. Переговоры оказались безрезультатными.

и прежде. И в прошлом мы плыли, так сказать, общим флотом к общей цели. Мы к этому стремились, к этому будем стремиться и впредь. То, что слева перед нами непроницаемая стена, — не наша вина. В нашей среде есть отдельные республиканцы. К сожалению, их немного. Но и эти немногие символизируют широту нашего единения. Будем же помнить, что мы должны принять на себя бремя самоограничения во имя нелёгкого подвига коалиции.

РЕЧЬ Н.Е. МАРКОВА

Н.Е. Марков призывает от разговоров перейти к делу. «Мы, монархисты, — заявляет Н.Е. Марков, — готовы работать со всеми, и с республиканцами, если они искренно идут на свержение большевиков».

Это заявление Н.Е. Маркова вызывает в собрании бурю аплодисментов, смысл которых объясняет сам оратор, заявляя:

«Приём, который оказывает аудитория этой моей мысли, подтверждает, что она правильна. Здесь мы должны быть не как партия, а как русские люди. Эта идея, объединяющая нас, покажет, способны ли мы совершить историческое дело. Речь председателя в общем удовлетворила меня и моих друзей. Все мы объединяемся для того, чтобы была восстановлена Великая Российская держава. Пусть одни думают о монархии, а другие о республике — не нам здесь устанавливать формы правления России». Поэтому Н.Е. Марков настаивает на необходимости ограничиться общим утверждением о необходимости воссоздания Российской державы, без указания на то, что Россия должна быть правовым государством. «Российская держава, — говорит Н.Е. Марков, — была всегда правовым государством, и она и впредь будет построена на основах права. Против этого никто не может спорить. Между тем включение в резолюцию слов о "правовом государстве" может подать повод к ложному заключению о том, что мы стоим за установление в России парламентаризма».

Н.Е. Марков считает, «что не дело Организационного комитета заниматься выработкой какой-либо программы по устроению освобождённой России, строительством России заниматься здесь совсем не по плечу и не по месту. Никаких программ вырабатывать мы не должны. Пусть Организационный комитет занимается подготовкой переворота, борьбой с этим страшным врагом, который высылает всюду своих провокаторов».

Дальше выступает ряд ораторов — все в пользу Съезда. Скептические ноты звучат лишь в речи Г.А. Алексинского, не встретившей сочувствия зала. В качестве гостей выступают крестьянин П.М. Якушев и председатель Русского Комитета в Польше В.И. Семёнов. От ряда русских общественных организаций идею Съезда приветствует И.П. Алексинский. От лица пражского национального студенчества говорит П.П. Панкратов. Его речь особо отмечается председателем как дорогое свидетельство сочувствия идее национального объединения у молодой России.

В заключение М.М. Фёдоров в краткой горячей речи напоминает о долге всех русских, живущих за рубежом на свободе, кончить партийные споры и соединиться, сообща подумать, как свергнуть большевиков. «Это наш долг». Необходимо достигнуть единодушия, для того чтобы был уничтожен большевизм у нас на родине, чтобы кончить этот русский позор. Съезд нужен. Россия требует от нас этого ответа.

ОБСУЖДЕНИЕ И ГОЛОСОВАНИЕ РЕЗОЛЮЦИИ

Прения закончены. Председатель констатирует, что все ораторы признавали необходимость Съезда, и предлагает собранию принять резолюцию, составленную инициативной группой.

«Общее собрание русских общественных организаций, выслушав доклад председателя инициативной группы и признавая желательным и своевременным созыв Российского Зарубежного Съезда, который должен собрать воедино всех русских людей, ставящих своей задачей освобождение России от ига поработившего её III Интернационала и восстановление России как Великой Державы на основах правового государства, принимая во внимание, во-первых, вековые исторические её начала и, во-вторых, происшедшие в России крупные перемены и условия современной русской действительности, — *постановляет*:

Перейти к вопросу об Организационном комитете по созыву Съезда».

По поводу текста резолюции возникают прения.

Н.Е. Марков предлагает исключить её окончание, повторяя, что термин «правовое государство» многими толкуется как «парламентаризм», чему дают повод и некоторые газетные статьи. Против поправки решительно и резко возражает А.А. Пиленко, заявляющий, что он не мог себе представить, что будут возражения против идеи правового государства, — только люди невежественные могут отождествлять его с понятием парламентаризма.

Примиряющее предложение вносит А.Ф. Трепов. Он не настаивает на исключении слов, характеризующих будущую Россию как «правовое государство», но вносит редакционную поправку, подчёркивающую ту мысль, что речь идёт не о создании в России чего-либо нового, а о восстановлении России как правового государства. Эта поправка встретила общее сочувствие и была поддержана, в частности, В.Н. Новиковым, обращающимся к Н.Е. Маркову с просьбою снять его поправку, и К.И. Зайцевым. Последний разъясняет, что та статья «Возрождения», которая вызывает у некоторых сомнения в термине «правовое государство», ничего другого, в сущности, не предлагала, как восстановление Основных Законов Российской империи 23 апреля 1906 года; было бы странно, если бы против этого нашлись бы возражения; поправка же А.Ф. Трепова вполне оправданна и приемлема.

Н.Е. Марков от своей поправки не отказывается, и производится голосование.

Большинством свыше 70 голосов против 39 поправка Н.Е. Маркова отклоняется, и затем единогласно принимается поправка А.Ф. Трепова. Внесённая Г.А. Алексинским поправка, упоминающая об Учредительном Собрании, отклоняется всеми против одного голоса.

Затем ставится на голосование вся резолюция инициативной группы с поправкой А.Ф. Трепова, которая и принимается единогласно.

ВЫБОРЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

Собрание переходит к вопросу о выборах Организационного комитета. Н.Е. Марков предлагает дать этому комитету определённый наказ, и в частности указать, что комитет не должен вырабатывать политических программ и предрешать вопросов государственного устройства России. Предложение это отклоняется 58 голосами против 29.

Без возражений принимается численный состав Организационного комитета: 72 члена, с привлечением, кроме того, 25 иногородних и с правом кооптации 10 человек.

Н.Е. Марков предлагает постановить, чтобы на Зарубежном Съезде русским, проживающим во Франции, было предоставлено не более одной трети мест. А.В. Карташёв вполне соглашается с мыслью о необходимости дать широкое представительство всей Зарубежной России, но горячо возражает против формальных ограни-

чений Организационного комитета. Сверх того, он указывает, что Париж является фактическим средоточием различных центральных организаций Зарубежной России. А.Ф. Трепов полагает, что, во избежание возможных нареканий, такое ограничение принять следует. А.А. Пиленко возражает, указывая на огромные трудности и даже простую невозможность установить какую-либо пропорциональность представительства: где тот признак, по которому распределять делегатов? М.М. Фёдоров подчёркивает, что всякие формальные ограничения могут значительно затормозить созыв Съезда, который может быть срочным. Г.А. Алексинский поддерживает предложение Н.Е. Маркова, полагая, что «на предшествовавших съездах преобладание Парижа не дало благоприятных результатов». И.П. Алексинский также считает, что принятие поправки подняло бы авторитет Съезда в других странах.

Предложение Н.Е. Маркова отклоняется большинством 57 против 42 голосов, но все соглашаются с тем, что мысль его заслуживает полного сочувствия; возражающие остерегаются лишь формальных ограничений комитета. Предложение Н.Е. Маркова передаётся в качестве пожелания в комитет.

Затем собрание переходит к выборам. После подачи записок, переданных на подсчёт особой комиссии, С.Н. Третьяков произносит заключительное слово и предлагает выразить благодарность секретарю инициативной группы В.Н. Новикову, а также всем членам группы. Г.В. Глинка предлагает благодарить инициативную группу и её председателя. Б.Г. Катенев от имени собрания предлагает выразить благодарность С.Н. Третьякову за председательствование. Собрание единодушными аплодисментами выражает благодарность всем названным лицам. Затем председатель объявляет собрание закрытым.

Участники совещания расходятся, обмениваясь впечатлениями. В общем, все удовлетворены. Довольны председателем, весьма тактично и уверенно проведшим ответственное заседание. Довольны и друг другом. Конечно, много осталось недоговорённого, много неясного, о многом можно было бы спорить, много вопросов и недоумений можно было бы друг другу предъявить. Но именно то, что их не предъявили, что друг другу уступали, что меньшинство беззлобно подчинялось большинству, — всё это свидетельствует о том, что кое-чему зарубежные русские научились. Участники расходились в настроении бодром и спокойном.

РЕЧЬ А.Ф. ТРЕПОВА, ПРОИЗНЕСЁННАЯ НА СОБРАНИИ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

13 сентября 1925 г.
Париж

Придавая исключительное значение сегодняшнему собранию русских общественных организаций во Франции, я приношу вам, милостивые государи, искренний свой привет и пожелания успеха в нашем общем деле. Значение этого собрания велико, ибо в нём уже соединены различные группировки, не имевшие до сих пор достаточно живого общения. Такое общение устранит многие недоразумения и предубеждения и более расширит наш круг. Нужно настойчивое усилие. Земля Русская собиралась веками, нам предстоит сделать попытку помочь делу возрождения русской государственности, созданной нашими монархами, насильственно прерванной огнём и мечом революции, но духовно не угасшей.

Понятно, что в таком деле исключительной важности необходимо особенно тщательно определить пути, ведущие к желанной цели, и только в этих видах я и позволяю себе утруждать ваше внимание несколькими словами.

Разосланная вам формула созыва предварительного для Съезда собрания подвергалась обсуждению многими разномыслящими лицами, что неминуемо отразилось на её содержательности и определённости. Если ею до некоторой степени очерчивается круг групп и лиц, призываемых к Съезду, то самое определение целей Съезда недостаточно реально. Поэтому мне приходится сказать несколько слов для объяснения, хотя бы в общих чертах, этих целей, и это обязательство лежит на мне ещё и потому, что основная инициатива Съезда принадлежит частному совещанию группы патриотических деятелей, в котором я работал с первого дня.

Действительно, сказать в беженском стане, что Съезд созывается для борьбы с большевиками, — это ничего не сказать. Ведь самое существо беженства основано на признании большевиков лютыми и беспощадными врагами, и с момента малейшего перелома в понимании этого вопроса человек теряет право на звание «русского беженства». Звание тяжёлое, но ставшее при условиях беспросветной русской действительности почётным и уважаемым. Так вот, первона-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, к. 2, ед. хр. 39, л. 9–11.

чально инициативная группа находила нужным выразить в задачах Съезда нечто более конкретное, окрестив его именем патриотизма, точнее сказать, действенного патриотизма, ставящего государственные интересы выше партийных, осуждающего революцию и стремящегося бороться с её последствиями, то есть с тем большевизмом, коему революция настежь открыла двери России, обрекая её в кровавую жертву Интернационалу.

Эти основные указания затуманены в той формуле, которая вам предложена; но они неминуемо ярко возгорятся, иначе вся наша работа будет бесцельной, бесцветной и бесполезной.

Своим ближайшим заданием мы должны поставить воссоздание силы русской общественности — силы реальной, силы производительной, силы, на которую мог бы уверенно опираться Верховный Вождь.

Это достижение немалое и нелёгкое. За последние годы нашего политического бытия нас приучили к противоположению общественности исторически сложившемуся государственному строю России. Надо всем смело и добровольно сознать ошибки и недочёты прошлого и в этом сознании черпать уроки для искания правильных путей к спасению. Несомненно, революционерами для сокрушения мощи Российской державы было широко и умело использовано отсутствие внутренней спайки, внутреннего взаимодействия между государственной властью и общественностью.

Настойчивы и не всегда праздны были нарекания на власть за то, что она недостаточно прислушивается к голосу общественности. Бывало и другое — чрезмерная податливость власти необоснованным, по существу, домогательствам. Но, наряду с сим, каждый беспристрастный свидетель русского лихолетья давно скорбно отметил то направление, которое было дано в то время нашей общественности. Некоторые круги, сильные не столько своим существом или своей многочисленностью, сколько назойливой крикливостью, захватили в монопольное своё владение право наименоваться общественными деятелями. И повелась на Руси общественность в кавычках. Оппозиция для оппозиции, разрушение исторической власти для замены её слабостью и попустительством, отсутствие творчества и жажда личных безмерных достижений — вот во что эти люди, имена коих нет надобности перечислять, обратили чистое и драгоценное имя русской общественности.

Снять с русской общественности извращающий её налёт, возродить её как народную, государственно-созидательную и охраняющую, а не разрушающую силу и тем помочь несчастной России вырваться из-под кровавого гнёта большевиков и воскреснуть из

бездны небытия — вот первейшая, истинно патриотическая задача, предлежащая, по нашему крайнему разумению, Съезду. И только широко поставленному Съезду доступно авторитетное разрешение этого вопроса.

Дорогу к общему Патриотическому Съезду подготовили предшествовавшие собрания русских людей, кои нам удалось в своё время осуществить в 1921 и 1923 годах. И тогда, как и теперь, нам было ясно, что бытие России как государства, твёрдо охраняющего жизнь, имущество и свободу своего разноплемённого населения, мыслимо только путём возвращения России к её исторически создавшемуся строю. Нельзя основывать жизнь страны на отвлечённых, подчас, быть может, и соблазнительных, но чуждых нашему укладу теориях. Жизнь слагалась день за днём в течение столетий и выработала такие непреложные начала, дерзновенное отступление от коих губит народы и страны.

Ныне всякий добросовестный человек не имеет права быть слепым. На наших глазах свершилось великое преступление и великое бедствие. Свергли монархию, и в тот же миг не стало и России. Богатейшая и прекраснейшая страна в мире уже восемь лет повержена в прах, нет у неё Хозяина и Заступника, и льются реки русской крови на потеху одних, при равнодушном бездействии всех. В этом сознании казалось бы необходимым выдвинуть вопрос о Съезде определённо монархическом как единственно государственном. Однако мы не настаивали на выявлении этой мысли при созыве сегодняшнего подготовительного собрания и не предлагаем включить её в дальнейшем в определение титула и программы Съезда. Мысль эта стала настолько ясна, что повторять её нет надобности. Она столь естественна, что не надо делать её обязательной, надо, наоборот, устранить от неё всякое принуждение. Она осуществится сама собою и в своё время. Правда, преклоняясь перед подвигами Белого движения, мы, монархисты, всегда скорбели о том, что вожди Русского Воинства, ведшего освободительную борьбу на Русской земле, поддаваясь влияниям своего окружения, не начертали в то время на знамёнах «За Веру, Царя и Отечество». Много народа привлекли бы эти заветные слова под их знамёна, и верим: исход борьбы мог бы быть другим. Но ныне нет у нас ещё Земли Русской, и, быть может, при этих условиях истинный патриотизм повелевает нам сохранить до поры полноту наших верований в сердцах наших. Ведь нет сомнений в том, что отданный революцией на поругание Интернационалу русский народ здоровым разумом своим выстрадал в терзаниях и пытках истину и крепко осознал, что спасение России состоит

единственно в возвращении её на вековые исторические пути. Лишённый свободы слова и действий, русский народ всё же затаил в себе свободу духовную и всеми помыслами своими ждёт воскрешения своего от высшей, Богом данной власти.

Так не будем предрешать здесь, на чужбине, при организации Съезда этого вопроса, столь неразрывно связанного с судьбами нашего Отечества. Мы живём одними чувствами с русским народом. Светлая личность и кристальное бескорыстие нашего Верховного Вождя служат нам порукою в том, что чаяния народа русского свободно осуществятся и России не будут навязаны несвойственные ей и чуждые русской самобытности политические формы.

Вот те основания, по которым нам надо всей полнотой доступных нам средств стремиться собрать воедино в Российском Патриотическом Съезде все русские общественные силы, искренно и нелицемерно желающие послужить святому делу спасения Родины.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ*

(К ЗАРУБЕЖНОМУ СЪЕЗДУ)

К двум часам дня на улице Седийо начинает замечаться оживление.

Со всех сторон съезжаются и сходятся представители русских общественных организаций, делегированные на собрание, которое должно решить: быть или не быть Зарубежному Съезду.

Остаётся ещё пятнадцать минут до назначенного срока, а уличка у дома № 12 уже полна. Свыше ста человек, разбившись на небольшие группы, оживлённо обмениваются мнениями, и в коротких фразах молодёжи, и в длинных репликах стариков сразу же чувствуется определённое настроение — повышенное и бодрое.

Постоянному спутнику всех эмигрантских собраний — журналисту приходится доставать карандаш. Действительно, явление исключительное! Обыкновенно из ста приглашённых едва дождёшься, да и то с большим опозданием, двух-трёх десятков свободных в этот час, не знающих, куда пойти, людей.

А здесь сразу же сталкиваешься с явлением другого порядка. Во всех этих людях, на их лицах, в их жестах и словах — что-то новое, необыденное, нечто сильно встряхнувшее их и заставляющее то и дело оборачиваться к входным дверям.

---

* «Русское время», 15 сентября 1925 г.

Как будто исполнились какие-то сроки серым будням, как будто и впрямь пришли дни действенной работы и из-под семилетнего пепла вместо обугленной невзгодами головешки встаёт живая русская сила...

Стрелка карманных часов подходит к назначенному сроку. Вытягиваясь в очередь, делегаты проходят в открытые двери, задерживаются для предъявления пропусков.

Снова ловишь себя на какой-то странной, но такой радостной мысли. Спрятавшееся солнце Парижа светит в этот день ярко и светло. Не его ли блики на улыбающихся лицах? Не оно ли заставляет сегодня чувствовать себя не так, как вчера, не так, как за эти долгие годы устающей жить надежды? Нет, не оно!..

В ЗАЛЕ

Красивый, строгий, украшенный гобеленами зал конференции «Производства, порядка и мира». Гобелены. Золочёная мебель. Эстрада, на которой уже сидит президиум инициативной группы. Сдержанное волнение, часто оглядывает уже волнующийся, переполненный зал С.Н. Третьяков, слева А.Ф. Трепов сосредоточенно пробегает свои записки и делает на них отметки. Выдержанный, спокойный М.М. Фёдоров встречает взглядом всё льющуюся с широкой лестницы человеческую волну.

Справа от эстрады — стол печати, уже занятый русскими и иностранными журналистами. Делегаты, не дожидаясь звонка, рассаживаются по местам.

В зале тишина. Еле шелестит осторожный шёпот...

Но вот все встают. По лестнице вниз, в зал проходит в праздничном облачении владыка митрополит Евлогий в сопровождении духовенства.

Небольшой, прекрасно поставленный хор торжественно и по-особенному радостно встречает его:

— Благослови, Владыко!..

Начинается служение. Сосредоточенно, углублённо слушает весь зал слова молитвы. Широко и часто крестятся русские люди, собравшиеся сюда положить краеугольный камень нового русского дома.

Митрополит произносит простую, но глубоко прочувствованную речь. Голос его слегка вибрирует от сдержанного волнения. Говорит он о своей радости видеть лучших русских людей в общем соединённом

усилии, о том, что нужно твёрдо помнить о стомиллионном русском народе, оставшемся под красным ярмом, и суметь найти с ним общий язык...

Молебен окончен.

На эстраде снова президиум инициативной группы.

С.Н. Третьяков объявляет заседание открытым.

В правой стороне зала — центр внимания: Марков 2-й. Вокруг него группируются монархисты. Спустя полчаса он выступает с призывом к сплочению в общей работе со всеми партиями, в том числе и республиканскими. Его речь покрывается такими шумными овациями, которые лучше всего говорят, что сегодня все пришли с одной целью, с одной мыслью и что другого никто слушать не захотел бы.

ПЕРЕРЫВ

Для обсуждения предложенной президиумом резолюции председатель объявляет перерыв.

Снова группы. Снова оживлённые разговоры и та же неисчезающая повышенность настроения.

В углу у лестницы один из делегатов говорит:

— Но Трепов, Трепов!.. Сколько такта, сколько горячего желания примирить, соединить, не допустить малейшей трещины!

— А Марков по-прежнему кипит!..

— Жив курилка!..

— Ей-Богу, он снова готовит поправку!..

Н.Е. Марков забился в самый угол и, задумавшись, жуёт свою бороду.

Звонок!..

В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

К участию в Съезде должны быть привлечены все! Нужно сделать всё, чтобы в его работах приняла самое широкое участие раскидавшаяся по всему миру русская эмиграция. В одном усилии, в едином порыве нужно реализовать концентрирующуюся русскую волю!..

Вот мысли и чувства, доминирующие в зале.

Об этом говорят ораторы, шумные овации, которыми покрываются эти речи, реплики с мест, одобрительные возгласы, жесты.

Зал напряжённо кипит в продолжение четырёх часов, чутко реагируя на каждое слово.

Изредка встречающиеся шероховатости быстро и решительно сглаживаются общим настроением.

Со времени объявления войны мы не видели более сконцентрированного объединяющего порыва. И вот почему, когда один из ораторов говорит о приближении сроков, об окончании дней изгнания, о конце красного тумана, — аудитория волнуется, но молчит.

Аплодисментов нет.

Весь зал сам чувствует, что сроки подходят, что близок день, когда снова потребуют претворения в трудное и жертвенное дело, что нужно не аплодировать, а быть готовыми. Эта готовность властно диктует необходимость Зарубежного Съезда. Съезд будет не потому, что его созывают, а потому, что он — конкретная форма воли сплочённой эмиграции и её утверждение в неразрывности нас, находящихся здесь с теми, кто расправляет измученное тело и готовится «там».

Наблюдатель

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

Зарубежный Съезд окружён трудностями, которые не следует преуменьшать. Трудности эти двоякого рода: внешние и внутренние.

Внешние заключаются в недостатке необходимых финансовых средств для посылки достаточного числа делегатов из всех важнейших «колоний» Зарубежной России. Трудность эта чрезвычайно велика, и о неё может разбиться осуществление самой идеи. К «финансовым» затруднениям присоединяются трудности правовые, вытекающие из необеспеченного положения находящихся за рубежом русских людей, не признающих советской власти.

Внутренние трудности не менее велики. Главная из них состоит в том разъединении, которое политические партии, и в частности — и в особенности — партии «левые», сеяли и продолжают сеять среди зарубежных русских, не приемлющих советской власти. В этом отношении разлагающая пропаганда «левых» уже принесла огромный вред и прямо, и косвенно.

Но, и помимо этой пропаганды, не так легко провести объединение даже той преобладающей части Зарубежной России, которая желает объединиться.

Нужна ли для такого объединения какая-либо положительная программа? И если нужна, то к чему она должна сводиться?

* «Возрождение», 13 сентября 1925 г.

Мы не станем здесь обсуждать этих вопросов в полном объёме. Важно сейчас установить следующее.

Если возможно объединение на какой-либо положительной программе или платформе, то оно не только желательно, но и необходимо. Если такое положительно-программное объединение невозможно, то необходимо всё-таки осуществить объединение, хотя бы и не программное, на основе категорического неприятия коммунистической власти и решительной активной борьбы с III Интернационалом.

Одного только при этом не должно упускать из виду. Зарубежный Съезд имеет смысл и оправдание лишь в том случае, если он будет означать, что Россия Зарубежная лицом своим повёртывается к России Внутренней. Съезд этот должен психологически и организационно проложить путь объединению активных патриотов Зарубежной и Внутренней России. В этом устремлении к Внутренней России заключается мерило того, что может и должно быть предметом суждений и решений Зарубежного Съезда.

Зарубежные люди должны объединиться — ради России.

Зарубежные люди должны объединиться — во имя России.

И потому их взоры не могут не быть обращены туда, на Внутреннюю Россию.

Нельзя допустить мысли, чтобы Зарубежная Россия замкнулась и замуровалась в себе, как внушают ей и те, кто свыше меры превозносят её силы и возможности, и те, кто всячески их умаляют.

Задача действенной патриотической борьбы за освобождение и возрождение России чрезвычайно трудна, она требует от всех русских людей величайшего жертвенного самоограничения, подчинения своих личных настроений и вкусов высшим целям и высшим авторитетам.

И рядом с этой строжайшей дисциплиной и выдержкой, граничащей с самообузданием, действенные элементы обязаны проявить величайшую, я бы сказал, страстную инициативу и энергию. В этом сочетании коллективной и личной дисциплины с таковой же инициативой и действенностью заключается огромная трудность.

* * *

Итак, мы полагаем, что Съезд должен по уполномочию тех зарубежных масс, которые будут стоять за ним, обнаружить:

1. Единый дух и единую волю борьбы с захватившим Россию III Интернационалом. Этот дух и эта воля должны сделать Съезд объединительным.

2. Обращённость Зарубежной России к России Внутренней.

3. Далее, Съезд должен признать наличие и объявить о своём признании этого наличия единого волевого центра, которому должно принадлежать руководящее значение в активном объединении всех усилий, направленных на освобождение России от коммунистического гнёта.

4. Наконец, в подмогу этому центру Съезд должен избрать небольшой исполнительный орган, которому для осуществления этой задачи должны быть даны широчайшие полномочия.

Всё это значит, что Съезд должен обнаружить единение и организованность и привести к действиям.

Съезд не должен быть говорильней, в которой бы обсуждались теоретические вопросы и широковещательные программы.

Съезд должен создать объединение воль, проникнутых решимостью к действиям, и потому в его исполнительный орган должны быть избраны лица по признаку воли, решимости и действенности.

Прага *Пётр Струве*
10 сентября

ПОЛИТИКА «ЗАРУБЕЖНИКОВ»*

Париж, 18 сентября 1925

Перед нами теперь более или менее полный материал для суждения о политической стороне собрания 13 сентября, и мы считаем нелишним ещё раз вернуться к этой теме. Характер и состав «Зарубежного Съезда», конечно, ещё нельзя считать окончательно определившимся на этом собрании. Но всё же кое-какие перспективы Съезда можно считать выяснившимися, и результаты этого выяснения вполне соответствуют нашим ожиданиям, а может быть, и превосходят их.

«Дух смиренномудрия», который тщательно внушал Съезду митрополит Евлогий в своей обязательной напутственной речи, видимо, дался собранию весьма неполно, и этому мы обязаны тем, что сразу можем определить господствовавшие на нём настроения. Вместо того чтобы сразу проявить на выборе председателя то «единение», «самоотречение», «напряжение воли» и «дисциплину», которые проповедовал Струве, собрание раскололось между двумя кандидатами в председа-

* «Последние новости», 18 сентября 1925 г.

тели, и этот раскол очень наглядно обрисовал двойственную политическую физиономию собрания. За С.Н. Третьякова было подано 72 голоса из 127, а 53 голоса получил И.П. Алексинский. Из дальнейших голосований видно, что против Третьякова голосовали все возмущённые его «явным стремлением угодить и направо и налево» (слова Маркова 2-го). Своим кандидатом эта правая группа выбрала проф. И.П. Алексинского, чтя в нём, очевидно, традиционного сторонника «национального» объединения ещё со времён константинопольского «Русского Совета» Врангеля. Третьяков остался со своими промышленниками, со сторонниками «Национального Комитета» и со всеми «обывателями», искренно или неискренно продолжающими мечтать об истинно беспартийном объединении всей эмиграции.

Более точно определить состав Съезда, чем показывают эти цифры, помешала особая тактика инициаторов. А именно: когда Григорий Алексинский совершенно правильно потребовал от них, чтобы они доложили собранию, кто был приглашён из эмиграции, кто являлся и как были распределены мандаты, его предложение было встречено шумом и криками собрания и единогласно отвергнуто. Собрание этим показало, что прекрасно понимает свою неправомочность представлять эмиграцию. Принять предложение Гр. Алексинского значило формально и публично расписаться в том, что на собрании по принципиальным соображениям отсутствует вся «левая» часть эмиграции и все профессиональные союзы, не пожелавшие отказаться от своей беспартийности и аполитичности: офицеры, врачи, студенты и т.д. Собрание предпочло сохранить свою анонимность и тем молчаливо присоединилось к заговору инициаторов.

Было, однако же, ясно и без точной справки, что это собрание радикально отличается от всех предыдущих, преследовавших ту же цель объединения, двумя чертами. Прежде в таких случаях под национальное знамя призывались все, «кроме крайних левых и крайних правых». На этот раз не было налицо не только «крайних левых», не только вообще «левых», но даже и «центральных». Зато впервые были представлены самыми своими красочными фигурами заведомых активистов, террористов и заговорщиков «крайние правые». И вся борьба двух наметившихся групп получила политический смысл частичного, чисто тактического разногласия явно-правых и скрыто-правых разных оттенков. Понятно, что к настоящему русскому народу, к русской реальной демократии ни та ни другая группа никакого отношения не имеет. И Григорий Алексинский, у которого,

при всём его самозванстве, есть на этот счёт кое-какой нюх и реальное представление о настоящей демократии, недаром напомнил собранию, что «можно объединить 99% эмиграции, но это не значит, что нас народ пустит в Россию». Недаром и митрополит Евлогий, который тоже помнит правую демагогию времён Государственных Дум, пытался внушить собравшимся, что нельзя забывать о «многомиллионном русском народе». Хотя инициаторы и выставили смехотворного русского «мужичка», но было ясно, что русским народом в этом собрании и не пахнет.

Вслушаемся же теперь в речи, которыми в этом добровольном уединении, обменялись оба политические элемента собрания 13 сентября — *скрыто-* и *открыто*-правые. Прежде всего остановимся на той речи Третьякова, которую открыто-правые характеризовали как «явное стремление угодить и направо и налево». Надо признать, что эту задачу Третьяков выполнил довольно топорно. Струве сделал бы это, вероятно, лучше, но призывавший всех к самоотвержению редактор «Возрождения» предпочёл в решительную минуту покинуть своё детище и оказался в Праге. А г-н Третьяков просто механически сопоставил «вековые исторические начала» и «происшедшие крупные перемены», махнув при этом, для характеристики «начал», не «столетиями», как с осторожностью делали единомышленники Струве, а прямо «тысячелетием». Тут и вечевые «начала», отмеревшие в XIII веке, и московские «начала», отмершие в XVIII веке, и петербургские начала, начавшие отмирать в эпоху «великих реформ», и двухвековая традиция эпигонов славянофильства, возрождённого струвевскими «Вехами»... Выбирай, кто что хочет!

И всё же, несмотря на всю эту «широту» политического размаха, Третьяков оказался чересчур определённым и слишком *либеральным* для этого собрания. Не то чтобы они требовали открытого провозглашения монархии и объявления «вождя». Речь А.Ф. Трепова была весьма характерна в этом отношении.

Характерно, впрочем, и то, что в «Возрождении» эта речь напечатана с значительными сокращениями как раз тех мест, где монархические убеждения оратора и связь его группы с инициативой съезда рисовались особенно ярко. В пропущенных местах А.Ф. Трепов определённо напоминал, что «основная инициатива съезда принадлежит частному совещанию группы патриотических деятелей, в котором он работал с первого дня». Он упоминал также, что путь к общему съезду расчищен «предшествовавшими собраниями рус-

ских людей, кои нам удалось в своё время осуществить в 1921 и 1923 годах». Очевидно, традиция съезда ведётся здесь монархистами не от Бурцевского съезда в Париже*, а от съезда «чистых» монархистов 2 июня 1921 года в Рейхенгалле. Как известно, даже монархисты-«конституционалисты» были исключены «Высшим Монархическим Советом» Маркова 2-го из этого общения летом 1924 года. Естественно, что для этих монархистов вопрос предрешён, и русский народ (ещё одно пропущенное место) «крепко осознал, что спасение России состоит единственно в возвращении её на вековые исторические пути», и «всеми помыслами своими ждёт воскрешения своего от *высшей, Богом данной власти*». К чему тут ещё потребованное Григ. Алексинским «свободное волеизъявление народа»? «Чаяния» народа известны монархистам и их «вождю» без всяких «волеизъявлений». И если, тем не менее, они соглашаются до времени помолчать об этом — не на съезде, а только на заседании 13 сентября и в принятой им формуле, — то только потому, что «мысль эта... столь естественна, что осуществится сама собой и в своё время». «Свобода» этого «осуществления» скажется только в том, что «России не будут *навязаны* несвойственные ей и чуждые русской самобытности политические формы». Григорий Алексинский заикнулся было о том, что собравшимся и сейчас навязывают Николая Николаевича, о чём «не предупреждали, когда приглашали». Но эта наивность встречена была криками и смехом и, сверх того, явно лицемерным заявлением Трепова, будто он «не указывал лица, говоря о верховном вожде» (в действительности он говорил даже о «светлой личности и кристальном бескорыстии» «вождя», а гектографический текст его речи содержит зачёркнутое наскоро карандашом выражение: «общепризнанный нами»).

Во всех этих местах, где упоминалась «монархия» и «вождь», речь Трепова сопровождалась дружными рукоплесканиями сплочённой группы. А последующие голосования вскрыли даже эту группу и численно (39 человек). Дело в том, что при всей своей умеренности *на словах* монархисты не могли переварить одного ограничения третьяковской формулы: того, где Россия представлялась в будущем «*правовым* государством». И они не выдержали: Марков 2-й внёс поправку, чтобы эти два словечка исключить. А иначе — выйдет недоразумение. Ведь сказал же председатель, что «закон должен быть *выше верховной власти*».

---

* Имеется в виду Съезд Русского Национального Объединения, активным инициатором которого был В.Л. Бурцев и где он выступил с речью.

Такая фраза была бы ересью даже и для Струве, защитника права верховной власти (и даже всякого «правительства») на сверх законный переворот. И г-н Зайцев, передовик Струве, поспешил на помощь Маркову 2-му.

Он авторитетно заявил, что «Возрождение», говоря о правовом государстве разумеет всего только «реставрацию основных законов 23 апреля 1906 года», изданных, как известно, за несколько дней перед созывом Государственной Думы специально в виде намордника для народного представительства. Правда, государственный переворот 3 июня 1907 года нарушал и эти основные законы, и г-н Зайцев мог бы вполне добросовестно успокоить Маркова 2-го, что «Возрождение» не защищает и основных законов 23 апреля. Он, впрочем, приблизительно так и поступил, поспешив принять компромиссное предложение Трепова — говорить только о «восстановлении России как правового государства». Предпоследнему дореволюционному премьеру хорошо известно, что означало «правовое государство» в период 3-й и 4-й Госдумы; и на такого рода «восстановление» скрепя сердце мог бы согласиться и Марков 2-й, но он пребыл твёрд — и получил свои 39 голосов против 70. Крайний предел уступок налево уже не оставшихся непримиримыми в своей борьбе с «правовым государством» «чистых» монархистов, а и скрыто-монархической части собрания определился, таким образом, вполне точно: русско-японская лжеконституция с прибавкой права на государственный переворот. Такова политическая физиономия «либеральной» части организаторов «Зарубежного Съезда».

Какова их социальная физиономия, достаточно ярко характеризуется тем, что даже Григорий Алексинский предпочёл, чтобы не дискредитировать себя на будущее время, ограничиться в этом собрании только совещательным голосом. Много смеявшееся над Гр. Алексинским собрание, кажется, просто не поняло этого жеста опытного демагога. Это, конечно, ещё раз характеризует собрание в его целом.

Отчёт «Возрождения» отмечает, что участники собрания 13 сентября оказались «все удовлетворены» и «довольны друг другом». Мы — тоже удовлетворены и тоже всеми довольны, за исключением, пожалуй, А.В. Карташёва, единственного участника собрания, от которого мы могли бы ожидать больше глубины и сознательности, но который — увы, не в первый раз — в своей намеренно поверхностной речи снова блеснул бездонным лицемерием. За этим исключением, мы готовы признать, что собрание оказалось искренним — и даже гораздо более, чем это полагалось ему по его заданиям.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ*

Среди русской колонии распространяются неверные сведения, и делаются из таковых ложные выводы о происшедшем во время выборов Организационного комитета по Зарубежному Съезду разногласии.

Помимо сего, бывший председатель инициативной группы и предварительного собрания В.Н. Новиков в публичном докладе, сделанном им в Союзе галлиполийцев, а также один из членов Торгово-Промышленного Союза, г-н Пиленко, во время прений на публичном докладе Н.Е. Маркова 20 сентября, определённо обвиняли правое крыло предварительного собрания в нарушении взаимного соглашения и якобы данного инициативной группе обязательства подавать на выборах список членов Организационного комитета.

Слухи и обвинения эти не имеют под собой почвы.

Инициативная группа составилась в июне сего года из 16 членов, причём лишь одно место было дано представителям организованного монархизма, что явно не отвечало реальному значению и численности монархических организаций.

Предложение составить список делегатов для избрания членами Организационного комитета исходило от представителя монархизма А.Н. Крупенского, при непременном условии, чтобы согласительный список был окончательно установлен до рассылки приглашений на Съезд.

Составлением согласительного списка отнюдь не предполагалось в чём-либо ограничивать свободу голосования на предварительном собрании, что и было оговорено тогда же А.Н. Крупенским в особом мнении, приложенном к протоколу заседания инициативной группы от 13 августа**.

Тогда же все высказывались, что Организационный комитет составится из 30 членов. К сожалению, вопреки протестам А.Н. Крупенского, приглашения на Съезд были разосланы без исполнения трёх предварительных условий, которые монархистами считались необходимыми для успеха самого Зарубежного Съезда.

Эти три, заявленные А.Н. Крупенским, условия были следующие:

1. Обеспечение денежных сумм главным образом для оплаты путевых расходов делегатов.

2. Выработка схемы пропорционального представительства из всех стран русского рассеяния.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 40, л. 2. Документ не датирован.

** В архиве отсутствует.

3. Составление справедливого согласительного списка Организационного комитета.

Последовавшее затем составление списка кандидатов всё время вызывало включение новых имён, и список разросся до 72 человек, причём последние имена были внесены почти накануне предварительного собрания. При таком порядке составления списка кандидатов и при неисполнении поставленных А.Н. Крупенским условий, естественно, никакого обязательного соглашения быть не могло и фактически не было.

Но если бы даже это соглашение и могло состояться, то, очевидно, лишь только между определёнными организациями, имевшими своих представителей в инициативной группе.

В инициативной группе Монархическая партия во Франции была представлена в лице А.Н. Крупенского (14 голосов) и патриотическое совещание — в лице А.Ф. Трепова (2 голоса).

Таким образом, если бы соглашение состоялось (чего в действительности не было), то им были бы связаны с нашей стороны лишь 18 голосов.

Известно, что на выборах было подано два списка: один (около 70 голосов) составленный инициативной группой и другой (около 50 голосов) — составленный группой монархистов. Очевидно, что более 30 голосов исходило от представителей групп, не принадлежащих ни к Монархической партии во Франции, ни к патриотическому совещанию.

Группа монархистов, решивших подать на выборах свой особый список, руководилась следующими соображениями.

На предварительном собрании должны были участвовать около 130 делегатов, из коих не более 45–50 могли сочувствовать подаче особого списка, поэтому рассчитывать на получение своими кандидатами большинства голосов было явно невозможно.

Принципиально будучи сторонниками Зарубежного Съезда и ясно понимая, что неизбрание в Организационный комитет представителей целого ряда организаций привело бы к выходу этих организаций из объединения, монархисты отнюдь не стремились к забаллотированию представителей иных групп. Подача особого списка имела значение исключительно демонстративное, с целью подчеркнуть неудовольствие монархистов пренебрежением, проявленным к их справедливым заявлениям и желаниям односторонним составлением инициативной группой кандидатского списка с чрезмерным преобладанием представительства групп, сравнительно с монархистами малочисленных.

При принятии собранием системы избрания в Организационный комитет относительным большинством голосов и при выяснившемся соотношении голосов подача особого списка не могла привести к забаллотированию хотя бы одного из предложенных инициативной группой 72 кандидатов. Тем более что минимальное количество в 30 голосов, обеспечивавшее избрание всех кандидатов списка инициативной группы, было предложено представителем монархической организации А.Н. Крупенским.

Если не прошёл единственный из списка — А.И. Филиппов, то лишь потому, что часть лиц, подававших список инициативной группы, его вычеркнула. Неверно, что список группы монархистов не включал представителей других групп. В этом списке были и потому получили максимальное число голосов более 20 лиц иных групп, например: П.Б. Струве, атаман Богаевский, И.П. Алексинский, Е.П. Ковалевский, Я.И. Савич, проф. Кульман, ген. И.Г. Акулинин и др.

Приходится сожалеть, что лица, не получившие максимального числа голосов, видимо уязвлённые в своём самолюбии, пытаются извратить истинное положение дела и бросают неосновательные обвинения на тех, кто не за страх, а за совесть посильно служит России.

Председатель Совета Русской
монархической партии во Франции А.Н. Крупенский
товарищ председателя гр. П. Гендриков
члены Центрального совета: кн. М. Горчаков,
гр. Д. Граббе, С. Демешко, И. Дмитров, П. Фон-Ланг,
Б. Недригайлов, кн. А. Ширинский-Шихматов

ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО И ФИНАНСОВОГО СОЮЗА В СВЯЗИ С СОЗЫВОМ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

30 сентября 1925 г.

С самого начала своего существования Российский Торгово-Промышленный и Финансовый Союз, ставя главной задачей своей деятельности участие в освобождении России от советской власти и подготовку экономического её восстановления, стремился обеспечить и облегчить

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 13, оп. 1, к. 8, ед. хр. 1.

после падения большевиков возвращение торгово-промышленного класса в Россию, дабы он мог возобновить свою деятельность на благо Родины, поставив в её распоряжение свои знания, опыт, капитал и кредит.

Полагая, что созвание Зарубежного Съезда является новым этапом в достижении его целей, Союз принял деятельное участие в созыве Съезда тотчас же, как только мысль о таком Съезде возникла.

В подготовительных работах к Съезду Союз проводил и проводит ту мысль, что Съезд имеет главною задачею объединить всю зарубежную русскую эмиграцию и создать такой единый антибольшевицкий фронт, с которым считались бы иностранные государства и который по своим устремлениям отвечал бы чаяниям и надеждам томящегося под игом и борющегося с советской властью русского народа.

Под единым фронтом эмиграции Союз разумеет органическое сплочение всех тех выброшенных за границу русских людей, которые готовы действенно и жертвенно бороться с большевиками и с III Интернационалом.

В пределах этого единственного признака Союз мыслит привлечь на Съезд как правые, так и левые группировки партийного характера, исключая, следовательно, только соглашателей и сменовеховцев.

Являясь по существу своему организацией профессиональной, Союз тем не менее считает своим долгом принять участие в Съезде, имеющем политический характер. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что все русские люди, покинувшие Россию, желающие вернуться обратно полноправными гражданами, силою вещей имеют одну общую программу, несомненно носящую не профессиональный, а политический характер, и сводящуюся к решительной борьбе с III Интернационалом, организацией политической.

Быть может, Союз не будет иметь возможности поддерживать на Съезде полностью программу, которую объединяет его членов, ибо достижение единого фронта может получиться только путём взаимных уступок, в смысле поставления на вторую очередь вопросов, не являющихся в данный момент безусловно необходимыми для достижения той цели, во имя которой созывается Съезд.

Но поставление некоторых вопросов во вторую очередь отнюдь не обозначает, что Союз в чём либо отказывается от той программы, которая объединяет его членов. Оно, однако, обозначает, что Союз на Съезде будет бороться против всякого проявления таких уклонов, которые стоят в явном противоречии с его основной программой, изложенной на Общем промышленно-торговом съезде в 1921 году.

Основные моменты этой программы заключаются в следующем.

Торгово-промышленный класс может плодотворно работать на

Родине при двух главных условиях, а именно: установлении гражданского мира и создании социально-экономического режима, основывающегося на началах равноправия всех граждан, свободы и личной инициативы.

Эти принципы могут быть осуществлены при любом образе правления, усвоившем для себя систему правового государства, почему Союз ни в коем случае не считает возможным предрешать будущую форму правления России, каковой вопрос будет разрешён на русской земле, согласно с волей русского народа.

Осуществление этих условий предполагает, что все русские граждане, без различия вероисповедания и национальности, будут пользоваться равными правами, причём каждая национальность будет иметь право полного культурно-национального самоопределения, а каждая вера будет иметь свободу исповедания.

Обеспечение основных гражданских свобод, то есть свободы слова, печати, собрания и союзов, а также организация народного представительства являются для торгово-промышленного класса требованиями сами собою разумеющимися.

Утверждение права собственности явится естественным последствием падения большевицкой власти, но реставрация собственности, то есть отнятие имуществ, в том числе и земельных, от частных лиц, к коим эти имущества перешли со времени Октября 1917 года, не мыслится возможным, так как урегулирование всех правовых вопросов, вытекающих из признания права частной собственности, должно быть передано законодательной власти, которая разрешит их на основе справедливости и учёта высших интересов государства. При этом торгово-промышленный класс предусматривает неизбежность тяжких жертв для всех имущих классов хотя бы для частичного вознаграждения лиц, которые при окончательном урегулировании вопросов собственности окажутся потерявшими своё имущество.

Борясь всячески с идеей разделения страны на враждующие между собой социальные классы, представители промышленности и торговли пойдут также на крупные жертвы, необходимые для того, чтобы рабочие прониклись идеей не классовой борьбы, а взаимной солидарности, и в правильном развитии национальных продуктивных сил, при всестороннем обеспечении труда, видели залог собственного благополучия.

В области внешней политики Союз будет всемерно поддерживать те начинания, которые обеспечат России её внутреннее спокойное развитие, добрые отношения с соседями и отвратят возможность новых войн.

* * *

Российский Торгово-Промышленный и Финансовый Союз имеет серьёзные основания полагать, что идея Зарубежного Съезда глубоко всколыхнула всю эмиграцию и является, следовательно, назревшей. Поэтому Союз со своей стороны приложит все усилия к тому, чтобы довести дело Съезда, то есть дело объединения эмиграции, до благополучного конца.

В первую очередь Союз поставит в Организационном комитете вопрос о привлечении тех национально мыслящих русских организаций, которые до сих пор воздерживаются от участия в Съезде, надо полагать, по недоразумению. Всякое действие, направленное к тому, чтобы воспрепятствовать более левым группам и партиям участвовать в Съезде Союз будет считать действием, направленным против интересов общего дела.

Союз обращается поэтому с горячим призывом ко всем русским гражданам, способным забыть партийные разногласия во имя спасения Родины от позора коммунизма и от окончательного разорения.

Союз, конечно, понимает, что дело объединения эмиграции является делом длительным и сложным. Оно может быть достигнуто только путём сложного процесса самовоспитания масс, путём долгого и мучительного процесса борьбы с теми тенденциями к разрушительной критике, которыми, к сожалению, страдает большинство русских людей.

Этот долгий процесс не будет исчерпан ни работами Организационного комитета, ни даже работами самого Съезда.

Глубокое разочарование ожидает того, кто думает, что вынесением резолюции на будущем Съезде будет закончена работа по созданию общенациональной дисциплинированной психики, в которой Съезд явится лишь этапом.

Съезд положит только основу для самодеятельности русской эмиграции; Россия же будет спасена не Съездом, а общим дисциплинированным жертвенным порывом как эмиграции, так и в особенности населения, оставшегося на русской территории. Вследствие этого не может быть никакой речи о сведении счётов между эмиграцией и оставшимися на Родине русскими людьми за всё происшедшее в связи с революцией. Этот принцип должен быть всецело применён и к тем русским людям, которые попали в ряды красной армии и флота.

Другиx путей для спасения России нет. И меньше всего может искать каких либо иных путей эмиграция, ибо только путём развития



Его Императорское Высочество
Великий князь Николай Николаевич



Великий князь Николай Николаевич. *1917*



Великий князь Николай Николаевич. *1925*

СОВѢТЪ СОЮЗА
Русскихъ Промышленныхъ
Торговыхъ и Финансовыхъ
Дѣятелей въ Юго-Славіи.

----

18 Ноября 1925 года

Кнегине Любице, 14.

Бѣлградъ.

Почто-Телеграмма.

Предсѣдателю Совѣта Россійскаго Торгово-Промышленнаго и Финансоваго Союза въ Парижѣ.

26 Ноября Совѣтъ Союза будетъ разсматривать докладъ объ отозваніи своихъ представителей изъ Организаціоннаго Комитета по созыву Зарубежнаго Съѣзда. Намъ со стороны дѣло это совершенно ясно Отозваніе представителей было-бы величайшей и непоправимой ошибкой. Послѣдствія такого рѣшенія неминуемо нанесутъ громадный вредъ и дѣлу Зарубежнаго Съѣзда и интересамъ самого Союза. Умоляемъ загладить конфликтъ и продолжать общую работу надъ дѣломъ столь исключительной важности. Настоящую почто-телеграмму просимъ доложить Совѣт

Совѣтъ Союза Русскихъ Промышленныхъ Торговыхъ и Финансовыхъ Дѣятелей въ Юго-Славіи.

Почто-телеграмма Совета Союза Русских Промышленных, Торговых и Финансовых Деятелей в Югославии председателю Совета Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза в Париже. *18 ноября 1925 г.*

БИЛЕТЪ № 216.

НАСТОЯЩIЙ БИЛЕТЪ ВЫДАНЪ Г. ЧЛЕНУ РОССIЙСКАГО ЗАРУБЕЖНАГО СЪѢЗДА Зурову, Леониду Федоровичу ДЛЯ ВХОДА НА СЪѢЗДЪ ВЪ отелѣ « МАЖЕСТИКЪ »(19 авеню КЛЕБЕРЪ) Парижъ 16

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
РОССIЙСКАГО ЗАРУБЕЖНАГО СЪѢЗДА [signature]

«31» Марта 1926 г. Г. ПАРИЖЪ.

Билет делегата Российского Зарубежного Съезда Л.Ф. Зурова

Организацiонный Комитетъ въ Королевствѣ С.Х.С. по выборамъ на Зарубежный Съѣздъ.

"31" Марта 1926 года.

№ 130..

г. Бѣлградъ.

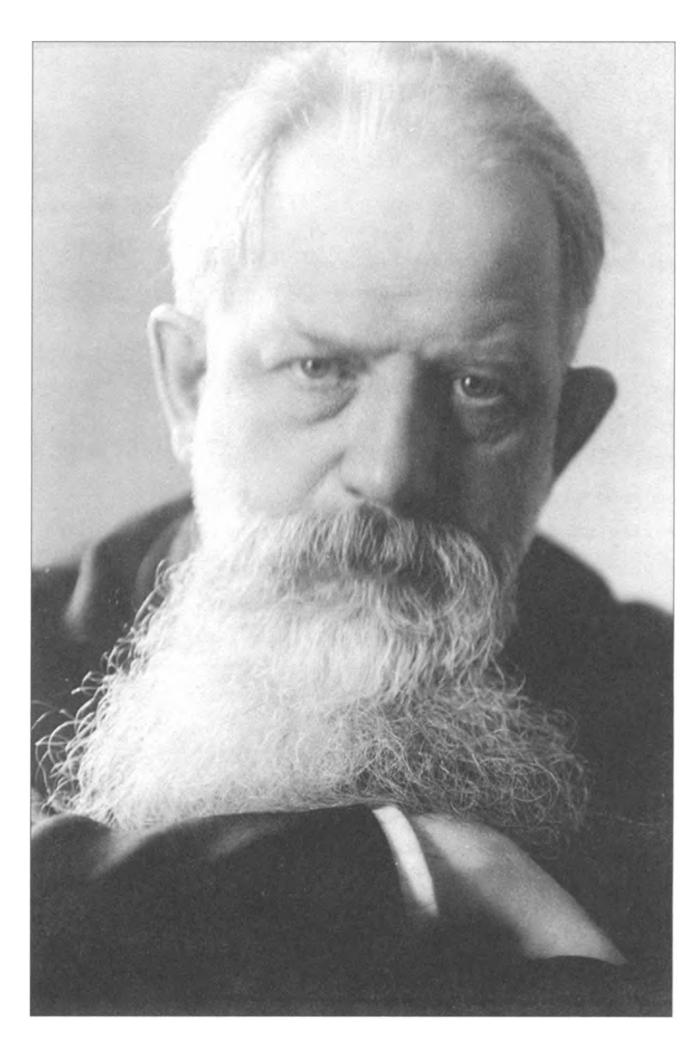
УДОСТОВѢРЕНIЕ.

Организацiонный Комитетъ симъ удостовѣряетъ, что Крупенский Александръ Николаевичъ избранъ русскими бѣженцами въ Королевствѣ С.Х.С. членомъ Россiйскаго Зарубежнаго Съѣзда, созываемаго въ Парижѣ 4 Апрѣля с.г.

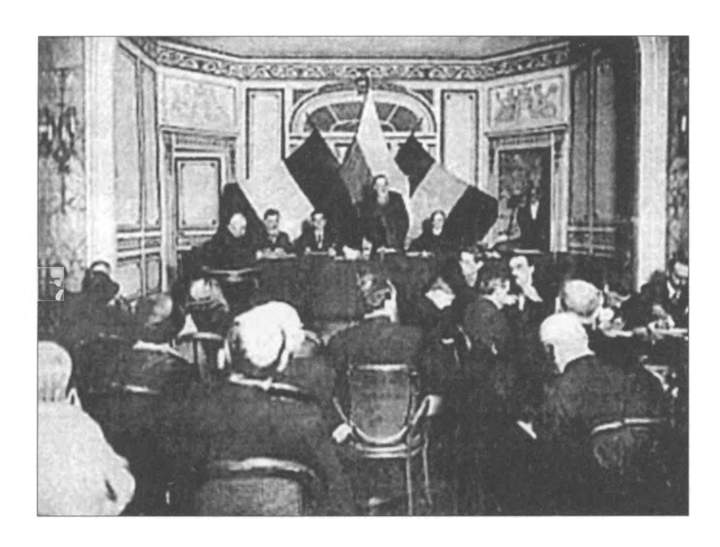
Предсѣдатель Организацiоннаго Комитета
Сенаторъ Профессоръ [signature]

Секретарь Организацiоннаго Комитета [signature]

Удостоверение члена Российского Зарубежного Съезда А.Н. Крупенского

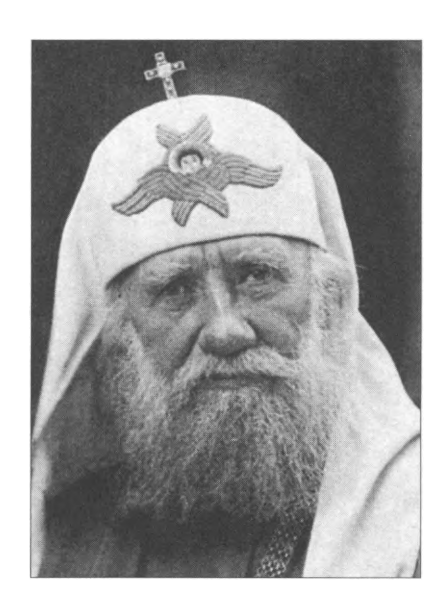


Председатель Российского Зарубежного Съезда П.Б. Струве

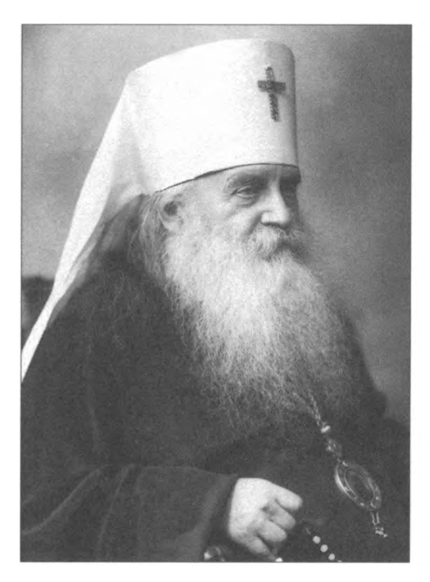


Открытие Российского Зарубежного Съезда.
Вступительная речь П.Б. Струве.
4 апреля 1926 г., Париж, отель «Мажестик»

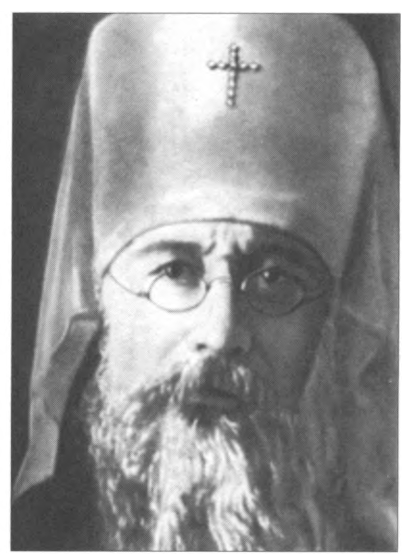
В зале заседания



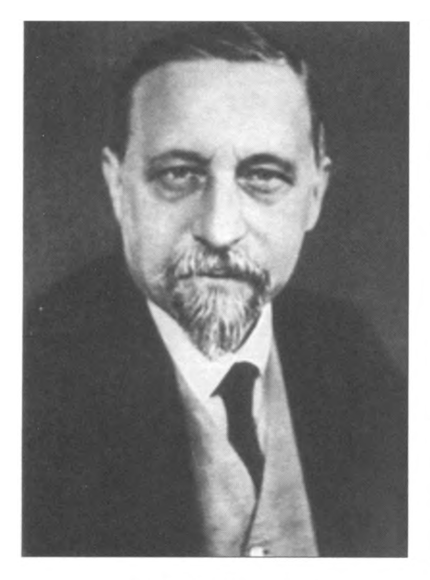
Патриарх Тихон



Митрополит Антоний (Храповицкий)



Митрополит Евлогий

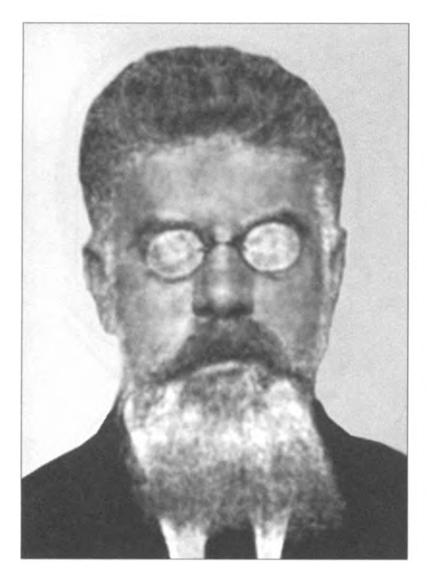




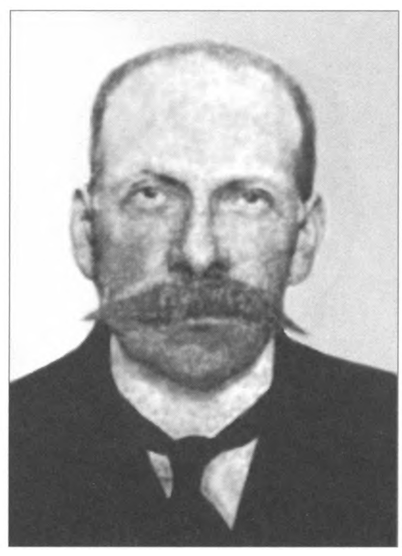
А.В. Карташёв



А.Н. Крупенский



В.Н. Новиков



Н.Н. Шебеко



В.И. Гурко



А.П. Богаевский



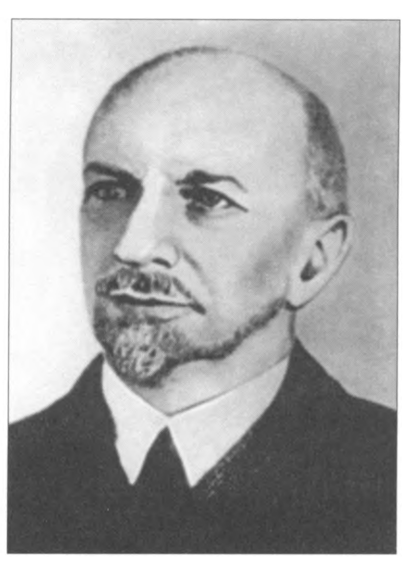
И.П. Алексинский



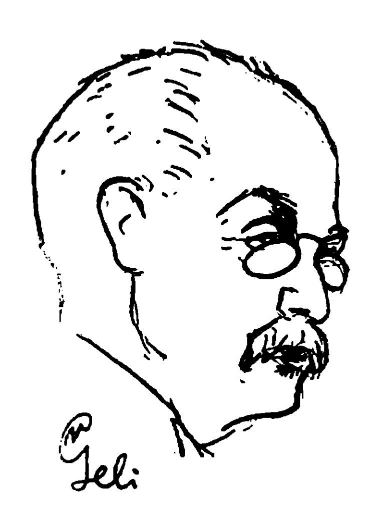
Генеральный секретарь
Российского Зарубежного Съезда
С.Н. Трегубов



Герцог Г.Н. Лейхтенбергский



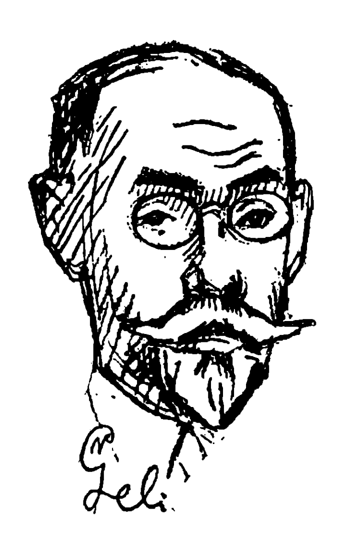
И.А. Ильин



А.Ф. Трепов



Граф М.Н. Граббе



Б.Н. Соколов



В.П. Рябушинский



М.Я. Домрачеев



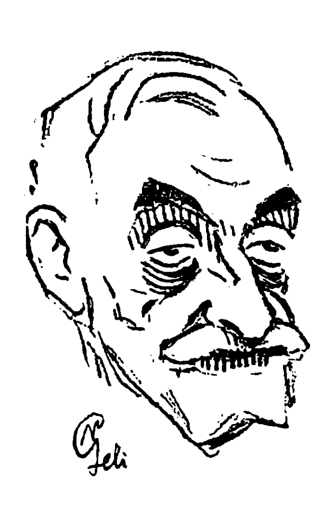
А.Д. Билимович



Н.Е. Марков (2-й)



В.П. Носович



А.М. Кауфман-Туркестанский



О.С. Трахтерев



А.М. Масленников



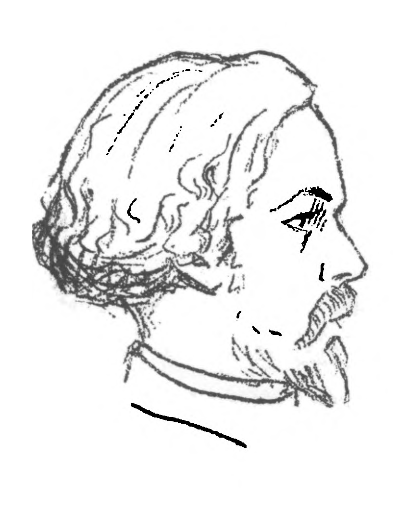
Крестьянин Николаев



Князь Н.Н. Львов



А.А. Остафьев




Священник Чубов



Княгиня М.А. Святополк-Мирская



Студент К.Н. Малюшицкий



Ж. Эрлих

Поздравляю всѣхъ съ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ .

Молю ГОСПОДА , да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ - торжество Вѣры и царство мира , любви и порядка .

Душевно тронутъ и сердечно благодарю за участіе , ко мнѣ въ болѣзни проявленное .

Памятуйте о РОССІИ ! и здѣсь , въ изгнаніи , ей от - дайте всѣ Ваши помыслы , не числя трудовъ , силъ и средствъ на дѣло ея спасенія , ибо безпримѣрно тяжки испытанія и на - ступаютъ рѣшительные сроки .

Народъ РУССКІЙ ! собери Твои силы и со Крестомъ выйди вновь на путь Тебѣ даннаго Великаго и Славнаго Бытія



23 Декабря 1928 г.,

3 ч. д. пополудни .

V. Бенард.

Поздравление Великого князя Николая Николаевича
русским людям с праздником Рождества

своей политической самодеятельности и дисциплинированности она, оторванная против своей воли от Родины, будет всё же в состоянии принести Родине тот главный свой дар, в котором будет нуждаться Россия, то есть кадры политически воспитавших себя патриотов.

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

Среди всего появившегося в периодической печати по поводу Зарубежного Съезда один документ вызывает чувство глубокого удовлетворения. Это — заявление Русского национального студенческого объединения.

Искренний патриотизм, сознание чрезвычайного значения проектируемого Съезда и ответственности перед Родиной его участников продиктовали это заявление. В нём слышится голос молодой Зарубежной России, требующей от всех тех, кто не утратил духовной связи с Родиной, исполнить свой долг перед нею.

Русская зарубежная молодёжь предъявляет Съезду требование, вытекающее из сознания его государственного значения, и правильно усматривает главную опасность для его успешного осуществления: «Мы знаем, что идущие из иных соображений личные и партийные отталкивания могут обесцветить состав и обескровить задания Съезда и органа — наследника его».

Удар идее Съезда может быть нанесён не противниками его, но лишь его участниками. Первые, враждебные идее Съезда, выявили уже себя с полной определённостью, и не только теперь, но много раньше.

Среди русской эмиграции имеются общественные деятели и группы, враждебно настроенные по отношению к идее Зарубежного Российского Объединения. Это лица и группы или со сменовеховским уклоном, или с сектантским направлением, утратившие способность отрешиться, даже во имя борьбы за спасение России, от пут партийной догмы или кружковщины.

Партийные и групповые перегородки заслоняют для них горизонт Родины, и они готовы отстаивать свою беспочвенную самобытность, своё призрачное влияние, борясь против всякого патриотического движения, имеющего целью объединение русской эмиграции. С энергией, достойной лучшего применения, политики такого

* «Русское время», 1 октября 1925 г.

типа стараются из-за личных и узкопартийных побуждений сеять недоверие к патриотическим начинаниям, искажать их задачи, опорочивать методы, вести разрушительную работу по отношению ко всем проявлениям русского патриотизма, расходящимся с их партийным направлением. Трагедия России ничему не научила этих слепых людей, и здесь, за рубежом Родины, они упрямо поддерживают партийность, дробящую русские антибольшевистские силы, и не желают видеть совершенно ненужности своих партийных программ для выполнения долга русского гражданина — борьбы за освобождение Родины от большевистской тирании.

Вместо совершенно естественного для русской эмиграции объединения на этой очередной задаче происходит разъединение по таким вопросам, совершенно не подлежащим её разрешению, как будущее государственное устройство России. В то время как идейные монархисты в целях создания широкого патриотического объединения решили не поднимать на Зарубежном Съезде вопроса о форме правления в России, руководитель республиканско-демократической партии, вчерашний монархист П.Н. Милюков, считает невозможным вести борьбу за освобождение Родины в союзе с теми, кто не признаёт, подобно ему, необходимости для России государственного устройства в форме демократической республики.

Но для республиканца П.Н. Милюкова мало отказа от участия в деле патриотического объединения. На страницах его газеты («Последние новости») началась упорная и злая атака против идеи Российского Зарубежного Съезда. Напомню, что подобная же атака велась им и против предшествовавших попыток объединения русских зарубежных сил: против Национального Съезда и против проекта Русского Комитета в Турции — созыва съезда представителей русских беженских объединений в разных странах для создания надпартийного представительного органа, который должен был получить значение государственно-общественного центра для Зарубежной России. Тогда, как и теперь, П.Н. Милюков не постеснялся объявить проект Русского Зарубежного Комитета монархическим заговором.

Ранее этого П.Н. Милюков счёл необходимым вести атаку против Русского Совета, главной задачей которого было сотрудничество с Главнокомандующим ген. П.Н. Врангелем в деле устроения в Балканских странах частей эвакуированной Русской армии.

В настоящее время атака «Последних новостей» против Российского Зарубежного Съезда отличается особенным упорством,

вероятно, потому, что возможность успешного осуществления этого патриотического начинания вселяет тревогу в республиканско-демократическое сердце руководителя этой газеты. Кроме ряда передовиц, направленных против идеи Съезда, метода его осуществления, отдельных инициаторов и пр., на страницах газеты появляются всякие сообщения и писания, которые только возможно использовать против Съезда.

В этом отношении редакция настолько неразборчива, что допустила даже напечатание статьи Д. Кондратьева «Генерал Богаевский и Российский Зарубежный Съезд» («Последние новости», № 1651), содержащей необоснованное и явно недоброкачественное обвинение Русского Совета. Д. Кондратьев (он же бывший председатель Кубанского правительства г. Скобцов) позволил себе заявить, что отъезд нескольких тысяч казаков с острова Лемноса в Советскую Россию* «должен лечь на совесть объединителей из Русского Совета», забыв об энергичных протестах Русского Совета против этой отправки, о представлении его по этому поводу французскому правительству, о том, что эта отправка, происшедшая в апреле, не могла стоять ни в какой зависимости от прекращения переговоров с представителями Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека, имевшего место в мае месяце, и не упоминая о том, что, по распоряжению Главнокомандующего ген. Врангеля, первыми были перевезены в Болгарию казаки с острова Лемноса. Обвинять Русский Совет в том, что казачьи представители не вошли в него, можно с таким же основанием, как обвинять инициативную группу по созыву Российского Зарубежного Съезда в том, что Республиканско-демократическое объединение или газета «Последние новости» не пожелали принять участия в работе по созыву Съезда.

Все эти выступления против Российского Зарубежного Съезда определённо враждебных ему элементов нисколько не опасны для его успешного осуществления. Наоборот, обострённое отношение к этому начинанию его противников лишь свидетельствует о его жизненности и своевременности.

Для полного успеха этого начинания необходимо лишь одно условие — не менее обострённое отношение к нему его участников — всех русских патриотов.

---

* Одним из результатов работы французского правительства по распылению Русской армии стало возвращение беженцев на родину. Многие казаки, поддавшись на уговоры, а иногда и на прямые угрозы бывших союзников, поверив заверениям советских властей, решили вернуться в Советскую Россию. 30 марта 1921 г. около 4,5 тыс. казаков на пароходе «Решид-Паша» покинули о. Лемнос.

Кроме интереса к Съезду, который всё возрастает среди русских людей во всех странах света, для успеха его необходимо, чтобы отношение к нему, выраженное в заявлении Русского национального студенческого объединения, стало общим для всех русских патриотов.

Отношение к Российскому Зарубежному Съезду как к делу исключительной важности в общем русском национальном движении обязывает всех участников его отрешиться от всяких личных, партийных и групповых интересов и направить свою мысль, чувство и волю к одной цели — к посильному служению Родине.

Необходимо развить движение по организации Съезда в разных странах пребывания русских беженцев, образовать там центры, объединяющие русские организации, и установить их связь с Организационным комитетом в Париже. Необходимо проявление самодеятельности на местах не только для пропаганды идеи Съезда и выбора делегатов, но и для изыскания необходимых для осуществления Съезда материальных средств.

Российский Зарубежный Съезд не может быть делом каких-либо отдельных групп или партий, и процесс организации его должен быть свободен от каких-либо партийных или групповых притязаний.

Съезд должен быть делом всех патриотически настроенных и государственно мыслящих русских граждан, средством для выявления их свободной воли, демонстрацией действенной силы их патриотизма, но не декорацией общественности для утверждения уже принятых решений.

Лишь при таких условиях избранный Съездом центральный орган, долженствующий быть представителем зарубежной русской общественности, может получить необходимый авторитет и мощную поддержку для предстоящей ему чрезвычайно ответственной и трудной патриотической деятельности.

Проф. И.П. Алексинский

МИНИМУМ ПРОГРАММНОСТИ*

Русский Национальный Союз, идя на Съезд Зарубежной России, не думает, что эта разнопартийная коалиция есть удобная лаборатория для выработки единой политической программы. Но,

* «Возрождение», 4 октября 1925 г.

с другой стороны, не может не повторить слов резолюции своей прошлогодней сентябрьской конференции, что «содержание политической идеологии есть решающий момент в гражданской войне» («Вестник Русского Национального Комитетата», № 10, с. 140).

Вопрос идёт не о программе положительного строительства России, на что мы имеем права до соединения со всем русским народом на родной земле, а о ближайших условиях подхода к теперешней России, необходимых для переступания ею порога, о, так сказать, «походных лозунгах».

Русский Национальный Союз такую «походную идеологию» имеет (там же, с. 140) и по крайнему своему разумению находит её наилучшей. Но, идя в коалицию Съезда, понимает, что эта идеология в пределах задач Съезда и не должна быть полностью излагаема.

Кроме самоочевидного лозунга революционной борьбы всеми средствами с коммунистической властью над Россией, первое и главное, что должно быть провозглашено как всеохватывающая цель борьбы, — это освобождение русского народа, для того чтобы могло состояться его свободное волеизъявление об образе дальнейшего устроения России, на что единственно хозяйски правомочен только он и мы все лишь вместе с ним. Этот лозунг составляет самое характерное, важное и действенное место в программных заявлениях Великого князя Николая Николаевича, почему Русский Национальный Союз их с полным убеждением разделяет и поддерживает и полагает, что и Съезду следовало бы на них ориентироваться.

Русский Национальный Союз, принимающий идею Съезда не для проведения на нём каких-то партийно-политических деклараций, а только для манифестации его волевой готовности идти в национальном объединении со всеми русскими на борьбу с общим врагом, после того как программные выявления уже сделали другие группы, находит для себя неизбежным также заявить, что, по его мнению, к единственному, в сущности, необходимому программному лозунгу о предоставлении самой России в её целом установить у себя любой государственный порядок после происшедшего нужно присоединить ещё и положение отрицательное — об «отказе от механической реставрации старого социально-политического уклада» (резолюция конфер. 11–15.IX.1924 г. «Вестник», № 10, с. 140), ибо социальная идея земельно-имущественной реставрации является первейшим и неодолимым препятствием к соединению России Зарубежной и Внутренней, запирая наглухо вход в Россию.

Русский Национальный Союз считает несерьёзным, а потому нецелесообразным и вредным для борьбы за освобождение России (единственная задача в эмиграции) академическое предрешение основных вопросов устроения России нами, эмигрантами. Законное место этим гаданиям — в партийных кабинетах, а не на пути практической борьбы, каковой должен служить Съезд.

3 октября 1925 г.

Председатель
Русского Национального Комитета
А. Карташёв

Всепреданнейшим долгом считаю представить на рассмотрение Вашего Императорского Высочества журнал совещания группы патриотических деятелей, состоявшегося 5 октября сего года.

Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

16 октября 1925 г. *Александр Трепов*
Париж

ЖУРНАЛ № 17 СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

5 октября 1925 г.
Париж

Председательствовал: А.Ф. Трепов

Присутствовали члены группы: А.Н. Крупенский, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.М. Масленников, гр. П.В. Гендриков, Я.И. Савич, гр. М.Н. Граббе, П.В. Семичев, А.А. Гулевич, М.Н. Андреевский, С.Л. Демешко и Н.Н. Григорьев

Приглашённые в заседание: проф. В.П. Аршаулов, В.А. Кравцов, кн. Л.В. Урусов и С.С. Ольденбург

Открыв заседание, **председатель** огласил полученное им от И.П. Алексинского письмо следующего содержания:

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 40, л. 18–24.

«К большому моему сожалению, я не смогу быть у Вас в понедельник на заседании, так как уезжаю в Ниццу. Откладывать доле свой отъезд туда я не могу.

Глубоко уважая Вас, как искреннего патриота и мудрого государственного деятеля, прошу Вас действовать от моего имени во всех предположениях и решениях, которые направлены к соединению русских зарубежных сил во имя общего патриотического дела. Совершенно не желаю, чтобы моя личность дала повод к каким-либо расхождениям в среде Организационного комитета; наоборот, стремясь к возможно тесному его сплочению, я могу высказаться только за тех кандидатов в президиум комитета, на которых согласится если не весь комитет, то преобладающее его большинство».

Засим А.Ф. Трепов сообщил, что в заседании Организационного комитета, после обмена взглядами с **Н.Н. Шебеко** и другими единомышленными ему лицами, последний заявил, что охотно придёт в сегодняшнее заседание в целях достижения единомыслия в вопросе избрания президиума и вообще для искания путей к единству в монархических и патриотических группировках. Вследствие этого им, А.Ф. Треповым, было послано приглашение Н.Н. Шебеко с просьбой пожаловать в заседание вместе с теми лицами из конституционно-монархической группы, которых присутствие он, со своей стороны, признаёт желательным. Между тем в ответ на это от Н.Н. Шебеко получено следующее письмо от 4 октября:

«...Я не преминул передать Ваше приглашение лицам, поименованным в Вашем письме от 2 сего октября. Что же касается до меня лично, то я всегда рад буду обменяться с Вами мнениями по текущим политическим вопросам, но после всего того, что произошло и завершилось голосованием 13 сентября, я не считаю возможным участвовать в Ваших официальных заседаниях впредь до обсуждения этого вопроса Советом союза.

Голосование 13 сентября имело непосредственным результатом образование среди членов Организационного комитета двух групп. Мы, находясь в центре, решили ни в какой организационный блок не входить и действовать самостоятельно, поддерживая самый тесный и дружеский контакт с другими группами, правее и левее нас настроенными. Нам кажется, что таким образом мы можем лучше всего способствовать успешной работе Организационного комитета и стиранию тех углов, которые неминуемо встретятся на пути органа, составленного из людей разных политических течений, хотя бы они

и были воодушевлены горячим патриотизмом и стремились все к одной цели, а именно к спасению Родины...»

Содержание оглашённого письма Н.Н. Шебеко вызвало продолжительные прения.

А.М. Масленников прежде всего указал, что неясно, кого следует подразумевать под правыми и кого — под левыми. Для того же, чтобы занимать среднее положение, следует присутствовать в совещании. Он далее отметил, что проектируемый Патриотический Съезд привлёк широкое внимание и всей русской эмиграции, и большевиков, и иностранцев. Поэтому необходимо, чтобы Съезд внушил эмигрантской массе, что он её представляет. Сам А.М. Масленников принадлежит к монархическому объединению, возникшему в Рейхенгалле, и он должен отметить, что в группе, возглавляемой А.Н. Крупенским, конституционных монархистов больше, чем в группе Н.Н. Шебеко. В группе Н.Н. Шебеко, может быть, наберётся всего 50 лиц, а у нас ведь тысячи.

Что касается С.Н. Третьякова, то, по мнению А.М. Масленникова, с технической стороны он председательствует хорошо, но своего голоса за него как председателя он не подаст, так как избрание С.Н. Третьякова председателем раздражит эмигрантские массы и они за это одно проклянут Съезд. А.М. Масленников подчеркнул, что, направляясь в Париж, он полагал, что едет на собрание патриотов, между тем в действительности он в некоторых организациях нашёл картину, напоминающую выборы уездного предводителя в захолустном уезде захолустной губернии, где, в сущности, никаких особых партий не существует, кроме «партии Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». К сожалению, не у всех есть сознание той громадной ответственности, которая лежит на нас и перед русской эмиграцией, и перед Россией, так как из прекрасной мысли о Съезде может выйти не картина достижения, а картина провала большого дела. За этим столом, под председательством Александра Фёдоровича, должен бы сидеть и Н.Н. Шебеко, между тем некоторые лица предпочитают собираться по пять человек, конспиративно беседовать и т.д. Ведь те же самые лица собираются сегодня на одной квартире — и они представляют собой Национальный Комитет, а завтра они же собираются в другом месте — под другим названием. Ведь это же маскарад. Кроме того, они представляют из себя штабы без армии.

Кн. Л.В. Урусов отметил, что необходимо, чтобы единомыслие было достигнуто в официальном заседании Организационного комитета, что же касается разногласий за кулисами, то наличие их имеет и хорошую сторону. Мы действительно знаем, что доля «вампукиз-

ма»* в некоторых организациях существует. Торгово-промышленный класс представляется силой, организованной в Москве, когда он владеет фабриками с сотнями тысяч рабочих; но та роль, которую он собирается играть в эмиграции, не находит никакого основания. Равным образом Национальный Комитет представлялся естественным явлением, когда в нём сидел Бурцев и говорил об ужасах царского режима и Н.Н. Шебеко, который говорил о конституционной монархии в России. Но сейчас из Национального Комитета вышел ряд лиц, остались там М.М. Фёдоров и А.В. Карташёв, и Национальный Комитет должен играть теневую роль. За обеими этими организациями никого нет, и политически он никого не представляет. Поэтому поддерживаемое этими организациями предложение о выборе от каждой из них по два представителя нам следовало бы решительно отклонить.

В.П. Аршаулов указал, что объединение всех наших группировок должно происходить по одному признаку — по полному отрицательному отношению к большевикам. Торгово-Промышленный Союз ведёт непрестанную с ними борьбу. Благодаря своим докладам, он приобрёл известный удельный вес в европейском общественном мнении. Он имеет вес как политическая организация. Что же касается его состава, то, вероятно, все лица торгово-промышленного класса являются монархистами.

Я.И. Савич сообщил, что, по его сведениям, Торгово-Промышленный Союз снимает кандидатуру С.Н. Третьякова как председателя Организационного бюро и согласен видеть его в роли товарища председателя. В отношении кандидатуры П.Б. Струве на должность председателя союз также ничего против не имеет. В отношении порядка производства предстоящих выборов Я.И. Савич полагает, что было бы правильнее, чтобы собрались люди наиболее влиятельные, разных направлений и обдумали, как лучше произвести выборы.

П.В. Семичев отметил, что представляется странным противоположение Торгово-Промышленного Союза и правых. Много правых и в Торгово-Промышленном Союзе. В частности, резолюция, принятая Торгово-Промышленным Союзом в Сербии, представляет яркое выражение крайне правого направления.

А.М. Масленников добавил, что он не может согласиться с тем, чтобы отожествлялась группа Н.Н. Шебеко с Торгово-Промышленным Союзом. Группа Н.Н. Шебеко на всю Германию сейчас

---

* Слово происходит от названия пьесы-пародии М.Н. Волконского «Вампука, принцесса африканская». Пьеса написана в начале XX в., впервые поставлена в театре «Кривое зеркало» (Петербург), репертуар которого составляли пародийные спектакли; высмеивала театральные и сценические штампы, безвкусицу и пошлость.

насчитывает одного-двух лиц, между тем Торгово-Промышленный Союз имеет огромное значение в среде торгово-промышленного класса. Назвать его ни левым, ни правым нельзя. Торгово-Промышленный Союз есть штаб — с армией, но армией какой величины — это вопрос другой. В отношении же личности С.Н. Третьякова приходится считаться с тем, что, на его несчастье, он был в составе Временного правительства, а затем министром при адм. Колчаке. Получается много писем от молодых офицеров, с которыми считаться приходится. А.М. Масленников принадлежит к штабу с армией, и потому приходится считаться с тем, чего эта армия желает. Имеется масса монархическо-политической эмиграции и небольшая группа торгово-промышленников, реально борющихся против большевиков. Надо, чтобы эти две силы сговорились между собой.

Председатель, резюмируя все происшедшие прения, указал, что разделение на правых и левых возникло не в нашей среде. Оно упомянуто в письме Н.Н. Шебеко. Союз Воссоздания Родины занимает середину и хочет мирить правых и левых, но, как было отмечено, никаких правых и левых нет. Во всяком случае, никакое посредничество в данном вопросе является не только не нужным, но даже вредным, ибо всё наше заседание — устранить всякие средостения и стать одни к другим лицом к лицу. Основная мысль союза Н.Н. Шебеко имеет характер предложения какого-то арбитража. Для этого необходимо было бы желание обеих сторон, а между тем посредничества не желает ни одна из них. Поэтому всякую попытку такого рода надо признать вредной и решительно её устранить. В отношении указанных А.М. Масленниковым двух сил — монархически настроенной эмигрантской массы и торгово-промышленного класса — к ним следует прибавить ещё третью силу — силу военную. Что касается сговора, то мы всё время искали этого пути, и в этих целях было обращение к Н.Н. Шебеко. Если совещание окончательно остановится на решении устроить совместное заседание с представителями Торгово-Промышленного Союза и Национального Комитета, то председатель выражает согласие опять обратиться к ним с соответствующими письмами, хотя бы и вовсе не хотел опять попасть в то положение, в которое его поставил сегодня Н.Н. Шебеко. По мнению А.Ф. Трепова, при предстоящих выборах следует избирать наиболее полезных лиц и забыть про партии. По этим соображениям ещё на собрании 13 сентября им было внесено предложение: при пополнении Организационного комитета, при освобождающихся вакансиях, восполнять его отдельными полезными людьми.

После дальнейшего обмена мнений, в котором приняло участие большинство присутствующих, совещание остановилось на решении устроить в среду, 7 октября, заседание, пригласив в него Н.Х. Денисова, С.Н. Третьякова, М.М. Фёдорова и Е.П. Ковалевского, на котором и установить список кандидатов, коих следует совместно проводить на предстоящих выборах в заседании Организационного комитета. Со своей стороны, совещание полагало, что на должность председателя следует всемерно поддерживать кандидатуру П.Б. Струве как лица политически чистого, сознавшего ошибки своей молодости и вполне раскаявшегося в прежних заблуждениях. Товарищами председателя, по мнению совещания, должны быть избираемы А.Н. Крупенский, С.Н. Третьяков и М.М. Фёдоров.

В заключение совещание обменялось мнениями о составе исполнительного бюро, о круге его деятельности, а также о предметах ведения предположенных комиссий.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ДИСПУТ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

Устроенный в воскресенье в зале на рю Эрмель диспут о Зарубежном Съезде привлёк весьма многочисленную публику. Помимо явного интереса, возбуждаемого в широких кругах вопросом о Зарубежном Съезде, здесь сыграло роль и то, что это собрание едва ли не было первым политическим собранием в Париже, на котором должны были сойтись представители враждующих политических лагерей. Многие, должно быть, пришли поэтому, как приходят на бой быков или на матч боксёров.

Из-за некоторого опоздания П.Н. Милюкова собрание началось немного позже назначенного времени. Но значительная часть публики собралась ещё до 3 часов, и все первые ряды были заблаговременно заняты или замещены главным образом сторонниками П.Н. Милюкова — молодыми эрдеками. К 3 часам зала была почти битком набита.

Председателем собрания был избран предложенный по взаимному соглашению П.Н. Милюкова и А.А. Пиленко присяжный поверенный О.С. Трахтерев.

---

* «Возрождение», 3 ноября 1925 г.

Выступавший первым А.А. Пиленко начал с заявления, что данный митинг созван им с целью выяснить вопрос: можно ли привлечь демократические массы на Зарубежный Съезд.

— Я не боюсь слов, — говорит Пиленко, — я заявляю прямо, что цель этого митинга — уловление левых. П.Н. Милюков оказал мне высокую честь и согласился участвовать в споре. Но имею ли я право — я, бывший сотрудник «Нового времени», — заниматься таким уловлением? Мне кажется, что имею. — И Пиленко переходит к изложению того, что он называет своим «политическим пашпортом».

От «Нового времени» он не отрекается, ибо ни в одной другой газете не имел бы такой свободы, но он напоминает, как перед Думой, после его выступлений в Тенишевском училище, П.Н. Милюков обратился к нему с предложением сотрудничества в «Речи». Он ответил отказом. Перед Думой он уже сам обратился к П.Н. Милюкову, предлагая своё сотрудничество в его газете, но получил отказ.

— Сейчас я нахожусь в правом лагере, — заканчивает эту часть речи Пиленко, — но, может быть, я скоро оторвусь, а может быть — уже делаются к этому попытки, — меня оторвут.

После этого А.А. Пиленко символически переходит с правой стороны эстрады на левую и начинает говорить о Зарубежном Съезде. Всё остриё его речи направлено направо. Начинает он с разбора возражений р.-д., во главе с Милюковым, против Съезда. Съезд-де созывается крайне правыми, и программа его предрешена. Это, по мнению А.А. Пиленко, неверно. Председателем Организационного комитета Съезда состоит П.Б. Струве, избранный после опубликования им своей программы, которую «одобрил» сам П.Н. Милюков в «Последних новостях». Программа Торгово-Промышленного Союза ещё левее. Другое возражение: на Съезде будет поставлен вопрос о возглавлении.

— Но в таком случае, — заявляет Пиленко, — я повторяю: мы уйдём со Съезда. Милюков говорит, что тогда Съезд потеряет смысл. Этого я не понимаю. У эмиграции есть и другие задачи. Она является большой моральной и материальной силой. Поэтому она должна избрать свой парламент. Почему армяне имеют свой комитет, имели его и чехи, и египтяне, а мы, русские, не можем? П.Н. Милюков говорит, что Струве и Шульгин превратят этот парламент в галлиполийский. Но если там будет сидеть П.Н. Милюков и его сторонники, этого не случится. Ведь вы, Павел Николаевич *(обращаясь к П.Н. Милюкову)*, всё равно никогда не станете галлиполийцем. *(Смех и аплодисменты.)* Правда, галлиполийцы сами

говорят, что они не сядут с П.Н. Милюковым, но я им отвечаю: вот вам пилюля, закройте глаза, закройте ротик и проглотите её, хоть она и горькая, — вам полезно.

— Какой Струве, какой Шульгин, — с жаром восклицает А.А. Пиленко, — навяжут русской эмиграции свою психологию?! Бояться этого — значит не уважать эту самую эмиграцию. Стыдно тем, кто думает, что представительство эмиграции неосуществимо. Чем будет заниматься Съезд? — спрашивает Пиленко и оглашает программу, которая оказывается тактической программой Р.-Д. объединения. Оратор сознался, что хотел поймать Милюкова на эту удочку.

— Можно ли осуществить эту программу на Съезде? Милюков говорит, что нельзя, ибо Съезд захватили правые, а тактика правых усиливает большевиков. — С последним А.А. Пиленко согласен: правые вовсе не монархисты и вовсе не борцы с III Интернационалом. Но что они захватили Съезд — неверно: — Вот уже 21 день, как они стараются меня высечь или выставить и не могут. Это бездарные люди...

Председатель:

— Я не могу допустить подобных выражений о людях, среди которых есть много талантливых и с которыми вы работаете за одним столом.

А.А. Пиленко переходит к вопросу о Съезде и плебисците: Съезд должен явиться эмигрантским плебисцитом.

П.Н. Милюков не верит в возможность этого.

— Но для того чтобы это было так, вы должны помочь, Павел Николаевич, устроить настоящие выборы... Проблема привлечения левых, — продолжает Пиленко, — очень трудна. Рядом со Съездом должно быть образовано совещание демократических групп, чтобы сказать, как они относятся к Съезду, и поставить условия своего участия. Я, вероятно, буду в состоянии защищать эти условия, а если Съезд не примет их, он сам себя погубит. Тогда мы уйдём...

После этого Пиленко переходит к вопросу о правых и заявляет, что его прежние выступления истолкованы неправильно. Всех правых выталкивать нельзя. Он сам монархист и от своих монархических идей не отказывается, но они не соответствуют тем, с которыми он сейчас борется. Д.С. Пасманик неверно сказал, что сейчас нет мистики монархизма. До революции её не было, а сейчас слеп тот, кто её не видит. Но новые монархисты не имеют ничего общего с теми, кто называет себя монархистами.

— Если бы мы были монархистами тогда, мы бы за Царя умерли. А они? Один из них — и немаловажный — поехал снимать порфиру с Царя.

У монархистов, по словам Пиленко, нет никакого влияния. Митингов они устраивать не умеют. Газет у них нет, денег они просят у промышленников. Вместо самодержавия у них не наследственный и не законный царь, какой-то польский король. Они даже на своих нападают. Восставать против конституции — значит нападать на Николая II.

— Пожалейте хоть мёртвых! — патетически восклицает Пиленко. — Пусть хоть этот труп будет для вас священным! Я не позволю порочить убитого Царя, между ними и этим трупом я стою!

На Съезд, по мнению Пиленко, должны пойти демократические монархисты под лозунгом «мужицкого царя». Без левых этого сделать нельзя. Почему — этого Пиленко не объяснил.

Заканчивает Пиленко трагическим видением: тёмной ночью он стоит на обрыве, на крайнем левом фланге правого лагеря. Справа его пихают в пропасть. В отчаянии он бросился через бездну и повис. Ещё малое движение — и он свалится. Левой рукой он цепляется за край обрыва, поэтому он не может протянуть её П.Н. Милюкову, но он просит его: не наступите на неё.

П.Н. Милюков начинает с того, что он вовсе не хочет, чтобы А.А. Пиленко падал в бездну. Лучше спокойно продолжать разговор без трагических поз. Милюков говорит, что он не знает, может ли он фигурировать в качестве левого, он и его единомышленники предпочли бы считать себя политическим центром.

Подтверждая интересные факты из политического и литературного прошлого Пиленко, приведённые самим им, Милюков говорит, что через всю деятельность Пиленко красной чертой проходит одно свойство: он опасный союзник для своих единомышленников. Не раз уже он почти переходил в другой стан и подавал руку через бездну. Это его традиционная роль. Он не обыватель — для этого он слишком политик, но он «вольный стрелок». И в этом и его сила, и его слабость.

— Разговор с отдельным лицом, — говорит Милюков, — конечно, не есть политический разговор. В сущности, я даже не знаю, с кем говорю, кого представляет А.А. Пиленко. Но мы не договоры здесь заключаем, а потому я и пришёл.

Переходя к аргументации Пиленко, Милюков говорит, что программа Струве не есть программа Съезда, это признал сам Струве,

а Крупенский даже предостерегал против того, чтобы взгляды Струве были истолкованы как мнение большинства участников Съезда. Не является программой Съезда и программа Торгово-Промышленного Союза, которую Пиленко считает более левой, чем программа Струве (Милюков с этим не согласен). Однако Милюков удивляется, как это торгово-промышленные деятели, которые должны были бы расценивать политические программы с точки зрения своих выгод, выступают, как монархисты.

Настоящая программа Съезда, настоящее его лицо выявляется, по мнению Милюкова, в печатных и публичных выступлениях Трепова, Крупенского, Маркова. Что бы ни говорил Пиленко, «идея возглавления есть центральная идея Съезда, она тянется от эвакуации Крыма. Без вождя нет армии. Вождь не может быть оторван от Съезда — это я категорически утверждаю вместе с большинством будущих участников Съезда».

На этом речь Милюкова прерывается. В залу врывается с шумом человек пятьдесят, которых до сих пор не пускала полиция, но которые, в конце концов, добились своего. Между вошедшими и председателем возникают пререкания. Наконец спокойствие восстанавливается, и Милюков продолжает:

— Когда Пиленко говорит: «Мы уйдём», кого он подразумевает? Позвольте это «мы» заменить словом «я». А.А. Пиленко уйдёт со Съезда, и я его приветствую.

После этого лидер республиканцев касается вопроса об интервенции. Съезд, по его мнению, зародился в атмосфере надежд на интервенцию. Международная обстановка весной давала повод для таких надежд. Но план весеннего похода рухнул, и появились слухи об осенних походах.

Голос с места:

— Да здравствует интервенция!

Несколько человек кричат «ура!». Шум. Милюков пытается продолжать, но кто-то снова кричит: «Да здравствует интервенция!», и этот возглас сопровождается общим шумом и гвалтом.

Когда шум стихает, Милюков, показывая пальцем в тот конец залы, откуда шёл возглас, сентенциозно замечает:

— Вот они, тлетворные плоды пропаганды «Возрождения». — Затем он переходит к вопросу о предлагаемом Пиленко парламенте.

— На примере чехов и армян, — говорит он, — мы и видим разницу. Там созданию единого органа предшествовала громадная работа предварительной спайки. Если бы мы могли тоже назвать себя

вождями народа, можно было бы говорить о парламенте. Где идёт борьба воль и результатом этой борьбы являются акты, я пойду с кем угодно, — заявляет Милюков и прибавляет: — Я был одним из немногих, кто приглашал идти в Булыгинскую Думу.

Единственный вид парламента, который П.Н. Милюков допускает, — это парламент по эмигрантским делам, расширенный Эмигрантский комитет.

В советах Пиленко республиканцы не нуждаются: у них и без того существует перманентное совещание демократических групп, которое уже выяснило своё отношение к Съезду. Присутствие крайне правого крыла, говорит Милюков, лишает нас возможности участвовать в Съезде. Надо знать, кто эти люди. Это заговорщики против Думы. Они создали революцию. Они толкали Россию в пропасть. *(Голос с места: «А 1 ноября?»)* Они заставили Государя оттолкнуть последнюю тоненькую дощечку, которую мы протягивали для спасения монархии, — в виде прогрессивного блока.

— Я никогда не пойду с ними вместе, — с ударением говорит Милюков. — Дело стоит не так трагически, — кончает Милюков, — как это изобразил в своём заключении Пиленко. Зарубежный Съезд, может быть, осуществится, может быть — нет. А.А. Пиленко займёт своё место. Но ясно, что Зарубежный Съезд ни на палец не сдвинет с места дело борьбы с большевиками. Хорошо, впрочем, что идея Зарубежного Съезда всколыхнула самые глубокие массы, до которых последними доходят политические идеи. Пока эти идеи воспринимаются ими примитивно. Но я боюсь, что они уйдут дальше меня. Этих тёмных людей соблазняют заманчивыми слухами о весенних походах, об американских кораблях с казачьими десантами и об американских деньгах и их заставляют жертвовать франки в казну Великого князя. Когда эта карта — карта интервенции — будет бита, эти люди пойдут на рю де Гренель*. Этого я не хочу. *(Голоса: «Довольно, довольно!»)* Единственный способ не допустить этого — открыть им глаза, показать, что есть не только тот политический мир, который они видят.

Прения по докладам А.А. Пиленко и П.Н. Милюкова, в основном их содержании, были изложены в «Возрождении» от 2 ноября.

Г.С.

---

* На рю де Гренель располагалось русское (затем советское) посольство.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ БУДЕТ СНОВА КОМАНДОВАТЬ[1]*

ВОИН, ДЯДЯ ПОКОЙНОГО ЦАРЯ, ИЗБРАН ВОЖДЁМ БЕЛОЙ АРМИИ ДЛЯ НОВОГО НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОВЕТИЗМА

Париж, ноября 4 [1925]

Три миллиона русских, вынужденных революцией 1917 года уйти в изгнание, обратились к Великому князю Николаю, чтобы он был их Вождём.

Сам беженец, переезжавший из Константинополя в Рим и Геную, оттуда в Антибы и, наконец, в тихий и тщательно охраняемый замок вблизи Парижа, Великий князь Николай Николаевич, дядя убиенного Царя и бывший Верховный Главнокомандующий Русской армией, — популярная и почти легендарная личность в глазах старого русского крестьянства, — окончательно поставлен во главе общерусского движения.

Военный с того самого времени, когда он ребёнком встал на ноги, внимательно изучавший экономические и политические вопросы, Николай — прирождённый вождь. Красочная фигура кавалериста; огромного роста, Николай был, быть может, наиболее любимым воином в старой России. Он был популярен как генерал-инспектор Императорской кавалерии, но ещё более велик он был как Верховный Главнокомандующий русскими армиями на Западном и Южном фронтах.

Когда Царь принял Верховное командование Русской армией, Николай был освобождён от своей прежней должности и переведён на Кавказ, где он продолжал одерживать поразительные победы.

Восемь лет не прошли для Великого князя бесследно. В настоящее время он достиг возраста, когда воин обычно уходит на покой, — он на грани семидесяти лет. Его худощавое, с определён-

---

[1] Перевод статьи из газеты «Юнайтед Пресс», 4 ноября 1925 г. *Примечание издателя:* Со времени своего спасения от русской революции Великий князь Николай, на которого три миллиона русских эмигрантов смотрят как на единственного человека, способного привести Россию к национальному правительству, редко открывал двери своего французского убежища перед сотрудниками газет. Убеждённый в том, что Америка может сыграть значительную роль в его деле, он, в конце концов, согласился разрешить постоянному корреспонденту «Юнайтед Пресс» в Париже, Ральфу Гейнцену, посетить свой дом, в первый раз после войны сфотографировать себя, переговорить с небольшим кружком офицеров, составляющих окружение Великого князя, и написать о своих впечатлениях от этого посещения.

Это первая из четырёх статей Гейнцена (четвёртая статья в настоящем издании не даётся. — *Ред.*), в которых он рисует цели русских, которые избрали Николая своим Вождём, и приводит собственные слова Николая о его взглядах и целях.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 9, л. 1–3.

ными и тонкими чертами лицо носит отпечаток возраста, но физически он крепок и духом не сломлен. Его храбрость унаследована им от его отца, Великого Николая, победы которого над турками в 1877 году представляют одну из наиболее блестящих страниц русской истории.

«Я готов на любые жертвы для пользы России. Вот почему я наконец согласился стать во главе общерусского движения. Об этом меня просили уже три года, — так сказал мне Великий князь. — Я надеялся, что найдётся какой-либо иной вождь, но теперь я готов принять это бремя на себя. Я с радостью готов, если нужно, отдать свою жизнь для дела освобождения России».

Великий князь ясно указал, что это общерусское движение не является шагом к реставрации монархии. Его целью является лишь установление того, что белые называют *национальным правительством*. Выберет ли Россия монархическую или республиканскую форму правления, будет зависеть от национальных чаяний, и этот вопрос разрешится тогда, когда, согласно планам общерусского движения, настоящее правительство России будет свергнуто и там будет установлен порядок.

Избрание Николая вождём нового движения является результатом приложения теории выживания сильнейшего из числа соперников.

Противники большевиков, ослабленные внутренними трениями, в конце концов поняли, что они придут к полной беспомощности, если только не передадут своё дело в руки способного вождя. Николай был почти единогласно выдвинут в качестве главы движения, так как этот выбор удовлетворял все партии, вследствие его намерения восстановить порядок в России вне вопроса о восхождении на Престол и даже вне вопроса о той или иной форме правления.

Таким образом, в настоящее время Николай является центральной фигурой среди белых русских в самой России и вне её пределов. Он не только вождь политического движения, которое ставит себе целью разрушение III Интернационала и настоящего большевистского режима, но он также Главнокомандующий русскими армиями, что не является совершенно пустым титулом.

В Европе находится около 200 000 военных разных чинов из армий Врангеля и Деникина. Имеются также пригодные к службе, но разбросанные по обоим полушариям многие офицеры старой Русской Императорской и Белой армий. Эти офицеры составили союз и убедили Великого князя Николая принять над ними начальство. Таким образом, когда Николай войдёт в Россию, у него будет под

рукой не только полный кадр офицеров, но также и закалённая армия, которая будет нуждаться лишь в оружии и снаряжении.

В этом вопросе могла бы помочь Америка.

Ральф Гейнцен,
постоянный корреспондент «Юнайтед Пресс»

В ТИШИ ИЗГНАНИЯ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ОБДУМЫВАЕТ СВЕРЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА[1]*

Париж, ноября 5 [1925]

В маленьком уединённом замке, спрятавшемся в лесистой долине, на юге от Парижа, живёт в изгнании Великий князь Николай, дядя убиенного русского Царя и бывший Верховный Главнокомандующий Русской армией.

Кавалерист в течение пятидесяти лет, он очень скучает по верховой езде, и если бы Великому князю предложили на выбор королевство или коня, более чем вероятно, он выбрал бы коня.

Глава Союза офицеров прежней Императорской и Белой армий и выбранный Вождь общерусского движения, которое включает в себя три миллиона русских эмигрантов, рассеянных по всему свету, Николай является тем лицом, к которому обратились его соотечественники с тем, чтобы он учредил в России национальное правительство.

Человек действия, Николай тяжело переносит необходимость жить в узких пределах, очерченных стеной, окружающей замок. В доме, среди лесистого парка, Николай живёт, окружённый маленьким двором верных друзей, слуг и бывших офицеров своего Штаба. Для них он остался «Его Императорским Высочеством», и он окружён почётом, который полагается при царском дворе.

Великий князь живёт с Великой княгиней Анастасией и ведёт уединённый образ жизни. Он довольно часто совещается с видными русскими людьми из экономического, промышленного и политического мира, но он принимает лишь тех, кто является по делу.

Николай спокойно живёт в своём доме, но его нетерпение усиливается с каждым днём. Он не любит прогулок, у него нет охоты

---

[1] Перевод статьи из газеты «Юнайтед Пресс», 5 ноября 1925 г. *Примечание издателя*: Это вторая статья Ральфа Гейнцена о настоящем положении, планах и взглядах Великого князя Николая, нового Вождя «белого» русского дела.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 9, л. 4–5.

пилить дрова или косить траву, бродить по саду или заниматься ремеслом. Он всегда вёл военный образ жизни, и без лошадей и без войск ему не по себе. Он стремится к действию.

Хотя Николай уже два года живёт близ Парижа, очень мало парижан знают о его пребывании там. Только на русских собраниях упоминается его имя.

Три раза я безуспешно просил разрешения интервьюировать Вождя эмигрантов, но, наконец, моя настойчивость увенчалась успехом. Великий князь понял, что Америка интересуется его убеждениями и надеждами на будущность России, и в ответ на моё четвёртое ходатайство ворота замка раскрылись передо мною. Я был приглашён туда в качестве гостя, чтобы самолично убедиться в том, с какой простотой и достоинством живёт Великий князь в своём изгнании.

«Шато Шуаньи», помещичий дом при деревне Сантени, стоит в стороне от больших дорог, недалеко от живописного городка Бри-Конт-Робер. Он представляет из себя миленький деревенский дом, окружённый лесом. Раньше тут была полуразрушенная каменная стена, которая окружала деревья, но с приездом в Шуаньи Великого князя стену поправили и сделали выше.

Мягкий климат его французского убежища принёс пользу Николаю. Хотя он многие часы проводит за работой за простым сосновым столом в своём кабинете, он с лёгкостью несёт бремя своих 69 заполненных деятельностью лет. По внешности он типичный кавалерист, он держится прямо, во весь свой гигантский рост — выше шести футов. Лицо его представляет ярко выраженный романовский тип. Он — воин, и даже штатское платье не может этого скрыть.

«Не эту одежду я привык носить, — заметил Великий князь с ноткой грусти в голосе, указывая на своё пальто. — Пятьдесят лет я был кавалеристом, а вот уже восемь лет я не чувствовал под собой коня. Теперь, если бы я даже мог купить лошадь, я не мог бы её содержать».

Непосредственное окружение Великого князя, кроме Великой княгини Анастасии, дочери короля Черногорского, составляют лишь близкие друзья Николая по его военной службе.

Хотя Шуаньи представляет из себя всё, что осталось от когда-то пышной придворной жизни, в нём не бывает никаких светских приёмов или развлечений. Бюджет, который не позволяет содержать верховую лошадь, не позволил бы и хорошо обставленных приёмов.

Со времени кончины своих родителей, короля и королевы Черногорских, Великая княгиня Анастасия почти никого не принимает, а Николай занимается за своим письменным столом.

Ральф Гейнцен

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПРОСИТ СРЕДСТВ У СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ, ЧТОБЫ ФИНАНСИРОВАТЬ НОВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ ДЛЯ НАПАДЕНИЯ НА БОЛЬШЕВИЗМ[1]*

Париж, ноября 6 [1925]

«Американский капитал и русские крестьяне разрешат вопрос будущности России, — заявил Великий князь Николай, Вождь русского национального движения, резюмируя мнения трёх миллионов русских эмигрантов, выбравших его главой своего дела. — Без того или другого всякая попытка отвоевать Россию у большевиков была бы неудачна. Но, давая нам материальную поддержку, без которой мы ничего не можем сделать, Америка не может принимать никакого участия в установлении национального правительства в России.

Россия сама должна себя спасти. Всякая попытка держав послать армию в Россию кончилась бы неудачей. Русские крестьяне не поняли бы настоящей цели этого выступления и приняли бы своих защитников за захватчиков.

Только русская армия на русской территории может вступить в бой. Нас три миллиона людей, готовых отдать жизнь для этого дела, но, пока мы не сорганизованы и не имеем снаряжения, всякое выступление повлекло бы за собой лишь реки крови без всякой пользы».

В течение нескольких лет после русской революции Николай стремился стоять вне политики, но, приняв избрание трёхмиллионной эмиграции, он тщательно изучил вопрос. Его диагноз тот, что Россия больна и почти при смерти, но что всё же она ещё может воспрянуть.

«Всю мою жизнь я восхищался Америкой, её народом и её учреждениями, — сказал Николай. — То, что Америка отказалась от переговоров с нынешними московскими террористами, заслужило моё уважение, и я скажу, что, пока Америка будет придерживаться политики

[1] Перевод статьи из газеты «Юнайтед Пресс», 6 ноября 1925 г. *Примечание издателя*: Это третья статья Ральфа Гейнцена о планах Великого князя Николая, нового Вождя русских «эмигрантов», который всё ещё надеется взять верх в Москве.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 9, л. 6–7.

непризнания, Советская Россия не сможет продвинуться вперёд. Русский крестьянин переживает сейчас времена рабства, худшего, чем в какую бы то ни было эпоху, и только Америка может ему помочь. Только когда мир поймёт и решит, что в интересах международного мира и экономического прогресса вредоносный III Интернационал и его московские вожди должны исчезнуть, — только тогда возможен переворот, который заменит коммунистическую Россию национальной.

Я достаточно знаю русский народ, чтобы решительно заявить, что всякая попытка сменить правительство извне, исходящая от иностранцев, была бы обречена на неудачу. С другой стороны, я знаю, что чем дольше вообще откладывать попытки свержения, тем труднее будет разрешить задачу.

Я знаю, что власть Интернационала в России является в данное время карточным домиком. Дуновение может разрушить её. Этот удар, организованный и осуществлённый русскими с американской материальной и моральной поддержкой, внушил бы доверие крестьянству и удался бы. Америке не потребуется пролить ни капли своей крови.

Всем известно, что настоящих друзей мы познаём в несчастье. Страна, выказывающая дружественность и помогающая миллионам русских в восстановлении национального правительства, может рассчитывать на нашу признательность в будущем.

Россия — страна огромных неиспользованных богатств. Всякая материальная поддержка, оказанная нам, была бы возмещена немедленно по восстановлении России. В дальнейшей стадии своего развития России потребуются огромные капиталы. Мы бы отплатили нашим верным друзьям всеми зависящими от нас способами.

В России Америку ждёт широкое поле для приложения капиталов: она имеет возможность вновь завоевать великий российский рынок, потерянный для мировой торговли. Таким образом, мы во много крат покрыли бы всякую финансовую затрату, на которую пошла бы теперь Америка для нас.

С каждым днём становится яснее, что политические и экономические беспорядки во всём мире происходят по директивам III Интернационала. Таким образом, весь мир заинтересован в освобождении и восстановлении России, и Америка, как крупнейшая мировая финансовая сила, не может относиться равнодушно к положению, которое с каждым днём становится всё более угрожающим и которое, если ему не будет положен предел, может привести к её собственной политической гибели».

Ральф Гейнцен

КРИЗИС ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА?*

РАЗЪЯСНЕНИЕ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Мы до сих пор ничего, кроме фактических сообщений, не давали о тех вопросах и разногласиях, которые, в связи с выступлениями А.А. Пиленко, зрели и возникали вокруг Зарубежного Съезда и были предметом суждений в его исполнительном бюро и Организационном комитете.

К величайшему сожалению лиц, стремящихся к объединению и сплочению активно противобольшевистских, национально настроенных сил Зарубежной России, выступления А.А. Пиленко послужили бродилом для разногласий и даже весьма острых пререканий в среде тех элементов, которые решили объединиться для дела Зарубежного Съезда.

Мы оставляем совершенно без рассмотрения чисто личную и чисто моральную стороны этого инцидента. Нас интересует только сторона *общественно-политическая*.

Идея Зарубежного Съезда есть идея *объединения* и сплочения активных *противобольшевистских* сил Зарубежной России, обращённых к России Внутренней и вместе с живыми элементами последней стремящихся к освобождению народа русского и народов российских от ига III Интернационала. В основной своей идее Зарубежный Съезд должен был создать самую широкую коалицию активных противобольшевистских сил, но «левые», или, скажем точнее, «республиканско-демократические» и подавно «социалистические», элементы сразу и категорически отказались участвовать в Съезде и организуемой для его осуществления коалиции. Этим совершенно естественно и совершенно объективно центр тяжести Съезда переместился «направо», в соответствии, впрочем, и с несомненным и весьма значительным преобладанием «правых» элементов и «правых» настроений в Зарубежной России. «Правые» настроения и «правые» элементы тут нужно понимать в чисто политическом смысле. О преобладании в социально-экономическом смысле «правых» настроений так называемой «эмиграции», и особенно в её наиболее численной молодой части, вряд ли может быть речь. Социально-экономическое «реставраторство», по нашему осведомлению, совершенно чуждо и даже непонятно той, по преимуществу офицерской молодёжи, которая образует кадры прежних Белых армий, наиболее сплочённые и стойкие элементы которой подчиняются ген. Врангелю, а через него — высшему авторитету Великого князя Николая Николаевича.

---

* «Возрождение», 8 ноября 1925 г.

Та агитация на собраниях, которую повёл А.А. Пиленко, преследовала — насколько мы, на основании всего имеющегося в нашем распоряжении материала, можем судить — две цели, не только чрезвычайно различные, но в данный момент и совершенно не могущие уложиться в единое действие и в единую «кампанию». Одна цель была — оторвать «правые» массы от или восстановить эти *массы* против их теперешних предполагаемых или действительных руководителей. Эта цель, как ни относиться к ней, по существу не только ничего общего не имеет с созывом Съезда на основе соглашения или коалиции уже существующих политических группировок и течений, но, наоборот, в том исполнении, в которое облёк её А.А. Пиленко, идёт, так сказать, прямо наперерез задаче осуществления в обозримом будущем Зарубежного Съезда.

А.А. Пиленко может полагать, что духовное водительство его самого или его ближайших политических друзей (если таковые есть) должно заменить собою водительство Н.Е. Маркова, А.Н. Крупенского, А.Ф. Трепова, гр. Гендрикова и т.д. и т.д. Но такая смена руководителей есть та перепряжка лошадей, которой, по английскому изречению, нельзя производить, когда переезжаешь реку.

Либо Съезд, либо смена руководителей — такова та политическая альтернатива, которую А.А. Пиленко, как человек, десятилетия наблюдающий политическую жизнь и России, и других стран, должен был бы сразу уяснить себе.

Но, по-видимому, А.А. Пиленко преследовал в своих выступлениях и *другую* цель. Эту цель, отвлечённо рассуждая, можно было бы примирить с задачей созыва в обозримом будущем Зарубежного Съезда. Мы говорим о *расширении* съездовой *коалиции налево* путём привлечения враждебных до сих пор идее Съезда или к ней равнодушных левых элементов. Осуществима ли была эта идея вообще — об этом мы сейчас не будем распространяться. Но, во всяком случае, для тех политических деятелей, которые, как А.А. Пиленко, *уже вошли* в коалицию направо, и по существу, и, так сказать, с точки зрения политической последовательности и даже простой лояльности никакое *расширение коалиции,* имеющее быть осуществлённым налево, не могло и не должно было бы быть производимо средствами и в формах, опасных и даже разрушительных для уже осуществлённой коалиции направо.

Пусть А.А. Пиленко участие П.Н. Милюкова, или Н.И. Астрова, или М.В. Брайкевича в Съезде оценивает гораздо выше, чем участие Н.Е. Маркова, А.Ф. Трепова или А.Н. Крупенского, но так же, как простой здравый смысл не позволяет политику перепрягать лошадей

во время переезда через реку, — так же тот же здравый смысл возбраняет ему упускать синицу из рук ради журавля в небе (возможно даже задаться здесь вопросом: не имеется ли в виду журавля в руках променять на синицу в небе?).

По этим чрезвычайно простым и объективным соображениям, из которых намеренно устранён всякий элемент личных симпатий и даже моральной оценки, мы считаем выступления А.А. Пиленко просто политически нецелесообразными с точки зрения тех, кто желал и желает, чтобы Съезд состоялся и лежащая в основе его коалиция не рухнула. Другими словами, *эти выступления не могут быть защищаемы с точки зрения самого А.А. Пиленко как защитника Съезда.*

И в самом деле, эти выступления не дали никаких положительных результатов, то есть они ни на одну йоту не приблизили к идее Съезда и съездовой коалиции её противников с П.Н. Милюковым во главе, и они вызвали среди сторонников и участников Съезда и съездовой коалиции такое раздражение, которое — увы! — грозит разрушить самое дело Съезда.

Мы не можем не сказать, что единственным разумным и соответствующим объективным необходимостям создавшегося положения выходом из него мы считали и считаем уход А.А. Пиленко из состава Организационного комитета и исполнительного бюро Съезда. Мы рекомендуем такой выход вовсе не в смысле какой-либо цензуры или кары. Но те задания, которые, очевидно, преследует А.А. Пиленко и которые интересуют его, очевидно, больше, чем задания Съезда, как они намечены коалицией 13 сентября, просто не укладываются в рамки организационной работы по подготовке Съезда.

Пребывание А.А. Пиленко в составе Организационного комитета и исполнительного бюро просто и нелогично, и нецелесообразно.

Повторяем, что те два задания, которые можно выделить как руководящие из всех выступлений А.А. Пиленко, одно несовместимо с другим и они оба несовместимы с созывом Съезда на уже сложившейся коалиционной основе.

Пусть А.А. Пиленко *продолжает* свою *агитационную* работу в том духе, в котором он её начал. Но одно должно быть ясно: эта работа — даже если она даст какие-либо положительные результаты — приведёт к полной перегруппировке русской зарубежной среды и к собранию совершенно другого зарубежного съезда, чем тот, который задуман на основе коалиции 13 сентября. Каков будет этот другой съезд — мы этого не знаем, да не знает, конечно, и сам А.А. Пиленко, ибо это — музыка будущего. Мы не отрицаем, что могут быть

интересные и важные политические задания, столь смелые и в то же время неясные, что их свершение не может быть сколько-нибудь точно учитываемо в настоящем. Такие задания могут ставить и отдельные публицисты, и целые органы печати. Это их право, а иногда и полезная функция. Но такую «музыку будущего» нельзя безнаказанно смешивать с отстоявшимися, ясными и скромными заданиями текущей ответственной и в своей ответственности чем-то «связанной» политической работы.

Такой скромной и ответственной работой является созыв, организация и проведение *этого* коалиционного *Съезда*. В эту конкретную и реальную организационную работу вносить бурную и страстную, но безответственную «музыку будущего» — значит вместо гармонии творить какофонию.

Эта какофония, к сожалению, может оказаться и — увы! — даже уже оказалась не только оскорбляющей слух, но и разрушающей дело со-глашения и со-гласия...

Мы не желаем производить никакой демагогии, но если к чему-нибудь нужно призывать «массы», то именно к тому, чтобы они подчас внушительно напоминали руководителям и идеологам о *долге* — единения и соглашения...

Пётр Струве

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

Париж, 10 ноября 1925

В правых кругах утвердилось убеждение, что в неудаче затеи «Зарубежного Съезда» виноваты демократы, отказывавшиеся подкрепить этот съезд своим присутствием. Тщетно мы пытались объяснить им, почему присутствие демократов на этом съезде было невозможно и в каком глубоком противоречии стоят методы демократической борьбы за освобождение России с методами инициаторов «Зарубежного Съезда». Но мы указали также и на то, что среди самих этих инициаторов существует неизбежное и неустранимое противоречие в понимании их собственных методов. Единственным последовательным течением в этой среде является течение, по-прежнему связывающее освобождение России с «армией» (Врангеля), с «Вождём» (Вел. кн. Николаем Николаевичем) и с иностранной интервенцией. Но эти идеи сохранили своё значение в полной чистоте только в рядах край-

* «Последние новости», 10 ноября 1925 г.

них правых монархистов. И съезд, задавшийся целью провести эти идеи, волей-неволей должен был идти в русле и под руководством этих людей, с которыми до сих пор никакая русская общественность не хотела вести никакого общего дела. Однако попасть под ферулу Маркова 2-го более умеренные элементы съезда не имели никакой охоты, и с самого начала шла глухая борьба — по нашему мнению, безнадёжная — за смягчение этой крайней правой программы. Эта борьба рано или поздно должна была взорвать съезд изнутри и выйти наружу.

Первым симптомом этого неизбежного внутреннего взрыва была известная агитация А.А. Пиленко. Несомненно, аргументы Пиленко стояли в полнейшем противоречии с его выводами. Ибо правильным выводом из совершенно справедливого разноса, которому он подверг публично монархистов, было бы, конечно, решение на такой съезд не идти. Пиленко, напротив, предлагал отнять у съезда его монархическую программу, выгнать со съезда крайних правых монархистов, занять их место какими-то монархистами нового типа и втянуть на съезд отсутствующее там республиканско-демократическое крыло. Предложение казалось настолько индивидуальным, что П.Н. Милюков принуждён был признать Пиленко «вольным стрелком», а доктор Алексинский попросту намекнул, что надо отдать Пиленко на попечение психиатра. И вот, в самые последние дни оказалось, что, как ни своеобразны выступления Пиленко, он вовсе не одинок, а, напротив, поддерживается всей торгово-промышленной группой. Теперь понятно, почему не только не удалось «выгнать» Пиленко из состава Организационного комитета, несмотря на все его продерзости по адресу монархистов и несмотря на все их протесты, но даже и намерение вынести ему порицание встретило сильнейшее сопротивление среди его скрытых единомышленников.

Заседание Организационного комитета 6 ноября, подробно описанное у нас и в «Возрождении», протекло чрезвычайно драматически. В исполнительном бюро комитета, видимо, состоялся компромисс монархистов с торговопромышленниками: Пиленко напишет извинительное письмо Крупенскому, а комитет объявит дело погашенным и введёт на будущее время новое правило об исключении двумя третями голосов члена, противодействующего целям комитета. Компромисс был, очевидно, гнилой, ибо Пиленко вовсе не обязывался и на будущее время прекратить свою агитацию, а монархисты справедливо находили, что существо этой агитации вовсе не исчерпывалось личной обидой Крупенскому, в извинительном письме даже не названному. И в заседании комитета Гурко предложил дополнить

резолюцию бюро косвенным порицанием Пиленко, подчеркнув, что дисциплинарная мера на будущее время принимается ввиду неких «публичных выступлений» в прошлом. Торгово-промышленная группа дала тогда понять, что она такой поправки не примет. А когда, несмотря на это и вполне сознавая, что идёт навстречу расколу, монархическое большинство собрания всё-таки настояло на своём и поставило поправку Гурко на голосование, торговопромышленники (Денисов, Третьяков, Тикстон и Изнар) демонстративно покинули собрание.

Эпизод с Пиленко при создавшемся положении уже отходит на второй план. Мы имеем дело с острым и принципиальным конфликтом между монархистами и торговопромышленниками. Чрезвычайно странными при таком положении представляются увещания Струве по адресу Пиленко — уйти самому и заняться своей агитационной работой на стороне, не мешая «скромной» задаче осуществления *данного* съезда. Струве, конечно, прав, когда утверждает, что расширение коалиции участников съезда влево противоречит сохранению уже состоявшейся коалиции вправо. Но ведь в этом противоречии и состоит ахиллесова пята съезда. Участие в нём крайних монархистов и поставленные ему задачи сделали расширение влево невозможным. А без этого расширения вся нашумевшая затея превращается в действительно «скромную» задачу созыва более или менее прикровенного монархического съезда. Такой съезд явно непригоден для осуществления поставленной задачи, ибо эта задача вовсе не «скромная». Но противоречие идёт и дальше. Независимо от отстранения «левых», и все остальные элементы в составе съезда, кроме крайних монархистов, принуждены играть в нём чисто служебную роль. Попытки противопоставить монархической программе «личную» программу Струве или — хотя бы и коллективную, но скромно соглашавшуюся отступить на второе место — программу торговопромышленников, были обречены на явную неудачу: их шутя отстранило бы то же самое большинство, которое теперь провело косвенное порицание Пиленко. Мы понимаем, что торговопромышленники, при всей своей умеренности, разглядев своё положение, не могли согласиться «держать свечу» гг. Марковым и Крупенским. Их уход совершенно логичен. Если он — окончательный, то он удачно разрубает запутанный политический узел, который иначе всё равно проявился бы на самом съезде и привёл бы к скандальному столкновению там. Лучше (и дешевле) было бы сделать это раньше, чем позже.

Таков истинный смысл происшедшего конфликта. Смысл этот, как видит читатель, гораздо глубже спора о личности и о деяниях

г-на Пиленко. Поведение его послужило лишь проявителем глубокого внутреннего разногласия внутри нелепой «коалиции» с крайними правыми. И все елейные убеждения Струве о необходимости сохранения «со-глашения» и «со-гласия» при сложившемся положении просто смешны. С самого начала надо было видеть и понимать, что никакое «со-глашение» и «со-гласие» с истинными виновниками русской революции, с людьми, погубившими династию своими мрачными советами и своим упорством в защите собственных классовых интересов, невозможно.

Возможна ли, в случае похорон этой «коалиции» и этой затеи, какая-нибудь другая коалиция и затея? Возможно ли, разорвав с правыми, пойти налево? Мы давно уже указывали, что место торгово-промышленников вовсе не там, куда привели их их временные вожди. Связывать себя с трупом — значит уже слишком плохо понимать собственные интересы. И так как написанная для съезда программа становится именно на точку зрения собственных интересов торгово-промышленного класса, то остаётся только посоветовать ему лучше согласовать эту задачу с выбором подходящих методов. Мы уже не говорим, что к тому же выводу приводят и здраво понятые интересы родины, конечно не чуждые русским Мининым, как бы ни издевался по этому поводу русский щигровский помещик Марков.

Весь вопрос только в том, для чего нужно совершать этот пересмотр политической позиции. Если только для иного варианта «Зарубежного Съезда», то, право, не стоит! Ибо «Зарубежный Съезд» — затея, неотделимая от той программы, для которой он задуман. Она неотделима от «вождя», «армии» и «интервенции». Правда, «вождю» в последние дни приписывают как раз два противоположных варианта программы, вполне соответствующих противоречию, раздирающему Организационный комитет. По одному варианту, переданному агентством Гаваса, «вождь» поведёт на Россию трёхмиллионную армию с двухсоттысячным ядром врангелевцев. По другому варианту, переданному специально для Америки княгиней Кантакузен, на основании устной беседы с Великим князем, намерения «вождя» почти не отличаются от намерений республиканцев-демократов. «Освобождение русского народа... может прийти только от самого русского народа»; «иностранная интервенция... дорого обошлась бы русскому народу», «да и иностранцам непосильно установление такого нового государственного режима, который бы завоевал доверие русского народа». «Все основные вопросы могут и должны быть разрешены только в России...» Зная на примере Струве, до какой степени

стилизация мнений Великого князя зависит от того, кто и для какой цели с ним говорит, мы не будем пытаться примирить эти противоречия. Но они всё-таки показательны для иллюстрации того, как запутались защитники военных экспедиций и интервенций и какой сдвиг происходит в той среде, которая до сих пор более или менее последовательно выдерживала «галлиполийскую психологию».

НАШИ ПОЗИЦИИ*

«Последние новости» в передовой статье, не без удовлетворения, граничащего со злорадством, занимаются разногласиями внутри Организационного комитета и исполнительного бюро Зарубежного Съезда. Соглашение, лежащее в основе Съезда, им не по нутру, и они уже заранее приветствуют «неизбежный взрыв».

> «Первым симптомом этого неизбежного внутреннего взрыва была известная агитация А.А. Пиленко. Несомненно, аргументы Пиленко стояли в полнейшем противоречии с его выводами. Ибо правильным выводом из совершенно справедливого разноса, которому он подверг публично монархистов, было бы, конечно, решение на такой съезд не идти. Пиленко, напротив, предлагал отнять у съезда монархическую программу, выгнать со съезда крайних правых монархистов, занять их место какими-то монархистами нового типа и втянуть на съезд отсутствующее там республиканско-демократическое крыло. Предложение казалось настолько индивидуальным, что П.Н. Милюков принуждён был признать Пиленко "вольным стрелком", а доктор Алексинский попросту намекнул, что надо отдать Пиленко на попечение психиатра. И вот, в самые последние дни оказалось, что, как ни своеобразны выступления Пиленко, он вовсе не одинок, а, напротив, поддерживается всей торгово-промышленной группой».

Мы уверены, что представители торгово-промышленной группы не поддадутся на столь откровенное приглашение «Последних новостей» разрушить национальную коалицию.

Мы пользуемся случаем, чтобы, по поводу новой атаки на национальный сговор противников этого сговора, точно формулировать нашу позицию, или, вернее, позиции.

1. Мы считаем всякий шум об «интервенции», то есть возбуждение в зарубежных массах несбыточных надежд на такую интервенцию, делом не только бесплодным, но и вредным.

---

* «Возрождение», 11 ноября 1925 г.

2. Зарубежный Съезд не есть всё затея «монархических» организаций, а есть осуществление некой национальной, или патриотической, коалиции.

3. Ни Зарубежный Съезд, ни положенная в его основу коалиция не могут ни предложить, ни обещать каких-либо чудотворных средств освобождения России от ига III Интернационала. От всякой веры в такие чудеса устроители Съезда должны, наоборот, решительно и всемерно предостерегать, и самый Съезд должен, в известной мере, служить <...>* подмостками для борьбы с зловредными и провокационными легендами.

4. Из этого, однако, вовсе не следует, чтобы национально настроенные элементы не должны были объединяться и сговариваться. Самой простой, внушительной и действительной формой такого объединения и сговора является политический Зарубежный Съезд. Его задача именно в объединении и сговоре, которые должны создать для национально настроенной зарубежной среды состояние действенной готовности.

5. Национальный сговор Зарубежной России, обращённой к России Внутренней, есть сам по себе задача огромной важности. Удачное разрешение этой задачи было бы огромным шагом вперёд, полезное значение которого во всём его объёме сейчас трудно даже предусмотреть.

6. Основными условиями возможности успешного политического взаимодействия России Зарубежной и России Внутренней являются:

— во-первых, отказ от социально-экономического реставраторства,

— во-вторых, вообще отказ от сочетания направленной против коммунистической власти революции с посторонними этой простой и бесспорной задаче сложными и спорными политическими и социальными задачами.

Пётр Струве

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ СОЮЗ И ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД**

Вчера в закрытом заседании комитета Торгово-Промышленного Союза обсуждалось положение, создавшееся в связи с известным

* В этом месте типографский брак.

** «Последние новости», 11 ноября 1925 г.

вотумом Организационного комитета по поводу публичных выступлений А.А. Пиленко.

На заседании резко столкнулись две точки зрения. Группа, представленная председателем союза Н.Х. Денисовым, настаивала на отозвании представителей торговопромышленников из состава Организационного комитета, мотивируя это своё требование недостойным поведением правого большинства Организационного комитета по отношению к А.А. Пиленко, представляющему в комитете Торгово-Промышленный Союз, и вообще недопустимостью публичных выпадов со стороны вождей монархических группировок по адресу Торгово-Промышленного Союза в целом (известные выступления Н.Е. Маркова 2-го против Мининых).

Противоположная точка зрения была представлена издателем газеты «Возрождение» А.О. Гукасовым, уговаривавшим членов Торгово-Промышленного Союза не разрушать «коалиции» с правыми и продолжать совместную с ними работу по созыву Зарубежного Съезда.

Заседание длилось около трёх часов. Общего решения вчера не удалось достигнуть. Продолжение заседания перенесено на утро в пятницу, 13 ноября.

Вслед за принятием того или иного решения в комитете союза вопрос будет вынесен в ближайшие же дни на общее собрание членов Торгово-Промышленного Союза. Это собрание окончательно решит, возможно ли впредь сохранять сотрудничество с монархическими организациями в деле созыва Зарубежного Съезда или целесообразнее это сотрудничество прекратить теперь же, не дожидаясь разрыва на самом Зарубежном Съезде.

РАЗВАЛ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

ПРОМЫШЛЕННИКИ УШЛИ. ОЖИДАЕТСЯ УХОД КАЗАКОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА

В последние два дня А.О. Гукасов вёл длительные переговоры с различными группами внутри Торгово-Промышленного Союза, стараясь выработать компромиссную формулу, на которой Торгово-Промышленный Союз согласился бы продолжать своё участие в Организационном комитете по созыву Зарубежного Съезда.

* «Последние новости», 13 ноября 1925 г.

Все эти попытки ни к чему не привели. Комитет Торгово-Промышленного Союза решил отозвать своих представителей из Организационного комитета и отказаться от дальнейшего участия в подготовке Зарубежного Съезда. Точка зрения председателя союза Н.Х. Денисова возобладала в среде членов союза. Решение об устранении Торгово-Промышленного Союза от участия в созыве Зарубежного Съезда сегодня должно принять окончательную формулу. Резолюция исполнительного органа союза «об уходе» будет предложена на утверждение общего собрания членов союза на будущей неделе, но представители торговопромышленников будут отозваны из состава Организационного комитета, по-видимому не дожидаясь общего собрания.

Неудача А.О. Гукасова должна быть признана тем более знаменательной, если учесть содержание той «компромиссной формулы», при помощи которой он пытался удержать Торгово-Промышленный Союз в составе Организационного комитета. Как нам сообщают, предложение г-на Гукасова сводилось к следующему: выработать программу Торгово-Промышленного Союза, ультимативно защищать её на Зарубежном Съезде и уйти, таким образом, со Съезда в силу программного расхождения.

Оказывается, значит, что и сам А.О. Гукасов не очень верит в смысл и силу Зарубежного Съезда; очевидно, что при таких условиях его компромиссное предложение никого не могло соблазнить. Если вообще неизбежен уход, то, естественно, Торгово-Промышленный Союз предпочёл уйти не потом, а сейчас — по возможности не компрометируя себя участием в подготовке безнадёжного дела.

В основу мотивировки отозвания своих представителей из Организационного комитета комитет Торгово-Промышленного Союза кладёт, как нам сообщают, следующие соображения:

1) принятие Зарубежным Съездом узкопартийного характера;

2) отказ руководителей Организационного комитета от политического расширения Зарубежного Съезда (ссылка на передовую статью П.Б. Струве в «Возрождении» от 8 ноября);

3) нарушение правым большинством своих коалиционных обязательств на собрании 13 сентября.

При этих условиях комитет Торгово-Промышленного Союза считает своё участие в Организационном комитете по созыву Зарубежного Съезда бесполезным.

Решение Торгово-Промышленного Союза об отозвании своих представителей из состава Организационного комитета по созыву

Зарубежного Съезда вызвало волнение и беспокойство среди беспартийных организаций, пославших в своё время представителей в Организационный комитет.

Вопрос об отозвании своих представителей, по-видимому, в ближайшие дни встанет среди казачьих организаций, объединённых вокруг ген. А. Богаевского, а также в среде Национального Комитета (А.В. Карташёв) и в среде Русского рабочего союза.

* * *

Нам сообщают, что проф. А.А. Пиленко, оскорблённый передовой статьёй П.Б. Струве в газете «Возрождение» от 8 ноября, обратился к автору статьи с резким протестом в виде «открытого письма» и требует от газеты «Возрождение» удовлетворения за нанесённый ему «моральный ущерб».

РАЗВАЛ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

Вчера комитет Торгово-Промышленного Союза оформил, наконец, своё решение о выходе из состава Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда.

Заседание было чрезвычайно многолюдно. Прения продолжались около трёх часов.

Торгово-Промышленный Союз постановил отозвать своих представителей в Организационном комитете и отказаться от участия в Зарубежном Съезде.

Уход Торгово-Промышленного Комитета — одного из трёх основных членов «коалиции», создававшей Съезд, — по-видимому, в ближайшее же время повлечёт за собой отказ беспартийных и аполитичных профессиональных организаций (Национальный Комитет, казачьи и профессиональные группы), дальнейшее участие которых в подготовительных работах по созыву Зарубежного Съезда становится отныне бесполезным и не соответствующим первоначальной задаче.

Таким образом, теперь уже можно утверждать, что Зарубежный Съезд или совсем не состоится, или уступит место просто партийному монархическому съезду.

---

* «Последние новости», 14 ноября 1925 г.

В дополнение к уже сообщённым у нас сведениям о мотивах отказа Торгово-Промышленного Союза от участия в Зарубежном Съезде мы приводим полный текст принятой вчера союзом резолюции.

«Выслушав доклад своих представителей, участвующих в работах Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда, и приняв во внимание:

1) что главной задачей созыва Съезда и непременным условием участия Торгово-Промышленного и Финансового Союза в нём было объединение для борьбы с III Интернационалом по возможности всей Зарубежной России во всех проявлениях её политической мысли;

2) что вообще успешное проведение созыва Съезда возможно только при строгом соблюдении общего соглашения, при взаимном понимании и при уступках, положенных в основу деятельности групп, объединившихся в намерении созвать Зарубежный Съезд;

3) что уже на общем собрании представителей общественных организаций от 13 сентября сего года при избрании Организационного комитета и голосовании политической резолюции было допущено нарушение соглашения, которое вызвало недоверие к тактике согласившихся групп;

4) что в течение работ Организационного комитета одна из групп прибегает к действиям, имеющим целью обратить предполагаемый к созыву Съезд в съезд партийный для достижения своих партийных задач;

5) что дальнейшее участие в работах Организационного комитета для представителей торгово-промышленного класса было бы бесполезно, так как при данных обстоятельствах нет никаких гарантий в том, что Организационный комитет придёт к согласованным решениям по целому ряду вопросов, и в частности по вопросу о расширении состава участников Съезда, а также в том, что согласованные решения комитета будут проведены на Съезде, где могут повториться голосования и выступления, подобные имевшим место 13 сентября сего года, комитет Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза постановляет:

1. Доложить Совету союза о бесполезности участия союза в работах по созыву Зарубежного Съезда при сложившихся обстоятельствах и представить ему об отозвании представителей союза из Организационного комитета.

2. До окончательного решения этого вопроса Советом союза предложить своим представителям воздержаться от участия в работах президиума, исполнительного бюро и Организационного комитета по созыву Съезда».

Текст резолюции сообщён президиуму Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда.

Одновременно член Торгово-Промышленного Союза В.Н. Новиков подал заявление о своём уходе с должности генерального секретаря Организационного комитета.

Как известно, представителями Торгово-Промышленного и Финансового Союза в Организационном комитете были Н.Х. Денисов, В.Н. Новиков, А.А. Пиленко, П.А. Тикстон и С.Н. Третьяков.

УХОД ПРОМЫШЛЕННИКОВ*

В пятницу, 13 ноября, состоялось под председательством Н.Х. Денисова внеочередное заседание комитета Российского Торгово-Промышленного и Финансового союза, явившееся продолжением заседания комитета 10 ноября.

В заседании присутствовали: Л.М. Берлин, Г.Е. Вейнштейн, А.О. Гукасов, П.О. Гукасов, Н.Н. Изнар, Е.Л. Любович, А.М. Невядомский, Я.Д. Прядкин, П.А. Тикстон и С.Н. Третьяков.

Был выслушан доклад о результатах заседания комитета союза, состоявшегося во вторник, 10 ноября, в котором было начато обсуждение вопроса о возможности участия Торгово-Промышленного Союза в работах по созыву Зарубежного Съезда при создавшихся обстоятельствах. По этому предмету была предложена мотивированная резолюция, которая вызвала оживлённый обмен мнений.

В результате прений и внесения целого ряда поправок, большинством 7 голосов против 3, при одном воздержавшемся, была принята нижеследующая резолюция:

«Выслушав доклад своих представителей, участвующих в работах Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда, и приняв во внимание:

1) что главной задачей созыва Съезда и непременным условием участия Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза в нём было объединение для борьбы с III Интернационалом по возможности всей Зарубежной России во всех проявлениях её политической мысли;

2) что вообще успешное проведение созыва Съезда возможно только при строгом соблюдении общего соглашения при взаимном

* «Возрождение», 14 ноября 1925 г.

понимании и при уступках, положенных в основу деятельности групп, объединившихся в намерении созвать Зарубежный Съезд;

3) что уже на общем собрании представителей общественных организаций от 13 сентября сего года при избрании Организационного комитета и голосовании политической резолюции было допущено нарушение соглашения, которое вызвало недоверие к тактике согласившихся групп;

4) что в течение работ Организационного комитета одна из групп прибегает к действиям, имеющим целью обратить предполагаемый к созыву Съезд в съезд партийный для достижения своих партийных задач;

5) что дальнейшее участие в работах Организационного комитета для представителей торгово-промышленного класса было бы бесполезно, так как при данных обстоятельствах нет никаких гарантий в том, что Организационный комитет придёт к согласованным решениям по целому ряду вопросов, и в частности по вопросу о расширении состава участников Съезда, а также в том, что согласованные решения комитета будут проведены на Съезде, где могут повториться голосования и выступления, подобные имевшим место 13 сентября сего года, комитет постановляет:

1. Доложить Совету союза о бесполезности участия союза в работах по созыву Зарубежного Съезда при сложившихся обстоятельствах и представить ему об отозвании представителей союза из Организационного комитета.

2. До окончательного решения этого вопроса Советом союза предложить своим представителям воздержаться от участия в работах президиума, исполнительного бюро и Организационного комитета по созыву Съезда.

3. Заседание Совета союза созвать на 26 ноября 1925 года в 3 часа дня».

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО

Исполняющий обязанности председателя Организационного комитета и исполнительного бюро по созыву Зарубежного Съезда А.Н. Крупенский просит сообщить, что очередное заседание исполнительного

* «Возрождение», 15 ноября 1925 г.

бюро состоится в прежнем помещении (5, пляс дю Палэ Бурбон) в ближайший понедельник (16 ноября) в 9 часов 15 минут вечера.

В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ

В четверг, 12 ноября, состоялось под председательством А.Н. Крупенского заседание Организационной комиссии Зарубежного Съезда.

Заседание было посвящено обсуждению доклада генерального секретаря В.Н. Новикова о составе Зарубежного Съезда и о представительстве на нём организованной и неорганизованной эмиграции.

Доклад отмечает необходимость предпринять новую попытку привлечь на Съезд так называемые левые организации и, таким образом, выполнить постановление общего собрания 13 сентября о том, что Зарубежный Съезд должен объединить всех русских людей. Далее доклад рассматривает вопрос об участии в Съезде неорганизованной части русской зарубежной среды, о желании которой иметь своё представительство на Съезде имеются прямые указания.

В докладе подробно разбирается также вопрос о представительстве организованной эмиграции. Выдвинут также вопрос о тех зарубежных русских колониях, которые должны послать своих представителей на Съезд, и о распределении общего числа депутатов между отдельными странами. Число депутатов на Съезде предлагается определить цифрой 300, так как 300 представителей с достаточной полнотой представят все течения русской зарубежной мысли.

Выдвинутые в докладе положения вызвали продолжительные прения.

Комиссия постановила признать, что вопрос о новой попытке привлечения на Съезд левых организаций не может быть поднят Организационной комиссией, а подлежит компетенции исполнительного бюро.

В отношении неорганизованной части Зарубежной России комиссия признала, что и эта часть зарубежников должна получить представительство на Съезде, и для разработки правил производства выборов избрала подкомиссию в составе И.П. Алексинского, А.Н. Крупенского, В.Н. Новикова, М.Н. Суворова, Н.Н. Шебеко и представителя казачества. Подкомиссии предложено свой доклад по порученному ей предмету представить в течение недели — к следующему четвергу.

Для подробной разработки положения о выборах представителей организованной части Зарубежной России решено в следующем

заседании выбрать особую подкомиссию. Вопрос о представительстве бытовых организаций, к каковым относятся казачьи станицы, колонии и приходы, постановлено поручить вышеуказанной первой подкомиссии.

Обсуждение остальных частей доклада отложено до следующего заседания Организационной комиссии, которое состоится в четверг, 19 ноября, в 8 часов 30 минут вечера.

В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ*

В последнем заседании Русского Национального Комитета в пятницу, 13 ноября, продолжалась начатая в прошлом заседании беседа с представителями организаций национальной молодёжи. С большой речью выступил А.В. Карташёв. Продолжение беседы перенесено на следующее заседание 27 ноября.

В конце заседания был затронут вопрос о последних событиях, связанных с Зарубежным Съездом. Уход торговопромышленников из Организационного комитета Съезда вызвал единодушное осуждение собравшихся. С сожалением было выслушано заявление П.Б. Струве о сложении им звания председателя Организационного комитета. П.Б. Струве разъяснил, что его отказ не вызван уходом торговопромышленников, о котором он узнал позже. Постановлено просить П.Б. Струве взять обратно свой отказ.

ЗАКАТ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА**

Вчерашний день принёс целый ряд документов, свидетельствующих о том, что затея Зарубежного Съезда вступила в стадию окончательного заката. Комитет Торгово-Промышленного Союза вынес резолюцию о своём выходе из состава Организационного комитета по созыву Съезда и в этой резолюции подробно мотивировал причины своего выхода. Ушёл вместе с тем и генеральный секретарь комитета, представитель Торгово-Промышленного Союза В.Н. Новиков. Затем подал в отставку — тоже с мотивировкой — председатель Организационного комитета П.Б. Струве. Наконец А.А. Пиленко напечатал в «Возрождении» «открытое письмо П.Б. Струве» с подробным

* «Возрождение», 15 ноября 1925 г.

** «Последние новости», 15 ноября 1925 г.

ответом на статью Струве о «кризисе Съезда», и Струве поместил в том же номере ответ. Остановимся на всех этих документах и на их значении в истории подготовки Съезда.

Мы установили в своё время, что подготовка Съезда находилась в руках трёх инициативных групп: Трепова, Струве и Третьякова. Из них теперь, после отказов двух последних, остаётся только одна — та самая, которой, собственно, и принадлежит первоначальная мысль о Съезде: группа крайних монархистов. Цель этой группы ясна: она была с особенной настойчивостью подчёркнута в речи Трепова 13 сентября и в заявлениях Маркова 2-го и его органа. Монархисты хотели и хотят придать Съезду более или менее откровенный монархический характер и сделать его вторым изданием Рейхенгалля. Две другие группы заметно отступали перед этими вожделениями. Торгово-промышленная группа заранее объявила о своей готовности к уступкам. Группа Струве поспешила примирить «правовое начало», неприемлемое для монархистов, с самодержавием путём признания права сверхзаконной прерогативы монарха. Монархисты вспомнили, что эта прерогатива успешно превратила в фикцию основные законы апреля 1906 года, которые Струве и его сотрудники избрали своим политическим лозунгом, — и против такого «правового начала» больше не возражали. После всего этого стало очевидно, что, при усвоенной Организационным комитетом системе посылки делегатов на Съезд, создание на нём монархического большинства совершенно обеспечено. И монархисты, предвкушая полную победу на Съезде, перестали церемониться. Крупенский, от имени этого будущего большинства, возражал на «личную» программу Струве и отожествлял программу Съезда с дворянскими помещичьими вожделениями. Марковский орган открыто заявлял, возобновляя старую доктрину чёрной сотни, что самодержавный монарх не имеет даже права ограничить свою власть какой-нибудь конституцией. «Правовое начало» основных законов было окончательно разъяснено как полное отсутствие такового. И монархисты, разумеется, были более правы в своих исторических воспоминаниях, чем лицемерные защитники русской лжеконституции из редакции «Возрождения».

Все три группы, несмотря на все свои разногласия, были, однако, связаны идеей общего практического действия. Ни для кого не было тайной, что Зарубежный Съезд и «единение» эмиграции должны были служить ступенькой к иностранной интервенции и к получению всех благ, с нею сопряжённых. Но вот сам Струве принуждён был признаться, что эта первоначальная регулятивная идея, около

которой и ради пропаганды которой создалась его газета, не имеет никаких шансов на практическое осуществление в сколько-нибудь обозримом будущем. После того исчезла и практическая цель — если не считать таковой подготовительную меру — провозглашение «вождя». От идеи Съезда ничего не осталось, кроме тайной или явной задачи расширения монархического фронта.

Напечатанные теперь документы вполне подтверждают это наше понимание причин, по которым дальнейшая совместная деятельность объединившихся групп становилась бесцельной. Декларация торговопромышленников объясняет их уход прежде всего тем, что объединение «по возможности всей Зарубежной России во всех проявлениях её политической мысли для борьбы с III Интернационалом» оказалось невозможным — и притом по вине «одной из групп», преследовавшей явную цель «обратить предполагаемый Съезд в съезд партийный для достижения своих партийных задач». Совершенно права торгово-промышленная группа в том, что у неё «нет никаких гарантий», что Организационный комитет придёт к согласованным решениям по целому ряду вопросов, и в частности по вопросу о расширении состава участников Съезда. Нет гарантий и в том, что, если бы даже такие согласованные решения состоялись, они «будут проведены на Съезде». Основание для такого «недоверия» торговопромышленники видят в «нарушении соглашений», допущенном 13 сентября «при избрании Организационного комитета и голосовании политической резолюции». Письмо Пиленко поясняет, в чём заключались эти «нарушения». Как оказывается, «правые» трижды надули своих союзников в течение одного этого заседания, испортив заранее условленную «формулу о правовом начале» (см. выше), попытавшись провести своего председателя вместо Третьякова и выступив неожиданно с «программными» заявлениями Трепова и, наконец, выступив без предупреждения с самостоятельным списком кандидатов вместо списка «коалиционного». Струве не мог отвести этих возражений и лишь сослался в ответе Пиленко на то, что формально коалиция была заключена только после того заседания 13 сентября, на котором произошло это тройное надувательство, а следовательно, правые имели право до заседания подводить мины под будущих союзников, как им было угодно. Поистине «жалкое» оправдание, равносильное признанию справедливости обвинения.

Следующим шагом к закату Съезда явился уход самого Струве с поста председателя Организационного комитета. Достаточным формальным основанием для этого ухода была бы простая ссылка на то, что ушла одна из избравших председателя групп. Но Струве пред-

почёл и тут прочесть мораль уходящим. Он «пошёл ради создания единения и согласия», а вышло, что, «несмотря на мои предостережения», «коалиция, положенная в основу Съезда, разрушается безответственными нападками, которые не встречают должного отпора». Струве, уходя из председателей, обещает, однако, при этом «тем с большей энергией работать над сплочением русских общественных сил и бороться со всеми разрушающими это сплочение нападками и интригами».

Итак, в тот самый момент, когда «сплочение» явно превращается в узкий монархический фронт, Струве готов особенно «энергично работать» и не усматривает никаких других причин распадения фронта, кроме «интриг». Плохой способ прикрыть исчезновение с политического горизонта той главной задачи, для которой возникло «Возрождение» и которая теперь повисла в воздухе!

Не будем останавливаться на пререканиях Струве и Пиленко. В этой полемике Струве заменил, между прочим, указание Пиленко на «гадкие обычаи», господствующие среди правых (обычаи, проявившиеся, как мы только что видели, во всей своей красоте), собственным замечанием, что вообще «в политике никакого удовольствия получить нельзя». От редактора старых «Вех», конечно, и нельзя было ожидать иного понимания политики. Можно было бы только пожелать, чтобы редактор «Возрождения», действительно не получивший никакого удовольствия от своего новейшего неудачного вмешательства в политику, поскорее вернулся к более сродным для него занятиям.

Не можем умолчать, регистрируя новые документы о Съезде, о некоторых обстоятельствах, касающихся нас. Чтобы несколько смягчить впечатление окончательного крушения Съезда, «Возрождение» напечатало резкое опровержение сообщённых нами сведений о роли А.О. Гукасова и о шансах выхода из комитета, вслед за промышленниками, также и Национального Комитета и атамана Богаевского с казаками. Относительно нашей «сплошной выдумки» об издателе «Возрождения» председатель Торгово-Промышленного Союза был гораздо скромнее в своём опровержении: он прислал нам лишь поправку, что А.О. Гукасов не один высказывался в отмеченном нами смысле. Относительно же заявления г-на Карташёва, что наши сведения о Национальном Комитете есть «явный акт партийной борьбы», мы можем только выразить наше сожаление относительно тона этого заявления. В своей политической борьбе «Последние новости» не прибегают к ложным известиям. Если сообщение о намерении Национального Комитета неверно, то, во всяком случае, не нами же оно выдумано. Заяв-

ление Богаевского, что казаки «живо интересуются Съездом и не будут мешать его осуществлению», недостаточно определённо, как и вообще политическая роль этого деятеля. Мы тоже живо интересуемся Съездом и не мешаем его осуществлению, ограничиваясь лишь выяснением того, чем он является в действительности. После последних событий в этом последнем не может быть никакого сомнения. Те, кто продолжает участвовать в Съезде, теперь уже совершенно сознательно являются орудиями партийной монархической работы.

ПРОТОКОЛ ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ГРУППЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ЛИЦ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ ДРУГИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

17 ноября 1925 г.
Париж

Председательствовал: А.Ф. Трепов
Присутствовали: И.П. Алексинский, А.Н. Крупенский, гр. П.В. Гендриков, гр. М.Н. Граббе, А.А. Гулевич, П.В. Семичев, кн. М.К. Горчаков, С.Л. Демешко, П.Б. Струве, А.В. Карташёв, В.И. Гурко, С.С. Ольденбург, кн. Л.В. Урусов, кн. И.С. Васильчиков, В.А. Кравцов и Н.Н. Григорьев

Председатель, открыв совещание, пояснил, что оно является совершенно частным и имеет целью прийти, ввиду создавшегося положения в Организационном комитете по созыву Съезда вследствие ухода из него представителей парижского Торгово-Промышленного Союза, по возможности к единому согласованному решению, дабы установить образ действий в имеющем состояться 20 ноября заседании Организационного комитета, в котором предстоит вновь избрать председателя комитета.

В.И. Гурко замечает, что выход представителей торгово-промышленного класса не является столь существенным фактом для созыва Съезда, каким явилась бы утрата органа прессы, поддерживающего Съезд. Таковым органом до сих пор являлось «Возрождение».

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 41, л. 12–16.

П.Б. Струве отвечает, что он, как редактор, является совершенно независимым, и полагает, что этот его ответ должен считаться достаточным и дальнейших дебатов по этому частному вопросу вести не следует.

А.Ф. Трепов указывает, что было бы весьма печально, если бы П.Б. Струве оставил руководство делом созыва Съезда: во-первых, для успеха начатого дела важна личность П.Б. Струве и, во-вторых, тот орган прессы, который он ведёт.

П.Б. Струве поясняет, что он вовсе не хотел дезертировать со Съезда, подавая своё заявление об оставлении должности председателя Организационного комитета. Но он не теряет надежды, что можно исправить ошибки тех людей, которые совершили эти ошибки, и думает, что возможно повлиять на мотивацию людей. Дело в том, что зарубежная русская масса мыслит крайне примитивно, вследствие того что эта масса занята физическим трудом и утомлена до последней степени.

Поэтому необходимо занять такое положение, чтобы массы могли его понять. В заседании Организационного комитета 20 ноября он разъяснит мотив поданного им заявления.

Надо употребить все старания, чтобы сохранить соглашение между всеми, кто a priori допускает соглашение. Мы обязаны употребить все старания, чтобы не давать другой стороне повода к конфликту. В этом отношении А.Ф. Треповым было сделано в исполнительном бюро всё — до крайности, чтобы сохранить единение.

А.Ф. Трепов сожалеет, что было принято столь мягкое постановление, так как он сам и предложил, и поддерживал это постановление единственно вследствие того, что торговопромышленники, в лице Н.Х. Денисова и С.Н. Третьякова, обязались ему подчиниться; иначе осуждение поступков г-на Пиленко должно было быть крайне суровым. Однако из внесённого им предложения ничего не вышло, так как в психологическую минуту В.И. Гурко внёс свою поправку, в сущности, совершенно маловажную и ничего не меняющую, но этого ничтожного повода было достаточно, чтобы к нему прицепились представители Торгово-Промышленного Союза. Конечно, это не причина ухода со Съезда, а только предлог. Желание их отойти от Съезда кроется более глубоко, и, несомненно, существуют причины, которых мы ещё не знаем. По-видимому, они желают искать другие группировки, в которых могут играть первенствующую роль.

В.И. Гурко вполне разделяет мнение А.Ф. Трепова. Он считает, что в деле А.А. Пиленко имеется не только одна «истерия», на которую указывал в заседании Организационного комитета проф. И.П. Алексинский, но имеется и другого рода история <истерия?>. Ему недавно

случилось зайти в Торгово-Промышленный Союз, и он застал С.Н. Третьякова, который разносил А.А. Пиленко по поводу его выступлений; последний защищался, и смысл его доводов сводился к тому, что ведь вы же меня посылали, а теперь ругаете. Поэтому для него ясно, что ушедшие торговопромышленники на соглашение не пойдут, но все внешние попытки к соглашению должны быть сделаны; должна быть проявлена и внутренняя воля к этому. Если есть ещё шаги, которые можно предпринять, надо их сделать. Это в особенности необходимо в глазах масс. Но, если соглашение не будет достигнуто, возникает вопрос: что же, всё-таки созывать Съезд или нет? В воскресенье, 22 ноября, В.И. Гурко предполагает выступить с публичным докладом на тему «Основные задачи Съезда и причины разлада в его организации», и поэтому суждения, высказываемые в настоящем заседании, имеют для него особое значение, так как дают руководящие указания для развития темы предположенного доклада. Не следует забывать, что в массах на Съезд возлагаются широкие и самые различные надежды. Так, например, работающие на заводах думают, что Съезд должен упрочить в правовом отношении наше положение во Франции.

П.Б. Струве замечает, что, по его мнению, вопрос о возможности соглашения представляется далеко не безнадёжным. Не следует забывать, что представители торгово-промышленного класса все-таки считаются с общественным мнением.

А.Н. Крупенский указывает, что большинство, конечно, не поняло смысла ухода П.Б. Струве с должности председателя, но в ближайшем заседании Организационного комитета это с полной очевидностью разъяснится. Общественное мнение, конечно, выведет нас на правильный путь. Нет сомнения, что торговопромышленники давно решили уйти с этого Съезда. Но такое решение внесёт раскол в самой группе торговопромышленников. Но в том, что произошло, есть и известная польза — акт торговопромышленников дал комитету моральную силу и создал более крепкое объединение остальных сторонников Съезда.

А.Ф. Трепов высказывает мысль, что, по-видимому, мы все грешим, говоря об уходе торговопромышленников, так как всё сословие торговопромышленников ещё не высказалось. Ушли лишь отдельные лица, которые в пределах Парижа высказали свои мысли. Да и самый парижский союз должен будет высказаться по этому вопросу лишь 26 ноября.

П.В. Семичев отмечает, что он сам принадлежит к торгово-промышленному классу и может засвидетельствовать, что этот во-

прос далеко не решён. Он говорил с несколькими членами Совета Торгово-Промышленного Союза, и они считают, что в Съезде надо участвовать. П.В. Семичев поясняет, что в заседании Совета 26 ноября он не может принять участия, так как по делам должен выехать из Парижа, но по вопросу о необходимости участвовать в Съезде он обращается с особым письмом (*он оглашает это письмо**).

В.А. Кравцов, со своей стороны, поддерживает мысль П.В. Семичева, указывая, что, в отличие от инженерных организаций, торгово-промышленные союзы в других странах являются совершенно самостоятельными и не подчинены парижскому союзу. Если бы даже парижский союз высказался против Съезда, то ему известно, что, например, белградский союз твёрдо стоит за участие в Съезде.

Кн. Л.В. Урусов замечает, что, может быть, нам и придётся расстаться с несколькими лицами из Торгово-Промышленного Союза. Но если несколько Мининых уйдёт со своих мест, то Пожарские все останутся на своих местах.

А.В. Карташёв сообщает, что какие-то газеты поместили совершенно ложное известие о том, что в Национальном Комитете обсуждался в специальном заседании вопрос о возможности дальнейшего участия в Съезде. Национальный Комитет не видит никаких обстоятельств, по которым он должен был бы изменить своё отношение к Съезду. Но возникает вопрос: как выйти из создавшегося положения? Следует вынести по поводу происшедшего единодушную резолюцию всех, но такая резолюция должна быть вынесена после заседания Торгово-Промышленного Союза 26 ноября; до того же времени надо воздержаться.

П.Б. Струве высказывает предположение, что ему представляется полезным, чтобы представители Национального Комитета, которые занимают совершенно определённую позицию и подчёркивают необходимость известной воли к примирению, довели об этом до сведения Торгово-Промышленного Комитета. Происшедшее является не конфликтом с правой группой, а разрушением общего национального дела — развалом Съезда.

И.П. Алексинский указывает, что необходимо, чтобы те лица, которые будут выступать в заседании Организационного комитета 20 ноября, подчеркнули, что уход торговопромышленников от русского национального дела является фактом антиобщественным.

А.Ф. Трепов отмечает, что уход торговопромышленников никоим образом не может основываться на событиях, имевших место13 сентя-

* В архиве отсутствует.

бря, ибо если даже считать подачу монархической партией особого списка за ошибку, то, во всяком случае, это ни в какой степени не является нарушением какого-либо соглашения, ибо такового в то время и не было. Правда, в инициативной группе составлялся общий список, но он же, А.Ф. Трепов, первый этот список отверг в смысле личного вхождения в него; а засим вопрос о значении и обязательности этого списка даже и не был поставлен председателем С.Н. Третьяковым. Таким образом, правые, как и все другие, были совершенно свободны в этом вопросе и никакого договора не нарушили. Это обстоятельство было после того закреплено на частном разнопартийном совещании, состоявшемся у него же (А.Ф. Трепова) на квартире по инициативе торговопромышленников, и возвращаться ныне к этому вопросу, особенно со стороны Н.Х. Денисова и С.Н. Третьякова, недопустимо.

Гр. П.В. Гендриков возражает против того, что голосование 13 сентября считается за ошибку, так как ошибки здесь не было, а правые воспользовались только своим правом.

Председатель, закрывая прения, отметил, что происшедший обмен мнений является чрезвычайно ценным, так как намечает пути к тому, чтобы общее русское дело не пострадало. Установлено, что начатое общее дело созыва Съезда не может быть нарушено из-за выхода нескольких лиц.

Со своей стороны **П.Б. Струве** к этому добавляет, что обсуждение вопроса выяснило, что ни с какой точки зрения не следует обострять положения и что нельзя пренебрегать никакими способами психологического воздействия.

С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Н.Х. ДЕНИСОВУ*

На последнем заседании Совета Торгово-Промышленного Союза, имевшем место в первых числах сентября, после единогласного решения принять участие в Зарубежном Съезде председательствовавший, заместитель Ваш, предложил занести в протокол предоставление представителям союза права покинуть Съезд, когда они найдут это нужным.

Такое предложение показалось мне странным, и я указал, что такая оговорка к принятому решению умаляет самое решение и как

* «Возрождение», 17 ноября 1925 г.

бы наперёд определяет недоверие к благополучному исходу Зарубежного Съезда.

Но так как председательствовавший настаивал, то было произведено голосование, причём четырнадцатью голосами против шести его предложение было отвергнуто.

Уходя с заседания, я спросил себя: «В чём дело?» — и пророчески ответил: «Быть взрыву».

Протекло только два месяца, и произошло то, что произойти не должно было. Представители Торгово-Промышленного Союза заострили вопрос на том месте, на котором они менее всего могут рассчитывать на симпатию к себе, — на случае с А.А. Пиленко.

При всём и Вашем, и моём расположении к нему никто не станет отрицать, что, доколе защита идеи Зарубежного Съезда находилась в его руках, она находилась в ненадёжных руках. При всей товарищеской поддержке, которую Вы оказываете А.А. Пиленко, Вы признаёте, что он не только не «уловил» ни одного «левого», но в значительной мере укрепил позицию пораженцев.

Инцидент был ликвидирован, но перед постановкой на голосование дополнительного вопроса о санкциях на будущее время Вы покинули заседание. А теперь?

Теперь председатель Торгово-Промышленного Союза Н.Х. Денисов предлагает отозвать из Организационного комитета по созыву Съезда своего представителя... Н.Х. Денисова. Итак, Вы предлагаете признать Ваш образ действий правильным.

А предположите, что Вы не правы, что Вы поступили сгоряча, что большинство не одобрит предложения своего председателя Н.Х. Денисова об отозвании своего представителя Н.Х. Денисова, — тогда что? Тогда уж Вы, наверное, уйдёте из председательства в Торгово-Промышленном Союзе, как лицо, действия которого не одобрены, и тогда... второй взрыв, взрыв Союза?!

Ваше предложение Вы собираетесь в ближайшее время поставить на голосование. Каждый голосующий поставит себе вопрос: «Если буду голосовать против Н.Х. Денисова (то есть против комитета) — взорву Торгово-Промышленный Союз, буду голосовать за него — взорву Зарубежный Съезд».

И вот я, как и тысячи других, ставя высоко Ваше имя в истории эмиграции, ценя в Вас честолюбие и искание первых мест, зная Вашу деликатность и ту ширину, с которой Вы содержите аппарат Торгово-Промышленного Союза, так много поработавшего на дело правильного освещения русской трагедии, обращаюсь к Вам, как

многолетний сотрудник торгово-промышленных организаций, с преданнейшей просьбой проявить в эту минуту гражданскую доблесть и в тиши домашнего кабинета пересмотреть своё решение.

Не насилуйте своим авторитетным положением в союзе воли своих избирателей, поставьте перед собою вопрос о последствиях, и Вы поймёте, чего от Вас мучительно и настойчиво хочет всякий, кто против злорадного торжества врагов.

О.С. Трахтерев

В.Л. БУРЦЕВ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

В понедельник, 16 ноября, в газете «Русское время» появилось сообщение, что «левое крыло» Русского Национального Комитета собирается поднять вопрос об отозвании представителей Национального Комитета из Организационного комитета Зарубежного Съезда. Вчера это сообщение было повторено в «Последних новостях», причём были названы имена В.Л. Бурцева и кн. П.Д. Долгорукова как противников участия в Съезде.

В связи с этим наш сотрудник посетил В.Л. Бурцева и просил его высказаться об его отношении к Зарубежному Съезду.

В.Л. Бурцев нам заявил:

«С самого начала возникновения проекта созыва Зарубежного Съезда я был его сторонником при двух следующих непременных условиях:

1. Основной целью Съезда является: непримиримая борьба с большевиками и попытка найти у всех антибольшевистских партий общую почву для борьбы за возрождение России.

2. Съезд должен быть, безусловно, коалиционным и надпартийным. На него все партии могут прийти для выработки общих путей борьбы с большевиками, но никто не должен другим навязывать своих программ.

Я всегда высоко ценил Русский Национальный Комитет именно за его строго проводимую надпартийность, когда в нём было место и для меня — республиканца, демократа и социалиста.

В организации Съезда, по моему мнению, до сих пор не произошло ничего, что бы заставило меня изменить своё отношение к нему.

Но, разумеется, если Съезд примет односторонний партийный характер и на нём всем участникам Съезда будет навязываться, хотя бы даже в скрытом виде, какая-нибудь партийность, а борьба с боль-

---

* «Возрождение», 18 ноября 1925 г.

шевиками будет затушёвана иными задачами и он перестанет быть коалиционным и надпартийным, то я, конечно, в таком случае буду решительно настаивать на том, чтобы Национальный Комитет отказался принять в нём участие».

С.

Мы можем на основании повторного осведомления у А.В. Карташёва сообщить, что совершенно неверно утверждение «Последних новостей», будто после выхода Торгово-Промышленного Союза из Организационного комитета не было общего собрания Русского Национального Комитета. Такое собрание состоялось вечером в пятницу, 13 ноября, и на нём было постановлено, как у нас сообщалось, просить П.Б. Струве взять обратно свой отказ от звания председателя Организационного комитета Зарубежного Съезда. Всеми присутствовавшими в заседании было единогласно признано, что для Русского Национального Комитета даже и не встаёт вопроса об отозвании своих представителей и что никакого постановления по этому вопросу не требуется.

В заседании присутствовали В.Л. Бурцев и кн. П.Д. Долгоруков, которые всецело встали на эту точку зрения.

СОГЛАШЕНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЛЯ НАС ОБЯЗАТЕЛЬНЫ*

РЕЧЬ П.Б. СТРУВЕ

Я вынужден занять внимание членов Организационного комитета своим заявлением. Но моя отставка, мой уход есть дело не только моё личное; это — факт в то же время общественный, который я не только вправе, но и обязан осветить и разъяснить перед вами, гг. члены Организационного комитета, и перед широкой общественностью.

Я не участвовал в собрании 13 сентября — скажу сейчас же, ввиду нелепых сплетен и россказней, возникающих даже по поводу самых маловажных фактов, — не потому, чтобы не хотел на нём быть, а по личным обстоятельствам, до которых никому нет и не должно быть никакого дела.

Я был выбран на собрании 13 сентября в члены Организационного комитета, и уже вскоре после того до меня дошли сведения о моей кандидатуре в председатели этого комитета. Когда я вернулся из

* «Возрождение», 21 ноября 1925 г.

Праги в Париж, вопрос этот встал передо мною в конкретной форме — моя кандидатура оказалась в тот момент для всех группировок, образовавших Организационный комитет, по-видимому, не только самой, но единственно приемлемой. Вот почему я подчинился обращённому ко мне приглашению и павшему на меня избранию. То, что происходило на собрании 13 сентября, мне было известно из газет и устных бесед. Но когда встал вопрос о формировании исполнительного бюро и президиума Организационного комитета и вопрос обсуждался на местном совещании представителей различных <...>*, то я заявил, что считаю сговор о выборах на этом частном совещании настолько существенным и обязательным, что, если он не будет выполнен в какой-либо части, я ни в коем случае не приму избрания в председатели Организационного комитета. В частности, если бы Организационный комитет не выбрал, например, в члены исполнительного бюро лиц, о которых было известно, что они «предлагаются» или, позвольте употребить ходячие в этих случаях иностранные слова, «презентуются» или «рекомендуются» представителями парижского Торгово-Промышленного Союза, то я, в свою очередь, отказался бы от звания председателя Организационного комитета. В частности, если бы 8 октября не был, вопреки предварительному сговору, выбран в члены исполнительного бюро А.А. Пиленко, я бы избрания в председатели Организационного комитета не принял.

Выборы 8 октября состоялись. Все «предложенные» Торгово-Промышленным Союзом члены исполнительного бюро были избраны, одни — подавляющим числом голосов, другие — единогласно (в частности, С.Н. Третьяков и А.А. Пиленко получили голосов больше, чем ваш покорнейший слуга), и они это избрание приняли и стали, так или иначе, участвовать в работе Организационного комитета и его исполнительного бюро. Что же произошло после этого?

Вы все это знаете: произошли известные выступления А.А. Пиленко, внёсшие большое возбуждение и в Организационный комитет, и в широкую общественную среду. Моё категорически отрицательное со всех точек зрения отношение к этим выступлениям всем известно.

Выступления эти создали очень тяжёлую атмосферу. Обстоятельства этого инцидента и его перипетии нам хорошо известны, и я не буду вам их излагать. Ещё до самых этих выступлений, поняв их возможный смысл и последствия, я предостерегал частным образом от таковых, предвидя всё их пагубное значение, и А.А. Пиленко, и Н.Х. Денисова. Я считал себя тем более и вправе, и обязанным это

* В этом месте газета повреждена.

делать, что я лично — и я никогда не скрывал этого — в некоторых существенных и даже решающих программных пунктах гораздо ближе к Торгово-Промышленному Союзу, чем к правой части настоящего уважаемого собрания.

Но речь тут шла не об отстаивании каких-нибудь «программных» требований или пунктов, а о соблюдении того практического единения и единства Зарубежной России, которое должно быть осуществлено и осуществляемо, *несмотря* на программные разногласия, так сказать, *поверх* их — во имя великой национальной цели.

Выступления А.А. Пиленко не имели бы особенного значения, если бы с ними как-то, для меня до сих пор непонятным, почти загадочным образом, не связалась линия поведения некоторых наших уважаемых сочленов из торгово-промышленной среды.

Но тут произошло некое странное превращение. Инцидент А.А. Пиленко исчез, так сказать, из оборота и заменился вновь теми недоразумениями, которые происходили на учредительном собрании 13 сентября (на котором я не имел удовольствия присутствовать), недоразумениями, которые были погашены формированием по общему <...>* исполнительного бюро и президиума в заседании 8 октября.

Представители торгово-промышленной группы участвовали в этих выборах и приняли их результаты. Одним из этих результатов было и моё избрание в председатели Организационного комитета.

Это избрание было коалиционным актом. Вот почему, когда *обозначилась* опасность отозвания лиц, вошедших в Организационный комитет от парижского Торгово-Промышленного Союза, я *поспешил* сложить с себя обязанности председателя Организационного комитета. Этим действием я решил в последний момент предостеречь тех, кто, по тем или иным мотивам, но, на мой взгляд, *неправильно,* готовится разорвать налаженную с таким трудом коалицию. Этим действием затем я хотел создать себе возможность выяснить перед вами уже не как ваш председатель, а просто как имярек и моё понимание положения, и мотивы моего ухода.

Я был избран коалицией на основании сговора. Теперь эта коалиция разорвана или, по крайней мере, поставлена под сомнение, и я считаю себя обязанным вернуть в ваши руки данное мне поручение. При этом я почитаю своим долгом высказать следующее:

Среди нас существует большое различие взглядов по многим очень существенным вопросам. Но мы решили достигнуть соглашения и единения и до сих пор, впадая, быть может, в ошибки, честно

* В этом месте типографский брак.

стремились к сохранению этой, продиктованной нам зарубежными массами, воли к соглашению и единению.

Упрёки в том, что в работах Организационного комитета, его исполнительного бюро, его комиссий, упрёки, выраженные в п. 4 мотивов постановления комитета Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза от 13 сего ноября, пункте, гласящем, что «в течение работ Организационного комитета одна из групп прибегает к действиям, имеющим целью обратить предполагаемый к созыву Съезд в съезд партийный для достижения своих партийных задач». — эти упреки я считаю *фактически неверными,* а потому *объективно несправедливыми.*

Господа, конечно, в нашей среде есть не только много разногласий, но и взаимных предубеждений и даже отталкиваний, но я сейчас, здесь, по совести должен удостоверить, что во всей нашей работе в *парижском* центре прилагались все усилия к тому, чтобы устранять вредные для дела разногласия, преодолевать отталкивания, рассеивать предубеждения и чтобы *коалиционное существо Съезда* было всецело и всемерно сохранено и утверждено. Я мог быть председателем Организационного комитета только на этой для меня непререкаемой основе соглашения и единения, ибо вне её — Съезда, как общего дела стремящейся к практическому и ответственному единению Зарубежной России, *быть не может.*

Если мы не можем обеспечить этого надпартийного, вышепартийного, всепартийного — назовите как хотите — характера задуманного нами Зарубежного Съезда, нам лучше честно разойтись в разные стороны, с скорбью признав, что, несмотря на все испытания, на все удары судьбы, мы ещё не созрели для ответственного и действенного единения.

Но, господа, широкие зарубежные массы не поймут и не одобрят нас. Может быть, и — даже наверное! — они связывают со скромным начинанием Съезда, этого нового опыта духовного собирания рассыпанной и рассеянной храмины Зарубежной России, преувеличенные, туманно-преувеличенные надежды. Мы не только не обязаны питать эти надежды, но, наоборот, мы обязаны с кафедры Съезда разъяснить все огромные трудности нашего дела, требующие величайшего упорства и величайшей — сверху донизу — выдержки, — трудности наших задач и нашего положения, исключающие возможность осуществления каких-либо чудес.

Но широкие зарубежные массы будут правы не только в своих жалобах, но и в своём негодовании, если люди, так или иначе притя-

зающие на влияние в общественном мнении Зарубежной России, сами окажутся не способными ни на какое соглашение и единение, что одним в этом мешают партийные догматы, другим — партийные страсти, третьим — групповые интересы, четвёртым — их слишком пылкий темперамент.

В этом негодовании широкие зарубежные массы будут, несомненно, правы. Ибо непререкаемое значение задуманного Зарубежного Съезда состоит именно в приступе, серьёзном, ответственном и действенном приступе к настоящему соглашению и единению.

И потому я ничем другим не могу закончить своих разъяснений, как повторным и повторно предостерегающим призывом к единению Зарубежной России на сплачивающих нас патриотических задачах и на связывающих нас национальных началах.

Объединённая Зарубежная Россия должна обратить свои взоры туда, на Россию Внутреннюю. Без ложной гордыни и без столь же ложной скромности мы должны смотреть туда, активно работая на освобождение и духовно подготовляя возрождение нашей поруганной и истерзанной Родины.

Все силы нашего духа, все страсти нашей души, весь наш интерес, весь пыл наших темпераментов мы должны отдать нравственно и политически одинаково обязательному для нас — делу соглашения и единения.

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОМИТЕТЕ

В пятницу, 20 ноября, состоялось очередное заседание Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда. Заседание открывается в 8 часов 40 минут вечера под председательством А.Н. Крупенского.

Единогласно принимается комитетом предложение исполнительного бюро о кооптации в состав комитета В.Н. Куколь-Яснопольского, являющегося представителем русских беженцев от одной из стран, в которой преследуются все возникающие русские национальные организации.

Далее генеральный секретарь докладывает, что в исполнительное бюро поступило заявление М.Н. Граббе, который считает, что необходимо установление срока созыва Съезда уже теперь, так как

* «Возрождение», 24 ноября 1925 г.

это, во-первых, будет иметь большое моральное значение, а во-вторых — в связи с этим, — работа пойдёт более интенсивно. Исполнительное бюро постановило представить Организационному комитету о возможности созыва Съезда в половине февраля 1926 года.

А.С. Хрипунов решительно возражает против намеченного срока.

Б.А. Суворин поддерживает мнение А.С. Хрипунова.

А.Ф. Трепов возражает предыдущим ораторам, указывая, что срок был назначен в исполнительном бюро.

Представитель Рабочего союза Н.И. Власьев предлагает принять компромиссное решение.

П.В. Семичев полагает, что менять предположенного срока уже не следует.

Н.Н. Шебеко также считает, что именно вследствие произошедших обстоятельств установление срока необходимо, и притом не столь отдалённого.

Председательствующий ставит на голосование вопрос о том, желательно ли назначить срок сейчас или отложить решение этого вопроса. Подавляющее большинство высказалось за назначение срока.

Вопрос о созыве Съезда 15 февраля 1926 года принимается 28 голосами против 7 баллотирующих за назначение другого срока.

После этого, по предложению председательствующего, генеральный секретарь докладывает о том, что в исполнительное бюро поступили заявления: П.Б. Струве о том, что он слагает с себя звание председателя Организационного комитета, и от комитета Торгово-Промышленного Союза, которым он отзывает своих представителей. Оглашается принятая по этому предмету резолюция бюро, признающая, что продолжение работы комитета возможно лишь при условии руководства этой работой П.Б. Струве.

Затем П.Б. Струве произносит речь (напечатанную нами вчера), которая вызывает продолжительные аплодисменты всего зала.

А.Ф. Трепов подчёркивает, что происшедшие события надо свести к более скромным размерам. Создалось ложное впечатление, что весь торгово-промышленный класс отказывается принимать участие в Съезде. Это неверно. Вышли только отдельные лица. И сейчас в составе Организационного комитета находятся лица торгово-промышленного класса, которые будут принимать участие в заседании Совета Торгово-Промышленного Союза 26 ноября. События были восприняты слишком остро, главным образом левой печатью. Из этих событий должен быть почерпнут обратный вывод — они показали жизненность настоящего дела. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Гр. П.В. Гендриков от имени представителей монархической партии в Организационном комитете заявляет, что группа считает выход отдельных лиц торгово-промышленного класса из состава комитета фактом весьма прискорбным, но не склонна ему придавать трагическое значение. Ещё неизвестно, как отнесётся к этому Совет Торгово-Промышленного Союза и торгово-промышленные организации в других странах. Мотивы выхода неосновательны. Брошено обвинение монархической партии, что участие в Съезде происходит ради каких-то партийных целей. Это неверно. «Мы выполнили все принятые обязательства и с этого пути не сойдём. Но от своей монархической идеологии мы не откажемся. Если на будущем Съезде окажется большинство монархическое, то это только покажет, что монархическое движение в Зарубежной России является стихийно-непреодолимым». Что же касается баллотировки на собрании 13 сентября, то этим представители группы, к которой принадлежит оратор, хотели подчеркнуть своё недовольство некоторыми условиями работы в инициативной группе.

Гр. М.Н. Граббе подчёркивает свою полную уверенность в том, что будет доведено до конца начатое дело и Съезд состоится. Но следует отметить, что и в казачью среду хотят внести разделение. Громадное большинство казачества живо интересуется Съездом. Этот интерес — не только слова, но готовность принести последнюю жертву и, когда настанет время, жизнь свою отдать за спасение России.

Н.Н. Шебеко от имени возглавляемого им объединения делает подобное же заявление. Залогом успеха дела является руководство им П.Б. Струве.

Л.В. Билинский отмечает, что деятельность П.Б. Струве заслуживает величайшего восхищения.

И.П. Алексинский указывает, что в поступке членов комитета Торгово-Промышленного Союза заключается, к величайшему прискорбию, элемент антиобщественности. Если они были того мнения, что дело идёт не по правильному пути, они должны были заявить об этом исполнительному бюро, или апеллировать к Организационному комитету, или хотя бы обратиться со своими сомнениями к председателю. Ничего этого сделано не было. Нельзя дела, могущие поколебать работу Съезда, совершать на стороне. Свершившийся факт явился действием, которое побудит нас к спайке. Дело Съезда начато и должно быть закончено, какие бы препятствия ни стояли на его пути.

После этого председательствующий предлагает подать записки с указанием кандидата на должность председателя.

После подсчёта оглашается результат голосования — на должность председателя оказывается избранным П.Б. Струве, 42 голосами при одном воздержавшемся. Долгими рукоплесканиями присутствующие приветствуют это избрание.

П.Б. Струве занимает председательское место и произносит речь, содержание которой было сообщено вчера.

По предложению председателя генеральный секретарь оглашает принятый в исполнительном бюро текст положения об Организационном комитете. Председатель предлагает его постатейное чтение и голосование.

По прочитанным статьям принимается ряд отдельных поправок.

Принимается единогласно предложение А.Ф. Трепова ввести отдельную статью о том, что поверка полномочий лиц, избранных в состав Организационного комитета, производится президиумом организационной комиссии.

Далее комитет принимает предложение того же лица о том, чтобы на повестку следующего заседания был поставлен вопрос о составе финансовой комиссии и о выборе её председателя.

Генеральный секретарь оглашает поступившее от общего собрания русских людей, проживающих в городе Сиэтле в Америке, постановление-приветствие по поводу созыва Съезда.

В 10 часов 50 минут заседание объявляется закрытым.

КАЗАКИ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

В субботу, 21 ноября, состоялось в Париже, под председательством гр. М.Н. Граббе, собрание казаков (созванное по почину казачьей группы Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда).

На собрании присутствовали находящиеся в Париже атаманы: Донской объединённой станицы — ген. К.И. Сычёв, Терской станицы — Н.В. Фролов, Кубанской станицы — А.Г. Хунцария, представитель осетинского аула и горских народов — ген. Я.В. Хабаеев**, командир Л.-Гв. казачьего полка — ген. И.Н. Оприц, старейший казак Терского войска ген. Н.Н. Баратов, представитель Донских

---

* «Возрождение», 26 ноября 1925 г.

** Правильно: Хабаев.

политехнических курсов — ген. П.И. Секретев и много рядовых казаков.

П.И. Секретев пояснил, что ген. А.П. Богаевский просил передать приветствие собранию и выразить сожаление, что не может присутствовать на нём, так как должен был выехать на праздник атаманского военного училища и для объезда станиц.

После доклада гр. М.Н. Граббе и речей Н.Н. Баратова и П.Б. Струве, изложенных нами уже во вчерашнем номере, слово берёт атаман К.И. Сычёв, который указывает, что наконец в Зарубежной России пробудилась мысль, что дальше жить так нельзя. Русские люди решили, что надо образовать орган, с которым могли бы говорить, к которому могли бы обратиться, если бы в этом возникла надобность. Надо кончить свои распри и спасать Родину. Казачество хочет быть единым, монолитным и переступить через эти распри. Кто знает историческую роль казачества в деле устроения власти на Руси, тот поймёт, что казачество не может быть отделено от России. Казачество есть продукт, есть гордость России. Мы ясно выражаем своё определённое мнение: тот, кто теперь уходит из Зарубежного Съезда, — тот наносит вред России, а значит, и вред казачеству. Съезд только тогда будет иметь всё своё высокое значение, когда в нём будут представлены все течения политической мысли. Поэтому надо выбрать делегатов и просто, по-казачески, поговорить с теми людьми, которых мы считаем большими, так как и сердце у них должно быть большое.

В заключение атаман Сычёв предлагает принять два постановления: идею Съезда довести до конца и обратиться с объяснительным воззванием ко всем казакам.

Атаман Н.В. Фролов вносит предложение, чтобы казачья группа в Организационном комитете составила ядро, вокруг которого могли объединиться отдельные руководители казачьих объединений, в целях проведения планомерной работы по выборам, совместного обсуждения общих казачьих вопросов и т.д.

Собрание принимает в общем все сделанные предложения и для переговоров с представителями Торгово-Промышленного Союза избирает делегацию в составе гр. М.Н. Граббе, ген. Н.Н. Баратова и атамана К.И. Сычёва. При этом выражается пожелание, чтобы периодически собрания казачества для осведомления о Зарубежном Съезде устраивались ежемесячно и к следующему собранию был подготовлен вопрос о создании казачьей фракции в соответствии с предложением атамана Н.В. Фролова.

НА ДОКЛАДЕ В.И. ГУРКО*

В воскресенье на рю Эрмель, 42, В.И. Гурко сделал публичный доклад о Зарубежном Съезде. Докладчик коснулся животрепещущей темы о выходе из состава Организационного комитета Зарубежного Съезда представителей Торгово-Промышленного Союза. Оговорившись с самого начала, что, по его убеждению, в основе решения торговопромышленников лежит недоразумение, он подробно затем остановился на разборе тех мотивов, которые приведены были комитетом Торгово-Промышленного Союза в его последней резолюции.

Он указал на бесплодность надежд, обращённых в сторону левых политических группировок в смысле возможности привлечения их к участию в Съезде. На Съезд, заявил он, они не могут прийти в силу того, что у них нет той принципиальной непримиримости с большевизмом, которая объединяет всех нас.

Неправильна ссылка торговопромышленников на якобы имевшие место случаи нарушения коалиционного сговора монархистами. С момента формального заключения соглашения таких фактов не было. Причина происшедшего разлада, заявляет В.И. Гурко, — недоразумение, и нужно надеяться, что оно скоро бесследно изгладится и что торговопромышленники скоро вернутся на Съезд.

Перейдя к вопросу о задачах Съезда, В.И. Гурко высказывает мнение, что Съезд, помимо его чисто политической роли, должен заняться вопросом о лучшем устройстве зарубежных русских.

В заключение В.И. Гурко резюмирует цель своего доклада: 1) указать, что развала Съезда нет, а есть только недоразумение, 2) подчеркнуть, что без участия зарубежных масс достижение задач Съезда невозможно.

Вторым оратором является А.С. Хрипунов. Он, прежде всего, указывает, что, принадлежа одной гранью своей деятельности к торговопромышленной группе, он с полной ответственностью заявляет, что нет никаких объективных оснований считать торговопромышленников окончательно устранившимися от Съезда. 26 ноября состоится заседание Совета торгово-промышленных деятелей, которое решит этот вопрос. Можно надеяться, что торговопромышленники сознают свой нравственный долг, — об этом говорит предшествующая их деятельность.

Делу Съезда мог бы быть нанесён большой ущерб отказом от председательствования в Организационном комитете П.Б. Струве, лица, о качествах которого говорить не приходится и которое для

* «Возрождение», 26 ноября 1925 г.

русской молодёжи является знаменем национальной России. Тот факт, что П.Б. Струве был переизбран единогласно, весьма утешителен и знаменателен.

А.С. Хрипунов подчёркивает, что в среде Организационного комитета коренных существенных разногласий нет.

Основной задачей Съезда А.С. Хрипунов считает выработку национальной программы. Это будет содействовать борьбе с большевиками, ибо политическое лицо национальной России будет выявлено живыми элементами, производящими учёт всего происшедшего и происходившего. Это лицо будет понятно иностранным политическим кругам, ибо близок момент, когда в сознании созидательных элементов Европы с полной ясностью станет дилемма: или капитулировать, или уничтожить большевизм.

Понимание истинного лица национальной России важно и для лимитрофов*, которые ошибочно полагают, что Россия хочет с ними разговаривать языком штыков.

Выступивший затем редактор умеренного монархического журнала «Общий путь» В.В. Ростиславов подчеркнул, что водораздел между национальным и республиканским лагерем — психологического порядка.

Следующим говорит А.А. Остафьев, который освещает вопрос о единении с точки зрения находящихся в России, для которых своего рода «шкурным выводом», совершенно неопровержимой истиной является избавление от большевиков каким угодно способом, при чьём угодно посредстве, независимо от того, что и как сложится в будущем.

Далее С.С. Ольденбург указывает, что в этом собрании, созванном центральными группами, не приняли участия ни крайние правые, ни левые. С.С. Ольденбург предупреждает, что не следует возлагать преувеличенных надежд на немедленный эффект Съезда. Съезд — только первое звено большой и, может быть, долгой работы. В истории происходит движение каких-то крупных масс, но и небольшая сила, постоянно бьющая в одну точку, в конце концов, производит желаемое действие.

А.А. Борман считает, что вопрос о необходимости объединения не подлежит доказыванию. Кто не понимает этой необходимости, убивает себя в общественном смысле. Нашим лозунгом должен быть: «Русские, находящиеся во всех странах, объединяйтесь!» Объединение необходимо для борьбы с большевиками.

---

* *Лимитрофные государства* (от лат. limitrophus — пограничный) — то же, что и раннштадтные государства.

Восьмилетнее большевистское владычество отнесло старую Россию во времена доисторические, произошёл геологический переворот. Все старые политические оценки уже мертвы. Сейчас мы должны оценивать людей только по их отношению к Белому движению. Все другие оценки пахнут покойником. Поэтому оратор призывает Организационный комитет не соблазняться старыми оценками. Не по тому надо судить о людях, что они делали в Думе или до Думы, а по тому, как они вели себя во время Белого движения и ведут себя сейчас.

В заключение говорил опять В.И. Гурко, сделавший несколько замечаний по поводу речей предшествующих ораторов. Он отметил тот отрадный факт, что в профессорском уме председателя РДО происходит просветление, ибо, говоря о демократических 15%, он пришёл к заключению, что дело не в количестве, а в качестве.

Это суждение разрушает всю демократическую теорию, а что касается качества, национальная Россия — не на последнем месте.

Закрывая заседание, председательствовавший М.Л. Киндяков отметил как благой симптом тот дух согласия и отсутствие пререканий по существу, которым было отмечено протекшее собрание, и со своей стороны выразил уверенность, что торговопромышленники пересмотрят своё решение в пользу Зарубежного Съезда.

«ЛЕВЫЕ» ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

После ухода торговопромышленников на левом крыле Зарубежного Съезда оказались... Национальный Комитет и «конституционные монархисты». Немедленно вслед за этим событием, чтобы прекратить смуту и смятение, в среде Организационного комитета по инициативе Н.Н. Шебеко образовался «центр», поклявшийся «довести дело Зарубежного Съезда до конца, несмотря ни на какие препятствия и затруднения».

По-видимому, в порядке осуществления «клятвы» и было организовано воскресное выступление В.И. Гурко всё в том же зале Эрмель на тему о «причинах разлада» внутри комитета.

«Разлад» — только в заголовке доклада; на самом же деле, торжественно заявляет В.И. Гурко, «никакого разлада нет, а было простое недоразумение».

«Недоразумение», как известно, приняло формы после голосования в Организационном комитете «поправки Гурко»; В.И. Гурко

---

* «Последние новости», 24 ноября 1925 г.

с некоторым запозданием недоумевает и разъясняет теперь, что в его «поправке» ничуть не содержалось «порицания А.А. Пиленко»; торговопромышленники, таким образом, «обиделись» напрасно и ушли зря.

Все пять пунктов резолюции торговопромышленников — сплошное «недоразумение». Торговопромышленники, оказывается, неправильно поняли и «цели Съезда» (зазывая на него «противоречащие целям Съезда элементы»), и обстоятельства «коалиционного сговора», и наличность «партийных стремлений», и отсутствие «гарантий» в сверхпартийности Съезда. Одним словом, работали по созыву Съезда несколько месяцев и — ничего не поняли... Тем не менее В.И. Гурко выражает твёрдую надежду, что торговопромышленники «поймут» на этих днях и «снова вернутся» в Организационный комитет «целиком или частично».

А.С. Хрипунов также свидетельствует, что «никаких разногласий в среде Организационного комитета нет». Доказательство — единогласное переизбрание П.Б. Струве (который есть, по мнению оратора, «знамя национальной России») на должность председателя. Если в среде членов Организационного комитета существуют разные суждения, то они «не противоречат, а дополняют друг друга».

Порядок в Организационном комитете, таким образом, восстановлен...

Попутно В.И. Гурко и А.С. Хрипунов высказываются о «целях и задачах Зарубежного Съезда».

В.И. Гурко полагает, что, кроме большевиков, Зарубежный Съезд должен будет заняться и эмиграцией. Так как «Эмигрантский Комитет» (в выборах которого, между прочим, участвовал и сам Гурко) никого не представляет и «висит в воздухе», то настоящим образом защитить интересы эмиграции может только «постоянный орган, который будет оставлен после себя Зарубежным Съездом». Этот орган будет иметь в глазах иностранцев «весь нужный авторитет», но для его возникновения и содержания нужны средства. Придётся поэтому ввести в эмиграции «самообложение».

А.С. Хрипунов считает, что самое важное, не это, а то, что у «левых есть программа, а у национальной России ещё нет». Нужно, прежде всего, «обнаружить политическое лицо».

Оратор не сомневается, что это «политическое лицо» не только «не испугает никого в России», но «успокоит лимитрофы» и «будет нужно для иностранных кругов», которые хотят покончить с большевизмом и разговаривать с «настоящей Россией».

Общее согласие вдруг нарушается выступлением секретаря редакции «Возрождения» г-на Бормана, неожиданно заявляющего, что в Организационном комитете «не всё так благополучно», как заявляют В.И. Гурко и А.С. Хрипунов. Члены его «часто забывают, где они находятся и что произошло», и во время заседаний думают, что они находятся в «правительстве, в Государственной Думе, в Москве или Петрограде...». Так ничего не выйдет. Г-н Борман с сожалением признаётся, что от Организационного комитета часто веет «покойницким духом»; чтобы выгнать этот дух, он призывает членов комитета «вспомнить о белой борьбе и из неё исходить».

В.И. Гурко заканчивает собрание кратким словом и недоумевает: где и от кого в Организационном комитете г-н Борман услышал запах «покойника»?

Действительно — от «левой» части или от «правой»?

Н.П.

В ОЖИДАНИИ РЕШЕНИЯ ТОРГОВОПРОМЫШЛЕННИКОВ*

24 ноября состоялось заседание комитета Торгово-Промышленного Союза. Обсуждался доклад комитета созываемому сегодня днём заседанию Совета.

В течение всего утра вторника Организационный комитет по созыву Зарубежного Съезда делал последние отчаянные попытки заставить комитет Торгово-Промышленного Союза «одуматься» и пересмотреть решение об отозвании своих представителей.

Промышленникам торжественно обещали обеспечить «всеэмигрантский, надпартийный и внепартийный» характер работ комитета, только бы они не отказывались от продолжения сотрудничества «на основах общего соглашения».

Новые «предложения» зарубежников были обсуждены в заседании, длившемся под председательством Н.Х. Денисова свыше трёх часов. Комитет, как нам передают, остался при своём прежнем решении отозвать своих представителей из состава Организационного комитета по созыву Съезда и будет поддерживать перед Советом Торгово-Промышленного Союза свою резолюцию «об уходе», принятую 13 ноября сего года.

Одобрит ли Совет союза точку зрения своего комитета?

---

* «Последние новости», 26 ноября 1925 г.

Несмотря на проявленную в последние дни демонстрацию «единения и единодушия», зарубежники ясно понимают, что окончательное устранение торговопромышленников от участия в подготовке Зарубежного Съезда весьма перепутает их карты и лишит основного козыря — «беспартийности». Этим и объясняются героические меры, изложенные нами выше. Одновременно принимаются меры менее героические, но более практические. В своих публичных выступлениях А.Ф. Трепов, В.И. Гурко, А.С. Хрипунов и др. недвусмысленно намекали на возможность «раскола в Торгово-Промышленном Союзе». После неудачи «ходоков» все усилия направлены теперь на то, чтобы заставить торговопромышленников вернуться на Зарубежный Съезд если не «целиком, то хоть частично»... Что из этого выйдет, покажет сегодняшний день.

Весьма, однако, сомнительно, чтобы Торгово-Промышленный Союз встал на путь внутреннего раскола. Наиболее крупные торговопромышленные объединения (Лондон, Прага) уже присоединились к точке зрения парижского комитета. Только белградский отдел (как мы и предполагали в своё время) да небольшая группа торговопромышленников в Ницце высказались за участие в Зарубежном Съезде.

СОБРАНИЕ СОВЕТА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОЮЗА В ПАРИЖЕ*

В четверг, 26 ноября, состоялось в 3 часа дня под председательством С.Н. Третьякова чрезвычайное заседание Совета Союза Торгово-Промышленных и Финансовых Деятелей в Париже.

Были заслушаны доклады С.Н. Третьякова и В.Н. Новикова о работе по созыву Съезда и оглашена принятая комитетом союза резолюция от 13 ноября об отозвании представителей союза из Организационного комитета.

Длинный ряд ораторов выступил с речами, причём огромное большинство из них высказывалось за то, что торгово-промышленному классу необходимо принимать участие в общем патриотическом деле созыва Зарубежного Съезда. Горячие речи в этом направлении произнесли В.П. Рябушинский, А.С. Хрипунов, В.А. Кравцов и др.

После долгих дебатов ораторами было внесено несколько резолюций. Резолюция С.С. Старынкевича предлагала одобрить действия комитета союза и занять выжидательное положение, с тем чтобы

* «Возрождение», 27 ноября 1925 г.

продолжить работу в Организационном комитете через своих представителей, когда это будет признано объективно возможным; сходная резолюция была внесена А.И. Гучковым, признававшим нужным для продолжения общей работы выработать некоторые условия.

Горячую речь, объяснявшую причины отозвания представителей союза из Организационного комитета, произнёс председатель союза Н.Х. Денисов, указывавший, что торгово-промышленный класс, по существу своему, должен занимать центральное положение и не должен иметь партийной окраски: он не может быть ни правым, ни левым. Поэтому, когда создалось такое положение, что торгово-промышленный класс в Организационном комитете оказался на левом фланге, было признано нужным отозвать из комитета его представителей.

После этого вносится предложение о перерыве заседания и продолжении его на другой день. Однако подавляющим большинством принимается предложение об избрании особой комиссии для немедленного рассмотрения и согласования всех предложенных резолюций. В комиссию избираются Н.Х. Денисов, С.Н. Третьяков, В.П. Рябушинский, А.С. Хрипунов, О.С. Трахтерев, С.С. Старынкевич и А.И. Гучков. Выработанная и принятая единогласно названной комиссией резолюция гласит:

«Одобрить действия комитета, отозвавшего представителей союза из Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда.

Предоставить комитету союза, когда он, по ходу дела, признает это целесообразным, войти в состав Организационного комитета, о чём доложить Совету».

Резолюция эта принимается большинством 22 голоса против 9.

В 7 часов 30 минут заседание объявляется закрытым.

ТОРГОВОПРОМЫШЛЕННИКИ ОКОНЧАТЕЛЬНО УШЛИ*

ОТОЗВАНИЕ АТАМАНА А.П. БОГАЕВСКОГО

К вчерашнему решительному заседанию Торгово-Промышленного Союза обе группы — противники и сторонники участия в Зарубежном Съезде — энергично мобилизовали все свои силы. Явились не только члены Совета, проживающие в Париже, но и специально прибывшие из Женевы, Ниццы, Белграда, Праги.

---

* «Последние новости», 27 ноября 1925 г.

Заседание длилось с 3 часов дня до 8 часов вечера.

Председательствовал и докладывал С.Н. Третьяков.

Собранию было доложено уже известное и мотивированное решение комитета союза об отозвании своих представителей из Организационного комитета. Из ряда документов, оглашённых секретарём союза В.Н. Новиковым, выяснилось, что Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека также уже отозвал Донского атамана ген. А.П. Богаевского из состава Организационного комитета.

Начавшиеся после докладов председателя и секретаря прения продолжались свыше четырёх часов. По вопросу о дальнейшем участии в подготовке Зарубежного Съезда высказались почти все присутствующие. Решающее значение имела речь председателя союза Н.Х. Денисова, заявившего, что «торгово-промышленный класс должен ориентироваться не на "правых" и не на "левых", а на *Россию* и, когда сочтёт для себя возможным вернуться на родину, будет работать не с "правыми" или "левыми", а с теми, кто будет восстанавливать Российское государство».

Ввиду резкого расхождения некоторых мнений, высказанных на собрании, решено было по окончании прений избрать *согласительную комиссию*, на которую возложить составление проекта общей резолюции. В согласительную комиссию оказались избранными А.И. Гучков, Н.Х. Денисов, В.П. Рябушинский, С.С. Старынкевич, О.С. Трахтерев, С.Н. Третьяков и А.С. Хрипунов.

Согласительная комиссия единогласно установила и предложила общему собранию следующий текст резолюции:

«1) Одобрить действия комитета, отозвавшего представителей союза из Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда;

2) предоставить комитету союза, когда он по ходу дел признает это целесообразным, войти в состав Организационного комитета, о чём доложить Совету».

Совет союза принимает эту резолюцию большинством 22 голосов против 9.

БЕСЕДА С В.П. РЯБУШИНСКИМ*

По поводу вынесенной Советом Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза резолюции по вопросу об участии в Зарубежном Съезде мы беседовали с видным представителем мос-

* «Возрождение», 28 ноября 1925 г.

ковского купечества В.П. Рябушинским. Как у нас указывалось вчера, В.П. Рябушинский был избран в согласительную комиссию, которой было поручено установить окончательный текст резолюции. В.П. Рябушинский сделал нам следующее заявление:

«По существу, большинство Совета не одобрило решения комитета об отозвании своих представителей из Организационного комитета Зарубежного Съезда. Принятие резолюции, подтверждающей решение комитета, объясняется тем огромным личным уважением, которое все торгово-промышленные деятели питают к своим вождям, полезная деятельность которых, энергия и готовность идти на широкие материальные затраты ради борьбы с большевиками признаются всеми.

В происходивших в четверг прениях обнаружилось, что водораздел происходит по вполне определённому признаку: за участие в Съезде было, за малыми исключениями, исконное российское (не в племенном смысле) купечество. Против него главным образом то, что мы называем "иностранным" купечеством.

В заседании была особенно подчёркнута необходимость единения, причём указывалось, что голоса из России повелительно взывают именно об единении во что бы то ни стало.

Большинство говоривших настойчиво рекомендовали принять все меры к тому, чтобы сделать возможным участие торгово-промышленного класса в работах Съезда. Хотя купечество и имеет свою сословную гордость, но всё-таки в первую голову мы — русские, а потом — купцы.

Поэтому, если бы оказалось, что второй пункт резолюции, предоставляющий комитету право вновь войти в Организационный комитет, когда он признает это нужным, будет выполнен только формально, значительная часть российского купечества и, во всяком случае, большинство московского купечества уйдут из союза».

Глеб Струве

БЕСЕДА С А.И. ГУЧКОВЫМ*

Мы обратились к одному из участников собрания Совета Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза 26 ноября, А.И. Гучкову, с просьбой дать нам свою оценку этого собрания и вынесенной им резолюции.

А.И. Гучков нам сказал:

---

* «Возрождение», 29 ноября 1925 г.

«Смысл первой части резолюции, принятой Торгово-Промышленным Союзом, в том, что большинство участников собрания 26 ноября признали, что для выхода торговопромышленников были известные основания, что не вся вина ложится на них, что некоторые основания для ухода были даны и с другой стороны.

При этом, однако, большинство признали также желательным и принципиально возможным вхождение вновь в Организационный комитет Съезда. Об этом можно судить и по прениям, и по голосованию, ибо, кроме девяти решительных сторонников немедленного возобновления участия в Съезде, голосовавших против резолюции, многие сторонники вхождения голосовали за резолюцию на условии принятия второго её члена. В этом и есть смысл второй части резолюции, открывающей путь для соглашения. Достижение этого соглашения зависит от готовности к компромиссу, от такта, а главное — от отсутствия бестактностей с обеих сторон. Во всяком случае, можно сказать, что большинство признаёт желательным участие Торгово-Промышленного и Финансового Союза в общенациональном деле, каким является Зарубежный Съезд».

Глеб Струве

БЕСЕДА С О.С. ТРАХТЕРЕВЫМ*

Ввиду интереса, проявляемого к вопросу об участии Торгово-Промышленного Союза в Зарубежном Съезде, мы беседовали ещё с одним участником собрания 26 ноября, выступившим решительно за необходимость участия в Съезде и голосовавшим за резолюцию согласительной комиссии, — с прис. пов. О.С. Трахтеревым, который сказал нам следующее:

«С внешней стороны, действительно, может показаться странным: с одной стороны, многочисленные обвинения по адресу комитета за отозвание своих представителей, неопровержимые доводы в пользу недостаточности мотивов к уходу из Организационного комитета и... резолюция, одобряющая его образ действий.

До речи Н.Х. Денисова ясно было, что аудитория накалена разными противоположными мнениями, с большинством в 2–3 голоса в ту или другую сторону, но вот слова Н.Х. Денисова: "...проклятый Съезд! Какая рознь из-за него в нашей среде!.." И речь рвалась из души. Передо мною, как перед одним из обвинителей комитета,

* «Возрождение», 1 декабря 1925 г.

вырос шестилетний, здоровый, жизнеспособный ребёнок, из вен которого нужно перекачивать кровь в вены в муках рождённого, болезненного двухмесячного существа. Любыми средствами надо дать жить Зарубежному Съезду, но не путём обескровления союза.

Второй мотив: представьте себе, что действия комитета были бы не одобрены, но персонально его представители всё равно бы ушли из Организационного комитета. Тогда предстояли бы выборы новых представителей.

Таких выборов никогда бы не произвести, потому что никогда не было бы большинства.

Наконец, последнее. Когда в течение шести лет бескорыстно отдают всего себя служению делу, а потом требуют доверия, то нужно его оказать. И в этом доверии комитету — залог того, что в ближайшее время сторонники участия Торгово-Промышленного Союза в работах по созыву Зарубежного Съезда увидят членов союза в прежних, временно оставленных рядах».

Г.С.

ПО ПОВОДУ «ТРЕТЬЕЙ ПОЗИЦИИ»*

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Я не имею органа, где я мог бы ответить на передовую статью «П.Н.», посвящённую в значительной степени мне. И этот факт, и то, что я имею честь состоять сотрудником газеты, заставляет меня думать, что редакция поместит у себя тот необходимый минимум, который заключается в этих строках.

Какие нужны изменения в эмиграции для создания «единого фронта» в целях активной борьбы с большевиками? По-моему, только сознание того, что интересы Родины в данный момент стоят на первом плане. С моей точки зрения, именно развитое чувство гражданства должно заставить людей, политически инакомыслящих — и последователей «великих идей» автократии, по характеристике Бунакова на моём докладе, и последователей великой идеи свободы, — идти на временный союз во имя борьбы с продолжающимся насилием над нашей страной. В возможность этой всероссийской «венты»** против большевиков я верю и знаю, что я не буду здесь

---

* «Последние новости», 5 декабря 1925 г.

** *Вента* (*франц.*) — собрание карбонариев во Франции; в данном случае — объединение.

одинок ни в эмиграции, ни в России. По мнению П.Н. Милюкова, это — психология прошлого. Но всё старое плохо. Для меня это и возможное будущее. Редакции «Последних новостей» не нравится привнесение «морального элемента» в установление возможных пределов объединения для низвержения гнетущего Россию режима. Такой терминологии, в сущности, не было ни в моих тезисах, ни в моём докладе. Это больше выводы оппонентов. Неужели, однако, не ясно, что, говоря на эмигрантском собрании о том, что пределы возможного объединения должны устанавливаться не по линиям политических миросозерцаний, я хотел лишь показать, что возможна честная коалиция, которая неизбежно отбрасывает всех тех, кому «любовь к родине» не мешала поддерживать до революции то, что привело Россию к революции? Я убеждён, что и социалист, каким являюсь я по своим убеждениям и по своей партийной принадлежности, и демократ из Республиканско-демократического объединения и «монархист» из Национального Комитета могут и должны идти вместе в борьбе с большевиками. Пафос ненависти к насилию и «религия долга любви к родине» (я брал слова Мацини) — для меня девиз вчерашнего дня и дня сегодняшнего. По мнению ред. «Последних новостей», это значит: не иметь не только позиции политической, но вообще никакой. Не смею полемизировать в органе всё же чужом, со столь своеобразными выводами.

Моя «третья позиция» до некоторой степени правильно усвоена П.Б. Струве. Я готов перевернуть формулу, выдвинутую в дни Гражданской войны в 1919 году партией с.-р., и сказать: революционная борьба вплоть до оружия с большевиками и идейная борьба в данный момент со сторонниками восстановления монархии в России. Тот, кто честно говорит: ни республика, ни монархия, всегда может быть моим союзником в преодолении большевистского ига. С большим удовлетворением могу констатировать, что мнение моё и мнение «Последних новостей» относительно возможности вооружённой борьбы с большевиками не разногласят. Для меня лишь психологически более близок завет Рылеева, о котором, в сущности, недавно напомнил Каутский*:

Нет примирения, нет условий
Между тираном и рабом.
Тут надо не чернил, а крови,
Нам должно действовать мечом.

Я не верю в мирную борьбу. Но я никогда не утверждал, что «Последние новости» противопоставляют методы Белого движения

методам демократическим, как методы вооружённой борьбы методам мирной борьбы. Это доказывал в своём докладе «Россия и эмиграция» П.Н. Милюков и подтвердил в прениях по моему докладу. Подобная позиция находилась в решительной коллизии с мнением передовика «Последних новостей», констатировавшего в ответе Ольденбургу, что при самодержавии возможна была политическая борьба, при большевиках — нет; эта позиция противоречила программе блока «левых» кадетов с «Крестьянской Россией»* (орган последней писал недавно: «Будем же, как Каутский, приветствовать грядущую революцию»). Если П.Н. Милюков вновь возвращается к старой позиции, могу лишь приветствовать его и считать, что моё выступление в РДО хоть в одном отношении было не совсем бесполезно.

Передовик «Последних новостей» говорит о каких-то старых московских спорах между Мельгуновым и Кусковой. С Е.Д. Кусковой при большевиках я никаких споров печатно не вёл, а тем более об «интервенции». Моё понимание «интервенции» в прошлом совпадает с мнением редакции, как явствует из моей статьи «Приоткрывающаяся завеса», напечатанной в тех же «Последних новостях», но это расходится, по-видимому, с мнением Е.Д. Кусковой.

Относительно «бонапартизма» и прочих тому подобных исторических категорий действительно «бесполезно спорить», если не считаться с историей. Автор статьи в «Последних новостях» счёл необходимым подчеркнуть, что я считаю легитимную монархию невозможной даже в переходное время. Да, таких примеров в истории нет, и я не примыкаю к той, старой уже, исторической школе, к тем старым народническим настроениям, которые свои прогнозы основывали на своеобразии путей развития России. Но история знает примеры установления легитимной монархии после стадии «бонапартистской». «Последние новости» непонятно почему, по моему якобы мнению, демократия не способна охранить социальные завоевания революции. Не буду убеждать автора статьи, что я, как социалист, думаю, что только демократия, только она одна может закрепить социальные завоевания революции. Но под социальные завоевания революции я, как историк и как демократ, не могу подвести формальное закрепление происшед-

* *«Крестьянская Россия»* — правоэсеровская организация, образована в Москве в 1920 г. В эмиграции возникла в 1921 г. в Праге, возглавляли её С.С. Маслов и А.А. Аргунов. Целью организации было развитие крестьянского движения в России как политического. В 1924 г. вошла в состав РДО; в 1927 г. на съезде получила новое название: «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия. В 1931 г. объединилась, после выхода нескольких членов, с правыми кадетами (И.В. Гессен, А.А. Кизеветтер и др.). Просуществовала до начала 2-й Мировой войны.

ших ныне в России материальных и социальных перемещений: лишь «бонапартизм» будет опираться и безоговорочно закреплять установившийся status quo, что даст ему опору и в рядах выигравших при «маратовском социализме».

Вероятно, я найду место и повод изложить и обосновать те точки зрения, которые так не хотел и не мог, по собственному признанию, усвоить на моём докладе П.Н. Милюков.

С. Мельгунов

ЕЩЁ О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ*

Париж, 5 декабря 1925 г.

Мы печатаем сегодня два отклика с двух противоположных концов республиканско-демократического фронта, которые, приноровляясь к обычной политической терминологии, можно назвать левым и правым. С нашей центральной позиции мы можем признать относительную правоту того и другого фланга, но нам яснее и их отклонения от той точки зрения, которую для республиканско-демократической позиции мы признаём правильной и единственно логичной. Речь идёт о статьях С.Н. Прокоповича «Эволюция или революция» и С.П. Мельгунова «По поводу "третьей" позиции». Первая статья направлена, собственно, против Струве, зачислившего Прокоповича в «эволюционисты». Мы уже заметили, отвечая Струве, что чистого «эволюционизма» в рядах р.д. искать нельзя, так же как и чистого «революционизма». Принятая р.д. блоком платформа (см. «Три платформы» П.Н. Милюкова) недаром «признаёт целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с коммунистической диктатурой». Это замечание целиком подтверждается сегодняшними заявлениями самого Прокоповича. Он совершенно прав, что выбор «эволюционного» или «революционного» метода борьбы всецело зависит от обстановки борьбы. Он не совсем прав в ссылке на «кадет», ибо эта группа вплоть до самой революции продолжала делать «эволюционное» дело, отвергая метод революции. Но, конечно, и к.-д. всегда признавали возможность перехода к революционным действиям, если методы эволюционные окажутся для осуществления их программы бессильными. Теперь, наоборот, нас приглашают перейти к эволюционным действиям, ибо революцион-

* «Последние новости», 5 декабря 1925 г.

ные методы оказались бессильными. Но тут начинается наше разногласие с Прокоповичем.

С.Н. Прокопович утверждает, что только эмиграция продолжает думать о революционном свержении большевиков, тогда как население России... Что думает это население? Здесь формулировка Прокоповича перестаёт быть точной. Утверждает ли он, что в России о революции больше не думают? Нет. Он не утверждает, что «революция против большевиков невозможна». Он только утверждает, что «сейчас ни в эмиграции, ни в России нет революции». «Иначе, — прибавляет он в виде проверки, — оттуда уже был бы подан сигнал, как он подавался при самодержавии». Верно, «сигнал» не подан. Но значит ли это, что революционного отношения к советской власти нет в России? Раз Прокопович стал на динамическую точку зрения, он может утверждать только, что революционное отношение не достигло надлежащей напряжённости, чтобы дать «сигнал». С этим можно было бы согласиться. Он, правда, может утверждать также, что революционное отношение не усиливается, а слабеет. Но этого он совершенно правильно утверждать не решается. Он лишь считает «совершенно бесспорным», что Россия «решительно отказалась от противоположения революционной деятельности культурной работе». Мы не только утверждаем то же самое, но в зарубежной печати именно мы ввели в употребление термин «культурников» как участников общей работы по восстановлению России. Весь вопрос только в том, не бывает ли таких времён, когда и культурная работа получает революционное значение. По нашему мнению, мы переживаем именно один из таких моментов.

Второе положение, которое Прокопович считает бесспорным, есть то, что в России население боится возобновления гражданской войны и предпочитает посвятить себя восстановлению последствий «разрухи» военного времени. Но ведь, поскольку применение революционных методов грозит возобновлением гражданской войны, и мы сами решительно возражаем против их применения, точнее, против возвращения к революционным методам, приведшим к гражданской войне или так называемому «белому движению». Революционные методы в нашем смысле должны не расколоть население на два лагеря, а объединить его против советской власти. Именно поэтому мы и настаиваем на применении этих методов изнутри. Возражает ли против такого понимания «революции» Прокопович? Нет, он возражает только против понимания Струве, против которого возражаем и мы.

Укрепившись на своей позиции, Прокопович лишь требует дальнейшего вывода из неё. Он говорит: «П.Н. Милюков неоднократно заявляет, что он считает своим долгом поддерживать всякое выступление советской власти на международной арене, которое направлено на пользу России и в защиту её интересов и её суверенитета. Это, безусловно правильное, положение следует дополнить и расширить: каждый русский обязан поддерживать всякое действие власти и населения, клонящееся к подъёму экономической и культурной мощи страны».

Мы понимаем всю серьёзность этого требования. Но прежде чем ответить на него, мы спросим Прокоповича: если он предлагает нам «поддерживать» то или другое действие советской власти, то не признаёт ли он тем самым, что наша «поддержка» имеет некоторый вес? Если так, то и отсутствие поддержки, а тем более сопротивление актам советской власти тоже должно иметь вес — в противоположную сторону? А если так, то как же можно считать революционное отношение к советской власти одной только «позой»? Как может Прокопович утверждать, что он «три с лишним года слышал о "революционных методах", но ни разу не видел в глаза революционного действия»? Это можно говорить разве в том смысле, в каком говорится, что человек не видит собственного локтя или, в данном случае, своей собственной руки с пером в ней. Прокопович вместе с нами делал революцию и по сю и по ту сторону границы. Если теперь он говорит, что «там измученные люди страшно раздражены» этой «позой», что она «доводит их до исступления, до ненависти при одной мысли об эмигрантах», то или эти люди слишком уже измучены, то есть ненормальны, или у них нечиста совесть, или они считают, что наша «поза» мешает их «делу», их собственной борьбе. О первом можно только жалеть, сочувствуя, но не принимая ненормальность за норму; второе предположение равносильно выходу вступивших в чрезмерный компромисс или капитулировавших из ряда борцов, а третий случай очень напоминает то, что в своё время писали Герцену его друзья, когда наступили годы великих реформ. В современной России они, во всяком случае, ещё не наступили, и «величественную позу» эмиграции, которая так раздражает, но которая, по признанию самого Прокоповича, имеет некоторый вес, менять ещё рано. Во всяком случае, все эти варианты настроений имеются только в интеллигентских верхах, то есть в среде, которая теперь, по всем сведениям, особенно далека от всякой политической активности. Эта среда, по счастию, не единственная в России, хотя между

ней и другими, более активными, по-видимому, и образовались непроницаемые переборки. При нашем содействии отсюда мы надеемся эти переборки мало-помалу уничтожить.

Теперь прямой ответ на прямой вопрос, поставленный выше. Да, конечно, и те из внутренних мероприятий, которые ведут к экономическому или культурному подъёму страны, заслуживают всякого сочувствия со стороны врагов советской власти. На этом основании мы подчёркивали всегда значение здоровых сторон нэпа и внимательно следили за их развитием. Мы только не хотим делать из этих невольных и непрочных уступок населению рекламы для советской власти и останавливаемся там, где, при помощи этой рекламы, начинается её укрепление. Это касается и рекламы внешней, и рекламы внутренней. Вот почему мы не хотим прославлять вынужденные компромиссы как доказательства мудрости советского правительства или его особенной «доброты».

Переходя теперь к письму С.П. Мельгунова, мы не находим оснований менять своё мнение о его позиции. Мы назвали эту позицию отсутствием всякой позиции — по её внутренней противоречивости — и отсутствием политической позиции — по отсутствию в ней конкретных указаний на тактику сегодняшнего дня. Мы указали, что Мельгунов является в своих рассуждениях не столько политиком, сколько посторонним наблюдателем. В печатаемом сегодня письме С.П. Мельгунов несколько конкретизирует свою позицию — увы, в том единственном направлении, в котором она только и может быть конкретизирована, — в направлении Струве. Он признаёт, что Струве «до некоторой степени правильно усвоил» эту позицию, — во всяком случаем, правильнее, чем мы. Он теперь определённо заявляет, что «не верит в мирную борьбу», в которую вместе с Прокоповичем мы очень верим и которая внесена, при участии С.П. Мельгунова, в платформу р.-д. блока наравне с революционной. Для создания «единого фронта с целями активной борьбы с большевиками» С.П. Мельгунов признаёт нужным «только» одно: сознание того, что интересы Родины в данный момент на первом плане.

«Пафос ненависти к насилию» для него — «девиз вчерашнего и сегодняшнего дня». Мы не раз указывали, что одного этого пафоса недостаточно и единый фронт не может осуществиться не потому, что не хватает любви к родине, а потому, что её интересы понимаются слишком различно. Противоречит ли Мельгунов этому? Оказывается, нет! Молчаливо и он признаёт этот аргумент — и сокра-

щает пределы своего «единого» фронта. Приглашая и социалиста, «каким является он», и демократа из РДО, и монархиста из Национального Комитета «идти вместе», Мельгунов, однако, исключает из этой «честной» коалиции «тех, кому “любовь к родине” (поставленная здесь в кавычках — почему?) не мешала поддерживать до революции то, что привело Россию к революции». Если он исключает тут Крупенского и Трепова (как, по-видимому, следует понять эту цитату), то почему он признаёт (если признаёт) Николая Николаевича? Если он не признаёт Николая Николаевича, то почему признаёт Струве? Если не признаёт Струве, то почему признаёт Национальный Комитет? А если не признаёт никого из них, то где же общий фронт и где политическая позиция? Ведь все вместе эти политические группы продолжают поддерживать и теперь то, «что привело Россию к революции»!

С.П. Мельгунов напрасно старается поймать нас на противоречиях в нашем отношении к вооружённой борьбе. Никаких отступлений и никакого «возвращения к старой позиции» тут у нас не было. Всё дело лишь в том, какую вооружённую борьбу мы отрицали или принимали и в какую связь ставили её с мирной борьбой. Ново — и должно быть отмечено — заявление Мельгунова, что под закреплением «завоеваний революции» он, «как социалист», не разумеет «формального закрепления происшедших ныне в России материальных и социальных перемещений». Это утверждение чрезвычайно расширяет сферу загадочного во взглядах Мельгунова на революцию. Грязное дело «закрепления происшедших перемещений» «социалист», по-видимому, оставляет тут за «несоциалистами»? Если так, то «бонапартизм», очевидно, должен начаться с нас, несоциалистов-демократов, поставивших такое закрепление своей ближайшей задачей. Таким образом, согласившись, с одной стороны, «идти» с Национальным Комитетом, Мельгунов, с другой стороны, признаёт и нас тем «чёртом», с которым «идти» он не согласен, а согласен только «не мешать» его неизбежному грядущему успеху, отойдя сам в сторону и довольствуясь в качестве «историка» регистрацией фактов. Мы признавались, что не понимаем С.П. Мельгунова. Очевидно, это происходило оттого, что мысль его стремилась одновременно и по направлению к Струве, и по направлению к «социалистическому» нейтралитету. Мы и теперь боимся понять его и предпочитаем всё-таки, впредь до дальнейших новых объяснений, пребывать в состоянии непонимания.

ЗАДАЧИ СЪЕЗДА*

ПИСЬМА И ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Что может дать Зарубежный Съезд? Вот тот вопрос, который приходится слышать с разных сторон от врагов и от друзей Съезда. Вопрос этот представляет большой интерес, так как, с одной стороны, люди, далёкие от политики и от политических центров, возлагают на предстоящий Съезд преувеличенные надежды, доходящие до того, что в результате Съезда им видится немедленное и триумфальное возвращение на Родину всей эмиграции. Другие, скептически настроенные люди, потерявшие надежду на лучшие времена и сбиваемые с толку оппозиционными газетами, угрюмо предрекают Съезду полный неуспех и провал всяких начинаний. Кто же прав? И что в действительности может дать Зарубежный Съезд в составе представителей национально мыслящей эмиграции, раскинутой по всем частям света?

Ход подготовительных работ по созыву Съезда в настоящее время доказал, что отход (временный или постоянный — покажет будущее) парижской торгово-промышленной группы ничем не изменил ни политического курса, положенного в основу единения национальной эмиграции, ни интенсивности работ Организационного комитета.

Смысл и значение Зарубежного Съезда выражаются в том, что в первый раз за всё время эмигрантского существования правая и национально настроенная Зарубежная Россия, объединённая в своих верованиях и чаяниях, открыто, без всякого замалчивания, громко скажет на Съезде своё политическое кредо и выскажется по целому ряду больших принципиальных вопросов. За истекшие восемь лет и большевистская, и зарубежная левая печать делали всё возможное, чтобы извратить подлинное лицо умеренной и правой части русской эмиграции. Очень часто для этой цели были использованы мнения политических деятелей крайне правого крыла, и их случайные, а подчас и заведомо искажённые слова преподносились в России и за границей как общее мнение национальной эмиграции. Вред от такого положения дела ясен. В России большевики всеми мерами стараются доказать крестьянам, что только советская власть обеспечивает им владение землёй и что, в случае падения большевиков, помещики не только отберут обратно землю, но и будут взыскивать убытки за всё время пользования ею. Служащим

* «Возрождение», 11 декабря 1925 г.

в Красной армии и в прочих советских учреждениях рисуют перспективы кровавой мести, а еврейское население России держат под гипнозом неизбежных погромов и правовых утеснений со стороны возвратившейся эмиграции. Вышеупомянутыми вопросами не исчерпывается всё то, что должен сказать Съезд, обращённый лицом и чувствами своими к России. Нельзя недооценивать огромного значения для успешной борьбы с большевиками этой умело поставленной пропаганды, и при отсутствии свободной прессы широкие круги населения в России имеют подчас совершенно превратное представление о взглядах и настроениях правой и национальной эмиграции и могут видеть в ней не союзника для общего дела свержения советской власти, а опасный элемент, с которым в будущем придётся считаться.

Такой же вред ощущается от отсутствия авторитетного, ясного выражения своих чувств, своего отношения к государствам, входившим прежде в состав Великой Российской империи, а теперь имеющим своё самостоятельное юридическое существование (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша), или к государствам, ныне насильственным путём включённым в состав СССР (Грузия и др.). Наконец, и в вопросах большой международной политики, в вопросе «ориентаций» национальной России пора внести ясность и определённость в умы тех политических кругов Западной Европы и Америки, которые всё сильнее начинают понимать, главным образом на собственном печальном опыте, что советское правительство и III Интернационал, совпадая в своём существе, представляют из себя ту мировую опасность, с которой надо бороться всеми мерами и возможно более широким фронтом.

Политические деятели Старого и Нового Света понимают, что исторический маятник после свержения большевиков естественно уклонится вправо, и очень важно, чтобы у Европы и Америки уже теперь было ясное представление о политическом лице национальной и правой эмиграции.

Перед Съездом должен быть также поставлен вопрос об образовании такого постоянного органа, который мог бы авторитетно вести от имени национальной эмиграции всю ту большую повседневную работу, цель которой — всемерная борьба за освобождение Родины и защита и поддержание эмиграции, где бы она ни находилась.

4 декабря 1925 г. *А. Хрипунов*
Париж

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД И БОЛЬШЕВИКИ*

РАДОСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ПОВОДУ УХОДА ТОРГОВОПРОМЫШЛЕННИКОВ

Советские газеты нарушили печать молчания, нарочно наложенную ими на Зарубежный Съезд. До номера «Правды» от 10 декабря большевики ни разу не обмолвились по этому поводу. Ни одной строчки, хотя бы самой лживой, до сего времени в большевистской печати о Зарубежном Съезде и русском зарубежном объединении не встречалось.

Теперь, после ухода, хотя бы и временного, торговопромышленников из Организационного комитета, большевики, видимо, решили, что удар по Съезду нанесён достаточно сокрушительный, и сочли дозволенным для себя снять с него «табу» и в извращённом освещении дать картину нашего патриотического национального объединения.

Наше временное и преходящее настроение, нашу неурядицу они используют в своих агитационных целях, стремясь посеять в душах русских людей недоверие и скептицизм к русской патриотической действительности за рубежом. В вышеназванном номере «Правды» они помещают издевающуюся и глумящуюся заметку «Пётр Бернгардович Калита», посвящённую председателю Организационного комитета Зарубежного Съезда П.Б. Струве.

Мы выписываем её полностью, со всею лживостью и со всем её гаерством в части, касающейся непосредственно Зарубежного Съезда. Пусть же эти строки послужат предостережением для всех, кто не желает доставить радость большевикам.

«Во главе Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда до сих пор состоял популярный русский боярин Пётр Струве. Это немаловажное обстоятельство нисколько не помогло успеху предприятия. Комитет работает уже целый год, а зарубежный съезд не только не организуется, а, наоборот, даже в надеждах тает и по дням и по часам.

Сначала из состава "Зарубежной Руси", выпуча глаза, вывалились меньшевики, эсеры и иные социалистообразные деятели.

Потом, зажимая носы и тяжело дыша, вывалились прогрессисты, кадеты и иже с ними.

На днях заявили об уходе из комитета и представители правой буржуазии — "Торгово-Промышленный Союз".

* «Возрождение», 16 декабря 1925 г.

Такая чёрная измена заставила собирателя заграничной Руси устроить целое драматическое представление. При обильном стечении эмигрантов парижский Иван Калита, разодраше на себе одежды свои, Струве отказался от председательствования в комитете и произнёс трёхчасовую патриотическую речь. Все олимпийские выражения знаменитого златоуста были повторены в тысячный раз, с неостывшим темпераментом.

"И потом, я ничем другим не могу закончить, как повторным и повторным предостерегающим призывом к единению Зарубежной России на сплачивающих нас патриотических задачах и на связывающих нас национальных началах".

Речь растрогала присутствовавших до слёз. Присутствовавшие поклялись на перочинных ножах сохранить единство и бороться до последней капли чего-то там за собирание зарубежной Руси. Но... "Торгово-Промышленный Союз" всё-таки ушёл, и Струве остался один на один с Треповым и Алексинским».

СГОВОР РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ*

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОРГОВОПРОМЫШЛЕННИКОВ. ПОЗИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА. КАЗАЧЕСТВО. МОЛОДЁЖЬ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БЛОК. КОМИССИЯ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ

СОВЕЩАНИЕ

По инициативе председателя Российского Торгово-Промышленного Союза Н.Х. Денисова вчера состоялось совещание представителей русской общественности по вопросу о Зарубежном Съезде.

В этом совещании приняли участие: от Торгово-Промышленного Союза — Г.Э. Вейнштейн, П.О. и А.О. Гукасовы, Н.Х. Денисов, Н.Н. Изнар, Н.Т. Каштанов, С.Г. Лианозов, Г.Л. Нобель, П.А. Тикстон и С.Н. Третьяков. Присутствовали также: кн. П.Д. Долгоруков, А.В. Карташёв, М.М. Фёдоров, Ю.Ф. Семёнов, г-н Мельников. Профессора: гг. Анциферов, Е. Ковалевский и В. Кузьмин-Караваев, В. Ауэрбах, М. Киндяков, г-н Власьев, А.И. Филиппов, Ю.И. Поплавский, инж. Аршаулов, г-н Епифанов, В. Вырубов и группа молодёжи из различных организаций национального характера.

Открывая совещание, Н.Х. Денисов в краткой речи изложил необходимость выяснить всесторонне положение, создавшееся после

* «Русское время», 24 декабря 1925 г.

ухода представителей торговли и промышленности из Организационного комитета по созыву Зарубежного Съезда, подчеркнув, что главным мотивом «ухода» промышленников явилось превращение Съезда из национально-надпартийного в чисто партийный, с определённым превосходством одной политической группы, что ещё резче обнаружилось после выборов новых членов комитета в Сербии, Болгарии, Берлине и Брюсселе. Между тем торгово-промышленная группа продолжает сочувственно относиться к объединению русской эмиграции путём созыва Съезда для активной борьбы с большевиками единым, широким фронтом. Но, ввиду невозможности для торгово-промышленного класса, предполагающего при первой возможности принять активное участие в деле восстановления русской государственности на Родине, связать себя политически с крайними правыми или левыми течениями, торгово-промышленный класс может принять активное участие в Зарубежном Съезде лишь на началах широкой коалиции всех политических течений русской эмиграции, обеспечивающих прогрессивные начала возрождения России.

После этого председателем совещания единогласно избирается С.Н. Третьяков.

ПРЕНИЯ

С.Н. Третьяков излагает всю историю возникновения идеи Зарубежного Съезда, работу инициативной группы, затем Организационного комитета и отмечает, что работа в комиссиях, особенно в политической комиссии, протекает после ухода торгово-промышленной группы вполне благополучно и настолько продуктивно, что намечается скорое завершение обсуждения основных политических вопросов. Однако численное превосходство крайних правых группировок, усилившихся дополнительными выборами на местах, внушает беспокойство прогрессивным элементам русской общественности, благожелательно относящейся к Зарубежному Съезду, что при проведении наиболее острых и существенных вопросов в Организационном комитете и на самом Съезде, как, например, аграрного, вопроса «о диктатуре» и т.д., крайне правые политические группировки, пользуясь своим преобладанием, могут навязать Съезду неприемлемые для прогрессивных течений русской эмиграции решения, которые подорвут авторитет русской общественности за рубежом — в России, где разгорается борьба живых элементов против ненавистной власти — ставленников III Интернационала.

М.М. Фёдоров в обширной речи излагает ту программу, которая должна быть положена в основу сговора русской общественности в деле организации всеэмигрантского единого фронта против большевиков, начало созданию которого должно быть положено Зарубежным Съездом. Поэтому совершенно недопустим резкий крен Съезда в одну сторону, а потому первоначально надо создать такую обстановку, которая открывала бы возможность участия в Съезде и левым политическим течениям, приемлющим государственность. В этих целях М. Фёдоров настаивает на необходимости ликвидации положения, создавшегося после ухода торгово-промышленной группы из Организационного комитета Съезда путём выработки новых условий соглашения с крайними правыми, в основу которых должны быть положены:

— действительная и прочная коалиция всех политических течений, с предоставлением определённого количества мест как центру, так левым и правым, при всех выборах на местах и на самом Съезде;

— минимальная программа основных политических вопросов, которая должна быть проведена на Съезде общим сговором, не допуская принятия решений определённым давлением большинства одной политической партии, могущей получить случайно численное превосходство на Съезде;

— сугубая осторожность в вопросе «о возглавии» Зарубежного Съезда и отказ от попыток связать Съезд с определённым провозглашением «вождя», долженствующего стоять вне политических споров и течений, как непререкаемого авторитета всей национально мыслящей России;

— организация крупного общественного центра, который мог бы объединить все прогрессивные и умеренные элементы русской эмиграции и предохранить Зарубежный Съезд от колебаний политического курса и обеспечить ему прочную опору для активной борьбы на антибольшевистском фронте.

При согласии руководителей большинства в Организационном комитете Зарубежного Съезда принять такую схему нового сговора явится возможность как для торгово-промышленной группы, так и для других, отошедших от Съезда объединений, вновь войти в его состав и совместно довести дело Съезда до благополучного конца, но, конечно, при формальной гарантии строгого выполнения нового соглашения во всём его объёме.

«Если вы не найдёте в себе силы отказаться от всего личного, партийного во имя общей цели — спасения Родины и предпочтёте

пассивность напряжению воли к борьбе с общим врагом — большевиками, то лучше нам разойтись!..» — закончил свою блестящую речь М.М. Фёдоров.

А.В. Карташёв в яркой и красочной речи развил идею образования центрального блока русской общественности, который должен притянуть к себе все действенные силы эмиграции, отметив, что активная работа левого и правого крыла эмиграции в конечном итоге может обратить прогрессивно-умеренные элементы нашей эмиграции в «политическую пыль», но что главной целью блока должен быть решительный отказ от сближения с «соглашателями» и «возвращенцами» и — исключительно революционное отношение к советской власти в России...

МОЛОДЁЖЬ

Ораторы этой группы в значительном большинстве высказались, что при создавшемся соотношении сил в комитете Зарубежного Съезда торгово-промышленная группа правильно решила временно уйти, но мотивы этого решения плохо поняты широкой эмигрантской массой, которая возлагает отчасти «несбыточные» надежды на Съезд. Поэтому крушение плана создания Всеэмигрантского Съезда и превращение его во «второй Рейхенгалль» внесёт огромное разочарование в ряды молодёжи. Между тем молодёжь в эмиграции, несмотря на различие политических убеждений, широко практикует принцип коалиции, и созданные на этой почве организации русской молодёжи, главным образом учащейся, получили должное признание не только в своей среде, но и в широких кругах у иностранцев. Поэтому молодёжь верит, что новое соглашение с крайними правыми, при известных гарантиях и организации центрального блока русской общественности, возможно, и молодёжь готова всемерно поддержать все начинания в этом направлении.

КАЗАЧЕСТВО

Представитель Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека г-н Мельников изложил те мотивы, которые побудили некоторую часть нашего казачества отойти от Съезда, когда обнаружилась его узкая партийность и фактически выяснилось, что крайне правое большинство в Организационном комитете Зарубежного Съезда ничего не предприняло против вредной демагогии, которая проводилась в ка-

зачью массу на местах. Но, несмотря на это, здоровый инстинкт рядового казачества подсказал ему мысль отказаться от участия в выборах делегатов в Организационный комитет в Болгарии и Сербии на такой Съезд, который по своему составу является пока исключительно партийным и, демонстрируя «коалицию» с прогрессивными элементами в Париже, правда только в закрытых комиссиях, на деле, когда пришлось проводить выборы, использовал все средства — вплоть до «мёртвых душ», — чтобы провести на местах одних крайне правых...

К идее образования блока русской общественности в Париже г-н Мельников отнёсся весьма сочувственно.

ВЫБОРЫ КОМИССИИ

После этих выступлений прения продолжались, и в них приняли участие инж. Аршаулов, М. Киндяков, В. Кузьмин-Караваев, Ю. Семёнов, г-н Власьев, Ю. Поплавский и др.

Последний оратор отметил, между прочим, резкое расхождение «в словах и делах» среди правых объединений, руководящих организацией Зарубежного Съезда, и привёл такой пример: во время «буколического» единения в политической комиссии Съезда противоположных течений в Сербии Союзом Спасения Родины* распространяются против торговопромышленников, финансистов и бывших политических деятелей воззвания.

Затем прения закончились, и председательствующий на совещании С.Н. Третьяков в ярком резюме формулировал основную линию, принятую совещанием, согласно которой огромное большинство высказалось за одобрение основных положений нового соглашения с крайними правыми по вопросу о «ликвидации ухода» торгово-промышленной группы (при реальной гарантии выполнения ими такого соглашения), за подкрепление этого соглашения со стороны блока русской общественности, к организации какового следует приступить немедленно.

После этого совещание избрало особую комиссию для оформления принятых решений и приведение их в исполнение после утверждения окончательной формулировки совещанием.

В состав этой комиссии вошли: Н. Денисов, М. Фёдоров, С. Третьяков, В. Кузьмин-Караваев и г-н Бычок.

При этом совещание поручило комиссии приступить к работам незамедлительно.

* Сведения об этой организации не обнаружены.

ПРОТОКОЛ
ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ НА КВАРТИРЕ А.Ф. ТРЕПОВА*

6 января 1926 г.
Париж

Председательствовал: А.Ф. Трепов

Присутствовали: А.Н. Крупенский, гр. М.Н. Граббе, гр. П.В. Гендриков, Б.Н. Неандер, кн. М.К. Горчаков, А.А. Гулевич, Я.И. Савич, Н.Н. Григорьев, кн. Л.В. Урусов, П.Н. Финисов, В.П. Аршаулов, Е.П. Ковалевский, С.С. Ольденбург, Н.Н. Шебеко и кн. И.С. Васильчиков

Открыв заседание, **председатель** прежде всего отметил, что назрела потребность в частном совещании переговорить о вопросе, который в настоящее время более всего заботит, а именно о сроке созыва Патриотического Съезда. Ведь самый вопрос о созыве Съезда зародился в нашем совещании, и теперь время предпринять какие-то шаги, чтобы дать этому делу более скорое движение. Уже прошло два месяца с тех пор, как дело это начало тормозиться по воле 2–3 лиц из состава торгово-промышленного класса. Для характеристики того значения, которое имеют необоснованные обвинения, возводимые на правые группы некоторыми из представителей торгово-промышленного класса, может служить показателем следующий случай: дней 10–12 тому назад М.М. Фёдоров обратился с предложением о том, чтобы представители правых групп обменялись мнениями с представителями торгово-промышленного класса, при посредстве представителей Национального Комитета. Представители правых групп охотно согласились на это, но сообщили, что они считают совершенно излишним присутствие при переговорах представителей других групп или организаций. Письмо А.Н. Крупенского по этому предмету на имя А.Ф. Трепова было передано М.М. Фёдорову, который сообщил, что он его передал по принадлежности представителям Торгово-Промышленного Союза. Однако в назначенное время прибыли к нему, А.Ф. Трепову, на квартиру А.Н. Крупенский и гр. П.В. Гендриков, но никто из представителей Торгово-Промышленного Союза не явился и не прислал никакого объяснения о причинах своего отсутствия.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 42, л. 16–22.

После этого **П.Н. Финисов** подробно сообщил о ходе дела в Торгово-Промышленном Союзе. По его сведениям, 1 января состоялось совещание у г-на Каштанова в составе 17 лиц, на котором была одобрена положительная позиция, занятая Советом союза в отношении к Съезду. На совещании был поднят вопрос о том, не произведёт ли уход Н.Х. Денисова и С.Н. Третьякова раскол в самом союзе. В.П. Рябушинский указывал, что «вождей» надо сохранить. На собрании была выбрана делегация в составе пяти лиц, которой было поручено переговорить с Н.Х. Денисовым и указать на необходимость ввести реконструкцию в самом союзе. 2 января депутация была у Н.Х. Денисова, который сказал, что переговорит со своими друзьями и тогда даст окончательный ответ.

Я.И. Савич дополнил сообщение П.Н. Финисова указанием на то, что 5 января состоялось частное собрание членов Торгово-Промышленного Союза, на котором было внесено предложение на собрании Совета союза 8 января отложить решение вопроса о выборах представителей от Торгово-Промышленного Союза в Организационный комитет до 3 февраля, когда назначено общее собрание членов союза, ввиду того, что если в заседании Совета, имеющем быть 8 января, будут произведены выборы в Организационный комитет по созыву Съезда, то следствием этого может явиться крах всего Торгово-Промышленного Союза.

А.Ф. Трепов отметил, что все обстоятельства заставляют думать, что причиной выхода представителей Торгово-Промышленного Союза из состава Организационного комитета является не задетое самолюбие, как некоторые хотят представить, но истинные причины не выявлены и лежат где-то глубже. Ведь когда в нашей группе первоначально возникла мысль о Съезде и, по поручению группы, он, А.Ф. Трепов, обратился к Н.Х. Денисову, последний вполне воспринял эту мысль и заявил даже, что о средствах, нужных для созыва Съезда, «вы не заботьтесь». С тех пор не произошло ничего, в чём бы была нарушена основная программа для созыва Съезда. Между тем отношение Н.Х. Денисова к этому делу совершенно изменилось: он потратил много энергии и усилий, чтобы развалить начатое дело. Надо думать, что отсрочка не изменит дела и отношение одного из лиц Торгово-Промышленного Союза к созыву Съезда останется прежним.

Гр. М.Н. Граббе указал, что нас интересует только один вопрос: будет ли продолжать г-н Денисов свою разрушительную деятельность в отношении к Съезду? Ведь устроенная им «чашка чая» является «динамитом» в отношении Съезда. С той же целью совершена им покупка «Русской газеты», дана субсидия ген. Богаевскому

на разъезды. Мы должны сказать ему, что пора прекратить разрушительную деятельность.

Кн. Л.В. Урусов пояснил, что в заседании Национального Комитета был возбуждён вопрос, в качестве кого А.В. Карташёв и М.М. Фёдоров вели переговоры с представителями Торгово-Промышленного Союза, и оба заявили, что они вели переговоры лично от себя, а не от Национального Комитета. Что же касается участия Торгово-Промышленного Союза в Съезде, то если в заседании Совета, имеющем быть 8 января, выборы будут отложены, то это значит, что весь процесс, который в течение уже двух месяцев разъедает эмиграцию, будет продолжаться.

А.Н. Крупенский отметил, что М.М. Фёдоров, являющийся заместителем председателя Организационного комитета, принимает, как то видно из газетных сообщений, активное участие в работе одной определённой группы, тогда как занимаемое им ответственное положение обязывает его быть объективно-беспристрастным.

Н.Н. Шебеко указал, что начатая работа по созыву Съезда выявила уже столько жизненных сил, которые совершенно достаточны для того, чтобы довести это дело до благополучного конца, какие бы препятствия ни встречались на пути. Решение Торгово-Промышленного Союза войти в Съезд будет иметь главным образом «тактическое» значение, так как невхождение его используется нашими врагами. В этом отношении газета «Русское время» наносит удар за ударом делу созыва Съезда.

Гр. П.В. Гендриков подчеркнул, что работа по созыву Съезда шла успешно и дружно. Но М.М. Фёдоров делал всё, чтобы задерживать эту работу. Мы должны принять все меры к тому, чтобы продолжить работу усиленным темпом.

С.С. Ольденбург заметил, что он присоединяется ко всему сказанному Н.Н. Шебеко, и пояснил, что так как Н.Х. Денисова переубедить нельзя, то его надо изолировать.

Б.Н. Неандер остановился на том, какое впечатление производит на местах всё то, что происходит вокруг Съезда. Он указал, что затяжка созыва Съезда является наиболее расхолаживающим обстоятельством в деле созыва Съезда. То, что произошло в Сербии, происходит и в Праге. Только благодаря тому, что в Праге в Национальный Комитет и в Торгово-Промышленный Союз введены молодые силы (студенчество и офицерство), положение сдерживается. Для успеха дела надо оказать всё влияние к тому, чтобы П.Б. Струве скорее приехал в Париж и принял обратно от М.М. Фёдорова дело руководства работой по созыву Съезда.

Кн. И.С. Васильчиков подчеркнул, что необходимо быть в курсе всего того, что происходит вокруг Съезда. Враждебные силы очень значительны: открытые силы — это большевики; но этим силам удалось очень расшириться. Эти силы ведут активную борьбу и широко пользуются органами своей прессы.

Резюмируя все происшедшие прения, **председатель** указал, что всё выслушанное относительно происходящего внутри Торгово-Промышленного Союза нам следует принять к сведению. Нашей задачей является то, чтобы работа Организационного комитета проходила возможно скорее. Если здесь замедление действует тяжело, то на местах это имеет убийственные результаты. Сказанное в отношении Праги относится и к другим местам. Поэтому дальнейшая проволочка в этом деле недопустима — враждебные Съезду силы стараются выиграть время для разрушительной работы. Надо стремиться, чтобы постановление Торгово-Промышленного Союза об обратном вхождении в Организационный комитет было осуществлено как можно скорее. На этом следует настаивать всеми доступными средствами. Ведь союз намечает только кандидатов в Организационный комитет, которые затем уже самим комитетом должны быть кооптированы в его состав. Что касается нашего отношения к Съезду, то оно ясно: мы должны продолжать нашу работу независимо от того, будут ли в ней принимать участие представители Торгово-Промышленного Союза или нет. В отношении же Торгово-Промышленного Союза следует продолжать занимать объективное положение и потому не приходится начинать переговоров с группой москвичей, так как это значило бы сойти с объективной точки зрения. Наконец, остаётся вопрос о товарище председателя Организационного комитета, слишком долго ведущем это дело. Здесь намечаются три выхода: настаивать, чтобы скорее возвратился П.Б. Струве, или поручить дело другому товарищу — А.Н. Крупенскому, или выбрать третьего товарища председателя, вместо ушедшего С.Н. Третьякова.

Н.Н. Шебеко и **А.Н. Крупенский** заявили, что они вполне присоединяются к сказанному А.Ф. Треповым. При этом А.Н. Крупенский предложил просить председателя послать от имени всех присутствующих в настоящем совещании просьбу П.Б. Струве скорее возвратиться для руководства работой Организационного комитета.

Предложение это единогласно принимается всеми присутствующими, после чего **председатель** объявляет заседание закрытым.

С подлинным верно:
Секретарь совещания Н. Григорьев

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ СОЮЗ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

Вчера состоялось заседание Совета Торгово-Промышленного Союза. Председательствовавший в заседании С.Н. Третьяков доложил, что согласительная комиссия не могла выработать единого текста и вносит на усмотрение Совета два проекта резолюции. Один из них высказывается прямо за возобновление участия в Организационном комитете, другой, указывая на сочувствие к Съезду, предлагает только «принять меры» осуществления представительства Организации Торговли и Промышленности (имелись в виду выборы от отдельных организаций). После прений решено было первой поставить на голосование резолюцию № 2, гласившую:

«1. Совет Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза вновь подтверждает своё горячее сочувствие мысли созыва Съезда, который смог бы выявить настроения и пожелания Зарубежной России.

2. Российский Торгово-Промышленный и Финансовый Союз, являющийся зарубежным представительством всей торгово-промышленной России, объединяет торгово-промышленных деятелей без различия их политических убеждений. Учитывая обнаружившиеся различные точки зрения как среди членов союза, так и входящих в его состав организаций, Совет полагает необходимым просить принять личное участие в работе Организационного комитета лишь те организации и группировки, кои высказываются за желательность такого участия.

3. Совет просит президиум и комитет союза продолжать своё ценное содействие подготовке собираемого ныне Организационным комитетом Зарубежного Съезда, приняв необходимые меры осуществления представительства организаций торговли и промышленности применительно ко 2-му пункту сего постановления».

Несмотря на включение в текст этой резолюции поправки, ещё более подчёркивающей сочувствие Съезду, но не делающей из этого конкретных выводов, резолюция эта отклоняется 15 голосами против 15 при 2 воздержавшихся. Ставится на голосование резолюция № 1, текст которой следующий:

«Выслушав доклад избранной в заседании Совета от 8 января комиссии и признавая Зарубежный Съезд делом чрезвычайной важности в русской жизни, Совет полагает, что торгово-промышленный класс должен быть на этом Съезде достойно представлен.

* «Возрождение», 30 января 1926 г.

Вполне разделяя заключение комиссии о настоятельности, в видах осуществления тех крупных задач, какие встают перед Зарубежным Съездом, всемерного обеспечения спокойной и планомерной работы Съезда и находя, что намеченные в этом направлении комиссией меры способны устранить те несовершенства в порядке работ Съезда, кои побудили в своё время представителей союза прекратить своё участие в работах Организационного комитета, и обеспечить планомерный и организованный характер работ Съезда, и оградить его от безответственных и недисциплинированных выступлений, Совет постановил:

1. Просить Н.Х. Денисова, С.Н. Третьякова, П.А. Тикстона, Я.Д. Прядкина, А.А. Пиленко и Г.Э. Вейнштейна возобновить свою деятельность в Организационном комитете.

2. Представить Организационному комитету о необходимости увеличения числа членов комитета по избранию торгово-промышленных организаций ещё семь человек.

3. Произвести выборы этих указанных в п. 2 лиц Советом союза».

Резолюция эта принимается 17 голосами против 15.

Из представителей Торгово-Промышленного Союза в Организационном комитете только А.О. Гукасов и С.Г. Лианозов не подавали заявления о выходе.

Н.Х. Денисов, С.Н. Третьяков, П.А. Тикстон, Я.Д. Прядкин и Г.Э. Вейнштейн заявляют, что отказываются взять обратно своё заявление о выходе. А.А. Пиленко отсутствовал в данном заседании.

Затем было приступлено к выборам представителей как на месте отказавшихся, так и на месте намеченных в п. 2 принятой резолюции. Избраны пока шесть лиц: П.А. Вахрушев, П.О. Гукасов, Ф.Г. Карпов, Н.Т. Каштанов, В.П. Рябушинский и П.С. Сергеев. Выборы остальных представителей отложены до следующего заседания Совета.

Доверительно

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ кн. И.С. ВАСИЛЬЧИКОВА, ОДОБРЕННАЯ ДОКЛАДНОЙ КОМИССИЕЙ*

Финляндия

Национальная Россия приветствует самостоятельную Финляндию и выражает твёрдую уверенность, что добрососедские отноше-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 40, л. 7–11. Документ не датирован.

ния между ними будут проникнуты духом взаимопонимания и искренней дружбы.

Эстония, Латвия и Литва

Всецело признавая политическую независимость и территориальную неприкосновенность Эстонии, Латвии и Литвы, национальная Россия не сомневается, что в сознании общности многочисленных политических и экономических интересов, связывающих эти государства с Россией, они, для обеспечения таковых, пойдут с ней в свободные соглашения.

Польша

Национальная Россия проникнута искренним желанием установить прочные добрососедские отношения с Польшей, в чём в равной мере заинтересованы оба братские народа, и уверена в возможности достичь необходимого в этих целях соглашения по вопросу об общей их границе и отошедших от России областях с коренным русским населением.

Румыния

Признавая необходимость сохранить многолетнюю дружбу двух соседних народов, отмеченную общими тяжёлыми, но и славными испытаниями, национальная Россия не может, однако, примириться с отторжением от неё в дни её национального несчастья Бессарабии и считает, что участь последней не может быть признана окончательно решённою без её участия.

Грузия

Приветствуя национальную Грузию в её непримиримой борьбе против III Интернационала, борьбе, стоившей уже столько крови доблестных её сынов, национальная Россия признаёт Грузию независимым государством, связанным с нею свободным соглашением, обеспечивающим общие политические и экономические интересы.

Армения

Национальная Россия выражает армянскому народу глубокое сочувствие по поводу тяжёлых испытаний, перенесённых им во время Великой войны и под гнётом III Интернационала. Национальная Россия, признавая Армению независимым государством в пределах, требуемых её нормальным развитием, выражает полную уверен-

ность, что она войдёт с ней в свободное соглашение, обеспечивающее взаимные политические и экономические интересы.

Прочие народы

Национальная Россия обеспечит всем народам, населяющим её территорию, свободное развитие своих национальных, культурных и религиозных особенностей в пределах личной или областной автономии.

ПРАВИЛА О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ НА СЪЕЗД ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ*

(Утверждены Организационной комиссией 26 ноября 1925 г.)

I. ПРАВИЛА ДЛЯ ВЫБОРОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЭМИГРАЦИИ

§ 1. Изложенный в последующих статьях порядок производства выборов применяется во всех странах русского рассеяния, за исключением Югославии, если местный Организационный комитет выразит на то своё согласие.

§ 2. В Югославии, при сплошной организованности всех беженцев, выборы представителей на Съезд производятся по способу прямого, всеобщего, равного и тайного голосования с пропорциональным распределением представителей между списками участвующих в голосовании групп. Порядок таковых выборов, по представлению местного Центрального комитета, образованного на коалиционном начале, утверждается Организационным комитетом, а самые выборы производятся под руководством местного Центрального комитета.

Число представителей на Съезде для Югославии определяется в 45 человек, не включая в это число представителей от казачьих организаций.

§ 3. Право избрать своих представителей на Съезд имеют все русские политические, профессиональные и бытовые организации, образовавшиеся и начавшие свою деятельность до 13 сентября 1925 года.

§ 4. Профессиональные политические организации избирают своих представителей в соответствии со своим численным составом по следующему расчёту:

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 44, л. 24–26.

Организации, имеющие в своём составе от 25 до 50 человек, избирают одного представителя; организации, имеющие в своём составе более 50 человек, но не свыше 500, избирают одного представителя на каждые 50 своих членов; организации, имеющие в своём составе свыше 500 человек, избирают дополнительное число представителей по одному на 100 членов. Организации, имеющие число членов менее 25, могут между собой объединиться и также избрать делегатов по указанной выше норме.

Примечание. Выборные центральные управления, объединяющие организации и союзы, имеют право на избрание одного делегата от каждого управления.

§ 5. Православные приходы, а также духовные общины всех других вероисповеданий имеют право с разрешения своей духовной власти избирать на Съезд, при численности их до 200 человек, по одному представителю; при численности же их, превосходящей указанную цифру, — по два представителя.

§ 6. Казачеству всех стран русского рассеяния предоставляется на Съезде число представителей, равное 10% общего состава Зарубежного Съезда, а самый порядок избрания его представителей производится распоряжением казачьей группы Организационного комитета.

§ 7. Студенческие организации избирают своих представителей на Зарубежный Съезд в порядке, предусмотренном § 4 настоящих Правил.

§ 8. Контроль над производством выборов принадлежит Организационному комитету. Равным образом, Организационный комитет разрешает просьбы отдельных организаций как о предоставлении им представительства на Съезде, так и об увеличении такового; эти просьбы подаются в местный Центральный комитет, который представляет их в Центральный комитет со своим заключением.

§ 9. Правом участия в выборах на Зарубежный Съезд обладают русские граждане обоего пола, достигшие возраста 21 года.

§ 10. Каждый представитель на Зарубежном Съезде может пользоваться правом представительства, на основании полученных им полномочий, не более чем тремя голосами.

II. ПРАВИЛА ДЛЯ ВЫБОРОВ НЕОРГАНИЗОВАННОЙ ЭМИГРАЦИИ

§ 11. Организационный комитет определяет для каждой страны со значительным скоплением русских беженцев количество пред-

ставителей, подлежащих избранию на Съезд от неорганизованной эмиграции. Распределение же числа представителей для отдельных пунктов каждой данной страны производится местным Центральным комитетом.

Примечание. Распределение представителей между отдельными странами при сём прилагается.

§ 12. Для избрания представителей на Съезд от неорганизованной эмиграции местные комитеты должны организовать возможно большее число собраний, по возможности одновременно для всех пунктов скопления беженцев данной страны. Означенные собрания избирают выборщиков по одному на каждые 200 человек участников собрания.

Примечание. Если на собрании окажется меньшее число участников, но не менее, однако, 100, то избирается один выборщик.

§ 13. Собрания для избрания выборщиков должны быть организованы в каждой стране в течение одного месяца со дня получения местным Центральным комитетом циркулярного распоряжения Организационного комитета о производстве выборов от неорганизованной эмиграции.

§ 14. Во всех пунктах, где состоялось избрание выборщиков, по указанию местного Центрального комитета созываются собрания выборщиков, на которых и происходит избрание представителей на Съезд в количестве, определённом для каждого данного пункта.

Примечание. Если в одном из пунктов окажется лишь один выборщик, то он и считается делегатом. Если же таковых окажется два, то вопрос разрешается по соглашению или жребием.

§ 15. Для выборов неорганизованной эмиграции имеют силу правила, изложенные в § 8 и 9.

III. ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПРИГЛАШЕНИЯ

Организационный комитет по созыву Зарубежного Съезда в исключительных случаях большинством 3/4 голосов участвующих в его заседаниях может избрать на Съезд отдельных лиц, участие коих будет признано ценным и желательным.

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О «КОНТОРЕ ПО ДЕЛАМ РОССИИ» И ЕЁ ФИЛИАЛАХ*

I. ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩИЕ

§ 1. «Контора по делам России» (не «зарубежной России», но именно России во всём её целом) под Высочайшим руководством Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича учреждается в Париже с целью:

1. Отстаивать и защищать неприкосновенность, достоинство и честь Российского государства от всяческих посягательств на него III Интернационала, незаконно захватившего верховную власть в России и не признанного русским народом.

2. Защищать права и облегчать правовое положение русских, находящихся в изгнании за границей.

3. Помогать воспитанию и обучению русских детей, находящихся за границей, в русском православном духе. Устраивать и обеспечивать существование русских инвалидов, немощных и убогих, находящихся за границей.

4. Добывать для этого средства, составляющие казну Великого князя Николая Николаевича, и по указанию Его Императорского Высочества составлять бюджет конторы, согласно с которым и производить расходы.

§ 2. Контора состоит из четырёх кабинетов:

— юридического,

— консульского,

— благотворительного и

— финансового (фискального).

§ 3. Каждый кабинет состоит из начальника кабинета и одного секретаря. Начальники кабинетов назначаются Его Императорским Высочеством, секретари избираются начальниками кабинетов и утверждаются Его Императорским Высочеством.

§ 4. Кроме того, при конторе имеются: один дежурный секретарь и два сторожа рассыльных.

§ 5. Контора постепенно устраивает свои филиальные отделения в иных странах в следующем порядке устройства:

— в Германии, Англии, Америке и Швейцарии, при Лиге Наций в первую очередь;

— в Югославии, Болгарии и Чехословакии — во вторую очередь;

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 50, л. 14–19. Проект изложен в письме П.Н. Краснова к Н.Л. Оболенскому 25 апреля 1926 г. (Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 50, л. 13).

— в Японии, в Мукдене и Шанхае — в третью очередь;

— в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше и Румынии — в четвёртую очередь;

— в тех странах, где это будет вызвано необходимостью.

§ 6. Все учреждения, союзы, учебные и благотворительные учреждения, воинские части и другие организации, признавшие Его Императорское Высочество Верховным Вождём, в каждой стране подчиняются и управляют своими действиями через соответствующую контору. Все конторы, находящиеся вне Франции, подчиняются конторе, находящейся в Париже.

§ 7. Начальники филиальных отделений, начальники их кабинетов и их секретари назначаются на тех же основаниях, как начальники и секретари парижской конторы.

II. ОБЯЗАННОСТИ КАБИНЕТОВ (ФУНКЦИИ)

§ 9*. *Юридический кабинет*:

а) следит за всеми действиями и договорами, как заключёнными раньше, так заключаемыми теперь, так и имеющими быть заключёнными между правительством СССР и иностранными правительствами; составляет по каждому таковому договору юридически обоснованный *протест-предупреждение,* который отправляет *«для сведения»* главе соответствующего государства и в копии сообщает во все прочие государства;

б) экспозе** из *протеста-предупреждения* передаёт в виде статей, заметок и писем в редакции иностранных газет;

в) собирает сведения о насилиях, расстрелах, пытках, кровавых беспорядках в СССР и сообщает о том правительствам иных стран, составляя соответствующие статьи в иностранной прессе;

г) протестует о всякой незаконной продаже как правительством СССР, так и советскими служащими как казённого русского имущества, так и имущества частных лиц, ограбленных большевиками, и

д) даёт юридические справки и советы иностранным государствам и крупным учреждениям, желающим иметь дело с СССР;

е) состоит в связи с «Лигой Обера».

§ 10. *Консульский кабинет:*

а) добивается места для подлинной России в *Совете Лиги Наций;*

---

* Так к документе.

** Доклад, сообщение (*франц.*).

б) в каждой стране входит в сношение с правительством страны и устанавливает *однообразный, дешёвый* и *долгосрочный паспорт* для русских изгнанников, выдаваемый конторой и её отделениями и признаваемый во всех странах;

в) облегчает передвижение изгнанников из одной страны в другую (постановку виз);

г) оказывает в широких размерах юридическую помощь изгнанникам во всех странах, устанавливая законом соответствующей страны их права и налоговые обязательства.

§ 11. *Благотворительный кабинет:*

а) берёт под своё попечение и контроль все русские учебные заведения соответствующей страны;

б) устраивает возможность русским детям, воспитывающимся и обучающимся в иноземных низших, средних и высших заведениях, изучать Закон Божий, русский язык и литературу, историю и географию России, Русское право и исполнять обряды Русской Православной Церкви, бывать у исповеди и приобщаться к Св. Тайне;

в) берёт под свой контроль и попечение союзы инвалидов и учреждения Красного Креста;

г) оказывает помощь в несчастных случаях, устраивает престарелых и убогих.

§ 12. *Финансовый кабинет:*

а) устраивает во всех странах процентное обложение, равное $^1/_2$ налога, платимого стране, где живёт изгнанник, или 1% заработной платы, облегчая всеми мерами удобство взноса этого налога;

б) ведёт отчётность всем поступлениям;

в) по указанию Его Императорского Высочества составляет годовой бюджет и производит все платежи.

III. ПОРЯДОК УСТРОЙСТВА КОНТОРЫ

§ 13. Первоначально организуется только контора в Париже. По мере поступления доходов и развития работы устраиваются в указанном в § 5 порядке: *сперва финансовые кабинеты,* потом *кабинеты юридические,* затем *консульские* и после всего *благотворительные* кабинеты в других странах.

§ 14. Все служащие в кабинетах и конторах получают жалованье и *не имеют права заниматься побочными занятиями и работами.* Они обязаны в присутственные часы (от 8–12 и от 2–6 вечера) находиться на службе. В праздничные дни и вне приёмных ча-

сов в помещении конторы должны находиться дежурный секретарь и курьер, обязанные указывать приходящим вне приёмного времени часы приёма, исполнять срочные работы, принимать и регистрировать письма и телеграммы.

§ 15. Начальники юридического и консульского кабинетов и их секретари обязаны свободно владеть французским и английским языками и языком той страны, где находится кабинет, или иметь надёжных переводчиков.

§ 16. Дежурный секретарь должен знать язык той страны, где находится контора или её отделение, и французский язык.

IV. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО КОНТОРЫ

§ 17. Делопроизводство, идущее вне — в иностранные учреждения, исполняется на русском, французском и языке соответствующей страны, на соответствующем бланке и скрепляется подписями тех лиц, которые будут составлять бумагу, и подписью начальника юридического кабинета. В случаях особо важных бумага идёт за подписью Его Императорского Высочества.

§ 18. Каждая контора имеет свою печать, предъявленную в правительство той страны, где контора учреждена.

V. ПРИМЕРНАЯ СМЕТА РАСХОДОВ

§ 19. *Контора в Париже* (в месяц):

— помещение — 5000 фр.,

— 4 начальника кабинетов по 5000 фр. в месяц — 20 000 фр.,

— 5 секретарей по 1200 фр. — 6000 фр.,

— 2 курьера по 800 фр. — 1600 фр.,

— мебель и канцелярия — 6400 фр. единовременно.

Всего в месяц главная Парижская контора потребует 39 000 фр.

Конторы в Германии, Англии, Америке, Швейцарии, Японии, Мукдене, Шанхае и Финляндии содержатся по тому же штату. Остальные конторы имеют штат уменьшенный, а именно:

— квартира — 3000 фр.,

— содержание 4 начальников кабинетов по 2500 фр. — 10 000 фр.,

— 5 секретарей по 800 фр. — 4000 фр.,

— 2 курьера по 400 фр. — 800 фр.,

— мебель и канцелярия — 2200 фр. единовременно, а всего первый месяц — 17 000 фр. и последующие — 14 800 франков.

РАБОТА СЪЕЗДА

(4 апреля — 11 апреля)

ОТКРЫТИЕ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

Сегодня открывается Российский Зарубежный Съезд...

Преодолены одни трудности, и начинаются другие, быть может ещё большие.

Подвергается испытанию то объединение зарубежных сил, из недр которого произошёл Съезд. Окажутся ли они на высоте предлежащей им задачи? Найдут ли они согласно-мудрые и мудро согласованные решения и пути? Или же возобладает дух розни и властолюбия, дух непримиримого отстаивания своих и безудержного отвержения чужих решений?

Да не будет этого. Сейчас нужно и плодотворно только согласие и единение пред лицом ослабевающего, но всё ещё сильного, и отчасти сильного нашей духовной слабостью, врага. Мы стали сейчас на какой-то грани именно в этом отношении. Зарубежный Съезд важен именно и прежде всего как некий исторический экзамен самой Зарубежной России. Способна ли она к патриотическому, действенному и дисциплинированному объединению внутри себя для великой цели воссоединения с Россией Внутренней?

Это воссоединение будет означать Воскресение национальной России.

Мы не склонны презрительно умалять Зарубежную Россию. Она — сила и должна быть силой. Но пусть же Зарубежная Россия в целом и отдельные её части не забывают горделиво о пределах своих сил и в то же время сосредоточенно думают о своей ответственности перед Россией Внутренней, или Подъяремной.

Туда тянутся наши души, там — мы это знаем и видим — растут живые силы, близкие нам. Им прежде всего Зарубежный Съезд должен послать свой братский привет.

И да будет этот братский привет благовестием.

---

* «Возрождение», 4 апреля 1926 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

В чём самая большая трудность Зарубежного Съезда?

В том, что Съезд — эмигрантский, то есть одновременно политический и — безвластный. Делать огромной важности политику и быть без власти и вне власти — в этом основной драматизм Съезда.

Представьте себе, что собирается политическое собрание в своей собственной стране. Его решение либо само по себе есть акт власти (решение парламента), либо предназначено влиять на власть (на правительство, на парламент). Сопоставьте это с возможностями Зарубежного Съезда!

И в чём тут опасность?

«Властность» есть первая гарантия умеренности и основное психологическое условие «самообуздания». Ибо властность означает ответственность — прямую и непосредственную.

За словом идёт решение, а потому слова *взвешивают*. За решением идёт действие, и потому решение *вынашивается*. За действием стоит принуждение, и потому ответственность за действие падает всей тяжестью на автора, поведшего к действию решения. Почему самоуправление, конституционализм считаются величайшей политической школой? Потому что люди приучаются говорить, чтобы тут же решать и, решая, принимать ответственность за осуществление этих решений — причём не в каком-то плане будущего, а тут же, сейчас же.

Членам Зарубежного Съезда придётся решать, не имея над собой той сдержки, которую власть имущим даёт кипящая вокруг них нормальная политическая жизнь.

Их решения не обратятся в принудительные действия, ибо Зарубежная Россия не есть властная государственная организация. Съезд не может ничего никому приказать и не может задаться целью влиять на русскую «власть», которая может что-либо приказать и принудить к повиновению. Такой принудительной власти сейчас нет. Съезд действует в условиях внегосударственного существования, когда место практического осведомления занимает *историческая интуиция,* когда место статей закона занимают патриотические зовы и провозглашения, когда место властного приказа и принудительного исполнения занимает *добровольное служение* идеям и их олицетворяющим лицам.

* «Возрождение», 5 апреля 1926 г.

Великий искус предстоит членам Съезда! Не соблазниться видимостью «парламента» и помнить, что ни у них, ни у кого другого нет при нудительной власти и что их единственная и задача и возможность — провозглашение идей и призыв сплотиться вокруг воплощающих их людей и лиц.

Идеи? Одна идея: непримиримая борьба с большевиками в единении с внутренними русскими силами во имя восстановления национальной России — и *только во имя этого,* без корыстных вожделений, без яда мести.

Лица? Одно лицо, символизирующее эту борьбу с большевиками, одно имя, объединяющее нас за рубежом и влекущее к нам здоровые внутренние силы, — имя Великого князя Николая Николаевича.

И никаких лишних слов и никаких ненужных споров. Их не поймёт и не простит ни Зарубежная, ни Внутренняя Россия.

Мы, Зарубежная Россия, не ищем ничего для себя. Наша единственная задача — свергнуть власть III Интернационала. Вот что должен сказать, следуя своему Вождю, Съезд. И ничего больше.

Нужно помнить, что большевики ждут от Съезда двух вещей: демонстрации розни и обнажения сословных и классовых интересов. Большевики только и мечтают о том, чтобы можно было использовать постановления Съезда как «реставрационные» вожделения. Съезд должен дать картину единения вокруг Вождя и отогнать призрак «реставраторства».

Это великая, *историческая* задача Зарубежного Съезда.

ОБЩИЙ СПИСОК ДЕЛЕГАТОВ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

Франция

Акулин Иван Григорьевич**
Алексеев Григорий Александрович
Алексинский Иван Павлович**
Алпатов Захар Семёнович
Анцыферов Алексей Николаевич
Гр. Апраксин Пётр Николаевич
Апрелев Павел Павлович
Аршаулов Владимир Павлович
Баручан Павел Яковлевич
Фон-Бах Генрих Генрихович
Белоусов Дмитрий Александрович
Белый Иван Викторович
Гр. Беннигсен Эммануил Павлович
Берлин Анатолий Моисеевич

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

** Двумя звёздочками обозначены фамилии делегатов, имеющих по два голоса.

Берлингер Николай Иванович
Билинский Леонид Владимирович
Гр. Бобринский Андрей Александрович
Борзенский П.С.
Бояринов Александр Иванович
Буров Пётр Никитич
Быкадоров Василий Косьмич
Васильчиков (кн.) Илларион Сергеевич**
Вахрушев Николай Петрович
Вахрушев Пётр Александрович
Витте Александр Константинович
Власьев Николай Иванович
Водов Сергей Акимович
Волков Владимир Модестович
Гр. Гендриков Пётр Васильевич
Глинка Григорий Вячеславович
Кн. Голицын Павел Петрович
Горемыкин Михаил Иванович
Кн. Горчаков Михаил Константинович
Гр. Граббе Дмитрий Михайлович
Гр. Граббе Михаил Николаевич
Греков Иван Митрофанович
Гукасов Абрам Осипович
Гукасов Павел Осипович
Гулевич Арсений Анатольевич
Гурко Владимир Иосифович**
Давыдов Виктор Фёдорович
Демешко Семён Лукич
Демидов Александр Васильевич
Денисов Николай Хрисанфович
Дмитров Иван Петрович**
Дубенцев Борис Фёдорович
Ермаков Мстислав Петрович
Ефремов Степан Фёдорович
Засецкий Сергей Дмитриевич
Зернин
Иваненко Павел Иванович
Изнар Николай Николаевич
Ильин Василий Кондратьевич
Ильин Иван Дмитриевич
Калитин Пётр Петрович
Карабанов Александр Николаевич**
Карасёв Сергей Петрович
Каргинов Савелий Григорьевич
Карпов Фёдор Геннадиевич
Катенев Борис Германович
Кауфман-Туркестанский Алексей М.
Каштанов Николай Тимофеевич
Келлер Александр Павлович
Келлер Владимир Васильевич
Кепинов Леон Иванович
Киндяков Михаил Львович**
Киселевский Евгений Михайлович
Климов Владимир Иванович
Ковалевский Евграф Петрович
Ковалевский Пётр Евграфович
Костомаров Сергей Сергеевич**
Косянин Александр Семёнович
Кравцов Вадим Андреевич
Кришевский Николай Николаевич
Кроткевич Вячеслав Александрович
Крупенский Александр Николаевич**
Крюков
Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич
Кульман Николай Карлович
Курочка Иван Никифорович

Лавров Леонид Александрович
Ланг Пётр Александрович**
Герц. Лейхтенбергский Георгий Николаевич**
Лианозов Степан Георгиевич
Ломейер Арнольд Эдуардович
Львов Лоллий Иванович
Любимов Дмитрий Николаевич
Ляшковский Иван Иванович
Мащенко Степан Мефодиевич
Мейнгард Георгий Александрович
Мельник Константин Семёнович
Мержинский Тимофей Константинович
Микулин Борис Владимирович**
Моллер Алексей Николаевич**
Неандер Борис Николаевич
Неводовский Николай Дмитриевич
Недригайлов Борис Владимирович**
Никитин Борис Владимирович
Нобель Густав Людвигович
Носович Владимир Павлович**
Ольденбург Сергей Сергеевич
Орехов Василий Васильевич
Орлов Пётр Петрович
Осипов Александр Константинович
Остафьев Александр Алексеевич
Павлов Александр Николаевич
Панкратов Пётр Павлович
Половцев Александр Александрович
Порохонщиков Юрий Сергеевич*
Прокопов Николай Георгиевич
Прокопович Алексей Иосифович
Пучковский Василий Александрович
Ратьков-Рожнов Ананий Владимирович
Ренников Андрей Митрофанович
Римский-Корсаков Александр Сергеевич**
Рождественский Александр Николаевич
Ромашков Фёдор Григорьевич
Рыжов Павел Павлович
Рябушинский Владимир Павлович
Савич Сергей Евгеньевич
Савич Яков Иванович
Сварчевский Вадим Николаевич
Семёнов Юрий Фёдорович
Семичев Пётр Владимирович
Сергеев Павел Сергеевич
Сименов
Соколов Борис Николаевич
Соколов Игорь Борисович**
Спиридович Александр Иванович
Спув Александр Васильевич
Струве Пётр Бернгардович**
Суворин Борис Алексеевич
Суворов Михаил Николаевич**
Сычёв Константин Иванович
Таганцев Николай Николаевич
Тарарин Николай Иванович
Тилло Павел Эдуардович**
Тихменев Николай Михайлович
Трахтерев Осип Сергеевич
Трепов Александр Фёдорович**
Третьяков Сергей Николаевич
Кн. Туманов Константин Александрович
Кн. Урусов Лев Владимирович

* Правильно — Пороховщиков.

Фёдоров Михаил Михайлович
Финисов Пётр Николаевич**
Фролов Николай Дмитриевич
Хабаев Яков Васильевич
Хоменко Василий Иванович
Хорошхин Борис Иванович
Хрипунов Алексей Степанович**
Хунцария Андрей Георгиевич
Цветков Сергей Николаевич
Чемберс Александр Яковлевич
Цех Дмитрий Иванович
Чудинов Андрей Степанович**
Шебеко Николай Николаевич**
Шоник Сергей Иванович
Шульман Сергей Николаевич
Элиашевич Василий Борисович
Юкшинский Владислав Иосифович
Якобий Иван Павлович**

Сербия

Абациев Дмитрий Константинович
Высокопреосвященнейший Антоний митрополит Киевский и Галицийский**
Балабанов Фёдор Фёдорович
Билимович Александр Дмитриевич
Болотов Владимир Васильевич
Веденяпин Александр Николаевич
Войновский-Кригер Эдуард Бр.**
Воронецкий Владимир Александрович
Вязмитинов Василий Ефимович**
Габаев Прангистан Андреевич
Гапузов Иван Константинович
Горелов Фёдор Иванович
Грин Владимир Игнатьевич
Демченко Григорий Васильевич
Кн. Дондуков-Изъединов Лев Иванович
Дурново Дмитрий Николаевич
Езерский Николай Фёдорович
Еропкин Аполлон Васильевич
Жученков Михаил Васильевич
Иванов Матвей Матвеевич
Иванов Николай Николаевич**
Клепинин Николай Андреевич
Колиев Александр Николаевич
Кононов Владимир Владимирович
Краснов Пётр Николаевич**
Кутырин Владимир Владимирович
Ледовский Георгий Яковлевич
Лодыженская Мария Дмитриевна
Лотин Николай Васильевич
Львов Николай Николаевич**
Макаренко Александр Сергеевич
Махароблидзе Екзакустодиан Иванович
Миткевич Григорий Григорьевич
Незым Семён Семёнович
Бар. Нолькен Александр Людвигович
Кн. Оболенский Николай Леонидович
Палеолог Сергей Николаевич
Персиянов Дмитрий Андреевич
Промтов Дмитрий Николаевич
Римский-Корсаков Владимир Валер.
Родионов Иван Александрович
Рузский Дмитрий Павлович

Сапронов Константин Иванович
Кн. Святополк-Мирская Мария Алек.
Семёнов Иосиф Владимирович
Симёнов Михаил Александрович
Скаржинский Пётр Васильевич**
Субботин Владимир Фёдорович
Тимофеевич Борис Владимирович
Траилин Анатолий Александрович
Трегубов Сергей Николаевич
Гр. Уваров Игорь Алексеевич
Иеромонах Феодосий
Филимонов Александр Петрович
Хихин Борис Васильевич
Чебышев Николай Николаевич**
Чухнов Николай Николаевич
Шмидт Вадим Петрович

Чехословакия

Альмендингер Владимир Вильгельмович
Быстрицкий Анатолий Дмитриевич
Варавка Сергей Сергеевич
Винничук Алексей Григорьевич
Владиславлев Иосиф Андреевич
Власьев Валентин Иванович
Гримм Давид Давидович
Демидов Андрей Васильевич
Долгопятов Григорий Иванович
Кн. Долгоруков Пётр Дмитриевич
Дондик Кузьма Гордеевич
Донченко Василий Фёдорович
Емельянов Иван Васильевич
Ершов Семён Иванович
Забабурин Михаил Романович
Ильин Василий Сергеевич
Ковалевский Александр Владиславович
Котомкин Александр Ефимович
Кошкин Степан Степанович
Кривошеев Анатолий Михайлович
Лаппо Иван Иванович
Малюшицкий Кирилл Николаевич
Мартиненко Александр Данилович
Мелихов Алексей Сергеевич
Могеровский Лев Флорионович
Никифоров Андрей Поликарпович
Рябов Владимир Семёнович
Савицкий Николай Петрович
Савченко Илья Григорьевич
Саламов Пётр Александрович
Скалон Василий Петрович
Темников Леонтий Викторович
Томяшевский Александр Павлович
Трофимов Павел Михайлович
Фенин Александр Иванович**
Францев Владимир Андреевич
Цуриков Николай Александрович
Чеботарёв Владимир Петрович**
Шпаковский Павел Антонович
Шпанов Сергей Викторович

Болгария

Бердников Алексей Ильич
Браунер Александр Александрович
Бредов Николай Эмильевич

Гусельников Адриан Константинов.
Демьянович Борис Николаевич
Ермолов Александр Николаевич
Зозулевский Алексей Ильич
Кн. Касаткин-Ростовский Фёдор Н.**
Керманов Николай Петрович
Колодин Владимир Владимирович**
Лазарев Илья Иванович
Левитов Михаил Николаевич
Мятлев Николай Владимирович
Офросимов Яков Никандрович**
Пильц Александр Иванович**
Плетнёв Алексей Николаевич
Поляков Степан Николаевич
Резниченко Сергей Васильевич
Сахаров Владимир Вячеславович
Свободин Владимир Павлович
Ситников Григорий Алексеевич
Соколовский Эдуард Михайлович
Тхостов Ахмет
Чайков Александр Лукич
Священ. Чубов Давид Антониев.
Шаповаленко Митрофан Павлович**
Шевяков Николай Фёдорович
Эйлер Александр Александрович

Германия

Арсеньев Евгений Константинович**
Арсеньев Николай Сергеевич
Баженов Константин Павлович
Белянинов Николай Николаевич
Бибиков Юрий Евгеньевич
Бобошко Феодосий Александрович
Бар. Будберг Роман Юльевич
Волков Исаак Фёдорович
Глобачёв Николай Иванович
Голиков Сергей Иванович
Ильин Иван Александрович**
Катенин Александр Андреевич**
Кречетов-Соколов Сергей Алек.
Бар. Крюденер-Струве Александр А.
Макаренко Леонид Фёдорович
Марков Николай Евгеньевич**
Масленников Александр Михайлович**
Бар. Медем Михаил Михайлович
Кн. Оболенский Дмитрий Дмитриевич
Кн. Палей Ольга Валериановна
Резчиков Георгий Евгеньевич
Романовский Павел Васильевич**
Стрельников Александр Николаевич
Тальберг Николай Константинович
Тиволович Николай Дмитриевич
Бар. Фелькерзам Амилькар
Шемякин Александр Александрович
Кн. Щербатов Николай Борисович
Яновский Всеволод Григорьевич

Бельгия

Андро де Ланжерон Николай Дмитриевич
Гладков Алексей Викторович**

Знаменский Владимир Всеволодович
Ипатьев Николай Владимирович
Ковалевский Павел Иванович
Кокошкин Владимир Фёдорович
Гр. Комаровский Сергей Леонидович
Кудрицкий Дмитрий Леонтьевич
Лялин Константин Николаевич
Могучий Епимах Васильевич
Николайченко Павел Николаевич
Позерн Андрей Михайлович
Рогович Алексей Петрович**
Сахновский Иван Ильич
Сахновский Николай Иванович
Суворин Никита Алексеевич
Энден Михаил Николаевич

Швейцария

Бако Григорий Александрович
Городецкий Сергей Николаевич**
Дегай Александр Николаевич
Лодыженский Юрий Ильич
Сергеев Борис Иванович

Швеция

Приклонский Михаил Гр. (персон.) **

Эстония

Баиов Алексей Константинович**
Гадд Александр Оттонович
Крамарев Николай Иванович
Перион Михаил Георгиевич
Траилин Анатолий Александрович

Яхонтов Павел Николаевич

Румыния

Дестрем Георгий Маврикиевич
Епископ Иннокентий Усов
Куколь-Яснопольский Владимир Николаевич
Леонтович Евгений Александрович
Овчинников Пётр Абрамович

Польша

Буланов Николай Георгиевич**
Войцеховский Юрий Львович
Гладких Семён Ефимович
Жгун Тимофей Иванович
Зубков Василий Михайлович
Корольков Владимир Петрович
Лонгинов Георгий Аркадьевич
Мыслин Михаил Дмитриевич
Кн. Оболенский Николай Сергеевич**

Литва

Вишневский Александр Андреевич

Латвия

Григорьев Дмитрий Дмитриевич
Зуров Леонид Фёдорович
Родзевич Константин Болеславович

Италия

Балакин Андрей Андреевич

Бар. Гревениц Георгий Александрович
Мурзич Николай Иванович**
Мясоедов Александр Николаевич
Чёрный Константин Константинович

Испания

Бредюков Николай Александрович
Григорьев Николай Николаевич

Египет

Кутейников Николай Васильевич**
Нейдгард Дмитрий Борисович

Дальний Восток

Андгуладзе Георгий Бежанович
Анден Николай Михайлович**
Гр. Гендриков Александр Васильевич
Домрачеев Михаил Яковлевич**
Фон Кистер Владимир Констан.
Куприянов Козьма Дмитриевич
Максимов Александр Сергеевич
Секретев Пётр Иванович

Греция

Безсребренников Борис Иванович**
Дейтрих Владимир Владимирович

Турция

Левицкий Александр Александрович
Стремоухов Пётр Петрович
Чебышев Алексей Алексеевич

Сибирь

Дерюгин Анатолий Михайлович**

Филиппинские острова

Старк Юрий Карлович

Дания

Брандт Евгений Карлович
Потоцкий Сергей Николаевич

Данциг

Закутин Григорий Николаевич**

Англия

Кн. Белосельский-Белозерский Сергей К.
Гальтер Виктор Петрович
Геруа Борис Владимирович
Дубасова Ирина Фёдоровна
Кн. Мещерская Мария Валериановна
Феодосьев Сергей Григорьевич

Америка

Александров Александр С. (Парагвай)

Бострем Иван Фёдорович**
Нечволодов Михаил Дмитриевич**
Шуберт Константин К. (Уругвай)

Австрия

Хутарев И.Л.

Финляндия

Гр. Буксгевден Владимир Анатольевич

Григорьев Артемий Фёдорович**
Зверев Иван Иванович
Лыжин Пётр Павлович
Максимов Сергей Михайлович
Нехорошев Николай Иванович
Николаев Фёдор Михайлович
Фену Александр Николаевич
Шильдкнехт Евгений Николаевич

Первый день

Воскресенье, 4 апреля

У ОТЕЛЯ «МАЖЕСТИК»*

Открытие заседаний Зарубежного Съезда назначено на 2 часа дня у отеля «Мажестик». Сдержанно гудит человеческий улей. Среди публики много съехавшихся со всех уголков земного шара русских людей, выбранных делегатами от различных организаций — политических, общественных и профессиональных. Много и лиц, не имеющих прямого отношения к Съезду и не попавших в число приглашённых. Слышны голоса:

— Неужели же нас не пропустят?

— Почему? Мы тоже хотим попасть, мы тоже... эмигранты...

Среди толпы шмыгают какие-то типы, с чрезвычайно независимым видом прислушиваются к разговорам и пытаются проникнуть во внутренность отеля. Уже к половине второго у «Мажестик» собирается свыше трёхсот человек.

В ВЕСТИБЮЛЕ**

Вестибюль полон чёрных пиджаков, визиток, синих блуз и защитных френчей. Изредка мелькают генеральские погоны и даже неожиданный Станислав на шее у какого-то почётного делегата. Среди делегатов оживлённо обсуждается вопрос о болезни лидера крайне правых А.Н. Крупенского. Острый припадок приковал его к постели. Приезжает Н.Е. Марков и сообщает, что на открытии Съезда г-н Крупенский не будет, но что завтра он явится во всяком случае. Большое внимание вызывает сообщение о несчастном случае с Великой княгиней Анастасией Николаевной. Великая княгиня выпала в воскресенье на автомобиле в сопровождении бар. Сталь. По дороге на автомобиль налетел камион. В результате столкновения Великая княгиня получила ушибы лица. У бар. Сталь оказалась сломанной нога. Известие о том, что здоровье Великой княгини опасений не внушает, вызывает глубокое удовлетворение.

---

* «Русское время», 6 апреля 1926 г.

** Там же.

Толпа расступается, и в зал проходят митрополит Евлогий, митрополит Антоний и старообрядческий епископ Иннокентий, приехавший от русских старообрядцев в Румынии.

В течение четверти часа делегаты ищут свои места. Толпа всё прибывает. Налицо уже 375 делегатов. Второй зал переполнен приглашёнными. У стола прессы вполне понятное волнение. Сразу же обнаруживается, что стол журналистов слишком мал для всех представителей различных газет. Среди них: «Русское время», «Возрождение», «Последние новости», «Сегодня», «Вабама», «Таймс», «Авенир», «Журналь», «Матэн», «Пети-журналь», «Азд-Миллер», «Котидьен», «Новый век», «Виктуар» и т.п.

Представители печати выбирают из своей среды бюро для связи с Президиумом Зарубежного Съезда. В бюро избираются Ю.И. Поплавский («Русское время»), Н.П. Вакар («Последние новости»), С.С. Ольденбург («Возрождение»), из иностранной печати — Л.М. Неманов («Таймс»).

В 2 часа митрополит Евлогий начинает молебен, и все делегаты стекаются в вестибюль, откуда в зал доносятся торжественные звуки хора. В два с половиной молебен кончен, митрополит Евлогий покидает заседание Съезда. Митрополит Антоний и епископ Иннокентий остаются и занимают места в первом ряду. На эстраде под французскими и русскими национальными флагами совещаются проф. П. Струве, проф. И. Алексинский, В. Новиков, Ю. Семёнов и С. Третьяков.

В 3 часа без 5 минут С. Третьяков звонит, и президиум Организационного комитета во главе с проф. П. Струве, С. Третьяковым и генеральным секретарём В. Новиковым занимает места на эстраде.

В 3 часа дня проф. Струве заявляет:

— Зарубежный Российский Съезд объявляю открытым.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ*

При общей тишине П.Б. Струве провозглашает:

— Российский Зарубежный Съезд объявляю открытым. С чувством живейшей радости величайшей ответственности, как индивидуально на нас, так и на всей Зарубежной России лежащей, я открываю Съезд. Позвольте мне от имени Организационного комитета и его Исполнительного бюро сказать вам несколько слов.

---

* «Возрождение», 5 апреля 1926 г.

— Россия Зарубежная есть не отрезанный ломоть, а плоть от плоти и кость от кости России Внутренней.

Всеми нашими помыслами и чувствами мы обращены туда, к России Внутренней, она же Подъяремная. С нею мы жаждем воссоединиться, слившись в едином национальном подвиге, служении и труде.

Россия Зарубежная верит в живые творческие силы России Внутренней, неуклонно работающие над освобождением нашей Родины от ига III Интернационала. (*Аплодисменты.*) Она шлёт им горячий братский привет и надежду на недалёкое уже воссоединение. (*Аплодисменты.*)

У России Зарубежной главное призвание — бороться за воссоединение и возрождение национальной России. (*Аплодисменты.*) Бороться всячески и во всех направлениях. И в жертвенном порыве, в котором люди разом отдают всё, до жизни включительно. И в упорном ежедневном отстаивании своего национального бытия, своих общественных и культурных идеалов.

Мы, зарубежники, в этой постоянно присутствующей у нас мысли об объединении великой, воссоединённой и возрождённой свободной Родины душевно соприкасаемся с теми пространственно разделёнными от нас братьями, кто там, под гнётом коммунистической власти, остались русскими людьми. (*Аплодисменты.*)

Перед моим умственным взором восстают два образа.

Один наш, здешний образ — это образ истомлённого необычным для него прежде тяжёлым физическим трудом офицера. Разве в этом образе офицера, ставшего здесь, на чужбине, рабочим, стоящим у станка или сидящим на козлах автомобиля, — разве нет в нём подлинного героизма? Наоборот, тут налицо высочайший героизм. (*Аплодисменты.*) Но героизм воинского подвига тут сменился героизмом терпения и мук, приемлемых ради святого лика той же поруганной Родины-матери, — того лика, от которого герой, боец и труженик в одном лице ни за что не желает отречься.

Другой образ — русского патриота, там, во Внутренней России, в ужасных условиях коммунистического гнёта отстаивающего лик Святой Руси в повседневной муке изматывающей борьбы, облечённой в ежечасно терзающую и гнетущую покорность.

И тот и другой образ принадлежит главным образом к той среде и организации, мысль о которой должна быть неразлучна со всеми

патриотическими движениями нашей души. (*Аплодисменты.*) Я говорю о Русской армии. (*Бурные аплодисменты.*) Господа, при мысли о Русской армии мы испытываем чувства гордости и восхищения. И офицер-труженик здесь, и офицер-мученик там одинаково дороги нашему сердцу. Им дано будет воссоединиться и воссоединить нас. (*Аплодисменты.*)

Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что не нужно партийных программ и подробно выработанных рецептов политической кухни. Здесь, за рубежом, мы можем и обязаны только указать общие начала, на которых мы духовно и действенно объединяемся, убеждённые, что только на этих началах может совершиться воссоздание национального государства и возрождение национальной культуры.

Возрождённая Россия должна вернуться к тем общим основам общественного и государственного бытия, на которых покоилась и покоится жизнь всех культурных народов, и в их числе народа русского до его порабощения III Интернационалом.

Эти основы суть: *собственность, свобода лица* и *незыблемое господство закона*. Россия не может не быть государством правовым, каковым она была до того момента, когда её национальное бытие было принесено в жертву задачам мировой социальной революции и великая страна стала орудием в руках коммунистического Интернационала.

Россия Зарубежная бескорыстно и жертвенно жаждет воссоединения с Россией Внутренней. *Она отметает от себя всякие помыслы об имущественных выгодах, о сведении личных счётов, всякие мстительные чувства.* В своих страданиях и скорбях, в своих надеждах и чаяниях она сознательно подымается над всем этим.

Обретение Родины, не получение выгод, не возврат имуществ — цель наших стремлений. Служение Родине и целому, а не погоня за личными и групповыми выгодами вдохновляет и объединяет нас. (*Аплодисменты.*)

Наши враги боятся чистого, бескорыстного лика патриотической России. Наши враги только и мечтают, чтобы живое и твёрдое сознание и национального долга, и тех реальных условий, в которые после не виданного в истории переворота вдвинута Россия, — чтобы это сознание было затемнено и извращено какими-либо групповыми или имущественными интересами. Не дадим им к тому ни малейшего повода, не дадим даже предлога словесного. (*Бурные аплодисменты.*)

Мы хорошо знаем, что для достижения наших целей необходима трудная, исполненная жертв борьба, но к этой борьбе и в ней мы послушны не голосу своекорыстия и не жажде мести, а выстраданной нами, ставшей безграничной любви к Родине-матери, к её драгоценному для нас лику Святой Руси, к её живому для нас образу Великой России.

В нашей работе и борьбе нам необходимо соединение величайшей самодеятельности и действенности с величайшей дисциплиной и выдержкой.

Самый факт доведения до открытия задуманного прошлым летом Съезда есть плод большого упорства, преодолевшего множество внешних и — что ещё важнее — внутренних препятствий и трений. Какая-то историческая сила, которая выше воли отдельных лиц, властной рукой влекла и влечёт нас к соглашению и согласию.

Да будет прекрасное русское слово «согласие» *лозунгом* нашего единения и плодом нашего объединения. (*Шумные аплодисменты.*)

Зарубежный Съезд должен быть внушительным доказательством Согласия:

1) патриотического,

2) действенного,

3) дисциплинированного,

4) собранно и сомкнуто действующего,

а потому

5) приемлющего единое водительство и

6) готового без колебаний последовать зову единого Вождя. (*Бурные аплодисменты, делегаты встают с мест и долго аплодируют.*)

Я, как представитель вашего Организационного комитета, не считаю себя вправе и не буду предвосхищать, что Съезд скажет о лице, в котором патриотически и действенно настроенная Зарубежная Россия, в полном согласии с Россией Подъяремной, воплощает свои надежды и чаяния.

Я уверен, что Съезд найдёт для этого сильные и достойные слова, которые необходимо сказать в настоящий ответственный исторический момент патриотической подготовки.

Господа, несмотря на все разделяющие нас разногласия и разномыслия, мы все — *патриоты*. Мы все жаждем действия, мы все верим в *национальную* Россию как в великую историческую силу, как в великий животворящий идеал, как в живую действительность близкого будущего.

Да здравствует Великая Национальная Воссоединённая Россия!

Да здравствует патриотическое согласие всех русских людей!

Согласное патриотическое *действие* Внутренней и Зарубежной России да победит!

Закончив свою речь под шумные аплодисменты всего зала, П.Б. Струве объявляет, что, прежде чем перейти к слушанию приветствий, он должен, по встретившимся обстоятельствам, объявить перерыв на 10–15 минут и пригласить членов Исполнительного бюро на совещание.

После 10-минутного перерыва заседание возобновляется.

РЕЧЬ А.Ф. ТРЕПОВА

— Сегодня осуществляется задуманное заветное дело, и снова будет услышан голос русских людей, заглохший уже много лет. Правда, пока не на Русской земле, а на территории страны, гостеприимно открывшей нам свои двери и дающей нам свободу выявления наших национальных чувств.

Я вменяю себе в долг принести Съезду горячее приветствие от той группы патриотических деятелей, которая с прошлого года поставила себе задачей осуществить созыв Съезда, объединяющего русских людей.

И вот теперь мы видим, что, даже лишившись Родины, лишившись своего национального бытия, русские люди в рассеянии сохранили всё же твёрдость русского духа и веру в *русское дело*. Ведь всем ясно и ощутительно, что в переживаемое лихолетье никто не подвергался столько тягостным стеснениям, как русские люди. И я спрашиваю: много ли тех, кто для того, чтобы избавиться от этих стеснений, захотел бы пожертвовать своим национальным именем, своим русским достоинством?

Их нет или так мало, что не стоит говорить.

Скажу более — любовь к Родине, желание быть и остаться русскими, стремление к возрождению России свойственны широким кругам, далеко выходящим за пределы групп, представленных на Зарубежном Съезде.

Нельзя с удовлетворением не отметить, что, когда в публичных выступлениях призывали русских людей к соглашательству и возвращенству, горячая отповедь раздалась также от тех, кого здесь нет. И вот, столь широкое единство мысли и чувства в русских людях

укрепляет мою веру в то, что Россия не погибла, что Россия будет, что Россия и теперь жива. (*Аплодисменты.*)

С этой верой приступили мы к организации Съезда, и никакие сомнения, никакие противодействия, никакие преграды не умалили нашей веры. И вот ныне осуществилась наша мысль, мы собрались вместе, чтобы подумать о нашей Родине. Мы должны ей помочь.

Нас не остановит признание советской власти многими государствами, многими народами. Сколько бы народов ни признали чужую власть на чужой земле, есть один народ, который никогда не признает насильников своей законной властью. Этот народ — народ русский. (*Аплодисменты.*) Его можно придавить и согнуть, но не сломить, и под тяжёлым камнем Интернационала русский дух не угаснет и в своё время воспрянет с новою силою, верный себе и России.

Незабываемый пример русской доблести, русской стойкости, русской честности нам завещал царственный мученик. Благоговейной памятью преклоняемся мы перед духовным подвигом Царя, пожертвовавшего всем личным для блага своей Родины. (*Весь зал встаёт.*)

Мы для пользы русского дела должны раньше всего забыть распри. Они были в предвыборной борьбе, и это так понятно. Ныне Съезд уже собрался, и наша первейшая обязанность — забыть о всём том, что нас подразделяет в частностях, слиться в том, что нам общее, и в едином порыве стать на работу созидательную.

Мы должны создать силу, расчистить, подготовить к пути, дабы быть готовыми — когда пробьёт час, в который на святое дело борьбы с Интернационалом нас поведёт Вождь, издавна призванный на защиту Родины и воплощающий чаяния русского народа.

Русь Подъяремная задавлена и принуждена к молчанию; мы, Русь Зарубежная, пользуемся величайшим благом — свободой чувства, свободой слова. Напряжение нашей силы под единым водительством. Пойдём в патриотическом порыве навстречу Руси порабощённой и, слившись с нею, воссоздадим Русь единую, Русь державную, Россию Великодержавную. (*Шумные аплодисменты.*)

А.И. Фенин приветствует Съезд от старейшей русской промышленной организации — Совета съездов горнопромышленников Юга России*. Он выражает уверенность, что об русские уголь и железо разобьются усилия советской власти.

---

* *Совет съездов горнопромышленников Юга России* — старейшая общественно-промышленная организация России, образована в 1872 г. Совет объединял владельцев горнодобывающих предприятий и чугунолитейных и железоделательных заводов Юга России.

Е.П. Ковалевский приветствует Съезд от имени Народно-монархического союза и его отделов. «Мы на повороте пути, пройден важный этап. Собрался Съезд, который достаточно полно выражает национальное лицо Зарубежной России. Наша задача — борьба. В начале революции грозили, что большевики устроят варфоломеевскую ночь. России пришлось пережить целых восемь варфоломеевских лет, но срок её освобождения близится, и Съезд должен этому содействовать».

Председатель: Предоставляю слово находящемуся здесь в качестве посетителя видному французскому политическому деятелю, бывшему депутату Жану Эрлишу.

РЕЧЬ ЭРЛИША

— Я пришёл сюда приветствовать ваш Съезд как француз. Я не мог представить себе, чтобы в этом Париже, спасение которого стоило столько русской крови, не зазвучал голос французского народа, приветствующего ваше собрание. (*Шумные аплодисменты.*)

Это собрание, долженствующее объединить русские антибольшевистские элементы, я считаю историческим явлением.

Мне говорили, что как республиканец и демократ я скомпрометирую себя появлением здесь. Но я этого не боюсь. Я не вижу, почему мне, французскому антибольшевику, место не здесь, в среде, которая стремится создать единый русский антибольшевистский фронт. (*Бурные аплодисменты.*)

Я не желаю знать, правые здесь или левые. Какое значение имеют все эти названия и партийные ссоры, когда там, в России, палач угнетает все партии вместе и расстреливает и правых, и левых. (*Бурные аплодисменты.*)

Мы тоже знаем, что такое коммунистическая опасность. Недавно мы испытали позор — видеть избранными в Париже при содействии III Интернационала коммунистов. Это всё, что дало нам пока признание Советов, против которого я — и я горжусь этим — боролся до последнего конца. (*Аплодисменты.*)

Здесь мы находимся в свободной Франции (*Крики: «Vive la France!»*), а не под кулаком большевика-матроса. Здесь вы видите славный французский и славный русский флаги. (*Аплодисменты.*)

Помните о тех, кто так страдает там, и пусть здесь не будет ни сказано, ни сделано ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь продолжить рабство русского народа. Пусть здесь прозвучат лишь слова: **Братство и Объединение**. (*Аплодисменты.*)

Да здравствует Единая Великая Россия! Да здравствует бессмертный русский народ!

Весь зал встаёт и шумными аплодисментами провожает оратора.

Герцог Г.Н. Лейхтенбергский оглашает приветствие от Союза Объединённых Монархистов, стремящегося объединить монархистов всех направлений. «Коммунизм умрёт, Россия не умрёт», — заканчивает он свою речь.

Н.Х. Денисов начинает свою речь с места, но по просьбе собрания выходит на трибуну и говорит, что Союз русских деятелей торговли и промышленности с искренним сердцем приветствует открытие Съезда и желает ему успеха в работе, направленной на освобождение Родины.

Далее **Председатель** говорит, что поступило заявление от казачьей группы Съезда. Огласить это заявление поручено ген. П.Н. Краснову.

РЕЧЬ П.Н. КРАСНОВА

— От имени казаков, рассеянных по всему Божьему миру, проводящих дни в тяжёлой работе, в заботах о хлебе насущном и *никогда, нигде* и *ни при каких обстоятельствах* не забывающих ни родных своих войск, ни матери-России, позвольте приветствовать вас, обездоленные, лишённые Родины, терзаемой чужими иноверными и безверными людьми, русские, жаждущие спасти своё дорогое Отечество.

Пусть услышат все в этом приветствии чувства искренней радости и нашего полного душевного удовлетворения по случаю благополучного завершения столь необходимого, давно всеми ожидаемого и большого дела: *Собирания Зарубежной Руси*. Мы живём одним чувством — *любовью к Родине!* Мы горим верою в помощь Божию и в нашего Вождя. (*Шумные аплодисменты.*)

Мы надеемся спасти Родину. А не любовь ли, надежда и вера — те три великие силы, которые всё могут одолеть?

Казаки, представляемые присутствующими здесь станичниками, полагают, что на Съезде будут подняты и разрешены самые важные для нашего бытия вопросы. И прежде всего вопрос о самой *жестокой и непримиримой борьбе с III Интернационалом* и его слугами, мучителями и гонителями Веры Христовой и истязателями русского народа.

Наше нынешнее совещание должно нас претворить из рассеянной и распылённой бесправной массы русских изгнанников в силь-

ную духом, стройную и прочно спаянную в одно целое беззаветною любовью к своей Великой Родине организацию, возглавляемую нашим русским Вождём, Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем. (*Аплодисменты.*)

Мы, казаки, бесконечно сожалеем, что не все мы, находящиеся в изгнании, прислали своих представителей и что нет здесь с нами выборных атаманов, генералов Богаевского, Науменко и Вдовенко.

Но сквозь всю более чем пятисотлетнюю историю существования казачьих войск проходит борьба двух начал: созидательного и разрушительного.

Как первые, так и вторые имели своих атаманов-вождей. Русская история помнит и чтит имена казаков — строителей русской славы — гр. Платова, Котляревского, Слепцова, Мартьяна Бородина, Потанина, Ионова, Бакланова и многих, многих других, раздвигавших границы Русской земли и нёсших культуру и просвещение в дикие страны; и она же презрением клеймит имена атаманов казачьей вольницы — Разина, Булавина и Пугачёва.

Времена и способы борьбы изменились, но в войсках осталась незначительная часть казаков, живущих фантастическими мечтами об отдельном от России существовании, о восстановлении гулливой казачьей вольницы, стремящейся к необузданной свободе, анархии и коммунизму.

И по непонятной случайности Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека и атаманы пошли с теми, кто на чужбине предопределяет России быть федеративной республикой и, не спрося русский народ, надевает на него социалистический хомут.

Казаки сознают, что великое дело объединения Зарубежной России только теперь начинается и что со многими препятствиями и затруднениями ещё придётся встретиться. Они понимают, что объединение — это *средство,* а цель — *борьба* за свободу Родины. Они знают, чего можно ожидать от Съезда и чего предъявлять к нему нельзя, и ясно представляют себе, что каждый из них, надеясь и опираясь на то, чему сегодня здесь закладывается основание, — *должен рассчитывать на самого себя и на свои собственные силы.*

От имени казаков, приславших на Съезд своих делегатов, приветствую Зарубежную Русь, впервые воедино собравшуюся.

В час добрый!

Мы ждём сигнала: *Слушай поход!*

И мы пойдём за своим Великим князем! (*Шумные аплодисменты.*)

К.В. Родзевич, приветствуя Съезд от имени русских эмигрантов в Латвии, говорит, что пять лет изгнания не изгладили в сердцах русских людей непримиримости к большевизму и готовности вести борьбу за чистоту национального лика России. Мы не только осколки прошлого, мы — живая часть нации. Мы должны объединиться под водительством единого Вождя. Мы должны чутко прислушиваться к зову русского народа и действовать вместе с ним.

РЕЧЬ Н.Е. МАРКОВА

— Я приветствую Зарубежный Съезд и в вашем лице Зарубежную Россию от имени Высшего Монархического Совета и нашего объединения. Мы пришли сюда для внепартийного и сверхпартийного дела. (*Аплодисменты.*) Мы сознательно свернули наши знамёна. Мы им не изменили. Мы остаёмся им верны, но бой идёт сейчас с другим врагом — с палачом всего русского народа. (*Аплодисменты.*) Вот почему мы сознательно свернули монархические знамёна.

Сейчас весна. Я деревенский человек, я люблю, когда зацветают берёзы, когда вся Русь цветёт. Все мы любим Россию, все мы тянемся к ней. Но сейчас над Россией трупный запах. Он отшибает нас. Мы не можем вдохнуть старого русского воздуха. И мы говорим: устраните палача! Перед этим должно всё смолкнуть. Борьба должна быть до конца, без конца до победы. (*Аплодисменты.*)

Борьба была. Не правы те, кто не ценит её. Имя ей — Белое движение.

Большинство вас принимали в ней участие. Принимал его и я, хотя и не под своим именем. Честь и хвала этим людям, честь и хвала Белой армии всех имён, всех названий. (*Бурные аплодисменты.*)

Сейчас разорван русский флаг. Остались лохмотья. Белый — здесь, красный — там. Надо вдвинуть синий. Надо связать белый с красным. Надо восстановить бело-сине-красный русский флаг. (*Аплодисменты.*)

Соединить белых с красными, не с палачами, а с теми, кто под этими красными палачами, — вот задача нашего Съезда. Не завоевать, не победить, не покорить Россию должны мы, а слиться с нею, видя там братьев, с которыми мы дружно должны творить Россию.

Мы пойдём вместе, пока палач не будет там, где место палачам. Мы пойдём так, как захочет русский народ. Единые с ним и объединённые Вождём, мы сможем совершить величайший акт освобождения русского народа. (*Аплодисменты.*) Я передаю привет Зару-

бежной России, объединённой и нашедшей своего Вождя — Великого князя Николая Николаевича. Ура Великому князю! (*Аплодисменты.*)

А.А. Остафьев от группы общественных деятелей оглашает приветствие Съезду, оканчивающееся словами: «Да здравствует Россия и её население!»

Председатель оглашает некоторые поступившие приветствия.

1. От **группы рабочих, казаков и неказаков,** работающих на заводе в Витковицах (в Чехословакии). В нём говорится, что подписавшие его готовы встать как один человек по зову Вождя и хотя не участвовали в выборах на Зарубежный Съезд по отделённости от Праги, но всецело примыкают к Съезду. (*Аплодисменты.*)

2. От **Отечественного объединения русских евреев за границей,** за подписями Манделя, Бикермана и Бужанского. В нём выражается надежда, что Съезд преодолеет все трудности. (*Аплодисменты.*)

3. От **известного русского художника Малявина**, который желает членам Съезда «стать мудрыми, как змии, твёрдыми, как сталь, и страшными для врагов, как гроза и землетрясение». (*Аплодисменты и смех.*)

Гр. П.В. Гендриков, заменяя занемогшего председателя Русского монархического объединения во Франции А.Н. Крупенского, приветствует Съезд, выражая уверенность, что он сумеет объединиться во имя спасения гибнувшей Родины и сплотиться вокруг нашего общего Национального Вождя. (*Аплодисменты.*)

П.П. Панкратов приветствует Съезд от группы Национального объединения, составившейся из представителей молодёжи, съехавшейся из разных стран.

Н.Н. Изнар от Союза русских инженеров выражает уверенность в том, что труды Съезда пройдут в общем единении и послужат на благо Родины.

Митрополит Антоний, которого собрание приветствует вставанием и поклоном, говорит, что он выступает не как представитель какой-либо организации, а только от себя, как русский человек и христианин. «Здесь говорят о восстановлении России, но есть люди, которые думают, что было бы лучше, если бы пришли европейцы и по-своему переделали Россию. Такие люди были ещё во времена Отечественной войны и желали победы тогда двунадесяти языков. Нужно отдать себе отчёт, какие нравственные ценности

может дать Россия миру. Для русского человека все политические требования являются не целью, а только средством для осуществления миссии России — установить Царство Божие на земле».

Собрание повторным вставанием и поклоном приветствует речь владыки.

Старообрядческий епископ Иннокентий, которого также приветствуют вставанием, говорит как уполномоченный русских старообрядцев, проживающих в Румынии. «Мы, — говорит он, — не принадлежим ни к какой партии и пойдём за всяким, кто поможет свергнуть иго большевиков. Мы знаем из опыта прошлого, что порабощённые народы нуждаются всегда в помощи других, чтобы освободиться от ига. Такова история всех балканских народов. Попытки внутренних восстаний против советской власти, наоборот, всегда заканчивались неуспехом и вели к тяжёлым последствиям для восставших и к радости коммунистической власти. Мы должны объединиться, а кто должен нас возглавить, об этом даже излишне говорить». (*Бурные аплодисменты.*)

Почётный академик И.А. Бунин говорит, что он будет весьма краток. Он только хочет сказать Съезду, что всею душою с ним. (*Аплодисменты.*)

М.Я. Домрачеев от имени русских организаций в Маньчжурии и Китае приветствует Съезд и говорит, что русские, находящиеся в Китае, физически далёкие, всегда были и будут со Съездом и видят своего Вождя в лице Великого князя Николая Николаевича.

Представитель кавказских народностей **Саламов** вызывает горячее сочувствие зала, заявив, что кавказцы исторически связаны с русским народом и никогда не чувствовали себя чужими в Русском государстве. (*Шумные аплодисменты.*) Он призывает собравшихся к тесному единению для воссоздания Великой и Неделимой России.

Делегат от русского населения Сремских Карловцев **Кикин** выражает благодарность организаторам Съезда, и в особенности председателю Организационного комитета П.Б. Струве. Он говорит, что казаки не являются сепаратистами и стремятся к восстановлению Великой России, под охраной которой они достигли такого счастья и могущества.

Е.К. Магеровский от группы надпартийного объединения в Праге приветствует Съезд и говорит о том, что настоящая эпоха напоминает Смутное время, но нам нужны не только Пожарские и Ляпуновы, но даже и Заруцкие, и призывает следовать заветам генералов Корнилова и Алексеева.

От Общества русских эмигрантов в Латвии Съезд приветствует **Г. Григорьев**.

От имени многочисленной русской эмиграции в Польше выступает **Г. Лонгинов.** «У нас, — говорит он, — нет правых и нет левых, нет монархистов, нет республиканцев — есть только русские. Единственным своим Вождём мы считаем Великого князя Николая Николаевича». Затем г-н Лонгинов оглашает наказ от русского населения в Польше (уже напечатанный в «Возрождении»).

От Союза национальной молодёжи в Королевстве СХС* студент **Чухнов** приветствует Съезд и выражает уверенность, что он послужит делу восстановления Великой Императорской России. (*Аплодисменты.*)

В.В. Котомкин приветствует Съезд от Всероссийского Крестьянского Союза**, восстановленного в 1920 году в Восточной Сибири. Он говорит, что крестьяне давали ему наказ: «Хозяин нам нужен, без хозяина и не приходи к нам».

К.Г. Куприянов от Союза беспартийных рабочих и служащих одной из российских жел. дорог приветствует Съезд и говорит, что Союз может засвидетельствовать, что институт заложничества существует и поэтому нет возможности вполне свободно высказываться.

Г. Грин приветствует Съезд от Объединения русских педагогов за границей.

Председательствующий оглашает ещё несколько поступивших приветствий, в том числе от председателя Русского комитета в Польше Семёнова, от редакции «Нового времени», от В.Д. Маркова из Либавы и др.

Затем председательствующий объясняет, что на предстоящее вечернее заседание, посвящённое исключительно техническим вопросам, публика не будет допускаться во избежание такого переполнения зала, при котором трудно вести деловую работу. На вопрос представителей печати председатель разъясняет, что это не относится к прессе, которая может присутствовать и на вечернем заседании.

Объявляется 10-минутный перерыв.

---

* Королевство Сербо-Хорватии и Словении.

** *Всероссийский Крестьянский Союз* создан летом 1905 г., просуществовал до ноября 1917 г. Образование нового Всероссийского Крестьянского Союза приходится на 1920 (1921) г. На съезде (по некоторым данным, он проходил в Полтаве), куда прибыли делегаты из 11 губерний, был избран Центральный комитет. На втором съезде (1923) окончательно сформировалась структура союза: во главе его стоял Главный совет, в состав которого входили две организации: «Зелёный круг» (развёртывание вооружённой борьбы) и «Земский совет» (политико-агитационная работа). Союз имел связь с заграницей.

После перерыва председательствующий предлагает приступить к голосованию Наказа, разработанного Организационным комитетом. Наказ принимается статья за статьёй. Никаких существенных прений не возникает, и заседание заканчивается в начале 7-го.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Председательствует **Ю.Ф. Семёнов.** Открыв заседание, он сообщает, что предметом заседания явится доклад генерального секретаря о личном составе Съезда. По окончании заседания состоятся частные совещания групп. Он поясняет, что в заседании в понедельник, 5 апреля, не придётся допустить публику, по недостатку места. Члены Съезда продолжают прибывать, и в настоящее время не может ещё быть выяснено, сколько будет иметься свободных мест.

Генеральный секретарь сообщает, что к участию в Съезде были приглашены 26 стран. Наш Съезд состоит из лиц, избранных от организованной и неорганизованной эмиграции. Теоретически выборных представителей на Съезде должно было быть 400. Кроме того, состав Съезда был пополнен членами от Организационного комитета, которых на 1 апреля числилось 102 человека. Таким образом, состав Съезда определяется в 502 человека. В данный момент, судя по числу выбранных карточек, имеется налицо 420 делегатов. (*Рукоплескания.*) В утреннем заседании были 341 человек, которые располагали 375 голосами. В данное заседание явилось уже более 300 представителей, несмотря на то что на повестку был поставлен один «скучный» доклад.

Из всех стран до сих пор не представлена лишь Венгрия. (*Голоса с места: «А Америка?»*) Из Америки имеется четыре представителя.

Таким образом, идея созыва Съезда получила фактическое осуществление, несмотря на условия чрезвычайно тяжёлые и трудные. Пресса, как русская, так и иностранная, проявила необычайный интерес к делу, и, по техническим условиям помещения, даже не представилось возможным удовлетворить полностью её требования. Из доложенных сведений приходится сделать вывод, что если общее число депутатов составляет 390, то минимум для кворума определяется в 130 человек.

Председательствующий спрашивает, не пожелает ли кто-либо из членов Съезда сделать какие-либо замечания или задать вопросы. При этом со своей стороны он дополняет доклад сообщением о том, что, когда первоначально на места были посланы извещения о Съезде,

* «Возрождение», 5 апреля 1926 г.

с мест поступили запросы относительно денежных средств. Тогда средств никаких не имелось, и об этом было отвечено на места. И повсюду на местах в разных странах были произведены денежные сборы и были собраны достаточные суммы для оплаты проезда и обеспечения проживания здесь делегатов. То же самое происходило и во всех местах Франции.

О.С. Трахтерев заявляет, что доклад генерального секретаря занял мало времени, между тем сколько труда было положено, чтобы довести это дело до конца!.. И он думает, что выразит общее настроение, если принесёт земной поклон председателю Организационного комитета и всем его членам. (*Рукоплескания.*)

Бар. А.А. Крюденер-Струве сообщает, что в Берлине были произведены дополнительные выборы 13 делегатов на Съезд. Так как из доклада генерального секретаря не усматривается, как разрешён этот вопрос, он просит утвердить произведённые выборы.

В.П. Рябушинский предлагает выразить благодарность генеральному секретарю. (*Рукоплесания.*)

Генеральный секретарь поясняет, что он понимает, со своей стороны, что эта благодарность распространяется и на то учреждение, секретарём которого он является, то есть на Торгово-Промышленный Союз.

В отношении же вопроса, предложенного бар. Крюденер-Струве, он указывает, что, согласно постановлению Организационного комитета, в состав делегатов по Германии уже были включены 13 лиц, получивших относительное большинство при первой баллотировке.

В настоящее время вопрос этот может быть разрешён окончательно лишь после избрания Бюро Съезда, которое и может проверить полномочия делегатов по Германии.

За исчерпанием повестки, **председательствующий** объявил заседание закрытым.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Возрождение», 5 апреля 1926 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Нижние залы великолепного «Мажестика».

Кто знает, может быть, когда-нибудь у входа в них потомки русских зарубежников прибьют мраморную доску и начертят золотыми буквами:

В этих залах жил и работал
Русский Зарубежных съезд.

Пока в этих удобных и поместительных залах гудит и бурлит пёстрая «зарубежная» масса.

Члены — делегаты Зарубежного Съезда. Смесь одежд и лиц. Преобладают демократические пиджаки. Но есть и косоворотки. Даже сапоги бутылками. Как есть и смокинги. Увы, покрой смокингов не порадовал бы европейского щёголя! Но нас, русских, он умиляет. Ибо этот давно переросший своего обладателя смокинг будит в нас отчётливые воспоминания о дореволюционных и даже, что ещё приятнее, довоенных временах:

«Я оттуда, где струится
Тихий Дон — краса полей».
«Я оттуда, где клубится
Беспредельно Енисей!»*

Не беда, что Тихий Дон теперь струится в районе Бианкура, а беспредельный Енисей клубится не то в Чехословакии, не то на сербских рудниках.

Не беда. Важно то, что и Дон, и Енисей, и сотни других опять соединились и хотят, мучительно хотят вернуть себе и Россию, и места, где им струиться и клубиться наказано Богом и природными условиями.

В добрый час.

В атмосфере общей торжественной приподнятости начинается молебен. Служит митрополит Евлогий. В первых рядах молящихся митрополит Антоний, старообрядческий митрополит Иннокентий, княгиня Палей — вдова покойного Великого князя Павла Александровича, члены Организационного комитета с П.Б. Струве во главе.

Зала и примыкающие к ней кулуары переполнены.

На лицах выражение одухотворённой сосредоточенности, благовестного внимания. И особым смыслом в этой торжественной атмосфере звучат слова молитвы: «Со страхом и трепетом дело своё соделывайте...» И ещё: «Ищите, и дастся вам, толцыте, и откроется вам»**.

К моменту открытия Съезда налицо более 350 делегатов.

350 зарубежников, явившихся, не стесняясь расстоянием, в Париж, чтобы сказать и своё слово о России, о способах и средствах её национального воссоздания. Цифра внушительная и показательная. И думается: она одна, сама по себе, должна была бы исполнить сердца инициаторов Съезда чувством глубокого нравственного удовлетворения.

Исполнен долг, завещанный от Бога...

Первые встречи. Первые речи. В толпе делегатов знакомые лица русских парижан: Трепов,

---

* Неточное цитирование стихотворения А. Хомякова «Киев».
** См.: Фил. 2:12; Матф. 7:7.

Шебеко, кн. Васильчиков, Ковалевский, Фёдоров, Марков, Карташёв, Денисов, Третьяков. Каждый из них окружён кучкой «провинциальных» гостей.

Среди «провинциалов» любопытство вызывает Марков, и даже не столько сам бывший курский депутат, сколько его борода. Этой бороды многие из делегатов не видели, и вот она повергает в недоумение: тот ли самый это Марков?

Пресса недовольна: места не хватает.

За огромным столом, крытым зелёным сукном, вся зарубежная и часть иностранной печати. Сидят друг на друге. На сером фоне корреспондентских пиджаков сиреневым пятном выделяется дамская шляпка: Тэффи. Рядом с ней А.А. Яблоновский и вездесущий Л.М. Неманов. По другую сторону прохода И.А. Бунин. Фотографы. Художники. Среди последних только что приехавший портретист В. Перфильев.

Тесно. Места действительно не хватает. Ещё бы! Три с половиной сотни делегатов. Да почти столько же публики. А зала французского отеля хоть и вместительна, но не настолько, чтобы вместить русских «зарубежников». Этой чести, простите, французы никак не могли предусмотреть при его постройке!

В глубине невысокой сцены, где расположился Президиум, национальный флаг — русский и рядом с ним французский. Под сенью их появляется П.Б. Струве.

— Российский Зарубежный Съезд объявляю открытым.

Стучат «кодаки». Со специфическим треском вспыхивает магний.

Громко, на весь зал чеканятся слова П.Б. Струве.

С напряжённым вниманием вслушивается в них Съезд. И часто, очень часто прерывается речь председателя дружными и долго не смолкающими аплодисментами.

Затем следуют приветствия. Тридцать пять тысяч приветствий. От всей Зарубежной России. От финских хладных скал до пламенной Колхиды, эмигрировавших за границу.

Из бесконечного количества приветствий наибольший успех выпал на долю французского политического деятеля Эрлиша. Речь была произнесена по-русски, но с таким французским темпераментом, что зал задрожал от рукоплесканий, когда оратор кончил.

— Советский палач одинаково расстреливает и правых и левых, а потому, русские друзья, оставьте партийные разногласия и да будет объединение главным лозунгом вашей работы.

Так говорил француз.

Если речь Эрлиха была самая эффектная, то речь нашего почётного академика И.А. Бунина была самой краткой.

И.А. Бунин сказал:

— Я приветствую Съезд и заявляю, что всей душою с ним.

Ответом на это заявление были продолжительные аплодисменты, ибо понял Съезд как один человек, что эта краткая формула приветствия со стороны первого русского писателя дорого стоит.

А от имени русских художников русского искусства Съезд приветствовал отсутствующий Малявин.

Потом читали Наказ, и к шести торжественная часть Съезда была закончена.

Делегаты разошлись до вечера.

Вечером заседание организационного характера. Для публики не интересное. П.Б. Струве даже просит не беспокоиться.

Ли.

«Le Gaulois», 5 avril 1926

РУССКИЙ СЪЕЗД. ВПЕЧАТЛЕНИЯ КНЯГИНИ ПАЛЕЙ*

Как мы уже сообщали вчера утром, русские эмигранты, рассеянные по всему свету, собрались в Париже на Съезд, и открытие состоялось в салонах одной крупной гостиницы на авеню Клебер.

Около пятисот делегатов, многие из которых живут во Франции, в то время как другие прибыли с берегов Балтики, с Балкан, из Польши, Америки и даже Дальнего Востока, приступили к рассмотрению мер, призванных защитить их материальные интересы и спасти нравственное достояние их народа.

Между участниками Съезда, чьи речи воспроизводятся ниже, есть, поверх классовых различий, только одна — и самая волнующая — связь: родной язык. Благодаря обменам взглядами и встрече всех тех, кто стал жертвой одного и того же террора, одного и того же варварства, одних и тех же несчастий, возникнет Сообщество русских эмигрантов, которое будет действовать как постоянный центр связи.

Княгиня Палей, августейшая вдова Великого князя Павла, присутствовала на вступительном заседании и согласилась поделиться с нашим главным редактором для читателей «Голуа» своими первыми впечатлениями. На её живом рассказе — отпечаток глубокого волнения.

— Я только что покинула гостиницу «Мажестик», в которой

* Перевод с французского.

до 10 апреля проходит большой Русский Съезд. Никакие слова не в силах передать моего волнения. Там собралось более шестисот человек, среди которых пятьсот — делегаты, прибывшие со всего света — из Сибири, с Кавказа, из Китая, из славянских земель...

Сегодня, в день открытия, состоялся молебен. Служил, окружённый духовенством, владыка Евлогий, к Небу возносились пламенные моления о том, чтобы Господь благословил это первое собрание тех, кого воодушевляет забота о благе Отечества. Затем делегаты в полном порядке заняли свои места. Прессе был отведён длинный стол около возвышения. Председатель Организационного комитета г-н Струве объявил об открытии Съезда.

Ораторы сменяли друг друга с трёх часов до половины шестого, и все они, выражая переполнявшие их души преданность своей многострадальной Родине и сочувствие к тем, кто подвергается терзаниям под игом III Интернационала, изливали свою любовь к национальной и монархической России; они поклялись принести в жертву все свои силы и даже свою жизнь во имя спасения Отечества!

Зал содрогался от аплодисментов. Энтузиазм достиг своего предела, когда г-н Эрлих, ранее бывший депутатом от г. Парижа, произнёс на безупречном русском языке слова приветствия, ободрения всем борющимся и призыва к единству. Он показал на французские и русские знамёна, вновь соединённые впервые за девять лет, как во времена незабвенного союза.

Казалось, что мы где-то в России, в подлинно национальной России: в наших сердцах, в наших измученных сердцах, которые так давно уже не ведали ничего, кроме смирения и мук, вновь сияла надежда.

«Возрождение», 5 апреля 1926 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ О СЪЕЗДЕ

Орган левого блока **«Котидьен»**, который недавно обещал напечатать статьи Керенского о русском вопросе, озаглавливает свою заметку «Конгресс русских монархистов собирается сегодня в Париже». В заметке упоминается, что этот конгресс бойкотируется русскими республиканскими и демократическими группами и представляет только ничтожное меньшинство эмиграции. «Организаторами Съезда являются: проф. Струве —

консерватор, умеренный монархист, гг. Марков, Трепов и Крупенский — прежние вожди крайней правой, гг. Гукасов, Третьяков и Лианозов — представители крупных промышленников и финансистов».

Газета **«Виктуар»**, издаваемая Эрве, связанным узами личной дружбы с В.Л. Бурцевым и Г.А. Алексинским, в заметке «Съезд русских эмигрантов» желает Съезду успеха, но «не считает возможным скрыть, что желал бы видеть русских патриотов более полно представленными». Газета ставит в укор Съезду отсутствие «многих хороших организаций» и преобладание в подготовительном комитете «людей старого режима», который был «лучше советского, но несёт свою долю ответственности за русскую трагедию». Заметка кончается выражением сожаления по поводу отсутствия на Съезде В.Л. Бурцева и Г.А. Алексинского.

Орган французских фашистов **«Нуво Сьекль»** в заметке «Сегодня открывается Съезд русских за границей» пишет, что русские эмигранты могли бы приблизить час своего возвращения на родину, если бы сумели сговориться о совместном плане действий. До сих пор согласия установить не удалось ни по вопросам внутренней, ни по вопросам внешней политики. Последнее особенно интересует иностранных друзей национальной России. Многие группы не принимают участия в Съезде, в частности большинство казачьих организаций и Русский парламентский комитет во Франции. «Богатый союз промышленников, торговцев и финансистов сохраняет в отношении Съезда выжидательную позицию, хотя он принимал участие в подготовительных к нему работах». Газета заканчивает словами: «Мы хотим надеяться, что наши русские друзья сумеют оставить напрасный спор и последуют примеру истинных патриотов других стран, которые умеют подчинять программные различия практическим надобностям национальной борьбы. В таком случае настоящий Съезд может послужить отправной точкой в [деле] более полного объединения сил».

Орган национальной республиканской лиги **«Авенир»** помещает, на основании сведений, полученных им из осведомлённых кругов, близких к организации Зарубежного Съезда, объективную и обстоятельную заметку под заголовком «Конгресс русских эмигрантов». Нет и речи сейчас о том, чтобы намечать претендентов. Газета указывает на то, что во французской левой печати появились весьма неточные сведения о задачах Съезда.

«Возрождение», 8 апреля 1926 г.

ПОДВИГ КОАЛИЦИИ

«Подвиг коалиции» — это крылатое слово было брошено ещё 13 сентября, на предварительном собрании, на котором был решён созыв Съезда. Этот «подвиг» осуществляется в полной мере сейчас на самом Съезде.

И несмотря на то что этот подвиг облечён длительной подготовительной работой, он таит в себе огромные трудности.

Две опасности стерегут участников Съезда. Для большинства — соблазн задавить меньшинство голосованием, «майорировать»* его. Для меньшинства — «уйти».

— Подчиняйтесь, ибо нас больше!

— Исполняйте наши пожелания — иначе мы уйдём!

Вот к какому диалогу можно свести то, *чего не должно быть на Съезде, чему не может быть на нём места*.

Ни большинство, ни меньшинство не должны забывать, что в деле, которое есть проявление *свободной коалиции*, нет ни большинства, имеющего право приказать, ни меньшинства, юридически обязанного подчиниться; что голосование даёт не твёрдое решение, имеющее за собой и несущее с собой властное принуждение, а постановление, опирающееся на одно лишь *свободное подчинение*.

Зарубежный Съезд опирается на сговор, свободный и добровольный, основанный на внутреннем убеждении его участников, — и больше ни на что. В чём основа этого сговора? В единодушном признании всеми чего-то общего, для всех непререкаемого, внутренне обязательного, окончательно и бесповоротно принятого и усвоенного.

Что является этим общим и бесспорным? Сплочение вокруг Великого князя во имя борьбы против большевиков — и только против них, с отказом от всяких классовых притязаний, от всяких партийных требований, от каких-либо «реставраторских» поползновений.

Вот ядро Съезда, та духовная ось, на которой держится мощное общественное движение, вызвавшее Съезд и нашедшее в нём своё первое выражение. Это существо Съезда выявилось уже с полной резкостью и с внушительной наглядностью.

Вне этого общего и бесспорного всё может оставаться спорным. От бесспорного же и общего нельзя отойти, иначе коалиция рассется как дым.

---

* От франц. majorite — большинство.

А споря, нужно помнить две вещи.

Прежде всего, что работа патриотической коалиции, нашедшей себе выражение на Съезде, *только начинается*. Работа Съезда — первый её камень. Надо ли задаваться целью сказать слишком много, забегать, так сказать, у жизни вперёд, спорить о предстоящем? Дело начато. Надо дать ему расти, и притом расти органически, в ходе ответственной деловой работы. Нужно закреплять в формулах и организационных начинаниях лишь то, что уже выработано, выстрадано, что уже сложилось и созрело. Но нужны ли внешние инструкции и формальные правила, принудительно определяющие ещё далеко не ясное, не приобретшее реальных очертаний будущее?

И во-вторых, не нужно забывать, что Съезд есть явление общественное, а всё, что с ним связано и от него останется, может быть лишь организацией *добровольческой*, обречённой быть таковой до того вожделенного момента, когда откроется поле действий для *русской власти*. Мы сейчас — беженцы, раскиданные по всему земному шару, находящиеся под охраной власти *чужих* государств, не связанные между собою узами родной власти и своего государственного принуждения. Это — объективный факт, с которым как с таковым нужно считаться. *Съезд должен помнить ограниченность своих возможностей и не увлекаться словами и проектами в ущерб и в отрицание реальностей.*

Не оглядываясь на истерики отдельных лиц, взывая к голосу патриотической совести естественно склонных к партийному натиску отдельных групп, Съезд должен с взорами, устремлёнными к Подъяремной России, довершить столь успешно начатый «подвиг коалиции» до конца.

Тогда он может разойтись со спокойной и бодрой уверенностью в том, что первый шаг к объединению Зарубежной России — самый ответственный и самый трудный шаг! — сделан.

«Возрождение», 8 апреля 1926 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Итак, собрались...

Организаторы — да будет им стыдно — предполагали, что Филиппины и Дальний Восток — далеко. Думали, не зная хорошо русского беженца, что присутствие больших расстояний и отсутствие средств имеют для передвижение эмигранта какое-то значение.

Рассчитали количество мест на триста пятьдесят человек, беспокоились, что будет холодно, сыро в огромном зале...

И вот жестокий урок. Постыдный урок...

Уже за час до заседания здание «Мажестика» подверглось серьёзной русской осаде. Среди американцев отеля возникла даже лёгкая паника: не вмешательство ли европейцев во внутренние американские дела?

Четыреста тридцать энергичных человек засновали взад и вперёд по залам, стали в длинную очередь у вешалки, загудели в тревожных обращениях к портье и шассеру* на всех языках:

— Молим лепо, коман пролазити дан ла салль?

— Битте шен!..

— Прошу, пане...

— Прего, синьоре...

— В голему залу? Добро.

— ...Муа? Же сюи антре с Гавличковых садоу... Пардон, де Клебер.

Внешний вид у всех, конечно, отличный. Опять где-то попили буржуи чужой кровушки, работая на заводах, в шахтах, в канцеляриях. Опять обросли визитками, пиджаками, крахмальным бельём. Кроме того, все свежи, бодры, несмотря на пятнадцать транзитных виз и двадцать пять пересадок. Только представитель Америки чуть-чуть томно потягивается, сняв пальто. Очевидно, устал. Как помещик, приехавший на земское собрание из родового имения.

В первый раз я вижу воочию наших представителей от различных государств, собранных воедино. И должен констатировать, что отпечаток этих стран ясно чувствуется. Прежде всего им, приехавшим, нет никакого дела до французского франка. Если спросишь, как устроились, каждый платит за номер в отеле или двадцать динар, или крон, или шиллингов, или лир, или левов — смотря по мандату.

И в манерах — тоже особенности.

Польские делегаты чрезвычайно вежливы, разговорчивы.

Английские — молчаливы, замкнуты. Курят трубки. Когда говорят по-русски, выдвигают слегка нижнюю челюсть, что совершенно излишне.

В чехословацких — заметны молодость и увлечение политической самостоятельностью; в немецких — твёрдое желание попасть в генеральные секретари, независимо от испанского и бразильского делегатов.

И наконец, сербские представители выделяются особой спайкой, слегка напоминая македонских повстанцев. Ходят, за редким

* Посыльный в гостинице (*франц.*).

исключением, большими группами, как комиты* таинственно делают друг другу знаки; совещаются всегда и везде: у входа, у выхода, посередине. И если прислушаться, можно даже заметить, как дисциплинированные члены шепчут, прося разрешения:

— Пётр Васильевич, позвольте на минутку зайти в буфет выпить воды...

Присмотревшись ко всем этим национальным особенностям, я, однако, заметил, что, кроме походки, манер, валюты и папирос, ничто, в сущности, серьёзно не разделяет приехавших. Вот уж, действительно, когда с чистой совестью можно сказать: при чём тут национальность? Я уверен, например, что сербские делегаты в конце концов дружно соединятся на Съезде с французскими, несмотря на различие в покрое костюма. Нет основания беспокоиться также, что из-за несходства манер или из-за табака, который курится врозь, может возникнуть крупное разногласие в преддверии серьёзных решений.

Конечно, трудненько нам, любителям хорошего новгородского спора, оставить без критики хотя бы чужую походку.

Но раз уж так много сделано, можно надеяться, будет сделано и всё остальное. Через горы и долы, через хребты, реки, моря, океаны — собрались. Съехались. С гордым чувством смотришь на всех, твёрдо помнишь, как крепка наша природа, как силён русский дух. И веришь, что не для того, чёрт возьми, переплываем мы океаны, чтобы застрять, в конце концов, в мелком болоте.

А. Ренников

* Comites (тайные советники) — во время правления Императора Константина (IV в.) придворный чин. Здесь, вероятно, имеется в виду агенты охранки.

Второй день

Понедельник, 5 апреля

ЧАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ СЪЕЗДА*

С утра кулуары Съезда наполняются делегатами. Происходят совещания образовавшихся на Съезде групп и обмен мнений между отдельными делегатами. К 10 часам значительное количество делегатов уже в сборе.

В 10 часов 30 минут за председательским столом появляется **П.Б. Струве**. Делегаты спешно рассаживаются. Многие не находят себе мест. П.Б. Струве объявляет, что если по недоразумению в зале находятся гости, то он приглашает их не отказать покинуть занимаемые ими места, так как по техническим причинам невозможно предоставить им места в ущерб делегатам. В зале некоторое движение: выходят немногие попавшие в зал гости.

После этого председательствующий заявляет, что к нему поступила просьба, подписанная 40 делегатами, об устройстве перед заседанием частного совещания всех членов Съезда.

— Президиум постановил удовлетворить это ходатайство, — говорит председательствующий, — а потому прошу представителей прессы немедленно удалиться.

Сидящие за столом печати журналисты переглядываются между собой, неохотно встают и постепенно покидают зал. Через некоторое время выходит из зала П.Б. Струве, передающий председательствование Ю.Ф. Семёнову: в частном совещании — это ни для кого не секрет — будет обсуждаться вопрос о кандидатурах в Председатели.

Принимаются меры, чтобы закрыть доступ в залу неделегатам.

Журналисты устраиваются за столами различных групп в смежных комнатах: С.В. Яблоновский, Н.Н. Калишевич и В.Л. Бурцев оказываются при этом за столом группы правых.

Журналисты пишут.

По кулуарам расхаживают отдельные пары. П.Б. Струве прохаживается по одной из зал вместе с И.П. Алексинским, ведя беседу на... хирургическую тему. Время от времени из зала выходят делегаты,

---

* «Возрождение», 6 апреля 1926 г.

потом снова возвращаются. Из зала доносятся аплодисменты, временами очень шумные: журналисты, заинтригованные, посматривают друг на друга.

П.Б. Струве, переговорив с И.П. Алексинским, просит принести ему пальто и шляпу и уезжает.

Когда кончится частное совещание, никто не знает...

ИЗБРАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

В 11 часов 30 минут частное совещание кончается. Объявляется перерыв на четверть часа. Делегаты высыпают в кулуары, где идут оживлённые разговоры и обмен мнений. Выясняется, что в результате обсуждения в частном совещании намечены два кандидата в Председатели — И.П. Алексинский и П.Б. Струве. После перерыва предстоит произвести выборы.

Перерыв продолжается около получаса. В 12 часов 5 минут за председательским столом появляются Ю.Ф. Семёнов и С.Н. Третьяков. Последний звонит в колокольчик. Делегаты начинают гурьбой входить в зал и медленно рассаживаться по местам.

В 12 часов 10 минут на эстраде показывается В.Н. Новиков. **Ю.Ф. Семёнов** просит всех занять места и объявляет заседание открытым.

— Ввиду позднего времени, — заявляет он, — сейчас будут произведены выборы только Председателя. Выборы остального Президиума, Бюро и секретариата будут произведены в послеобеденном заседании.

Заседание это назначается на 3 часа дня.

Ю.Ф. Семёнов оглашает процедуру выборов Председателя: каждый подаёт одну или две записки в зависимости от количества мандатов и пишет на ней одно только имя. Записки эти опускаются в одну из трёх корзин, поставленных на эстраде перед столом Президиума. Для подсчёта числа поданных записок и записи номеров делегатских билетов собрание намечает трёх контролёров: кн. И.С. Васильчикова, С.С. Ольденбурга и П.В. Скаржинского. Получивший абсолютное большинство будет считаться избранным Председателем. Если ни у одного из кандидатов не окажется абсолютного большинства, Президиум решит, как поступить дальше.

Начинается голосование. Делегаты по два-три человека, начиная с первых рядов, подходят к эстраде и опускают записки в корзину — в одну из трёх по своему выбору.

Опустив записку, каждый делегат выходит через боковую дверь. Подача записок происходит в полном порядке. Подают записки и оба кандидата — И.П. Алексинский и П.Б. Струве. Последний, как член Организационного комитета и шанхайский делегат, имеет два голоса.

В 12 часов 30 минут подача записок прекращается. Уже после того, как председательствующий объявил об окончании баллотировки, подходят не подавшие ещё записок делегаты В.В. Орехов и Н.П. Савицкий. Происходит небольшое пререкание между первым из них и Президиумом. Оказывается, что в конце зала не слышали слов председательствующего. С согласия собрания обоим разрешается подать голоса.

Начинается подсчёт. По спискам билетов выясняется, что подано 432 записки.

— Следовательно, — говорит Ю.Ф. Семёнов, — абсолютное большинство — 217.

Для подсчёта голосов в помощь контролёрам избираются гг. Мейнгард, Чухнов, Витт, Демешко, Ковалевский и ген. Сычёв.

В 12 часов 55 минут председательствующий просит всех занять места и объявляет результаты голосования:

Подано 432 записки.

П.Б. Струве получил 232 голоса. (*Шумные аплодисменты; аплодирует и сидящий в первом ряду Н.Е. Марков.*)

И.П. Алексинский получил 193 голоса.

Шесть записок было подано пустых и одна за Д.Д. Гримма.

— Таким образом, — говорит Ю.Ф. Семёнов, — Председателем считается избранным П.Б. Струве. (*Зал аплодирует.*)

П.Б. Струве встаёт и говорит:

— Позвольте мне поблагодарить вас за честь, которой вы меня удостоили. Вам мои мысли известны, вам известны мои приёмы, и я благодарю вас.

На послеобеденное заседание назначаются выборы остального Президиума, Бюро и секретариата, причём устанавливается обязательный формат бумаги для записок — полулист писчей бумаги.

Маленькая подробность баллотировки: в корзине П.В. Скаржинского две трети записок оказались в пользу И.П. Алексинского; в корзине И.С. Васильчикова то же соотношение в пользу П.Б. Струве. Решающей оказалась корзина С.С. Ольденбурга, в которой было 104 записки за Струве и 62 — за Алексинского.

ВЫБОРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

Заседание открывается в 3 часа 50 минут.

Председатель П.Б. Струве заявляет, что в порядке дня — выборы. В первую очередь предстоит выбрать генерального секретаря. Выяснилось, что предлагаются на эту должность два лица: В.Н. Новиков и С.Н. Трегубов.

Согласно названным фамилиям, Председатель приглашает С.С. Ольденбурга, П.Н. Финисова и П.В. Скаржинского к столу, чтобы присутствовать при подаче записок.

Гр. П.В. Гендриков заявляет, что первоначально предполагалось выбирать весь Президиум сразу. Он считает, что такой порядок более целесообразен, так как иначе придётся снова писать записки.

Председатель объясняет, что, по техническим условиям, удобнее выбирать одно лицо — генерального секретаря, и просит подавать записки.

Происходит подача записок и подсчёт голосов.

Председатель объявляет результаты голосования:

Подано всего 399 записок. Две записки признаны недействительными, так как на них написано не то, что следует. Действительных записок 397, из них С.Н. Трегубов получил 234 и В.Н. Новиков — 163. Избранным считается С.Н. Трегубов. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Председатель объявляет перерыв по техническим соображениям на 10 минут. Он поясняет, вследствие вопросов с мест, что перерыв необходим, так как Президиум установит технический распорядок выборов для скорейшего их производства.

Во время перерыва Председатель просит членов Съезда оставаться на местах.

ИЗБРАНИЕ ПРЕЗИДИУМА

По окончании 10-минутного перерыва **Председатель** предлагает приступить к выборам товарищей Председателя, для чего надлежит гг. членам Съезда подавать записки с пятью фамилиями товарищей Председателя.

Происходит подача записок и подсчёт голосов.

Председатель оглашает результаты баллотировки:

Подано 405 записок (абсолютное большинство — 203).

Получили голосов: гр. М.Н. Граббе — 373, А.Н. Крупенский — 352, П.П. Панкратов — 323, И.П. Алексинский — 248, В.П. Рябушинский — 239, Н.Н. Шебеко — 179, С.Н. Третьяков — 172.

Председатель объясняет, что В.П. Рябушинский наперёд отказался от баллотировки и отказался от избрания.

Следующие за ним лица не получили абсолютного большинства. Поэтому предстоит доизбрать ещё одного товарища Председателя.

В промежутке оглашаются результаты выборов 5 секретарей Съезда:

Подано 395 записок (абсолютное большинство — 198).

Старшим секретарём, который входит по Наказу и в состав Президиума, избран г. Макаренко (226 голосов).

Кроме того, в секретариат выбраны: гг. Якобий (319 голосов), Шевяков (229), Ляшковский (226) и Персианов (212).

Н.Е. Марков просит устроить перерыв для частных совещаний. Объявляется перерыв, продолжающийся очень долго.

Когда заседание возобновляется, **Председатель** приглашает подавать записки с 16 фамилиями членов Бюро Съезда и одной фамилией товарища Председателя. Далее Председатель сообщает, что вечером заседания не будет, а следующее заседание состоится во вторник, 6 апреля, в 9 часов утра. В начале заседания предположено заняться некоторыми внеочередными вопросами, которые пока не могут быть определены.

Голоса с мест: Какие же это вопросы?

Председатель: Скажу откровенно: между нами обнаруживается столько разномыслия, что некоторые вопросы не могут быть поставлены заранее.

Подсчёт записок производится при почти пустом зале, усталые делегаты разошлись обедать. За столом печати остаются, в ожидании результатов голосования, представители четырёх русских парижских газет и одной болгарской.

Объявляются результаты голосования: пятым товарищем Председателя избирается Д.Д. Гримм (316 голосов из 338).

Результаты выборов в Бюро выясняются только около 10 часов вечера, так как списки писались наскоро и от руки и подсчёт 5–6 тысяч имён требует немало времени. Избранными оказываются, в порядке полученных голосов:

Э.Б. Кригер-Войновский — 341 (из 358 поданных записок), кн. И.С. Васильчиков — 339, А.Г. Хунцария — 327, В.П. Рябушинский — 280, Н.Н. Чебышев — 278, Н.Н. Шебеко — 274, Н.Н. Львов — 269, А.Ф. Трепов — 259, А.И. Фенин — 258, Н.Е. Марков — 240,

М.Я. Домрачеев — 195, В.П. Шмит — 194, ген. Баиов — 190, ген. Сычов — 188, П.В. Скаржинский — 193.

Таким образом, на 16 мест избраны 15 кандидатов. 16-й не получил абсолютного большинства. Следующими по числу голосов были:

А.И. Пильц — 170, г-н Трофимов (студент) — 167, П.Н. Финисов — 164, Ю.Ф. Семёнов и М.Н. Суворов — по 146, Л.В. Темников — 132.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Возрождение», 6 апреля 1926 г.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Второй день Съезда весь ушёл на выборы его исполнительных органов, столь сложные при многолюдности и разнохарактерности его состава.

В утреннем заседании были выборы Председателя. Так как в частном совещании, после ряда речей, соглашения достичь не удалось, вопрос был передан на голосование общего собрания. Большинством 232 голосов из 432 голосовавших Председателем Зарубежного Съезда был избран председатель Организационного комитета П.Б. Струве. Его избрание было встречено дружными рукоплесканиями, к которым присоединились и те, кто первоначально отстаивал другую кандидатуру.

После перерыва было приступлено к выборам остальных должностных лиц Съезда. Процедура голосования, с отметкой голосующих по списку и подсчётом записок, заняла всё дневное заседание, которое, кроме того, неоднократно прерывалось для частных совещаний. Борьба шла между объединением центральных групп (народные монархисты, торговопромышленники, Национальный Комитет, земледельцы, внепартийное объединение) и фракцией правых. При выборах секретариата и товарищей Председателя группа правых получила перевес в 40–50 голосов и полностью провела свои списки. Однако при последнем голосовании известную примиряющую ноту внесло то, что отдельно избиравшимся пятым товарищем Председателя был избран почти единогласно Д.Д. Гримм, а при выборах в Бюро избрано было большинство умеренных кандидатов, несмотря на то что никакого формального соглашения заключено не было.

Огромный интерес к Съезду наиболее ярко отразился в том, что члены Съезда оставались почти все до конца, несмотря на однообразие голосования по спискам и долгие ожидания. При последней баллотировке, последовавшей около 8 часов вечера, голосовало свыше 360 человек.

Третий день

Вторник, 6 апреля

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Заседание открывается в 9 часов 30 минут.

Председательствует **П.Б. Струве.**

За столом Президиума Д.Д. Гримм, И.П. Алексинский, гр. М.Н. Граббе, П.П. Панкратов, С.Н. Трегубов и А.С. Макаренко.

С.Н. Трегубов оглашает результаты выборов в Бюро, ставшие известными уже после закрытия вечернего заседания.

Председатель спрашивает собрание, желает ли оно произвести баллотировку недоизбранного члена Бюро или признает избранным следующего по количеству голосов, не получившего абсолютного большинства.

Раздаются голоса: «Не надо баллотировки», «Баллотировку».

Председатель заявляет, что ввиду того, что некоторые делегаты желают баллотировки, таковая должна быть произведена.

Перед тем как объявить перерыв, Председатель предоставляет слово генеральному секретарю С.Н. Трегубову для внеочередного заявления.

С.Н. Трегубов говорит, что, ознакомившись с работой своего предшественника, он почитает своим долгом засвидетельствовать, что проделана колоссальная работа, и предлагает выразить общую признательность бывшему генеральному секретарю В.Н. Новикову и его ближайшим сотрудникам сен. В.П. Носовичу и инж. П.Н. Финисову. (*Аплодисменты.*)

В ПЕРЕРЫВЕ

Перерыв объявляется на 15 минут, но продолжается значительно дольше. В Бюро обсуждается текст обращения Зарубежного Съезда к Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу. Созываются совещания групп. В центральном объединении Н.Н. Шебеко оглашает выработанный Бюро текст обращения. Через

* «Возрождение», 7 апреля 1926 г.

некоторое время к столу печати подходит С.С. Ольденбург и заявляет, что соглашение достигнуто и заседание скоро возобновится.

Через 10 минут после этого С.Н. Трегубов берёт звонок, чтобы созвать делегатов в зал.

<...>

Заседание возобновляется в 11 часов 25 минут.

Председатель заявляет:

— Ваше Бюро, следуя чувствам, одушевляющим Российский Зарубежный Съезд, единогласно постановило обратиться к Е.И.В. Великому князю Николаю Николаевичу и приветствовать его делегацией в составе всего Президиума. Бюро единогласно приняло текст приветствия.

Когда П.Б. Струве начинает читать приветствие, весь зал встаёт как один человек. По окончании чтения раздаются шумные, долго не смолкающие аплодисменты и крики «ура!».

ОБРАЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Ваше Императорское Высочество!

Зарубежный Съезд, собравший со всех концов русского рассеяния патриотически и национально мыслящих русских людей, приветствует в лице Вашего Императорского Высочества твёрдого носителя российской государственной идеи и славного Верховного Вождя Христолюбивого Российского Воинства, Вождя, призванного с первых дней ниспосланных России испытаний стать во главе Святого Дела защиты нашей Родины.

Съезд всецело разделяет великие патриотические надежды, возлагаемые широкими массами как внутри России, так и за рубежом её, на государственную мудрость и воинскую доблесть Вашего Императорского Высочества. Съезд уверен, что по зову Вашему все русские люди без колебаний отдадут себя великому делу освобождения нашей Родины.

Да укрепит Господь Вас в жертвенных трудах Ваших на спасение и возрождение России!

УЧРЕЖДЕНИЕ КОМИССИЙ

После этого объявляется повестка дальнейшего заседания. **Председатель** предлагает образовать комиссии — по общим делам и организационную. Согласно Наказу, председательствование в комис-

сиях поручается одному из товарищей Председателя по выбору Президиума. Председатель сообщает, что председателем комиссии по общим делам намечен Д.Д. Гримм, организационной — И.П. Алексинский.

В комиссии могут записываться все члены Съезда.

Вечернее заседание назначается на 5 часов 30 минут вечера.

Собрание переходит к заслушанию доклада Ю.Ф. Семёнова «Сущность и назначение Зарубежной России».

Доклад Ю.Ф. Семёнова

СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ*

СВОЕОБРАЗИЕ НАШЕЙ «ЭМИГРАЦИИ»

Зарубежный Съезд должен прежде всего выяснить для себя вопрос, что представляет собой русская эмиграция, называемая ныне Зарубежной Россией.

Невольно напрашивается сравнение с прежними политическими эмиграциями и другими массовыми исходами. Нередко сравнивают нынешнее русское беженство с прежней революционной русской эмиграцией.

Но старая русская эмиграция была немногочисленная и состояла из людей, которым почему-либо не было возможности оставаться в России, где существовало национальное государство, но где неизбежное частичное несоответствие форм и внутреннего содержания вызывало с их стороны протест. Тут не было вопроса о существе национального государства, но был протест против несовершенства форм. Нынешняя эмиграция находится в ином положении. Она является крупной частью нации, с многосторонней жизнью. Она олицетворяет собой протест не против форм государства, а против отсутствия самого национального государства.

Некоторые сравнивают нынешнюю эмиграцию с французской конца XVIII века. Но французская эмиграция, по преимуществу из аристократии и духовенства, была гораздо менее численная, чем наша; кроме того, на переломе XVIII и XIX веков пути сообщения между различными странами были настолько сложны, что между отдельными мелкими группами французской эмиграции не было никакого общения.

Можно найти кое-какое сходство между русской эмиграцией и массовым беженством военного времени. Но массовые исходы военного времени заканчивались рассеянием, без всякого последующего

* «Возрождение», 6 апреля 1926 г.

процесса организации и без создания какой бы то ни было политической физиономии всей выселившейся массы людей.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

Русская эмиграция составилась из очень разнообразных элементов.

Часть русской эмиграции не имела никакой политической физиономии, она покинула Россию заранее, в предвидении грядущих невзгод.

Затем были беженцы, вытолкнутые из России уже в борьбе с большевиками. В числе этого рода беженцев были участники белых армий и целые группы населения, так или иначе связанные с ними.

В общей сложности нужно считать, что всего составилось до полутора миллионов людей: мужчин, женщин и детей, самых разнообразных классов, профессий и прежнего имущественного положения, но преимущественно из наиболее культурных слоёв населения России.

В первое время беженцы представляли собой распылённую массу беглецов, вынесших с собой из России, в большинстве случаев, паническое настроение, страх за будущее, полную неизвестность в настоящем и одно сплошное горе в прошлом.

И все поневоле рассчитывали на чужую благотворительность. Но постепенно совершается переход на трудовое положение и расселение по всем странам земного шара. Переход на трудовое положение явился в то же время и переходом из собственно беженского состояния в состояние политической эмиграции, ибо те русские люди, которые не захотели вернуться в Россию, то есть не захотели признать для себя большевистского ига, предпочитая тяжёлый труд и бесправное положение на чужбине, этим самым совершали политический акт протеста против господства III Интернационала в России.

МЫ НЕ ЭМИГРАНТЫ, МЫ — ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

В то же самое время происходило постепенно собирание эмигрантской массы по мелким и крупным организациям. Создавались организации приходские, бытовые, профессиональные, сословные, классовые, академические, политические.

Таким образом, *из прежней панической беженской массы постепенно образовывалась какая-то организованная народность*, разбросанная по разным странам, не имеющая своей территории, но

связанная внутренней духовной связью; бесправная по отношению к тем местам, где она живёт, но вырабатывающая какое-то своё новое право, не управляемая никем и ничем, но имеющая внутри себя какие-то органы управления, ни от кого не зависящие и никем не назначенные, но в известной мере признаваемые и внутри и вовне. И эта неорганизованная и в то же время организованная народность стала создавать свои школы, низшие, средние и высшие, свои приходы, свои газеты; книжные издательства, театры, промышленные предприятия, общественные и политические организации. Она участвовала в некоторых странах, как, например, на Балканах, в создании местной культурной жизни, и она приняла участие, как таковая в целом, в политической жизни Европы, подавая свой голос в различных международных конференциях, хотя никто её на эти конференции не призывал.

Во внутренней духовной жизни русской эмиграции происходила большая и разнообразная работа.

И постепенно головы русских людей, приведённые в беспорядок разгромом России, стали выводиться из хаотического состояния, и здесь, за границей, делались выводы, для каждого человека в отдельности и для всех вместе, из величайшего опыта, как русского, так и общемирового.

Если у живущих в России был за эти годы свой особенный опыт, иной, чем у всех остальных людей, то у русской эмиграции получился также свой опыт, гораздо более разнообразный и который всегда и при всех обстоятельствах жизни может быть не менее полезен, чем опыт внутрироссийский.

Постепенное объединение русской эмиграции в мелкие и крупные организации всевозможных типов, нередко боровшиеся и борющиеся между собою на почве исключительно идейной, неизбежно должно было привести к тому, чтобы создалось для всей массы стремление к какому-то единству, не только внутреннему, но также и внешнему, формальному.

Вот это стремление к воплощению внутреннего единства в нечто внешнее, формальное создаёт то, что получило название Зарубежной России.

Итак, то, что теперь называется Зарубежной Россией, есть внутреннее духовное единство всей организованной русской эмиграции, отвергающей коммунистический Интернационал, убеждённой в невозможности какой бы то ни было эволюции коммунистической власти в России и полагающей, что освобождение России от советской власти возможно только путём её уничтожения.

Созывая свой первый Съезд Зарубежной России, русская эмиграция этим фактом утверждает, что она существует как нечто целое, что она духовно едина, несмотря на всё разнообразие политических воззрений, господствующих в ней, и несмотря на различие точек зрений на то, как и в каких формах впоследствии будет жить свободная Россия.

СВЯЗЬ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ С РОССИЕЙ ВНУТРЕННЕЙ

Процесс образования Зарубежной России показывает, что русская эмиграция в её целом обладает большими жизненными силами.

Вот *эта её жизненность связывает её с Внутренней Россией.*

Ибо жизненность её проистекает не из той среды, в которой она живёт, так как внешняя среда случайна и переменчива, но из той среды, из которой она вышла. А так как среда, из которой она вышла, есть Русская земля и русский народ, который также отверг теперь большевизм и борется с ним теми методами, которые в данный момент являются возможными, то *эти два живых течения,* исходящие из одного и того же источника, *не могут не быть едиными по существу,* как бы различны ни были внешние пути их жизни в нынешний день. Поэтому *русская эмиграция продолжает собой за границей Внутреннюю Россию* и связана с нею, несмотря на внешние преграды, такими внутренними, кровными и духовными связями, которые позволяют Зарубежной России с полным правом и без всяких колебаний говорить с внешним миром *от имени России вообще.*

БЕЛАЯ БОРЬБА ВНУТРИ И ВНЕ РОССИИ

В самом начале большевизма против него выступили не одни только белые армии. Выступило против него и казачество всею своею массою в различных частях России. Выступил во всех городах служилый люд, который мог бороться единственным доступным для него способом — бойкотом. В этой борьбе горожане были побеждены после долгого голодания и бесчисленных расстрелов.

Осталось на местах духовенство, не сломленное и по сей день. Крестьянство, вначале соблазнённое формулой Ленина «грабь награбленное», пошло делить земли в стихийном порыве, разрушая по пути всё и уничтожая действительные и воображаемые помехи дележа.

И эта стихия разрушения оказалась главной опорой для большевиков в их борьбе с городской буржуазией и служилым классом. Но вскоре крестьянство в целом вступило в борьбу с большевиками.

Уже с весны 1918 года большевикам пришлось изобретать комитеты бедноты для борьбы с зажиточным и средним крестьянством и создать специальные карательные отряды для взимания с крестьян так называемой «продразвёрстки», вскоре заменённой «продналогом». Отказ крестьян вносить сначала развёрстку, а потом налог был основой повсеместных крестьянских бунтов, которые не прекращались вплоть до 1921 года.

Всем памятны массовые экзекуции крестьянства в течение этого периода, когда артиллерийский огонь большевистских отрядов уничтожал целые волости, а уцелевшие крестьяне разбегались по лесам, формируя отряды так называемых «зелёных».

Всем также памятно, что эта трёхлетняя борьба крестьянства с большевиками привела к опустошению сельскохозяйственной России, в результате чего был ужасающий голод 1921 года.

Ленин капитулировал перед русским крестьянством; окрестил частичное возвращение к старому «новой экономической политикой», нэпом, и восстановил частную торговлю, денежное обращение и личную инициативу.

2-Й ПЕРИОД СОПРОТИВЛЕНИЯ РОССИИ

Борьба внутри России на этом не остановилась.

В рабочих кругах, в которых накануне нэпа было уже большое брожение и которые при Кронштадтском восстании требовали свободы торговли, брожение продолжалось и после нэпа. К рабочей оппозиции справа прибавилась оппозиция из правоверных коммунистов, не мирившихся с нэпом.

В крестьянстве постепенно стали вырабатываться свои, особенные методы борьбы. Во-первых, крестьяне отказывались участвовать в выборах в местные советы, стали обрабатывать такое количество земли, которое могло только в обрез обеспечить скромное существование каждой данной семьи, и отказывались содержать школы и все прочие учреждения, которые центральная власть перекладывала со своего бюджета на губернские и уездные бюджеты.

Кроме того, началась глухая борьба на местах с местными коммунистами и со всякими агентами власти.

БОРЬБА ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ В ДАННЫЙ МОМЕНТ

В то же время в крестьянской среде, благодаря возможности частной торговли, стал образовываться класс сравнительно зажиточных крестьян, названный большевиками именем «кулаков».

Этот новый зажиточный класс крестьянства приобрёл значительное влияние и определённо настроен против советской власти.

И не одно крестьянство борется с большевиками. Рабочий класс в очень значительной своей части не сочувствует коммунизму.

Весь русский народ ведёт по-своему борьбу с коммунистическим Интернационалом, и в силу этой борьбы большевикам приходится делать уступки за уступками. В свою очередь, уступки большевиков дают возможность противникам, то есть России, вздохнуть, оправиться и собраться с силами.

В этой борьбе в стране возникают новые живые силы, зарождается какая-то новая жизнь.

ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

Белое движение и, затем, крестьянское движение являются, следовательно, двумя видами одного и того же всенародного, русского отрицания большевизма. Белые армии начали то, что теперь продолжает крестьянство.

Уйдя за границу, и белые армии, и все те, которые были с ними и их поддерживали, унесли с собой в эмиграцию тот дух борьбы и то настроение неприятия большевизма, которые теперь окончательно овладели русским крестьянством.

Итак, Зарубежная Россия и Внутренняя Россия и по сей день связаны одним и тем же духовным содержанием. Русская эмиграция имеет неоспоримое право говорить внешнему миру от имени всего русского народа.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ ВЫПОЛНЯЕТ СВОЙ ДОЛГ

Что же сделала русская эмиграция за время своей жизни за границей, чтобы говорить внешнему миру от имени России? Выполнила ли она свой долг или нет?

Мы можем ответить с чистой совестью долг свой она, в меру своих сил, выполнила.

Какое бы впечатление ни производили раздоры между различными политическими течениями внутри эмиграции, как бы ни были велики эти раздоры и какие бы формы они ни принимали, *вся русская эмиграция, разбросанная по континентам и островам земного шара, своей значительной массой, своей приспособляемостью к жизни, связанной с упорным нежеланием возвращаться на родину, пока в последней господствуют большевики, ежедневно и ежечасно говорила и говорит всему миру всегда одно и то же, а именно: что власть коммунистической партии, именуемая властью советской, не русская власть, что советская власть не есть власть государственная, что задачи её — разрушительно-революционные, что разрушительное действие этой власти направлено против всех государств мира и что, наконец, желание искусственно представить себе «советскую власть» в качестве национального русского правительства есть самообман и обман, который всегда разоблачается и будет разоблачаться и самими же большевиками.*

ПЕРВОЕ СЛОВО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Пришло время, чтобы все русские организации во всех частях света признали, что они едины, ибо они объединены единым духом, тем самым, который направляет русское крестьянство в его борьбе с большевиками.

Вот это и есть первое слово, которое должен сказать наш Зарубежный Съезд.

Он должен также сказать, что, в силу своей духовной связи с русским народом, русская эмиграция имеет право говорить с внешним миром от его имени. Но что она может и что она должна сказать от его имени?

Очевидно, только то, в чём она с ним уже сговорилась. А сговорилась она с ним не словами, а делами и всею своею жизнью о том, что *«советская» власть есть власть, чуждая России, пришедшая извне,* ибо она вышла из III Интернационала, который отрицает и Россию, и все прочие национальные государства мира. Поэтому, каков бы ни был личный состав «советской» власти, к каким бы национальностям ни принадлежали отдельные её члены, они *являются иностранцами и врагами для России*, равно как они являются иностранцами и врагами для прочих народов мира. Вот на этом русская эмиграция давным-давно сговорилась с русским

народом, а также и на том, что *коммунистическая власть, вызвавшая смерть до двадцати миллионов русских людей, разрушившая Русское государство и разорившая страну, должна быть изгнана из России.*

Такова неоспоримая часть того, что имеет право и должна говорить внешнему миру русская эмиграция от имени русского народа.

ВТОРОЕ СЛОВО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Ничего другого не может говорить русская эмиграция от имени русского народа, ибо, потрясённый, разорённый, лишённый свободы слова и свободы собраний, он не имел возможности для самого себя выяснить, что и как он думает на будущее время. Русская эмиграция лишена всяких данных для того, чтобы объединить воедино не сложившиеся ещё мнения русского народа.

Это есть второе слово, которое должен сказать Съезд.

Однако если у нас нет данных для того, чтобы объединить не сложившиеся ещё мнения русского народа, то мы имеем от него указания, заключающиеся в том, что, борясь с коммунизмом, он *отрицает все коммунистические идеи, касающиеся частной собственности. Это нам известно,* и из этого мы можем строить соответствующие выводы.

ТРЕТЬЯ ЗАДАЧА СЪЕЗДА

Кроме того, мы можем и мы должны говорить от себя самих с уверенностью, что наши взгляды смогут сочетаться с тем неясным, что подготавливает будущее общественное мнение русского народа. Мы тем более имеем право и должны высказывать эти взгляды, ибо наша жизнь за границей и наш опыт в России во время революции обогатили нас таким знанием жизни, какое столь многочисленному собранию людей, как русская эмиграция, едва ли когда-нибудь приходилось иметь. Для тех, кто в России ждёт с нетерпением падения советской власти, необходимо знать, что и как думает полуторамиллионная русская эмиграция.

Там, в России, знают, что когда эти полтора миллиона человек, прошедшие суровую школу трудовой жизни в Европе, в Америке и в Азии, изучившие всякие ремёсла и всякие специальности и обогатившие свой ум своим и чужим опытом, — что когда эти люди вернутся в Россию, то, как бы к ним там, в России, ни относились и как бы сейчас в России о них ни думали, они сумеют во всех областях государственной жизни приложить свои знания, проявить творчество, чем завоюют себе такое положение, которое будет соответствовать их силам.

Обобщить это и сказать, с какою совокупностью взглядов на происшедшее в России Зарубежная Россия собирается возвращаться домой, — *вот третья задача Зарубежного Съезда*.

При этом нам нечего бояться так называемых политических раздоров внутри эмиграции. В живом человеческом обществе не может быть единогласия. Пусть все мы разны, пусть каждый из нас по-своему смотрит на мир, на будущие судьбы России, на формы государственного устройства.

Чем сознательнее мы скажем, указав на наши разногласия, что мы едины в стремлении к одной общей задаче сегодняшнего дня, а именно к изгнанию коммунистического Интернационала из России и к уничтожению этой международной организации, тем большее значение будет иметь это наше единство.

ЕЩЁ ОДНА ЗАДАЧА

Есть у нас ещё одна задача. Съезд должен сказать, что *Зарубежная Россия непримирима по отношению к коммунистическому Интернационалу;* что с коммунистическим Интернационалом никаких сговоров быть не может; что между коммунизмом и остальным миром идёт война, неумолимая, ни на минуту не прекращаемая и повсеместная; что она ведётся со стороны коммунистов то с оружием в руках, то пропагандой и агитацией, то клеветой и развратом, то биржевой игрой, то лживыми международными переговорами; что *при этих условиях всякие разговоры о пресловутой эволюции большевиков суть выдумки или самих большевиков, или предателей из рядов их противников, или людей с размягчёнными мозгами, которые способны махать масличной веткой пред всяким чудовищем, готовым их пожрать*.

НЕОБХОДИМА ДЕЙСТВЕННАЯ БОРЬБА

Из этого положения вытекает новое положение: непримиримость не может быть одной только декларацией, из неё должны вытекать действия. Но так как враг силён и действует в мировом масштабе, то и действия против него должны быть строго продуманными и столь же разнообразными, как разнообразна мировая жизнь. Борьба ведётся всюду и всеми способами, она должна быть принята всюду и вестись теми способами, какие в каждый данный момент являются осуществимыми.

НЕОБХОДИМА СУРОВАЯ ДИСЦИПЛИНА

Должно быть полное сочетание политики и военных действий. Ничто не должно быть принесено в жертву нетерпеливому стремлению к немедленному успеху, и всяким формам действия должно быть отведено своё место и своё время. Спокойная и длительная подготовка не должна, конечно, исключать личных, единичных выступлений. Не дело Съезда разрабатывать подобные планы борьбы с III Интернационалом, но Съезд должен установить, что борьба с ним происходит непрестанно и что Зарубежная Россия едина в том, что она войну с ним приняла и от неё не откажется. И пусть отдельные лица, отдельные борцы знают, что всякое их действие будет соответствовать и помогать общей систематической работе, при одном условии — суровой дисциплины во имя общей цели восстановления и возрождения национального государства.

Всякому должно быть ясно, что Съезд не может заниматься выработкой какого-либо плана практической работы, направленной на эту цель. Ограничимся поэтому установлением тех трёх основных положений, о которых мы говорили выше, и сделаем из них соответствующие выводы.

ПУСТЬ КАЖДЫЙ ПОМНИТ О СВОЁМ ДОЛГЕ

Мы говорим: Зарубежная Россия существует, и с того дня, как мы себе это сказали, мы должны знать, как она должна существовать дальше.

Каждый должен ежедневно спрашивать себя: выполняет ли он свой долг по отношению к этому единству духа Зарубежной России. Русская эмиграция должна проникнуться настроением, которое может быть сопоставлено с настроением, господствовавшим в таких организациях, как, например, рыцарские ордены. Все должны считать себя связанными общим обетом, и, живя будничной жизнью рабочего, шофёра, банковского служащего и т.д., каждый должен знать и помнить, что не может не быть воином за великое дело национальной России.

И пусть каждый считает именно себя обязанным вложиться в эту борьбу и не ожидает чудес.

Большие дела совершаются накоплением мелких усилий и каждодневным выполнением своего долга.

Нужно бороться, не надеясь на немедленный успех, и тот, кто способен дать длительное напряжение без надежды на немедленные результаты, — тот всегда пожнёт в конце концов плоды своих усилий.

Если Зарубежный Съезд сумеет создать в русской эмиграции такое настроение, такое напряжение воли и сознания, что гражданская политическая дисциплина так же необходима, как дисциплина военная, — Зарубежный Съезд достигнет той единственной цели, ради которой он собрался, — организации и мобилизации Зарубежной России ради воскрешения и воссоздания национальной России.

Ю.Ф. Семёнов читает свой доклад, внося в него устные дополнения. Собрание внимательно слушает докладчика, и часто его слова прерываются единодушными аплодисментами. Аплодисментами сопровождаются слова оратора о том, что никого не должны удручать те трудности, которые встречаются на пути, и те, которые были вчера здесь на Съезде. Они свидетельствуют лишь о том, что вся масса русской эмиграции обладает необходимой духовной силой и может собрать усилия для преодоления трудностей. Даже чем больше таких трудностей, тем ярче они указывают каждый раз на общее желание их преодолеть.

Таким же взрывом аплодисментов встречается заявление докладчика, что жизненные, духовные силы происходят оттуда, откуда произошла русская эмиграция, а именно из русского народа. Эти жизненные силы показывают на глубокую духовную связь между Зарубежной Россией и Россией Внутренней. Дальнейшие заключения оратора сопровождаются почти непрерывными аплодисментами. «Русская эмиграция, — заявляет оратор, — имеет право говорить всему миру от имени России. Желание же советской власти представлять Россию есть обман, который будет обнаруживаться самими же большевиками».

Единодушно поддерживает собрание мысль о том, что все части русской эмиграции едины и одухотворены одним духом, который соответствует настроению крестьян. Коммунистическая же власть является чужеземной и враждебной России, равно как и врагом всех народов. С коммунистическим Интернационалом никакого сговора быть не может. Всякие переговоры были бы подобны тому, как если бы кто взял масленичную ветвь и стал ею махать перед чудовищем, готовым его пожрать. Но нужны и действия. Борьба должна вестись всякими способами. Эта борьба не должна истекать из единичных выступлений. Зарубежная Россия войну с коммунистическим Интернационалом приняла и от неё не откажется.

Так же единодушно собрание одобряет требование оратора, чтобы каждый ежедневно спрашивал себя, выполняет ли он свой долг в отношении единства духа. Заключительные слова о том, что Съезд собрался ради восстановления и воскрешения национальной России, сопровождаются возгласами «Браво!» и долгими аплодисментами.

Председатель заявляет, что слово предоставляется М.М. Фёдорову. Это вызывает возражения А.Ф. Трепова, который полагает, что, согласно установленному порядку дня, слово должно быть дано ему. Слышится ряд возражений с мест.

РЕЧЬ М.М. ФЁДОРОВА

М.М. Фёдоров занимает место на кафедре и объясняет собранию, что лично он придаёт Зарубежному Съезду очень большое значение. Он считает, что надо сделать всё, чтобы дело было доведено до благополучного конца.

— Здесь нет левого сектора, — говорит он. — Но существуют два сектора: правый и центр. Они *должны сделать всё, чтобы довести до конца дело, направленное к спасению и возрождению России*. Если мы не доведём до конца его, то Европа будет относиться к нам с неуважением. Я и мои друзья имеем свои точки зрения. Н.Е. Марков сказал, что правое крыло свёртывает свои знамёна. Мы готовы сделать то же самое, но я хочу сказать, в чём же заключаются наши отправные точки: во-первых, мы не считаем возможным говорить здесь о форме правления; далее, мы считаем, что ни политическая, ни имущественная реставрация в России невозможна, — Россия после тяжёлых испытаний явится совершенно новой и обновлённой. Затем, наше отношение к Великому князю совершенно определённое. Мы видим в нём большое знамя, но мы считаем, что преждевременное провозглашение может оказаться скорее вредным. В отношении же будущего органа и предполагаемого его беспрекословного подчинения Великому князю...

Председатель останавливает оратора и предупреждает его, что то, что он говорит, не относится к обсуждаемому предмету. Оратор хочет продолжать. Председатель указывает, что, пользуясь властью Председателя, он требует, чтобы оратор не касался поднятого вопроса.

М.М. Фёдоров заявляет, что хотя он и не имел возможности окончить, но сказал достаточно, чтобы всем была ясна его мысль. Он ещё раз приглашает собрание довести до конца начатое дело.

А.Ф. Трепов указывает, что, хотя и был нарушен выступлением М.М. Фёдорова установленный Бюро порядок, но он твёрдо надеется на государственную зрелость правой части собрания, которая приурочит свои суждения к другому времени и месту. Он поясняет, что его выступление сводилось к тому, чтобы говорить о направлении дела. Он считает, что в таком собрании нельзя принимать быстрых решений. Здесь говорилось о живых действенных силах. Далее была высказана мысль, что всех русских, пребывающих за границей, следует собрать в единое, государственное образование, которое должно будет выявить силу, действующую по единой воле Вождя. Съезд сделал бы своё дело, если бы сумел создать здесь центр, который соберёт силу, которая поведёт к спасению России.

— Эмиграция русская не есть то, что принято понимать под словом «эмиграция». Она собой представляет духовно — Россию, пребывающую в изгнании. (*Возгласы: «Браво!»*) Вот основные положения, которые имеются у меня и у других и которые содержатся в докладе Ю.Ф. Семёнова. Моё предложение сводится к тому, чтобы Бюро немедленно обратилось к обсуждению их и затем представило их и разработанный доклад на наше дальнейшее обсуждение. Я твёрдо верю, что живые силы русские, о которых здесь говорилось, найдут способы к объединению и наш Съезд поведёт к государственному образованию. (*Аплодисменты.*)

Председатель заявляет, что заслушанный доклад и вопрос о зарубежном объединении должны быть переданы в Бюро.

Е.П. Ковалевский просит включить в состав Бюро и докладчика Ю.Ф. Семёнова.

Председатель поясняет, что это предусмотрено Наказом.

Ген. Вязьмитинов предлагает для рассмотрения этого специального вопроса пополнить состав Бюро.

Председатель указывает, что следует руководствоваться Наказом. Увеличивать состав Бюро не представляется целесообразным. Но он понимает сделанное предложение так, что, если по этому предмету у кого-либо из состава членов Съезда возникли свои предположения, они должны быть препровождены в Бюро и даже лицо это может быть лично там выслушано. Кооптация же на определённую работу не согласуется с Наказом.

Я.Н. Офросимов указывает, что только что был заслушан полностью первый доклад. Имеется ряд других напечатанных и розданных всем докладов, с которыми каждый имел возможность ознакомиться. Подробное обсуждение их в заседаниях превышает наши возможности и время. Кроме того, такое обсуждение не имеет и практической цели. Главная наша цель — объединение. Поэтому он предлагает, придавая огромное значение всем приготовленным докладам и сознавая всю их ценность, передать их в комиссии.

Он напоминает, что Съезду предстоит ещё выработать обращение к русскому народу и к иностранным государствам.

Председатель указывает, что те доклады, которые прошли в своё время через докладную комиссию, Исполнительное бюро и Организационный комитет, докладываются Съезду.

Те же доклады, которые не прошли указанные инстанции, докладываются комиссии. Внесённое предложение — не читать докладов — может явиться пресечением этого порядка, что вряд ли представляется желательным.

Публичное произнесение, как показал только что заслушанный доклад, имеет известное значение. Кроме того, имеется ряд докладов, полностью не напечатанных, а изложённых в виде тезисов.

Председатель предлагает приступить к избранию недовыбранного 16-го члена Бюро.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Ещё до 5 часов кулуары Съезда уже наполняются делегатами. Происходят совещания групп. Вскоре на эстраде появляется П.Б. Струве, вместе с остальным Президиумом вернувшийся из поездки в Шуаньи к Великому князю.

Около 5 часов 45 минут **П.Б. Струве** просит делегатов занять места. Когда устанавливается тишина, он произносит:

— Во исполнение поручения, данного Российским Зарубежным Съездом, его Президиум был сегодня у Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича и представил ему ваше единогласно, в порыве общего одушевления принятое приветствие. Великий князь с глубоким волнением выслушал наше приветствие и удостоил нас ответом, который я сейчас оглашу.

Весь зал встаёт и стоя внимательно выслушивает ответ Великого князя.

---

* «Возрождение», 7 апреля 1926 г.

ОТВЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Благодарю Зарубежный Съезд за приветствие и за всё мне в нём выраженное.

Нестерпимы угнетение народа Русского, унижение и разорение России, преследование Веры и Церкви Православной и всяческие богоборческие гонения.

Немыслимо было бы и постыдно хранить к сим бедствиям равнодушие, и я высоко ценю засвидетельствованную Съездом готовность зарубежных сынов России содействовать моим начинаниям ко спасению Родины.

Но не предрешению её будущих судеб должны быть отданы наши помыслы, а одному и общему стремлению восстановить в России законность и порядок.

Да возымеет бесправный ныне народ наш свободу беспрепятственно установить основы своего бытия и устроения на благо, славу и величие Державы Российской.

В сём моя цель, и ей отдаю все мои силы. С верою уповаю на помощь Всевышнего — да приблизится час спасения Родины.

24 марта (6 апреля) 1926 г. (Подпись) *Великий князь Николай Николаевич*

Ответ покрывается долго не смолкающими криками «ура!».

После этого **генеральный секретарь** оглашает результаты выборов 16-го члена Бюро. Избран П.М. Трофимов (представитель молодёжи), получивший 233 голоса из 239.

С напряжённым вниманием собрание выслушивает доклад С.С. Ольденбурга и бурными аплодисментами выражает по окончании его свою благодарность докладчику.

Доклад С.С. Ольденбурга

СУЩЕСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ*

ПОЧЕМУ ВАЖНА ПОСТАНОВКА ЭТОГО ВОПРОСА

Вопрос о существе коммунистической власти представляет отнюдь не только теоретический интерес. Наоборот, от правильного его

* «Возрождение», 6 апреля 1926 г.

понимания зависит сознательное отношение к происходящему в России и во всём остальном мире.

Чем является коммунистическая власть: русским правительством, хотя бы и самым варварским, или же внешней силой, поработившей Россию?

Ответ на этот вопрос влечёт за собою несчётные практические выводы.

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ИЗ ИСТОРИИ

Когда во Франции после войны 1870–1871 годов судили маршала Базена, сдавшего Метц и Рейнскую армию немцам в плен, обвиняемый привёл в своё оправдание, что во Франции более не оставалось законной власти, перед которой он был бы ответственен: «Император был в плену, императрица бежала в Англию, законодательный корпус был разогнан, что же оставалось?»

И тогда герцог Омальский, председатель военного суда и член династии Бурбонов, ответил маршалу Базену: «Сударь, оставалась Франция».

Когда начиналась Мировая война, то В.Л. Бурцев, всю свою жизнь неуклонно боровшийся с русским императорским правительством, поехал в Россию — не для проповеди пораженчества, но, наоборот, для того чтобы встать в ряды поборников национального дела. Когда разразилась Февральская революция и Государь отрёкся от престола, русские монархисты даже не помыслили о том, чтобы прервать борьбу с внешним врагом для того, чтобы бороться с Временным правительством, оскорблявшим так жестоко их убеждения и верования на каждом шагу.

Но вот другие образы.

В Мадриде, в королевском дворце, сидит Иосиф Бонапарт, называемый королём Испании. От его имени творится суд и издаются законы. И, однако, испанский народ ведёт жестокую, непримиримую борьбу с ним и с теми, кто его поддерживает; он приветствует, как избавителей, английские войска, вступающие на испанскую территорию. Испанцы видят в них друзей и союзников, а не завоевателей.

Другой, более близкий пример.

В Бельгии правит германский генерал-губернатор фон Биссинг. Он в течение нескольких лет является фактическим распорядителем судеб бельгийского народа, и все бельгийские учреждения, местные самоуправления, университеты, церковные власти должны поддер-

живать с ним постоянные сношения. И, однако, ни на минуту бельгийский народ не считает фон Биссинга *своим правителем*.

Ещё пример, более болезненный: в Ирландии, на Пасхе 1916 года вспыхивает восстание. Быстро подавленное, оно, тем не менее, является зачатком нынешней полунезависимости Ирландии и встречает сочувствие большинства ирландского народа. Вожди восстания говорят в своих прокламациях о «могущественных» союзниках в Европе, которых имеет ирландский народ. Эти союзники — державы, с которыми в то время находилось в войне правительство Соединённого Королевства, говорившее с внешним миром также и от имени Ирландии...

Во всех перечисленных случаях проявилось здоровое национальное чувство. От того, есть ли данная власть своя или чужая, зависит отношение к ней и способам борьбы с ней.

Чем же является для России нынешняя коммунистическая власть?

КОММУНИСТЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕКТА

Составные части нынешней мировой коммунистической партии отстаивались в пределах более рыхлых, более расплывчатых социалистических партий II Интернационала. Мировая война поставила эти партии перед вопросом: что существеннее — идейно-политическая (на социалистическом жаргоне охотно говорят: классовая) солидарность или же солидарность общенациональная? Ответ всех массовых партий был один: *национальная,* и на время войны II Интернационал отошёл в небытие. Но во всех партиях, и более всего среди части русских социалистов, за долгие годы заграничного существования наиболее оторвавшейся от русской почвы, нашлись люди, для которых учение о классовой борьбе и международной солидарности «пролетариев» (фактически: левых социалистов) составляло несравненно больше, чем атрофированное у них национальное чувство.

Некоторые, наиболее зоркие главари этого течения сразу угадали, что мировую войну с мобилизацией десятка миллионов можно использовать для революционных целей; и, внешне объединяясь с крайними пацифистами, стремившимися просто *закончить войну как можно скорее,* задались целью «превращения империалистической войны в гражданскую». Эта идея проходит *красной* нитью — именно красной! — через всё, что говорит левое крыло пресловутых Циммер-

вальдской и Кинтальской конференций*. Именно здесь зародыш мировой коммунистической партии.

У всех на памяти ход русской революции. Усталость масс, желавших мира, бессильная власть, лишённая энергии и инициативы, не умевшая ни вести, ни кончить войну. Этим положением воспользовались те представители международной секты, которые имели связи и престиж в русских социалистических партиях. При благосклонном содействии штаба воевавших с Россией стран, полагавших в своём ослеплении, что мировая разрушительная сила, пущенная в действие, остановится у их границ, будущие руководители III Интернационала проникли на нашу Родину.

Советы и съезды советов явились только внешней формой для установления господства коммунистической партии. Эта же партия является, по своим воззрениям, последовательно интернациональной. Она считает, что не только религия, но и национальность есть нечто подлежащее преодолению. Для неё государства представляются случайными, более или менее уродливыми объединениями людей, подлежащими растворению в единой мировой государственности. В пределах этой человеческой массы они стремятся уничтожить все веками нарощенные разнообразия.

На верхах — среди тех, кто руководит, повелевает, намечает цели, — там только те, для кого понятие Родины и понятие нации не существуют уже давно.

ВНЕШНЯЯ СИЛА, А НЕ РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Может ли власть, на монопольных началах принадлежащая интернациональной политической секте, почитаться за национальное правительство какого-либо государства?

Такая власть будет всегда рассматривать территорию, над которой она господствует, только как временный опорный пункт.

* Международная социалистичекая конференция интернационалистов состоялась 23–26 августа (5–8 сентября) 1915 г. в д. Циммервальд (Швейцария). В ней приняли участие представители социал-демократических партий из 11 государств Европы. На конференции, проходившей в острой борьбе между «интернационалистами», которых возглавлял В.И. Ленин, и имевшими большинство на конференции «центристами», большевики выразили своё пораженческое отношение к войне, к краху II Интернационала. Итогом конференции стало сплочение группы левых — «циммервальдская левая» во главе с Лениным, по сути, стала зародышем III Интернационала. II Международная социалистическая конференция «циммервальдцев» проходила 11–17 (24–30) апреля 1916 г. в д. Кинталь (Швейцария). Большевики вновь последовательно отстаивали свою позицию в вопросе о войне. По итогам конференции была принята резолюция об отношении пролетариата к войне и миру. Но и здесь не были приняты основные предложения большевиков: о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о поражении в войне «своих» правительств, о создании III Интернационала.

Мировая коммунистическая партия, наиболее организованной и влиятельной частью которой сейчас являются коммунисты, собравшиеся на урезанной территории бывшей Российской империи, является в отношении России *внешней силой, а не русским национальным* (хотя бы и скверным, жестоким, варварским) правительством.

Она является *именно внешней силой,* и в отношении России она это так открыто проявляет и так прямо высказывает, что не слышат этого только добровольно глухие.

УПРАЗДНЕНИЕ РОССИИ И ВЫТРАВЛИВАНИЕ ВСЕГО РУССКОГО

Советская власть (псевдоним диктатуры коммунистов) упразднила самое имя «России», заменив его не связанным с каким-либо территориальным признаком названием Союза Советских Социалистических Республик. Она разбила Россию на разноязычные штаты, в которых искусственно культивирует и взращивает местные языки и вытравляет прежнюю русскую общегосударственную спайку. Этим она преследует двоякую цель: уничтожение русской национальной государственности, традиция которой ей глубоко ненавистна, и привлечение симпатий некоторых слоёв нерусского населения. Противоречие интернационализма и «взращивания» мелких народностей только кажущееся: малые народности не могут подняться до сильной национальной государственности, которая могла бы стать опасной интернациональному центру: «несознательным элементам» позволяют «тешиться» игрушкой собственного языка в делопроизводстве. Коммунистическая власть ставит одной из своих задач не оставить от былой России камня на камне, сдать самую память о ней в музеи и архивы.

ХУЖЕ, ЧЕМ ТАТАРСКОЕ ИГО

Власть антинациональной секты, по существу, губительнее и отвратнее господства другой нации. Под татарским игом русская самобытность менее искажалась, нежели под игом коммунистическим. Оно внешне менее заметно, так как коммунист говорит на том же языке (хотя склонен его искажать всякими уродливыми сокращениями), и поэтому сопротивление коммунистическому разложению требует большей сознательности, нежели противодействие простому иноземному засилью.

ВОЗМОЖНА ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИЗМА?

Если коммунистическая власть *по своему существу, по своему замыслу* не может являться национальным правительством, может ли она им *стать* с течением времени путём «перерождения центра», по выражению наиболее яркого представителя «национал-большевизма» Устрялова? Иными словами, возможно ли то, что называют «эволюцией большевизма»?

Суть данного вопроса в том, изменяется ли *направление воли* коммунистической власти или же она делает только внешние уступки необходимости, с твёрдым намерением взять их обратно при более благоприятных условиях. Второе никак нельзя назвать «эволюцией» советской власти.

Между тем все заявления коммунистических лидеров свидетельствуют о том, что *направление воли главарей красной Москвы остаётся неизменно прежним*.

Как стрелка компаса, она неизменно указывает на свой полюс — мировую социальную революцию и создание Мировой Советской Республики.

Но кроме идейной «твердокаменности» интернационально-коммунистических верхов, коммунистов от эволюции, по существу, предохраняет *простой инстинкт самосохранения*. Без идейной спайки, без связей с революционным движением в других странах, без притока сил извне коммунистическая партия рискует *потерять себя*, утратить то единство воли, которое даёт ей господство над огромной, враждебной, но распылённой народной стихией. Утратив веру, коммунисты утратили бы и власть.

Нынешние тактические уступки — которые то даются, то берутся обратно — являются именно *тактическими* уступками.

Сталин не менее коммунист, нежели Зиновьев, хотя его методы действия менее крикливы.

«КРАСНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»

Мировая коммунистическая партия, называющая себя III Интернационалом, стремится к мировому господству. Она желает стать международной олигархией и всюду, как в Советской России, осуществлять свою диктатуру от имени «трудящихся масс». Для этой цели она стремится укреплять свою базу, развивать свою организацию, разлагать противников и находить попутчиков.

Работы над осуществлением некоторых из этих задач имеют внешнее сходство с национальной политикой нормального государства. Стремление расширить пределы своего господства и присоединять к себе одну страну за другой можно условно назвать *красным империализмом*. Это, несомненно, *самый алчный* из всех империализмов, так как именует своим объектом — всю землю.

ВОССОЕДИНЯЮТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ РОССИЮ?

В первую очередь, по линии наименьшего сопротивления, он обращается на территории, входившие в состав Российской империи. Поэтому возникло представление, будто большевики «воссоединяют Россию». Некоторые вполне патриотически настроенные люди иногда бывают склонны говорить, что большевики защищают русские национальные интересы, когда заявляют притязания на Бессарабию, Сахалин и т.д.

Это представление в корне ложно. Подпадение той или иной бывшей русской провинции под власть III Интернационала отнюдь не означает её присоединение к России. Включение Бессарабии в состав «Молдаванской Советской Республики», рассчитанное и на дальнейшее расширение в пределы Румынии, с румынским официальным языком, ни в какой мере не могло бы считаться русской национальной победой. Но большевики искусно улавливают попутчиков, внушая не разбирающимся в существе дела русским людям, что они «защищают интересы России» — той России, которую они так систематически и планомерно разрушают!

УСПЕХИ СССР — НЕ УСПЕХИ РОССИИ

Успехи Союза Советских Социалистических Республик — III Интернационала — мировой коммунистической партии — успехи не России, а злейших её врагов.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОПАСНОСТЬ КОММУНИЗМА

По своей интернациональной природе коммунистическая власть угрожает *всем государствам* и только временно сосредоточивает усилия то на тех, то на других, стремясь найти себе попутчиков в лице врагов той или иной страны. Поэтому такой тревогою исполняется III Интернационал, когда среди других держав намечаются мирные

способы разрешения противоречий. Франко-германский антагонизм являлся крупным козырем в коммунистической игре. Отсюда бешеная ненависть к плану Дауса* и затем к Локарно**.

Владея ресурсами большой страны, мировая коммунистическая партия имеет возможности, о которых доселе не могла и мечтать никакая революционная организация. Дипломатическая неприкосновенность, возможность международно-политических интриг, многомиллионные фонды, унаследованные от прошлого и пополняемые самым бесцеремонным использованием монополии внешней торговли, готовые убежища для бунтарей всех стран — какая невиданная, какая угрожающая картина!

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЗЛОМ

Мировая коммунистическая партия является международной опасностью, международным злом, в борьбе с которым в первую очередь, конечно, заинтересована Россия, но борьба эта едва ли намного менее существенна для уцелевших государств.

Борьба с советской властью не есть борьба с Россией, а, наоборот, борьба со злейшим её врагом. Борьба с международным злом неминуемо должна вестись в международной плоскости.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ ПРОТИВОПОЛОЖНЫ ИНТЕРЕСАМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

И никогда, ни при каких условиях интересы России и поработившего её Интернационала не могут почитаться тождественными. То, что укрепляет Интернационал, отдаляет спасение России, то, что ослабляет Интернационал, — приближает это спасение.

Отношение к советской власти как к плохому, но русскому правительству означает непонимание её существа, и отношение русских к Интернационалу следует сравнивать не с отношением герцога Омальского к правительству национальной обороны или В.Л. Бурцева

---

* *План Дауса* принят в августе 1924 г. на Лондонской конференции стран-победительниц в 1-й Мировой войне. Предусматривал выплату Германией репараций, а также предоставление ей финансовой помощи и контроль над её бюджетом. Назван по имени Ч.Г. Дауса, возглавлявшего международный комитет экспертов, разработавших план.

** Конференция в Локарно (Швейцария) состоялась 5–10 октября 1925 г. Локарнские договоры (подписаны в декабре 1925 г. в Лондоне) закрепляли границы послевоенной Европы и сохраняли демилитаризованной Рейнскую зону. Советский Союз в решениях Локарно усматривал создание антибольшевистского фронта, собственно, в этом мнении его утвердил и английский посол в США заявив, что Локарнские договоры наносят удар коммунизму.

к императорской власти, но с тем, как испанцы относились к навязанному им брату Наполеона или бельгийцы к германскому генерал-губернатору. Впрочем, конечно, ни Иосиф Бонапарт, ни ген. фон Биссинг и в малой степени не достигали той степени «зловредности», воплощением которой является доныне господствующая над Россией коммунистическая власть.

Председательствующий Д.Д. Гримм сообщает, что в 9 часов вечера соберётся Бюро Съезда, а в среду, по случаю праздника Благовещения, заседание будет начато в 3 часа дня.

Н.Е. Марков (*с места*): Правильно.

Председательствующий просит, чтобы в зале заседаний не курили, и предлагает его распоряжение принять к немедленному исполнению. Затем он предлагает, если кто-либо желает высказаться о направлении дел, выслушать по два оратора «за» и «против». Ввиду отсутствия желающих, председательствующий предлагает приступить к прениям по докладу С.С. Ольденбурга и приглашает желающих говорить подавать ему записки. При этом Д.Д. Гримм оглашает следующие тезисы доклада:

1. Мировая коммунистическая партия, наиболее организованной и влиятельной частью которой сейчас являются коммунисты, собравшиеся на урезанной территории, принадлежавшей Российской империи, является в отношении России внешней силой, а не русским национальным — хотя бы и самым жестоким — правительством.

2. Советская власть — псевдоним диктатуры коммунистов — упразднила самое имя России и стремится разбить её на разноязычные штаты, лишённые спайки общегосударственного языка. Она преследует цель — уничтожение русской национальной государственности, традиция которой глубоко ей ненавистна.

3. Успехи Союза Советских Социалистических Республик — III Интернационала — мировой коммунистической партии — успехи не России, а злейших её врагов.

4. Мировая коммунистическая партия является международной опасностью, международным злом, борьба с которым неминуемо должна вестись в международной плоскости.

Н.Е. Марков (*с места*) предлагает принять тезисы целиком.

Председательствующий заявляет, что, раз нет желаний высказаться, тезисы считаются в принципе единогласно принятыми и передаются в Бюро.

Собрание ещё раз благодарит докладчика, и председательствующий объявляет заседание закрытым.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Возрождение», 7 апреля 1926 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Вчера на Съезде был большой день. С огромным и единодушным энтузиазмом принят текст приветствия Великому князю Николаю Николаевичу. Надпартийный и сверхпартийный облик Съезда обнаружился в полной мере: перед именем Великого князя смолкли споры, улеглись распри, сгладились трения — и сменились выражением стихийного, общего и единого порыва. Этот порыв членов Съезда есть лишь отклик и отблеск массового порыва Зарубежной России. Съезд сказал лишь то, что на устах и в мыслях всей национально настроенной Зарубежной России. Он дал выход, дал выражение сложившемуся, окрепшему, отстоявшемуся народному мнению.

Имя Великого князя есть в этом мнении символ великого прошлого и светлого будущего. В тягостном, безгосударственном настоящем оно — воплощение российской государственной идеи. Оно льёт отраду и бодрость в измученные «беженские» сердца и вместе с тем является тем фокусом, у коего сосредоточивается общая воля к борьбе, к победе, к национальному возрождению.

Но имя Великого князя не только знамение единения всей той Зарубежной России, которая не забыла своего долга перед Родиной — долга непримиримой борьбы с её насильниками. Это имя звучит и за пределами её, несётся в Россию, звучит вздымающим военным кличем к борьбе с коммунистами, несётся благовестом примирения и братского единения со всеми некоммунистами. Это имя стирает черту между Зарубежной и Внутренней Россией, служа символом не только зарубежного единения, но и духовной связи с нашими подъяремными братьями, духовно не признавшими власть коммунистов. Для них все наши нас увлекающие, а иногда и принижающие и ослепляющие споры и пререкания непонятны, невразумительны, чужды. Для них, в условиях советской жизни, одна лишь про-

стая и ясная задача понятна и вразумительна: надо свергнуть власть коммунистов — но так свергнуть, чтобы не затоптать в новой смуте и анархии новые и свежие ростки жизни, которыми покрылась Русская земля за чёрные годы советского гнёта, свергнуть во имя той России, которая пусть в муках и в скорбях, но растёт и наливается силами под слабеющей пятой большевиков.

Эти внутренние силы крепнут и множатся. Наступит день, когда мы соединимся с ними в общем деле освобождения России. Сейчас мы можем лишь перекликнуться с ними, провозгласив здравицу Тому, Кто в былое, великое время вёл русские войска к победе, на Ком почиет сень русского Великодержавия и Кто на своём знамени несёт завет непримиримой и беспощадной борьбы с большевиками за освобождение и возрождение нашей Родины.

«Возрождение», 6 апреля 1926 г.

СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

«...Русская эмиграция должна проникнуться настроением, которое может быть сопоставлено с настроением, господствовавшим в таких организациях, как, например, рыцарские ордены. Все должны считать себя связанными общим обетом, и, живя будничной жизнью рабочего, шофёра, банковского служащего и т.д., каждый должен знать и помнить, что он не может не быть воином за великое дело национальной России».

Эти прекрасные слова выражают смысл предоставленного на Съезд и заслушиваемого сегодня доклада Ю.Ф. Семёнова «Сущность и назначение Зарубежной России».

Иной склонный к унынию рабочий у станка, истомлённый будничным трудом, скептически спросит: в чём же борьба? чем сейчас я воин? не «возвышающий ли обман» таят в себе эти громкие слова? не в утешение ли нам они лишь сказаны?

Так может спрашивать лишь тот, кто не отдаёт себе отчёта в огромности масштаба нашей борьбы. Время, когда жребий России решался в открытом поле, уже прошло и ещё не пришло. Мы отступили.

Но мы не сдались.

Мы залегли в окопы «беженского существования» и ждём. Иногда эти окопы полны ужасов самых тяжких лишений. Для

многих они превратились уже в достаточно комфортабельные зимние квартиры. Для некоторых, для счастливых единиц, они исполнены таких удобств, которыми, быть может, не баловала их и русская жизнь.

И перед нами две задачи, простые, но в этой простоте столь необъятные, столь безмерно ответственные!

Первая задача: быть и остаться русскими.

Задача нелёгкая, ибо соблазн «денационализации» сторожит за каждым углом. Задача огромная, ибо быть и остаться русскими — значит сохранить великое богатство русской культуры, и не только сохранить, но и приумножить его. Быть и остаться русским — значит не стоять неподвижно и иссыхать, а как-то расти, духовно и материально, расти и преуспевать на чужой почве, продолжая быть русскими.

Но пусть не думают, что этим ограничивается и исчерпывается наше призвание. Многие утешают себя тем, будто можно быть и остаться русским, уйдя от политики, укрывшись за щит «аполитичности». Это жестокое заблуждение, и не возвышение над политикой означает «аполитичность», а нравственное и духовное падение.

Ведь задача быть и остаться русским стоит и перед Внутренней Россией. А там нет опасности «культурной» денационализации! Там угрожает не чужой национализм, а безнациональный коммунизм. Там, за чертой, Россия тоже в окопах, и там она зарылась под землю, унося вглубь самое драгоценное и тем защищая его от воинствующего коммунизма. И ещё вопрос — чьи окопы тяжелее: наши здесь или их там, и могут ли сравниться с нашими здешними горями и бедами то истязание страхом и та пытка лицемерия, на которые обречены все без изъятия граждане СССР, имеющие силу духа быть и остаться русскими.

Перед нами, за рубежом, прямой угрозы коммунизма нет, но это не значит, будто нет опасности коммунистической отравы. Она есть, и прежде всего под видом соблазнительной в своей бесцветности личины «аполитичности».

Ведь что значит в наших условиях внешней свободы «аполитичность»? Капитуляция пред коммунизмом, отказ от борьбы, уход из «окопов». И не может человек, говорящий: «Мне всё равно, кто в России — большевики или другие», одновременно сказать: «Я был и остался русским». Нет, он уже предал Россию, он отрёкся от неё.

Нет, пока не существует России, а существует СССР, только тот может сказать, что он был и остался русским, кто сумел остаться или сделаться белым.

Быть и остаться белыми — вот вторая задача зарубежных русских. А это даётся лишь в борьбе. Стать или остаться белым нельзя лишь внешне и формально, куда-то «записавшись» или где-то «числясь». Остаться белым — это значит как-то действенно проявлять свою ненависть к большевикам и свою любовь к России, проявлять так и в тех формах, какие возможны в тех условиях, в коих находится данный человек. Эти проявления могут быть бесконечно разнообразны, как разнообразна и сложна окружающая жизнь. Это лишь очередные обнаружения той фанатической непримиримости к большевикам и безграничной и жертвенной преданности России, которые составляют существо белых. Эти проявления могут быть сейчас для огромного большинства лишь эпизодическими и случайными, но ведь мы, в массе, и здесь и там находимся не в открытой борьбе, а лишь в стадии *накопления сил*. Это нужно помнить и... не унывать.

Просуществовать, а по возможности и *преуспеть* в трудных условиях чужой жизни и притом остаться русским и остаться белым — это огромная задача, которая осуществима лишь при наличии того пафоса «воинства» и «рыцарства», о которых так хорошо говорил Ю.Ф. Семёнов.

Четвёртый день*

Среда, 7 апреля

Четвёртый день Съезда был днём докладов и групповых совещаний.

Заседания начались только в четвёртом часу дня, так как ввиду праздника Благовещения многие члены Съезда пожелали присутствовать на обедне.

Доклад **А.М. Масленникова** об отношении к Красной армии и советским служащим, проникнутый духом взаимного понимания Внутренней и Зарубежной России, был единогласно одобрен Съездом. Наибольший интерес привлёк доклад **Е.П. Ковалевского,** посвящённый не ярко политической, но жизненно важной теме о русской школе. Он вызвал оживлённый обмен мнений — первый живой обмен мнений на Съезде, продолжавшийся часа два. Затем был заслушан обстоятельный и богато документированный доклад **Б.Н. Соколова** о положении советской промышленности, составленный на основании данных Торгово-Промышленного Союза.

Деловая атмосфера дневного заседания была несколько нарушена выступлением **С.Н. Третьякова,** оставившим чувство тягостного недоумения среди собравшихся.

<...>

Доклад А.М. Масленникова

ОТНОШЕНИЕ ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ К РУССКИМ ЛЮДЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В КРАСНОЙ АРМИИ И НА СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ**

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАХВАТУ БОЛЬШЕВИКОВ

Трагизм переживаемой нами революции главным образом состоит в том, что эта революция, начавшаяся под национальным лозунгом — доведение войны до победного конца, — свелась к захвату

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

** «Возрождение», 7 апреля 1926 г.

власти над русским народом разноплемённою шайкой международных авантюристов, не только чуждых, но прямо враждебных национальным интересам России.

Естественно, что захват власти такими элементами должен был глубоко возмутить, а затем вызвать отчаянное сопротивление со стороны тех русских общественных кругов, для которых защита национальных интересов Родины составляла сущность их бытия. Так создалось русское Белое движение, беззаветно и героически боровшееся с властью коммунистов за честь, достоинство и существование национальной России.

В неравной и необычайной борьбе Белое движение не победило, и ставшие в его ряды русские люди, потеряв все возможности остаться на родной земле, принуждены были искать убежище в чужих странах.

ПОСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ — ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

Создалось не виданное в истории миллионное русское беженство — Зарубежная Россия. Именно — Зарубежная Россия, так как наше беженство представляет собой не эмиграцию какого-либо сословия, класса или политической партии, как это было во время революции в других странах, а уход из России русских граждан всех решительно классов, сословий и политических мнений, объединённых между собой только одним отрицанием власти коммунистов.

ПОЧЕМУ БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕ УВЕНЧАЛОСЬ СКОРЫМ УСПЕХОМ?

Вопрос: почему героическая борьба Белого движения не завершилась до сих пор — останавливал и останавливает на себе всеобщее внимание. Причины неудач многие пытались найти в тех или других промахах руководителей Белого движения или в несовершенстве применявшихся ими лозунгов и тактических методов борьбы.

В настоящее время, когда представляется вполне возможным объективно подойти к разрешению этого вопроса, становится очевидным, что не в перечисленных выше, быть может и существовавших в действительности, недочётах распоряжений руководителей Белого движения кроется главнейшая причина этого поражения, а в создавшихся в то время непреодолимых, часто органических условиях, в силу которых поражение белых становилось неизбежным.

ПРИЗЫВ К САМОПОЖЕРТВОВАНИЮ И УСТАЛОСТЬ НАРОДА

Белое движение, основанное на героических и высших моральных побуждениях, в своих обращениях к русскому народу могло взывать только к подвигу самопожертвования, а это совершенно не совпадало с теми разрушительными настроениями, которые, как стихия урагана, охватили в то время души народных масс, утомлённых бедствиями войны и разочаровавшихся в её скором успешном окончании.

Три года невиданной Мировой войны, потребовавшей страшных, неслыханных жертв и расстроившей экономическую жизнь страны, сделали своё дело. Клич Ленина — воткнуть штык в землю и идти по домам — вполне совпадал с наступившими настроениями масс, а потому Ленин и предводимая им шайка международных авантюристов неизбежно должны были выплыть на поверхность наступившей в стране анархии, бороться с которою в то время было уже некому, ибо веками установленная государственная власть была сметена, а заменившая её власть для такой борьбы не имела ни сил, ни умения.

ТОРЖЕСТВО СТИХИИ АНАРХИИ

При таких условиях на поверхности будущей стихии анархии любимыми героями толпы вполне естественно могли стать только те, кто от народных масс никаких жертв не требовал, а сулил им лишь земные блага, хотя бы и под неблаговидным лозунгом грабежа и разбоя.

Вот причины, почему к Белому движению активно, с полным сознанием грядущей гибели Родины и решимостью на самопожертвование, могла примкнуть только сравнительно небольшая часть чуткого к правде и способного разобраться в наступившей смуте населения.

ОБРЕЧЁННЫЕ НА ПАССИВНОСТЬ

Из среды этих людей не все имели физическую возможность стать под знамёна Белого движения. Дальность расстояний, отсутствие материальных средств и, наконец, созданные коммунистами преграды и заставы создавали в то время непреодолимые препят-

ствия для присоединения к белым. Трудно учесть, сколько беззаветно преданных Родине русских людей террором и насилием коммунистов вынуждены были, стиснув зубы, оставаться пассивными зрителями трагической борьбы белых и сколько таких людей из одних только подозрений были замучены в Че-Ке коммунистами.

ОШИБКА ОЖЕСТОЧЕНИЯ

Только теперь, спустя несколько лет после поражения белых, становится возможным объяснить, почему на призыв белых генералов — Корнилова и Алексеева — со всей необъятной России явились далеко не все те, на кого эти генералы возлагали свои надежды. Тогда же, в разгар самой борьбы и в особенности под конец её, сторонники Белого движения, испытав всю горечь поражений и разочарования в успехе, психологически не могли стать на такую объективную точку зрения и быть вполне беспристрастными судьями над всеми не явившимися к ним на помощь. Невольно они должны были рассматривать этих не пришедших к ним русских людей или как жалких трусов, или даже как предателей своей Родины.

ЕСТЬ ЛИ ПРОПАСТЬ МЕЖДУ НИМИ И НАМИ?

Благодаря этому, между белыми, покинувшими свою Родину, и теми, которые в силу непреодолимых разнообразных причин должны были остаться в России, невольно создалась как бы непроходимая пропасть, заставлявшая их недоброжелательно, а иногда даже с ненавистью относиться друг к другу. А в то же время те и другие, испытывая величайшие страдания — одни в лишениях на чужбине, а другие под гнётом, террором и издевательствами коммунистов, — каждый по-своему, в сущности, несли подвиг служения делу спасения и возрождения Великой Национальной России.

ЗАСЛУГИ И ТЕХ, КТО ТАМ...

Если заслуги Зарубежной России велики в том, что она, несмотря на все тяготы беженской жизни, сумела на чужбине отстоять и сохранить духовные и моральные ценности национальной России, то справедливость требует признать, что велики также заслуги и тех национально настроенных русских людей, которые, оставшись в России, работали на благо Родины.

Под неслыханным гнётом террора и издевательствами коммунистов они, затаив в себе горечь обиды и ненависть к поработителям, пошли на службу к так называемой советской власти. Этим людям, находятся ли они в рядах Красной армии или состоят на другой советской службе, Россия обязана тем, что, несмотря на всю разрушительную деятельность коммунистов, всё же будут сохранены от полной разрухи и уничтожения многие духовные и материальные ценности России.

НЕОБХОДИМЫ СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ ЗАРУБЕЖНОЙ И ВНУТРЕННЕЙ

В настоящее время ураган революции, этой стихии ненависти и разрушения, уже пронёсся над нашей несчастной Родиной. В могильной тишине, созданной неслыханным террором и зверствами коммунистов, массы русского народа с ужасом видят и понимают, в какую пропасть их завели обманщики и как велика разница между тем земным раем, который им сулили, и наступившею действительностью.

В данное время важно не то, что коммунистическую власть в России ненавидят и презирают, а то, что в сознании народа созрело понимание, что эта власть — не национальная власть великого русского народа, а иго ничем не стесняющихся и не признающих ничего святого преступных поработителей, которые совершенно не способны и не желают дать русскому народу нормальные условия человеческой жизни. Час освобождения от этого ига близок, и скорейшее наступление его зависит от дружной, совместной работы Зарубежной России и русских людей, оставшихся в пределах своей Родины.

НЕТ РАСКОЛА, НЕТ ПРОПАСТИ

И вот когда наступит этот, всеми желаемый час освобождения России и когда русские люди, пребывающие ныне вне пределов своей Родины, встретятся вновь на родной земле с оставшимися там братьями, пред нами станет во всей своей величине роковой и чреватый последствиями вопрос: существует ли между этими расколовшимися было двумя частями России та пропасть, которая в минуту прошлой борьбы многим из них казалась такою непроходимою? Или же, напротив, для всех русских людей станет очевидным, что эта пропасть давно уже заровнялась, заполнившись общими страданиями, лишениями и единым для всех порывом спасти Родину от врагов и восстановить её былые величие и мощь?

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВСЕХ ДЕЙСТВЕННЫХ СИЛ

В данное время, когда среди русских людей происходят споры о том, в какие законченные формы должна вылиться государственная власть в России, бесспорным для русских людей, как оставшихся в России, так и оказавшихся за рубежом, должно быть признано одно — что только та власть будет в состоянии освободить Россию от коммунистов и восстановить разрушенные ими величие и мощь страны, которая сумеет объединить вокруг себя все действенные национальные силы.

ОТКАЗ ОТ ПОЛИТИКИ МЕСТИ И КАРЫ

Для того же, чтобы стать таковою, эта власть должна проникнуться глубочайшим убеждением:

1) что она призвана не для, хотя бы и кажущихся справедливыми, мести и кар, а чтобы стать творцом в деле восстановления разрушенной государственной и экономической жизни России;

2) что эта власть является не ставленницей, а поэтому не сторонницей той или другой из боровшихся между собой политических, общественных или классовых группировок, а русской, государственной, национальной властью, стоящею выше всяких частных, классовых, сословных и партийных интересов, властью, призванною творить общее для всех русских людей государственное дело, и

3) что эта государственная власть, в силу приведённых выше её свойств преследуемых ею целей, в деле ли укрепления военной мощи страны или же в устроении её внутренней жизни, когда ей придётся возлагать на русских людей несение тех или иных государственных должностных обязанностей, в своём выборе должна руководствоваться не воспоминаниями о том, где и в каком стане находилось то или другое лицо во время русской смуты, а исключительно степенью пригодности и способности назначаемого работать на благо Родины.

Вот те условия, при наличности которых представляется возможным установление в России государственной власти, способной не только с наименьшими жертвами победить большевиков, но и затем установить прочный государственный порядок и восстановить былые величие и мощь России.

<...>

Дружными аплодисментами поддерживает собрание мысль докладчика о том, что находящиеся в Советской России по-своему работают на то, чтобы производимое коммунистами разрушение жизни не было доведено до конца, и в этом заключается их заслуга.

Такими же одобрениями сопровождаются слова докладчика о том, что когда наступит желанный момент встречи на родной земле с нашими братьями, то, конечно, между нами никакой пропасти не будет. Если она и была, то давно заровнялась. Будущая русская национальная государственная власть будет властью, стоящей выше сословных, партийных, частных интересов. Она будет призвана творить общее государственное дело. Эта власть при выборе людей должна будет руководствоваться исключительно степенью способности и пригодности каждого работать на благо России.

«Вы вашими аплодисментами, — говорит докладчик, — подтверждаете высказанные положения. Я не считал их утопическими, а имел в виду, что они будут проводиться в жизнь Великим князем Николаем Николаевичем. (*Аплодисменты.*)

Этот вождь никем не избран. Он не является измышлением русской эмиграции. Она слышит звуки голосов, доходящих с нашей великой Родины. Великий князь является *Вождём Назначенным:* религиозные люди говорят — Волею Божиею, а нерелигиозные — интуицией народа».

Председатель напоминает оратору, что срок, назначенный для доклада, истекает.

А.М. Масленников (*продолжает*): Такому Вождю надо подчиняться, как голосу страждущей Родной Матери, а эта общая мать — это обескровленная, истерзанная матушка-Россия. (*Бурные аплодисменты.*)

Председатель спрашивает, желает ли кто-либо сделать замечания или собрание принимает доложенные тезисы. (*Аплодисменты.*) Тезисы одобряются.

Председатель предоставляет слово для внеочередного заявления **С.Н. Третьякову.**

ЗАЯВЛЕНИЕ С.Н. ТРЕТЬЯКОВА*

С.Н. Третьяков просит аудиторию выслушать его заявление, не перебивая его.

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

— Я не выступал ещё, — говорит он, — на этом Съезде и, может быть, не буду выступать. Поэтому я хочу высказать то, что я пережил и перечувствовал. Я буду говорить не от имени группы, не от имени организации, не от имени центра, который здесь образовался и в работах которого я принимал участие, а как скромный член Съезда Сергей Третьяков.

Я принял с самого начала участие в созыве Съезда. Одно время я колебался, уходил, потом возвратился. Это возвращение было для меня очень тяжёлым, ибо не соответствовало моему настроению. Я знал и чувствовал, каков будет Съезд. Я был уверен, что определённое политическое настроение возобладает на нём, что на нём создастся определённое моральное и численное большинство. Большинство оказалось реальным и совершенно компактным. Я хочу поблагодарить представителей этого большинства, его лидеров за то, что они не использовали его во вред. Надеюсь, что всё, что сделано до сих пор, сделано по соглашению, что лица, избранные в органы Съезда, избраны на коалиционном начале. Но дело в психологии. Здесь есть две группы: правая — компактная, связанная, и умеренная — шаткая, не знающая, чего хочет. Правые требуют власти, вождя, готовы подчиниться. Вы все помните речь Краснова, её основной мотив «Слушай! В поход!».

Позвольте мне сказать о другом настроении. Вы все читали Мельникова-Печерского и помните древнего старца Иосифа. Вы помните текст: «Три жребия дано человеку от Бога: Симов — Богу служити, Иафетов — власть держати и Хамов — страх имети»*.

С.Н. Третьяков начинает говорить об отсутствующих потомках третьего колена, побоявшихся прийти.

Делегаты недоуменно переглядываются, раздаются голоса: «О ком он говорит?», «Что это значит?», «Это оскорбление».

Председатель прерывает оратора и просит его не употреблять выражений, недопустимых в их толковании применительно к членам Съезда. (*Голоса одобрения.*)

П.Б. Струве: И я не только прерываю вас, но призываю вас к порядку. (*Голоса: «Правильно».*)

С.Н. Третьяков: Вы, может быть, хотите лишить меня слова?

П.Б. Струве: Нет, я призываю вас к порядку, но, если вы будете так продолжать, я лишу вас слова. (*Одобрительные возгласы.*)

С.Н. Третьяков: Когда меня убеждают и говорят, что глас народа — глас Божий и надо подчиниться, я этого не хочу. Мне и

* См.: *Мельников П.И. (Андрей Печерский).* В лесах. В двух книгах. Книга вторая. М., Издательство художественной литературы, 1958. С. 271.

раньше это говорили. Например, московские купцы, когда благословляли меня идти во Временное правительство. Всю вину за это, весь одиум* я принял на себя. И когда я говорил вчера в одном собрании об этом, надо мной смеялись. (*Голоса: «Какое нам дело до этого?»*) Господа, на фоне этих настроений приходится принимать решения. Одно уже принято, и можно только благодарить за него. Я говорю о приветствии Великому князю. (*Аплодисменты.*) Ответ на это приветствие настолько хорош, что перед ним можно только преклониться. (*Аплодисменты.*) Но есть другие дела. Есть вопрос об органе и о реставрации. (*Протесты в зале, голоса: «Такого вопроса нет».*)

Оратор переходит к вопросу об органе, но председатель прерывает его.

П.Б. Струве: Я дал вам слово для личного заявления, а не для развития мыслей по вопросу, который не поставлен на повестку. (*Голоса: «Правильно», аплодисменты.*)

С.Н. Третьяков снова говорит об органе и о реставрации, которой якобы кто-то хочет. Эти слова вызывают шум протеста в зале.

Председатель приглашает оратора вернуться к существу заявления и перейти к заключительной части, без которой оно вообще не может быть оправдано, как внеочередное заявление. (*Аплодисменты.*)

С.Н. Третьяков: Я знаю, куда идёт Съезд, и моя совесть не позволяет мне лично дольше участвовать в нём. (*Аплодисменты.*)

С.Н. Третьяков под иронические аплодисменты покидает трибуну.

Председатель: Заявление члена Съезда С.Н. Третьякова обсуждению не подлежит. Слово принадлежит докладчику **Е.П. Ковалевскому.**

В КУЛУАРАХ**

После речи С.Н. Третьякова значительная часть делегатов высыпает в кулуары, где оживлённо комментируется выступление Третьякова. Ясно чувствуется, что на всех оно произвело самое отрицательное впечатление. Вместе с тем ему не придаётся никакого политического значения и никаких выступлений в связи с ним не предвидится.

---

* Ненависть, неприязнь (*лат.*).

** «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

Настроение быстро успокаивается, и делегаты постепенно возвращаются в залу — слушать доклад Е.П. Ковалевского и прения. Восстанавливается деловая атмосфера, проявляющаяся в выступлениях ораторов.

А.Н. Крупенский, занимающий место Председателя, предлагает Е.П. Ковалевскому изложить свой доклад.

Тезисы доклада Е.П. Ковалевского

РУССКАЯ ШКОЛА ПОД ИГОМ БОЛЬШЕВИКОВ*

РУССКАЯ ШКОЛА ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

К началу войны Российская империя обладала громадным, правильно оборудованным аппаратом для низшего, среднего и высшего, а также специального образования и всеми необходимыми научными учреждениями. Организация народного просвещения, в связи с правильно разработанным финансовым планом, обеспечивала количественное и качественное развитие учебных заведений и правильное воспитание молодого поколения.

ШКОЛА ПОД ИГОМ БОЛЬШЕВИКОВ

Война почти не нарушила актива просветительного дела в России. Здания остались целы, оборудование почти не пострадало, профессора высших учебных заведений, учителя средних школ и учительницы низших в войне не участвовали, а после революции учащиеся всех степеней, не имея возможности выехать за границу, остались в распоряжении новой власти.

В руки большевиков поступили не только вся организация и средства народного образования и контингент подготовленных преподавателей, но, сверх того, отнятые от владельцев многочисленные дворцы, дома, усадьбы, заводы, мастерские, издательства, типографии и книжные склады, что давало им полную материальную возможность поднять, если бы они захотели, учебное дело на необычайную высоту.

На деле произошло обратное. На бумаге в первые годы властвования большевиков намечаются широкие планы и даются обещания необыкновенно быстрого умножения числа учебных заведений и преобразования их по самым модным теориям педагогики: «трудовая

---

* «Возрождение», 7 апреля 1926 г.

школа», «комплексные» методы обучения, «Дальтон-план»*, «система рефератов» и т.д.

Изобретаются «фронты» для борьбы с безграмотностью, «недели пролетарской культуры»; назначаются близкие сроки для достижения «всеобуча», чуть ли не во всех губернских городах открываются «университеты», и другая статистика кричит о всякого рода «ударных достижениях».

Старая система разрушена, новая не осуществлена, церковь поставлена вне закона, земства и городские управления упразднены, центральная власть, всесильная для разрушения, бессильна на творчество. Школы закрываются, учителя бегут или голодают, учащиеся отказываются идти в школу или сидят в ней, не получая знаний, без учебников, без книг.

Учебные заведения, уцелевшие в Совдепии, после краха 1922–1923 годов делятся на две неравные группы: в столицах и областных городах устраивается несколько показательных (декоративных) учреждений, которые обставляются надлежащим образом, на них не жалеют денег, и они служат для демонстрации знатным иностранцам забот советской власти о подрастающем поколении: школы, приюты, «избы-читальни», детские колонии, рабочие клубы с библиотеками и т.д.

За пределами иностранной досягаемости в остальной России прозябают пониженные, искажённые, бедные, недостаточные числом учебные заведения разных типов и степеней.

В частности, в области начального образования вместо бесплатной школы и платного учителя мы видим школу платную, а учителя — не получающего содержания; вместо нормальной средней школы — неопределённую школу второй ступени, вместо университета — рабфак.

Не в материальной бедности или технических недочётах учебного плана или методов преподавания лежит корень ужасного зла, а в том, что школа является орудием в руках большевистской власти для политических и социальных экспериментов над русскими детьми и юношеством. Экспериментов, имеющих последствием моральное и физическое развращение детей. Рядом разнообразных и систематически осуществляемых мер школа, являясь очагом для партийной коммунистической обработки детей, становится, по меткому выра-

* Организация учебного процесса, разработанная американским педагогом Е. Паркхерст и впервые применённая в начале XX в. в г. Дальтоне. Подразумевал отмену урока как форму организации учебного процесса и замену его индивидуальными «подрядами». При этом учитель только «консультировал» ученика и принимал его отчёт за определённый период обучения (неделю, месяц). Получил распространение в СССР в 20-е гг., правда, видоизменившись, принял форму «лабораторно-бригадного метода».

жению г-на Обера, питательной средой для культуры бацилл безнравственности.

Главнейшими из мер, входящих в этот сатанинский план, являются:

1. Исключение из школы преподавания Закона Божия, запрещение молитвы и икон (декрет 19-XI-18 г.), изгнание священников из педагогических советов учебных заведений, а потом борьба с преподаванием Закона Божия и вне школы, преследование уроков в церкви, в квартире священника и на дому (1923), запрещение носить нательный крест. После краткого периода религиозной нейтральности — выступление воинствующего атеизма. Он выдвигается сначала в виде отвлечённой теории, а затем быстро превращается в наглое, кричащее богоборчество. Издевательство и кощунство имеют целью совершенно вытравить из души ребёнка религиозное чувство и лишить его всякой нравственной опоры, даваемой верой. (См. циркуляр 15-VI-1921 г.)

2. Как непосредственное следствие антирелигиозной пропаганды — пропаганда антиморальная: борьба с авторитетом семьи и общества, разрушение понятий «греха» и «стыда», внедрение в школьный обиход «шпионажа» и «доноса».

3. Проведение через все учебные предметы идеи классовой борьбы и освещение учебного материала, даваемого учащимся, под этим углом зрения. Противоположение христианским понятиям любви и прощения — коммунистического чувства вражды и ненависти. «Ненависть» становится центральным стержнем в деле «формирования коммуниста».

4. Наконец, преждевременное пробуждение в детях полового инстинкта и их дальнейшее развращение постоянным возвращением к половым вопросам (анкета 1922 г.), имеющее последствием не только моральное, но и физическое разложение подрастающего поколения.

Не довольствуясь школой, большевизм продолжил свою разрушительную работу, проводимую в международном масштабе, при помощи двух новых орудий — кружков пионеров и комсомольцев. Это орудие пущено в ход в 1919 году и оформилось в ноябре 1921 года, и за истекшие пять лет комсомольство приняло угрожающие размеры, соединяя в себе всё, что указано в предыдущем пункте, но с большей ещё интенсивностью и той разницей, что обыкновенный ученик есть лишь объект воздействия красного учителя или пропагандиста, а пионер или комсомолец мыслится как активный участник, действующий не только за страх, а и по личной инициативе.

ШКОЛА В ОСВОБОЖДЁННОЙ РОССИИ

С падением большевистской власти перед будущими деятелями встанут сложнейшие задачи. Как остановить дальнейший развал школы? Какое противоядие нужно, чтобы спасти молодое поколение от коммунистической отравы? Возникнет ряд вопросов, связанных с:

а) постановкой учебного дела;

б) религиозно-нравственным воспитанием;

в) борьбой с отрицательными понятиями и навыками, усвоенными в советской школе;

г) восстановлением и укреплением идеи патриотизма и усвоением не только умом, но и сердцем великих заветов русского прошлого;

д) противоположением безликому Интернационалу живых и деятельных национальных задач.

В частности, в первую очередь встанут вопросы:

а) о возможности восстановления старой русской школы и в каких пределах;

б) о мерах переходного периода — преобладание системы внешкольного образования для получения максимума знаний при минимуме времени;

в) в области воспитательной не только восстановление Закона Божия как учебного предмета, но проведение религиозно-нравственных начал на всех ступенях образования;

г) временное устранение детей из развратившейся среды и помещение их в закрытые учебные заведения (английская система) и ряд других мер, которые будут подсказаны жизнью.

Спасение школы должно сопровождаться восстановлением с первых же шагов русского языка и устранением из него всех безобразных искажений и наслоений, которым он подвергся во время большевиков.

Борьба за школу и достижение реальных результатов в деле морального оздоровления молодого поколения возможны только при условии искреннего и тесного сотрудничества государства, церкви, семьи, общества и частной инициативы.

В нашей подъяремной Родине, несмотря на общую атмосферу политического сыска и отсутствие минимальной духовной свободы, вопреки большевистской власти, идёт борьба за добрые традиции русской школы.

Случайно сохранившиеся старые педагоги и лучшие из молодых, понявшие ложь и вред коммунистической системы, добросовестно, с

упорством и верой в свою правоту, прилагают старания к сохранению обломков старой школы и отдают свои силы на разработку педагогических вопросов, выдвигаемых жизнью. Их труд имеет немалую ценность для будущего русского просвещения.

ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

Задачи, выдвигаемые жизнью на чужбине, также очень сложны и разнообразны. Они требуют к себе самого напряжённого внимания и настойчивых систематических усилий всех беженцев. Нужно суметь дать детям максимум знаний, полезных на период пребывания их за границей, таких, которые понадобятся по возвращении в освобождённую Россию, и в то же время сохранить их национальное лицо.

Для этой цели надо:

а) стараться давать русским детям общее образование в местных, туземных или русских учебных заведениях, дополняя их образование в первом случае изучением русских предметов (русский язык, литература, история, география);

б) полезно, кроме того, дополнительное изучение каждым беженцем на краткосрочных курсах или в мастерских какой-нибудь профессии или ремесла;

в) организации в тех случаях, когда не могут быть устроены постоянные русские отделения, периодических приездов преподавателей русских предметов (временные пункты);

г) меры для религиозно-нравственного воспитания детей;

д) широкая борьба с денационализацией детей, бывших в России, но начинающих забывать русский язык и Родину, и воспитание в национальном духе детей, родившихся за рубежом;

е) устройство союзов: матерей, дней русской радости и скорби, распространение русской книги. Ознакомление с русскими искусствами (музыка, пение, живопись, архитектура) и вообще русской культурой. Поддержание обычаев для сохранения русского быта.

<...>

Затем он (Ковалевский) оглашает предполагаемые им следующие две резолюции. (*Чтение резолюций сопровождается многократными возгласами «Правильно» и аплодисментами.*)

По поводу советской школы докладчик предлагает Съезду присоединиться к резолюции, аналогичной той, которая была принята педагогическим советом истекшим летом, а именно:

1. Съезд высказывает своё единодушное осуждение моральному развращению учащихся, достигаемому привитием детям чувства классовой ненависти и острой враждебности к прошлому России, поощрением доносов и шпионажа, и выражает глубокое возмущение по поводу издевательств над религиозными верованиями подрастающего поколения со стороны советской власти. Систематически подрывая основы христианской нравственности, авторитет семьи и социальные устои правового строя, коммунистическая власть растлевает детские души.

Съезд обращается с призывом ко всем, кому дороги интересы семьи и школы, и просит их выступить на защиту русских детей как путём сурового осуждения, так и активным воздействием.

2. Вторую резолюцию мы предложили бы по поводу зарубежной школы.

Забота о воспитании русских детей за рубежом в национальном духе должна составлять насущнейшую задачу эмиграции. Надлежит напрячь все усилия для борьбы с денационализацией молодого поколения и для получения ими общего и специального образования, которое давало бы возможность не только работать на месте в изгнании, но быть готовыми к творческой деятельности по возвращении на Родину.

Съезд отмечает значение в моральном отношении для русских широкой помощи, оказывавшейся русской школе и детям правительствами славянских стран, и высоко ценит материальную и нравственную поддержку, получавшуюся в других странах, а также широкую помощь православной, католической, англиканской и лютеранской церквей.

Съезд подчёркивает гуманитарную ценность этой помощи и приносит всем принявшим в ней участие горячую благодарность от имени Зарубежной России.

ОБСУЖДЕНИЕ
ДОКЛАДА Е.П. КОВАЛЕВСКОГО*

Председательствующий предоставляет слово проф. И.И. Лаппо.

РЕЧЬ ПРОФЕССОРА И.И. ЛАППО

И.И. Лаппо отмечает, что докладчик обратился с призывом к деятелям с мест. Однако прежде он считает долгом выразить общую

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

благодарность самому докладчику. Оратор указывает, что значение, содержание и объём доложенного вопроса громадны. Будущее России — в тех людях, в том поколении, которое растёт на смену нашему. Прогресс заключается в преемственности поколений. Если у нас не будет преемственности, то погибнет и русский прогресс. Докладчик представил картину русской школы перед революцией. Это картина громадного развития, но здесь не только здания, количество, инвентарь. Работа русских педагогов, русской педагогической мысли создала то, что русская школа явилась нашей гордостью. Девизом русских педагогов было «Духа не угашайте». Это мы можем с гордостью признать пред целым миром. (*Аплодисменты.*) Школа под большевиками — картина полного разрушения. Любви к школе со стороны власти, чуждой народу и ему чужой, нет. Сознания долга и ответственности перед народом нет. Большевистские руководители школы похожи на тех детей, которые разбирают часы и затем не знают, как их собрать. Школа для советской власти — фабрика. Для нас она — источник света и любви. Религия любви, основанная на христианстве, а не ненависть и разврат должны быть в школе. Для нас ясно значение мер для восстановления школы в России после её освобождения. Школа в России освобождённой требует мер переходных. Определяются две стороны: подготовка преподавателей (в Праге уже есть Педагогический институт, содержимый на средства чехословацкого правительства), затем школа должна считаться с потребностями момента, когда Россия освободится.

Повсюду за рубежом школы и преподавание национальных предметов растут, пособия и приёмы здесь должны быть иные, так как дети не знают России. Если Съезд решит обратиться с воззванием к русским людям, в нём должна быть отражена мысль, «чтобы свеча русской культуры не угасала». Также должно быть выражено, что в России борются русские люди за родную русскую культуру, и мы долгом считаем послать им отсюда привет. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Гр. П.Н. Апраксин указывает, что заслушанный доклад является одним из важнейших. Известно, что одним из обвинений, которые бросали императорской русской власти, было то, что она намеренно задерживает образование России. Это было злостно использовано. Одной из задач эмиграции является рассеяние тех лживых понятий, которые существуют в отношении России среди интеллигентных кругов Запада. Оратор предлагает, чтобы этот доклад был переведён

на главнейшие иностранные языки и широко распространён по всему земному шару. Он выражает надежду, что тогда мы найдём сочувствие в лице тех больших умов Запада и Америки, которые до сих пор находились в заблуждении. (*Аплодисменты.*)

А.Д. Билимович указывает, что, к сожалению, гадкий поступок, допущенный С.Н. Третьяковым, отвлёк внимание собрания от доклада по большому и важному вопросу.

Председательствующий А.Н. Крупенский останавливает оратора и просит его говорить по поводу доклада.

А.Д. Билимович указывает, что Съезд должен найти в себе волю, чтобы не отвлекаться туда, куда призывал сегодня говоривший с этой кафедры, а останавливаться на тех вопросах, которые касаются нужд нашего народа.

Он призывает собрание поддержать внесённые докладчиком тезисы. Дело русской эмиграции — отозваться на ту помощь, которую оказали нашей школе братские нам славянские государства. (*Единодушные аплодисменты.*) Прибыв лично из королевства СХС, он просит внести в Бюро Съезда вопрос о выражении благодарности за поддержку многочисленных русских учебных заведений в королевстве СХС. (*Голоса с мест: «Просим».*) Равным образом он предлагает передать на обсуждение Бюро вопрос о выражении благодарности за такую же поддержку Чехословацкой республике. (*Голоса: «Просим».*)

Далее оратор указывает, что годы пребывания в эмиграции текут. Источники средств иссякают. Ослабевает и энергия помощи, оказываемой нам. Мы сами должны поддерживать нашу школу. То, что сравнительно при небольшом напряжении мы могли найти средства, чтобы собраться здесь, в Париже, и жить здесь, показывает, что средства могут найтись.

В Любляне в 1924 году создана «Русская матица»* (матица — это пчелиная матка, собирающая рой пчёл). Цель «Матицы» — национально-культурная работа. Она уже имеет шесть отделений: пять в Югославии и одно в Брюсселе. «Матица» объединяет уже 600 членов. Оратор просит, чтобы Съезд выявил своё отношение к «Матице».

Председательствующий просит письменно формулировать все пожелания. Председательствующий при этом заявляет, что завтра, в четверг, в 12 часов 30 минут дня в русской церкви на рю Дарю

---

* *«Русская матица»* — культурное общество, цель создания которого — поддержание и развитие национального сознания среди русских людей, содействие народному просвещению. Председателем был избран проф. А.Д. Билимович.

будет отслужена панихида по почившем Св. Патриархе Тихоне, а в 1 час дня будет совершена панихида по зверски убиенном Государе Императоре Николае Александровиче и членах Царской семьи.

Н.Ф. Езерский выражает глубокую благодарность докладчику за полное освещение вопроса. Однако он считает, в отношении предложенной резолюции, что вопрос касается не только одной школы. Рядом со школой стоит семья. И на семью выпадает доля поддержать национальную культуру. Семья сейчас слаба, она завалена работой и вынуждена часто посылать детей в заграничные школы, хотя и очень хорошие, но чуждые для русского национального быта.

Денационализация слишком сильна. Церковь есть наше лучшее учреждение, выработанное тысячелетней культурой.

Оратор призывает русское общество к поддержанию русской культуры во всех её проявлениях. Он считает, что мы слишком съедены политикой и — сегодняшний день это показал — мы пренебрегаем тем, на чём держится политика, — русской культурой.

Л.И. Львов отметил, что внимание, которое оказывает Съезд делу школы, показывает, что все мы ценим и понимаем значение школьного вопроса. Он останавливается, в частности, на положении школы в Германии и отмечает чрезвычайную тягость этого положения. Тяжесть эта усугубилась в связи с общей дороговизной и отъездом из Германии русских. Однако деятели школы выполняют трудную и ответственную работу с честью и достоинством.

Не менее тяжело положение школы в Финляндии, где оратору приходилось жить в течение двух лет. «Там, в лесах и снегах, далеко от культурных центров, имеются русские школы, которые продолжают свою культурную работу. В одной из таких школ, под руководством А.А. Колокольцевой, был момент, когда весь состав школы должен был на три дня уйти в лес на рубку дров, чтобы обеспечить себе существование. В этих школах дети живут постоянно, так как там много детей, родители которых неизвестно где находятся.

Крушение таких школ значило бы создание и среди нас явления «беспризорных». Нужно, чтобы раздались слова ободрения для тех, кто несёт эту тяжёлую работу. (*Общие аплодисменты.*) Оратор предлагает образовать особую комиссию, в которую вошли бы все, кто может поделиться своими сведениями и опытом.

Он полагает, что это должно касаться зарубежной школы. Наше слово должно быть обращено и туда — к работникам во Внутренней России.

Председательствующий заявляет, что имеется ещё шесть ораторов. Собрание принимает предложение о прекращении записи ораторов в дальнейшем и об ограничении срока каждому до пяти минут.

Н.Д. Тальберг указывает, что в Германии, как и в других странах, обращено недостаточно внимания на религиозное воспитание детей, и предлагает добавить резолюцию указанием на необходимость воспитания в религиозном и национальном духе.

Студент Малюшицкий указывает, что вызывает тревогу будущий недостаток культурных работников в России. Материальная помощь, оказываемая братскими странами, недостаточна. Нужна помощь и самой русской эмиграции. При горячем желании это можно проводить в жизнь. Он излагает то, что сделано русскими студентами в Пшибраме. Там образован «Фонд Союза русских студентов в Пшибраме». Ещё весной 1925 года Союз обратился к чехословацкому правительству с просьбой разрешить выписать в Чехословакию девять даровитых молодых людей и обязался перед правительством ничего не просить на их содержание. Союз обратился в 32 русских средних учебных заведения за рубежом с просьбой указать наиболее способных из окончивших эти заведения. Было названо 22 кандидата. Из них было выбрано 9 лучших. Союз их выписал и даёт им образование. Может быть, скажут, что это мелочь. Но это важно, потому что это не просто девять, а «девять лучших». И содержатся они не на средства какого-либо правительства, а на средства русской эмиграции. (*Возгласы: «Браво!»*)

А.В. Анциферов говорит о поддержке, оказанной Францией: правительство, муниципалитеты, университеты и частные лица оказывают широкую помощь русским эмигрантам в деле образования молодёжи. Наш нравственный долг — выразить Франции горячую благодарность за эту помощь. Оратор просит поддержать его предложение. (*Дружные аплодисменты.*) Перед нами огромная задача — дать нашим детям и русской молодёжи возможность учиться и кончить курс своего образования. В этом нам может помочь наша Православная Церковь и приходы. Самая важная задача, более отдалённая — найти *облик будущей школы* в России.

Оратор предлагает обратиться с призывом к академическим организациям с просьбой разработать этот вопрос.

Очевидно, что сразу, без тщательного изучения задач и нужд будущей школы, нельзя вынести резолюцию по этому вопросу, а потому оратор предлагает передать доклад комиссии по общим делам и поручить ей дать заключение.

П.Г. Борзенский говорит о том, что школы в Советской России почти до самого последнего времени существовали материально за счёт ранее накопленного.

Свящ. Чубов дополняет речь А.Д. Билимовича пожеланием распространить благодарность славянским странам и на Болгарию и говорит о той помощи, которая оказывается русской школе Болгарией.

Н.С. Арсеньев указывает, что светло и радостно было слушать предыдущие речи. Стремиться к объединению нам нечего. Оно уже есть. Мы должны стремиться к духовному горению и передать его нашей молодёжи. И у нашей молодёжи должны учиться духовному горению. (*Аплодисменты.*)

Список ораторов исчерпан.

Председательствующий П.П. Панкратов объявляет перерыв на 15 минут.

После перерыва **председательствующий гр. М.Н. Граббе** предоставляет слово докладчику.

Е.П. Ковалевский предлагает весь материал по его докладу со всеми пожеланиями передать в Бюро.

Принимается предложение **гр. П.Н. Апраксина** о переводе доклада Е.П. Ковалевского на все европейские языки и самом широком его распространении.

Слово предоставляется **Б.Н. Соколову** для доклада о советской промышленности.

Доклад Б.Н. Соколова

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

ПРОДУКЦИЯ

Работа советской национализованной промышленности за последний операционный год, закончившийся 30 сентября 1925 года, характеризуется, по сравнению с 1913 годом, следующими цифрами:

При числе рабочих, превышающем 72% числа 1913 года, ценность продукции едва достигает 46%; следовательно, выработка продуктов на одного рабочего опустилась почти вдвое против нормального времени.

---

* «Возрождение», 9 апреля 1926 г.

Необходимо отметить, что в своих последних выступлениях советские лидеры обычно сравнивают ценность теперешней продукции в современных ценах с продукцией 1913 года по тогдашним, в два раза более низким ценам. Таким путём они пытаются убедить иностранцев в исключительной быстроте, с коей идёт восстановление хозяйственной жизни России, несмотря на коммунистический режим.

Взяв стоимость продукции за последний отчётный год по довоенным ценам, мы видим, что промышленное производство ещё не достигло и *половины его стоимости в 1913 году*.

ТЯЖЁЛАЯ ИНДУСТРИЯ ЮГА РОССИИ

Если мы обратимся к тяжёлой индустрии Юга России, то картина получится ещё менее утешительная.

Особенно отстала металлургия Юга России и добыча железной руды.

Обращается особое внимание на усиление добычи железной руды в Кривом Роге. Не имея собственных средств для восстановления разрушенного оборудования, советская власть обратилась к германским фирмам с предложением принять на себя оборудование и развитие добычи на железных рудниках Кривого Рога.

По частным сведениям, вопрос о предоставлении кредита на переоборудование рудников Кривого Рога до сих пор ещё не получил разрешения.

ПРОЦВЕТАЮЩИЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Советская печать усиленно отмечает успехи, достигнутые в нефтяной и текстильной промышленности (хлопчатобумажной).

Но и эти отрасли далеко отстают от довоенного производства. Советская печать отмечает, что достигнутые в этих отраслях промышленности успехи непрочны: в нефтяной промышленности они объясняются усиленным фонтанированием скважин на новых площадях в Бакинском и Грозненском районах, дающих до 60% всей получаемой нефти.

Что же касается текстильной промышленности, то её «успехам» угрожают две опасности: недостача сырья, а главное, сильная изношенность оборудования.

МЕЛКАЯ КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Развитие кустарной промышленности, несмотря на все стеснения, которые ей чинит советская власть, идёт более быстрым темпом,

чем национализованной. Кустарная промышленность более приблизилась к своему довоенному уровню.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Слабо развивается частная арендованная промышленность.

Продуктивная работа на арендованных предприятиях в советской обстановке невозможна, что определённо заявили в ответ на анкету «Торгово-Промышленной газеты» от 25 января сего года вновь народившиеся в СССР «капиталисты»: «Нам этим гробокопательством заниматься неохота»*.

Дзержинский торжествует, уверяя, что превалируют социалистические элементы в промышленном производстве СССР. Заверения Дзержинского требуют ещё серьёзного доказательства, ибо есть полное основание предполагать, что советской власти не удаётся точно учитывать производство мелкой и кустарной промышленности, которое в действительности далеко превышает цифры, выводимые советской статистикой.

Роль социалистических элементов в русском народном хозяйстве гораздо скромнее, даже в промышленности. Сельское хозяйство целиком должно отнести в область производства, основанную на частновладельческом принципе.

КОММЕРЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НАЦИОНАЛИЗОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Советская промышленность работает с постоянным убытком, достигающим весьма крупных размеров. Фактически промышленность дала свыше 554 млн. рублей убытка, составляющего около 23% валовой стоимости продукции. Этот убыток был покрыт, путём увеличения задолженности в советских банках, с 461 млн. рублей на 1 октября 1924 года до 1015 млн. рублей на 1 октября 1925 года.

ПЛАНЫ НА ТЕКУЩИЙ ГОД ПРЕДВИДЯТ НОВЫЙ ДЕФИЦИТ

Подобное же положение предусматривается и в плане эксплуатации на текущий 1925/26 год. Выводится прибыль в 150 млн. рублей, и одновременно предусматривается дальнейшее повышение

* См.: «Торгово-Промышленная газета», 25 февраля 1926 г.

задолженности за год на 700 млн. рублей. Далее, советская «Финансовая газета» от 11 октября 1925 года указывает, что советская промышленность является своего рода «приживалкой» в русском народном хозяйстве: распоряжаясь громадным государственным имуществом, стоящим многие миллиарды рублей, национализованная промышленность не только не оплачивает на него даже самых скромных процентов, но требует постоянных и весьма крупных субсидий.

ИСЧЕРПЫВАНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА

Расходуя крупные народные средства на поддержание чахлой национализованной промышленности, коммунистическая власть вела промышленное хозяйство самым беспорядочным и хищническим способом, истребляя старые запасы сырья и материалов и не создавая новых, поддерживая работающие предприятия за счёт расхищения и разрушения оставленных и т.п.

Коммунистические вожди открыто признают это. Они заявляют: «Мы подошли вплотную к использованию всего того основного капитала, всего того оборудования, что нам досталось от буржуазного строя». «Если не будут изысканы средства для переоборудования наших фабрик и заводов, мы будем обречены в ближайшие годы на неслыханно тяжёлый товарный голод»#.

Госплан подсчитал, что для развития промышленного производства в текущем году необходимо затратить 1063 млн. рублей на капитальные ремонты, переоборудование и новые работы в промышленных предприятиях. Но откуда взять такие огромные средства?

НЕДОСТАТОК РЕСУРСОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Процессы накопления капиталов идут весьма медленно при коммунистическом режиме. Население оказывает резкое недоверие к власти, живущей лозунгом «грабь награбленное».

Частных текущих счетов в советских банках почти нет.

Такое положение начинает вызывать беспокойство и в руководящих советских кругах.

Средства для поддержания промышленности рассчитывали получить: 1) путём внутреннего займа, выпускаемого на сумму 300 млн. рублей, 2) путём эмиссии червонца, 3) в виде заграничных кредитов и 4) путём снятия некоторого слоя «жирка» с крестьянина.

Но заём должен быть размещён среди тех же промышленных предприятий, которые собственных средств не имеют и живут за счёт кредитов советской власти. Таким образом, подписка на заём должна будет покрываться путём той же эмиссии.

НАДЕЖДЫ НА ИНОСТРАННЫЙ КРЕДИТ ПОТЕРЯНЫ

Надежды на иностранный кредит, по предварительной разведке, пропали, и Дзержинский развязно заявляет и признаёт: «Враги наши из ненависти к нам займа нам не дадут»*.

«ЖИРОК» КРЕСТЬЯНИНА И ЭКСПОРТ

Слаба надежда и на возможность попользоваться в этом году «жирком» крестьянина. Этот «жирок» советская власть снимала обычно путём продажи крестьянину за высокую цену товаров казённого производства, покупая у него за бесценок продукты сельского хозяйства для экспорта.

В этом году такой план потерпел полное крушение: крестьянин не продаёт своего хлеба по твёрдым ценам и желает получить цены, соответствующие ценам промышленных товаров. Экспорт хлеба, таким образом, сорван, заменить его нечем.

Таким образом, ни один из источников, которые должны дать средства для переоборудования промышленных предприятий и для расширения производства, не может быть использован советской властью, кроме эмиссии, пользование которой связано с огромным риском.

Ввиду указанных затруднений, предполагаемое ассигнование на капитальные ремонты и переоборудование уже сокращено до 800 млн. рублей. Между тем к 1 октября 1926 года основной капитал промышленности уменьшился бы на 485 млн. рублей. Следовательно, растрата его ещё продолжалась бы в крупных размерах.

Какой же выход из создавшегося положения?

НЕОБХОДИМОСТЬ СОКРАЩЕНИЯ ПЛАНОВ

Указывают, что выход в том, чтобы все производственные планы сократить в соответствии с наличными финансовыми ресурсами.

Советская власть была вынуждена пойти на сокращение производственных программ. Первоначально было объявлено общее

---

* См.: *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения в 2 томах. Издание второе, дополненное. Т. 2. М., Издательство политической литературы, 1967. С. 211.

сокращение на 7%, а для отдельных отраслей (текстильная промышленность) до 15%.

Но так как, в связи с недостаточным финансированием промышленности, начали обнаруживаться недостаток сырья и вспомогательных материалов, недостаток топлива, «перебой» в снабжении оборудованием и т.п., то было решено сократить программу промышленного производства на 20%.

Сокращение решено, несмотря на то что в стране ощущается острый недостаток в промышленных товарах всякого рода.

Таков один из частных парадоксов советского планового хозяйничания: в стране испытывается острый голод в товарах промышленного производства, а казённая промышленность объявляет сокращение своих производственных программ на 20%.

За последние дни советская власть решила искать спасения в привлечении в промышленность частного капитала, который с таким усердием изгонялся из всех областей хозяйственной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так, несмотря на крупные требования внутреннего рынка на промышленные изделия, советская промышленность, благодаря коммунистическим методам ведения дел, не смогла поднять своего производства даже до половины довоенного его уровня.

При этом основной капитал промышленности оказался исчерпанным, а промышленность, вследствие своей дефицитности в советских условиях работы, не могла накопить средства для его восстановления. В результате — сокращение производственных программ на 20%, несмотря на то что страна предъявляет повышенные требования на промышленные товары всякого рода.

При этом, если не будет внесено новых и крупных средств на поддержание, капитальный ремонт и обновление промышленных предприятий, промышленность не сможет сохранить даже своего теперешнего уровня производства, и страна, по выражению самих большевиков, «будет обречена на неслыханно тяжёлый товарный голод».

Доклад
Российского Торгово-Промышленного
и Финансового Союза

СОВЕТСКИЕ КОНЦЕССИИ*

СТАТИСТИКА КОНЦЕССИЙ

За последнее время в ряде номеров официальных газет появились итоги концессионной политики советской власти за 5 лет. На их основании могут быть сделаны те же выводы, которые были сделаны в своё время на основании ранее известных цифр.

С 1921 по 1925 год было подано заявлений о желании получить концессии 1445 и выдано было концессий 110.

Из выданных 110 концессий 22 уже ликвидированы, причём 9 — по истечении договорного срока (мелкие краткосрочные торговые концессии вроде «Дава Бритополь» и т.п.), 13 — потому что концессионеры не выполнили принятых на себя по договору обязательств.

КОМУ ВЫДАНЫ КОНЦЕССИИ?

Осталось 88 концессий, из коих часть выдана прежним собственникам или обществам, в которых участвуют прежние акционеры. Таковы: «Руссо-Англо-Лес», «Руссо-Голландо-Лес», «Руссо-Норвего-Лес», «Общество Шариковых Подшипников S.K.F.», «Бергер и Вирт», «Аян Корпорейшен», «Лена-Гольдфильдс», Б. Северное Телеграфное Агентство, Индо-Европейская Телеграфная Компания и 6 концессий на мелкие заводы в Москве.

ГРУППЫ КОНЦЕССИЙ

Выданные концессии можно распределить в такие группы.

По роду концессии распределяются так: торговых концессий — 26, по обрабатывающей промышленности — 17, по горной промышленности — 13, по лесной промышленности — 6, по сельскому хозяйству — 13, прочих — 13. При этом германских концессий — 22, английских — 17, американских — 8. Остальные концессии распределены между фирмами 20 различных национальностей.

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г. Настоящий доклад был сделан Б.Н. Соколовым.

Оборот торговых концессий составлял не больше 6% оборотов внешней торговли Союза, именно около 20 млн. рублей.

КАПИТАЛ, ВЛОЖЕННЫЙ В КОНЦЕССИИ

Капитал, фактически вложенный во все функционирующие концессионные предприятия, не превышает 25 млн. рублей, а согласно действующим договорам, он должен бы был представлять 58 млн. рублей, со включением же «Лена-Гольдфильдс» — даже 80 млн. рублей.

СТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ КОНЦЕССИЙ

Стоимость продукции всех концессионных производственных предприятий, кроме лесных, составляла в 1923/24 году менее 1 млн. рублей.

Большевики сами признают также, что практические результаты концессионных соглашений с иностранцами в высокой степени незначительны. Даже в своих, обычно очень широких и никогда не осуществившихся, планах советская власть предвидит доход от всех концессий на 1925/26 год в размере всего 15 млн. рублей.

НИЧТОЖНОСТЬ ДОХОДА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Количество поданных заявлений уменьшается с каждым годом. Количество желающих вступать в переговоры по поводу концессий быстро и резко падает с каждым годом. Интерес к советским концессиям всё время понижается, параллельно с повышением в заграничных промышленных и коммерческих кругах осведомлённости о характере и об условиях работы в России при коммунистическом режиме.

Советские концессии не отличаются ни своей деятельностью, ни обилием вложенных в них капиталов. Серьёзный капитал в них не пошёл.

УПАДОК ИНТЕРЕСА К КОНЦЕССИЯМ

Прежде всего, такой причиной является неудовлетворённость советского законодательства, не обеспечивающего интересов контрагентов, не гарантирующего неприкосновенности их прав собственности, их договорных прав и даже личной неприкосновенности их представителей.

Советские учреждения и государственные и торговые предприятия могут во всякое время без всякой неустойки расторгнуть контракт, заключённый с частной фирмой, фирмой или лицом, под тем предлогом, что договор противоречит интересам государства. И бесконечное множество случаев такого расторжения нам даёт советская печать. Но частная фирма или предприниматель несёт тягчайшую ответственность за неисполнение договора с государственными учреждениями или предприятиями: санкции, предусматриваемые на этот случай, идут до смертной казни и конфискации имущества.

Собственность концессионера недостаточно гарантирована от реквизиций и от конфискаций.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Следствием недостаточности юридических норм является полная неустойчивость договорных отношений, которая быстро усваивается каждым пожившим в советской России и благодаря которой концессионер не может решиться внести сколько-нибудь значительный капитал на развитие работ по своей концессии. А эта неустойчивость бросается в глаза каждому; достаточно вспомнить пример ликвидации банковской концессии шведской «Группы Ашберга»; физические меры принуждения, применённые по отношению к членам правления «Кавказского Экспортного Общества» в целях заставить их подписать изменение контракта; бесцеремонное распоряжение работой смешанных обществ без всякого соглашения с договорами; наконец, бесцеремонное расторжение арендных договоров с арендаторами мелких шахт Донецкого бассейна, где из 432 договоров, действовавших в 1923 году, в середине 1925 года осталось в силе всего 6, и т.п. Сюда присоединяется деятельность ГПУ, аресты и высылки служащих Океанского общества путешествий; преследование за так называемый экономический шпионаж, которому подвергаются и иностранцы (проф. Клер, швейцарец, присуждён к 10 годам тюремного заключения); а под понятие экономического шпионажа легко подвести всякий толковый рапорт о положении рынка или о состоянии данной отрасли промышленности, который всякий директор концессионного предприятия должен послать своему правлению за границу, чтобы мотивировать тот или иной план своих работ. И мы знаем, что эти преступления подведомственны советскому суду, пристрастность коего всем известна.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ

Далее, поскольку дело идёт о промышленной работе, то представители расторгнувших договор с советской властью фирм указывают на серьёзные затруднения, испытываемые предпринимателями от постоянного вмешательства в дела со стороны партийных организаций и профессиональных союзов рабочих, поддерживаемых всем аппаратом советской власти, а также на затруднения, возникающие вследствие непрестанных требований о повышении заработной платы со стороны рабочих, совершенно не склонных к поддержанию рабочей дисциплины на частных предприятиях и по каждому поводу устраивающих митинги в рабочее время. На днях закончилась длительная забастовка рабочих в концессии Вирт «Мологолес». Рабочие были усиленно поддерживаемы центральным советом профессиональных союзов из Москвы и, конечно, закончили забастовку не ранее, чем концессионер выразил согласие на все поставленные ими требования.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАБОТЫ

Помимо этого, вся обстановка промышленной работы при коммунистическом режиме отрицает какую-нибудь возможность работать производительно и с пользой для предпринимателя: закупку необходимых ему предметов, сырья, топлива и продовольствия он вынужден производить или в советских трестах, где для частных покупателей устанавливаются особые цены и неблагоприятные условия расчёта и поставки, или в условиях монополии внутренней торговли — у советских торговых организаций, сильно удорожающих первоначальную стоимость продуктов на свободном рынке благодаря высокому уровню накладных расходов. Заработная плата на частных предприятиях, как общее правило, из которого не допущено ни одного исключения в существующих концессионных договорах, устанавливается профессиональными союзами рабочих, а не предпринимателем. Заработная плата устанавливается в размере, на 60% превышающем уровень заработной платы в национализированной промышленности. Благодаря всем подобным обстоятельствам, себестоимость продуктов возрастает, а что касается установления продажной цены продукта, то предприниматель здесь сталкивается или с распоряжениями комиссариата по внутренней торговле, который устанавливает продажные цены на продукты по собственному усмотрению, или с комиссариатом

по внешней торговле, через который предприниматель обязан реализовать свои продукты, если он желает выпустить их на внешний рынок.

Разумеется, работа капитала в такой обстановке невозможна, и неудивительно, что советская концессионная политика не увенчалась успехом.

МНЕНИЯ «НЭПМАНОВ»

Замечательно, что к отзывам иностранных капиталистов совершенно примыкают и русские «капиталисты», народившиеся на почве нэпа. По анкете, проведённой «Торгово-Промышленной газетой», эти «капиталисты», по весьма понятным причинам пожелавшие скрыть свои фамилии под литерами А., Б., Н. и М., заявляют, что аренда промышленных предприятий в СССР невозможна, ибо в аренду (читай: в концессии) сдаются уже приведённые коммунистами в негодность предприятия, которые надо переоборудовать, причём «нет никакой уверенности в благополучном использовании вложенного капитала» в советской действительности. Всех оснований, почему «нет никакой уверенности в благополучном использовании капитала», «Торгово-Промышленная газета» не приводит, указав только, что, по заявлению «капиталистов», «на частных предприятиях невозможно поднятие производительности труда: не допустят профсоюзы»*.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Сама советская власть после пяти лет концессионных переговоров убедилась, что серьёзный иностранный капитал неохотно идёт на советские концессии, а если он решается пойти на соглашение с Советами, то лишь в расчёте начать вкладывать капитал в концессионные предприятия лишь после падения советской власти. Определённые признания этого факта мы находим в последнем отчёте о концессиях («Экономическая жизнь» от 7 февраля сего года), где говорится, что советская власть «получила предложения главным образом от лиц и фирм, не обладающих никаким, или почти никаким, капиталом и *явно рассчитывающих нажить этот капитал на факте получения концессий в России* и максимально выжать из самой концессии», и что, кроме того, «концессионные предложения были построены на зыбкой почве огромных барышей в первые годы действия концессионного договора, ввиду почти полного отсутствия конкуренции и с расчётом на падение советской власти (!) *к тому времени, когда придётся* не выжимать

---

* См.: «Торгово-Промышленная газета», 25 февраля 1926 г.

прибыли и сверхприбыли, а *вкладывать капиталы в концессионные предприятия*».

Эти расчёты существовали прежде — вспомним договор Синклера и других с пятилетними сроками и у новых концессионеров. Недаром «Лена-Гольдфильдс» выговорила себе 7 лет подготовительного периода, недаром 6 лет подготовительного периода получила «Приамур-Майнс-Лимитед» по договору от 1 октября 1925 года, а японские концессионеры, получившие на концессию в декабре прошлого года огромные угленосные и нефтяные площади на Северном Сахалине, выговорили себе целых 11 лет разведочного срока.

Не утешает коммунистическую власть и Гарриман, придерживающийся той же политики. Комиссия, обследовавшая в конце истекшего января его концессию, указывает, что «работа на концессии ведётся исключительно контрагентами концессионера, в большинстве — бывшими владельцами мелких отдельных предприятий. Всего работает сейчас 20 таких контрагентов, на основании специальных договоров с концессионером. Каких-либо новых мероприятий, в смысле усовершенствования добычи, концессионером не осуществляется».

ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ

Мы не говорим уже о политических перспективах для концессионеров в будущем, которые очень печальны. Нет надобности упоминать о программе Кашена, развитой им в заседании Палаты депутатов 27 января 1926 года, когда он убеждал Палату не входить в рассмотрение отношений советской власти к капиталистам, так как «русские коммунисты придушили своих капиталистов и придушат иностранных в их черёд».

Нет надобности цитировать и известного коммуниста Ларина, который в своей речи на XIV Всероссийской конференции РКП заявил буквально: «Можно ли дать присягу, что через 10–20 лет мы никоим образом не экспроприируем кулаков в деревне? Такую присягу дать мы можем так же мало, как можем дать её и частному капиталисту в городе... Мы разрешаем фабриканту иметь фабрику, но и он и мы великолепно знаем, что *со временем будет социалистический строй* и что мы *фабрику его конфискуем*. Когда придёт время, мы экспроприируем частное хозяйство, но второй революции делать не придётся: достаточно будет для этого одного декрета»*.

---

* См.: Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчёт. М.;Л., 1925. С. 142.

Теперь появилось более свежее и более авторитетное заявление Бухарина, считающегося правой рукой и порт-паролем* нынешнего диктатора — Сталина, — заявление, которое целиком подтверждает слова Ларина и Кашена.

Бухарин сделал на партийной конференции в Петрограде заявление: «Исчерпывается ли соотношение между нами и буржуазией сотрудничеством, тем, что мы допускаем её торговать? Нет, у нас есть сотрудничество, *но в десятки, даже в сотни раз больше — борьба с ней*... Мы, с одной стороны, допускаем эти капиталистические элементы, идём на сотрудничество с ними, но, с другой стороны, мы их допускаем для того, чтобы в конце концов радикальнейшим образом вытеснить, преодолеть и *уничтожить их хозяйственно и социально*. Это тип сотрудничества, который предполагает ожесточённую, хотя и бескровную борьбу...

Мы в неизмеримо большее количество раз сотрудничаем с крестьянством, и в то же самое время нашей задачей по отношению к крестьянству является, во-первых, преодоление враждебных тенденций с его стороны, которое обеспечивало бы наше руководство им, и, во-вторых, переделка этого крестьянства, то есть *уничтожение его как класса мелких собственников*»**.

ЦЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ КОНЦЕССИЙ

Заявление Бухарина чрезвычайно поучительно. С одной стороны, он указывает, что целью привлечения капитала в Россию является его уничтожение, хозяйственное и социальное. С другой стороны, он сообщает, что и класс мелких земельных собственников — крестьян, на развитие коего, как главного свободного потребителя производимых им продуктов, рассчитывают капиталисты, идущие работать в Россию, — этот класс также подлежит, по программе теперешних властителей России, не развитию, а уничтожению.

ИТОГИ

Итак, концессионная политика советской власти не имела успеха, ибо иностранные промышленные и финансовые круги в большей своей части поняли невозможность продуктивной работы при

---

* Рупором, выразителем взглядов (*франц.*).

** Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской Губернской конференции ВКП(б)// *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 297.

коммунистическом режиме (опыт 12 расторгнутых концессионных договоров).

Серьёзный капитал, за двумя-тремя исключениями, в концессии не пошёл.

Опыта успешной работы концессионных предприятий пока указано быть не может.

Доклад покрывается аплодисментами.

Гр. Граббе заявляет, что имеются тезисы, которые будут переданы в Бюро, рассмотрены и доложены.

Вечернее заседание назначается в 9 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Вечернее заседание открывается в 9 часов 45 минут. Председательствует гр. **М.Н. Граббе**.

Слово предоставляется ген. **К.И. Сычову** для доклада от имени казачьей группы.

<...>

Доклад К.И. Сычова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАЗАЧЕСТВА**

Казачество веками проливало кровь за свою Родину — Россию, отстаивая общее национальное русское дело. Вдали от центра развивались самостоятельно казачьи общины, а самая большая из них, что раскинулась по течению реки Дон, успела создать самобытный и сильный в своё время государственный организм.

Главным образом трудами казачества включены в орбиту общерусской гражданственности пространства по рекам Дону, Уралу, Волге, Кубани, Тереку, по течению великих сибирских рек и, наконец, земли вплоть до берегов Тихого океана.

Начиная с XVII века участие казачества в жизни Русского государства становится постоянным.

---

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

** «Возрождение», 9 апреля 1926 г.

ПРОШЛОЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Прошлое казаков обязывает теперешних их потомков идти по одному пути с общерусскими чаяниями и устремлениями.

КАЗАЧЕСТВО В ЦЕЛОМ И НАШ ГОЛОС

Вот почему, считая настоящий Съезд делом общерусским, казачество не могло остаться в стороне от него; во имя уважения к своим предкам и любви к своему прошлому оно не имело права сделать этого. Нас могут упрекнуть в том, что, употребляя слово «казачество», мы тем самым берём на себя ответственность за мнение всего, без исключения, казачества, тогда как на это, может быть, не имеется достаточных оснований. Никогда и нигде ещё не было примера, чтобы несколько десятков тысяч людей думали одинаково; нет этого, конечно, и у казаков, как нет этого и в общей массе нашей эмиграции.

Мы говорим только от имени той части казачества, которая послала нас сюда и которая мыслит так, как о том только что было доложено, и иначе мыслить не может.

ЗАДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Мы полагаем, что, с низвержением власти III Интернационала, на долю нашей новой общерусской, национальной власти — иною мы её себе не представляем — выпадет одна из тягчайших и ответственнейших исторических задач.

От неё потребуется много труда и энергии, много потребуется и чуткости, и сердца, а на всех русских людей будет возложена священная обязанность содействовать этой власти от всей души и от всего разума, отнюдь не допуская и не позволяя себе пагубного и разлагающего критиканства её, не считаясь с личной радостью или горем, личной выгодой или убытком, жертвенно принося всего себя на служение ей как олицетворению священной для каждого патриота России.

МИРОЛЮБИЕ И ОБОРОНА РОССИИ

Казаки ясно отдают себе отчёт в том, что политика будущей России не будет и не может быть агрессивной. Тому порукой присущее народу русскому миролюбие и сознание необходимости затратить

все свои силы, всю свою энергию, в первую очередь и на долгие годы, на внутреннее устроительство и созидание.

Однако кто хочет жить в мире и согласии со всеми, кто искренне не желает войны, тот должен быть готов к ней. Это, по нашему убеждению, ещё надолго останется неопровержимой истиной. Необъятность нашей Родины, огромное удаление окраин от центров потребуют создания необходимой для внутреннего строительства обстановки спокойствия и уверенности. Это может быть достигнуто постоянной и непрерывной охраной государственных границ. Охрана эта должна быть живой и действенной.

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА В ОБОРОНЕ РОДИНЫ

Едва ли теперь возможно и нужно детализировать этот вопрос в его целом, но относительно наших восточных сибирских рубежей он представляется довольно отчётливо. Там эту роль может выполнить казачество, в основе своей имеющее уже существующие ныне в Сибири казачьи войска.

Этот вопрос неразрывно связан с вопросом об уменьшении численности Русской национальной армии, а следовательно, и с уменьшением тех затрат государственного бюджета, которые производятся на содержание армии и кои подчас являются непосильными даже для самых богатых и уравновешенных, в смысле внутреннего порядка, государств.

КАЗАЧЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ УМИРОТВОРЕНИЯ

Размещение казаков по государственной границе имеет, на наш взгляд, ещё одно весьма важное значение. Казакам издавна присущи навыки и приёмы гражданственности, что, в связи со свойственной им же дисциплинированностью, поспособствует скорейшему проведению в толщу народную, в самых удалённых от центров областях и районах, начал государственности и более спокойного и безболезненного перехода от той неурядицы, какая царит повсюду ныне, к порядку и мирной работе.

НЕ ПРАВА, А ОБЯЗАННОСТИ

Мы полагаем, что теперь не время и не место нам, казакам, заявлять о своих правах, уместнее будет говорить о наших обязанностях относительно России.

Но не место и не время казачеству опасаться за свой внутренний быт и уклад казачий, за то, что называется вольностями и преимуществами казачьими.

КАЗАЧЕСТВО ДОКАЗАЛО СВОЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Казаки непоколебимо верят, что будущая русская власть эти вольности и прерогативы казачьи бережно охранит, так как она, конечно, прекрасно будет понимать, что в предстоящей ей работе казачество явится самой действительной, реальной, организованной и самой надёжной силой, на которую власть эта может опереться. Это подтверждается обстоятельствами из последней смуты на Руси. Борьба с большевиками приняла характер планомерный и обещавший успех лишь после того, когда зародившаяся на Дону Добровольческая армия окрепла, а казаками была сформирована на основах старой Императорской армии молодая, гибкая, стройная и послушная казачья армия.

Эти факты слишком убедительны и красноречивы, чтобы ими не воспользоваться при возобновлённом строительстве России, и непоправимая ошибка будет допущена, если не будет извлечено из примеров сих пользы и не будет сделано из них надлежащих выводов.

КАЗАЧЕСТВО НА ЧУЖБИНЕ

Кто наблюдал Дон, Кубань, Терек, Урал в период занятия их большевиками, тот понял и знает, что это был народный исход из родных хуторов, станиц и городов. Отличительная черта нашей эмиграции от всех до сих пор бывших заключается в том, что в её среде не одни недовольные режимом представители привилегированных классов, не одна буржуазия и аристократия, нет, — в её состав входит и часть народа русского, не примирившегося с режимом насилия. Главным образом эта часть народа русского представлена здесь казачеством. В эмиграции нет такого количества, как казаков, ни москвичей, ни рязанцев и саратовцев и т.д.

ЧАЯНИЯ КАЗАЧЕСТВА

Жизнь в будущей России казакам представляется мирной и трудовой на своей родной земле, а посему необходимо упомянуть о том, что составляет основу всех чаяний русского крестьянина и русского казачества.

Одним из краеугольных камней в будущем строительстве государства Российского должен быть вопрос о земельной собственности. Казачество, как и весь русский народ, не представляет себе возможности жить и трудиться на общую государственную пользу, не имея земли, и оно желает, чтобы эта земля составляла его неотъемлемую, родовую, государственным порядком за ним закреплённую и законною властью санкционированную собственность.

В полной мере это, конечно, относится и к казачьим войскам, ныне оказавшимся внутри России, то есть казачьи земли с их чернозёмом на поверхности, углем и нефтью в недрах их; реки и озёра с их рыбою и солью, леса, поля и луга — всё это как составляло с давних, прошлых, исторических времён собственность казачью, кровью казачьей вступлённую, так и впредь должно принадлежать казакам.

КАЗАЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД

К попытке русских людей за рубежом Родины объединиться на настоящем Съезде часть казаков, которую представляют собравшиеся здесь их делегаты, с самого начала отнеслась с ясным сознанием необходимости этого Съезда. Это своё отношение к Съезду она принесла через весь подготовительный к нему период, невзирая на многие препятствия и затруднения. Почти у каждой из различных группировок русских людей были эти препоны и заторы, и тем более ценными являются те усилия русского беженства, которые, преодолевши всё, в конце концов, довели дело до желанного окончания. Это событие большой важности.

Казаки с величайшим вниманием прослушали каждое слово, произнесённое с этой кафедры, они обсудят эти слова и сделают из них выводы, сущность коих — они не сомневаются — ни в чём не может разойтись с их чаяниями и надеждами. Сами же они полагают, что этим нашим Съездом необходимо воспользоваться для того, чтобы установить общие для всех нас вехи, следуя по которым все мы выйдем на прямой, твёрдый и светлый путь, выводящий нас в пределы желанной Родины.

На этом Съезде должно быть выявлено наше общее лицо, и надо напрячь все силы к тому, чтобы черты этого лица и его выражение внушали каждому постороннему уверенность, что лицо это принадлежит тем, кто любит Россию и готов жертвовать всем, для того чтобы она вновь заняла подобающее ей место среди культурных народов. Свои же, то есть наши братья, русские, оставшиеся по ту сторону рубежа,

должны видеть на этом лице, вместе с братской любовью, наше искреннее желание на прошлом поставить крест, забыть всё зло и нашу твёрдую готовность действенно, вместе с ними, рука в руку, изо всех сил работать и биться для скорейшего освобождения Родины из-под неестественной, несвойственной ни её духу, ни её национальным чувствам, ни её верованиям, ни её положению в семье и в кругу других народов власти III Интернационала. Эта борьба и освобождение Родины, по нашему мнению, могут завершиться победой и успехом лишь в том случае, если всё русское дело — и здесь и там — будет оглавлено Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем и руководимо его опытом и его государственной мудростью.

КАЗАЧЕСТВО И РОССИЯ

Коренное казачество есть плоть от плоти и кость от кости народа русского, древнего, православного. Оно, как и вошедшие в его состав, сроднившиеся с ним и составляющие неотъемлемую его часть народы калмыцкий и бурятский, не может, не хочет и не будет жить без России и вне её, а Россия, в свою очередь, не может нормально существовать без своего русского казачества.

Казаки, пославшие нас сюда, будут считать своё участие и пребывание на Зарубежном Съезде оправданным и полезным, если все русские люди, и здесь присутствующие, по всему миру в рассеянии сущие, и те, кто мужественно переносят насилие и произвол III Интернационала, услышат и примут чистым сердцем и ясным сознанием казачье слово о том, что русское казачество, как встарь, так теперь и в будущем, когда того потребуют обстоятельства и если от этого будет зависеть счастье и благоденствие их Родины, положат на алтарь общей матери нашей, России, и на алтарь своих родных краёв все свои богатства и все свои ценности, совместно с самою большою ценностью в мире, то есть совместно с жизнью своею, под верховным водительством Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича.

Доклад, который будет напечатан у нас завтра полностью, всё время прерывается шумными аплодисментами. Особенное одобрение вызывает заявление, что всё прошлое казаков обязывает их идти с общерусскими чаяниями и устремлениями, что во имя любви к прошлому и уважения к предкам казачество не могло остаться в стороне от общерусского дела, каковым является Зарубежный Съезд. Дружные апло-

дисменты покрывают также слова о том, что судьба грядущей России и родного края есть нечто единое и нераздельное. По словам доклада, «не время и не место казакам заявлять о своих правах, уместнее говорить об обязанностях по отношению к России». Собрание провожает К.И. Сычова единодушными и шумными аплодисментами.

После этого **Л.И. Львов** оглашает доклад В.М. Левитского «Молодая Россия под властью Советов».

Доклад В.М. Левитского

МОЛОДАЯ РОССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ СОВЕТОВ*

1. ПРИНЦИПЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

С первых дней захвата власти большевики обратили особое внимание на подрастающее поколение. Основной задачей власти было признано «воспитание молодёжи в духе завоеваний Октябрьской революции». Был брошен дерзкий вызов всей системе подготовки молодёжи к жизни, существующей во всякой культурной стране. Специально для молодёжи были организованы издевательства над религией, травля семьи, началась борьба с моральным авторитетом родителей и педагогов, поощрение звериных инстинктов и влечений.

Одновременно власть приняла ряд «ударных» мер против нормальной семьи. Дети насильно вырывались из домашней обстановки для воспитания в государственных учреждениях в целях втягивания в партийную жизнь. С каждым годом щупальца партии протягивались всё дальше. Один за другим следовали: комсомольство, красный скаутизм, пионерство и т.п. Был принят ряд мер к уничтожению влияния и власти родителей в законодательстве. В официальном сборнике «Детское право РСФСР» советское право характеризуется как «решительно порвавшее с родительской властью»**.

Вообще родители «ненаучны и нерациональны», «семья отжила свой век», и «семейное воспитание должно быть заменено социально-трудовым в детских домах, очагах, клубах и т.п. учреждениях».

2. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В соответствии с этими взглядами, с лихорадочной быстротой были разрушены все учреждения образовательного и воспитательно-

* «Возрождение», 8 апреля 1926 г.

** См.: *Рындзюнский Григ. и Савинская Т.М.* Детское право РСФСР. М., 1923. С. 67.

го характера. Социалисты-педагоги были отстранены как последователи мелкобуржуазного миросозерцания. За дело взялись «партийцы». Центр приказал создать «нового человека», «активного работника грядущей мировой революции».

Изучая постановку советского воспитания, кажется, что действительно наступило время исполнения страшного пророчества Достоевского о сознательном стремлении «бесов» «всякого гения задушить в младенчестве»*. Сразу же, разукрасив города плакатами «Всё для детей», «Дети — наше будущее», власть сделала всё, чтобы сотни тысяч детей и подростков погибли или развратились. Их охапками бросали на фронт, из них организовывали карательные отряды, 14–15 лет заставляли служить в Че-Ка, сборщиками продналога, отправляли всюду, где грозила опасность. Особенно беспощадны были к детям буржуев и контрреволюционеров, то есть интеллигенции. Оставшихся в живых, продолжая систематически разорять семьи, разместили «на паёк» в детские дома и советские школы.

Так началась продолжающаяся до наших дней страшная, не виданная в мире борьба советской власти с подрастающим поколением. Коммунисты стремятся обеспечить себе будущее, хотят воспитать миллионы покорных и бессловесных рабов, дети и подростки делают отчаянные попытки свернуть с приготовленной им властью дороги на кладбище или в ряды коммунистической партии. Эта героическая, небывалая по числу жертв война до сих пор не описана, мало кому известна. Хотя она, может быть, самое страшное из всего, что происходило на нашей старой, пропитанной человеческой кровью земле.

Наиболее ярко и драматично кипит эта схватка не на жизнь, а на смерть на фронте работы коммунистов среди так называемых беспризорных. Гражданская война, голод, развал семьи, развращающая пропаганда создали на нашей Родине огромную армию одиноких, брошенных, ничьих детей, которых принято объединять термином «беспризорные». Обработку их в своих целях большевики поставили своей первой, ударной задачей, надеясь, что беспомощные сироты и одинокие дети улицы скорее освободятся от буржуазных предрассудков и станут настоящими коммунистами. Опыт был произведён в огромных размерах.

3. ДАННЫЕ ОБ ОБЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ МОЛОДЁЖИ

Изучая работу коммунистов с беспризорными, мы получаем ценные сведения об общем положении молодёжи в Советской России.

---

* См.: *Достоевский Ф.М.* Бесы. М., «Правда», 1990. С. 409.

В 1923 году утверждали, что общее число беспризорных детей и подростков равно 7 миллионам. Есть серьёзные основания думать, что это преувеличение. Ведь это означало бы, что более половины всей молодёжи России обречено на гибель. Другие исследователи определяют общее число беспризорных в 2 миллиона. По данным же Украинского Совнаркома, относящимся к тому же времени, в одной Малороссии официально зарегистрировано 1 056 290 беспризорных.

Необходимо признать, что число выброшенных на улицы и находящихся на краю гибели детей и подростков возросло в Советской России до невиданных, невероятных размеров.

По переписи 1920 года, в Советской России (без автономных республик) было 6 836 180 подростков в возрасте от 13 до 17 лет, из них посещало школы только 556 020 (или 8%), для 6 280 000 школа недоступна, они заняты добыванием куска хлеба.

Неудивительно поэтому, что площади и улицы больших городов, вокзалы, базары, свалки и брошенные здания всюду переполнены толпами бездомных, одичавших, потерявших человеческий облик детей и подростков. Обезлюдевшее, обнищавшее государство помочь им не может. Они мстят как могут, воруют, грабят, заражают сифилисом, убивают.

4. ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПОРОЧНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Детская преступность и порочность обратилась в Советской России в страшное социальное бедствие. Немецкий криминалист Хагеманн, изучавший подлинные материалы советской уголовной статистики, утверждает, что в 1922 году в России (без Украины) несовершеннолетние до 18 лет совершили 36 000 тяжких уголовных преступлений. Проф. Люблинский указывает, что наряду с убийствами, вооружёнными нападениями, грабежами малолетние, в огромном количестве привлечённые на службу по милиции и уголовному розыску, совершали вымогательства, растраты, подлоги, изнасилования арестованных и т.п.

Проф. Люблинский в своём курсе лекций, читанных в Петербургском университете, утверждает, что вся огромная сеть специальных учреждений для беспризорных и порочных далеко не соответствует действительной потребности и должна быть увеличена почти вдвое: «необходимо открыть ещё 200 комиссий» (действует 230), «не менее 100 новых распределителей»# (есть 160) и т.д.

На смену погибающим порочным беспризорным являются новые пополнения, и армия гибнущих детей растёт беспрерывно. Этого не скрывают и сами большевики. Никто из них, однако, не решился до сих пор опубликовать цифровые данные о размерах другого несчастья: детской проституции и связанного с ней распространения среди молодёжи сифилиса.

Даже публицисты «Известий» признают, что «детская проституция принимает чудовищно грандиозные размеры»*.

Что же делали с беспризорными коммунисты?

5. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И БЕСПРИЗОРНЫЕ

В 1918–1920 годах, в годы военных разрушений и военного коммунизма, большевики старались втиснуть в жизнь наспех придуманные, часто просто дикие формулы воинствующего коммунизма. Молодёжи был брошен лозунг демонстративного, публичного озорства и разврата. Всякое распоясывание щедро поощрялось. Наиболее характерными чертами работы с молодёжью на местах было полное отсутствие какого-либо плана и бешеное расшвыривание средств.

Декрет упразднил Особые суды для малолетних и поручил работу с порочными и беспризорными особым комиссиям. Основной формой помощи беспризорным вообще было признано помещение в закрытые приюты коммунистического воспитания — детские дома, число которых было доведено до 6415.

Ценою страшных усилий, перенося оскорбления и издевательства, чаще в провинции, отдельным опытным работникам удавалось кое-как наладить дело.

Мы имеем ряд свидетельств о самоотверженной борьбе интеллигенции за улучшение положения детей и знаем случаи, когда в детских домах дети действительно учились и воспитывались. Все эти усилия наладить дело пропадали при первых же признаках нового несчастья — голода.

2-й период, 1921–1924 годы, первый раз за существование России наша необъятная равнина была буквально засеяна детскими трупами. Число погибших неизвестно. Я не хочу терзать нервы. Приведу только несколько свидетельских показаний, чтобы дать общее представление о положении.

«Отчёты из голодающих мест пестрят жуткими картинами роста преступности среди несовершеннолетних». «Волна детских преступлений и беспризорности захлестнула аппараты защиты несовершенно-

летних». «На преступление голод толкает всякого ребёнка в голодной полосе — даже ребёнка в детском доме, даже в родной семье. О сиротах и беспризорных говорить нечего. Число дел увеличилось в два раза. Рост нравственной дефективности ещё больше».

Советская власть, торжественно, особым декретом отменившая ещё в 1918 году для малолетних суды и тюрьму, так реагирует на эти последствия в значительной степени ею же вызванного несчастья.

Всем ревтрибуналам был послан по телеграфу следующий приказ: «Материалы, имеющиеся в распоряжении Верховного трибунала, устанавливают колоссальный рост преступлений, совершаемых несовершеннолетними... Возможно быстрое искоренение указанного явления должно быть ударной задачей революционного суда»# («Вестник советской юстиции», № 12, 1922 г., ст. 14 циркуляра № 36 за 1922 г.). К этому времени как раз и относятся новые русские детские песни, описывающие переживания приговорённых к расстрелу.

До какого ужаса дошли дети, видно из следующего «успокоительного» замечания советского публициста («Жуткая летопись голода». Уфа, 1922): «Употребление человеческого мяса в пищу детьми — исключительная категория преступлений. Даже в кошмарные голодные годы таких случаев зарегистрировано всего несколько сот»#.

Сотни тысяч детских жизней спасли иностранцы с американской АРА во главе.

Даже советские официозы забили тревогу. На этот раз власть хотя и поздно, но, по-видимому, захотела помочь. Но в общем ещё раз была доказана полная неспособность коммунистов к настоящей, творческой работе.

Нэп заставил сокращать ассигнования. Всюду обнаружились перерасходы и недохваты. 1925–1926 годы были временем решительной капитуляции под напором жизни. Капитулировали, правда, на словах.

Отчёты созванного в конце 1924 года 2-го Всероссийского съезда по беспризорности дают большой материал для характеристики положения молодёжи на местах.

В значительной степени на местах работа вырвана из рук коммунистов и ведётся беспартийной интеллигенцией. Даже 62% делегатов съезда рискнули официально зарегистрироваться беспартийными.

Все коммунистические методы воспитания так наглядно провалились, что съезд в большинстве резолюций вернулся к старому, дореволюционному опыту работы над беспризорными. Беспризорность выросла в такое огромное бедствие, что даже существующие (едино-

душно признанные недостаточными) для беспризорных учреждения поглощают от 30 до 40% всего бюджета страны по народному образованию (46 млн. золотых рублей, ежегодно ассигнуемых центром, 8 млн., собранных Детской комиссией, плюс ассигнование местных органов). Съезд решил в основу нового плана поставить организацию трудового воспитания подростков, привлечь к работе широкие круги «советской общественности», дорожить социальными связями подростков (то есть семьёй) и т.п. Огромные материалы о положении на местах, собранные к съезду, показывают, что на наших глазах происходит заслуживающий самого пристального внимания процесс раскрепощения от советской догмы одной из важнейших областей русской жизни.

В ряде работ, опубликованных после съезда, коммунисты пошли ещё дальше. Они требуют восстановления института индивидуальной опеки, обращения за помощью к крестьянским семьям, кустарям и т.д.

6. ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЁЖИ В 1926 ГОДУ

С половины февраля сего года все советские газеты опять переполнены статьями, воззваниями и постановлениями, требующими новых решительных мер помощи молодёжи. Редакция «Известий» организует сбор на особый фонд по ликвидации беспризорности, власть в спешном порядке проводит новые ассигнования, разрабатывает новые декреты, а беспризорные по-прежнему заполняют улицы столиц, совершают массу преступлений, бегут из советских учреждений и начинают сильно беспокоить советскую власть. Ведь это они устроили в Москве разгром Смоленского рынка во время последнего съезда Коммунистической партии. *Власть борется как может, но не может признать, что важнейшим фактором детской беспризорности и основной причиной всех несчастий и страданий молодёжи является она сама. Это должны сказать мы.*

В итоге внимательного изучения положения молодёжи в Советской России мы приходим к следующим выводам:

1. Попытка проведения в жизнь коммунистических методов воспитания поставила под угрозу самый факт существования физически и морально здоровой молодёжи, принеся ей неисчислимые страдания и гибель сотен тысяч молодых жизней.

2. Несмотря на все усилия, коммунистам не удаётся создать кадры своих заместителей и преемников. Коммунизм в России бесплоден, и второго пополнения коммунистов в России не будет.

3. Советское воспитание в огромном большинстве случаев прививает молодёжи яд, отравляющий её душу и тело и делающий её неспособной к творческой, созидательной работе на благо Родины.

4. Процесс изживания страшного наследия коммунизма будет сказываться в течение долгого времени после освобождения России от советской власти.

<...>

Доклад единогласно одобряется. Принимается предложение проф. А.Д. Билимовича перевести его на иностранные языки. Собрание выражает благодарность разработавшему доклад В.М. Левитскому и прочитавшему его и дополнившему иллюстрациями на основании последних советских газет Л.И. Львову.

Заседание закрывается в 11 часов вечера.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

КАЗАКИ У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Вчера, 7 апреля, вся казачья группа Съезда была принята в Шуаньи Великим князем Николаем Николаевичем. Представлял казаков ген. П.Н. Краснов, он же и произнёс приветствие от имени группы национальному Вождю.

Великому князю угодно было сказать казакам следующее:

«Благодарю вас, родные, за то, что, приехав на Съезд, вы сами пожелали быть у меня и меня видеть. Мне это ваше желание видеть меня особенно важно и дорого. Я всегда любил и ценил казаков, и эта любовь основана не только на влечении сердца, но и на твёрдом и подробном знании казаков, знании того, что им можно предъявить и что они могут дать и дадут.

Ещё ребёнком я был вместе с моим отцом на Дону, где он имел свой зимовник; десять лет я был генерал-инспектором кавалерии и прекрасно узнал казаков и их службу и полюбил их так, как никто их не знает и никто их не любит.

Незадолго до войны по велению Его Императорского Величества я был в Новочеркасске на кругу, будучи же Наместником

Кавказа, в то же время был Атаманом Кубанского и Терского казачьих войск. Я состою в Донском, Кубанском, Уральском и почётным стариком многих станиц других казачьих войсках.

Передайте всем казакам, выбравшим вас своими представителями, казачкам-матерям и детям мой сердечный привет, а молодёжи передайте, чтобы она слушалась своих твёрдых стариков. Вот мой ей завет».

В ответ на благодарственное слово, которое от имени делегатов-казаков произнёс Всевеликого Войска Донского ген. Горелов, о том, что казаки с нетерпением ожидают зова Его Императорского Высочества и пойдут за ним по его приказанию, Великому князю угодно было ещё сказать казакам:

«Будьте уверены, что я не пропущу момента, когда нужно будет действовать. Я не пролью ни одной лишней капли вашей крови, так как ей нет цены. Но, когда обстоятельства потребуют, я уверен, что все казаки, и я первый, отдадим всё, включительно до своей жизни, за благо нашей Родины России и наших станиц».

«Возрождение», 8 апреля 1926 г.

ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Центр интереса был вчера, однако, не столько в общих собраниях, сколько в совещаниях групп. Съезд подошёл к вопросу о том, следует ли ему создавать какой-либо исполнительный орган. В Бюро по этому вопросу мнения разделились. Большинством голосов было принято предложение о необходимости создать такой орган и связать его непосредственно с Великим князем Николаем Николаевичем, но весьма значительное меньшинство в Бюро возражало против такой постановки, считая, что неправильно выбирать Великому князю советчиков.

Во фракции правых преобладает мнение о необходимости создания органа, непосредственно подчинённого Великому князю. Наоборот, среди умеренных группировок составлено и передано в Бюро заявление за 58 подписями, в котором отстаивается мысль о том, что в настоящее время только орган, не связывающий Великого князя своими действиями или хотя бы своей политической окраской, мог бы принести пользу. Состоявшаяся вчера конференция Русского Национального Союза единогласно постановила, что никакого нового постоянного органа учреждать не следует.

Торгово-промышленная группа считает пагубным для русского дела создание органа в том виде, как его намечают справа.

Ввиду возможности обсуждения этого важнейшего вопроса Съезда сегодня все группы настоятельно просят своих сочленов никоим образом не пропустить заседаний сегодняшнего дня.

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ АДВОКАТОВ

По поводу заявления А.М. Берлина, бывшего на Съезде представителем Союза адвокатов в Париже, члены Съезда, принадлежащие к составу этого Союза, подали следующее заявление Председателю Съезда:

«Осведомлённые о подаче Вам заявления представителем русских адвокатов за границей А.М. Берлиным, сложившим с себя обязанности члена Зарубежного Съезда по мотивам принятого в его отсутствие решения посылки адреса на имя Великого князя и по мотивам предстоящего решения об органе, мы считаем своим долгом заявить, что:

1) А.М. Берлин задолго до своего избрания знал, что приветствие Великому князю будет послано;

2) А.М. Берлин ни на одном деловом заседании Съезда вообще не присутствовал и никакого участия в работах Съезда не принимал;

3) А.М. Берлин перед подачей своего заявления не только не посоветовался с нами, членами Съезда и своими коллегами, голосами которых он охотно воспользовался при своём избрании на Съезд, но даже не предупредил нас о своём намерении;

4) А.М. Берлин приложил к своему заявлению декларацию, которую по существу своему мы не обсуждаем, но заявляем, что собрание, его избравшее, не давало ему права подавать какие-либо декларации;

5) А.М. Берлин формою своего образа действий поставил нас в неоднократную неизбежность выслушивать по адресу нашего представителя упрёки в том, что вся деятельность его выразилась только в демонстрации и что самое представительство на Съезде он принял в целях этой демонстрации».

О. С. Трахтерев,
А. Александрович

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Генеральный секретарь Зарубежного Съезда просит нас опубликовать следующее опровержение.

Газета «Дэйли мэйль» (парижское издание) напечатала в своём номере от 7 апреля сообщение, по заголовку своему не соответствующее истине о том, будто бы Великий князь Николай Николаевич объявлен Съездом «Наследником Романовского Трона».

Так как в основу образа мыслей Съезда краеугольным камнем легло *отнюдь не предрешать за рубежом будущего государственного устройства России* и принимая, что та же мысль ясно высказана Великим князем в его ответе на приветствие Съезда и что Его Императорское Высочество согласился только возглавить антикоммунистическое движение, в редакцию «Дэйли мэйль» было отправлено за подписью Председателя Съезда и генерального секретаря письмо нижеследующего содержания.

«Газета “Дэйли мэйль” в своём парижском издании от 7 апреля напечатала сообщение, озаглавленное “Великий князь Николай Николаевич, провозглашённый Наследником Романовского Престола”. Председатель Зарубежного Съезда просит Вас любезно напечатать в Вашей газете категорическое опровержение этого утверждения. Ни в какой момент, ни в какой форме никогда не было сведения подобного содержания. Ни один член Съезда такового не произносил, всё это достаточно подтверждает, что оно не соответствует истине».

Копии этого письма сообщены во все английские и американские газеты.

Ред.

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

ОТ ДОНСКОГО АТАМАНА

Господину Председателю
Зарубежного Съезда

Прошу Вас огласить на Съезде прилагаемое моё заявление и занести его в протокол.

В своей приветственной речи Зарубежному Съезду 4 апреля сего года ген. П.Н. Краснов

заявил, между прочим, следующее (газ. «Возрождение», № 307):

«Сквозь всю более чем пятисотлетнюю историю существования казачьих войск происходит борьба двух начал — созидательного и разрушительного. Как первые, так и вторые имели своих атаманов-вождей. Русская история помнит и чтит имена казаков, строителей русской славы, — гр. Платова, Котляревского, Слепцова, Мартьяна Бородина, Потанина, Ионова, Бакланова и многих, многих других, раздвигавших границы Русской земли и нёсших культуру и просвещение в дикие страны. И она же с презрением клеймит имена атаманов казачьей вольницы — Разина, Булавина и Пугачёва.

Времена и способы борьбы изменились, но в войсках осталась незначительная часть казаков, живущих фантастическими мечтами об отдельном от России существовании, о восстановлении гулливой казачьей вольницы, стремящейся к необузданной свободе, анархии и коммунизму.

И по непонятной случайности Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека и атаманы пошли с теми, кто на чужбине предопределяет России быть федеративной республикой и, не спрося русский народ, надевает на него социалистический хомут».

Всё это сказано по нашему адресу только потому, что мы, как и большинство казачества, не пошли на Зарубежный Съезд, не считая его выразителем воли всей русской эмиграции.

На нас, выборных войсковых атаманах, до последней возможности боровшихся с большевиками и продолжающих оставаться непримиримыми врагами III Интернационала, вылит ушат грязи — нас обвинили в сочувствии «необузданной свободе, анархии и коммунизму» и в симпатии к тем, кто хочет надеть на Россию «социалистический хомут»...

И к глубокому сожалению, на Зарубежном Съезде нашлись делегаты, не знающие казачьей истории и аплодировавшие этим выпадам.

Ген. Краснов отлично знает, что вся наша служба России во время Великой и Гражданской войны опровергает эту неправду. Войсковые атаманы и Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека неоднократно опубликовывали свою программу, сделали это они и теперь, во время заседаний Зарубежного Съезда, и ген. Краснов также хорошо знает, что они считают казачьи края составной частью Единой России и давно внесли поправки к тому сепаратизму, который проводился одно время именно им во время его атаманства.

Из программы Объединённого Совета Дона, Кубани и Терека ген. Краснов также знает,

что войсковые атаманы не только против насильственного надевания на русский народ «социалистического хомута», как и всякого другого «хомута», но и против социализма вообще, являясь сторонниками принципа частной собственности и частнохозяйственной инициативы.

И все указанные выше клеветнические выпады производятся не в романе, а в торжественном заседании Зарубежного Съезда!

В этом заседании нанесено оскорбление выборным атаманам Дона, Кубани и Терека, и в их лице нанесено оно и войскам, их избравшим, которые вели упорную, кровавую борьбу с III Интернационалом, и Зарубежный Съезд, ставивший своею целью объединение эмиграции, позволяет своим членам безнаказанно это делать.

Вы, как Председатель Съезда, к сожалению, своевременно не остановили увлёкшегося демагогией оратора, и я, от имени Донского, Кубанского и Терского войсковых атаманов, заявляю решительный протест против оскорбления нас в заседании Зарубежного Съезда 4 апреля сего года.

Ген.-лейт. Богаевский

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

УХОД А.М. МАСЛЕННИКОВА ИЗ ВЫСШЕГО МОНАРХИЧЕСКОГО СОВЕТА

Член Высшего Монархического Совета А.М. Масленников, избранный на этот пост ещё Рейхенгалльским съездом, вышел из состава совета. Мотивом к выходу послужила непримиримая позиция, занятая фракцией крайних правых во главе с другими членами Высшего совета в вопросе о выборе Председателя Зарубежного Съезда.

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

В ПОЛЬЗУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

От г-на Королькова	10 фр.
От группы русских в Пасси	30 фр.
От В. Панова	10 фр.
От А. Яковлева	20 фр.
Итого	70 фр.

С ранее поступившими 4110 фр. 15 с., 14 долларов, 15 герм. марок, 2 шв. фр., 100 динар, 8 польск. злот., 25 ит. лир и 5 бельг. франков.

Пятый день

Четверг, 8 апреля

ДНЕВНОЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Председатель в 3 часа 30 минут дня объявляет заседание открытым. Прежде чем приступить к очередным докладам, он доводит до сведения общего собрания, что поступило заявление от нескольких членов Съезда, что приветствие, посланное Его Императорскому Высочеству, не было предварительно подвергнуто обсуждению. Он считает должным констатировать, что в своё время, когда это приветствие было прочитано в собрании, не раздалось ни одного голоса протеста (*Голоса: «Правильно», продолжительные рукоплескания*), он утверждает, что поступил правильно, как Председатель. (*Голоса: «Правильно, правильно»*.) Он считает этот вопрос исчерпанным.

Затем Председатель оглашает поступившее через И.П. Алексинского приветствие Съезду от Высокопреосвященного архиепископа Анастасия, находящегося в Святой Земле, который скорбит, что по дальности расстояния не может приобщиться к работам Съезда, но душою и сердцем будет с ним.

<...>

Кн. Л.В. Урусов делает сообщение по вопросу о новых государственных образованиях на территории бывшей Российской империи.

*Доклад кн. Л.В. Урусова***

С трибуны Национального Съезда Зарубежной России должны быть сказаны все те слова о нашей Родине, высказаны все те мысли и убеждения, которые созрели в нас во время нашей эмигрантской жизни, отражают наше понимание предстоящих путей возрождения России и тем самым представляют из себя одну из сторон многогранного русского вопроса. Одни слова обращаем мы поверх границ к нашим страдающим братьям в порабощённой России, другие слова обращаем мы к внешнему миру, в котором мы нашли временный приют и для

* «Возрождение», 9 апреля 1926 г.

** «Возрождение», 10 апреля 1926 г.

которого катастрофа с Россией явилась событием внешним и в большинстве случаев явлением только политического порядка.

СВОБОДА РУК И МИР СО ВСЕМИ

Как бы ни относиться к русской проблеме — расширять ли её за пределы простой национальной катастрофы или, наоборот, суживая её, не покидать политической базы, — с несомненностью определяется одно положение, а именно: что перед возрождённой к национальной жизни Россией будут лежать открытые и свободные от прежних политических обязательств пути для воссоздания на новых основаниях своего международного положения. Коренные изменения за последние годы произошли как в самой России, так и во внешнем по отношению к ней мире — порождённые Великой войной и большевистским лихолетьем, народились во всём мире новые факты и новые факторы, с которыми будущей России придётся считаться; и поистине можно сказать, что новая Россия, руководствуясь своими правильно понятыми национальными интересами по отношению к внешнему миру, будет строиться на новых основаниях. Одно из оснований нам и сейчас известно: мир со всеми, внешний мир для внутренней созидательной работы.

Наиболее важным с точки зрения успешности работы внутренней по воссозданию разрушенного коммунистами хозяйственного организма России является установление прочных, дружеских, искренних отношений с государствами — непосредственными соседями нашего Отечества. И мы пользуемся этой трибуной Зарубежной России, чтобы во всеуслышанье высказать твёрдую уверенность, что возрождённая Россия не посягнёт на неприкосновенность своих соседей, равно как и на свободное, независимое существование возникших на территории Российского государства новых государственных образований.

ПОЛЬША

Ещё во время Великой войны национальное сознание русское даровало национальную жизнь Польше, ныне объединённой и возрождённой к самостоятельной международной жизни. В мире славянском народилась новая свободная славянская сестра, и национальная Зарубежная Россия выражает твёрдую уверенность, что, руководствуясь духом славянской взаимности и пониманием общих интересов

территориально слитных, между национальной Россией и национальной Польшей установятся те добрососедские и братские отношения, которые они могут разрешить в духе справедливости все спорные между ними вопросы.

ЭСТОНИЯ, ЛАТВИЯ, ЛИТВА

Эстонцы, латыши, литовцы — племена, входившие в состав Государства Российского, в борьбе своей против красной волны, захлестнувшей Россию, образовали на своих национальных территориях национальные государства Эстонии, Латвии и Литвы. Признанные как самостоятельные государства всеми державами, они, несомненно, таковыми будут признаны и будущей национальной Россией, которая не посягнёт ни на их независимое существование, ни на их территориальные границы. Национальная Зарубежная Россия, однако, не сомневается, что в сознании общности многочисленных политических и экономических интересов, связывающих эти государства с Россией, между этими государствами и Россией будут заключены такие договоры, которые наилучшим образом обеспечат договаривающимся сторонам взаимные права и интересы.

ФИНЛЯНДИЯ

Национальная Зарубежная Россия уверена, что Финляндия, жившая всегда несколько обособленной от России жизнью, а ныне получившая независимое государственное существование, также установит с возрождённой Россией дружеские, добрососедские отношения к взаимной выгоде и ограждающие права и интересы обеих сторон.

ЕДИНСТВО ИНТЕРЕСОВ РОССИИ ПРОТИВ «ЛИМИТРОФОВ»

Следует ещё раз повторить, что в многообразии своих внутренних интересов, разрушенных большевистским лихолетьем, грядущая русская законная власть всю силу своего творческого гения должна будет направить на воссоздание государственного ядра русского народа, раскинувшегося на шестой части земной суши. Для успешного достижения этой цели на границах возрождающейся России должен будет царствовать мир — границы должны будут быть охраняемы взаимным доверием, основанным на взаимных, свободно признанных

интересах и правах. И в целях скорейшего возрождения России и скорейшего приобщения её к широкой международной жизни, несомненно, будет обеспечено всем народностям, населяющим ныне попираемую властью III Интернационала территорию, свободное правовое развитие их бытовых, культурных и религиозных особенностей. Преждевременно уточнять, в какие формы выльются взаимоотношения как единокровных, так и разноплемённых народностей, населяющих ныне Россию; здесь, за рубежом родной земли, можно лишь выразить твёрдую уверенность, что при решении столь жизненно важных для всех вопросов будет найден общий язык и общее несчастье, в виде переносимого ныне всеми большевистского ига, выковывает там, в России, и углублённое понимание общности интересов, быть может несколько разнородных и разнообразных, но вполне для общей пользы согласимых.

ГРУЗИЯ И АРМЕНИЯ

В широком понимании грядущих судеб возрождённой России, мы уверены, найдёт себе разрешение и вопрос о Грузии, доблестные сыны которой непримиримы в борьбе с III Интернационалом и независимое национальное существование которой может быть обеспечено лишь национальной Россией, на основе свободного с ней соглашения, обеспечивающего общие политические и экономические интересы.

Также должен быть решён вопрос о независимости Армении, перенёсшей ряд тяжёлых испытаний во время Великой войны и ныне томящейся под пятой III Интернационала и дружеско-благожелательное отношение к которой со стороны национальной России остаётся, как и встарь, неизменным.

РЕЗЮМЕ

Таким в общих чертах представляется вопрос о сосуществовании возрождающейся России с её территориальными соседями и с возникшими на территории Российского государства новыми государственными образованиями. Мы здесь выражаем уверенность, что все вопросы, касающиеся очерченной сейчас нами области, будут разрешены в духе справедливости и примирения в целях обеспечения взаимных выгод и охраны взаимных интересов и прав. Таково наше настроение, такова наша определённая, громко провозглашаемая цель.

ДОЛГ БЛАГОДАРНОСТИ

О будущем в области, мне отведённой для доклада, было сказано всё, что может быть сказано в настоящий момент представителями Зарубежной России. Но к будущему мы приходим через настоящее — и в этом настоящем, нашем зарубежном настоящем, как бы неказисто оно ни было и как бы подчас тяжело ни давалось, у нас имеются свои обязанности. Одна из них — долг благодарности.

Вспомните, господа, когда начался наш исход из родных пределов, когда стали мы искать вне России спасения от большевистских зверств. Первые беженские ласточки прилетели в Европу ещё до окончания Великой войны, а эмиграционные волны наши стали переливаться через русские границы очень скоро — слишком скоро — после окончания четырёхлетней беспощадной борьбы, когда вся Европа, в корне потрясённая, утомлённая, находилась среди развалин, среди разрушенных путей сообщения, разлаженного товарообмена, была сама покрыта кровью и трауром. Но помимо материальных разрушений Европа переживала острый и опасный кризис духовного и социального утомления от последствий продолжительного напряжения военного. В этой ослабленной, усталой до изнеможения Европе, самонеустойчивой в своём послевоенном равновесии, мы нашли тогда, в страшные для нас дни вынужденного ухода из родных пределов, приют, убежище, возможность отдохнуть, нашли утерянное на Родине чувство безопасности за личную жизнь. Мы знаем все, что были недочёты — в какой активной работе их нет? — мы знаем, что и сейчас имеются кое-где недочёты по отношению к лишённым законной защиты русским беженцам, и мы внимательно следим за этим и их отмечаем. Но факт остаётся фактом, и лучшее доказательство того, что Европа нас приютила, — это то, что мы находимся все здесь и, пользуясь благожелательным отношением французского правительства, собрали в Париже наш Национальный Зарубежный Съезд. *Благодарность Франции должна быть нами выражена.*

ГУМАНИТАРНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОМОЩЬ

Но голое право убежища не является фактом необыкновенным, как бы ни велико было количество людей, которые одновременно воспользовались этим священным правом. Европа сделала и делает для нас нечто большое. Постепенно возвращаясь к нормальной жизни, европейские державы посильно приходили и приходят в самых разнообраз-

ных формах на помощь нам, русским беженцам, и в нашем лице помогают русскому делу, русскому народу, русской культуре. Приходили и приходят на помощь русскому беженству правительства, помогают церкви, широкой волной льётся частная благотворительность. Как яркий пример того, что делается для русских людей, позвольте привести *Югославию,* в которой русские люди нашли и находят братский кров, возможность, при содействии правительства, зарабатывать свой хлеб подчас интеллигентным трудом и жить в условиях сносной человеческой жизни. Не забыты и инвалиды — участники Великой войны. Забота о русских детях дала возможность русским учебным заведениям привиться и расцвесть на братской почве, и там, в Югославии, воспитываются русские дети — эти будущие строители российской мощи и славы, которые, кроме любви к России, на заре своих сознательных лет восприяли и принесут через всю свою дальнейшую жизнь душевную благодарность братьям сербам, хорватам и словенцам за помощь, действенную и жертвенную, которая им была оказана в дни их национальных невзгод.

Мы знаем все, какая реальная и широкая помощь русскому учащемуся юношеству оказывается в *Чехословакии*. Мы знаем, что и в *Болгарии,* и во многих других странах русское зарубежное дело находит к себе благожелательное отношение у власть имущих. Различные церкви, движимые христианским чувством, бескорыстно помогают русским людям; кардинал Мерсье, недавно скончавшийся в Бельгии, явил образ действительного христианина и по-настоящему понял трагедию многих и многих русских, и долг Зарубежного Съезда — выразить здесь чувства искренней благодарности правительствам, церквам, частным лицам за реальную помощь, которая оказывается всеми ими Зарубежной России. Наше сердечное русское спасибо.

БЛАГОДАРНОСТЬ СОЕДИНЁННЫМ ШТАТАМ

Но есть ещё одна благодарность, несколько отличная от той, которая нами была только что выражена, — благодарность эта обращается к СА Штатам.

СА Штаты оказали народу русскому помощь и материальную: когда в 1921 году голод в России принял размеры стихийного бедствия, американскую АРА, организованную в чисто американских размерах, благословляли сотни тысяч пухнувшего от голода русского люда, и Россия, конечно, сохранит навсегда благодарную память об этом высокогуманном порыве североамериканцев — и народа, и правительства.

Американские Штаты оказали народу русскому помощь и духовную. Внимательное изучение действительных условий жизни в захваченной коммунистами России привело североамериканцев к глубокому пониманию всего значения и размера русского вопроса и к отказу признать коммунистическую власть за законную власть над русским народом. На этой отрицательной к коммунистам точке зрения, формулированной в августе 1920 года и подтверждённой в 1921 и 1922 годах, Штаты неизменно продолжают стоять и поныне, и ни одна из держав, расширивших рамки русского вопроса при том или ином решении его за пределы обычных международных отношений, не формулировала с такой определённостью своего принципиального и морального отношения к проблеме, которая всколыхнула весь мир и которая поныне грозит его правовым и экономическим основам. Неизменно благожелательная к народу русскому, неизменно не признающая власти III Интернационала, царящей в России, великая американская республика, несомненно, тем самым действенно способствует грядущему освобождению нашей Родины, и наша благодарность должна быть ей громко выражена.

Осталось сделать последнее заявление внешнему миру от Национального Зарубежного Съезда, и заявление это следующее.

ТЕПЕРЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НЕТ

В настоящее время в международных отношениях России нет. Об этом знают все, кому ведать надлежит, но также охотно об этом забывают. России нет — она заменена четырьмя буквами, и Интернационал, захвативший её в свои когти, конечно, не является Россией, и не для блага и не от имени России ведётся вся бесчестная политика под красным флагом. III Интернационал и действующие под его контролем Советы — не Россия, мы неустанно должны повторять эти слова, эту правду, о всей значительности которой многие и многие не дают себе труда по-настоящему задуматься и сделать из неё все необходимые выводы.

БЛИЗОК ДЕНЬ, И РОССИЯ ЯВИТСЯ МИРУ

В международной политической жизни России нет, но в мире Россия есть — она существует, больна, но не погибла, страдает, но не умерла; и глубокая наша вера в Россию, в её великие судьбы и её неизбежное и скорое воскрешение даёт силу убеждения нашему голосу

и вдохновляет нас самих в нашей теперешней национальной работе сговора и единения. Россия там, в оставленной нами стране, — Россия подъяремная. Россия есть и здесь — Россия зарубежная, но свободная. И там, в страдании, и здесь — в изгнании, униженная среди ликующих и торгующих Россией, выковывает своё национальное сознание, свой действенный и гордый патриотизм. И придёт день — и он не за горами, — когда, встрепенувшись, размашистым православным крестом скинет всю нечисть с себя русский народ, и Россия, обновлённая, объединённая с зарубежной, вновь явится всему миру, напрасно ищущему своё равновесие вне бытия национальной России.

Часто доклад прерывается общими одобрениями присутствующих. <...> Аплодисментами встречается заявление оратора о том, что одним из главных оснований будущей возрождённой России явится мир, мир со всеми для внутренней созидательной работы, и указания на то, что национальная Россия не будет посягать ни на самостоятельность существования вновь возникших государственных образований, ни на их территориальные границы и что она установит дружественные отношения с Финляндией, ко взаимной выгоде.

Всем народностям внутри России будет обеспечена возможность развития их бытовых и культурных особенностей.

Докладчик отмечает заслуги Грузии, добрые сыны которой непримиримы в своей борьбе с III Интернационалом.

Продолжительными аплодисментами сопровождаются слова докладчика о благодарности в отношении Франции за то, что её правительство дало возможность собраться Зарубежному Съезду. Те же знаки одобрения всей залы сопровождают слова оратора, когда он перечисляет всё то, что сделали братские народы в отношении русских школ, инвалидов и масс беженцев. За оказанную и оказываемую ими помощь Съезд выражает сердечное русское «спасибо».

Громкими рукоплесканиями приветствует собрание правительство Северо-Американских Штатов за его неизменно благожелательное отношение к русскому народу. За широкую помощь, оказанную во время величайшего голода в России в 1921 году, за то, что оно отказывается признавать коммунистическую власть за законную власть русского народа.

Закончив доклад, **кн. Л.В. Урусов** оглашает тезисы к своему докладу:

«Зарубежный Съезд полагает, что возрождённая Россия должна будет стремиться к установлению дружеских отношений со всеми

своими соседями, признав тем самым независимость и самостоятельное существование всех возникших на территории бывшей империи Российской новых государственных образований, входя с ними в соглашение, обеспечивающее взаимные политические и экономические интересы.

Равным образом Зарубежный Съезд выражает уверенность, что будущее законное правительство России обеспечит всем народностям, населяющим её территорию, свободное правовое развитие их бытовых, культурных и религиозных особенностей».

Председатель спрашивает, есть ли желающие что-либо сказать.

Григорьев (делегат от Латвии) заявляет, что с большим удовлетворением был выслушан доклад, как вполне отвечающий русскому делу. С таким же удовлетворением этот доклад, несомненно, будет воспринят и на местах. Он предлагает собранию выразить благодарность докладчику — кн. Л.В. Урусову. (*Аплодисменты.*)

Председатель предлагает собранию одобрить доклад и принять оглашённую резолюцию. (*Аплодисменты.*)

С места раздаётся голос о желании сделать заявление по докладу. Председатель заявляет, что прения прекращены, и просит все замечания передавать в Бюро, которое приобщит их к журналу сегодняшнего заседания. Председатель предоставляет слово В.П. Носовичу.

Доклад В.П. Носовича

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО*

Большевики всё время стремятся внушить и европейскому общественному мнению, и европейским правительствам, что они создали правовое государство. В действительности же советское законодательство есть форма некоего не виданного в истории человечества законодательного обмана.

Над советским государством надписано: «Диктатура пролетариата». На деле же это сплошное бесправие. Это — диктатура кучки людей, которые являются агентами III Интернационала. Диктатуры пролетариата нет. Они покрыли государство сетью советов, но не допускают тайного голосования. Если бы их поддерживал класс пролетариата, то они ввели бы свободное голосование, но этого нет.

Агенты ЧК охватили всю Россию. Даже в коммунистической партии тайного голосования не существует.

---

* «Возрождение», 10 апреля 1926 г.

Вывод отсюда ясен: это не только насилие, но и обман.

Большевики заявляют, что они создали классовое государство и будто бы предоставляют привилегии классу трудящихся — они вводят правило, по которому судья обязан стоять на стороне трудящегося. Но, по существу, пролетарии там прав не имеют.

Они издают Гражданский кодекс. С технической стороны он изложен хорошо. Но ему предпослана знаменитая 1-я статья о том, что суд вправе объявить, что закон не применяется к данному делу, если это невыгодно государству. Государство там захватило все имущества, фабрики, торговлю. Если стороны заключили между собой соглашение, то охрана его властью по меньшей мере сомнительна, так как в каждом случае такое соглашение может оказаться невыгодным для государства, являющегося конкурентом всякого торгующего лица.

Издан ими и Уголовный кодекс. В него введено начало правильно организованного судебного террора. Согласно ему, всякого человека, в любой момент, можно предать суду. Они ведут постоянную борьбу с религией.

Напрасно стали бы искать в законе определённые нормы, которые оправдывали бы то богоборчество, которое они практикуют. Там мы их не найдём. Но преподавание Закона Божьего в частной школе есть уголовно наказуемое преступление. Есть статья о том, что самовольно нельзя разгонять религиозных процессий, если они не препятствуют другим лицам. Но обратно — есть статья, которая устанавливает ответственность для устроителей религиозных шествий.

Главный удар направлен ими на семью. Они объявили свободу развода по единоличному заявлению одного из супругов. Последствие — стон жён рабочих.

Существует специальная статья, по которой судья обязан каждую неделю назначать к слушанию дела о разводах, между тем в отношении других дел такого указания не имеется. Что касается отношения детей к родителям, то, в сущности, власть родительская там уничтожена.

Отцеубийство и матереубийство рассматриваются как простые убийства. Сожительство отца с дочерью, брата с сестрой — деяния безразличные.

Вот те удары, которые они наносят исподтишка, так как сказать громко, что семьи там нет, они ещё не решаются.

Стоит ли говорить о собственности? Ведь всё, что имеет ценность, там захвачено.

Они кладут в основание полное отрицание индивидуального права. Власть владеет правом уничтожения и имущества, и жизни любого из граждан.

Формально суд там выборный, но судьи выбираются на год, при этом можно в любой момент прогнать судью, и это прямо указано в законе. При таких условиях по делам, которые сколько-нибудь интересуют власть, о суде там говорить не приходится. И они этого не скрывают.

При экзаменах на «правозаступника» часто предлагаются вопросы: должен ли судья быть беспристрастен? Плохо, если отвечающий скажет «да». Ему объяснят: в суде классового господства судья должен быть пристрастным.

Большевистские декреты умышленно, в виде какого-то грандиозного обмана, направлены к тому, чтобы вводить в заблуждение иностранцев, и предоставляют всю полноту власти одной шайке.

В заключение докладчик оглашает нижеследующие тезисы:

«Путём последовательно изданных декретов большевики установили поддерживаемый насилиями и устрашением, противоречащий правосознанию русского народа строй, именуемый ими диктатурой пролетариата, в действительности преследующий задачу удержания агентами III Интернационала бесконтрольной и неограниченной власти над бесправным населением.

Декреты эти обычно облечены в форму, приближающуюся к таким законодательным актам правовых государств, коими обеспечиваются за населением неприкосновенность признанных законом прав.

В действительности они облекают большевистскую власть полномочиями отказывать, в каждом отдельном случае, в применении устанавливаемых декретами общих правил.

На основании декретов СССР снизу доверху управляется выборными коллегиальными органами, именуемыми «советами».

Путём введения обязательного открытого голосования, производимого под наблюдением агентов полиции, выборная форма лишь прикрывает назначение властью своих агентов.

Учреждение в советской России особых законодательных, судебных и административных органов власти создаёт ложное представление о признании большевиками обеспечивающего неприкосновенность прав населения начала самостоятельности этих государственных функций.

На самом деле большевики это начало отвергают, а потому:

1) исполняющие законодательные функции центральные советы в СССР облечены, наряду с законодательными функциями, административной и судебной властью;

2) административным органам, как в лице советов, так и в особенности полиции, предоставлены неограниченные, по существу, полномочия в распоряжении не только имуществом, но и личностью населения;

3) органы, именуемые судебными, подчинены высшим представителям власти и разрешают в судебных формах подведомственные им дела в соответствии с видами захвативших власть агентов III Интернационала.

Издание большевиками особых декретов, под наименованием Гражданского и Уголовного кодексов, обычно связываемое с представлением о признании властью за населением совокупности неотъемлемых личных и имущественных прав, не только лишено такого значения, но и предоставляет подчинённым органам власти, исполняющим в советской России судебные функции, право выносить решения, противоречащие постановлениям кодексов.

Одной из главнейших задач большевиков в области правовой, так же как и экономической, является разрушение всех учреждений, лежащих в основании организации правовых государств, и прежде всего религии, собственности и семьи. Лишив население свободного исправления своих религиозных нужд, изъяв из частного владения все категории наиболее ценных имуществ и тем ограничив до крайних пределов сферу проявления личной инициативы в экономике страны, большевики направили свои главные удары против семьи как основы правовой государственности и хранительницы начала авторитета.

Отвергнув всякую власть родителей над детьми, установив неограниченную свободу развода путём одностороннего заявления одного из супругов, большевики лишили порождаемые браком отношения между супругами, а также между родителями и детьми присущего самой природе семьи правового содержания».

<...>

Оратор предлагает собранию принять следующую резолюцию:

«Организованное бесправие, скрывающееся под наименованием диктатуры пролетариата, преследует задачу удержания неограниченной, бесконтрольной власти над русским народом агентами III Интернационала, которые, вверив исполнение судебных функций подчинённым органам, отвергают не только основы правовой жизни страны — семью и собственность, но и всякие личные и имущественные права».

(*Возгласы: «Правильно!»*)

Председатель предлагает собранию, если нет возражений, принять предложенную резолюцию. (*Аплодисменты.*)

Председатель предоставляет слово Б.Н. Соколову.

*Доклад Б.Н. Соколова**

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ**
(ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА)

1. Рост экономического благосостояния России перед войной дал яркое доказательство мощности моральных и физических сил русского народа, обеспечивающих стране и впредь достойное великодержавное существование.

2. Однако неизбежное напряжение во время войны всех сил страны и революция подорвали моральные силы русского народа и довели страну до захвата власти коммунистической партией.

3. Декретированный и насильственно проведённый большевиками военный коммунизм довёл страну до полного разорения, прекратив всякую её хозяйственную деятельность и обусловив колоссальный голод 1921 года, стоивший России бесчисленного количества человеческих жертв.

4. Под действием этой обстановки и полного крушения коммунистической системы, а также упорного пассивного сопротивления коммунизму со стороны крестьянства советская власть начала отступление, обратившись к политике нэпа, превратившей систему коммунистического хозяйства в систему государственного социализма, лишённого, несмотря на множество декретов советской власти, всякой правовой основы и имеющего единственной целью сохранение власти в руках коммунистов.

5. Результаты этого периода власти большевиков отчётливо подтверждают неспособность социализма не только обеспечить экономическое развитие страны и благосостояние её населения, но даже дать тому рабочему классу, во имя которого делалась революция, условия человеческого существования.

6. Спасение России всего больше зависит от нарастания внутренних сил страны, главным образом среди крестьянства, которое в

* Автор доклада — В.Н. Новиков. На Съезде доклад прочитан Б.Н. Соколовым.

** «Возрождение», 9 апреля 1926 г.

своём стремлении найти выход из невыносимого положения должно смести власть III Интернационала над Россией.

7. Поэтому будущий хозяйственный строй России будет главным образом определяться желаниями и чаяниями тех слоёв населения, которые в предстоящей борьбе получат решающее значение.

8. Зарубежная Россия, сознающая себя частью Великой России, должна вложиться в общую борьбу за спасение Родины и в своей программе, исходящей из высшего принципа — блага всей нации, должна выявить чаяния русского народа, причём многолетнее пребывание множества русских людей за границей обязывает их учесть весь огромный опыт чужих стран в эпоху военного и послевоенного государственного строительства.

9. На основании опыта самой России и всего человечества можно решительно утверждать, что хозяйственный строй России, освобождённой от советской власти, будет основан на признании права частной собственности и на обеспечении в экономической деятельности личной свободы и творческой инициативы.

10. Признание права частной собственности естественным образом повлечёт за собой денационализацию и демуниципализацию всех видов собственности, за изъятиями, вызываемыми государственной необходимостью. Эта денационализация должна быть произведена актами законодательной власти без приостановления хозяйственной жизни страны, а также резкого надрыва создавшихся отношений.

11. Руководясь принципом солидарности всех граждан в экономической деятельности и исходя из необходимой предпосылки установления всеобщего гражданского мира, национальная государственная власть установит одинаково справедливое отношение ко всем категориям производительных работников, как умственного, так и физического труда, каковые, стремясь к общей цели величия и мощи своей страны, должны получить одинаковую защиту и равное обеспечение своих отдельных интересов. Таким образом, и рабочие получат основанное на законе и согласованное с интересами государства урегулирование условий своего труда и полную возможность добиваться условий экономически достаточного и морально достойного существования.

12. Так как экономическое развитие страны тесно связано с государственным её устройством и проникающим это устройство духом, то необходимо признать, что для хозяйственного возрождения России требуется наличность таких правовых условий, которые позволили бы выявиться скрытым в народе внутренним творческим силам, а потому будущая Россия не может не быть государством правовым. Широкое самоуправление, равноправие всех граждан, культурно-национальное

самоопределение различных народностей, свобода вероисповеданий, основные гражданские свободы должны быть обеспечены населению.

13. Указанные общие положения, вытекая из задачи хозяйственного возрождения, не предрешают никаких конкретных форм политического строя и правопорядка. Эти формы могут определиться только в самой будущей национальной России.

По поводу доклада выступает **А.И. Фенин,** заявляющий, что он хочет сказать несколько слов в дополнение к докладу. Он подчёркивает основную особенность роста русского довоенного хозяйства, которая заключалась в том, что рост народного хозяйства в целом обгонял рост отдельных отраслей промышленности, и особенно железнодорожного транспорта. России необходимо было увеличить промышленность железа и угля. Если бы это было сделано, если бы не было войны, нас ожидал бы совершенно американский размах хозяйства.

Вторая особенность та, что, благодаря слабости промышленного развития, в России наблюдался рост аграрной перенаселённости, принимавший опасные размеры. Население деревень росло, перегоняя рост городов.

Сейчас экономические силы России подорваны. Капиталов нет. Подорвана и капиталообразующая сила. Поэтому экономическое состояние России сейчас важнее политического. Политическую программу надо подчинить экономической. Из этого следует, что Россия должна обладать твёрдой властью, что в ней не должно быть никакого политического разброда. (*Аплодисменты, голоса: «Правильно!»*)

Обеспечение политической мощи обеспечит России приток капиталов. А экономическая самодеятельность русского народа и приток капиталов извне дадут России блестящее развитие. (*Голоса: «Браво!», рукоплескания.*)

Так как других ораторов по докладу нет, **председательствующий Д.Д. Гримм** предоставляет слово **И.В. Куприанову** для оглашения тезисов по рабочему вопросу. Тезисы принимаются, резолюция передается в Бюро.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ*

А) Положение рабочего до революции: «Нас за людей не считают».

I) Условия физического существования:

---

* «Возрождение», 11 апреля 1926 г.

1) несоответствие между вознаграждением за труд и стоимостью самого труда,

2) несоответствие того же вознаграждения и стоимости жизни: нужда и лишения,

3) неуверенность в завтрашнем дне; необеспеченность ни здоровья, ни старости,

4) жилищный вопрос: грязь, теснота, антигигиена,

5) произвольность вознаграждения со стороны работодателя,

6) штрафы и взыскания со стороны работодателя.

II) Условия политического и духовного существования:

1) отсутствие со стороны власти и общественных кругов здорового руководительства духовными запросами и нуждами рабочих,

2) отчуждённость и даже враждебность органов русской власти и широких интеллигентских кругов к рабочим; запреты властью бытовых и культурных рабочих организаций,

3) общая непросвещённость рабочего, низкий уровень его духовного и нравственного развития; пьянство и разврат,

4) общая беспросветность и бессодержательность жизни рабочего,

5) лёгкое подпадение его нездоровым влияниям подполья и утопических идей.

Б) «И мы люди и также хотим быть счастливыми». Коммунистическая революция и её действие на положение рабочего:

1) обман оказался тем, чем он есть: обманом,

2) отход лучшей, здоровой части рабочих от большевиков,

3) разделение рабочих на большевистскую преторию и большевистских париев,

4) времена пришли ещё худшие, чем были: так жить дольше нельзя.

В) Где же и в чём выход?

1) жизнь как биологический процесс,

2) продукты потребления как элементы, необходимые для биологического процесса,

3) силы, производящие продукты потребления,

4) место рабочего в числе этих сил,

5) человеческое сожительство или сообщество как неизбежная форма бытия на пути прогресса человечества,

6) государство как единственно правильная форма человеческого сообщества,

7) аналогия между государством и физически сложным организмом,

8) место рабочего в государственном организме,

9) «рабочий класс» или рабочая категория населения,

10) борьба классов или неизбежное сотрудничество категорий населения,

11) разница во взглядах по этим двум основным вопросам между социалистами и союзом беспартийных,

12) союзы и синдикаты производственных категорий и их сотрудничество,

13) синдикаты как государственные учреждения,

14) поглощение или непоглощение личности рабочего союзами и синдикатами,

15) отношение государства к рабочему как: а) к одной из производительных сил, б) к гражданину и в) человеку.

Председательствующий объявляет, что следующее заседание состоится в 10 часов вечера. Будет заслушан доклад **И.П. Алексинского** об исполнительном органе. Перед этим в 9 часов состоится заседание Бюро.

Заседание закрывается в 6 часов 10 минут.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

В 10 часов 45 минут зала заполняется делегатами.

Струве открывает заседание и требует покинуть залу представителей прессы — заседание закрытое.

ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

На закрытом заседании **П.Б. Струве** сообщает, что Великий князь отказался его принять, и напоминает собранию содержание письма Великого князя от 2 апреля. П.Б. Струве даёт Зарубежному Съезду 24 часа сроку для окончательного обсуждения вопроса об органе.

Заседание на этом закрывается.

---

* «Последние новости», 9 апреля 1926 г.

** Там же.

Шестой день*

Пятница, 9 апреля

Заседание открывается в 11 часов. Председательствует П.Б. Струве. Слово предоставляется **В.И. Гурко** для доклада по земельному вопросу.

В.И. Гурко

ДОКЛАД О ЗЕМЛЕ

«ЗЕМЛЯ» И «ВОЛЯ»

«Земля и воля» — таков лозунг, брошенный более полувека тому назад русскими утопистами, которые, осуществив этот лозунг, думали обеспечить благосостояние крестьянского населения.

Лозунг «земля» понимался в том смысле, что вся земля должна принадлежать крестьянам. «Воля» означало, что крестьянство должно оставаться в своих сословных условиях, иметь крестьянское самоуправление, сословный суд, сохранить бытовые условия — общину.

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ДО 1905 ГОДА

Наше правительство долгое время бессознательно шло по этому пути. Оно считало, что спасение русского народа — в увеличении земельных владений. И действительно, к началу революции 1905 года площадь крестьянских владений увеличилась с 111 млн. десятин в 1861 году до 170 млн. десятин. Одновременно правительство твёрдо стояло на сохранении общины, и в 1893 году было даже отнято право выхода из общины.

ПОВОРОТ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Тем не менее благосостояние всё падало, недоимки росли, урожайность не поднималась. Присмотревшись ближе, правительство убедилось, что в порядке увеличения площади достигнуть абсолютно

* «Возрождение», 10 апреля 1926 г.

ничего нельзя, что нужно увеличить производительность земли и что в этом отношении община является лишь тормозом. Был издан закон 9 ноября 1906 года о свободном выходе из общины. Был принят ряд мер по землеустройству.

РЕЗУЛЬТАТЫ БЫЛИ БЛЕСТЯЩИ

Результаты были чудодейственные. В порядке землеустройства за пять лет (до войны) была устроена площадь в 20 с лишним млн. десятин. Урожайность поднималась из года в год. Народ богател, переселение уменьшалось.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Но пришла война, пришла революция, пришёл Чернов, воскресивший народовольческие лозунги и пошедший по пути, по которому потом следовали большевики, проводившие, в сущности, эсеровскую программу.

ЭСЕРОВСКАЯ ПРОГРАММА БОЛЬШЕВИКОВ

Вся земля была отобрана от рентных владений и поделена между трудящимся населением. При этом было роздано всего 40 млн. десятин, и на душу пришлось жалкое количество.

Я не буду говорить об измельчании собственности, произведённом большевиками. Скажу только, что большевики скоро сообразили, что чем меньше хозяйство, тем труднее ему просуществовать. Они увидали, что до революции производилось 260 млн. пудов молока, а в 1920 году — всего 35 млн. пудов. Они поняли, что причина этому — малокоровность, и принялись уничтожать мелкие хозяйства и поддерживать крупные.

Таковы экономические последствия земельной реформы большевиков.

КУЛЬТУРНОЕ ОСКУДЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Но есть и другая сторона. Большевики смели почти всю культурную часть населения русских сельских местностей. Позвольте мне раньше, чем продолжить, в высших целях спасения и возрождения России окончательно принести на алтарь Отечества наши земли,

сказать несколько слов о поместном сословии. На нём держалась вся земская работа, работа, направленная на пользу народных масс.

Нельзя не выразить сожаления, что сельские местности лишились культурных элементов. (*Рукоплескания.*) Усадьбы были гнёздами и очагами, где выковывалось русское художество. Они служили объединением русской культуры с русской народной стихией. Вспомните Пушкина!

ДОЛЖНО ЛИ ВОССТАНОВИТЬ ПОМЕСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Таков реальный результат проделанного большевиками. Всё как будто говорит за то, чтобы восстановить поместное землевладение. На то есть и экономические, и культурные причины.

ПРИЧИНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ ЭТОМУ

Но есть и такие причины, с которыми бороться не дано, — причины психологические. В крестьян внедрили убеждение, что соседняя земля, став его состоянием, будет способствовать его благосостоянию. Вы никогда не убедите отдельных людей, из которых составляется масса, в противном.

ВСЁ В ИНТЕРЕСАХ ЗЕМСКОГО МИРА

Из этого вывод: если мы хотим в предвидимый срок восстановить Родину и внести земский мир, нет другого способа, как закрепление земель в собственность.

Одновременно надо предотвратить грустные последствия уничтожения рентных владений. Закрепить за крестьянами землю можно только в порядке землеустройства, так как большевики ввели хаос во всё русское земельное хозяйство.

ВЕРЬТЕ В ТВОРЧЕСКИЙ ДУХ НАРОДА

Говорят, что, закрепив за крестьянами землю, нельзя обеспечить прежней товарности. Это, конечно, так. Но я уверен, что в сравнительно короткий срок крестьянство доставит столько продуктов, сколько доставляли помещичьи хозяйства. То же самое будет с винокуренными и свеклосахарными заводами.

Запад не знает земельных латифундий, однако здесь существуют эти заводы. В заключение одно из двух: либо мы верим в творческий дух русского народа, либо мы не верим. Если мы в него верим, наша жертва окажется только личной, не в ущерб государству.

И уничтоженный культурный слой, я верю, возникнет снова. Если Добрыня Никитич временно сходит со сцены, то Микула Селянинович выделит из своей среды новых Добрыней Никитичей. Нужно внести мир и дать России окрепнуть и восстановить её величие. (*Аплодисменты.*)

ТЕЗИСЫ

Резюмируя свой доклад, В.И. Гурко оглашает следующие тезисы:

«Обсудив земельный вопрос, Российский Зарубежный Съезд полагает, что:

1. Земельный вопрос должен быть разрешён в соответствии с государственными интересами, при подчинении таковым интересам частных и с укреплением при этом — на твёрдых основаниях общего гражданского права — принципа частной собственности.

2. Первой и главнейшей задачей российской государственной власти в этой области является немедленное внесение в сельскую жизнь прочного земского мира. Второй существенной задачей является обеспечение возможности наилучшего использования производительных сил земли.

3. Все земли, находящиеся в действительном хозяйственном использовании, как членов земельных обществ, так и отдельных сидящих на земле землевладельцев, принадлежащих к природному населению страны, должны быть закреплены за ними на праве полной собственности, с выдачей им крепостных документов в порядке землеустройства.

4. Установление способа и порядка закрепления земельной собственности может быть произведено лишь на местах, в порядке землеустройства, в соответствии с разнообразными условиями Государства Российского, как, например, в казачьих областях.

5. Чуждая чувству мести российская государственная власть должна предать забвению все имущественные преступления, совершённые в России в период революции, причём никакого уголовного преследования за совершённые в период революции имущественные захваты и разрушения не должно быть допущено».

Слово предоставляется **кн. Н.Б. Щербатову,** который заявляет, что, как человек, 25 лет занимавшийся земельным вопросом, и как хозяин-практик, он желает сделать дополнение к докладу. Со всем, что было сказано предыдущим оратором в области политической, он согласен. Революция вверх тормашками перевернула все отношения, и о возврате к прошлому нельзя думать.

Но в вопросах экономики оратор не согласен с докладчиком: выводы В.И. Гурко слишком оптимистичны. Надо смотреть в глаза грядущей опасности. Русская интеллигенция всегда была падка на крылатые лозунги. Одно время она увлекалась «прямым, равным и тайным». Во время войны был популярен лозунг «без аннексий и контрибуций». Перед самой революцией таким лозунгом было «ответственное министерство». Многие из сидящих здесь верили, что ответственное министерство спасёт Россию...

Н.Е. Марков (*с места*): И спасли.

Кн. Н.Б. Щербатов (*продолжает*): Таким же крылатым лозунгом является формула «закрепление земли за захватчиками». Надо смотреть на вещи, как они есть, и признать, что эта формула невыполнима. Мы до сих пор видим средостение между крестьянином и барином, тогда как гораздо интереснее взглянуть на взаимоотношения в крестьянской массе. Землю-то ведь отняли друг у друга, а не у крупных помещиков, которым принадлежало всего 10,7% земли.

Оратор иллюстрирует примерами трудности, которые встретит на своём пути закрепление земель, когда придётся считаться с местными особенностями, с местной психологией. Одного землеустройства, по его мнению, мало. Нужны примирительные камеры*. Думать, что восстановить земельный порядок можно в короткий срок, — заблуждение. Нам, даже младшему поколению, земельного порядка не увидеть.

В заключение оратор говорит, что, по его мнению, при сложности вопроса обсуждение его в многолюдном собрании — непроизводительная затрата времени. (*Аплодисменты части собрания.*)

Председатель просит внести предложение в письменной форме и прибавляет, что к нему поступило предложение члена Съезда г-на Пучковского, к которому он — и как человек, и как общественный деятель, и как учёный-экономист — всецело присоеди-

---

* *Примирительные камеры* — государственные органы или учреждения на предприятиях, созданные для разрешения трудовых конфликтов, споров между работодателями и работниками.

няется: почтить вставанием память творца землеустройной реформы П.А. Столыпина.

Весь зал встаёт.

После этого слово предоставляется председателю Русского рабочего союза во Франции Н.Н. Кришевскому.

Н.Н. Кришевский заявляет, что он является представителем Русского рабочего союза, но будет говорить от себя.

«Мы должны провозгласить отсюда, что крестьяне не будут прогнаны с той земли, на которой сидят. Я лично не удовлетворён предложенной резолюцией вследствие её недоговорённости. Я считаю, что прямота в выводах может дать только союзников. Но я вижу, что и с такой резолюцией согласятся не все члены настоящего собрания, поэтому я выступаю на её защиту. Надо, чтобы в России действительно поверили, что вы не будете посягать на земли тех крестьян, которые на них сидят. Прошло восемь лет, и те лояльные мысли, которые первоначально были у крестьян, что они заплатят за землю, ныне стушёвываются. С развёрнутым русским национальным знаменем, на котором написано, что мы ничего не хотим взять от крестьян, мы должны идти в Россию».

ИНЦИДЕНТ

Председатель заявляет, что к нему поступило предложение о прекращении записи ораторов, и сообщает, что записалось 12 ораторов.

Н.Е. Марков просит слово к порядку дня и заявляет, что правой группой внесено предложение, которое будет формулировано П.В. Скаржинским, о том, чтобы этот вопрос, как вопрос законодательный и потому не подлежащий нашему обсуждению, не обсуждался вовсе, а была бы вынесена лишь резолюция о том, что мы присоединяемся к заявлениям Великого князя Николая Николаевича по этому вопросу. (*Шум, возгласы на местах.*)

Председатель: В только что сказанном содержится предложение и по форме, и по существу. Предложение о необсуждении, после того как записалось 12 ораторов и один уже высказался, является нарушением права членов Съезда на слово. Предложение П.В. Скаржинского поступило 10-м по порядку. Если большинство желает лишить слова своих сочленов, оно примет предложение члена Съезда Скаржинского, как его толкует член Съезда Марков. Если же оно согласно со своим Председателем, предложение члена Съезда Скар-

жинского будет обсуждено в порядке записи. (*Аплодисменты, голоса: «Правильно, верно!»*)

Марков, недовольный, сходит с эстрады.

Принимается предложение о прекращении записи ораторов, после чего слово предоставляется кн. Д.Д. Оболенскому.

Кн. Д.Д. Оболенский присоединяется к кн. Щербатову. Вопрос о наделении крестьян землёй, по его мнению, дутый. Важно то, что крестьяне ждут сейчас возврата своих наделов. Надо сказать, что мы вернём земли по принадлежности, и тогда за нами пойдут. (*Часть собрания аплодирует.*)

Вносится предложение об ограничении срока речей пятью минутами. (*Голоса: «Десять!»*)

А.С. Хрипунов выступает по вопросу об ограничении срока и заявляет, что Съезд не может разойтись, не приняв того или иного решения по земельному вопросу. А для этого каждый должен по совести разобраться в нём и внимательно прослушать всех 12 ораторов.

Устанавливается срок в 10 минут.

Крестьянин Николаев, выступающий от избравших его крестьянских обществ в Финляндии, читает следующее заявление, прерываемое временами аплодисментами некоторой части собрания.

РЕЧЬ М.Ф. НИКОЛАЕВА

— Господа члены Зарубежного Съезда! Я, природный крестьянин, посланный на Съезд крестьянами, когда ознакомился с резолюцией по земельному вопросу из доклада г-на Гурко, то увидел, что она в некоторых пунктах не может удовлетворить того, что желают крестьяне. Верно, как сказано в пункте 3 резолюции, что все земли должны закрепиться за теми, кто действительно использует их в хозяйственном отношении, но закреплять надо так, чтобы это не вредило интересам как государственным, так и интересам прежних хозяев-землевладельцев, земля коих попала в руки иудеев и иностранцев; по пункту же 5-му не нужно мстить за имущественные преступления во время революции. Но не нужно забывать и про интересы прежних владельцев, крестьян. Интересы прежних владельцев, крестьян, государственною властью должны быть защищены судом.

И.В. Емельянов говорит от имени организации русских земледельцев в Чехословакии. Воскресение и восстановление России, начинает он, нужно понимать как воскресение Русской земли. Гово-

рят о земельном вопросе. Это понятие фиктивное, существует не земельный вопрос, а 15 млн. земельных вопросов. Говорят о земельной реформе, совершившейся в процессе революции. На самом деле произошла земельная катастрофа, не разрешившая трудностей, а их осложнившая и запутавшая. Мы считаем, что от катастрофы никто не выиграл и проиграли все стороны. Виноватых нет. Или — все виноваты. Нужно потушить страсти и руководиться холодным и объективным разумом. Здесь говорят, что нам нельзя решать земельного вопроса. Это само собой разумеется, но отношение своё к земельному вопросу Зарубежный Съезд не может не определить. Надо сказать и подчеркнуть со всей доступной силой, что Зарубежный Съезд не руководится соображениями ни мести, ни корысти. Надо недвусмысленно сказать, что вся проблема будет решаться в интересах России, чтобы не было даже намёка на какие-то групповые интересы. Иначе Зарубежный Съезд сделает работу не за Россию, а против России. (*Аплодисменты.*)

Н.В. Кутейников (донской казак) пространно говорит о том, что он вполне согласен с докладчиком, что по земельным вопросам можно говорить бесконечно. Он останавливается на том, как казаки на Дону полностью провели земельную реформу, то есть отобрали всю землю у землевладельцев. По его словам, казаки готовились к этой реформе давно. Аппарат, в лице землеустроительных комиссий, у них был готов. Всю землю они соединили в общий земельный фонд и черпали из него для всякого, кто в ней остро нуждался. Что же из этого вышло? Казаки узнают, что они сами ничего не получают. Масса округов тоже не получает ни одного вершка.

А.Ф. Трепов отмечает, что в своём докладе В.И. Гурко забыл сказать одно, а именно: что ближайшим участником той реформы, которую провёл покойный П.А. Столыпин, был он — В.И. Гурко. Эта реформа, которая начала давать свои благие результаты, к сожалению, началась слишком поздно. Если он, В.И. Гурко, ныне приходит к заключению, что обстоятельства, разрушившие благие результаты реформы, таковы, что с ними надо примириться, значит, они вески. Может быть, действительно, надо ждать естественной эволюции, когда снова возникнут крупные хозяйства и будут давать необходимые для экономического благосостояния страны излишки продуктов. Может быть, придётся поступиться принципом святости и нерушимости земельной собственности в интересах государства, в целях сохранения земского мира. (*Аплодисменты.*) Однако предложенная формула представляется слишком жестокой. Конечно, следует признать господство государственных ин-

тересов над частными. Но если сказать, что вся земля закрепляется за теми землевладельцами, которые на ней сидят, то этим мы затрагиваем «крепких» крестьян, которые своей земли ни за что не уступят, — той земли, которую они заработали своим горбом и которую у них захватила деревенская беднота, жадная до чужого.

Оратор указывает, что законодательствовать из Парижа нельзя. Следует признать, что население должно получить землю. Помещики от своей земли откажутся, вознаградят ли их за это или нет — всё равно. Но следует беречь земский мир. Одними посулами русский народ привлечь к себе не удастся. Оратор отмечает, что ген. Врангель имел громадные военные заслуги: он с честью вынес русские военные знамёна из России и передал их Верховному Главнокомандующему. Но когда ген. Врангель из Крыма провозгласил, что вместе с ним идут и землемеры, чтобы укреплять за крестьянами землю и наделять их землёй, то народ этому не поверил.

У русского народа, говорит оратор, извиняясь перед собранием за допускаемое им сравнение, разум выше нашего. Он не поверит, что мы идём только для того в Россию, чтобы закрепить землю за теми, кто её захватил. Земельный вопрос должен быть разрешён на месте. Правильно было указано, что земельный вопрос не один, а в России 15 млн. земельных вопросов — сколько хозяйств. Здесь он предрешён быть не может. Великий князь указал, что внутреннее устройство принадлежит народу русскому. Мы же скажем только одно — что мы идём в Россию без мести, без ненависти и ничего у русского народа отнимать не хотим. (*Аплодисменты.*)

В.Ф. Донченко (крестьянин-земледелец), представляет группу «Крестьянский путь»* в Чехии, предлагает пункты резолюции дополнить заявлением, что захватчики помещичьих земель не будут подвергаться и гражданским взысканиям.

Далее оратор обращается к несогласным с тезисами с просьбой «научиться смотреть прямо в глаза действительности и не мешать России укреплять государство снизу». В заключение он читает пространное письмо, полученное из России, которое заканчивается словами: «Помещикам передайте, что если они действительно любят Россию, хотят ей добра не на словах, а на деле и хотят быть русскими гражданами, пусть примирятся с новым порядком вещей: земля от них ушла безвозвратно. Вознаграждение за неё будет дано — крестьянин не вор. Вор

---

* *Группа «Крестьянский путь»* имела политическую направленность, задачи группы изложены в её программе: сильная государственная власть, опирающаяся на народное представительство, широкое местное самоуправление, передача земли крестьянам в полное владение, упразднение сословий и привилегий и пр. Место пребывания — Прага.

пошёл в советскую кооперацию и в коммунистическую партию. Но заплатит бывшим владельцам — государство. (Помещик с крестьянином, как с должником, встречаться лицом к лицу не должны.) Всякое замедление в искреннем разрешении этого вопроса чревато грозными последствиями, ибо он был первоисточником революции и всех зол вообще.

При нормальном разрешении этого вопроса большевики, на нём пришедшие к власти, на нём и будут уничтожены; при попытке дать задний ход, повернуть события начнётся новый хаос: свой своего не познаша.

При встрече же с враждебной деревней при иной постановке крестьянского вопроса — лучше не ходить. Кроме горя, пользы от этого не будет».

А.Е. Котомкин заявляет, что он с глубоким чувством внимания выслушал предыдущих ораторов. Он лично считает, что земельного вопроса не следовало и поднимать. Он должен быть разрешён там, на месте. Но раз этот вопрос поднят, он поддерживает заявление, сделанное крестьянином Николаевым. Русский народ должен знать, что мы собрались идти за него, а не против него. Надо разорвать обруч, который сковывает русский народ. Этот обруч — иго III Интернационала. Надо его разбить, чтобы встал наш Святогор. Страсти должны умолкнуть. Надо объединиться против единственного и общего врага. Только распятую нашу Родину мы должны иметь перед глазами. Русский народ обманут: землю он получил, а работает на другого. Если Бог послал урожай, всё равно от него отнимут то, что он соберёт с земли, в виде ли продналога или как-нибудь иначе.

Я знаю русского крестьянина — он имеет совесть. Земельный вопрос надо разрешить сообща. Он не должен быть камнем преткновения, о который можно расшибиться. Крестьяне чувствуют, что у них окровавлены руки кровью своих русских дворян. Крестьянство желает такого государственного положения, непременно с хозяином во главе, которое закрепило бы за ним то, что он действительно может обработать. Затем оратор предлагает собранию почтить вставанием память замученных властью III Интернационала крестьян.

Председатель напоминает, что срок истёк, и предлагает собранию принять предложение оратора.

(*Все встают. Голоса: «Также всех погибших во время революции».*)

Председатель предлагает сделать перерыв до 3 часов.

Н.Е. Марков предлагает ввиду того, что назначено вечернее заседание в 7 часов, продолжить обсуждение до 4 часов 30 минут.

Председатель настаивает на перерыве, указывая, что, несмотря на оттенки мысли в обсуждаемом вопросе, складывается какое-то общее чувство и мысль. Поэтому он полагает, что перерыв будет способствовать тому, что собрание этот вопрос быстро и достойным образом кончит.

Н.Е. Марков отказывается от своего предложения.

Председатель объявляет перерыв, а также сообщает, что, согласно единогласному постановлению Президиума, сегодняшнее вечернее заседание будет открытое, как для публики, так и для прессы.

ДНЕВНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Заседание открывается в 3 часа 45 минут дня.

РЕЧИ СКАРЖИНСКОГО, МАРКОВА И ВЛАДИСЛАВЛЕВА

Первый оратор, **П.В. Скаржинский,** напоминает слова Великого князя по вопросу о земле и заявляет, что правая фракция всецело присоединяется к этим словам и не считает нужным чем-либо дополнить их.

Н.Е. Марков говорит, что прибавлять к резолюции нечего. Тут пытались, говорит он, бросить на нас клеймо «реставраторов». Да, мы реставраторы. Мы люди, которые хотят восстановить. Но что восстановить? Отечество! Свободу своего народа! Мы хотим вернуть порядки, когда народ умножается и богатеет. И не только мы, правые, вы все — реставраторы. (*Аплодисменты.*) Но словом «реставраторы» лукаво играют. Говорят, что мы хотим вернуть помещиков, кабалу русского народа. Этой реставрации мы не хотим. (*Шумные аплодисменты, голоса: «Браво!»*) Но нельзя отсюда законодательствовать. Законодательная власть в России разработает решение земельного вопроса ко благу русского народа и при несомненном его участии. А мы не скажем лучше, чем сказал Великий князь. (*Аплодисменты.*)

Г-н Владиславлев (представитель «Крестьянского пути» и «Середняка»*) предлагает провозгласить «всеобщее равнение по земле», чтобы мужик знал, что все мероприятия государства будут определяться желанием помочь поднять хиреющую землю.

* Сведения об этой организации не обнаружены.

РЕЧЬ Н.А. ЦУРИКОВА

Яркую речь произносит Н.А. Цуриков. Он начинает с того, что, выступая с глубоким национальным волнением в этот исторический день, он хочет рассказать о том, что он сам видел и что навсегда определило его взгляд на земельный вопрос.

— У меня была земля, — говорит оратор, — в трёх имениях. Я говорю поэтому не о чужом, а о своём, потерянном. В 1918 году я принял участие в чёрном переделе. Я стал дворянином-мужиком и год поработал с крестьянами. Это было весной 1917 года, на историческом рубеже русской революции. С этого момента она превратилась в революцию группы насильников, свергаемых народом. В течение 1918 года я терпел вместе с мужиками. Эти люди многократно предлагали мне перейти к активным действиям. Потом я ушёл на Юг. Я решил, что мой долг — пойти туда и сказать там то, что я думаю. Те, кто сидят в Москве, засыпали нашу деревню прокламациями: идут-де помещики отнимать землю. Крестьяне настолько верили, что земли никто не возьмёт, что говорили: «Это неправда». Меня глубоко взволновала сегодня патриотическая национальная речь А.Ф. Трепова. Мы должны ясно сказать, что нет русского человека, для которого возникал бы вопрос: Родина или земля? Все отвечают: Родина. Надо только закрепить то, что сказано. И так, чтобы все поняли, что это не демагогия, не выдача векселей. Я верю, что наше единодушие будет отмечено всей русской печатью. Я верю в честность русской публицистики.

Я не согласен со второй частью А.Ф. Трепова. Не только воинская доблесть, но и государственная мудрость руководила ген. Врангелем.

Мы должны доделать то, что было сказано в первой части речи Трепова. Эта патриотическая речь дала ответ. Давайте закрепим это — и не партийно, а всем Съездом, так, чтобы никто не упрекнул и не заподозрил нас, что мы хотим что-то скомкать и спрятать. (*Аплодисменты.*)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В.И. ГУРКО

В начале своего заключительного слова В.И. Гурко останавливается на первоначальном предложении П.В. Скаржинского о необсуждении доклада, против которого он протестует. Его замечания вызывают негодующий шум и протесты среди правых и крики: «Это предложение снято!»

Председатель поясняет, что предложение не было оглашено и заменено другим, согласительным.

В течение нескольких минут происходят пререкания между Гурко и правыми. Потом В.И. Гурко переходит к существу прений. Основной вопрос, говорит он, — разрушены ли крестьянские земли. Допустим даже, что все 4 млн. хуторских и зажиточных крестьянских хозяйств отняты у владельцев. Но ведь осталось 14 млн. дворов, разделивших эти 4 миллиона. О возвращении можно было говорить шесть лет назад. Но теперь всё кристаллизовалось, образовались новые, крепкие элементы. Нельзя подходить к этим вопросам с микроскопом. В такие времена государственные вопросы решаются именно кратковременно. Те, кто не могут дать немедленного ответа, не стоят, значит, в курсе политической жизни. Сказать надо одно — то, что сказал Великий князь: «Земля не может быть отнята у крестьян». Но нарушать то, что уже кристаллизовалось, нельзя.

Марков (*с места*): Коммунисты кристаллизовались.

Гурко: Нет, кристаллизация произошла в крестьянской массе. Жизнь, внутренняя народная мощь берёт верх над хулиганами, сидящими наверху.

Мы не можем стоять на классовой точке зрения. Разве помещичьи земли мы отдаём крестьянам ради крестьянства? (*Шум, возгласы.*)

Председатель просит не перебивать оратора и не вызывать его на реплики.

Гурко (*продолжает*): Мы должны укрепить то положение, которое есть. Те, кто владеет землёй, — это наиболее крепкие элементы. Я бы предпочёл, чтобы был принят проект резолюции, предложенный Организационным комитетом. Но сейчас внесено согласительное предложение, и возражать против него я не буду. В нём приведены слова Великого князя Николая Николаевича, слова чрезвычайно определительные. Если Съезду угодно присоединиться и подкрепить мнение Великого князя, то я считаю это очень желательным и присоединяюсь к согласительному предложению, первоначальным автором и инициатором которого был наш уважаемый Председатель.

Председатель предлагает принять резолюцию, предложенную П.В. Скаржинским и являющуюся следствием сговора.

А.О. Гукасов вносит предложение о перерыве. Правые протестуют, но А.Н. Крупенский разъясняет, что сговор подразумевает перерыв.

Объявляется перерыв, во время которого в резолюцию П.В. Скаржинского вносятся небольшие поправки.

ЗАСЕДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

Председатель оглашает нижеследующую единогласно принятую Бюро резолюцию:

«Съезд присоединяется к основным мыслям доклада и всецело разделяет высказанное по этому вопросу мнение Великого князя Николая Николаевича о том, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции, — невозможно».

Председатель заявляет, что так как нет возражений, то резолюция считается единогласно принятой. (*Голоса: «Просим», аплодисменты.*)

Председатель сообщает, что Ю.И. Лодыженский сделает сообщение о международном объединении для борьбы с III Интернационалом.

Доклад Ю.И. Лодыженского

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С КОММУНИЗМОМ

Ю.И. Лодыженский обращается к членам Зарубежного Съезда и сообщает, что самое существо его доклада требует от него особой сдержанности. Поэтому он должен будет ограничиться сообщением общих данных. Он говорит, что из сознания непреодолимой силы истины создалось всё антибольшевистское движение, так же как во лжи большевизма кроется залог его гибели. (*Аплодисменты.*) Разрушение большевизма — важнейшая задача нашего поколения. Далее оратор излагает главные основания организации Лиги по борьбе с III Интернационалом. В каждой стране образован штаб-центр, который должен привлекать лиц, сочувствующих борьбе с большевиками. Национальные центры объединяет международное бюро. Руководство деятельностью Лиги принадлежит совету, который собирается два раза в год. Таких конференций было уже три. Последняя — недавно в Лондоне.

Оратор указывает, что для пробуждения интереса к борьбе с большевизмом надо, чтобы в каждом человеке пробудилось сознание необходимости борьбы с ним. На третьей конференции Лиги было, в частности, поставлено организовать борьбу за юношество против того отравления мозгов, которое производит III Интернационал. В этом отношении будут выработаны координированные дейст-

вия. Третья конференция остановилась также на работе Коминтерна в странах Востока. Был сделан практический вывод: необходимо создать ряд антибольшевистских центров как в Европе, так и на Востоке. Лига, таким образом, работает на международном плацдарме. Она стремится создать международное антибольшевистское движение, которое имеет и практическое значение, и моральное основание. На всей её деятельности отпечатался дух её инициатора, организатора и вдохновителя — швейцарского адвоката Теодора Обера. (*Аплодисменты.*) В чём же может выразиться участие русских в этом деле? В первый раз от сотворения мира приходится видеть такую концентрацию зла, какую даёт большевизм. Мы должны черпать утешение в том, что рассеяние, в котором мы находимся, не случайно. Мы должны поведать народам всех стран зло большевизма. Вот миссия русской эмиграции. В этой миссии каждый чувствует свою ответственность и свой долг. (*Аплодисменты.*) С каждым месяцем увеличивается число работников Лиги. Единство в действии — это факт, который не подлежит сомнению. Когда наступит момент, все встанут как один, в едином действии, всесокрушимо. (*Аплодисменты.*)

Оратор предлагает собранию почтить вставанием память всех погибших в борьбе с большевизмом. (*Аплодисменты. Голоса: «Послать приветствие Оберу».*)

Председатель приглашает собрание выполнить предложение (*все встают*) и сообщает, что приветствие г-ну Теодору Оберу будет послано, и предоставляет слово Б.Н. Соколову.

Б.Н. Соколов заявляет, что нельзя не преклониться перед той работой, которую ведёт созданная адвокатом Обером организация. Вместе с тем он напоминает о деятельности Русского Торгово-Промышленного Союза в отношении борьбы с большевизмом: о его выступлениях на Генуэзской и Гаагской конференциях*. Он предлагает выразить союзу за эту его работу благодарность. (*Аплодисменты.*)

Председатель объявляет заседание закрытым. Следующее заседание назначается в 7 часов вечера.

---

* *Гаагская международная финансово-экономическая конференция* проходила 15 июня — 19 июля 1922 г. Конференция продолжила работу Генуэзской конференции, в Гааге поднимались те же вопросы, что и в Генуе, — признание советской стороной долгов царского и Временного правительств и предоставление России финансовой помощи.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВОПРОС ОБ ОРГАНЕ

Перед заседанием распространяется известие, что правые решили отказаться от своего первоначального намерения решать вопрос об органе простым, а не квалифицированным большинством и заявили об этом в Бюро.

В 7 часов 40 минут за столом Президиума появляются П.Б. Струве, И.П. Алексинский и А.Н. Крупенский. Потом П.Б. Струве снова исчезает. Вскоре И.П. Алексинский остаётся сидеть один, на отлёте. В зале ни стать, ни пройти; полно и в публике, и за столом печати. Наконец в 7 часов 53 минуты заседание открывается.

Председатель объявляет, что на порядке дня проект учреждения Российского Зарубежного Комитета, принятый большинством Бюро.

Генеральный секретарь оглашает напечатанный вчера в «Возрождении» проект. Часть собрания встаёт и кричит «ура!».

РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ КОМИТЕТ*

<...>

Постановление вынесено после продолжительного обсуждения вопроса, причём единодушия достигнуто не было.

Постановление гласит:

В осуществление и всеобщее свидетельство непреклонной решимости Русского Зарубежья отдать, в единении с народом русским, все свои силы на борьбу за спасение России,

Зарубежный Съезд постановляет:

1. Учредить Российский Зарубежный Комитет, уполномочив его действовать от имени Русского Зарубежья по вопросам, связанным с интересами России и русского беженства во всех странах его рассеяния.

При этом Съезд почитает, что вся деятельность Комитета должна неуклонно направляться по тому пути, коему следует Великий князь Николай Николаевич, и посему:

Зарубежный Съезд вменяет в обязанность образуемому им Российскому Зарубежному Комитету предварительно о всех его предположениях и о течении его работ докладывать Великому князю Николаю

* «Возрождение», 9 апреля 1926 г.

Николаевичу и принимать к исполнению все распоряжения и указания Его Императорского Высочества, буде таковые последуют.

2. Признать необходимым для Российского Зарубежного Комитета установление его связи с русскими людьми в разных странах путём создания на местах соответственных организаций.

3. Поручить Российскому Зарубежному Комитету выработать наказ для его работы и положение о Российском Зарубежном Государственном Объединении.

4. Российский Зарубежный Комитет состоит из избранных Зарубежным Съездом председателя, двух помощников, управляющего делами, 8 членов и 6 к ним заместителей, избираемых отдельно.

5. После конструкции местных комитетов председатели их во время пребывания в месте нахождения Российского Зарубежного Комитета входят в него с правом решающего голоса.

Председатель объявляет, что Бюро единогласно постановило применить к данному вопросу п. 4 ст. 7 (признать вопрос особо важным) и ст. 12, по которой особо важные вопросы решаются большинством двух третей. Квалифицированное большинство будет применено для перехода к постатейному чтению, для пункта 1-го и для проекта в целом.

Слово предоставляется для доклада И.П. Алексинскому.

ДОКЛАД И.П. АЛЕКСИНСКОГО

— Вопрос о создании государственно-общественного зарубежного центра России, — говорит докладчик, — имеет свою историю. И отдельные группы, и отдельные лица обращали внимание на необходимость, в целях сплочения, иметь тот зарубежный орган, который спаял бы воедино русских людей, находящихся на чужбине, но сердцем остающихся в России. Раньше эта мысль не получала осуществления, потому что не было авторитета. Но авторитет явился. Около трёх лет тому назад взоры русских людей узрели такой непререкаемый авторитет в лице Великого князя Николая Николаевича. Великий князь сознавал величайшую ответственность и выжидал наступления благоприятных условий для воплощения национального движения.

Меня, как человека, не принадлежащего ни к одной партийной группировке, всегда поражало наше деление на отдельные политические лагери. Но в период подготовки Съезда не было партийных проявлений. Приглашения были обращены и к так называемым левым, и если они не пришли — пока, надеюсь, — то не вина в этом Организа-

ционного комитета. Но в самом комитете не было партийного разлада, и я должен отдать честь тем, кто стойко шёл до конца.

Гг. члены Съезда! Если здесь, в Париже, есть некоторые слишком осторожные люди, то там, на местах, где люди не умудрены опытом, но горят настоящим горением, — там не нужно такой подготовки.

Российский Зарубежный Комитет должен быть органом авторитетным. Но в чём авторитет этого органа? Конечно, персональный подбор имеет значение. Но авторитет органа зависит уже от того, что этот орган выбран Российским Зарубежным Съездом, что он останется связанным с широкими массами за рубежом. Но этого недостаточно для авторитета органа. Теперь, когда мы знаем, кто наш национальный вождь, когда мы ждём, чтобы он признал возможным возглавить борьбу, мы не можем мыслить орган оторванным от деятельности нашего Национального Вождя. (*Крики: «Браво!»*)

Но есть сомнения и колебания. Они отразились в сегодняшней передовой дружественной нам газете «Возрождение». Говорят, что общественный орган может быть подчинён только Съезду, как его эманация. В нормальных условиях это так. Но разве нормально то, что мы здесь? Разве нормально то, что в России царит власть III Интернационала? Странно говорить сейчас о противоречии нормальному порядку. (*Аплодисменты части собрания.*)

Наш Съезд есть Зарубежный Российский Земский Собор, имеющий право на учреждение государственно-общественного органа. Задачи Съезда — государственные, боевые. Связь между зарубежным центральным органом и Великим князем должна быть в порядке определённого подчинения. Мы сказали в приветствии, что мы отдаём себя.

С верой в победу патриотизма и любви к Родине я умоляю Зарубежный Съезд остаться на той позиции, которую члены Съезда и русские люди на местах занимали с самого начала, — позиции действенной. Час настал, чтобы спаять русских людей воедино и помочь Вождю в тяжком деле освобождения и воссоздания Святой Руси. (*Часть собрания встаёт и устраивает докладчику овацию.*)

ПРЕНИЯ

По докладу развернулись горячие и страстные прения. Первый говоривший, **Буланов**, москвич, избранный от русского населения Польши, напоминал о пережитых былых лихолетьях и призывал найти такую формулу для органа, которая собрала бы единогласие в этом зале.

Затем было предложено прекратить запись ораторов и сократить прения пятью минутами. Против этого горячо возражал **гр. Апраксин**, указывая, что задача Съезда — прийти к единомыслию, а это невозможно без правильного обмена мыслей. **А.Н. Крупенский,** ссылаясь на краткость времени, отстаивал это предложение. Зал резко делился на две части: справа кричали «пять минут», слева протестовали. Запись была прекращена, и время было ограничено 10 минутами.

После речи **Я.Н. Офросимова,** отстаивавшего образование органа, **Н.Н. Львов** говорил о том, что при данных условиях орган будет только «тормозом Великого князя и символом нашего разъединения». Если орган нас разъединит, лучше, чтобы его не было.

Крестьянин Николаев прочёл короткий наказ о том, что члены Съезда не должны расходиться, не создав органа. **А.С. Хрипунов,** отмечая, что до сих пор Съезд работал единодушно, а в этом вопросе единения нет, призывал «на последнем финише не давать такой проскачки».

А.Е. Котомкин начал читать длинное приветствие Съезду от своих избирателей; остановленный Председателем, он заявил, что присоединяется к докладчику.

Сенатор Носович указывал, что Съезд не вправе избранием органа, подчинённого Великому князю, возлагать ответственность на Его Высочество за действия этого органа.

Зала бурно реагировала на все речи и аплодисменты, и крики с мест постоянно прерывали ораторов.

Н.Е. Марков угрожающим тоном напоминал собранию, что Россия страждет и Россия ждёт, призывал «не становиться между Вождём и русским народом». «Мы рассуждаем спокойно, а там, в России, судят проще: теперь ставят к левой стенке, а потом будут ставить к правой стенке». (*Аплодисменты и гул проносятся по зале.*)

Проф. Ильин говорит о монархическом идеале и о его искажении партийностью.

<...>

Речь И.А. Ильина

Не сетуйте на меня, господа, если я углублю здесь вопрос о партийности. Я говорю от себя лично, и не обязан я поэтому придерживаться того уровня, на котором ведутся партийные и фракционные разговоры. К тому же я не политик, я учёный и патриот, и трудно мне

изменять самому себе и трактовать вопросы упрощённо. Задолго до Съезда я думал о его основном и глубоком смысле: не программном и не тактическом, а духовном. Вот поднимаемся мы, зарубежные русские, со всех концов чужих земель. Из всех стран нашего рассеяния.

Впервые делается попытка непартийного, надпартийного русского национально-патриотического сговора; впервые за восемь-девять лет; впервые через семь лет после того, как у нас в России замучили нашего Царя и не стало нашего государства.

Вот уже девятый год, что мы, допустившие до этого, держим наши головы поникшими и наши глаза опущенными. Вот съедемся мы — и посмотрим друг другу впервые в глаза, и спросим себя: поняли ли мы случившееся? Умудрились ли мы? Очистились ли? Обновились ли духовно? Научились ли тому, что Россия строилась и цвела духом монархическим и что она распалась от водворения в ней духа республиканского, — духа партийной политической интриги, классового интереса и жадного честолюбия?

Излечились ли мы от духа революционности и республиканства? Ибо и в будущем цвести нашей Родине только под Царём и мучиться и чахнуть ей в интригах республиканской партийности.

Это не случайно, что революция водворила у нас республику, — они обе сродни по существу, по духу, по укладу душевному. От этого душевного уклада и духа распалось на части единое тело нашей России — на части, на партии, на центробежные воли, на поползновения, ставящие частное выше общего. Россия распалась потому, что мы сами (по слову древнего летописца) *несли её розно;* несли её розно до тех пор, пока не образовалось дикое, хмельное восстание, в котором некультурное большинство, руководимое сплочённой партией слева, не подавило, не разорило, не искоренило, не изгнало культурного и непартийного меньшинства.

Я спрашиваю себя: поняли ли мы, что идея монархии учит непартийности и несёт в себе дух всенародного единения? И сумеем ли мы проявить это и доказать это на Съезде? Научились ли мы «дело царёво нести честно и грозно», раскрылись ли для этого наши души?

Знаю я: нет у нас ещё счастья иметь Царя; не знаем, *будет* ли он у нас и *когда* он будет.

Знаю только, что будет он не раньше, чем восстанет в наших душах чистое и верное монархическое правосознание.

И знаю я ещё, что уже дано нам счастье иметь *персонально Вождя;* и в обращении к нему нам дана возможность проверить себя — можем ли мы, выдавая его за Царя и скорбя вместе с ним о сиротеющей

без Царя России, приготовить в себе самих, в душах наших и в обращении к нему — *духовное, умное место грядущему Царю всея Руси*.

Не всякий, кто говорит о Царе, способен иметь его; и ведь и перед революцией он *был* у нас, а мы *не умели иметь его*.

Да, надо уметь иметь Царя.

Мы потеряли Россию, потому что разучились иметь его, и не будет его у нас, пока мы этому не научимся.

Не здесь и не сейчас развёртывать мне красоту и глубину — религиозную, художественную и политическую силу подлинной царской идеи; но основного я не могу не коснуться здесь.

Царь — вне партий, классов и сословий.

Широко его сердце — всей стране есть в нём место. Он — не Царь большинства и Царь меньшинства, а Царь всея страны, всего народа. Он — Царь всех своих людей, как тех, кто думает правее, так и тех, кто заблуждается, и тех, кто думает верно, — всех, кто волею сердца хочет нести дело его, дело всей Родины, — честно и грозно; всех, кто хочет служить и прямить ему перед лицом Божиим. Царь партии есть не более чем лидер её, её ставленник, её угодник, её орган; а стране своей он чужак.

Горе партиям, хотящим полонить сердце Царя, — они делают его республиканским лидером, а страну обрекают гражданской войне! Горе стране от этих партий! Нельзя идти к Царю с партийными словами! Ибо это слова разделения и ненависти, и они чреваты гражданской войной. И если дух партийный, дух гражданской войны не откипел в наших сердцах, то мы не способны к единению.

Прав наш Вождь и мудр древнею, исконною, православною мудростью, что не хочет он становиться партийным вождём. И если мы к Вождю нашему пойдём с партийными словами и партийным органом, то это значит, что мы несём ему дух лукавый и незрелый. И прав он будет, если нас не одобрит и не примет. И как будем мы говорить о своём монархизме и мечтать о Царе, когда мы Вождю — ещё Вождю, а не Царю — несём слова партийного лукавства? Царя надо иметь не только во главе, но в голове, в душе, в воле.

Кто монархист и служит Царю, тот усвояет невольно и искренно его надпартийную и внепартийную ширину сердца и воли.

Иметь Царя — не унижение и не рабство, а возвышение и окрыление, политическое расширение духа и вознесение себя до его ширины и до его всецелости. Кто этого не понимает, тот идёт к Царю не с Царём в душе, а с полуреспубликанским обывателем, полуреволюционным холопом.

Перед лицом Царя — надо мыслить от целого, *собирая и это целое* и говоря *про* него, *за* него, *для* него, *во* имя его. Всё иное — будет *криво* и покажет только, что к Вождю мы идём неверными путями и что Царя нам не иметь.

К Царю надо идти с правдою, со всякою мыслью благою, независимо от её левизны и правизны.

Всем искренним убеждениям есть место в духе Царя и в его восприятии. Все искренние мнения имеют здесь значение правды.

И тот, кто отсекает и урезывает мнения, не согласные с его личным мнением, умаляет и искажает царскую и царственную правду.

Всякое искреннее убеждение есть достояние Царя. Не чтущий этого — организующий глухоту, неосведомлённость, партийное искажение — творит дело кривое, противонародное и противомонархическое, каким бы словом он ни прикрывался.

К Царю надо идти доброй волей, невынужденным признанием, свободной любовью и свободным доверием! Не построишь царства страхом и окриком, угрозою и заподозрением, понуждением и клеветою. Не хлопоты нужны Царю, а сыны и рыцари.

Россия распалась потому, что было слишком много кривизны и холопства и слишком мало рыцарственной, свободной преданности.

Так обстоит всегда — и во время благополучного царствования. И это важно как никогда в эпоху смуты и рассеяния, в эпоху свободного собирания монархической Руси и её сил.

Нет у нашего Вождя ещё ни территории, ни власти, ни правительственного аппарата. Только началось свободное собирание сил; только ещё идёт испытание.

И мудр и прав наш Вождь, что не объявляет себя диктатором, обречённым на бессилие. Мудр и прав он, что ждёт свободного единения, добровольного подчинения, что не грозит он никому и не вводит никакой принудительной организации.

Дух партийности царит ещё среди зарубежной эмиграции. И пока этот дух царит, не заслужим мы царственного обновления России. Нет ещё мудрости, нет надпартийного парения, нет государственной зрелости. И пока нет её — всякий орган, всякая организация будет партийным и гибельным делом.

Вождю — полнота доверия и власти. Пусть назначит он тех, кому верит. А нам, созерцающим партийный напор справа, не подобает сковывать его партийно избранными людьми. Это было бы зловредно и гибельно.

И да не будет партийного совдепа ни слева, ни справа.

Б.Н. Неандер высказывается в пользу образования органа. **С.С. Ольденбург** резко возражает Н.Е. Маркову: никто не имеет права брать на себя монополии боления за Россию.

Речи ораторов решено сократить до 5 минут.

Успело высказаться ещё 10 ораторов. Из них **Цуриков, Гурко, Кульман, Рябушинский, Л. Львов, Ю.Ф. Семёнов** говорили против образования органа. **О. Чубов, М.А. Семёнов** высказывались в пользу образования органа. За необходимостью освободить зал прения по вопросу об органе прерваны. Председатель объявил, что прения будут продолжены сегодня, в субботу, в 3 часа дня. В списке записавшихся осталось два оратора — Езерский и Масленников.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Возрождение», 11 апреля 1926 г.

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ СЪЕЗДА

(*Вечернее заседание 9 апреля*)*

ПРЕНИЯ ОБ ОРГАНЕ

Н.Г. Буланов, представитель эмиграции в Польше, уроженец г. Москвы, что по его просьбе отмечает Председатель, произносит пространную речь, в которой уподобляет переживаемый в настоящее время момент тому времени, когда вождь вёл полки на освобождение от татарского ига, и времени лихолетья. Далее он отмечает, что перед нами лежат три плацдарма: Россия Внутренняя, Россия Зарубежная и народы всего мира, среди которых мы можем создать себе сочувствие и поддержку или найти противодействие. Приходится работать на этих трёх плацдармах. Сейчас над Россией собирается громаднейшая опасность — в смысле колонизации её. Если мы хотим восстановления России на её исторических основах, мы эту опасность должны видеть.

Оратор заканчивает призывом к собранию решить и этот вопрос, как все другие, в духе единогласия.

Председатель заявляет, что внесено предложение о прекращении записи ораторов и ограничении речей десятью минутами. (*Голоса: «Сколько записалось?»*)

Председатель сообщает, что записалось 20 ораторов. (*Голоса:*

* «Возрождение» ошибочно даёт эту статью как вечернее заседание 6 апреля.

«Это обструкция речами; довольно разговоров, ближе к делу».)

Председатель говорит, что он понимает это так, что собрание решает ограничить прения.

Гр. П.Н. Апраксин настаивает на том, что нельзя сокращать разговоры по предмету, по которому высказался всего лишь один оратор. Задача Съезда — прийти к возможно большему единомыслию. Ограничить прения — значит не дать возможности членам Съезда высказать то мнение, которое они считают необходимым высказать.

А.Н. Крупенский отмечает, что вопрос об органе является одним из главных вопросов Съезда. Он обсуждался во всех фракциях. Уже записалось 23 оратора. Он боится, что, когда будет говорить 23-й оратор, зал будет наполовину пуст. Он предлагает прекратить запись ораторов и ограничить прения пятью минутами.

Председатель спрашивает, кто желает высказаться против ограничения прений.

А.С. Хрипунов высказывается против. Он отмечает, что хотя вопрос действительно четыре дня обсуждался во фракциях, но *междуфракционных* совещаний не было.

Председатель ставит на голосование предложения о прекращении записи ораторов и о сокращении прений до 10 минут. И то и другое предложения принимаются.

Я.Н. Офросимов говорит, что он долго занимался этим вопросом и даже составил проект организации Зарубежной России. Подготовительная работа по объединению Зарубежной России и подготовке её к борьбе должна быть построена на самых широких общественных началах. Другая сторона вопроса — область политическая. Будущий орган и всё, что будет создано на местах, не может быть в стороне и от этой политической работы. «Мы обязаны с доверием относиться друг к другу и тесно сплотиться вокруг нашего Вождя». (*Аплодисменты справа.*)

Н.Н. Львов отмечает, что вопрос, который мы разрешаем, не может быть решён на основании подъёма чувств и настроения. Нам нужно разрешить трудовой вопрос о создании такого органа, который мог бы облегчить Великому князю его трудную и тяжёлую задачу. Главный дефект представленного проекта заключается в спешности его составления в атмосфере партийной борьбы. В проекте чисто механически вставлены слова Великого князя, — вставлены с определённой целью. Но значит ли это, что мы выполняем волю Великого князя? Нужно усвоить мысль, а не слова, а так мы создаём орган, какую-то выборную канцелярию с неизменным составом, которая будет путами, а не помощью в деле.

И далее, создаётся какой-то высший орган по беженским делам. Целый ряд существующих уже учреждений не согласован с этим органом. Предполагается создание советов на местах. Ничего доброго из этого не выйдет. Кроме столкновений, бесконечных трений. Создание государственного объединения не создаётся бюрократическим путём из центра, путём предписания. Проект не считается ни с психологией беженской среды, ни с настроениями, ни с особенностями местными, ни с духом общественных начинаний. Это неудачная попытка бюрократического измышления объять необъятное без всяких средств в надежде на обязательные взносы. На что другое, а на это денег не дадут. Мы против вовлечения имени Великого князя в это предприятие. Говорят о диктатуре, а сводят к возглавлению какой-то беженской организации. Великий князь — Национальный Вождь и не может быть беженским вождём. Это умаление его имени. Нельзя возлагать на Великого князя новое бремя забот о нуждах беженства. Эта задача должна быть разрешена без вовлечения имени Великого князя...

Оратор отмечает, что он боролся со многими из тех, кого он видит здесь, — имя Великого князя собрало нас всех сюда. (*Аплодисменты.*) Если будет учреждён орган, составленный из одной только части этого собрания, всё будет сведено на нет. Значит, мы не дошли до высокого дела служения. Проводить путём большинства нельзя, а только по согласию. Лучше, чтобы не было органа вовсе, чем такой, который нас расколет. (*Аплодисменты.*)

М.Ф. Николаев говорит, что крестьяне, посылая его на Съезд, поручили ему сказать, что надо не разговаривать, а дело делать. Съезд, по его мнению, должен оставить после себя совет или комитет. Он заявляет, что крестьяне никому, кроме Великого князя Николая Николаевича, не верят и потому орган должен во всем подчиниться Великому князю.

А.С. Хрипунов заявляет, что он не принадлежит ни к какой партии и за ним никто не стоит. (*Н.Е. Марков с места: «Это не совсем верно».*) Оратор не верит в проектируемый орган. Можно принять всякое решение, но это явится торжеством фракции, а не русского дела. Разумеется, Съезд не может разойтись, не оставив после себя ничего. Технический орган должен быть оставлен. Если бы могли сговориться и создать такой орган, то это явилось бы залогом того, что через некоторое время мы снова могли бы собраться для более широкого объединения.

А.Е. Котомкин оглашает полученное им из Праги полномо-

чие от группы земледельческой молодёжи в Чехословацкой республике. В полномочии указывается, что Съезд должен создать организацию под водительством Великого князя.

Происходит небольшой инцидент. При чтении длинного полномочия Председатель останавливает оратора, указывая, что оно не относится к делу. Раздаётся голос с места: «Не придирайтесь». Председатель объясняет, что он воспользовался только своим правом председателя и призывает к порядку сделавшего ему замечание. (*Слышны голоса: «Вон!», «Как его имя?»*) Сделавший замечание с места называет себя. Это Б.В. Недригайлов.

В.П. Носович в горячей, яркой, полной тревоги речи предупреждает собрание, что он ненадолго его задержит, и призывает к спокойствию. Он указывает, что коренная ошибка проекта заключается в отрицании того акта, с которого был начат Съезд, а именно признания Великого князя Народным Вождём. Не нашим, а *народным*. Там вокруг этого имени сосредоточились народные надежды.

Народный Вождь тот, кто сам призывает к себе кого хочет. Ему нельзя навязывать сотрудников. А какими средствами он будет располагать, чтобы творить такое дело? Где эти средства? Господа, бережнее подходите к этому вопросу. Сказать, что мы являемся от всей русской эмиграции, — значит сказать то, что не соответствует действительности. К сожалению, мы — представители не всей двухмиллионной, а только национально настроенной русской эмиграции.

Я кончаю, но, простите меня, кроме беженства, есть *Россия*, и в этом документе *о ней забыли*. То, что предлагается сегодня, уменьшает великое политическое значение первого шага. (*Аплодисменты.*)

Н.Е. Марков говорит, что ответственность — великое дело, но «мы эту ответственность берём на себя». «Вам мало, — говорит оратор, — что тридцать миллионов русских людей погибло, что сейчас там расстреливают, сейчас там мрут от голода. Довольно готовиться, пора действовать, пора им помочь! Вы восемь месяцев готовились к Съезду, когда это можно было сделать в восемь недель. Если не учреждать органа, к чему же тогда был нужен Съезд? Чтобы слушать доклады Ольденбурга? Вы здесь призывали к спокойствию. Но трудно говорить о спокойствии, когда там расстреливают.

Вы, господа, не смейтесь. Шутки сейчас неуместны. Мы не боимся, что часть будет голосовать против органа. Докладывать вовсе не значит перелагать ответственность, как здесь ука-

зывалось. Мы все отвечали перед Государем, а разве он отвечал за нас? (*Шум и возгласы с мест: «Он ответил за вас».*) Это показывает, что нет искренности у того, кто так говорит. Комитет необходим. Тем, кто захочет стать между Вождём и русским народом, придётся... (*Оратор делает угрожающий жест. Шум. Аплодисменты.*)

<...>По-видимому, мы расходимся; мы идём на помощь народу, а вы, под видом софизмов, преданности, не хотите сделать того, что соответствует желанию Великого князя. Вы этим шагом отрываете себя от русского народа. (*В зале шум.*)

Конечно, проект до конца не разработан. Но мысль — чёткая, ясная. Орган, подчинённый Великому князю, создан будет, что бы вы ни рассказывали. Жаль, если в нём не будет деятелей слева. Мы искренно скорбим об этом. Но когда он будет действовать, вы сами придёте в него: один — прямым путём, другой — закоулочком. Но помните: русский народ чуток. Воля русского народа ясна: идти на освобождение России под водительством Верховного Вождя. Мы здесь разговариваем спокойно, а там, в России, рассуждают проще: теперь ставят к левой стенке, а потом будут ставить к правой стенке. (*Шум и аплодисменты.*)

Кто противится созданию органа — тот противится воле народной». (*Аплодисменты.*)

Речь И.А. Ильина, говорившего следующим и приковавшего к себе общее внимание, воспроизведена в «Возрождении» вчера.

Б.Н. Неандер предупреждает, что он говорит не от имени всей молодёжи, указывает, что на Съезде происходит борьба двух психологий: психологии партийной и психологии объединяющей, психологии активной борьбы. Съезд, по его мнению, не может ограничиться программными декларациями. Он должен оставить след.

Раз мы признали Вождя, мы должны исполнять его желания, а желание его выражено ясно, без всякого давления на Съезд.

Оратор подчёркивает отсутствие у русских психологии повиновения и призывает к подвигу дисциплины, к тому чувству, которого раньше у нас не хватало и которым русские офицеры отстаивали в изгнании крупицы русской чести. (*Аплодисменты справа.*)

Слово предоставляется С.С. Ольденбургу.

«Вы много слышали здесь громких слов, — начинает С.С. Ольденбург, — о том, что Россия ждёт и страждет. Мы все это знаем и все болеем за Россию. Но чем вы хотите помочь России? Тем, что создать новый комитет, новый беженский комитет, который будет символом разъединения настоящего Съезда?

Я решительно отвергаю упрёки противников органа, брошенные здесь. Речь идёт не о том, хотим ли мы помочь России, а поможет ли ей создание такого органа. Я считаю, что создание такого органа, на котором дружный до сих пор Съезд разъединится, будет вредно. Этот орган будет мертворождённый, обречённый на бездействие. Этот орган будет иметь меньше значения, чем Высший Монархический Совет, за которым хоть кто-то стоит. За этим органом никого не будет. Это будет случайный орган, выкидыш Съезда: он покажет, что мы не могли прийти к единению. Поэтому я предлагаю отказаться от органа и поручить нашему Бюро исполнение постановлений Съезда. Так как мы решали все вопросы до сих пор единогласно, я предлагаю снять этот вопрос, вносящий в нашу среду разлад». (*Аплодисменты слева.*)

Протоиерей Чубов выступает в защиту органа как первого реального результата Съезда.

Ген. В.Е. Вязьмитинов отмечает, что сегодня был большой день, что создан железный мост соединения — принята единогласно резолюция по важнейшему земельному вопросу. Теперь грозит разрушение этого моста.

Его Императорское Высочество выразил своё отношение к Съезду. Он приветствует его. Но он предоставляет Съезду выявить своё единодушие. Он оставляет за собой свободу действий. Решение Съезда об органе может быть не принято. Подумали ли вы об этом, господа? Что будет тогда? (*Шумные аплодисменты слева.*)

Съезд проявил свою волю и показал свои возможности. В остальном воля его в распоряжении Его Императорского Высочества. Жизнь наша всегда была в распоряжении Царя и Родины. Теперь мы отдаём её Родине и Вождю. (*Аплодисменты.*)

Н.А. Цуриков говорит, что он с глубокой скорбью выслушал единственную речь в защиту органа, которая произвела на него впечатление, — речь И.П. Алексинского. Не надо говорить о «правых стенках». Никто никому не грозит. Все ищут единения. «В речи И.П. Алексинского, — говорит оратор, — я видел апологию органа. Я не могу разделить его воззрения. Нельзя заменять факты долженствованием. Предложенный нам проект есть трагическая беженская фантасмагория. Это какое-то беженское самоуправление. Мы не можем обсуждать этого грустного эмигрантского изобретения. Идя сюда, мы, во всяком случае, думали не о таком органе. Мы думали создать комитет по борьбе с III Интернационалом. Но я вижу, что мы ещё недоспели до такого органа.

Я молод, и, может быть, покажутся задорными мои слова, но мне думается, что людям, которые сорок лет боролись не с большевиками, а друг с другом, трудно забыть об этом в течение восьми лет, в которые их всех били большевики. Я приехал из Праги, где остро стоит вопрос об отцах и детях. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Я тот, о котором можно сказать: он сын своего отца и отец своего сына. Я считаю, что если бы здесь собрались только люди моложе 40 лет, может быть, многое вышло бы удачнее. У молодёжи нет воспоминаний о борьбе, скажем, председателя земской губернской управы с губернатором, который его «разъяснял». (*Смех, аплодисменты.*) Молодёжь жила одной жизнью, вместе дралась с общим врагом. К сожалению, Съезд недоспел до органа, и незачем на органе срывать дело Съезда. Оно выиграно. Дело не в докладах Ольденбурга (*обращается оратор к Н.Е. Маркову*), а в том, что по основному вопросу Россия узнает, что мы руководствуемся не корыстными побуждениями. (*Аплодисменты.*)

Пусть те люди, которые сейчас делают дело вокруг известного нам лица, продолжают его. Но не подрывайте дело Съезда. Съезд выигран». (*Аплодисменты.*)

Н.П. Савицкий отказывается от слова.

К.Н. Малюшицкий доказывает, что непременное условие получения успеха от усилий Съезда — единение. Приближаясь к концу знаменательного дня, заслушав ряд важных докладов, приняв важнейшие решения, надо не забывать об одной поправке — открыто и честно протянуть друг другу руки. (*Аплодисменты.*)

В.И. Гурко произносит краткую речь. Доклад, говорит он, построен на том, что Великий князь будет руководить органом, но это руководство хотят навязать ему. Я, говорит оратор, не могу назвать этот орган иначе как «щедринским». (*Шум, протесты справа. Смех и аплодисменты.*) Заготовили ли вы, обращается оратор к правым, шкафы и амбары для всех прошений, которые к вам поступят?

Марков (*с места*): Об амбарах мы помним. (*Смех.*)

Гурко: Предусмотрительно... (*продолжает*): Некогда Союз русского народа брал на себя ответственность за русскую монархию. Этого обмана мы допустить не можем! (*Шумные аплодисменты.*)

Яркую речь произносит Н.К. Кульман. С первых минут сегодняшнего вечернего заседания, говорит он, у меня появилась тревога, которой не было раньше. Она совпала с моментом, когда после прочтения редакции проекта раздалось «ура!». Я ста-

рый общественный деятель и отлично оцениваю подобные «ура». Они могут быть обнаружением восторженного настроения, которое нет сил сдержать. Но оно может быть иногда и определённым приёмом воздействия на настроения других. Я не хочу гадать, каким цветом было окрашено это «ура», но то, что редакция проекта была встречена «ура»...

Голоса: Одобренная Великим князем!

Кульман: Я ещё скажу о Великом князе. Его имя употребляется слишком часто здесь, употребляется всуе. (*Аплодисменты.*) Так вот, когда раздалось «ура!», я подумал: не нарушено ли наше объединение? Н.Е. Марков дал на это красноречивый и, увы, слишком печальный ответ. Если я не оцениваю с политической точки зрения высоко этот ответ, то потому, что я верю в государственную мудрость собрания. Н.Е. Марков говорил не только «мы» и «вы», он назвал ту часть, к которой, по-видимому, принадлежу и я, преступной. Он произнёс ужасные слова о «правой стенке»!

Для объединения нужна общая работа. Нам казалось, что она была. Правда, были столкновения. Но всё-таки мы принимали единогласно определённые решения. Сегодня нам говорят: «Что бы вы ни говорили — орган будет». (*Голоса: «Правильно».*) По самому важному вопросу нам дают не логические, а патетические обоснования. В нашем собрании их не должно быть. Нам говорили, что орган будет снабжён большими полномочиями. Полномочия можно дать большие, но, если их нельзя сделать реальными, они становятся политической игрушкой. А политическая игрушка может стать преступлением. Орган может быть авторитетен, только когда он будет избран Зарубежным Земским Собором. А наш Съезд ещё не Собор. Я бы хотел, чтобы он явился первой ступенью к нему.

Оратор выражает сожаление, что слишком часто употребляется имя Великого князя. Оно представляет великую ценность, которую надо беречь, а не выносить на торжище. (*Аплодисменты.*)

В заключение Н.К. Кульман приглашает по вопросу об органе проявить то же единодушие, как и в других вопросах, и забыть о всех знамёнах, кроме русского трёхцветного, которое у всех нас перед глазами. (*Аплодисменты.*)

В.П. Рябушинский подчёркивает, что торгово-промышленная группа тоже стоит за сильную диктаторскую власть, и считает, что орган должен быть подчинён Вождю. Расхождения лишь в моменте. Те, кто возражают против органа, сомневаются, настал ли момент, когда Великий князь может ударить.

«Пусть сломаются наши головы, — с жаром восклицает ора-

тор, — но не голова Великого князя! Мы понимаем, что вы, особенно люди из Болгарии и из Сербии, торопите Великого князя, говорите ему: “Садись на коня”. Но вспомните Куликову битву, вспомните старого воеводу Боброка и не торопите нашего духовного воеводу, а то он ударит раньше времени. Мы здесь невольно уподобляемся старинному Земскому Собору, на котором всегда спрашивали и мысль торговых людей, как простых, так и “великих гостей”. И вот я говорю вам теперь о том, что думают наши торгово-промышленники — те же “московские и иностранные великие гости”». (*Аплодисменты.*)

Л.И. Львов подчёркивает, что настал самый патетический, самый ответственный момент Съезда. Партийные лидеры ставят под удар высокое имя Великого князя Николая Николаевича. И вот здесь мы должны предостеречь от этого. В такие же ответственные, трудные моменты в нашем прошлом русский Царь, «Государь, Царь и Великий князь Московский и всея Руси», обращался за мнением к земле, к Земскому Собору, выслушивая мнение всех «чинов», не одного большинства, но и меньшинства, спрашивая всех, иногда даже по отдельности. Мы, русские историки, помним имена простых дворян — Беклемишева и Желябужского, подавших однажды своё особое мнение, и их голос дошёл до высоты Царского престола, как ни мал был их удельный вес. Мы живём в иных условиях, у нас нет Царя, но по отношению к Великому князю мы в том же положении, в котором существовали наши предки, спасшие родину от великой смуты. И потому пусть будет услышан и наш слабый голос, раздающийся здесь. Пусть узнает Великий князь, что думают здесь все русские люди, собравшиеся тут, не большинство и не меньшинство, а все «чины», пришедшие сюда. Мы имеем своё мнение, мы выстрадали его задолго до Съезда и в эти тяжёлые дни, в этих стенах. Мы недостойны ещё того органа, который нам предлагают. У нас нет ещё национального сговора, он лишь создаётся ещё. Раньше нужно создать национальное единение и не губить того, что сделано, а сделано очень много: мы договорились по всем вопросам. Мы ещё раз утвердили свою непримиримость по отношению к большевикам. Мы утвердили единство Внутренней и Зарубежной России. Мы положили начало национального сговора. Мы от большого национального единения мощно и единодушно провозгласили Великого князя. Только единогласным решением может быть создан тот «орган», о котором говорят. Этого единогласия нет.

М.А. Семёнов считает, что после того, как Съезд обратился

к Великому князю, как к носителю идеи российской государственности, и услыхал стороной его мнение об органе, поздно думать и спрашивать: а не рано ли? (*Аплодисменты справа.*)

Ю.Ф. Семёнов произносит речь, которая производит впечатление своим спокойствием и вескостью. Он подчёркивает, что те, кто спорят сейчас, всё время дружески работали для общего дела.

Н.Е. Марков говорит, что пришло время разойтись и даже указывает, что нас ожидает. «Я надеюсь, что это расхождение не будет таким, как он говорит. Я надеюсь, что работа, которая сблизила нас, останется и даст свои плоды. (*Аплодисменты.*) Это большой результат. Мы его добивались — и добились. Всем нам предстоит большая и многообразная работа. Эмиграция разнообразна: одни нырнули в Чингисхана, другие денационализируются. Мы надеялись, что из Съезда выйдет орган общественного действия. А нам говорят: соединитесь в одно, делайте ошибки и пусть Великий князь за все ошибки отвечает.

Что покажет голосование? Одни скажут: мы идём организовывать общественное мнение Зарубежья. Другие скажут: мы изберём канцелярский орган, подчинённый Великому князю.

Нам говорят, что, не образовав органа, мы уйдём ни с чем. Нет, мы уходим не с нулём и в своё время придём к этому органу, а сейчас нужно продолжать организацию общественного мнения». (*Аплодисменты.*)

Председатель объявляет, что, за истечением времени пользования залом, речи двух последних ораторов и голосование откладываются на субботу в 3 часа дня. Утром состоится заседание для других дел.

Перед закрытием заседания по личному вопросу выступает Н.Е. Марков. Он разъясняет, что как человек, который кричит «пожар», не обвиняет никого в поджоге, так и он, говоря, что те, кто будут голосовать против органа, совершат преступление, никого из почтенных членов Съезда не называл преступниками.

Говоря о «мы» и «вы», он только констатировал факт, созданный Съездом. Он сам призывал голосовать всем вместе, и его противники валят с больной головы на здоровую. Что в России «зреет правая стенка» — это тоже факт, и он, «самый мирный из вас гражданин», никому и не думает грозить. Но может быть, правда, что, если бы Союз русского народа в своё время расправился с врагами, не было бы революции.

Последние слова Маркова вызывают смех и иронические возгласы расходящегося собрания.

Заседание закрывается в 11 часов 55 минут вечера.

«Возрождение», 9 апреля 1926 г.

ВОПРОС ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ОРГАНЕ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Все споры и недоразумения, сгустившиеся вокруг вопроса об органе, определяются в значительной мере неясностью и неправильностью постановки вопроса. В сущности, когда говорят об органе, имеют в виду, в нерасчленённом виде, три разных вопроса:

1) вопрос об исполнительном органе Съезда как учреждении общественном,

2) вопрос об исполнительном органе при Великом князе — для выполнения его предначертаний,

3) вопрос о массовой организации всей Зарубежной России в целом.

Говоря об органе, хотят сразу, одним организационным жестом решить все три вопроса и потому не могут правильно решить ни одного.

Вопрос об органе Съезда очень прост, если его рассматривать именно и только как таковой. Съезд выработал и выработает ещё ряд постановлений. Их надо выполнять. В связи с этим Съезд может и должен дать *определённые поручения*, например подготовить дальнейший Съезд, разработать проект организации Зарубежной России и т.д. Кому дать эти поручения? Естественно, образовать некий свой, *съездный* орган (бюро, комитет, совет — назвать можно как угодно). Этот орган создаётся не для того, чтобы выполнять все поставленные Съездом задачи, а лишь для выполнения *конкретных поручений* Съезда.

Этот орган, воспринимая природу самого Съезда, может быть единственно лишь органом *общественным*, то есть выборным, получающим задания от выбравшего его Съезда и обязанным отчётом перед ним или следующим Съездом. Этот орган не может быть никому, кроме Съезда, подчинён. Теоретически рассуждая, допустимо думать, что его личный состав может быть утверждаем и увольняем, что его постановления могут быть утверждаемы и отменяемы. Но он не может быть, не теряя своей природы, никому иерархически подчинён, кроме Съезда, так как с этого момента он перестал бы быть органом того лица или учреждения, коему он был бы подчинён. В данном случае он стал бы органом Великого князя.

Тут мы переходим ко второму вопросу: органу, имеющему задачей выполнение предначертаний Великого князя, следует ли быть избираемым Съездом? Здесь и сейчас не может быть речи о том, нужен ли, и какой

нужен, и для каких задач нужен исполнительный орган Великого князя. В связи со Съездом возникает лишь один вопрос: допустимо ли, чтобы подобный орган создан был Съездом? И нужно отдать себе отчёт в том, что *мысль о безоговорочном подчинении органа Съезда Великому князю есть в своём существе не что иное, как план поручения Съезду избрания не своего органа, а исполнительного органа Великого князя.*

Целесообразно ли это?

Если Съезд будет в выборе совершенно свободен, он может выбрать лиц, неугодных Великому князю. Если Съезд будет выбирать лиц заранее предрешённых — незачем создавать процедуру выборов, ибо она не только излишня, но и вредна. Поскольку человек будет почтён доверием Великого князя и им призван, в основе его деятельности будет лежать *служилая верность*. Поскольку человек будет избран Съездом и почтён доверием избирателей, он, попадая на *общественную* должность, будет проникнут пафосом *общественной* работы. Избрание *служилых людей* не вдохнёт в них *общественного* пафоса и ослабит *служилый*. Земскому собранию можно поручить выбрать свою управу; её можно подчинить надзору правительственной власти, но нельзя поручить земскому собранию выбрать... губернатора. Земское собрание окажется без рук, а во главе губернии окажется случайный человек, поставленный в заведомо ложное положение по отношению к своему начальству. То же самое можно сказать применительно к Съезду. Подчинение органа Съезда Великому князю лишит Съезд своего органа и снабдит Великого князя органом случайным и поставленным по отношению к нему в заведомо ложное положение.

Что касается вопроса третьего — организации Зарубежной России в её целом, то это вопрос будущего, требующий огромной подготовительной работы и не могущий быть разрешаем в первые дни зарубежного единения.

Задачей момента является лишь одна скромная и деловая: создание Съездом своего органа для выполнения его поручений в духе сделанных им постановлений.

Вопрос о создании органов для выполнения предначертаний Великого князя может иметь к Съезду или к его органу лишь то отношение, что, в соответствии с пожеланиями Великого князя, органу Съезда могла бы быть поручена, как особая задача, разработка соответствующего проекта для представления его Великому князю.

Что касается вопроса о техническом строении органа Съез-

да, то на нём не представляется необходимым останавливаться, ибо он принципиального значения не имеет. Быть может, самым целесообразным является использование уже образованного Президиума и Бюро Съезда и отказ от образования каких-либо специальных органов, разрешение вопроса о коих и избрание коих отняли бы много времени у Съезда.

«Возрождение», 10 апреля 1926 г.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Мы неоднократно высказывали наш взгляд на земельный вопрос. «Вопроса» в том смысле, какой ему придавался до революции, с нашей точки зрения, вообще больше нет. Никто из людей, хоть чему-нибудь научившихся у революции, не задаётся больше мыслью изобрести и воплотить в жизнь какой-то особый «земельный строй», долженствующий открыть новую эру в области земельных отношений и воплотить идею справедливости.

Напротив, кровью и разрушением оплаченный урок революции сводится к окончательному отрыву от пагубных уравнительно-народнических утопий. Вековая отрава, приведшая в последних революционных потрясениях чуть не к гибели Россию, изжита безвозвратно. Новая Россия, которая сейчас слагается и ждёт лишь своего оформления, — Россия *собственническая*.

Конверсия общинно-подворного крестьянского землепользования в режим личной земельной собственности была в огромном масштабе задумана и в значительной мере проведена в жизнь П.А. Столыпиным и его преемниками. 1917 год направил русскую жизнь по другому руслу. Вся сельскохозяйственная Россия обратилась в гигантский анархический союз передельных общин. Стихийный чёрный передел смёл всё личное (и крестьянское, и некрестьянское) землевладение.

Казалось бы, «община» победила, но победа эта была лишь окончательным, бесповоротным поражением. Началась обратная стихийная тяга — тяга к устойчивому землевладению. Эта стихия сломила большевиков, и они принуждены были постепенно восстанавливать столыпинское дело — в новых межах свершившегося передела. Техническое и юридическое устроение крестьянского землепользования идёт неуклонно. Подготовка зашла да-

леко. Но *завершить* столыпинское дело советская власть не в силах. Она не может признать сложившееся землепользование частной собственностью. И это не только потому, что такое провозглашение не вяжется с сохранившейся в её обиходе социалистической словесностью, но и потому, что подобное признание в её устах *не имело бы цены*.

Признать сложившееся в процессе революции землепользование собственностью — твёрдой, окончательной, *священной собственностью,* не может советская коммунистическая власть. Это может сделать только русская национальная власть, которая придёт ей на смену.

И это она сделает. Идея земельной реставрации должна быть отброшена, так как она противоречит жизненным интересам русского народа, больше всего нуждающегося в мире и порядке, и — что важнее всего — так как она несоединима с активной борьбой против коммунизма, которая не может вестись иначе, как *общим фронтом с русским крестьянством*.

Когда нам впервые пришлось высказываться в нашей газете по земельному вопросу, мы имели высокое счастье найти твёрдую опору нашему мнению во взглядах Великого князя Николая Николаевича, нашедших себе выражение в беседе с представителем американской печати на Пасхе 1924 года.

«Земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята. Но крестьяне будут только тогда удовлетворены, когда земля будет законно укреплена за ними бесспорной незыблемой государственной властью в полную их собственность... Взыскивать с крестьян то, что погибло и расхищено было во время революции, невозможно. На прошлом надо поставить крест».

Так сказал Великий князь.

Приступая к обсуждению резолюции по земельному вопросу, естественно обратился мыслью к провозглашённым Великим князем предначертаниям и Зарубежный Съезд, всецело их разделив. Мы говорили по поводу открытия Съезда, что одна из главнейших его задач — отогнать призрак «реставраторства» от активно борющихся с коммунизмом зарубежных сил. Эта задача ныне выполнена.

Зарубежная Россия, следуя своему Вождю, провозгласила то, чего ждала от неё Россия Подъяремная:

Мы ничего не ищем для себя. Родина для нас дороже земли.

Седьмой день

Суббота, 10 апреля

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Председатель П.Б. Струве в 10 часов 50 минут утра объявляет заседание открытым и предоставляет слово В.Н. Новикову для доклада «О фашизме».

ДОКЛАД О ФАШИЗМЕ

В.Н. Новиков сообщает, что его доклад является докладом частным. Он вспоминает, что Провидение ещё раз отвело преступную руку от государственного деятеля, который учит нас, как бороться с большевизмом. Вот почему, по его мнению, доклад о фашизме, который борется с большевизмом, должен быть заслушан на Съезде. Затем оратор подробно останавливается на личности Муссолини, на сущности учения фашизма и на тех мероприятиях, которые уже осуществлены и в настоящее время проводятся в жизнь в Италии.

Доклад был выслушан собранием со вниманием и сопровождался общими аплодисментами.

Председатель отмечает, что аплодисменты собрания являются выражением благодарности докладчику.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ

Председатель предлагает собранию перейти к заслушанию сообщений с мест и предоставляет слово А.А. Чебышеву.

А.А. Чебышев указывает, что ему, как представителю из Турции, приходится говорить о положении русской эмиграции в Константинополе. Положение это совершенно исключительное: выехать оттуда очень трудно, а вернуться совершенно невозможно. Недоброжелательного отношения со стороны турок не замечается. Напротив, и власти, и население относятся к представителям эмиграции вполне предупредительно, но часто случается, что в один прекрасный день русским шофёрам заявляют, что им дальше ездить в качестве шофёров

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

воспрещается, русским дамам, работающим в ресторанах, неожиданно говорят, что дальше они служить не могут, и т.д. И источником таких распоряжений являются такие лица, которые представляются общими недоброжелателями для всего мира. В Константинополе нет ни одного лица, ни одного учреждения, которое могло бы говорить от имени русской эмиграции, охранять русские интересы. Остатки прежних дипломатических учреждений прекращают свою деятельность. Русский комитет также уже ничего сделать не может. Не могут ничего сделать и представители Лиги Наций. Достаточно вмешательства этого представителя, чтобы обречь всё дело на провал.

Б.В. Геруа указывает, что здесь уже говорилось о денационализации молодёжи. Оратор желает поделиться со Съездом мыслями о другом явлении нашей зарубежной жизни — это демилитаризация русского офицерства. Офицерство вынуждено нести тяжёлую физическую работу, чтобы обеспечить себе существование; с другой стороны, военная наука делает чрезвычайные успехи, и нужно много времени и внимания, чтобы следить за этими успехами. Существует несомненная потребность подтянуться к современным военным знаниям. Уже два года тому назад начали возникать в разных местах военные кружки, чтобы следить за современным уровнем военных знаний. Легко представить, какие трудности для этого приходится преодолевать. Ведь люди могут собираться только по праздникам. Нет средств даже для того, чтобы иметь библиотеки. Однако теоретическая военная работа происходит. По его мнению, помощь может выразиться путём образования небольших летучих библиотек. Он обращает внимание на то, что без всяких приказаний в Русском Зарубежье происходят маленькие действия, которые в своё время произведут великое действие. (*Аплодисменты.*)

Г. Власьев (делегат от русских студентов в Чехословацкой республике) останавливается на той борьбе, которую ведёт русская молодёжь, чтобы приобщиться к культурной жизни. Он отмечает, что русское студенчество за рубежом, стремясь к высшему образованию, смотрит на него не как на цель, а лишь как на средство, чтобы там, в России, составить кадр культурных работников. Перед русской национальной молодёжью стоит задача приобщить к высшему образованию ту часть молодёжи, которая заканчивает среднее образование, а также устраивать лиц, оканчивающих образование высшее. В первом отношении уже на Съезде доложено, что делается Союзом русских студентов в Пшибраме. Что же касается второго вопроса, то надо, чтобы в тех странах, где возможно устраиваться на работы, русская общественность создала общежития и оказала какую-то другую мини-

мальную помощь для устройства лиц, получивших высшее образование. Вот наиболее важная задача для национально настроенного, не в узком партийном смысле этого слова, русского студенчества.

Г. Григорьев (делегат из Латвии) указывает, что для вновь образовавшихся государств связь с центром в бытовом и экономическом отношениях необходима. Необходимо выяснение нужд эмиграции на месте и суммирование этих нужд здесь — в центре. Он указывает, что в Латвии большое внимание обращается на нужды молодёжи. (*Аплодисменты.*)

Гр. Буксгевден (председатель русской колонии в Финляндии) обращает внимание на то, что существует два ряда вопросов — большие и те, на которые смотрят как на «вермишель»... Малолюдность настоящего собрания даёт основание думать, что сообщения с мест отнесены к числу этих последних вопросов. Однако для представителей с мест это — не «вермишель». На местах пришлось вести большую борьбу за Съезд. Оратор указывает, что за последним сотни тысяч голосов. Направляясь сюда, делегаты считали, что они делают жертвенный порыв, откликнувшись на призыв инициаторов Съезда. Теперь же получается впечатление, что это никого не интересует. Даже и пресса и та почти вся ушла. Оратор указывает далее, что существуют явления стихийные. К числу таких явлений относится борьба против большевиков. Русская колония в Финляндии не интересуется вопросами партийными. Она считает, что под единым лозунгом «Россия» мы можем вернуться туда. (*Аплодисменты.*) Съезду надо подумать, чтобы не разрушить ту работу, которую мы вели на местах. (*Аплодисменты.*)

Г. Логинов (представитель из Польши) указывает на значительность русской эмиграции в Польше. Однако патриотически настроенная часть эмиграции, которая является большинством, остаётся совершенно неосведомлённой, не получая никакой информации. В то же время антинациональные кружки (насчитывающие не более 10–15% эмиграции) обладают значительными средствами и всячески искажают направление мысли. Кроме того, оказывается постоянное давление и со стороны большевиков. Оратор указывает, что мысль о Съезде подняла настроение. Делегаты ехали сюда, сопровождаемые самыми горячими пожеланиями. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Гр. Комаровский заявляет, что он является представителем существующего в Бельгии отделения «Русской матицы». Он отмечает ту помощь, которая оказывается молодёжи со стороны католиков. Целью «Русской матицы» является удовлетворение существу-

ющего книжного голода. Ведь часто в среде подрастающего поколения обнаруживается полное незнание русской истории. В Сербии есть местные комитеты, но там они созданы искусственно, как средство для осуществления оказываемой Сербией русским беженцам финансовой помощи. Должно иметь в каждой стране русский культурный центр.

С.С. Незын (представитель Югославии) напоминает о том, что было сделано для русской эмиграции в течение прошедших шести лет, с того времени, когда она была выброшена на Далматинское побережье. Королевство СХС оказало широкий приют, поддержало русские учебные заведения, оказывало денежную помощь. Без этой помощи беженцы не могли бы существовать. Оратор предлагает собранию послать от имени Съезда с выражением глубокой признательности приветствие Его Величеству королю Александру I. (*Аплодисменты.*) Затем он приглашает забыть партийные раздоры, тесно сплотиться, памятуя о витающих над нами миллионах душ замученных. (*Аплодисменты.*)

Председательствующий И.П. Алексинский обращается к собранию с вопросом, угодно ли собранию послать предложенное оратором приветствие. (*Голоса: «Просим», долгие аплодисменты.*)

Г. Знаменский (представитель русской студенческой организации в Бельгии) указывает, что католики прекратили здесь свою помощь студенчеству. Он просит, чтобы Зарубежный Съезд со своей стороны поблагодарил католические круги за оказываемую помощь. Ведь если бы помощь прекратилась, то это нанесло бы громадный удар студенчеству.

Председательствующий поясняет, что пока помощь продолжается и есть основания рассчитывать, что возникший инцидент будет ликвидирован.

Затем председательствующий объявляет, что, за исчерпанием списка ораторов, заседание закрывается.

ДНЕВНОЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Открывая заседание, **Председатель** объявляет, что возобновляется начатое накануне обсуждение проекта об учреждении Российского Зарубежного Комитета по докладу И.П. Алексинского. Осталось ещё два оратора: Н.Ф. Езерский и А.М. Масленников.

---

* «Возрождение», 11 апреля 1926 г. Газета ошибочно даёт это заседание как заседание шестого дня работы Съезда.

Н.Ф. Езерский говорит, что он сомневается, чтобы кто-нибудь считал, что орган не нужен. Необходимо, чтобы голос Зарубежной России звучал авторитетно и веско там, в России, особенно когда могут произойти осложнения. Нужно, чтобы орган был непартийным. Нужно бороться против возможных партийных извращений его.

Мы только что единогласно признали Вождя. Это первый реальный политический успех. Орган, рождённый на Съезде, будет всецело и безоговорочно находиться в распоряжении Вождя. Но опасения, что орган свяжет Вождя, правильны. (*Аплодисменты.*)

Надо избежать канцелярии, дать самую общую формулу, покороче.

Оратор категорически протестует против того, чтобы орган занимался нуждами беженства. Иначе он будет втянут в беженские дрязги и подорвёт авторитет свой и того лица, которое за ним стоит. Нельзя иступить меч, которым мы должны разить большевиков, на щепки для беженской кухни.

Оратор полемизирует с Н.Е. Марковым, говоря, что *орган должен быть общим, что в него должны быть избраны люди, стоящие выше партий, выше личных интересов.*

А.М. Масленников также считает, что орган необходим. Он не желает останавливаться на дефектах предположенного проекта. Дело не в этом, дело в психологии.

«Имеете ли вы право, — обращается оратор к собранию, — при вашей психологии, обнаруженной вчера и при выборах Председателя, избрать орган, который имел бы вес и не был бы тормозом для Великого князя? Есть ли тот надпартийный порыв, который необходим для такого избрания?

Здесь говорили о свёрнутых знамёнах, но вчера эти знамёна несли с таким барабанным боем, что у меня уши болят. Я говорю вам: вчера выбирать комитет было бы преступлением. (*Шумные аплодисменты.*)

Плохое впечатление, произведённое на зарубежные массы — это ещё полгоря, а вот что скажут в России? Там говорят: "Мы жаждем Великого князя, но Великого князя без всяких партий. Нам партии, и левые и правые, осточертели". (*Аплодисменты.*)

Пристегнув к Великому князю этот комитет, вы на 30–40% уменьшите его популярность в России. (*Шумные аплодисменты слева.*) Мне тяжело говорить, — кончает оратор. — Мы все несём ответственность позора перед иностранцами, но за эти семь дней я видал и отрадные минуты. Из партийной мути вырастали русские граждане. Это было, когда мы посылали приветствие Великому князю.

Когда вы забудете партийный хлам, тогда вы будете иметь право выбирать комитет. Я кончаю практическим предложением: не спешите с выборами. Будем просить партийных лидеров пойти в ту комнату и столковаться между собой». (*Голоса: «Браво! Правильно!»*)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКА

Своё заключительное слово **И.П. Алексинский** начинает с указания, что против проекта возражали 11 лиц по разным мотивам. Трое говорили о несвоевременности. Некоторые обнаружили неясное представление о функциях комитета. Говорили, что комитет будет заниматься беженскими делами. Это не так. Цель комитета — бороться за освобождение России и связать рассеянных русских людей с Верховным Вождём.

— Вопрос об отношении к Вождю, — отмечает И.П. Алексинский, — вызвал возражения. Меня упрекали, что я слишком часто выносил на торжище имя Великого князя. Но не повинны ли в этом сами упрекавшие? Они знали, как возник вопрос об отношении к Вождю. Вопрос об органе был представлен на благовоззрение Великого князя. Было постановлено, что решение Великого князя и будет решающим. Решение последовало...

Голоса: Какое? Это неверно!

А.О. Гукасов (*с места*): Всеобщее согласие!

Кто-то кричит И.П. Алексинскому: «Это передержка! Нельзя передёргивать!»

И.П. Алексинский (продолжает): Было три предложения: 1) создать орган без упоминания Великого князя, 2) создать орган, связанный с Великим князем, но без публичного оглашения этого, 3) идти по пути, принятому Великим князем, согласовать деятельность органа с его волей в порядке определённого подчинения. Великому князю благоугодно было остановиться на последней формуле...

(*Эти слова И.П. Алексинского вызывают негодующий шум в зале. Со всех сторон раздаются крики: «Это неверно! Просим Председателя разъяснить этот пункт!»*)

Председатель: Я приму к сведению это пожелание и дам необходимые разъяснения.

И.П. Алексинский, продолжая, указывает, что, конечно, единодушие необходимо. «Требование квалифицированного большинства совершенно правильно. Я бы сказал, — говорит оратор, — что *вопрос*

этот требует единогласия (*аплодисменты*), если бы на это можно было рассчитывать». (*Смех.*)

Председатель заявляет, что собранием было высказано пожелание, от исполнения которого он не может уклониться.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

— Я обязан сделать это разъяснение по долгу и Председателя Съезда, и председателя Организационного комитета. Оно будет очень кратким. В том сообщении, которое у всех было в руках, сказано:

«1. Его Императорское Высочество с самого начала признал несоответственным какое-либо со стороны Его Высочества давление или воздействие на решения Съезда, ценные лишь в том случае, если они являются непосредственным выражением мнения самих избранных на Съезд.

2. В соответствии с этим Великий князь, дважды приняв перед Съездом академика Струве, определённо указал последнему, что Съезд совершенно свободен в своих решениях, как свободен и сам Великий князь в определении своего отношения к этим решениям». (*Последние слова покрываются аплодисментами.*)

— Решение Великого князя, — продолжает П.Б. Струве, — не заключает и не может заключать какого-либо давления на внешнюю свободу голосования и — я это особенно подчёркиваю — на внутреннюю свободу ваших убеждений. Для меня не подлежит никакому сомнению, что наш патриотический долг перед высоким лицом, которое мы признали нашим Вождём, обязывает нас к свободе внутреннего убеждения, ибо высший патриотизм и высшая преданность выражаются в бесстрашном высказывании того, что считается за правду и за верное. (*Шумные аплодисменты.*) Возьмите себе за образец образ Якова Долгорукова, бесстрашно говорившего своё мнение не только Вождю, но и Царю. Это ваш долг. Это моё мнение, и я его вам высказываю. Если бы была налицо воля, связывающая нашу свободу, не могло бы быть голосования. Таково моё искреннее убеждение, за которое я отвечаю. И таково точное выражение воли Его Императорского Высочества. (*Шумные аплодисменты.*)

Марков (*с места*): Докончите эту волю!

Председатель: Меня просили дать разъяснение, соответствующее моим взглядам. (*Аплодисменты, шум.*) Моё разъяснение обсуждению не подлежит. (*Аплодисменты.*)

Голоса: Просим огласить п. 3.

Председатель: Документ имеется у всех в руках. Но, ввиду выраженного желания об оглашении п. 3, прошу генерального секретаря сделать это.

Генеральный секретарь оглашает.

Председатель переходит к постановке вопроса. Наказ предусматривает два способа голосования: открытое поимённое и закрытое. При этом по Наказу, если поданы заявления о том или ином голосовании, преимущество отдаётся тому заявлению, которое подано раньше. Президиум полагает, что заявление о поимённом голосовании взято обратно, но это оказалось недоразумением, а потому президиум рассматривает, что оба заявления поданы одновременно. Вопрос о способе голосования решит само собрание простым большинством.

После этого будет поставлен на голосование вопрос о переходе к постатейному чтению проекта о Российском Зарубежном Комитете. Вопрос этот должен быть решён большинством двух третей голосов. Те, кто будут голосовать «нет», выскажутся против приступа к обсуждению проекта и тем самым против проекта.

Объявляется перерыв на 15 минут.

ВОПРОС О ТОМ, КАК ПРОИЗВОДИТЬ ГОЛОСОВАНИЕ

Председатель просит членов Съезда занять места и заявляет, что, согласно Наказу, предоставляется высказаться двум ораторам с каждой стороны — за закрытое и за поимённое голосование. Согласно последнему постановлению, каждому оратору предоставляется пять минут.

В.П. Носович заявляет, что он будет говорить не больше двух минут. Многие, говорит он, неясно сознают, что такое поимённое и что тайное голосование. «Поимённое имеет в виду подчеркнуть ту ответственность, которую каждый несёт. Тайное гарантирует свободное голосование. Не будем скрывать от себя правды, господа. Наш Съезд должен быть надпартийным, на нём висит обвинение в партийности. Нам необходимо не только от неё очиститься, но снять подозрение в том, что мы можем голосовать несвободно под влиянием партийной дисциплины.

Съезд надпартийный. Там должны знать, что здесь собралась не партия, а патриоты. Нас обвиняют в том, что мы партийны. Будем же свободны и допустим тайное голосование». (*Аплодисменты.*)

А.Н. Крупенский сомневается в том, что нуждается кто-либо из собравшихся здесь в тайном голосовании. Сюда прибыли из различных мест многие делегаты, а также получены мандаты, в которых точно указано, чтобы требовать учреждения органа, подчинённого Великому князю, и без проведения этого вопроса домой не возвращаться. Поимённое голосование нужно для таких делегатов, чтобы они могли оправдаться перед своими избирателями. (*Аплодисменты, шум.*)

В.И. Гурко говорит, что прежде всего должно оставаться в традициях, которые были в старой России. Там, если даже малое число голосов требовало закрытого голосования, оно обязательно применялось. «Неужели мы будем подражать большевикам, у которых нет тайного голосования?» (*Голоса с мест: «Неудачное сравнение».*) Оратор спрашивает почему. (*Голос: «Потому что там расстреливают».*) Гурко отвечает: «Господа, если до сих пор нам здесь только грозили «правой стенкой», то моральную «стенку» уже установили. Приём же, который нам предлагают здесь, — это приём чекистский». (*Аплодисменты.*)

Н.Д. Тальберг, ссылаясь на слова Председателя, призывал подражать кн. Якову Долгорукову, который не боялся высказывать открыто своё мнение Царю.

После этого происходит голосование.

РЕШЕНИЕ ПО ВОПРОСУ ОБ ОРГАНЕ

Результаты первого голосования

Председатель предлагает занять места и оглашает результаты голосования. Всего было подано 448 действительных записок. Из них за поимённое голосование — 243 и за закрытое — 205.

Таким образом, большинство высказалось за поимённое голосование.

Второе голосование

Председатель заявляет, что он ставит на голосование переход к постатейному чтению проекта. Все голосующие будут вызываться по списку, который составлен по странам в алфавитном порядке.

Кто высказывается за переход к постатейному чтению, должен говорить «да», кто против — говорить «нет».

Председатель разъясняет, что тот, кто говорит «нет», не предрешает ещё вопроса об органе; это значит лишь, что он отвергает проект. После голосования будет назначен перерыв на полчаса.

Если за проект выскажется менее $^2/_3$, то он не будет обсуждаться. Если за проект выскажется $^2/_3$, то будет приступлено к постатейному чтению.

Председатель предлагает приступить к голосованию.

Производится процедура голосования.

ПОСЛЕ ВТОРОГО ГОЛОСОВАНИЯ

После подсчёта голосов Председатель заявляет, что те, кто отсутствовал при голосовании, будут признаны неприсутствовавшими, объясняя, что он делает это заявление во избежание недоразумений. Затем он объявляет перерыв на 15 минут для подсчёта результата голосования. Во время перерыва Председатель предоставляет слово для внеочередного заявления Б.А. Суворину.

Б.А. Суворин сообщает, что в воскресенье, 11 апреля, первопоходники чествуют память Лавра Георгиевича Корнилова. В 3 часа дня в помещении Союза галлиполийцев будет отслужена панихида. Он отмечает, что это чествование памяти того, кто первый поднял знамя борьбы с большевизмом и геройски исполнил свой долг до конца, совпадает с окончанием работ Зарубежного Съезда, который был также созван под знаком борьбы с III Интернационалом.

Председатель предлагает собранию почтить вставанием память Л.Г. Корнилова. (*Все встают.*)

Затем Председатель сообщает, что заседание в воскресенье, 11 апреля, состоится в другом помещении — в зале на улице Сен-Дидье, 46-бис.

При голосовании подано 457 голосов: 297 «за», 146 «против», 14 воздержавшихся. Ввиду того что в большинстве возникли предположения о перетолковании Наказа, был объявлен перерыв на часа полтора. После перерыва заседание возобновилось в 10 часов 45 минут вечера.

<...>

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ*

Заседание открывается после 10 часов вечера.

Открывая заседание, **Председатель** предоставляет слово для внеочередного заявления А.Ф. Трепову.

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ А.Ф. ТРЕПОВА

— Наш Съезд прошёл в таком виде, что он превышает все ожидания. Дело Съезда выиграно. Россия Зарубежная способна объединиться. Грани между нами сгладились. Самая страстность прений доказывает, что каждый хочет найти наилучшие способы для общей цели.

Мы не можем допустить, чтобы и этот последний вопрос об органе не был решён единодушно.

Обращаюсь ко всем, к патриотическому чувству всех: найдёмте что-то, что всех нас удовлетворит. До разрешения этого вопроса в конкретной форме дело, очевидно, не дошло.

Мы хотим превратить эмиграцию в Россию за рубежом. Но такие решения не даются в одночасье.

Не будем учреждать никакого органа. Создадим исполнительно-финансовую комиссию для выполнения решений Съезда. На этом сейчас могут объединиться все.

Н.Е. Марков заявляет, что он не вполне присоединяется к тому, что сказал А.Ф. Трепов. «Оказалось, что дело не по силам, надо это дело оставить. Раз вы придираетесь, раз вы заставляете нас составлять орган без вас, без одной трети — трети дорогой, необходимой. Мы протянули вам руку — вы не захотели пойти навстречу».

Просит слова **Н.К. Кульман,** который заявляет: «С чувством глубокой радости и полным нравственным удовлетворением я выслушал слова А.Ф. Трепова, в которых звучала мудрость старого и опытного государственного деятеля.

Но мне думалось, перед нами не стояла задача протянуть друг другу руки. Мы протянули их друг другу уже тогда, когда вошли в этот зал.

Господа, мы не должны давать радости врагам, не только большевикам, но и тем, кто борется с ними постольку поскольку.

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

В нас говорил здоровый голос патриотической русской души. Не должно раздаваться голосов, что кто-то к кому-то придирается, как сказал Н.Е. Марков. Забудем эти слова о придирках.

Единым фронтом против большевиков и тех, кто признаёт и отрицает их постольку поскольку!»

Далее **А.С. Хрипунов** заявляет, что он тоже призывает объединить фронт. Он заявляет, что испытывает огромную радость от слов А.Ф. Трепова. Оратор призывает подумать о большом деле спасения России. Заявление оратора о том, что Н.Е. Марков был не прав, указывая, что со стороны его единомышленников была сделана попытка протянуть руку, вызывает ряд шумных выступлений.

Повышение настроения зала сказывается и во время речи следующего оратора — **А.А. Остафьева.**

А.Ф. Трепов: Моё предложение имело целью умиротворить страсти. Сейчас мы могли бы создать что-то уродливое, недоношенное. Ограничимся поэтому комитетом для ликвидации Съезда и исполнения постановлений. Необходимо вынести от Съезда единое, твёрдое решение.

По предложению Председателя Съезд одобряет основную мысль, высказанную А.Ф. Треповым, большинством всех голосов против семи.

ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ГЕН. ВРАНГЕЛЮ

Председатель предлагает послать приветствие от имени Съезда Главнокомандующему Русской армией ген. П.Н. Врангелю. (*Шумные аплодисменты.*)

ДРУГИЕ ПРИВЕТСТВИЯ

Далее по предложению Председателя Зарубежный Съезд приветствует всех доблестных участников Белого движения и лично генералов Деникина, Миллера, Юденича, Кутепова.

Голоса с мест: Хорвата, Дитерихса. (*Аплодисменты.*) Краснова. (*Шумные аплодисменты, превращающиеся в овацию.*)

Далее Съезд вставанием почтил память адмирала А.В. Колчака.

В заключение Съезд вставанием почтил память всех доблестных воинов, погибших за дело России.

Заседание закрывается в 11 часов 40 минут ночи.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Русское время», 13 апреля 1926 г.

СЕДЬМОЕ УТРО

ДЕЛОВОЕ УТРО. ПОИМЁННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ. «ПИРРОВА ПОБЕДА». ПРОВАЛ ОРГАНА. МАНИФЕСТАЦИЯ

ДЕЛОВОЕ УТРО

Седьмой день Зарубежного Съезда открывается утром осведомительным докладом В. Новикова «О фашизме». Доклад организован для «желающих» и публики сравнительно немного, но слушают внимательно.

После доклада делегат А. Чебышев делает сообщение о тяжёлом положение русской эмиграции в Константинополе, ген. Гальфтер — об организации в Лондоне кружков русских офицеров для военного самообразования, и, наконец, делегат из Бельгии делает сообщение о положении русской колонии в этой стране.

Доклады с мест, видимо, заинтересовали делегатов, собравшихся в зале Съезда, и все сообщения выслушиваются с напряжённым вниманием.

«Деловое» утро закончено.

В 3 часа 30 минут П. Струве открывает общее заседание Съезда, и продолжаются прения об органе, то есть о Русском Зарубежном Комитете.

Н. Езерский заявляет: «Орган необходим для выявления перед международным общественным мнением голоса подлинной, национальной России». Но партийный орган Н. Езерский считает опасным. Поэтому он рекомендует принять самую общую формулу для учреждения «органа» и не превращать этот орган в «беженский», так как: «Подняв меч на врага, вы не должны колоть им щепки для беженской кухни!..» В заключение оратор, вспоминая «правую стенку» Н. Маркова, заявляет: «Такой игрой слов Марков своего дела не сделает и нам всё испортит». (*Аплодисменты.*)

Затем выступает А. Масленников, который на вопрос журналистов «почему он ушёл из Высшего Монархического Совета» заявил: «Лучше спросите меня, почему я там сидел, видя, что творится кругом». А. Масленников подчёркивает, что он ни к какой партии или фракции не принадлежит, а выступает как рядовой «беженец», которых у нас 90%. «Комитет нам нужен, но как его выбирать при таком настроении, когда “патриоты” вчера несли знамёна с таким барабанным боем, что до сих пор ещё в ушах звенит». (*Голоса: «Правильно!..»*)

В такой «патриотический» комитет пролезут «голубчики», и все скажут: «А я, дурак, платить буду! Нам и левые и правые так осточертели, что мы ждём беспартийного делового комитета, а не беженского парламента для ссор Ивана Никифоровича с Иваном Ивановичем. И так иностранцы говорят нам: "Вы — отмершая ткань", а если это не так — пойдите и договоритесь вне партий и не подрывайте авторитет Великого князя».

Последним оратором выступает докладчик проекта комитета проф. И. Алексинский. «Хотя здесь выступали 12 ораторов и большинство говорили о несвоевременности организации комитета, но это неважно, ибо решение последовало из более авторитетного источника...» (*Крики и шум: «Неправда!..» Аплодисменты.*)

С левой стороны громко кричат: «Передержка!..»

Алексинский продолжает: «Инструкция Великого князя о комитете была предназначена "для внутреннего употребления", но Его Императорское Высочество "начертал" нам форму...»

Сильные крики: «Неправда!.. Неверно!..» Шум. Многие вскакивают с мест, и оратора не слышно.

Алексинский заявляет: «С сознанием полной ответственности, я сказал то, что сказал...»

Шум и крики усиливаются. Правые бешено аплодируют.

Группа делегатов вскакивает с мест и кричит Председателю: «Дайте же, наконец, разъяснение! Ведь это неправда!» (*Ропот.*)

П. Струве спокойно отвечает: «Дам в своё время...»

Шум и общее недоумение. «Тише!» Зал затихает.

Алексинский продолжает: «Носович даже требовал конституции. (*Смех и ропот.*) Здесь говорили, что мы будем проводить "эмигрантского царя". Это всё измышления. Орган не может связать Национального Вождя. Мы согласны на баллотировку двумя третями, и пусть она покажет, кто настоящий патриот, а у кого патриотизм атрофирован...» (*Голоса: «Стыдно!..»*)

П. Струве наконец разъясняет, что Великий князь признал невозможным оказывать давление на Съезд и патриотический долг обязывает нас к свободе голосования вопроса о комитете, а патриотизм есть «бесстрашность» высказывания своих убеждений не только Вождю, но и грозному Царю, как говорил Яков Долгоруков...

Марков кричит с места: «Вы не всё прочли в письме Великого князя... Огласите всё!..»

Струве, повышая голос, говорит: «Моё разъяснение, как вашего Председателя, обсуждению не подлежит, а секретарь прочтёт текст письма Великого князя полностью». (*Голоса: «Спасибо!..»*)

Секретарь читает текст известного ответа Великого князя относительно учреждения Зарубежного Комитета.

Председатель заявляет, что сейчас начинается голосование, и предлагает от имени Бюро Съезда решить вопрос об учреждении Зарубежного Комитета большинством двух третей голосов.

Объявляется перерыв, и делегаты расходятся по фракциям.

Пустеет и стол печати.

ПОИМЁННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

После перерыва по вопросу о способе голосования возгораются прения, и Носович в своей речи говорит следующее: «Многие из вас ещё не совсем опытны в таких делах, и потому я должен пояснить, что поимённое голосование подчёркивает ответственность, а тайное — свободу...» (*Крики: «Трусы!»*)

Затем выступает А. Крупенский, который отмечает, что делегаты с мест имеют наказ: не возвращаться без Вождя и органа при нём, а потому их стесняет «тайна», так как избиратели не смогут судить, за что они голосовали...

Крики слева: «Правая стенка!.. Сыск!.. Стыдно!..» — усиливаются. Одновременно усиливаются аплодисменты справа.

Далее В. Гурко, защищая с горячностью тайное голосование, рекомендует не подражать нравам советской России, где тайна голосования уничтожена.

Проф. Билимович кричит с места: «Там расстреливают!»

Гурко продолжает: «А тут расстреливают "морально", и потому не будем подражать большевикам и насаждать чекистские нравы!»

Последний оратор, Тальберг, в исступлении выкрикивает: «Не бойтесь говорить правду, как Яков Долгоруков!..»

Шум и крики: «Ага, боитесь Скаржинского!»

Скандал затихает, и начинается голосование.

Генеральный секретарь Съезда Трегубов и два ассистента, С. Ольденбург и гр. Гендриков, громко выкрикивают делегатов на эстраду по странам, и подходящие говорят «да» или «нет» (то есть за учреждение комитета или против).

П. Струве напоминает, что смысл поимённого голосования заключается в том, чтобы громко назвать свою фамилию и громко возгласить «да» или «нет»...

По всему залу на правой стороне стоят «дозорные пикеты», которые наблюдают, чтобы голосующие вовремя выходили на вызовы и не уходили бы из зала.

Съезд очень заинтересован процедурой поимённого голосования, но большинство голосующих говорят свой вотум, как на «исповеди», — невнятным шёпотом, и только иногда, под упорным взглядом Маркова 2-го, сидящего в первом ряду, правые делегаты громко возглашают: «Да, да!..»

Делегаты внимательно следят за проходящими к эстраде, и когда гр. Гендриков громко объявляет: «Делегат Испании!», многие настораживаются, встают с мест и ищут

глазами «испанца». К общему разочарованию, «испанским грандом» оказывается скромный сотрудник «Возрождения», который сидит за столом печати...

Голосование кончено. Начинается скучный подсчёт голосов. Делегаты развлекаются чтением газет и разговорами. Наконец голоса подсчитаны, но на эстраде какое-то замешательство, и Президиум волнуется и спорит между собой. Томительно ожидание...

Наконец Съезд начинает выражать явное нетерпение, и раздаются голоса: «В чём дело? Забыли арифметику? Объявите подсчёт!»

Шум усиливается, стучат ногами. На эстраде происходит какой-то «немой» разговор, который нельзя разобрать.

Волнение разрастается.

Объявляется перерыв.

«ПИРРОВА ПОБЕДА»

Когда атмосфера в зале Съезда накаляется добела и начинается общее движение, генеральный секретарь оглашает результаты голосования, а именно:

В голосовании участвовали 376 делегатов Съезда, располагавших 376 личными голосами и 80 — по доверенностям, значит, всего подано 456 голосов. За учреждение Зарубежного Комитета высказалось 297, а против 146, при 13 воздержавшихся. Таким образом, требуемого Наказом большинства двух третей голосов налицо нет, и вопрос должен быть решён Президиумом по Наказу. Президиум удаляется на совещание. Опять томительный перерыв.

Наконец Президиум возвращается на эстраду, и Председатель объявляет: «В Президиуме нет согласия относительно толкования соответствующей статьи Наказа Съезда для этого случая, и потому предлагаю сделать новый перерыв до 10 часов вечера».

Это заявление П. Струве вызывает громкие протесты Съезда, и Н. Марков кричит с места: «Мы хотим сейчас докончить дело!..»

Опять крики и шум. Слышны голоса: «Просим подождать!.. Довольно ждать, надоело!..» Ропот усиливается.

Но Председатель неумолим и объявляет перерыв.

Однако в перерыве фракции гудят, как встревоженный улей, и около дверей комнаты, где заседание Бюро, образуется людской водоворот.

В центре, где, между прочим, лидера Н. Шебеко не видно и не слышно, идут настойчивые разговоры о том, что «надо уходить», и особенно на этом настаивает М. Фёдоров.

Однако очевидно, что большинство на стороне правых и комитет будет.

Крайне правые — А. Крупенский, гр. Гендриков, кн. Горчаков ходят именинниками. У центристов уныние.

Н. Денисов предлагает отказаться от участия в постатейном

обсуждении проекта Зарубежного Комитета и потом уйти со Съезда совсем, так как комитет будет исключительно правым и другим фракциям там места нет.

Н. Маркова окружают журналисты, и один из них предлагает для ускорения хода дела признать, что голоса, поданные по доверенностям, как «мёртвые души», можно считать как бы несуществующими и, значит, у «правых» будет две трети голосов и формально...

Марков признаёт, что Наказ нелепый, но мысль «гениальная», и устремляется в Бюро спорить о «мёртвых душах».

Однако решения ещё нет, и спор о том, куда причислить 13 голосов воздержавшихся, в Бюро затягивается.

Центр договорился не участвовать в создании органа и в него не входить. К этому присоединяются Национальный Комитет, Академическая группа*, врачи, инженеры и казаки.

Наконец появляется в комнате центра «сам» П. Струве и говорит: «В Бюро полный раскол, и я решил "логически" сложить с себя звание Председателя Съезда, так как партийного органа нам не осилить».

Атмосфера сгущается, и паника в центре усиливается.

В это время становится известным, что «раздоры» на Зарубежном Съезде об органе стали известны в Шуаньи и ген. Лукомский привёз Президиуму Съезда «новое сообщение» о взаимодействии будущего Зарубежного Комитета с Великим князем.

Это сообщение быстро облетело Зарубежный Съезд, и во всех углах громко заговорили: «Великий князь сообщил, что победа одной партии превращает Зарубежный Комитет в чисто "партийное" учреждение, которое для Великого князя является "неприемлемым"...»

Паника из центра перебрасывается во фракцию крайне правых, и там ясно, что победа оказалась «пирровой».

А. Трепов настолько ошеломлён, что запрашивает по телефону Шуаньи и получает подтверждение сообщения ген. Лукомского.

Начинается перестройка тактики правого крыла Съезда.

ПРОВАЛ ЗАРУБЕЖНОГО КОМИТЕТА

В кулуарах Съезда толчея. Бывший депутат города Парижа, приглашённый гостем, беседует с группой казаков... Это вызывает беспокойство у ген. П. Краснова и

---

* *Русская академическая группа* основана в мае 1920 г. В задачи организации входила научная работа, поддержание связей с учёными и учебными заведениями, взаимная моральная и материальная поддержка, подготовка молодых учёных, помощь поступающим в высшие учебные заведения. Председателем избран Е.В. Аничков, товарищем председателя — Е.П. Ковалевский.

А. Крупенского, причём последний «деликатно» разъясняет Ж. Эрлишу, что «гостям агитировать в стенах Съезда неудобно»... Ж. Эрлиш, улыбаясь, уходит в другой зал под руку с В. Гурко.

Звонок Председателя — и зал быстро наполняется делегатами.

Стоит непривычная тишина. Момент тревожный. На эстраде А. Трепов «для внеочередного заявления».

Трепов говорит: «Съезд превзошёл наши ожидания. Грани сгладились. Я обращаюсь к большинству и меньшинству, как к русским патриотам, и заявляю: объединить всю эмиграцию в одночасье ещё рано и потому... не будем учреждать никакого органа после Съезда, а ограничимся исполнительно-финансовой комиссией для ликвидации дел Зарубежного Съезда...» (*Сильное движение в зале.*)

Вслед за Треповым Н. Марков с грустью присоединяется к заявлению А. Трепова, и ему «стыдно» признаться, что до органа мы ещё не «созрели». «Печально признаваться здесь, на первом весеннем Съезде Русского Зарубежья, что мы бессильны перед страдающей Россией. Но нам не нужен "маргариновый" комитет, и пусть ликвидационная комиссия Съезда начнёт работать, а мы исполним свой долг до конца. Но помните, "левая треть" Съезда, что мы простирали к вам руки и руки наши не встретились...» Закончив «надгробное» слово, Марков ещё долго стоит на эстраде в позе короля Лира.

Левые неистово аплодируют заявлениям Трепова и Маркова, а в правых рядах заметно смятение и слышно какое-то жуткое «ворчание».

После этих ораторов от Центра говорит Н. Кульман о врачах «внутренних», о «бодрости», о каком-то «едином» фронте, но его мало слушают.

На эстраде появляется другой оратор центра — А. Хрипунов, и разыгрывается крупный скандал.

Хрипунов, воздав должное Трепову, предлагает правым не опускать «маргариновой» руки примирения и попробовать найти новую форму объединения всех «патриотов»...

Но, ввиду накалённой атмосферы, это предложение встречается адским шумом и рёвом: «Уберите его!.. Зачем опять раздор?! Довольно ораторов, не дадим говорить!»

Волнение усиливается. Хрипунов растерянно стоит на эстраде, не будучи в силах открыть рта...

Марков находит выход и кричит, взмахивая руками: «Слушать молча! Пусть Хрипунов сам себя разоблачит!..»

А. Хрипунов, потеряв весь пафос, призывает всех «объединиться и надумать орган»...

Опять крики: «Вон!.. Довольно! Слазь вниз!.. Гоните его!..»

Струве, размахивая звонком, кричит: «Уважайте вашего Председателя!»

Хрипунов, стараясь перекричать зал, положительно вопит: «Ликвидация съезда на “маргариновом” органе — невозможно!..»

Шум принимает угрожающие размеры, и ясно слышна нецензурная брань.

Тогда незадачливый примиритель просит «простить его, если он не понял Маркова, государственную мудрость которого он признаёт...». Но обструкция принимает такой грозный характер, что Хрипунов проворно покидает трибуну, и А. Трепов предлагает прекратить прения, так как теперь «всё ясно».

Председатель радостно подхватывает это предложение и закрывает заседание при общем возбуждении...

А. Хрипунов энергично проталкивается к выходу.

Бурный день кончен.

МАНИФЕСТАЦИЯ

При закрытии «исторического» заседания Съезда, в котором выяснилось, что никакого «эмигрантского правительства» не будет, разыгрался инцидент с делегатом «группы общественных деятелей» престарелым Остафьевым.

Остафьев, взобравшись на эстраду, «обличал» Съезд, что он «погряз» в партийных дрязгах и ещё в чём-то, ровно ничего не сделал для Родины и что здесь всё «замазано» и «смазано». В заключение оратор требовал «реального» постановления, которого ждут в России...

Развитие нового скандала прервано было предложением П. Струве послать приветствие от Съезда Главнокомандующему Русской армией ген. Врангелю. (*Овация.*)

Однако Н. Марков и А. Трепов взволновались и потребовали приветствовать «доблестного» военачальника через Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, которому Врангель подчинился.

П. Струве спешит успокоить «интерпеллянтов» тем, что иначе приветствовать никто и не предполагал. (*Овации усиливаются.*)

Затем Председатель предлагает приветствовать также всех доблестных военачальников белых армий: генералов Деникина, Кутепова, Юденича, Миллера, Дитерихса и других.

Манифестация усиливается. Многие встают с мест.

Неистовый делегат Остафьев кричит с места: «И тех, которые остались в России!..»

Крики и аплодисменты усиливаются. Вдруг правая половина Съезда встаёт как по команде, поворачивается в сторону ген. П. Краснова и приветствует «вождя казаков» шумной овацией.

В заключение манифестации почтена была вставанием память адм. Колчака и всех погибших за дело России.

«Возрождение», 11 апреля 1926 г.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Вокруг вопроса об органе развернулись 9 апреля прения, исключительные по горячности, значительности и силе. Те, кто был вечером 9 апреля на Зарубежном Съезде, едва ли забудут это его заседание. И не только останутся у них в памяти отдельные речи, исполненные иногда замечательного ораторского блеска и зрелой государственной мысли. Останется в памяти знаменательный образец великого значения *публичного слова,* великого значения *общественности.*

Можно было непосредственно ощущать, как под ударами последовательных выступлений рассеивался туман «кружковщины», разбивались фракционные суеверия, вырисовывалось и обнажалось *существо дела.*

Нельзя, конечно, сказать, что одна сторона убедила другую. Важно, что сделано было всё объективно возможное, дабы поколебать *предубеждения,* дабы ослабить *предвзятости.*

Люди съехались с разных концов мира; после многих лет молчания и политического бездействия — а если и действия, то провинциального — попали в новую обстановку, где в общении с новыми людьми должны были решать новые, огромной ответственности и сложности вопросы. И тут, на пороге подлинной деловой работы, естественно, должна была встать повелительная необходимость и насущная потребность *лично* узнать друг друга, выйти за пределы фракционных и провинциальных характеристик и сплетен, получить непосредственное, живое впечатление и составить самостоятельное суждение о своих товарищах и соседях по политической работе.

В этом смысле заседание 9 апреля дало больше, чем, быть может, вся предшествующая работа Съезда.

Но если много было дано для правильной оценки *лиц,* то не меньше было сделано вместе с тем для разъяснения обсуждаемого *предмета.* Стало ясно как день, что различие в мнениях по вопросу об органе не в том, что одни хотят подчиняться, а другие не хотят подчиняться, и вообще не в мере их лояльности и патриотизма. Во весь рост встала вся исключительная трудность и сложность обсуждаемого вопроса *по его существу.*

Это результат отрицательный, но если даже он не достигнут, то нет и не может быть почвы для нахождения правильного решения ответственного и трудного организационного вопроса.

«Возрождение», 12 апреля 1926 г.

ВОПРОС ОБ ОРГАНЕ

ПОЗИЦИЯ СТОРОН

Вопрос об органе вызвал наиболее страстные прения на Съезде, так как в этом конкретном вопросе мнения резко расходились. В то время как фракция правых, в противоречии с той позицией, которую до Съезда занимали наиболее авторитетные её представители, трактовавшие самое создание органа как интригу, направленную против Вождя, стояла теперь за создание авторитетного и властного органа, который явился бы своего рода зарубежным представительством при Великом князе, в умеренных группах мнения сильно расходились. Часть считала, что должен быть образован орган, независимый от Великого князя, орган, «формирующий общественное мнение» Зарубежья, выражающий его политические настроения. Другие — как Союз Объединённых Монархистов — считали, что этот орган, независимый в *данный* момент, должен был быть подчинён Великому князю в тот момент, когда Великий князь сочтёт своевременным выступить официально. Наконец, часть групп полагала, что Съезд вообще не должен выбирать нового органа, так как всех должно объединять только имя Великого князя, а междуфракционный орган — зависимый или независимый — мог бы только стеснить Великого князя в его работе.

Так как правые имели единое мнение, а у умеренных было целых три, то на первых шагах движения вопроса об органе со стороны умеренных не было выдвинуто никакого единого контрпроекта, и Бюро рассматривало только проект правых и записку 58 членов Съезда, составленную В.И. Гурко и высказывающуюся в пользу независимого органа. Большинством голосов Бюро приняло проект правых в редакции проф. И.П. Алексинского.

Тогда перед лицом возможности принятия проекта, одинаково неприемлемого для всех течений умеренного крыла, центральные группировки объединились. Одна за другой группы стали выносить решения: Национальный Комитет, Народно-монархический союз, группа внепартийного объединения (группа центра Организационного комитета) приняли резолюции против образования какого-либо нового органа на Съезде. К вечеру 9 апреля в общем собрании центральных группировок было вынесено решение во всяком случае отвергнуть проект И.П. Алексинского.

НАСТРОЕНИЕ ГРУПП

Группа национального объединения (получившая прозвание «Бредовской группы») в принципе высказалась в пользу создания органа, но настаивала на большинстве двух третей при обсуждении этого вопроса. Казачья группа высказывалась за проект правых и ввела для голосования фракционную дисциплину. Союз Объединённых Монархистов колебался. В этом настроении началось вечернее заседание 9 апреля.

РЕШАЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

В заседании противники проекта И.П. Алексинского выдвинули ряд ораторов, горячо доказывавших, что создание органа в том виде, как он предлагается, будет вредно для дела Великого князя, что это решение неприемлемо для значительной части собрания и может привести к расколу до сих пор единодушного Съезда. В защиту органа доводов приведено было мало, а угрожающая речь Н.Е. Маркова, обмолвившегося неосторожным словом о «правой стенке», произвела самое неблагоприятное впечатление на колеблющихся.

Вечернее заседание 9 апреля, на котором никакого голосования не было, явилось несомненной моральной победой меньшинства, которое если и не переубедило большинство, то заставило его считаться со своей точкой зрения.

УКАЗАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В прениях и в статьях газет, враждебных Съезду, столько раз упоминалось о воле Великого князя в связи с вопросом об органе, что представляется необходимым дать некоторые разъяснения по этому вопросу, который, при нормальных условиях, не подлежал бы вынесению на страницы газет.

Когда ещё в Организационном комитете возник вопрос об учреждении органа, подлежащего избранию Съездом, большинство комитета — умеренное — исходило из мысли, что орган должен быть независимым органом общественности, без формального подчинения Великому князю, тогда как правые (меньшинство комитета) относились к такому органу отрицательно.

За два дня до открытия Съезда председатель Организационного комитета был у Великого князя, который, не высказываясь по существу вопроса о том, следует ли вообще учреждать орган, и подчёркивая, что никоим образом не желает влиять на свободу решений Съезда, указал, что в случае, если Съезд единодушно пожелает учредить таковой орган, наиболее целесообразным он считает, чтобы этот орган был ему подчинён.

Это же мнение Великого князя было во время Съезда сообщено через ген. А.С. Лукомского отдельным группам Съезда. Это дало группе правых повод утверждать, будто Великий князь желает со-

здания органа в том виде, как они предлагают. В этом смысле особенно сильное давление оказывалось на военные элементы.

На повторный запрос Великий князь 8 апреля только подтвердил сказанное им ранее: он не намерен влиять на свободу решений Съезда и не высказывается по вопросу о создании органа вообще, но указывает, какой вид органа — в случае его создания — он считает целесообразным. Это решение Великого князя, сообщённое в частном совещании и розданное членам Съезда, уже появилось в печати.

ПЕРЕД ГОЛОСОВАНИЕМ

После вечернего заседания 9 апреля, обнаружившего глубокие расхождения в данном вопросе, всё утро 10-го шли разговоры между фракциями. Казаки и «группа Бредова» указывали, что они вовсе не стоят за проект И.П. Алексинского, но за создание органа вообще. Но так как создание органа, не подчинённого Великому князю, расходилось с известным мнением последнего, а создание органа подчинённого противоречило воззрениям значительной части центральных групп, единого контрпроекта выдвинуто не было. При этих условиях казаки и «группа Бредова» решили голосовать за переход к постатейному чтению проекта И.П. Алексинского, намереваясь видоизменить его в дальнейшем.

ГОЛОСОВАНИЕ

Несмотря на то что Союз Объединённых Монархистов отстаивал вместе с центральными группами тайное голосование, было принято — 243 голосами против 205 — поимённое.

При последующем голосовании Национальный Комитет, Торгово-Промышленный Союз, Народно-монархический союз, земледельцы, большинство группы центра и часть Союза Объединённых Монархистов голосовали «нет», правые, казаки, «группа Бредова» и другая часть Союза Объединённых Монархистов голосовали «да». Воздержались преимущественно члены группы центра.

По странам большинство «нет» дала только Чехословакия, во Франции, Польше, Финляндии голоса поделились примерно пополам, в Югославии «нет» голосовали представители списка № 2, «да» — представители остальных списков. В Болгарии, Германии огромное большинство голосовало «да». Получилось: из 457 поданных голосов 297 — «да», 146 — «нет» и 14 — «воздерживаюсь» (один воздержавшийся имел два голоса, и о том, как толковать этот «казус», между счётчиками возникло разномыслие).

Ввиду исхода голосования, среди членов Съезда и в Президиуме возникли споры о толковании Наказа, в котором говорилось, что требуется большинство двух третей голосов присутствующих в дан-

ном заседании. Справа доказывали, что воздержавшихся следует считать неприсутствующими, что их голоса следует отбросить и что тогда большинство двух третей окажется достигнутым. Предлагали и другое толкование: признать, что присутствуют только лица, физически присутствующие, что надо отбросить все мандаты, все двойные голоса. Впрочем, на этом толковании не настаивали, так как подсчёт выяснил, что громадное большинство двойных мандатов голосовало «да», и если их отбросить, то двух третей не наберётся никак.

Возникшие в Президиуме разномыслия сделались настолько острыми, что Председатель объявил перерыв заседания до 10 часов вечера, и распространились слухи о назревающем председательском кризисе.

В ПЕРЕРЫВЕ

Залы «Мажестика» ненадолго пустеют; затем, ещё до десяти, во всех кулуарах возобновляются совещания групп. Среди центральных групп решается вопрос о том, что делать, если правые, пользуясь арифметическим большинством, неправильно истолкуют Наказ в свою пользу. Раздаются голоса в пользу ухода. Сообщается от имени Председателя Съезда, что он намерен сложить с себя, в случае «нажима на Наказ», звание Председателя, но настаивает на том, чтобы никто по этому поводу со Съезда не уходил. Это заявление встречается дружными аплодисментами центральных групп. Выносится решение: как бы ни решили вопрос об органе, со Съезда не уходить, но в создании органа не участвовать. В эту минуту распространяется слух о какой-то коренной перемене в положении, но уже звонят, заседание открывается, все направляются в большую залу.

ПЕРЕЛОМ

За это время в «Мажестик» прибыл кн. Н.Л. Оболенский, передавший настаивавшим на органе представителям фракции правых, что Великий князь считал возможным совместную работу только с органом, единодушно избранным Съездом; если в этом вопросе есть разномыслие — создавать органа не следует. Руководители фракции правых, получив подтверждение этого сообщения, решили тогда отказаться от проекта И.П. Алексинского и ограничиться избранием финансово-исполнительной комиссии для ликвидации дел Съезда.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Заявление А.Ф. Трепова о том, что правые отказываются от проведения проекта органа, явившееся неожиданным для громадного большинства, производит огромное впечатление. На скамьях правых царит недоумение, среди меньшинства — аплодисменты. А.А. Остафьев пря-

мо выражает неудовольствие по поводу неожиданного оборота дела.

Среди многих делегатов «провинции» слышны мнения о том, что такое решение разочарует их избирателей. На это отвечают, что Съезд выполнил свою задачу: выявил мнение русских людей по важнейшим вопросам, сосредоточил на Вожде надежды масс, создавших Съезд, а избрание «совдепа», как выражались некоторые, явилось бы только источником партийных дрязг и умалило бы значение достигнутого. В кругах Народно-монархического союза указывают, что Великий князь, опираясь на единодушно выраженное мнение Съезда, может в тот момент, который он сам найдёт подходящим, создать тот орган, который ему понадобится для работы.

Среди правых сильно раздражение по поводу того, что, имея большинство, они всё же не смогли провести своего решения. Наоборот, в умеренных кругах полагают, что принятое решение было наилучшим при создавшейся обстановке.

Зарубежный Съезд явился огромным шагом вперёд на пути патриотического объединения зарубежных русских, что, сделав невозможным преждевременное создание состоящего при Великом князе органа, меньшинство Съезда оказало национальному делу и самому Великому князю настоящую большую услугу.

«Возрождение», 13 апреля 1926 г.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Был вечер, был день, и опять был вечер, а Съезд рассуждал об органе.

Ясно было, что вокруг этого вопроса сосредоточились все интересы. А когда окончили говорить двадцать пять человек, произнесли по паре слов ещё четверо ораторов: о способе голосования.

У каждой из высказывающихся сторон в основе их мотивов и выводов лежали соображения морального характера.

Крупенский говорил:

— Поимённого голосования требуют моральные причины. Открытым голосованием делегаты, докажут пославшим их, что голосовали согласно полученным наказам.

А Гурко, ядовитый Гурко, в таком способе голосования видел как раз отсутствие морали и прославляемый Крупенским способ называл близким к «чекистским нравам» и предостерегал Съезд от введения *этих* нравов.

Победили всё-таки сторонники поимённого голосования, и вот началась бесконечная процедура открытой баллотировки.

Картина была внушительная. Как-никак, а в голосовании участвовали все страны мира. И где в другом месте под луной можно было услышать вызовы к избирательным урнам всех мировых держав, да ещё по алфавиту?

А в «Мажестике» у зарубежников такое было...

Ясно, громко и отчётливо возглашали секретари:

— Америка.

— Англия.

— Бельгия.

— Дальний Восток.

— Египет.

— Италия.

Правда, созвучие казалось иногда странным, когда после слова «Египет» произносилась фамилия Нейдгард, а итальянцами оказывались господа Балакин, Мурзич, Мясоедов, Чёрный. Люди, имена которых ни одному итальянцу не выговорить.

Но всё же, тем не менее, процедура была внушительная, и подсчёт сил производил впечатление.

Немцы, испанцы, итальянцы, американцы — словом, «весь мир», подходили к рампе, показывали свои билеты, называли фамилию и говорили одно из двух:

— Да.

Или:

— Нет.

«Да» означало, что делегат голосует за постатейное чтение проекта о Зарубежном Комитете.

«Нет» означало... нет.

Вначале густо, очень густо шло «да».

В тишине зала только и слышалось:

— Да.

— Да.

А то и два «да» сразу, потому что у некоторых было по два голоса.

Произносилось это «да» поразному, в зависимости от природных и профессиональных свойств голосовавшего.

Исконные штатские произносили это «да» робко и неуверенно. И их «да» напоминало первое «да» юной девицы. Для полноты иллюзии некоторые из них даже краснели.

У военных «да» звучало поиному. Отчётливо. Отрывисто. Молодцевато. А у генералов и совсем по-походному.

— Генерал Бредов. Да! Да! — ловко отчеканил, например, известный добровольческий военачальник, быстрыми шагами подойдя к урнам.

«Нет» сначала звучало редко. Его неуверенные ростки быстро заглушались победными «да», и только к концу алфавита «нет» снова показалось наружу и начало расти да расти, силясь затмить своим могучим ростом соперничающее «да».

Потом начался длинный подсчёт, а пока выяснялся вопрос о двух третях и об одной трети — делегаты разбились по кулуарам, секциям и проч. А кому надоело говорить, тот избрал благую часть и устремился в импровизированный буфет, где был чай и пирожки.

В числе других сюда же направился и Марков.

— Ну как пирожки? — осведомился он у кого-то из выходивших уже из буфета.

— Беспартийные! — последовал ответ.

Пирожки объединяли. <...>

Восьмой день*

Воскресенье, 11 апреля

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель в 12 часов 15 минут дня открывает заседание и сообщает, что Бюро Съезда, обсудив принятую во вчерашнем заседании основную мысль А.Ф. Трепова, предлагает формулу, которая будет предложена на предварительное обсуждение отдельных групп в целях сокращения того времени, которое могло бы потребоваться для рассмотрения её в общем собрании. Формула эта гласит:

«Исполнительные действия по принятым Съездом решениям и постановлениям, упорядочение финансовых расчётов и завершение дел Зарубежный Съезд поручает особой исполнительно-финансовой комиссии в составе: председателя, пяти членов и секретаря, избираемых Съездом».

Затем Председатель предоставляет слово председателю главного правления Союзов русских инвалидов за границей ген. от кав. Н.Н. Баратову.

Н.Н. Баратов предупреждает собрание, что в своей речи он будет односторонен. Другим он быть не может, ибо у него одна нога. Затем он заявляет, что он будет говорить от имени тех 5000 русских военных инвалидов, которые стоят за его спиной и которые кровью своей жертвовали за честь Родины как во время Великой войны, так и во время активного антибольшевистского движения. Затем оратор останавливается на тяжёлых днях, пережитых русской эмиграцией и русскими инвалидами во время тяжёлых дней эвакуации, отмечает то малоучастливое отношение, которое встречено инвалидами со стороны Лиги Наций и со стороны различных установлений, к которым обращался Российский Красный Крест, желавший прийти на помощь инвалидам. Такое отношение побудило инвалидов теснее сплотиться и искать спасения в путях самопомощи. Он указывает, что из общей массы инвалидов около 4500 находятся в Балканских странах и остальные, около 500, рассеяны по другим странам. Оратор указывает, что в настоящее время в Париже организован Главный комитет по сбору средств для помощи русским инвалидам. Ближайшей задачей он ставит организацию повсеместно Дня русского инвалида 22—9 мая**. Надо, чтобы все лица, из разных

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

** По новому и старому стилю.

стран прибывшие на Зарубежный Съезд, взяли на себя председательствование или приняли другое близкое участие по организации в странах их проживания этого дня. Если будут собраны достаточные средства, они помогут организовать столь необходимую для большинства инвалидов трудовую помощь. Затем оратор подробно останавливается на том широком великодушии, которое проявили Сербия и Болгария в деле оказания помощи русским инвалидам. Он предлагает собранию от лица Зарубежного Съезда обратиться по этому поводу с приветствиями к Его Величеству королю сербов, хорватов и словенцев Александру I, к маститому другу России Николе Пашичу, Народной Скупщине и сербскому народу, а также к Его Величеству царю болгарскому Борису, Народному Собранию и болгарскому народу. (*Крики: «Браво!» и продолжительные аплодисменты.*)

Председатель предоставляет слово А.Н. Крупенскому для внеочередного заявления.

А.Н. Крупенский напоминает, что во вчерашнем заседании был принят ряд приветствий к достойным русским людям. Он предлагает от имени Зарубежного Съезда обратиться с всепреданнейшим приветствием к Государыне Императрице Марии Фёдоровне и оглашает текст такого приветствия. (*Собрание встаёт. Возгласы: «Браво!»*)

SA MAJESTE IMPERATRICE DOUAIRIERE DE RUSSIE MARIE FEODOROVNA

Copenhague

Lè congres des patriotes russes bannis de leur Patrie asservie par l'Internationale communiste, compose de 400 délégues de tous les centres de l'émigration russe, réunis à Paris dans le but de consacrer toutes leurs énergies pour la libération de la Russie et de soutenir les nobles efforts du Chef National Russe Suprême, le Grand Duc Nicolas, tient à manifester a Votre Majesté son fidèle dévouement et Vous prie, Madame, de daigner accepter l'hommage de sa profonde et inébranlable vénération. L'amour fillal pour la personne sacrée de Votre Majesté ne cessera jamais de nous animer*.

* Её Императорскому Величеству Вдовствующей Императрице всея Руси Марии Фёдоровне. *Копенгаген*. Съезд русских патриотов, изгнанных из своего Отечества, порабощённого Коммунистическим Интернационалом, и состоящих из 400 делегатов от всех центров русской эмиграции, собравшихся в Париже для того, чтобы всю энергию поставить на службу освобождения России и поддержки благородных усилий Высшего Вождя страны Великого князя Николая Всероссийского, считает своим долгом выразить Вашему Величеству свою верноподданническую преданность и просит Вас, Государыня, удостоить принять выражение его глубокого и непоколебимого почтения. Нас никогда не перестанет воодушевлять сыновья любовь к священной особе Вашего Величества (*франц*.).

Председатель объявляет перерыв до 3 часов дня.

ДНЕВНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Заседание возобновляется в 3 часа 50 минут.

Председатель оглашает вновь формулу, приведённую выше и принятую в отдельных группах. Слово предоставляется Ю.Ф. Семёнову.

Ю.Ф. Семёнов указывает, что собрание только что выслушало предложение, которое формулирует то, что вчера было предложено А.Ф. Треповым. Было отмечено, что Съезд сделал своё дело. В деле объединения, благодаря Съезду, достигнуто многое и в том направлении, как эта работа намечалась. Объединение сказалось в единогласном приветствии Великому князю. Съезд является завершением одного из этапов объединения. После целого ряда попыток и исканий в Зарубежной России составилось убеждение, что существует один знаменосец для русского трёхцветного знамени. Его нашли. И здесь сказали: вот наш знаменосец — Великий князь. (*Аплодисменты.*) Но после этого, когда стали искать внешнюю формулу для этого объединения, в технике осуществления формулы произошли разномыслия. Была проделана работа над выяснением, какая форма возможна. Теперь в местах русского рассеяния предстоит обдумать и обсудить возможные конкретные формы сплочения Зарубежной России. И когда придётся опять снова собраться, может быть не нам, а другим лицам, они уже смогут разрешить этот вопрос, и не в последние дни Съезда, а должны будут начать с него. Таким образом, весь этот вопрос передаётся на плебисцит Зарубежной России.

«Говорят, будто мы не достигли объединения. Вчера указывалось, что протянутые руки остались висеть в воздухе. Я хочу отметить лишь одно. Действительно, руки были протянуты с разных сторон, но в одном направлении — клятвенно к тому трёхцветному знамени, знаменосец коего был всеми признан». (*Продолжительные аплодисменты.*)

Оратор предлагает собранию принять внесённое постановление, не внося никаких поправок, единогласно. Формула, внесённая от имени Бюро, единогласно принимается.

Председатель предлагает генеральному секретарю огласить текст Обращения к русскому народу.

Генеральный секретарь читает его текст.

К РУССКОМУ НАРОДУ

(ОБРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА)

Российский Зарубежный Съезд шлёт страждущему родному народу русскому от сердца горячий братский привет.

Девять лет длятся тяжкие муки России. Поруганы святые алтари. Разбита семья. Развращается подрастающее поколение. Уничтожены правда и законность. Расхищено веками накоплявшееся государственное достояние. Засевшие в Кремле кровавые слуги III Интернационала, разрушив Государство Российское, стараются извести и русский народ. Помириться с этим он не может. Не можем и мы, зарубежные изгнанники русские. С вами вместе скорбим мы душою за измученную Родину нашу. С вами вместе горим мы жаждою положить все свои силы на её спасение и возрождение, на действенную и беспощадную борьбу с её насильниками.

Ваше сопротивление и наша посильная работа здесь, общая горячая любовь к Отчизне и Вера в милосердие Всевышнего приведут нас к желанной цели. Настанет час, когда мы все под водительством вами и нами признанного Народного Вождя Великого князя Николая Николаевича свергнем соединёнными с вами усилиями сатанинскую коммунистическую власть.

Враги запугивают вас, что низвержение этой власти принесёт вам возвращение отжившего старого. Не верьте этому. Мы хотим только того, чего хотите и к чему стремитесь и вы. Мы хотим, как и вы, чтобы все прежние обиды и распри были забыты. Мы хотим, чтобы каждому труженику сыто жилось, чтобы каждый мог невозбранно молиться, чтобы была здорова семья, чтобы земля не отбиралась, а принадлежала на правах собственности тому, кто в поте лица своего обрабатывает её. Мы хотим, чтобы справедливый закон и неподкупный суд охраняли покой и достояние мирного труженика.

Когда же будут сброшены оковы насилия, там, в сердце России, волей всего народа русского будет установлен строй возродившегося Великодержавного Российского государства. Да будет наша вера простой и ясной. «Коммунизм умрёт, а Россия не умрёт». Этой верой мы победим.

Председатель сообщает, что Обращение считается принятым единогласно. Равным образом считается принятым предложение

Президиуму составить Обращение от Съезда к народам всего мира. (*Голоса: «Просим, просим».*)

ОБРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА КО ВСЕМУ МИРУ*

Российский Зарубежный Съезд, созванный во имя свободного национально-политического объединения всех пребывающих за границей русских людей и собравший русских патриотов со всех концов и из всех центров русского рассеяния, обращается к народам всего мира с настоятельным предостережением и горячим призывом.

Над Россией властвует ныне международная коммунистическая организация — III Интернационал. Она говорит и действует именем России, притязает на её наследие и на её права для того, чтобы тратить силы и средства, накопленные веками русской государственности, на дело мировой революции, то есть на разрушение политического и социального уклада во всех странах, у всех народов мира. Организация III Интернационала, властвующая над Россией, не только не должна быть отождествляема с Россией и рассматриваема как русское правительство, но она есть, наоборот, злейший враг нашей Родины. Всякие соглашения, а тем более союзы с этой силой есть величайшая ошибка. Русский народ, ныне порабощённый коммунистическим насилием, собравшись с силами, стряхнёт с себя ненавистное иго, и тогда все, кто строил свои расчёты на заявлениях советской власти, окажутся строившими своё здание на песке. Сколько бы других народов ни признало коммунистическую партию, властвующую над Россией, её законным правительством, русский народ её таковым не признает и не прекратит своей борьбы против неё.

Но и теперь, пока эта ненавистная русскому народу власть коммунистов ещё держится, напрасны все расчёты тех, кто с нею входит в соглашения. Коммунисты берут левой рукой обратно то, что дают правой, и никакие прочные экономические отношения с принципиальными врагами собственности немыслимы.

Российский Зарубежный Съезд полагает, что одна из основных причин всей мировой экономической разрухи заключается в том, что Россия, седьмая часть площади всего земного шара, управляется на

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, к. 2, ед. хр. 61, л. 4–6.

основании противных здравому смыслу и зловредных принципов коммунизма. Такое положение вещей есть главное препятствие для настоящего экономического, социального и политического оздоровления потрясённого войной мира.

Российский Зарубежный Съезд должен возвысить свой голос и против непрекращающегося угнетения духовной свободы советской властью, и в особенности заклеймить те преследования, которым до сих пор подвергаются религия и церковь.

Пусть народы всего мира наконец поймут, что господствующая над Россией власть III Интернационала есть воинствующая носительница политического, социального и морального разрушения. Её разрушительная работа не останавливается ни перед религией, ни перед семьёй, внося разложение в самые глубинные основы народной и индивидуальной жизни. Именно поэтому властвующий над Россией коммунизм пагубен не только для одной нашей Родины.

Проникая в различные страны под маской торговых и политических представительств, выговаривая для них дипломатическую неприкосновенность, большевики создают себе опорные пункты для своей разрушительной работы и плетут густую сеть шпионажа и пропаганды, угрожающую внутреннему миру и внешней безопасности всех цивилизованных государств, расточая на это остатки награбленных ими русских государственных и частных средств и злоупотребляя для этой цели получаемым кредитом.

Это слово предостережения Зарубежный Съезд русских патриотов считает своим долгом обратить ко всем народам мира.

Съезд собрался в дни, когда в России крепнет борьба воскресающего к жизни русского народа с растлевающей диктатурой коммунистической партии. Быть может, судьбой уже намечены недалёкие сроки, когда падёт ярмо III Интернационала. Перед этими зреющими возможностями Съезд считает своим долгом выявить подлинное лицо Зарубежной России, твёрдо веруя в её глубинную связь с Россией Внутренней, в подлинное единство всех русских патриотов.

Зарубежный Съезд произнёс то имя, которое объединяет русских патриотов в борьбе, — имя Великого князя Николая Николаевича. Великий князь не является претендентом на престол, он — Национальный Вождь в борьбе с поработителями Родины.

Мы, русские изгнанники, видящие цель своей жизни в освобождении Родины от ига её врагов, числим в своих рядах представителей различных политических мировоззрений и не считаем ни возможным, ни желательным предрешение за границей основных вопросов буду-

щего государственного строя России. Мы в этом разделяем всецело ту точку зрения, которая была высказана и Великим князем.

Так как враги наши неустанно распространяют о нас басню, будто русские зарубежники ведут борьбу с большевиками ради возвращения отнятых у многих из нас земель и имуществ, Зарубежный Съезд, чтобы положить предел кривотолкам, заявил, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции, невозможно.

Российский Зарубежный Съезд торжественно заявил также, что возрождённая Россия будет стремиться к установлению дружеских отношений со всеми своими соседями, признав тем самым независимость и самостоятельное существование всех возникших на территории бывшей империи Российской новых государственных образований и входя с ними в соглашения, обеспечивающие взаимные политические и экономические интересы. Равным образом Зарубежный Съезд выразил уверенность, что будущее законное правительство России обеспечит всем народностям, населяющим её территорию, свободное правовое развитие их бытовых, культурных и религиозных особенностей.

Зарубежный Съезд не сомневался также в том, что законные обязательства русских законных правительств будут признаваемы и соблюдаемы новой русской национальной властью.

Русские люди, собравшиеся на Российский Зарубежный Съезд и имеющие возможность громко возвысить свой голос в защиту России, тогда как русский народ под вражьим игом вынужден хранить молчание, обращаются с горячим призывом к другим народам — помочь России в постигшей её беде и оказать поддержку её борьбе с кровавым игом III Интернационала.

Такая помощь явится в то же время обеспечением против грозной опасности мирового коммунизма — опасности, которую начинают осознавать наиболее прозорливые государственные деятели. Формы этой помощи могут быть многообразны, как многообразна самая борьба России с её врагом — Интернационалом. За всякую форму помощи скажет глубокое и сердечное спасибо освободившийся от ига III Интернационала великий русский народ.

И не будет мира в мире, пока не займёт в нём своего, по праву ей принадлежащего места воскресшая и возрождённая Национальная Россия.

От имени Съезда
его Президиум

Председатель предлагает произвести выборы состава исполнительно-финансовой комиссии. Председатель предлагает произвести выборы единодушно, подтвердив кандидатов, предлагаемых большим числом членов Съезда. Он называет таковых: председатель — И.П. Алексинский, секретарь — С.Н. Городецкий, члены — А.Ф. Трепов, кн. И.С. Васильчиков, А.Н. Крупенский, П.Н. Краснов и А.Н. Моллер.

Ввиду отсутствия возражений Председатель предлагает подтвердить избрание рукоплесканиями. (*Аплодисменты.*) Названные лица считаются избранными.

Председатель предоставляет слово членам Съезда, записавшимся для внеочередных заявлений.

ВНЕОЧЕРЕДНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ

Первым выступает от группы национальной молодёжи **Б.Н. Неандер,** выражающий недовольство части членов Съезда тем, что Съезд не оставляет после себя никакого органа. «Что остаётся от Съезда, — спрашивает оратор, — кроме программных деклараций и ворохов бумаги?» (*Голоса: «Очень много».*) Он кончает свою речь словами: «А король-то ещё голый!» — и возвращается на место под шумные аплодисменты части собрания.

После него говорит **Н.К. Кульман.** «Я обращаюсь, — начинает он, — к вам с прощальным словом не как член Съезда к членам Съезда, а как русский человек к таким же русским людям. От меня вы не услышите погребальных тонов, которые были услышаны здесь сейчас и которые, к моему удивлению, были некоторыми встречены сочувственно.

Когда Съезд собирался, часто со стороны врагов раздавалось злобное шипение. Но надежда наших врагов оказалась, по слову старого поэта, лукавым предателем. Съезд был нашей победой. Может быть, мы сейчас не вполне это учитываем. Когда мы разойдёмся, мы увидим, что положено начало настоящему, действительному, действенному объединению Зарубежной России. (*Аплодисменты.*) Мне хотелось бы сказать врагам: вы радовались преждевременно! И если между нами были столкновения, то только потому, что все мы любим нашу Родину и эта любовь порождала нашу страстность. Кроме того, для каждого из нас произошла известная переоценка ценностей. Это — огромное завоевание. (*Аплодисменты.*)

Во всяком человеческом обществе, — продолжает оратор, — есть различные элементы. Есть люди, для которых настоящего не

существует и которые не желают смотреть в будущее и работать для будущего. Есть люди, не знающие прошлого и не желающие будущего, живущие только настоящим. Наконец, есть люди, для которых есть только будущее, — мечтатели. Все эти типы представляются мне нежелательными. Желательный и ценный тип представляют те, кто помнит и ценит прошлое, понимает и учитывает настоящее и работает для будущего. Таким человеком является *Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич,* мудрейший человек, давший нам урок, как строить и настраивать нашу душу. Пусть каждый унесёт с собой этот образ человека, живущего настоящим, в настоящем помнящего прошлое и работающего для светлого будущего». (*Шумные аплодисменты.*)

После А.Е. Котомкина и М.А. Семёнова **Ф.Ф. Балабанов,** выступающий от молодёжи в Югославии, заявляет, что на крестном пути русской молодёжи стоят три маяка: Вера, Вождь, имя которого у всех на устах, и Русская армия с её Главнокомандующим ген. Врангелем.

После этого оратор допускает непозволительные по адресу штатских участников Ледяного похода слова, которые вызывают сдержанный, но решительный протест собрания.

Н.Е. Марков посвящает свою речь главным образом повторному разъяснению своих слов о «правой стенке». Он признаётся, что в состоянии возбуждения сказал не то, что хотел сказать, и заявляет, что отношение его к «стенке» самое отрицательное, где бы она ни стояла — направо или налево. «Довольно крови!» — восклицает Марков под аплодисменты собрания.

И.П. Алексинский начинает свою речь с благодарности за избрание его председателем исполнительно-финансовой комиссии Съезда. Потом долго рассказывает историю зарождения Зарубежного Съезда, повторяя то, что он уже говорил в своём докладе.

В заключение И.П. Алексинский анализирует происходившее накануне поимённое голосование и позволяет себе выпады против членов Организационного комитета, участвующих на Съезде, которых оратор противопоставляет избранным членам, и против представителей отдельных стран. По зале проносится негодующий гул. На отдельных скамьях раздаются жидкие аплодисменты.

Ю.Ф. Семёнов начинает с того, что он хотел отказаться от слова. Но ему приходится сказать несколько слов по поводу сделанной здесь попытки установить какие-то категории членов Съезда. «Никто из нас, — заявляет оратор, — не производил никакого анализа голосо-

вания. Мы все собрались сюда как свободные люди, мы все свободно голосовали. Я думаю, что если тут могли явиться сомнения о каких-то посторонних, ненужных соображениях, руководивших членами Съезда при голосовании, то вы все с этим не согласны». (*Аплодисменты.*)

А.Ф. Трепов говорит, что он преклоняется перед русской душой, но и боится её. Русские склонны к порывам, но склонны и падать духом. «Мы поедем на места победителями, — продолжает оратор. — Мы одержали победу. Мы отвергли соглашательство, ища путей соглашения, и мы достигли главного — согласия. Мы — русские люди и ставим Россию выше всего. Мы все верны Вождю».

ПРИВЕТ ФРАНЦИИ

А.Ф. Трепов заканчивает свою речь предложением выразить от имени Зарубежного Съезда искреннюю благодарность за гостеприимство правительству свободной Франции, давшему Съезду возможность свободно собраться и работать. (*Шумные аплодисменты. Все встают, слышатся крики: «Вив ля Франс!»*)

Предложение А.Ф. Трепова единогласно принимается.

Под конец **П.Б. Струве** произносит следующее заключительное слово.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Позвольте сказать несколько заключительных слов, в которых я не буду говорить о наших разногласиях. Во-первых, это было уже сказано, во-вторых, это было бы неуместно в моём положении.

Российский Зарубежный Съезд закончен. Трудный этап пройден. Пройдя его, мы должны проникнуться не чувством самодовольства, а чувством смирения и ответственности. Смирения перед теми великими задачами, которые мы обязаны разрешить, и смирения перед той высшей волей, велениям которой каждый из нас должен следовать, памятуя, что на каждом из нас лежит ответственность.

С чувством смирения, а не самодовольства должны мы установить, что, несмотря на трения, мы были объединены в какой-то общей и большой работе. Что нас объединяет? Прежде всего — мысль о России. Кто бы ни выступал здесь, для всех — Россия превыше всего. Мы сказали, что все взоры обращены туда, к России,

что мы не эмигранты, а те же сыны Великой России, неразрывно связанные с матерью-Родиной, которой мы живём и к которой мы тянемся.

Объединяет нас и тот, которого мы здесь так часто называли. Объединяет нас Вождь. Уже один член Съезда сказал, что объединения не было бы, если бы нас не объединил Вождь. Не мы провозгласили и не мы провозглашаем Вождя. Мы прислушались к более сильному голосу, мы признали, что национальная Россия *нашла* Вождя, и во всеуслышание объявили этот факт. Это гораздо существеннее нашего провозглашения.

На этом мы разойдёмся, как члены Съезда, чтобы в дальнейшей работе сойтись на деле борьбы за возрождение России.

Да здравствует Великая Национальная Россия!

Да здравствует Национальный Вождь!

Да здравствует наше согласие!

(*Все встают, раздаются крики «ура!»*)

Председатель: Объявляю Российский Зарубежный Съезд закрытым и приглашаю вас в молитвенной тишине прослушать благодарственное молебствие.

Перед молебном по предложению **С.А. Соколова-Кречетова** Съезд выражает благодарность своему Председателю за понесённые им труды и обнаруженное им беспристрастие.

МОЛЕБСТВИЕ
И СЛОВО МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ

После молебна Высокопреосвященный Владыка обратился к присутствующим с кратким словом, в котором отметил, что Зарубежный Съезд начал свои работы молитвой и молитвой их заканчивает. Он сообщил, что вчера вечером он получил в дар Св. Евангелие, напечатанное в Московской синодальной типографии. Евангелие это во время Великой войны в Сербии нашёл один чех, Густав Тоборский. Он его сохранил и подарил недавно здесь полк. Пухлякову, и вот вчера вечером последний принёс Евангелие Владыке, с тем чтобы оно сегодня было употреблено при богослужении и им были благословлены члены Зарубежного Съезда, прибывшие сюда, чтобы найти пути для спасения Родины.

ОТКЛИКИ НА РАБОТУ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

«Русское время», 13 апреля 1926 г.

ЛИКВИДАЦИОННАЯ КОМИССИЯ. ПОСЛЕДНИЕ ВЫБОРЫ. ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ. ПРОТЕСТ МОЛОДЁЖИ

ЛИКВИДАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Последний день Зарубежного Съезда прошёл в зале «Виктор Гюго» на ул. Сан-Дидье. Здесь нет той торжественной обстановки, как в отеле «Мажестик». Вместо эстрады — три простых стола для Президиума перед огромным стенным зеркалом, сбоку которого укреплён русский флаг. Тут же и примостились два столика для печати. Делегаты разместились по-старому, но заметно сильное поредение торгово-промышленной группы и в центре.

В общем, эмигрантский «парламент» в новой обстановке напоминает «беженское совещание» накануне «эвакуации» куда-то в неизвестность...

Вместо открытия заседания Съезда в 10 часов утра, как было назначено по повестке, начинается заседание Бюро, которое затягивается до полудня.

Делегаты возмущаются и протестуют...

Наконец заседание открывается, и после внеочередного заявления ген. Н. Баратова об организации Союза инвалидов, томительно длящегося более 40 минут, А. Крупенский оглашает текст приветственной телеграммы от имени Съезда Императрице Марии Фёдоровне. Это приветствие встречается Съездом бурной овацией, причём все делегаты встают с мест, и крики русского «ура!» оглашают, вероятно, впервые, залу «Виктор Гюго».

Затем Председатель объявляет «ликвидационную формулу».

«Исполнительные действия по принятым Съездом решениям и постановлениям, упорядочение финансовых вопросов, расчётов и завершение дел Зарубежный Съезд поручает особой исполнительно-финансовой комиссии в составе: председателя, пяти членов и секретаря, избираемых Съездом».

И предлагает обсудить её в отдельных фракциях.

Объявляется перерыв. Публика ропщет.

В кулуарах образуется летучий митинг Н. Маркова с молодёжью, на котором делегат Ив. Зверев (Финляндия) просит

Маркова, от имени национальной молодёжи, разъяснить публично своё отношение к «правой стенке», «иначе мы не пойдём за вами»...

Марков заявляет, что он сам ищет, за кем пойти, но предложение молодёжи принимает.

После перерыва заседание Съезда возобновляется в 3 часа дня.

Открываются прения о «ликвидационной формуле».

Ю. Семёнов, в качестве «романтика» Зарубежного Съезда, жестоко им забаллотированного при выборах Президиума, долго говорит о несбыточных надеждах въехать на «белом коне», с национальным стягом в Москву... И предлагает подвергнуть «плебисциту» вопрос о форме объединения на местах. Затем вспоминает протянутую руку правым, повисшую в воздухе, и т.п. (*Голос с места: «Напрасно протягивали».*) Сконфуженный оратор кончает речь.

П. Струве предлагает принять текст Обращения к русскому народу, выработанный делегатами Д. Гриммом, кн. И. Васильчиковым, В. Шмидтом и С. Трегубовым.

Генеральный секретарь оглашает это Обращение, основное содержание которого сводится к следующему:

«Российский Зарубежный Съезд шлёт страдающему родному народу русскому от сердца горячий братский привет.

Настанет час, когда мы все, под водительством вами и нами признанного народного Вождя Великого князя Николая Николаевича, свергнем соединёнными с вами усилиями сатанинскую коммунистическую власть.

Враги запугивают вас, что низвержение этой власти принесёт возвращение отжившего старого. Не верьте этому. Мы хотим только того, чего хотите и вы. Мы хотим, чтобы все прежние обиды и распри были забыты.

Когда же будут сброшены оковы насилия, там, в сердце России, волею всего народа русского будет установлен строй возродившегося Великодержавного Российского государства».

Обращение принимается Съездом единогласно, без прений.

ПОСЛЕДНИЕ ВЫБОРЫ

Затем Председатель предлагает избрать состав исполнительно-финансовой комиссии для ликвидации дел Съезда; после краткого перерыва комиссия избирается открытым голосованием в следующем составе: председатель — И. Алексинский, секретарь — С. Городецкий и члены — А. Трепов, кн. Васильчиков, А. Крупенский, П. Краснов и А. Моллер.

В комиссию вошли исключительно правые, а кн. Васильчиков включён центром в качестве «наблюдателя».

ПРОТЕСТ МОЛОДЁЖИ

Слово предоставляется студенту Неандеру.

Б. Неандер сразу атакует Съезд: «Долго ли мы будем высказывать на публичных заседаниях одно, а расходясь — другое? Неискренность таких речей только прикрывает язвы нашего общественного организма. Так и теперь, что скажем мы на местах о Съезде и что он дал? (*Голос из публики: «Ничего».*) Доклад о земле, резолюции, программы — но кому это нужно? Жизнь идёт вперёд, а ваша идеология за ней не поспевает. Ну, а где же борьба с большевиками? Вы её забыли. Вы пошли по линии наименьшего сопротивления. Это заставляет нас идти против "отцов" и против тех, кто верит в русскую "проказу", в нашу "старую интеллигенцию"... Съезд ничего не дал на местах, и нам, к сожалению, приходится сказать "идеологам" и "романтикам" Съезда: путь борьбы за Родину лежит через самодеятельность, а ваш король пока ещё голый!»

Речь имеет успех, и особенно у правой половины.

Н. Кульман старается ободрить приунывших «отечественников» и говорит, что «Съезд показал «внутренним» врагам и тем, кто засыпает «ров», что мы способны к действенному объединению и в этом победили. (*Голос: «Пиррова победа».*) Враги радовались напрасно...» (*Возгласы: «Слова, слова и слова...»*)

Далее М. Семёнов говорит в тон Б. Неандеру, что русская общественность не способна к подлаживанию, а молодёжь верит, что спасти Россию способны те, кто способен на жертвы...

Пресловутый крестьянин Котомкин тоже встревожен, что на местах нам не поверят, что Съезд разошёлся, ничего не сделав, и предлагает «опубликовать в газетах фамилии тех, кто голосовал за учреждение Зарубежного Комитета...» (*Правые усиленно аплодируют.*)

Следующий оратор молодёжи — Балабанов (фашист) говорит о трёх маяках: «Вера православная, Великий князь Николай Николаевич и Русская армия во главе с ген. Врангелем — вот наши маяки! Мы ждали от съезда, что он даст людей опыта, знания и силы, которые соединятся с молодёжью и создадут новую мощную организацию... А что вы дали реального тем, кто, собрав последние гроши, послали на Съезд своих делегатов? Ровно ничего. Поэтому помните, что в Ледяном походе мы прикрывали вас, политиканов, общественных

деятелей и проч., рискуя своей жизнью, а теперь... Теперь отказываемся! А если нечто подобное повторится опять, то мы дадим вам место в обозе второй очереди, но не из патриотизма, а только из милосердия. Сами же пойдём с девизом: "Бог, Вождь, но не вы!.."» (*Овация.*)

После этой горячей речи Балабанов оглашает протест национальной молодёжи, в котором говорится:

«Мы не можем не протестовать против той малочисленной группы, которая высказалась вопреки общему желанию создания Зарубежного Комитета.

Мы протестуем против того, чтобы воля громадного численного большинства была подчинена этой малочисленной группе — группе, являющейся представителями едва нескольких десятков эмигрантов.

Мы настаиваем на необходимости согласовать действия Зарубежного Съезда с волею нашего Верховного Вождя, а не решать важнейшие вопросы голосами воздержавшихся».

После фашистов выступает Н. Марков с подробными разъяснениями вопроса о «правой стенке» и говорит:

«Я не правый чекист, я отношусь и к левой и к правой стенке отрицательно, но настроение "правой стенки" нарастает в России и идёт на смену левой».

Проф. И. Алексинский в своей речи сосчитался с Организационным комитетом Съезда, который, по анализу поимённого голосования, высказался за дезорганизацию русского дела, то есть самого Съезда и его органа. (*Голоса: «Это донос! Сыск!» Правая усиленно аплодирует.*)

Заканчивает И. Алексинский так: «Живые силы Русской армии за рубежом сами найдут путь в пределы нашей Родины для объединения "там" и борьбы за освобождение...»

Речи заканчивает А. Трепов благодарностью французскому правительству за то, что оно дало возможность Зарубежному Съезду «свободно собраться в Париже и свободно высказаться». (*Овация. Возгласы: «Да здравствует Франция!..», «Ура!..».*)

Наконец, слово берёт П. Струве, который, призывая к смирению и ответственности, провозглашает здравицу «Национальной России, Национальному Вождю, нашему согласию и действию...». Начинается Благодарственное молебствие, которое служит митрополит Евлогий, и Председатель возглашает:

«Объявляю Зарубежный Съезд закрытым!»

«Возрождение», 13 апреля 1926 г.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

<...> Последний день Съезд провёл в залах «Виктор Гюго».

За семь дней Съезд успел сжиться с удобным и просторным помещением «Мажестика».

Делегаты привыкли к зале, к своим местам. Было уже известно, кто где сидит. И если кто-либо по ошибке залезал во второй ряд, то тотчас же с извинениями вскакивал, ибо вспоминал, что во втором ряду сидит с самого краю Трепов, рядом с ним кн. Палей, дальше гр. Гендриков, кн. Святополк-Мирская, а перед ними Марков, митрополит Антоний, Е. Ковалевский, а у самых дверей, сбоку, в числе гостей — И.А. Бунин.

В новой зале надо было устраиваться по-новому. Общий порядок размещения, впрочем, был сохранён старый, только прессу с правого крыла задвинули в левый.

Заключительное заседание Съезда сопровождалось несколькими бурными вспышками. Два оратора воспламенили в правой части Съезда огни недовольства, засыпанные уже было пеплом политического и государственного благоразумия.

Понравилось выступление их только части правых и их могучему лидеру Маркову. В угоду молодёжи он даже пожалел о том, что на Съезде не практиковался обычай дикого племени ботокудов — уничтожения лиц, достигших 60-летнего возраста. С большим вкусом Марков живописал подробности этого процесса: 60-летнего старца почтительно подвешивают на дереве. Не достигшие предельного возраста ботокуды почтительно разводят под висящим костёр, не менее почтительно бросают туда 60-летнего и столь же почтительно съедают его зажаренные останки.

Самому Маркову, по его же собственному признанию, тоже пошла уже шестидесятая весна, и стало быть, и он имел бы шанс быть изжаренным и съеденным.

Но не напрасно говорил Марков о своей молодой душе! Она, разумеется, выручила бы, и молодёжь не съела бы Маркова 2-го, отодвинув, в виде исключения, предельный срок для этого деятеля на два-три десятка лет...

Потом было заключительное слово П.Б. Струве.

По предложению С.А. Кречетова Председателю была выражена благодарность.

Молебен служит митрополит Евлогий. Вместо хора поют члены Съезда. Поют, как заправские певчие под умелым управлением церковного регента Н.П. Афонского.

Съезд закрыт.

Ли

ИТОГИ СЪЕЗДА

ГЛАВНЕЙШИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

17 апреля 1926 г.
Париж

I. ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ

1. Земельный вопрос должен быть разрешён в соответствии с государственными интересами, при подчинении таковым интересам частных и с укреплением при этом — на твёрдых основаниях общего гражданского права — принципа частной собственности.

2. Первой и главнейшей задачей российской государственной власти в этой области является немедленное внесение в сельскую жизнь прочного земского мира. Второй существенной задачей является обеспечение возможности наилучшего использования производительных сил земли.

3. Все земли, находящиеся в действительном хозяйственном использовании как членов земельных обществ, так и отдельных сидящих на земле землевладельцев, принадлежащих к природному населению страны, должны быть закреплены за ними на праве полной собственности, с выдачей им крепостных документов в порядке землеустройства.

4. Установление способа и порядка закрепления земельной собственности может быть проведено лишь на местах, в порядке землеустройства, в соответствии с разнообразными условиями Государства Российского, как, например, в казачьих областях.

5. Чуждая чувству мести, российская государственная власть должна предать забвению все имущественные преступления, совершённые в России в период революции, причём никакое уголовное преследование за совершённые в период революции имущественные захваты и разрушения не должно быть допущено.

Съезд присоединяется к основным мыслям доклада и всецело разделяет высказанное по этому вопросу мнение Великого князя Николая Николаевича о том, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции, невозможно.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 54, л. 8–9.

II. ОБ ОТНОШЕНИИ ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ К РУССКИМ ЛЮДЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В КРАСНОЙ АРМИИ И НА СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ

Для того чтобы стать национальной государственной властью, эта власть должна проникнуться глубочайшим убеждением:

1) что она призвана не для, хотя бы и кажущихся справедливыми, мести и кар, а чтобы стать творцом в деле восстановления разрушенной государственной и экономической жизни России;

2) что эта власть является не ставленницей, а потому не сторонницей той или другой из боровшихся между собой политических, общественных или классовых группировок, а русской, государственной, национальной властью, стоящею выше всяких частных, классовых, сословных и партийных интересов, властью, призванною творить общее для всех русских людей государственное дело, и

3) что эта государственная власть, в силу приведённых выше её свойств и преследуемых ею целей, в деле ли укрепления военной мощи страны или же в устроении её внутренней жизни, когда ей придётся возлагать на русских людей несение тех или иных государственных должностных обязанностей, — в своём выборе должна руководствоваться не воспоминаниями о том, где и в каком стане находилось то или другое лицо во время русской смуты, а исключительно степенью пригодности и способностью назначаемого работать на благо Родины.

III. О СУЩЕСТВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

1. Мировая коммунистическая партия, наиболее организованной и влиятельной частью которой сейчас являются коммунисты, собравшиеся на урезанной территории, принадлежавшей Российской империи, является в отношении России внешней силой, а не русским национальным, хотя бы и самым жестоким, правительством.

2. Советская власть — псевдоним диктатуры коммунистов — упразднила самое имя России и стремится разбить её на разноязычные штаты, лишённые спайки общегосударственного языка. Она преследует цель уничтожения русской национальной государственности, традиция которой глубоко ей ненавистна.

3. Успехи Союза Советских Социалистических Республик — III Интернационала — мировой коммунистической партии — успехи не России, а злейших её врагов.

4. Мировая коммунистическая партия является международной опасностью, международным злом, борьба с которым неминуемо должна вестись в международной плоскости.

IV. ОБ ОТНОШЕНИИ К СОСЕДНИМ НОВЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ И К НАРОДНОСТЯМ, НАСЕЛЯЮЩИМ РУССКУЮ ТЕРРИТОРИЮ

Зарубежный Съезд полагает, что возрождённая Россия должна будет стремиться к установлению дружеских отношений со всеми своими соседями, признав тем самым независимость и самостоятельное существование всех возникших на территории бывшей Империи Российской новых государственных образований, входя с ними в соглашение, обеспечивающее взаимные политические и экономические интересы.

Равным образом Зарубежный Съезд выражает уверенность, что будущее законное правительство России обеспечит всем народностям, населяющим её территорию, свободное правовое развитие их бытовых, культурных и религиозных особенностей.

V. К РУССКОМУ НАРОДУ (ОБРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА)

Российский Зарубежный Съезд шлёт страждущему родному народу русскому от сердца горячий братский привет.

Девять лет длятся тяжкие муки России. Поруганы святые алтари. Разбита семья. Развращается подрастающее поколение. Уничтожены правда и законность. Расхищено веками накоплявшееся государственное достояние. Засевшие в Кремле кровавые слуги III Интернационала, разрушив Государство Российское, стараются извести и русский народ. Помириться с этим он не может. Не можем и мы, зарубежные изгнанники русские. С вами вместе скорбим мы душою за измученную Родину нашу. С вами вместе горим мы жаждою положить все силы свои на её спасение и возрождение, на действенную и беспощадную борьбу с её насильниками.

Ваше сопротивление и наша посильная работа здесь, общая горячая любовь к Отчизне и вера в милосердие Всевышнего приведут нас к желанной цели. Настанет час, когда мы все, под водительством вами и нами признанного Народного Вождя Великого князя Николая

Николаевича, свергнем соединёнными с вами усилиями сатанинскую коммунистическую власть.

Враги запугивают вас, что низвержение этой власти принесёт вам возвращение отжившего старого. Не верьте этому. Мы хотим только того, чего хотите и к чему стремитесь и вы. Мы хотим, как и вы, чтобы все прежние обиды и распри были забыты. Мы хотим, чтобы каждому труженику сыто жилось, чтобы каждый мог невозбранно молиться, чтобы была здорова семья, чтобы земля не отбиралась, а принадлежала на правах собственности тому, кто в поте лица своего обрабатывает её. Мы хотим, чтобы справедливый закон и неподкупный суд охраняли покой и достояние мирного труженика.

Когда же будут сброшены оковы насилия, там, в сердце России, волею всего народа русского будет установлен строй возродившегося Великодержавного Российского государства. Да будет наша вера простою и ясною. Коммунизм умрёт, а Россия не умрёт. Этою верою мы победим.

VI. ОБРАЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Ваше Императорское Высочество.

Зарубежный Съезд, собравший со всех концов русского рассеяния патриотически и национально мыслящих русских людей, приветствует в лице Вашего Императорского Высочества твёрдого носителя российской государственной идеи и славного Верховного Вождя Христолюбивого Российского Воинства — Вождя, призванного с первых дней ниспосланных России испытаний стать во главе святого дела — защиты нашей Родины.

Съезд всецело разделяет великие патриотические надежды, возлагаемые широкими массами, как внутри России, так и за рубежом её, на государственную мудрость и воинскую доблесть Вашего Императорского Высочества. Съезд уверен, что по зову Вашему все русские люди без колебаний отдадут себя великому делу освобождения нашей Родины.

Да укрепит Господь Вас в жертвенных трудах Ваших на спасение и возрождение России.

ОТВЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА

Благодарю Зарубежный Съезд за приветствие и за всё мне в нём выраженное.

Нестерпимы угнетение народа русского, унижение и разорение России, преследование веры и Церкви Православной и всяческие богоборческие гонения.

Немыслимо было бы и постыдно хранить к сим бедствиям равнодушие, и я высоко ценю засвидетельствованную Съездом готовность зарубежных сынов России содействовать моим начинаниям ко спасению Родины.

Но не предрешению её будущих судеб должны быть отданы наши помыслы, а одному и общему стремлению восстановить в России законность и порядок.

Да возымеет бесправный ныне народ наш свободу беспрепятственно установить основы своего бытия и устроения на благо, славу и величие державы Российской.

В сём моя цель и ей отдаю все мои силы. С верою уповаю на помощь Всевышнего, да приблизится час спасения Родины.

24 марта (6 апреля) 1926 г.

(Подпись)
Великий князь
Николай Николаевич

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД*

[РЕЗЮМЕ ПО ОКОНЧАНИИ РАБОТЫ СЪЕЗДА]

4–11 апреля 1926 г.
Париж

11 апреля закрылся Зарубежный Съезд.

Мнения о результате и значении работ Съезда различны. Вся левая печать (милюковские «Последние новости» и другие подобные газеты) ликует, что Съезд «сорвался», что на нём произошёл «раскол», что он проходил под давлением крайних правых, что он ничего не дал и т.п. В правой печати также появился ряд статей, указывающих, что «единения не достигнуто»; что «левые сорвали образование постоян-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 54, л. 5–8.

ного органа, который должен был выделить Съезд»; что «левые лукавили и не пошли на искреннее объединение вокруг Великого князя Николая Николаевича»; что демагогические элементы казачества не пошли на Съезд и стараются доказать, что казачество на Съезде было представлено только крайне правыми элементами и проч.

Чтобы разобраться в истинных результатах Съезда, надо более подробно остановиться на том, что ожидали от Съезда его организаторы, что ожидала от Съезда русская зарубежная масса и что фактически Зарубежный Съезд дал.

I. ЦЕЛИ, КОТОРЫЕ СТАВИЛИСЬ СЪЕЗДУ ЕГО ОРГАНИЗАТОРАМИ, И ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ К СЪЕЗДУ РАБОТА

Вопрос о необходимости сорганизоваться Русскому Зарубежью поднимался начиная с 1921 года неоднократно.

Первая серьёзная попытка в этом направлении была сделана летом 1921 года, и в Париже, по инициативе общественных деятелей, поддерживавших ген. Врангеля как Главнокомандующего Русской армией, состоялся Русский Национальный Съезд, но правые (монархические) группировки со съезда ушли, а группировки, враждебные Русской армии и ген. Врангелю (группы Милюкова, Керенского и т.п.), конечно, на Съезд не пошли.

В результате Съезд получился однобоким, и выделенный из его состава Национальный Комитет (продолжающий функционировать в Париже до настоящего времени) не приобрёл значения органа, объединяющего Русское Зарубежье.

Следующая серьёзная попытка для объединения русского зарубежья была сделана в 1925 году А.Ф. Треповым, предполагавшим создать патриотическое беспартийное объединение.

Мысль А.Ф. Трепова была воспринята целым рядом общественных и политических деятелей, и в результате переговоров было решено, что необходимо созвать Русский Зарубежный Съезд, с привлечением на него всех группировок, которые считают необходимым, для спасения и воссоздания России, вести борьбу с III Интернационалом, а в лице Великого князя Николая Николаевича видят единственного человека, который может объединить Подъяремную и Зарубежную Русь и может восстановить право и порядок в России.

Осенью 1925 года был образован Организационный комитет под председательством академика Петра Бернгардовича Струве.

Выяснилось, что в Съезде хотят принять участие все монархические группировки различных оттенков (за исключением так называемых «легитимистов», видящих в лице Великого князя Кирилла Владимировича законного русского Царя), Национальный Комитет, торгово-промышленная группа, Союз инженеров, Союз русской молодёжи, студенческий союз, казачьи группировки и целый ряд бытовых организаций. Кроме того, было решено привлечь к участию на Съезде представителей неорганизованной русской эмиграции.

Не могли и не пожелали принять участие на Съезде те группировки, которые враждебно относятся к мысли о возглавлении русского национального движения Великим князем Николаем Николаевичем, и те, которые идут на соглашательство с большевиками, думая, что коммунистическая власть может постепенно эволюционировать.

Организационный комитет выработал порядок выборов на Съезд и приступил к подготовке для Съезда проектов главнейших постановлений:

1. Приветствие Съезда Великому князю Николаю Николаевичу, в котором представители Русского Зарубежья должны были бы выразить, что как Русь Подъяремная, так и Русь Зарубежная с надеждой и верой взирают на Великого князя, который их объединит, освободит Россию из-под ига III Интернационала и возродит её.

2. Отношение Съезда к главнейшим вопросам, волнующим как население России, так и представителей Русского Зарубежья: восстановление частной собственности, земельный вопрос, восстановление Церкви Православной и установление свободы вероисповедания, равенство всех перед законом, отношение ко всем тем, кто принуждён был служить большевистской власти, прощение прежних грехов и преступлений, отношение к лимитрофам и пр.

3. Положение о постоянном органе, который, по мнению большинства, Съезд должен был выделить из своего состава для подготовительной работы по свержению власти III Интернационала.

Так как организаторами Съезда имелось в виду согласовать работу Съезда со взглядами Великого князя Николая Николаевича, то председатель Организационного комитета академик Струве просил Его Императорское Высочество не отказать высказать своё мнение о предстоящих работах Съезда.

Великий князь Николай Николаевич высказал следующее:

1. Постановления Зарубежного Съезда должны быть такого рода, чтобы в России не могли сказать, что этими постановлениями эмиграция навязывает Его Высочество России.

2. Необходимо, чтобы редакция постановления была такова, чтобы иностранные правительства не имели бы оснований сделать вывод, что Великий князь уже формально возглавил движение для спасения России. Тем более в какой-либо активной борьбе.

3. Редакция постановлений должна быть такова, чтобы для иностранных правительств было ясно, что Великий князь готов стать во главе движения, но только тогда, когда общая (мировая) обстановка будет этому благоприятствовать.

4. Совершенно недопустимо провозглашение Съездом Великого князя Национальным Вождём.

5. В образовании Съездом постоянного органа Великий князь не видит ни надобности, ни пользы, а тем более органа независимого и самостоятельного в его деятельности и притом не ограниченного в пределах его ведения.

6. Съезд не должен предрешать никаких будущих мероприятий бытового и государственного значения, касающихся самой России, как могущих и долженствующих быть решёнными только в самой же России.

В период подготовительных к Съезду работ представители торгово-промышленной группы, не согласные с мнением большинства в Организационном комитете по некоторым вопросам, вышли из состава комитета, но затем недоразумения были устранены, и торгово-промышленная группа вновь прислала своих представителей в состав Организационного комитета.

Организационный комитет вполне успешно закончил свою подготовительную работу, и не было достигнуто соглашения только по вопросу об органе, который предполагалось выделить из состава Съезда.

Все члены Организационного комитета считали, что образование такого органа необходимо, но одни считали, что этот орган должен быть подчинён Великому князю, о чём и должно быть вполне точно и ясно выражено в постановлении Съезда об образовании органа; другие считали, что хотя орган должен вести работу в полном соответствии с указаниями Великого князя, но об этом должно было бы быть сделано секретное постановление Съезда, а официально орган должен был бы быть вполне самостоятельный; наконец, третьи считали, что орган должен быть совершенно самостоятельным (до момента, когда Великий князь открыто станет во главе национального движения), но, конечно, должен согласовать свою работу с той работой, которая ведётся Великим князем.

Сторонники «самостоятельного» органа указывали, что только при этом условии возможна продуктивная работа органа, а противники утверждали, что при «самостоятельности» органа возможна не только несогласованность с работой Великого князя, но что при этих условиях возможно даже отношение такого органа к Великому князю «постольку поскольку».

Председатель Организационного комитета академик Струве решил просить Великого князя высказать мнение Его Высочества о том, как следует разрешить этот вопрос. Великий князь при личном докладе этого вопроса академиком Струве первоначально ответил, что вмешиваться в решение Съезда он не считает возможным, полагая, что вообще лучше постоянного органа не создавать. Но после доклада академика Струве, что все данные, получаемые с мест, указывают о желании всех организовать такой орган и что крайне желательно знать определённое мнение Великого князя о приемлемой для Его Высочества форме органа, если таковой Съезд признает необходимым создать, П.Б. Струве получил указания, которые вылились в следующую форму, записанную им и оглашённую в Организационном комитете:

«Великий князь устраняется от своего участия в образовании органа.

Если, однако, образование органа является общежелательным, то против его установления (или образования) Великий князь не возражает.

На мою просьбу сказать, какую форму Его Высочество признаёт для органа наиболее целесообразной и отвечающей, по мнению Великого князя, общему желанию, Его Императорское Высочество ответил, что, по его мнению, эта форма такова:

"Зарубежный Съезд постановляет:

Учредить Российский Зарубежный Комитет, уполномочив его действовать по вопросам, связанным с интересами России и русского беженства во всех странах его рассеяния.

При этом Съезд почитает, что вся деятельность комитета должна неуклонно направляться по тому пути, коему следует Великий князь Николай Николаевич, и посему

Зарубежный Съезд вменяет в обязанность образуемому им Российскому Зарубежному Комитету предварительно о всех его предположениях и о течении его работ докладывать Великому князю Николаю Николаевичу и принимать к исполнению все распоряжения и указания Его Императорского Высочества, буде таковые последуют".

Такая форма, в случае если будет выражено желание вести работу согласно взглядам Его Высочества, даст к тому полную возможность».

Необходимо при этом отметить:

1) указывая вышеприведённую форму (несколько изменённый проект одной из форм, представленный академиком Струве), Великий князь имел в виду:

а) раз Съезд связывает себя с именем Его Высочества в своём обращении, то возможно указать на эту связь и по отношению к выделяемому из состава Съезда органу, то есть связь с Великим князем, ведущим уже некоторую подготовительную работу, но ещё формально не возглавившим национального движения;

б) если эта связь устанавливается, то надо об этом говорить открыто, а не путём секретных постановлений, которые никогда секретом не останутся, а лишь дадут основания считать, что остаётся ещё что-то скрытое, широкой публике неизвестное.

Кроме того, всякое секретное постановление может только вызвать лишние подозрения у иностранцев;

в) требование о докладах и принятие к исполнению распоряжений и указаний не есть подчинение органа, а требование полной связи в работе;

2) отвечая академику Струве на его настойчивую просьбу дать указания, Великий князь оставлял за Съездом полную свободу разрешить вопрос так, как Съезд признает это желательным и целесообразным.

II. ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВ СЪЕЗДА НА МЕСТАХ И МЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

При выборах на местах определились два главных течения:

1. Безоговорочное подчинение Великому князю и желание, чтобы Великий князь немедленно стал во главе национального движения.

Значительное число делегатов, выбранных избирателями, принадлежащими к этому течению, получили указания о том, что Великий князь должен быть провозглашён *Национальным Вождём* и ему должно быть выражено безоговорочное подчинение.

2. Установление согласованности с подготовительной работой Великого князя и подчинение Его Императорскому Высочеству с того момента, когда будет им объявлено об открытом выступлении.

Выборная борьба в некоторых странах (особенно в Югославии) носила крайне страстный характер.

Всего было выбрано 457 депутатов, из коих прибыло на Съезд 377[1], а 80 голосов, от тех организаций, кои не могли прислать своих делегатов на Съезд, были передоверены делегатам из собравшихся в Париже.

Значительный процент приехавших в Париж делегатов, отражая местные настроения, выражал уверенность, что настал час открытого выступления Великого князя, а потому совершенно излишне заниматься какой-то болтовнёй, надо просто предоставить себя в полное распоряжение Его Императорского Высочества.

III. РАБОТА СЪЕЗДА И ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ

Съезд открылся 4 апреля молебном, отслуженным митрополитами Антонием и Евлогием.

После речи председателя Организационного комитета академика Струве было приступлено к выборам Председателя Съезда, Президиума и Бюро.

Председателем был выбран академик Струве.

Затем было оглашено приветствие от Съезда Великому князю Николаю Николаевичу, единогласно и восторженно принятое[2]. Это приветствие Президиумом было немедленно (на второй день Съезда) отвезено в Шуаньи и доложено академиком Струве Его Высочеству.

После возвращения в Париж Президиума Съезда академик Струве огласил на общем собрании Съезда ответ Великого князя на приветствие.

Следующие дни Съезда были посвящены выработке постановлений Съезда по земельному вопросу, об отношении к служащим советской власти, о забвении всех прежних прегрешений, об отношении к лимитрофам, об иностранной политике и пр. Все эти вопросы были приняты в общих собраниях Съезда.

Только обсуждение в Президиуме и Бюро Съезда вопроса о постоянном органе, который должен был быть образован Съездом, показало, что в этом отношении мнения резко разделяются и что для многих представляется неприемлемым создание органа, определённо связанного с именем Великого князя. Представители этого течения указывали, что это недопустимо, ибо свяжет работу органа; что бездеятельность или

---

[1] На приезд такого количества делегатов Организационный комитет, из-за недостатка денежных средств, не рассчитывал, но на приезд многих делегатов были собраны деньги на местах (в Югославии было собрано на это более 50 000 динаров).

[2] Так как все постановления Съезда выделены в особое приложение, то они здесь не приводятся.

неудачная деятельность органа будет относиться к Великому князю и этим может быть поколеблен авторитет Его Высочества.

Наконец, после долгих переговоров, было решено поставить на голосование общего собрания Съезда вопрос о том, принимается ли принципиально вопрос о создании органа, связанного с именем Великого князя, и если принимается, то перейти к постатейному рассмотрению положения об органе (в редакции, согласованной с мнением Великого князя[1]).

Поимённое голосование дало следующие результаты: 297 голосовало за орган («да»), 146 голо[со]в против органа («нет»), 14 от голосования воздержались.

Так как возникли споры, считать или не считать голоса воздержавшихся (в Наказе сказано, что серьёзные вопросы должны проводиться двумя третями присутствующих голосов), и так как в Президиуме голоса разделились поровну, то было решено и этот вопрос перенести на разрешение общего собрания.

Правое крыло Съезда, голосовавшее за орган, считаясь с тем, что, с одной стороны, даже благоприятное разрешение вопроса о переходе к постатейному рассмотрению положения об органе не гарантирует ему $^2/_3$ голосов при дальнейших голосованиях, а с другой стороны, что если вопрос об органе и пройдёт, то в его состав откажутся войти представители более левого крыла и орган, при этих условиях, получится однобокий, — решило внести примирительное предложение, отказавшись совсем от образования постоянного органа.

А.Ф. Трепов выступил с предложением отказаться от образования постоянного органа и создать ликвидационно-финансовую комиссию по делам Зарубежного Съезда.

Это предложение было единогласно принято, крайне напряжённая атмосфера разрядилась, и была избегнута опасность раскола на Съезде.

11 апреля, после единогласного принятия Обращения к русскому народу, Зарубежный Съезд был закрыт.

То, что Зарубежный Съезд не создал достойного органа, вызвало сначала чувство острого недовольства среди очень многих членов Съезда против той части Съезда, которая голосовала «против» органа, а затем сменилось у многих чувством огорчения, отражавшегося в словах: «Ещё не дозрели».

Особенно огорчена была молодёжь. Часто приходилось слышать: «Как мы теперь вернёмся обратно и что скажем пославшим нас на Съезд?»

---

[1] Имя Его Императорского Высочества, конечно, не упоминалось.

Люди более умудрённые опытом относятся к «срыву» органа не только более спокойно, но отмечают, что раз в этом вопросе не могло быть достигнуто единения, то Съезд отлично сделал, не создав постоянного органа, ибо, в противном случае, орган получился бы или однобоким (в случае, если бы отказались в него войти представители инакомыслящих), или получился бы разношёрстным, деятельность которого не могла бы быть плодотворна.

Значительное успокоение среди недовольных результатами Съезда внёс приём депутатов Съезда Великим князем Николаем Николаевичем.

Мудрые и ласковые слова Великого князя, отметившего, что он доволен результатами Съезда, принесли громадную пользу.

Итог, достигнутый Съездом, безусловно, велик.

1. Съезд единогласно выявил:

а) твёрдую решимость всего Русского Зарубежья, приславшего своих депутатов на Съезд, вести беспощадную борьбу с III Интернационалом для спасения России;

б) веру в общепризнанного Национальным Вождём Великого князя Николая Николаевича, на зов которого откликнется всё государственно мыслящее Русское Зарубежье, не щадя своих сил и жизни.

2. Постановления Съезда должны убедить Подъяремную Русь, что в лице Русского Зарубежья она имеет не врагов, которые хотят карать и отнимать землю, а братьев-союзников, которые, когда настанет час, рука об руку с ней свергнут ненавистное на Руси иго и совместными усилиями займутся восстановлением разрушенной Родины и Церкви Православной.

3. Постановления Съезда должны успокоить лимитрофные государства.

После окончания Съезда часть делегатов, голосовавших за орган, собрались на особое совещание и вынесли постановление о создании «патриотического союза»*. Как лозунг принято: беспощадная борьба с III Интернационалом и безоговорочное подчинение Великому князю Николаю Николаевичу.

---

* По окончании Зарубежного Съезда были созданы Российское Центральное Объединение (председатель — А.О. Гукасов, среди членов — Н.Н. Шебеко, кн. Васильчиков, П.Б. Струве, В.П. Рябушинский, П.Н. Финисов) и Русское Зарубежное Патриотическое Объединение (председатель — И.П. Алексинский, члены — А.Н. Крупенский, П.Н. Краснов, кн. Оболенский и др.). Патриотическое Объединение составили большинство голосовавших на Съезде за создание «органа» — крайне правые монархисты, которые требовали безоговорочного подчинения Великому князю Николаю Николаевичу. Центральное Объединение — скорее правоцентристское, поддерживало тесную связь с РОВС. После смерти Великого князя деятельность обеих групп постепенно прекратилась.

Постановлено образовать в Париже Центральный Комитет, а на местах — местные комитеты, которые должны стремиться объединять вокруг себя Русское Зарубежье.

Большая часть голосовавших против органа также собрались на банкете и вынесли принципиальное решение об образовании Российского Центрального Объединения, видящего в лице Великого князя Николая Николаевича Национального Вождя.

Бесспорно, что между этими двумя группами, вследствие разности форм, в кои они облекают мысль об объединении, чувствуется в настоящее время отчуждение и взаимное неудовольствие, но обе эти группы связаны едиными главными целями, и при своей совместной работе они проявили полное единомыслие: в вопросе признания в Великом князе Николае Николаевиче Верховного Вождя, в вопросах, касающихся России, и в вопросах внешних отношений.

То является порукою, что через несколько времени сгладятся все углы и шероховатости и обе группы найдут пути для согласования своей дальнейшей работы.

Пока же их «частные органы» будут вести самостоятельную работу по объединению Русского Зарубежья и будут изыскивать возможности для получения денежных средств для борьбы с III Интернационалом.

Великий князь Николай Николаевич деятельно продолжает вести подготовительную работу, пользуясь теми лицами, кои ныне для неё привлечены Его Императорским Высочеством. По мере надобности будут, конечно, привлекаться к этой работе и новые лица.

ПРИЁМ У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ*

Е.И.В. Великий князь Николай Николаевич изъявил согласие принять гг. членов Российского Зарубежного Съезда в следующие дни и часы.

Сегодня, 12 апреля сего года, будут приняты следующие лица:

1-я группа

Нижепоименованным лицам надлежит выехать на приём к Великому князю с вокзала Бастий сегодня в 12 часов 43 минуты дня:

Леонтович, Овчинников, Дестрем, Куколь-Яснопольский, Григорьев Д.Д., Родзевич, Зуров, Баиов, Яхонтов, Гадд, Гревениц,

* «Возрождение», 12, 13 апреля 1926 г.

Балакин, Мурзич, Мысоедов*, Чёрный, Григорьев, Лыжин, Николаев, Шильдкнехт, Зверев, Фену, Буксгевден, Нехорошев, Максимов, Буланов, Гладких, Лонгинов, Войцеховский, Мыслин, Корольков, Жгун, Гримм, Лашю, Цуриков, Фенин, Владиславлев, Ильин В.С., кн. Долгоруков, Забабурин, Савицкий, Власьев, Емельянов, Саламов.

2-я группа

Этим лицам надлежит выехать на приём к Великому князю сегодня с вокзала Бастий в 1 час 20 минут дня:

Ген. Андгуладзе, полк. Энден, Арсеньев Н.С., Арсеньев Е.К., Баженов, Бибиков, Будберг, Волков, Коликов, Глобачёв, Ильин И.А., Катенин, Келлер, Крюднер-Струве**, Кречетов-Соколов, Марков, Масленников, Макаренко, Медем, кн. Оболенский, Романовский, Резчиков, Стрельников, Тальберг, Тиволович, Фелькерзам, Шемякин, кн. Щербатов, Яновский, Тиволович, Малошицкий***, Дерюгин, Котомкин, Карпов Ф.Г., Рябушинский, Финисов, Соколов Б.Н., Никитин, Карасёв, Аршаулов, Емельянов, Каштанов, Трахтерев, Темников, Ермаков, Кудрицкий, Таганцев, Городецкий, Хуторев.

3-я группа

Нижепоименованным лицам надлежит выехать сегодня с вокзала Бастий в 4 часа 15 минут дня:

Пильц, Шевяков, Шаповаленко, Носович, Свободин, Мятлев, Сахаров, Демьянович, Чубов, Лавров, Киндяков, Алексеев, Дубасова, Керманов, Загулевский, Левитов, Резниченко, Колодин, Соколовский, Браунер, Поляков, Суворин Б.А., кн. Мещерская, Геруа, Феодосьев, Гальфтер, Белосельский-Белозерский, Домрачеев, Мурзич, Секретев, Кистер, Куприянов, Гладков, Сахновский И., Сахновский Н., Лялин, Андро де Ланжерон, Могучий, Суворин Н.А., гр. Комаровский, Кокошкин, Кудрицкий, Знаменский.

<...>

Е.И.В. Великий князь Николай Николаевич изъявил согласие принять гг. членов Российского Зарубежного Съезда в следующие дни и часы:

Сегодня, 13 апреля сего года, будут приняты:

---

* Опечатка в газете, правильно — Мясоедов.

** Правильно — Крюденер-Струве.

*** Правильно — Малюшицкий.

4-я группа

30 человек по списку от Юго-Славии (начиная от ген. А.С. Макаренко). И кроме того: кн. Святополк-Мирская, Милорадович, Гринь, Бредов, Чайков, Дегай, Дейтрих, Соколов Б.Н., Сименов Г.Г., Максимов С.М., Нобель, Савич, Сергеев.

4-я группа выезжает с вокзала Бастий в 12 часов 43 минуты дня.

5-я группа

Палеолог, Скаржинский, Трегубов, Шмит, Болотов, Воронецкий, Билимович, Римский-Корсаков, Габаев, Приклонский, Потоцкий, Брандт, Стремоухов, Левицкий, Чебышев, Максимов, Недригайлов, Бострем, Климов, Лешковский, Баручан, Ильин В.К., Дмитров, Дюкшинский, Карабанов, Голицын, Цветков, Апрелев, Рыжов, Чудинов, Якоби, Спиридович, Семичев, гр. Апраксин, Вишневский, Могучий, Кудрицкий, Глинка, кн. Васильчиков, Вахрушев Н., Вахрушев П., Изнар, Соколов, Ковалевский, Кравцов, Кузнецов, Кульман, Лианозов, кн. Урусов, Кипинов, Максимов, Недригайлов, Бострем, Сварчевский, Климов, Ляшковский, Баручан, Ильин И.Д., Стремоухов, Левчецкий, Дмитров.

5-я группа выезжает с вокзала Бастий в 1 час 20 минут дня.

6-я группа

Крупенский, Григорьев, Шаповаленко, Демешко, Шуберт, Нейдгард, Пучковский, Мержинский, гр. Гендриков П.В. и А.В. Баженов, Костомаров, Прокопович, Ратьков-Рожнов, Нечволодов, Бако, Моллер, Касаткин-Ростовский, Микулин, Римский-Корсаков, Тилло, Мельник, Яновский, кн. Оболенский, Шульман, Билинский, Киселевский, Бессребренников, Любимов, Пороховщиков, Суворов, Гулевич, Шебеко, Орехов, Витт, Беннигсен, Львов Л.И., Чемберс, Астафьев.

6-я группа выезжает с вокзала Бастий в 4 часа 15 минут дня.

СЛОВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, СКАЗАННЫЕ ПРИ ПРИЁМЕ ЧЛЕНОВ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

12 и 13 апреля 1926 г.

Я очень рад вас видеть у себя, но сожалею, что я не могу вас принять так, как мне хотелось бы по велению моего сердца и как того

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 58, л. 1об.

требует русский обычай. Извиняюсь и за неудобства, испытанные вами при поездке сюда, но, при местных условиях и деревенской жизни, я не мог устроить вам лучшего передвижения.

Прошу вас передать мой сердечный привет всем тем, которые вас избрали на Съезд. Передайте мою благодарность всем тем, кто вносил и вносит свою трудовую лепту в казну на спасение Родины. Но дело не в моей благодарности, а в том, что те, кто делает эти взносы, сами совершенно не сознают, какое великое дело они делают. В будущем они узнают, какая приносится этим помощь для спасения Родины, а освобождённая Россия их возблагодарит.

Прошу также передать от меня всем вас избравшим на Съезд, что я вполне доволен результатами Съезда, и в том, что достигнуто Съездом, я вижу Божье благословение.

Съезд достиг громадного результата: он показал, что мы все не эмигранты и беженцы, оторвавшиеся от России, а являемся в своём единении частью России, частью русского народа. Русский народ почувствует, что, когда по указанию Божьему, наступит час спасения Родины, Зарубежная Русь сольётся в едином усилии с Русью, страдающей под игом поработителей, и совместными усилиями будет свергнута власть III Интернационала.

Передайте всем вас избравшим, что я твёрдо верю, что с помощью Божьей будет спасена Россия. Я глубоко убеждён, что если этой моей верой проникнется вся Зарубежная Русь, то этим самым она приблизит час спасения Родины, и эта вера даст опору для более лёгкого перенесения тяжести повседневной жизни и поможет спокойнее ждать заветного часа. Пусть все берегут себя, чтобы, когда потребуется, откинув все личные интересы, отдать все свои силы, каждый по своей специальности, на воссоздание России. Когда же это совершится — тогда наступит время для спокойного устройства собственных дел.

Я верю, что воссоздавшаяся Россия достигнет ещё большего величия и процветания, чем те, которых она достигла в прежнее время.

Желаю вам всем всего наилучшего, а отъезжающим — счастливого пути.

Расставаясь с вами говорю: ДО СВИДАНИЯ, надеюсь — при лучшей и более светлой обстановке.

ПОПРАВКА К СООБЩЕНИЮ «ПОСЛЕДНИХ НОВОСТЕЙ»*

В опровержение появившегося в «Последних новостях» сообщения, что будто бы П.Б. Струве угрожал «уйти» со Съезда, мы можем установить, что П.Б. Струве, учитывая возможность в случае нарушения Наказа своего отказа от председательствования, категорически заявил, что этот последний шаг стал бы для него невозможным, если бы в связи с отставкой Председателя хоть один член Съезда ушёл с него.

ПРИГОВОР КАЗАЧЬЕГО ХУТОРА В БЕЗАНСОНЕ**

Донцы, хуторяне хутора Безансона, приветствуют своего маститого вождя — атамана и всех выборных на Съезд делегатов-станичников и просят засвидетельствовать, что все они, по первому зову своего Верховного Вождя, станут плечом к плечу и стремя к стремени для великого дела освобождения матушки-России и Тихого Дона от красных лап III Интернационала. Они также удивляются, что войсковые атаманы, терзаемые язвою политического властолюбия, и на этот раз не могли, под влиянием своего окружения, найти честный путь.

Ура Вам и нашему Верховному Вождю.

Атаман хутора Безансон
полковник Жидков,
помощник атамана хутора
подхорунжий Толмачёв

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

** Там же.

ПИСЬМО ДЕЛЕГАТОВ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА А. БРИАНУ*

Копия
Париж
27 апреля 1926 г.

Его Превосходительству
г-ну Бриану,
Председателю Совета Министров

Господин Председатель!

Действуя под защитой законов, которые во Франции гарантируют свободу собраний, русская эмиграция из всех стран воспользовалась французским гостеприимством, и более четырёхсот наших соотечественников, делегированных со всего света, смогли собраться со всего света на Всероссийский Съезд, чтобы рассмотреть вопросы, напрямую касающиеся спасения их Родины, которая вот уже более восьми лет представляет собой не что иное, как залитую кровью добычу в когтях коммунистического Интернационала.

Русские патриоты получили возможность договориться по всем вопросам первостепенной важности, и их единодушие по этому поводу явит миру доказательство того, что на этом Съезде оказалось выраженным мнение истинной России — той, которой наконец удалось возвысить голос на свободной земле Франции.

Русские делегаты, а также подавляющее большинство русской эмиграции из всех стран единогласно признали власть Великого князя Николая Российского.

Была провозглашена нерушимость принципа частной собственности. Что касается аграрного вопроса, Съезд провёл его широкое рассмотрение, признав необходимым оставить в руках тех, кто обрабатывает её в настоящее время.

Всех делегатов сплачивает одно всем им присущее глубокое чувство — искреннее, горячее стремление к прочному миру и к дружественному, мирному сосуществованию со всеми соседними и сопредельными странами.

Если Съезд преуспел в достижении той главной цели, которую он перед собой ставил, и если делегатам, независимо от различия своих политических мнений, удалось найти общий язык по ряду важных вопросов, то они полностью отдают себе отчёт в том, что такой

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 59, л. 1.

успех был бы совершенно неосуществим без защиты, которой стало лишённое каких бы то ни было пристрастий отношение со стороны французского правительства, благожелательным выразителем которого оказались Вы, г-н Председатель.

В силу вышесказанного, Съезд, проникнутый этой истиной, возложил, в результате единодушного голосования, на свой Президиум обязанность передать Вам, г-н Председатель, свою глубокую и самую искреннюю признательность по этому поводу.

Полностью разделяя эти чувства, Президиум просит Вас, г-н Председатель, принять заверения в своей почтительной благодарности и в своём высоком уважении.

ИТОГИ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

12 апреля 1926 г.

Съезд кончился. Несмотря на огромные трудности, несмотря на значительные субъективные отталкивания и пристрастия, выполнено большое патриотическое дело. Были моменты, когда атмосфера сгущалась, когда отношения натягивались, когда нервы начинали сдавать, но каждый раз здоровое начало сплочённости перед общим врагом побеждало. Какая-то стихия несла Съезд, и это сознание бодрило одних, сдерживало других. Все сознавали, что участвуют не в чём-то кабинетно «продуманном» или демагогически подделанном и вспененном, а являются выразителями ясно обозначившегося, значительного, дышащего патриотическим пафосом *общественного* движения, которому безнаказанно *нельзя изменить*.

Но не только сознание стихийности этого движения и опасение выбиться из него несли и вместе держали Съезд. На Съезде практически осязательно сказалось ни с чем не сравнимое *строительное* значение идеи и факта объединения вокруг Великого князя Николая Николаевича. Люди спорили о путях и способах, спорили горячо и страстно, но неизменно пребывали в одной общей меже, неизменно оставались одной патриотической семьёй, нерушимо связанной именем и личностью своего Вождя. Этот факт, это обнаружение внутренней дисциплины, приведшей, несмотря на все разногласия, к общим решениям, быть может, самое значительное объективное достижение Съезда, дающее основание думать, что Съезд в истории русского национального движения займёт почётное место, как один из

* «Возрождение», 12 апреля 1926 г.

первых краеугольных камней строения России — не Зарубежной России только, а именно *России*.

И в этом смысле рядом с фактом сплочения национально настроенной Зарубежной России вокруг Великого князя играет первенствующее значение тот резонанс, который должны получить резолюции Съезда за советским кордоном.

Съезд сказал такие слова, которые найдут доступ к сердцам наших подъяремных братьев, он всенародно рассеял опасения относительно якобы корыстно-реставраторских вожделений общественной среды, окружающей Великого князя. Он обнаружил, что за историческими заявлениями, в своё время раскрывшими политические взгляды Великого князя, стоит не только Его личная мудрость и бескорыстие, но и *сложившееся общественное мнение*. Толки о «реставраторстве» русских национальных кругов становятся отныне окончательно и для всего света — *наветом и клеветой*.

Во всём этом историческое значение Съезда.

Мы знаем, однако, что многие участники его вынесли некоторое чувство неудовлетворённости и даже горечи. Это связано с отказом Съезда от широковещательного и громоздкого «органа», долженствовавшего возглавить всю сплотившуюся вокруг Великого князя зарубежную массу.

«Что мы скажем своим избирателям?» Этот вопрос у многих на устах. Этот вопрос вскрывает психологическую сущность того бурного столкновения мнений, которое произошло вокруг голосования об «органе». Друг перед другом стояли наседающая *торопливость* большинства, обусловленная запросами и чаяниями избирательной толпы, требующей быстрых и решительных эффектов, и стойкая *сдержанность* меньшинства, считающегося только и исключительно с реальными условиями переживаемого момента.

Вопрос «органа» ещё не созрел. Самая неясность постановки вопроса о нём и весь ход прений служат тому ярким и непререкаемым доказательством. Вопрос об «органе» сейчас лишь *поставлен,* а решение его оставлено в наследство *первым* русским Зарубежным Съездом съезду *второму,* который необходимо должен быть в своё время созван. Закрывшийся Съезд лишь *положил начало* делу организации Зарубежной России — этого не нужно забывать.

Разъезжающимся же, разочарованным в вопросе «органа» делегатам мы скажем лишь одно:

— Да, вам придётся держать ответ перед вашими избирателями, вам придётся совместно с ними задуматься над тем, почему не

так просто оказалось дело, по которому вы приехали в Париж. И не прячьтесь тогда за самое лёгкое объяснение, ища причин «провала» органа в нелояльности или в отсутствии патриотизма у лиц, с вами несогласных. А поймите, прежде всего, что самая ваша горячность в деле отстаивания «органа», определяемая наседанием на вас избирателей, означает лишь то, что ваши избиратели и вы сами *слишком многого от этого органа ждали*. Вы ещё ждёте чудес и думаете, что, избрав «орган», вы совершите какой-то *решающий* шаг в деле борьбы с большевиками. А между тем дело этой борьбы неизмеримо труднее и сложнее, и не такими внешними и скороспелыми актами определяется и решается её судьба. Именно то, что вы ждали от органа чудес, дало решимость умеренному крылу Съезда и возложило на это крыло обязанность бороться против естественно привлёкшего сочувствие масс проектируемого органа и взять на себя ответственность за проведение более умеренного решения. Вам будет трудно отчитаться перед вашими избирателями? Пусть так. Но мы предпочитаем, чтобы в беседах с вами обнаружилась вся объективная трудность дела и чтобы в беседах с вами выяснилась преувеличенность надежд, чем если бы все эти несбыточные надежды были перенесены на центральный орган, к тому же связанный со священным для нас всех именем Великого князя.

Несите на себе бремя рассеивания несбыточных надежд и не перекладывайте его на нашего Вождя.

Большевиков нельзя свалить одними лишь постановлениями о зарубежных комитетах и органах. Борьба с большевиками идёт по другим путям, иными способами, и, когда те или иные из нас или все мы окажемся нужны Вождю, от него будет зависеть призвать нас, и мы пойдём по первому его зову. Но об этом ли сейчас идёт речь, когда говорят об органе?

П.Б. Струве

ПРИГОВОР ЛИОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ*

5 апреля состоялся экстренный станичный сбор Лионской казачьей станицы по поводу речи ген. Краснова, сказанной им от имени казачьей группы Съезда на Зарубежном Съезде.

Казаки станицы постановили следующее:

* «Возрождение», 13 апреля 1926 г.

«1. Вполне разделяя взгляд ген. Краснова, приветствовать Зарубежный Съезд как начало собирания Зарубежной Руси.

2. Речь ген. Краснова, в которой он делит зарубежное казачество на два лагеря — созидательный и разрушительный — и к последнему относит Объединённый Совет Дона, Кубани и Терека и наших выборных атаманов, для нас непонятна; мы, казаки, идущие за атаманами, никогда не разрушали России, а наше нахождение за границей и крест Галлиполи и Лемноса на груди — доказательство тому. Обвинение атаманов в разрушительной работе требует немедленного ответа, дабы снять то позорное пятно, которое бросается на них.

Приговором от 14 февраля сего года за № 5 мы просили нашего атамана ген. Богаевского выступить на Съезде, чтобы казачество было представлено как организованное целое, и этим самым мы выразили наше отношение к Съезду. В данный момент мы снова просим атамана выступить на Съезде и рассеять те обвинения, которые раздаются, ибо никогда мы не думали о казачьей вольнице и федеративной России, мы никогда не жили фантастическими мечтами об отдельном от России существовании, о восстановлении гулливой казачьей вольницы, стремящейся к необузданной свободе, анархии и коммунизму, мы никогда не пойдём за теми, кто на чужбине предопределяет России быть федеративной республикой и, не спрося русский народ, надевает на него социалистический хомут. Открытым письмом, напечатанным в газете “Возрождение” от 4 марта сего года за № 275 с копией приговора № 5, мы просили атамана выступить на Съезде и теперь вновь просим о том же, дабы снять с нас пятно разрушителей России.

Мы не хотим верить и не допускаем мысли, чтобы наши атаманы, не спросив желания общей казачьей массы, могли выносить определённые решения о будущем государственном устройстве России, ибо это дело всего русского народа».

Подлинный приговор Лионской станицы её атаманом препровождён ген. Богаевскому.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ*

Милостивый государь
господин Редактор!

В Вашей уважаемой газете за № 314 был помещён общий список делегатов Зарубежного Съезда, в этом списке значится и моё

* «Возрождение», 13 апреля 1926 г.

имя. Вам, г-н Редактор, как Председателю Зарубежного Съезда, хорошо известно, что я ещё в среду, 7 апреля, покинул Съезд и вернул секретариату свой делегатский билет, таким образом, я не принимал участия во всех решениях Съезда и не несу за них лично никакой ответственности, так как, вернувши свой билет, я этим самым перестал быть участником Зарубежного Съезда.

С совершенным почтением
С. Третьяков

КРАМАРЖ О ЗАРУБЕЖНОМ СЪЕЗДЕ*

Центральный орган чешских народных демократов «Народные листы» (газета К.П. Крамаржа) свою передовую статью в номере от 8 апреля посвящает Зарубежному Съезду.

Статья подписана В. Червинкой, известным профессором, хорошо разбирающимся в русских делах.

«После долгих и сложных приготовлений, которые, сверх ожидания, затянулись на восемь месяцев, в Париже, в отеле "Мажестик", открылся, наконец, Русский Зарубежный Съезд, съезд делегатов самых разнообразных организаций, союзов, обществ и эмигрантских лагерей в целой Европе, числом около 400 человек».

Статья заканчивается так:

«Не имея желания вмешиваться во внутренние политические споры русской эмиграции и критиковать состав парижского Зарубежного Съезда, мы должны всё же по правде сказать, что большая доля некрасивого лицемерия заключалась в том, что именно теперь газеты эсеров и республиканцев-демократов стали подчёркивать слишком правую окраску Съезда. Если так, то в этом прежде всего повинны указанные газеты и их организации.

Страстные споры и беспорядочная полемика между русскими эмигрантами и в эмигрантской печати вообще являются роковой ошибкой, ошибкой, мешающей нужному делу — выступлению единым фронтом против захватчиков Родины. Эмиграция утрачивает из этого значительную часть своего авторитета на чужбине и умаляет симпатии к себе среди иностранных кругов.

Но как бы то ни было, делегатское собрание, состоявшееся впервые за время изгнания, является искренне народным и в своём подавляющем большинстве демократическим, и можно только пожелать, чтобы Съезд

* «Возрождение», 13 апреля 1926 г.

укрепил его участников и объединил в успешной работе на освобождение Родины от чужих захватчиков. Крылатое выражение, что большевики на Руси сильны слабостью своих противников, сохранило своё значение. А если правда в том, что в единении сила, — то можно только пожелать политической интеллигенции, ныне заседающей в Париже, чтобы она наконец обрела себя в единении».

С.В.

БЕЗРАДОСТНЫЕ ИТОГИ*

С момента открытия Зарубежного Съезда я внимательно присматривался к его работе. Бывая каждый день на Съезде, проводя там целые дни, я был свидетелем того, как работал Съезд и в своих пленарных заседаниях, и в заседаниях различных фракций.

Должен по совести сознаться, что в тот момент, когда я переступал порог Съезда, во мне таилась надежда, очень, правда, маленькая надежда, что всё то, о чём я раньше писал, не сбудется. А писал я до Съезда о том, что преувеличивать своё значение никто не должен. Писал я также о том, что Съезд будет только тогда иметь значение, если на нём будут представлены все оттенки русской национальной мысли. Затем я указал, что в Организационном комитете должно быть поменьше политических банкротов и побольше молодых сил.

И ещё я писал: в Зарубежной Руси не может и не должно быть монополистов национальной идеи. Русский национализм лежит в сердцах всех русских, а отнюдь не в сердцах только избранной группы.

Я был счастлив, как русский патриот, оказаться неправым. Для меня было бы высшим удовлетворением удостовериться в том, что мои пессимистические предчувствия меня обманули и что Съезд действительно создал нечто весомое для русского дела.

Увы, действительность оказалась во сто крат печальнее, чем я предполагал.

За восемь дней своего эфемерного существования Зарубежный Съезд ровным счётом не дал ничего реального. Нельзя же в этот ответственный для эмиграции момент серьёзно говорить о земельных вопросах, о фашизме, о советском строе... Всё это можно гораздо обстоятельнее прочесть в любом ежедневном зарубежном органе и в сотнях общедоступных брошюр и книг, выпущенных на рынок за последние годы.

---

* «Русское время», 13 апреля 1926 г.

Съезду, конечно, обрадовались профессиональные политики, они наговорили на Съезде потоки слов, но когда пришлось приступить к реальной работе, взять на себя ответственность и что-то такое реальное дать русской эмиграции, то оказалось, что для этого нет никакой подготовки и что даже до Зарубежного Съезда ничего не было намечено и разработано.

Было только кликушество руководящего органа Зарубежной России, стремление некоторых играть доминирующую роль и с помощью барабанного боя создать дешёвый эффект.

Бесконечно убогая физиономия Зарубежного Съезда особенно отчётливо выделилась в день его закрытия, когда подводились итоги сделанной работы. Ю. Семёнов и проф. Кульман говорили о каких-то достигнутых результатах на Съезде. Хрипунова гнали вон с трибуны. Маркову 2-му кричали: «Позор!..» И всё то, что помимо этого было преподнесено Съезду в день его закрытия, явилось признанием полной политической беспомощности и... дряблости его инициаторов.

Единственным светлым пятном на Съезде явилось смелое и честное выступление нашей молодёжи, с открытым забралом указавшей политическим банкротам, что они, созвав Зарубежный Съезд, ничего в действительности не сделали, ничего не подготовили и трусливо улизнули в тот момент, когда нужно было принимать ответственные решения. Представители молодёжи тут же указали в своём прощальном слове, что они многому уже научились и что если бы пришлось предпринять второй Ледяной поход, то они тоже взяли бы с собою «политических» и «общественных» деятелей, но на этот раз уже только из чувства милосердия и «в обозе второго разряда».

Эти жутко правдивые слова должны хорошо запомнить организаторы Съезда. Нельзя с кондачка подходить к самым серьёзным вопросам русской эмиграции. Нельзя вторично создавать кронштадтское восстание. Нельзя с присущей нашим профессиональным политикам легкомысленностью поднимать широкие массы эмиграции, туманно намекать им на какие-то исключительные возможности и вместо всего обещанного ограничиться рассылкой приветственных телеграмм и обращением... к русскому народу.

Русский народ не этого ждёт. Он ждёт нашей активности, жертвенности, он хочет как можно скорее забыть тех, кто занимался пустоговорением в России и с таким же успехом продолжает этим промышлять и здесь.

Для освобождения России от интернациональных разбойников нужна молодая смелость и дерзновенность. Только тогда большевики почувствуют настоящего противника, когда этот противник начнёт его бить его же оружием, а не программами, докладами и обращениями.

Но нет худа без добра. Единственная заслуга Съезда заключается в том, что он наглядно показал, как не следует бороться с большевиками.

Теперь слово за молодой Зарубежной Россией!..

Александр Филиппов

КОНФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА*

В настоящее время в Париже происходит конференция членов Национального Комитета.

На конференции обсуждается ряд вопросов, связанных с расширением деятельности Национального Комитета, а также о создавшемся политическом положении после провала Зарубежного Съезда.

Работы конференции окончатся завтра.

ОБРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА К РУССКИМ ЛЮДЯМ**

Когда среди русских людей возникла мысль о созыве Зарубежного Съезда для объединения освободительных усилий по восстановлению на Родине права и порядка, я счёл нужным предостеречь от увлечений этим начинанием.

Горячо сочувствуя всем подобным попыткам, я, однако, был убеждён, что это дело обречено на неудачу, ибо в обстановке порождённых смутой страстей невозможно привести к единомыслию представителей противоположных сословных и имущественных интересов на основе партийно-политического соглашения.

Итоги Зарубежного Съезда превзошли самые мрачные опасения. Вместо объединения русских людей Съезд пробудил лишь замиренные противоречия и привёл к острому расколу в среде его участ-

* «Русское время», 13 апреля 1926 г.

** Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 57, л. 8об.

ников. Разочарование в силах и способностях вождей, углубление взаимного недоверия на радость врагам России и бесплодное расточение понесённых жертв — вот всё, что осталось от надежд создать спаянную единой волей силу для борьбы с поработителями нашего Отечества.

Единственным положительным итогом Съезда явилось то, что его вдохновители были вынуждены показать своё подлинное лицо и обнаружить скрытые цели, которые ими руководили.

И только законопослушное монархическое движение, не принявшее, во исполнение моих указаний, участия в выборах на Съезде, избегло губительных разочарований. Черпая несокрушимые духовные силы в преданности тысячелетним устоям русской государственности и построенное на началах самоотверженного подчинения воле Богом указанного законного правопреемника Императоров Всероссийских, оно явило пример благоразумной сдержанности, полного единения и неуклонно продолжает свою работу для достижения намеченной цели.

Тем не менее наиболее упорные в своих заблуждениях партийные вожди после пережитой неудачи возобновляют прежние попытки отклонить судьбы Родины от единственного пути к её спасению и тем снова пытаются помешать мне в выполнении моего долга по восстановлению Российского государства.

Повинуясь велениям моей совести, я вынужден вновь поднять предостерегающий голос и обратиться с призывом к русским людям.

Пусть все те, кто не хочет быть долее слепым орудием в руках честолюбцев, оставят своих соблазнителей и, сплотившись вокруг меня, помогут вывести измученную Родину на путь умиротворения и свободы.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано:

16/29 апреля 1926 г. *Кирилл*

ЗАПИСКА [Я. САВИЧА]*

I. ВВЕДЕНИЕ

В печати появлялось очень много статей по поводу Зарубежного Съезда. В газетах, относящихся недоброжелательно к Съезду, критика Съезда была не беспристрастной. В газетах, близких к Съезду, не было почти никакой критики. Считаю, что для будущего объектив-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 3, ед. хр. 2, л. 8–21.

ная критика крайне необходима. Я не беру на себя смелости уверять, что именно я могу выполнить эту задачу, но, считая, что кто-то должен взять на себя этот почин, я решил написать не статью, а целую записку с благожелательной критикой по поводу допущенных на Съезде, с моей точки зрения, ошибок. Предназначаю эту записку не для печати, а для тех, кто предался активной борьбе с большевиками и кому, быть может, интересно будет ознакомиться с некоторыми фактами, происходившими на Съезде, и с некоторыми выводами, к которым я, как наблюдатель, пришёл.

10 апреля, утром, я подал заявление Председателю Зарубежного Съезда, которое просил рассмотреть в заседании Исполнительного бюро. Копии этого заявления у меня не имеется, но содержание его нижеследующее.

Я указал на то, что избрание Съездом своего органа крайне необходимо. Иначе все работы Съезда, а главное — цель Съезда не будут осуществлены. Однако из всех доходящих до меня сведений участвовать в избрании этого органа решила только одна фракция. Если бы эта фракция даже избрала в орган представителей других фракций, то те отказались бы от этого избрания.

При всех этих условиях орган создался бы чересчур односторонним. Конечною целью созыва Зарубежного Съезда было избрание для борьбы с большевиками такого органа, в котором были бы представлены представители всех фракций. Но для достижения сего необходимо было бы установить соглашение между фракциями, хотя бы большей части их, создавшихся в собрании. Ввиду всего вышеизложенного, я и просил Председателя Зарубежного Съезда обсудить вопрос в Исполнительном бюро о необходимости, впредь до обсуждения в официальном собрании вопроса об органе и его составе, созвать частное собрание из представителей всех фракций.

Я указывал на то, что всякое несогласие между фракциями, вынесенное на улицу, только повредит общему делу и что необходимо во что бы то ни стало сговориться. Я высказался, что вряд ли его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич будет удовлетворён таким органом, который был бы избран одной лишь фракцией, а сейчас добавлю — всё равно фракцией одних лишь крайне правых, только правых или только центра или левых[1].

Я думал, что моё предложение, исходящее из душевного желания установить мир, тишину и согласие на Съезде, будет принято во

[1] Упомяну, что левых на собрании даже не было.

внимание в Бюро Съезда, но Председатель не представил моего заявления даже на прочтение членам Бюро. Я не жалуюсь никому на действия Председателя, но после его отказа я пришёл к заключению, что я, с одной стороны, не могу голосовать за орган, когда я пришёл к глубокому убеждению, что этот орган, за отказом центра вступить в него[1], будет совершенно однобоким, а поэтому и не принятым Великим князем. С другой стороны, я не считал возможным голосовать и против органа, так как, не имея возможности предвидеть будущего и читать в мыслях других лиц, я мог ещё в последнюю минуту натолкнуться хотя на маловероятное, но не неожиданное отрадное явление взаимной уступчивости, которое решило бы дело в благоприятном для органа смысле.

Что я мог бы сказать при баллотировке этого вопроса? Да или нет. Считаясь со своей совестью, которая мне дороже всего, я не мог сказать ни того ни другого. Я бы мог вместо краткого ответа «да» или «нет» сказать только, что я ещё утром призывал Исполнительное бюро созвать для соглашения представителей всех фракций, что Председатель или Исполнительное бюро не пошли на этот шаг и что я теперь нахожусь, за отсутствием возможности установить, будет ли орган коалиционным или однобоким, — в полном недоумении, должен ли я сказать «нет» или «да»... Я мог дать единственный ответ: «да» — за орган, если он будет коалиционным, «нет» — если он будет однобоким...

Однако такой странной баллотировки не существует на свете, ввиду чего я и предпочёл уйти из залы заседания на время поимённого голосования. Я бы мог вместо ухода воздержаться, но так как по Наказу такое воздержанье в конечном итоге выражало бы отрицательный ответ, то я не мог и этого сделать, принимая во внимание, что, ввиду невыясненности вопроса о возможности соглашения, я не имел права по совести давать как отрицательного, так и утвердительного ответа.

Как известно всем, баллотировка об органе дала неопределённые результаты. Если перейти к хронологическому порядку изложения, то впредь до баллотировки о самом создании органа на Съезде был поставлен предварительно вопрос о том, как следует голосовать об органе — поимённо или тайно. Считая, что тайное голосование даёт большую свободу выражения всеми своих мнений, чем поимённое, я голосовал за тайную баллотировку.

---

[1] О мотивах решения центра я не касаюсь и, как всегда, верю в искренность и патриотизм всех голосовавших.

У меня была гарантия (лично для меня самого), что даже при тайном голосовании моё мнение ни от кого не скрыто и лежало уже в досье Исполнительного бюро Съезда.

Должен сказать, что проведение на Собрании *поимённого голосования* по этому вопросу произвело на меня крайне тяжёлое впечатление. За себя я могу откровенно ответить, что если бы я даже считал своевременным и необходимым участвовать в голосовании вопроса об органе, без выяснения, будет ли он коалиционным или нет, то и в таком случае я бы во время поимённого голосования всё равно ушёл из заседания, совершенно не признавая нравственного насилия ни над собой, ни над другими в обсуждении и в баллотировке тех вопросов, по которым нам предоставлена признанным Вождём полная свобода суждения[1]. Есть две стадии борьбы во всяком политическом деле. Первая — подготовительная, когда все свободны судить и рядить все деловые вопросы по-своему и выявлять свою идеологию; вторая — решительная и исполнительная, когда все лишь исполняют волю своего водителя и поднимают свой голос лишь тогда, когда этого потребует сам Вождь. Не отрицаю и в последнем случае необходимости поднятия своего голоса и по примеру Якова Долгорукова. Но думаю, что между Яковым Долгоруковым и нами нет при настоящей обстановке никакой аналогии. Сейчас и Вождь не призвал нас ещё к себе в помощь для действенной и активной работы вместе с ним. Да и мы, если бы захотели высказать своё откровенное мнение, имели бы полную возможность это сделать без всякого страха за свою жизнь. Весь вопрос заключается для меня лично не в проявлении особого мужества при поимённом голосовании, а в факте нравственного насилия над совестью человека.

К сожалению, человек создан так, что при тайном голосовании он чувствует себя более свободным и более откровенным перед самим собой. Поэтому, баллотируя закрытыми списками, он больше подчинялся бы своей совести, чем требованиям партийной дисциплины...

В виде справки могу сообщить следующий факт.

Я не знал многих лиц, бывших на Съезде, и поэтому не могу (да и незачем) указывать, кто именно вслух сожалел, что будет поимённое голосование. Сожаление выражали многие из разных секторов и фракций, указывая, что, связанные партийной дисциплиной, они вынуждены были голосовать не по совести... В этот момент я очень и очень порадовался, что я был свободен и что мог действовать лишь по своей доброй совести. Какое это благо и счастье для человека, когда он не связан никакими путами, никакими узкими партийными рамками.

[1] См. стр. [708], подчёркнутое место.

Вы спросите, зачем я всё это пишу и как будто слишком много говорю о себе. В моём изложении на самом деле моё имя не имеет никакого значения. Я лишь говорю как очевидец, как свидетель происходившего на Съезде, исключительно для того, чтобы путём самого простого разбора как-то дойти до выводов, где были ошибки, в чём они заключались и как их можно было бы избежать в будущем. Хотелось бы, чтобы мой анализ принёс в будущем хоть какую-нибудь пользу.

Итак, рекапитулируя всё мною сказанное, мне кажется, не прав был и Председатель Зарубежного Съезда, когда он по каким-то формальным основаниям отверг обсуждение в Исполнительном бюро некоторых предложений, клонящихся к умиротворению разыгравшихся страстей. Не прав был и тот сектор в Зарубежном Съезде, который отверг тайное голосование, которое обеспечило бы полную свободу мнений по самому существенному вопросу, стоящему на Съезде.

Для всякого должно быть очевидно, что заседания на съездах или на больших собраниях могут идти гладко только в том случае, если избрание председателя произошло с полного согласия всего собрания. Если на собрании являются две кандидатуры и если за них происходит ожесточённая борьба на съезде, то единственным выходом из этого положения было бы, чтобы каждая фракция отказалась от своего кандидата и согласилась с другими фракциями на каком-нибудь третьем лице, приемлемом хотя бы для самых главных и влиятельных фракций на съезде. К сожалению, этого соглашения не последовало на Зарубежном Съезде. В этом я вижу большую ошибку, допущенную на Съезде.

Я ещё не кончил своих наблюдений, которые, я думаю, были доступны всякому находившемуся на Съезде... Несмотря на то что на Зарубежном Съезде собрались люди, одушевлённые одним общим горячим порывом, заседания проходили и с внешней стороны, и по существу не так, как диктовали нам красота идеи возглавления, серьёзность момента, величие задачи. Наконец, простое требование приличия и взаимного уважения. Объяснять подобное поведение «некультурностью» нельзя, так как, при общепризнанной культурности французов, в их парламенте немало происходит инцидентов, вроде тех, которые происходили на нашем Съезде. Я лишь скорблю за наши инциденты, потому что в эти минуты мы как будто забывали и величие, и красоту нашей задачи... Зачем топтать нашу «красоту»? Её надо беречь и хранить; её надо считать тем идеалом, к которому мы все стремимся, который нами руководит и который отдаляет от нас всё чуждое, гадкое

и некрасивое... Как на мелочь могу указать на то, что при малейшем несогласии с оратором определённая часть залы прямо его не слушала, начинала кричать и не давала возможности ему говорить... Печальное, грустное явление происходило на моих глазах, отдавалось в ушах и рефлекторно болезненно отражалось на сердце... Я бывал на многих собраниях и давно не запомню такого отсутствия «уважения» разных сторон друг к другу, на самом деле связанных между собой одной общей идеей и расходящихся лишь в частностях...

Кто был больше виноват в этом? Крайне правые, правые или центр? Я не могу судить... Думаю, что в порыве разыгравшихся страстей и с той, и с другой стороны не было проявлено надлежащей сдержанности. Никого не обвиняя, я всё же в самом начале Съезда уже испугался: не отразится ли плохо на результатах Съезда подобное отношение друг к другу?

А принёс ли Съезд благие результаты или нет? Сейчас я этого вопроса сам никогда бы не мог решить. Времени после Съезда прошло очень немного. Многое для меня ещё неясно. Считаю, что всякий вывод в ту или другую сторону, делаемый многими безапелляционно, слишком поспешен. Пока что я слежу за всем тем, что делается после Съезда в разных кружках, фракциях, секторах и т.д., и постараюсь, когда приду к определённому выводу, в новой записке остановиться и на этом вопросе[1].

Сейчас же я ограничиваю свою записку рамками, установленными мною в ведении её.

Считаю, что моя записка была бы неполной, если бы я не остановился ещё на речах некоторых ораторов, допустивших, с моей точки зрения, некоторые ошибки, и на проявленной на Съезде крайней неуступчивости руководителей фракций в разрешении некоторых весьма существенных вопросов.

По последнему вопросу можно было бы изложить подробно историю всех переговоров между разными фракциями, из которой беспристрастный читатель пришёл бы к правильному выводу, какая фракция проявила больше неуступчивости, виновата ли именно одна фракция, а не другая в невыполнении в той или другой части намеченной программы Съезда или, наоборот, своей неуступчивостью она принесла известную пользу общему делу, ради которого собирался Съезд. Наконец, из подробного изложения всего хода переговоров можно было бы, вероят-

---

[1] Написана эта записка почти сразу после Съезда. Теперь прошло уже довольно много времени, и я могу поделиться лишь своими впечатлениями, что, пожалуй, от Съезда не получилось ожидаемых благих результатов.

но, определить и выяснить, нет ли на самом деле, независимо от того или другого мнения фракции, более глубоких причин, которые сразу поставили представителей фракций в непримиримое положение друг к другу. Лично мне интересно лишь выяснить, была ли со стороны фракций ошибкой «эта неуступчивость», можно ли было её избежать и при каких условиях в будущем можно было бы быть уверенным в том, что подобные ошибки не повторятся. Зачем нам сейчас выяснять, кто по количеству раз и даже по качеству, если так можно выразиться, неуступчивости больше виноват, разве можно что-нибудь изменить в том, что произошло? Несомненно, что неуступчивость проявляли и те и другие.

При выборе Председателя Съезда каждая группа стояла на своём кандидате... При выборе секретаря произошло то же самое и т.д. На выборах Президиума соглашения также не состоялось. По вопросу об органе установилась непроходимая стена непримиримости. При этом был пример «уступчивости» со стороны правых, а именно: без установления какого-нибудь предварительного сговора, а, наоборот, даже после неудачных переговоров правые (в вопросе об избрании Президиума Исполнительного бюро Съезда) включили в свой список некоторых членов из центра. По мнению некоторых правых, они сделали уступку центру также в вопросе об органе, так как, имея полную возможность провести такой орган, правые, в конце концов, отказались от этой мысли. Причины уступчивости могут быть различными. Не зная точно мотивов правых[1], я всё же предполагаю, что отказ от создания органа, принимаемый некоторыми правыми за уступчивость, объяснялся на самом деле не их уступчивостью, а другими причинами, которые для меня были ясны в самом начале Съезда. Если Вы обратитесь к началу моей записки, то Вы увидите в ней, что я ещё 10 апреля утром высказывался о невозможности допустить создание однобокого органа и признавал — по самой простой логике, — что такой орган неприемлем будет и для Великого князя. Для правых означенное положение стало ясным лишь в конце Съезда, и они только тогда[2] отказались от создания на самом Съезде органа, несмотря на то что за ними стояло в этом вопросе значительное большинство.

Во всяком случае, в том факте, что ни одна, ни другая сторона не проявляли достаточно уступчивости, я вижу громадную ошибку всех присутствовавших на Съезде. С моей точки зрения, отсутствие

[1] Хотя я и «правый», но на Съезде не входил ни в одну фракцию, считая неправильным подразделение надпартийного Съезда на секторы и фракции.

[2] И то при наличности ещё одного условия, заставившего их пойти по пути, принятому мною с самого начала.

уступчивости на Съезде являлось лишь общим следствием совокупности всего того, что происходило на Съезде. Тут играл, конечно, главную роль, партийный дух, особые полномочия, даваемые разными организациями своим представителям, от которых эти представители боялись отказаться, и т.д. и т.д. Несомненно, были также и более глубокие причины, о которых я не считаю своевременным сейчас говорить.

Перехожу к изложению своих впечатлений по поводу некоторых речей, сказанных на Съезде, и об установленной правыми дисциплине в выполнении ими намеченной программы.

Я не останавливаюсь подробно на речах Н.Е. Маркова. Его полёт мысли и слова всем известны. Говорил он не лучше, не хуже прежнего. По своему характеру я не люблю демагогии, а поэтому даже удачные речи г-на Маркова 2-го на меня не производили впечатления. Если бы г-н Марков отказался от демагогии, которая на Зарубежном Съезде и была как-то неуместна, то, право, он производил бы своими речами гораздо больше впечатления и принёс бы Съезду при разрешении жгучих вопросов гораздо больше пользы, чем своими часто демагогическими выступлениями. Марков 2-й на Съезде был руководителем правых. Я высказывал часто на собрании мысль, что руководители фракций должны были чувствовать громадную ответственность, которую они несут перед Съездом, что они должны вносить везде и всюду дух примирения и согласия. Я также в своём месте останавливался на том, что в действенной борьбе и в активной работе должна быть очень строгая, суровая дисциплина. Эта общая дисциплина должна была быть и на Съезде, но, ввиду её надпартийного характера, на Съезде все должны были быть подчинены своему Председателю как верному истолкователю общих идей всего Съезда — по самым существенным вопросам. Партийной же дисциплине на надпартийном съезде не должно было быть места. К сожалению, с выборами Председателя Съезда произошла ошибка, которая, быть может, повлекла за собой другую ошибку, в смысле раздробления на партии вместо необходимой концентрации всех вокруг своего Председателя. Опытный руководитель партии мог бы и должен по возможности не усугублять одну ошибку другой, хотя бы и вытекающей из первой, а её смягчать. Вот в этом смысле г-н Марков, руководитель правых на Съезде, и, быть может, отчасти г-н Гукасов, руководитель центра, не совсем уяснили лежащей на них ответственной роли.

Марков 2-й действительно и установил строгую дисциплину, но, к сожалению, в пылу борьбы довёл её выше меры даже в таких вопросах, в которых, наоборот, необходимо было бы свободное — согласно воле Великого князя — изъявление мнения. Однако — с теоретической точки зрения — я восхищался Марковым 2-м как руководителем правой фракции. Я был очень доволен и той дисциплиной, которую установил Марков 2-й среди своих сторонников, и изумительно стройным выполнением намеченной им программы. Я не соглашался с Марковым 2-м в вопросе о применении этой дисциплины во многих случаях и думаю, что его дисциплина, использованная не вовремя, очень много помешала удовлетворительному разрешению стоявших на Съезде вопросов. Очень жаль, что А.Ф. Трепов, который работал на Съезде в примирительном духе, не договорился с Н.Е. Марковым и что они оба не выработали между собой одной линии поведения, которая дала бы обязательно благоприятные результаты. Было бы ещё лучше, если бы они удерживали своего нового друга И.П. Алексинского от речей и выставляли бы вместо него кого-нибудь другого... Я должен откровенно оговориться, что я с И.П. Алексинским до сих пор находился в самых лучших отношениях, и надеюсь, что моя критика его речей не повлияет на изменение этих отношений, так как я всё же уверен, что И.П. Алексинский в пылу красноречия и ввиду политической неопытности бессознательно допускал очень много грубых ошибок, а главное — вводил в заблуждение менее знакомых со всеми делами Съезда. И.П. Алексинский допустил в одной речи те же выражения, что Н.Е. Марков, по поводу «преступности» «отсутствия патриотизма» у не согласных с ним. Ввиду очень горячих неодобрительных откликов со стороны сидящих в зале, И.П. Алексинский попросил личных разъяснений, в которых указал, что его не поняли, что он не подразумевал тех, кто пошёл на Съезд с открытой душой, и что в своей речи коснулся лишь тех, кто не пошёл на Съезд... Во время перерыва я обратился к И.П. Алексинскому и высказал ему своё мнение, что среди русского беженства имеется очень много истинных и горячих патриотов, которые не пошли на Съезд, но которые любят свою Родину не меньше сидящих на Съезде. Я хотел высказать эту мысль на самом собрании, но, ввиду ещё не поправившегося моего здоровья, я не решился выступать на Съезде. Если говорит подобные речи г-н Марков, ему это ещё простительно, так как всю жизнь он был демагогом и таким и остаётся и впредь. Его не переделаешь. И.П. Алексинский — при наличии полного хладнокровия в характере — является более ответственным, чем Марков 2-й, за свои слова. Не понравилась мне и другая речь

И.П. Алексинского, когда он, восхваляя себя, указал, что он почти сразу после захвата большевиками Юга России начал уже думать о созыве политического съезда и создании особого органа. На самом деле И.П. Алексинский в течение нескольких лет работал исключительно на создании аполитического органа эмиграции[1] и только год тому назад, в качестве члена группы патриотических деятелей, присоединился к А.Ф. Трепову и ко мне (можно увидеть это из протокола заседания), которые высказывались о необходимости организовать политически широкий по своему составу Съезд. Но всё это пустяки. В одной из своих речей И.П. Алексинский сообщает, что «вопрос об органе был представлен на решение Великого князя... Было постановлено, что решение Великого князя и *будет решающим*... решение последовало (крики: передержка...). Было три предложения: 1) создать орган без упоминания Великого князя; 2) создать орган, связав его с Великим князем, но без публичного оглашения; 3) идти по пути, принятому Великим князем, согласовать деятельность органа с его волей в порядке определённого подчинения. Великому князю благоугодно было остановиться на последней формуле». Вся эта речь была сказана в защиту создания органа. Я тоже стоял на том, что орган должен был бы быть созданным; но должен оговориться, что если бы по этому вопросу был беспристрастный докладчик, то он не был бы так односторонен, как И.П. Алексинский. Этот докладчик не остановился бы только на вышесказанном, а осветил бы для всех этот вопрос со всех сторон. Для этого г-ну Алексинскому следовало бы только добавить, например, нечто вроде следующего: «Сейчас обсуждается вопрос о создании самого органа. Такой орган необходим по таким-то и таким-то причинам; решение по этому вопросу для нас совершенно свободно. В напечатанном Исполнительным бюро листе для членов Съезда сказано прямо: «Ввиду возбуждённого 7 апреля академиком Струве вопроса об органе г-н Лукомский, по поручению Великого князя, передаёт: Его Императорское Высочество с самого начала признал *несоответственным* какое-либо со стороны Его Высочества *давление* или *воздействие* на решения Съезда, ценные лишь в том случае, если они являются непосредственным выражением мнения самих избранных на Съезде». Съезд совершенно свободен в своих решениях, как свободен и сам Великий князь — в определении своего отношения к этим решениям». Более определённо Великий князь высказал своё мнение лишь

---

[1] Такой орган был создан во Франции путём соглашения разных секторов, причём от правого сектора вели ответственную и главную работу гр. Коковцов, Н.Х. Денисов, С.Н. Третьяков и я.

о том, каков, по его мнению, является целесообразным и приемлемым для него орган, если таковой будет избран Съездом. Мнение Великого князя точно формулировано в бумаге от 8 апреля[1] следующим образом: «Орган приемлем для Великого князя лишь в том случае, если Съезд найдёт необходимым согласовать работу избранного им органа с деятельностью Великого князя». В редакции об органе Исполнительное бюро пишет: «Зарубежный Съезд вменяет в обязанность Российскому Зарубежному Комитету предварительно о всех его предположениях и о течении его работы докладывать Великому князю Николаю Николаевичу и принимать к исполнению все распоряжения и указания Его Императорского Высочества, буде таковые последуют». Итак, разбираясь лишь в письменных документах, явствует, что Великий князь желает слышать от членов Зарубежного Съезда искреннее и свободное мнение о целесообразности и своевременности создания органа; в случае признания целесообразным создания органа Великий князь даёт указание о согласовании работы этого органа с его великой работой по борьбе с большевиками. Исполнительное бюро ещё добавило фразу, вытекающую, по его мнению, из указаний Его Императорского Высочества, о принятии к исполнению распоряжений Великого князя... Пока решается один лишь вопрос: желателен ли вообще орган или нет; после свободного разрешения первого вопроса нам, признающим водительство Великого князя, не подлежит разрешать второй вопрос, касающийся компетенции органа, так как мы должны принять его без всякой баллотировки по форме, принятой самим Великим князем...

Перед вами теперь, господа, стоит один вопрос, который вы должны свободно решить: нужен ли для борьбы с большевиками этот орган или нет...»

Вот и всё, что должен был бы сказать И.П. Алексинский, употребив всё своё красноречие для доказательства необходимости создания такого органа. Что же И.П. Алексинский сделал?

И.П. Алексинский сравнительно мало говорил о мотивах, по которым необходимо, по его мнению, образование органа, а начал с того, что «вопрос об органе был представлен на благовоззрение Великого князя», и закончил, что «решение Великого князя последовало» и что «Съезду надо идти в порядке определённого подчинения

[1] В бумаге от 8 апреля имеется сообщение, что Его Императорское Высочество 2 апреля передал г-ну Струве в письменной форме определённые указания. К сожалению, этой бумаги от 2 апреля у меня не имеется, но я думаю, что я верно оперирую в своих выводах, имея лишь бумагу от 8 апреля, так как бумага от 8 апреля является лишь повторением и уточнением мысли Великого князя, высказанной им в предыдущей бумаге.

этой воле». Одним словом, И.П. Алексинский к первому[1] поставленному на разрешение собрания вопросу об органе приписал слова Великого князя по второму вопросу, касающемуся компетенции этого органа. Если докладчик смешивает два вопроса в один, умалчивает о том, что собранию надлежит разрешить последовательно один за другим два вопроса, не выясняет взаимоотношений этих двух вопросов, то приходится прийти к выводу, что докладчик — в мере своих способностей — путал и спутал.

П.Б. Струве принял просьбу собрания и встал для дачи личных объяснений по вопросу об отношении Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича к первому вопросу, то есть к вопросу о создании органа. По второму вопросу — о компетенции органа — г-н Струве не сказал ни слова... Надо быть крайне пристрастным, чтобы сказать, что объяснения г-на Струве были неверны... Между тем громадная часть присутствовавших в зале возмущалась его пристрастным отзывом... Если Вы перевернёте в моей записке одну страницу назад и взглянете на мой проект, который я хотел так вложить в уста И.П. Алексинского, и сравните его с речью г-на Струве (по газете «Возрождение»), то Вы увидите, что слова г-на Струве почти не расходятся с проектом моей речи. Есть лишь одна небольшая разница. Я в своём проекте коснулся сразу двух вопросов, считая, что оба эти вопроса тесно связаны между собой. Г-н же Струве дал разъяснения лишь по первому вопросу и был в этом отношении формально прав, так как в заседании рассматривался лишь один первый вопрос... Эта «формалистика» (откуда г-н Струве научился этой формалистике?) была не по времени и не к месту. Г-н Председатель забыл, что И.П. Алексинский спутал эти оба вопроса вместе и дал им неправильное толкование. Как же при этих условиях г-н Струве долго упрямился и не хотел даже прочитать второй вопрос, как он изложен в проекте Исполнительного бюро... Пришлось после диких и неуважительных нападок со стороны зала на г-на Струве тому же г-ну Струве попросить г-на секретаря прочесть редакцию предложения Исполнительного комитета и по второму вопросу. Ввиду гиканья, негодующих криков г-ну Струве и не удалось потом уже дать исчерпывающего разъяснения по второму вопросу, ввиду чего многие члены собрания остались под впечатлением, что если г-н И.П. Алексинский допустил какую-то ошибку, то, вероятно, очень небольшую, так как для разъяснения истины г-ну Струве самому пришлось прибегать к

[1] Второй вопрос ещё не был поставлен на обсуждение.

каким-то передержкам и умолчаниям. На самом же деле г-н Струве был только формален...

Очень жалею, что г-н Струве вообще не понял роли Председателя. Председателю вообще не следовало так много председательствовать на Съезде. Цели и задачи Съезда были так велики, что Председатель должен был бы тратить всё своё время на то, чтобы быть в курсе всех настроений на Съезде, постоянно общаться со всеми представителями фракций, устраивать почти перманентные частные заседания Президиума с председателями фракций и влиятельными лицами, примирять враждующие стороны, давать примирительные решения и только изредка показываться в заседаниях, по которым состоялось определённое примирительное решение. Я взял на себя в частном порядке инициативу для примирения несогласных между собою сторон, но не имел большого успеха, так как из-за нездоровья не мог тратить достаточно энергии на это, а главное — не был в этом поддержан самим Председателем, который оказался очень формальным и в этом отношении.

Я говорил уже, что меня поразило вообще отсутствие на Съезде достаточного уважения к чужому мнению. Это явление для меня совершенно непонятно. Может быть, моё мировоззрение для некоторых кажется очень упрощённым, несложным и поэтому не заслуживающим внимания. Лично я готов быть другом и искренно уважать как крайне правого, так и просто правого, как члена центра, так даже левого, если эти люди честны, правдивы, искренни, любят свою Родину, воспламенены одной идеей борьбы с разбойниками и грабителями, иначе говоря, с большевиками...

В Зарубежном Съезде были все правые, быть может, кроме двух-трех случайно или по недоразумению попавших более левых по убеждениям лиц, неуверенно ходивших по залам заседаний. Я же слышал, как сам Марков 2-й говорил кому-то, что, к сожалению, в Зарубежном Съезде чересчур много левых. А ведь такие заверения, вроде марковских, повторяю, очень путали приехавших во Францию членов Зарубежного Съезда, не успевших ещё войти в курс всего происходившего...

Дело дошло до того, что на Съезде почти полуофициально признавали существование правых и левых... На самом деле на Съезде были крайне правые, просто правые и так называемый «центр без всякого левого оттенка». Правильнее было бы назвать группу Маркова 2-го крайне правой; течение Трепова с его единомышленниками, а также группу герц. Лейхтенбергского, по существу во многих от-

ношениях схожую с крайне правой группой, — очень правой, а центр — просто правым. Если же считать, что должно быть два крайних фланга (правый и левый) и центр, то тогда группу Маркова 2-го и Крупенского следовало бы по справедливости назвать правой, группу А.Ф. Трепова, группу Лейхтенбергского — центром, торгово-промышленную группу, умеренных монархистов — левыми. Моё миросозерцание ближе всего в последнем случае подходило бы к группе центра, но я считал, что на Зарубежном Съезде не должно было быть никаких подразделений, которые выявлялись бы наружу. Все эти подразделения могли существовать на частных примирительных совещаниях и стушеваться (даже просто исчезать) с открытием официальных заседаний Съезда. Моя точка зрения, которую я проповедовал в каждом углу залы или в кулуарах, осталась висеть в воздухе. Не ошибка ли это? Чья ошибка? Зачем ставить все эти вопросы? Ошибка была. Надо подумать, как бы сделать так, чтобы она в будущем не повторялась...

Как картину из жизни Съезда, из которой ясно видно, что подразделение группировок учитывалось всеми, могу привести следующие примеры... Когда говорил оратор одной фракции, то ему хлопали определённо только из того места, где помещалась в зале фракция оратора. Я сам слышал, как многие кричали соседям: «Как вы смеете аплодировать такому-то, ведь он левый...» и, наоборот, как огорчались и удивлялись многие тому, что такому-то правому, сказавшему, по их мнению, очень плохую или невоздержанную речь, аплодировали $^2/_3$ залы... Я был одним из немногих, которые хлопали и тем и другим, если их речи соответствовали моему личному миросозерцанию. Я сердился на И.П. Алексинского за его неудачные выступления, но в хороших местах аплодировал ему так же, как и г-ну Струве. Во всяком случае, это общее настроение пристрастия и какое-то непонятное неуважение к честному мнению другого как-то убивали у меня то настроение, которое так необходимо для действенной работы...

Я уже говорил, что на Съезде, к сожалению, не было лица, которое объединяло бы между собой хотя бы самые влиятельные фракции. Каждая фракция вела отдельную политику, и редко когда удавалось примирять несогласных между собой. Факт «разделения», а не объединения к концу Съезда становился всё более явственным. Соглашению фракций по разного рода резолюциям я не придавал особого значения, так как мне казалось всегда, что в России будут верить не так нашим резолюциям, как активным действиям. В виде примера

разноголосицы на Съезде я приведу слышанные мной на собраниях Съезда суждения разных лиц по поводу создания органа.

Многими высказывалась мысль, что орган должен быть общественным и независимым. Другие считали, что создание органа при отсутствии всяких средств к существованию может дискредитировать его и повредить успеху дальнейшей борьбы с большевиками. Третьи считали, что орган необходим и должен быть во всём подчинён Великому князю. А четвёртые говорили, что раз Великий князь провозглашён вождём, то следует признать, что Великий князь сам, лично, в удобное время, назначит в подмогу себе для исполнения тех или других обязанностей сведущих, решительных и честных помощников. Пятые считали, что следует во всём руководиться указаниями Великого князя. Шестые заявляли, что Великий князь ждёт свободного волеизъявления, седьмые — вроде И.П. Алексинского — спутали всё в один клубок, а восьмые — вроде П.Б. Струве — своими речами нисколько не помогли, чтобы хоть как-нибудь распутать хотя бы одну нить в этом клубке; и наконец все всё перепутали, перестали понимать друг друга, но всё же ни в чём друг другу не уступали...

И произошёл этот хаос не потому, что у членов Зарубежного Съезда было мало патриотизма... Нет, каждый в отдельности являлся глубоким патриотом. Но в общей массе многие члены становились или верными партийными деятелями, или просто не сумевшими в этом хаосе найти верное и деловое решение. Я лично всегда очень страшился партийных решений, а на этом Съезде, быть может, эта партийность повредила Съезду больше, чем какая-либо другая, тоже более или менее основательная причина.

Беда, конечно, не в том, что люди были разного мнения, а в том, что на Съезде не нашлось ни одного авторитетного лица, которое своим влиянием сумело бы из общей разноголосицы вынести на своих плечах из Съезда одно общее — примиряющее решение.

Кончилась же вся эта неразбериха тем, что Великий князь сам сообщил членам Съезда, что он не смог бы работать с таким органом, при одном создании которого создалось столько разногласий, а главное, который по своему составу был бы односторонним.

Я совершенно не касался в своей записке тех светлых сторон Съезда, которые были проявлены на нём. Эти светлые стороны отмечены в двух русских парижских газетах. Я не касался и других сторон Съезда, которые были тоже отмечены в газетах. Я коснулся в своей критике тех сторон, которые не были задеты ни в одной из газет. Если я написал свою записку, то исключительно для того, что-

бы дать влиятельным лицам в политике доброжелательную критику в надежду, что такая критика только и может принести пользу в будущем. Я хочу верить, что наступят благоприятные времена, когда мы снова соберёмся вместе уже для установления полного единения во имя действенной борьбы с большевиками. Я не коснулся в своей критике многих ораторов на Съезде, так как критика отдельных мнений не представляет для существа дела значения. Я коснулся лишь тех сторон Съезда, разбор которых может в будущем хотя бы в некоторой степени помочь людям более разбираться в речах, не поддаваться демагогии, подходить ближе к общему настроению, выяснять мотивы этих настроений, настаивать на предварительном разрешении в Исполнительном бюро более спорных и жгучих вопросов, отрешаться от узкой партийности и отказываться от требований лидеров партий, если они клонятся к удовлетворению партийных интересов в ущерб общему надпартийному делу, относиться с большим уважением к чужому мнению, быть более терпимым, сосредоточиваться на главной цели, откидывая второстепенное, неважное, а главное — ещё раз скажу — всё узкое и партийное...

Меня могут упрекнуть, что в своей записке я не затронул вопроса о степени виновности той или другой стороны, не разобрался, на ком же лежит ответственность за то, что результаты Съезда оказались малоудачными в сравнении с теми ожиданиями, которые на него возлагались. Другие, наоборот, станут упрекать меня за то, что я умолчал о том значении и тех благоприятных результатах, которые дал Съезд.

Я уже писал, что ещё очень трудно дать определённое суждение о степени достигнутых результатов на Съезде. Будущее покажет. Точно так же я уже отметил, что я вовсе не собирался в своей записке разбираться в степени виновности тех или других лиц по отношению к Съезду. В мою задачу входило выяснение ошибок исключительно для того, чтобы избегнуть их в будущем. Если я — в порядке изложения ошибок — упомянул имена двух или трёх лиц, то я это сделал не потому, что я их считаю виновниками с какой-либо стороны по отношению к Съезду, а потому, что они своими действиями и словами допускали, с моей точки зрения, некоторые промахи и даже ошибки. Но это ещё вовсе не значит, что эти лица своими действиями повредили в чём-нибудь Съезду. Не ошибается только тот, кто ничего не делает...

Весьма возможно, что, при глубоком анализе происходившего на Съезде, эти лица нисколько не повредили Съезду. Возможно, что даже если бы не было всех этих ошибок, то результаты Съезда остались бы теми же, какими мы их осязаем и чувствуем в настоящее время. На

этих словах я и заканчиваю записку, добавив лишь своё глубокое сожаление, что молодёжь, от которой я ждал очень много поучительного и для себя, сходящего — по нездоровью и возрасту — от активной работы, в своих речах не дала мне этого удовлетворения. Не выдвинулось ни одного талантливого оратора, кроме одного, прочитавшего по записке: «Мы (молодёжь) и Великий князь, а не вы...» Надо откровенно сказать, что старость слаба для активной работы, а молодёжь чересчур быстра в своих решениях и выводах. Я бы с большим удовлетворением услышал от молодёжи, если бы она сказала: «Мы будем учиться и у вас, и у наших врагов, как надо бороться. Быть может, возьмём примеры и не с вас[1], но, во всяком случае, когда подготовимся, то все свои силы отдадим Вождю». Выражение же такого неуважения со стороны молодёжи[2] ко всему собранию или к части его является громадной ошибкой с их стороны. Уверен, что эта молодёжь, в конечном итоге, поймёт своё по существу даже несправедливое выступление и что именно эта ошибка ни в каком случае не отзовётся на результатах Съезда.

Я. Савич

P.S. После Съезда я был приглашён Абр. О. Гукасовым на банкет, который он устраивал для членов Съезда. Я вначале отказался, думая, что этот банкет был устроен специально для входивших в одну группу; но г-н Гукасов мне указал, что он пригласил представителей разных течений. Ввиду этого я пошёл на банкет и произнёс там речь, в которой коснулся двух вопросов. Прежде всего, я высказал идею о необходимости взаимного уважения в общей работе, а кроме того, выразил, с одной стороны, огорчение, что на Съезде произошло разделение, и с другой — полную уверенность, что неблагоприятные последствия от этого разделения будут сглажены путём установления между двумя группами контакта в виде какой-нибудь «согласительной комиссии», в которую должны войти для активной борьбы с большевиками представители обеих групп. Сочувствуя Съезду и созданию единого органа на Съезде, я не вошёл после Съезда ни в ту, ни в другую группировку. Мотивы, по которым я решил так поступить, мне кажутся основательными и разделяются на официальные и официозные. Официозный мотив — и притом вполне правдивый — это тот, что, по настоянию доктора и семьи, я воздерживаюсь от работы выше своих сил. Сейчас я пока остаюсь сек-

---

[1] И это правильно, так как в борьбе с врагами надо прежде всего изучать силы и тактику *врага*.

[2] Молодой оратор, как оказывается, говорил не только от себя, но от почти всей молодёжи, представленной на Съезде.

ретарём Русского Комитета Объединённых Организаций под председательством гр. В.Н. Коковцова и членом Эмигрантского комитета от правой группы, возглавляемой гр. Коковцовым. Наконец, я совершенно не отказываюсь продолжать работу в группе патриотических деятелей под председательством А.Ф. Трепова. Пока деятельность этой группы приостановилась. Надеюсь, что это явление временное, так как характер работы в этой группе для меня был чрезвычайно симпатичен. Состою ещё членом Комитета Торгово-Промышленного Союза, членом Банковского комитета и работаю в Петроградском международном коммерческом банке, как член правления такового.

20–25 апреля 1926 г. *Я. Савич*
Париж

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СЛОВ, СКАЗАННЫХ гр. В.Н. КОКОВЦОВЫМ* [НА ЗАВТРАКЕ У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА]

25 мая 1926 г.

Было бы ошибкою переоценивать значение только что состоявшегося Зарубежного Съезда, как и достигнутых им результатов. Оставляя в стороне и предшествовавшую Съезду агитацию, и принимавшие иногда довольно страстный характер внутренние на Съезде трения, я не могу в качестве стороннего, беспристрастного наблюдателя, не принимавшего непосредственного в нём участия, прежде всего не отметить, что по самому существу своему Съезд, хотя и названный Российским Зарубежным, в действительности не представил собою всего Русского Зарубежья.

В самом деле, не будем забывать, что весьма значительные группы — от Милюкова и левее — совершенно не приняли участия в Съезде, иначе говоря, в нём не участвовали все те, которые ещё мыслят возможным восстановить Россию на началах республиканского строя, да ещё при действии четырёхчленной избирательной формулы.

Таким образом, если говорить о том, кого представил *Съезд,* необходимо помнить, что *он объединил не всё беженство, а лишь ту*

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 3, л. 4–7об.

его часть, которая почитает, что восстановление русской государственности может быть посильно только при направляющей и решающей единой воле. И при целом ряде предварительных условий, которые должны предшествовать решению коренного вопроса о будущем государственном строе нашей Родины.

Это объединившее членов Съезда и их избирателей убеждение нашло себе выражение в том постановлении, с которым *Съезд обратился к Великому князю Николаю Николаевичу как единодушно признаваемому им Национальному Вождю.*

В этом, как справедливо отметили все говорившие, конечно, и *заключается главнейшее достижение Съезда.*

Но не будем преувеличивать в этом случае значение сказанного постановления, ни тем более видеть в нём каких-либо особых заслуг Съезда. Оно естественно вытекло из того несомненного для всех нас обстоятельства, что в России мало кого из нас уже знают, едва ли к кому из нас направлены взоры покинутой нами страны, а Великий князь пользуется, как нам говорят и как всем нам хочется верить, широкой известностью. И потому *естественно* было, повторяю, общее принимавших участие в Съезде *стремление объединиться вокруг Его Императорского Высочества как Вождя и руководителя русского национального дела.*

Но если достигнуто это всеми признаваемое важным решение, если достигнуто единодушие и в прочих постановлениях Съезда, то *то, что произошло после Съезда, грозит ослабить произведённую Съездом работу и самое значение его достижений.*

В самом деле, призванный в общем сознании объединить беженство Съезд в известной мере ответил этой цели, явив единодушие значительной части Русского Зарубежья.

Так было, так казалось при закрытии Съезда. Но через несколько дней уже выяснилось, что в результате объединительной деятельности Съезда образовалось два объединения: одно именует себя патриотическим, другое — центральным. Оба приемлют Съезд и разделяют его постановления, оба признают Вождём Великого князя Николая Николаевича, и тем не менее оба идут не слитно, не вместе, а двумя отдельными путями.

Даже русским, не посвящённым в дело, непонятно образование двух объединений, идущих к одной цели и как будто в одном направлении. Ясно, однако, что действительного единства между ними нет, иначе как было бы не прийти к слиянию их в одно целое. И естественно, крепнет и ширится мнение, что *единодушие Съезда не поро-*

дило объединения беженства, даже в той его части, которая пришла на Съезд.

Каково же должно быть то впечатление, которое такое положение вещей произвело на иностранцев, и в частности на тех, среди которых мы живём? Не забудем, что Франция долгие десятилетия наблюдала у себя польскую эмиграцию, сумевшую отбросить всё её разделявшее и создать деятельный центр. И не право ли будет иностранное общественное мнение и деловые круги, если, наблюдая две однородные и одноцельные группировки, не способные договориться даже между собой, отнесутся по меньшей мере скептически к возможности самых скромных наших достижений?

Я, конечно, далёк от мысли, как и все присутствующие, что достаточно добиться объединения — и сразу начнутся какие-то решительные действия. Более других, может быть, я не вижу их и даже не усваиваю себе самой их возможности нашими слабыми силами. Однако необходимость центра в чисто практических целях нашей повседневной беженской жизни чувствуется всеми, и даже с этой точки зрения объединение обеих создавшихся группировок имело бы немалое значение.

Итак, и *с точки зрения русского дела, и в интересах нашего беженства нужно приложить все усилия к тому, чтобы как завершение Съезда родилось единое объединение.* В противном случае нужно будет признать, что достижения Съезда и открытые ими возможности не только не использованы, но сведены к более чем скромной величине в прямой вред и ущерб *русскому делу,* даже в пределах нашего скромного понимания.

Существование двух объединений есть результат отрицательный, этого не надо от себя скрывать и не следует пытаться его оправдывать.

РЕЗЮМЕ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОС. ЗАР. СЪЕЗДУ*

(Доставлены бар. Фелькерзамом)

«Дейтше цайтунг». Проводится мысль, что эмиграция является выразительницей взглядов значительной части русского народа, подчиняющейся, но не сочувствующей советскому строю.

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 3, ед. хр. 5, л. 13–17.

На Съезде были представлены различные «национальные» политические течения. Бойкотировали его только Милюков с крайними демократами и Керенский с социалистами, хотя и они враждебны большевикам. Официально не принимал участия и «лагерь Царя Кирилла», хотя многие из этого лагеря участвовали на Съезде *лично*. Это им оказалось возможным, потому что Верховный Вождь освободительного движения Великий князь Николай Николаевич не является претендентом и самый вопрос о будущей форме правления на Съезде не поднимался.

Для Германии интересно то, что на Съезде не бросалась в глаза какая-либо французская ориентация. Если речь (сказанная по-русски) французского депутата Эрлиха была встречена бурными овациями, то это понятно, ибо он говорил, «что Париж был спасён жертвенною деятельностью Русской армии».

Почему-то распространено мнение, что Царь Кирилл держится германской ориентации, а Великий князь Николай — французской. Это абсолютно неверно: национальная Россия примет всякую протянутую руку — так смотрят круги, близкие к Великому князю.

«Мюнхен нейастен нахрихтен» (апрель). В статье подробно и правдиво рассказывается о трениях на Съезде в связи с вопросом об «органе» и подчёркивается уступка правых (имевших две трети голосов) в целях единодушного решения.

Единодушие Съезда сказалось в единодушном «призвании» Великого князя Николая Николаевича стать во главе движения в качестве Верховного Вождя.

Съезд представлял собою почти всю русскую эмиграцию, так как не принимали участие только небольшие группы Милюкова и Керенского. Имя Великого князя Кирилла Владимировича (провозгласившего себя на основании легитимного принципа Царём) не было упомянуто. Но одно единодушное признание Великого князя Николая Николаевича Вождём и *«Знаменосцем России»* указывает, что движение Великого князя Кирилла в настоящее время теряет всякое значение и может быть лишь вопросом будущего, когда русский народ будет устанавливать для себя форму правления.

«Дер таг» (апрель). «Последствия Парижского Эмигрантского Конгресса». В статье указывается, что главнейшим результатом Съезда два: 1) единодушное признание Вождём освободительного движения Великого князя Николая Николаевича, 2) выявление твёрдой решимости эмиграции бороться с сов. режимом, не идя ни на какие с ним соглашения. Русская эмиграция, численностью в два мил-

лиона, может себя рассматривать как выразительницу мнения русского народа, в России лишённого возможности высказаться.

Хотя ров между правыми и левыми на Съезде был глубок, но правые, имевшие значительное большинство, не хотели злоупотреблять своею численностью, стремясь к единодушию.

«Мюнхнер нейестен нахрихтен» (май). В статье проводится мысль, что хотя русская эмиграция не имеет возможности активно бороться с советским режимом, но уже одно то, что она на Съезде открыто заявила о необходимости решать важнейшие вопросы только на Русской земле и согласно желаниям русского народа, даст ей сильную поддержку в самой стране.

Для немцев выяснилось на Съезде, что нельзя делить эмиграцию на два лагеря — один германофильский, другой антантофильский и непримиримо враждебный к Германии. Ясно, что возрождённая Россия будет наиболее дружна именно с тою страною, которая поможет ей при нынешних обстоятельствах.

«Совершенно верно, что Царь Кирилл и его круги стоят за будущее содружество с Германией; но ведь и в парижской колонии, и в кругах, близких к Великому князю Николаю Николаевичу, хорошие отношения в будущем с Германией считаются необходимыми. Только последователи Милюкова и Керенского непоколебимо антантофильны. Правые и умеренно либеральные эмигрантские круги, несомненно, стремятся к установлению хороших отношений с национально настроенными немецкими кругами».

«Дейтше цайтунг» (Берлин, март). Статья бар. Фелькерзама «Когда легитимисты не едины — удерживается революция». Раскол между русскими монархистами приносит, несомненно, ущерб, но, однако, не имеющий большого значения. Дело в том, что нет налицо борьбы двух династических линий. А лишь разногласие, выражающееся в том, что одни признают Царя Кирилла, другие же следуют за своим Вождём — Великим князем Николаем Николаевичем. Между тем Великий князь не только не выставляет себя претендентом на престол, но считает, что самого вопроса о форме правления в России нельзя решать без русского народа и вне России.

Всё это вопросы внутреннего значения, и они могут интересовать немцев только с точки зрения отношений между Германией и будущею Россией.

Вполне понятно, что некоторые русские строят надежды на помощь Франции или Англии, другие — на помощь Германии. Но можно быть уверенным, что они с радостью возьмут любую протянутую руку.

Распространено мнение, что лагерь Царя Кирилла держится германской ориентации, а лагерь Великого князя — французской. Насколько это мнение ошибочно и необоснованно, доказывается уже фактом, что Высший Монархический Совет, принадлежащий всецело к лагерю Великого князя, заседает в Берлине. Итак, Германия совсем не заинтересована в том, которое из этих двух течений победит. Если только она поможет России сбросить большевистское ярмо, она, можно сказать с уверенностью, будет иметь за себя всех русских монархистов вместе взятых.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ [ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА]*

Июнь 1926 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

После событий начала 1917 года я принял твёрдое решение безусловно *не вмешиваться в политику,* дабы не осложнять создавшуюся грозную и запутанную обстановку в России.

Этого решения и придерживался в Крыму до *вынужденного* моего выезда весною 1919 года из Крыма, в Италии с 1919 года до осени 1920 года и во Франции до весны 1923 года. В тех же видах я жил и живу *за границею официально инкогнито*, под именем г-на Борисова.

В конце 1917 или в начале 1918 года до меня изредка доходило, что стали иногда упоминать моё имя в связи с делом спасения России от большевиков. В Италии вышесказанное участилось, во Франции ещё более, и начались уже прямые обращения ко мне с *призывом к активной деятельности в различных формах*. Наряду с такими обращениями стали поступать просьбы о приёме. Они поступали от отдельных лиц ещё в Крыму, в Италии их стало больше, во Франции число их всё увеличивалось, а к весне 1923 года они ещё значительно участились.

Постоянный и всё более настойчивый характер, который приобрели к этому времени такие обращения и просьбы, вынудил меня всесторонне выяснить этот вопрос.

Мне было известно, что из моего невмешательства в политику и из отказов в приёме различных деятелей начали выводить заключение, что меня более не интересует судьба России.

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 2, ед. хр. 3, л. 4–7.

При создавшейся обстановке я пришёл к заключению, что мне *необходимо лично проверить, насколько серьёзны обращения* ко мне с призывом к активной деятельности, и удостовериться, кто именно этого желает и какие политические группы в этом солидарны.

Для широкого осведомления главным центром являлся Париж, но, ввиду моего инкогнито и по соображениям политического порядка, я не считал возможным избрать Париж местом моего пребывания.

Поэтому, решив в интересах дела покинуть юг Франции, где я жил с осени 1920 года, я должен был устроить мою жизнь в окрестностях Парижа и в возможной от него близости.

ПЕРЕЕЗД В ШУАНЬИ

Поселившись здесь, в Шуаньи, в самом начале мая 1923 года, *я стал принимать всех лиц,* желавших меня видеть и говорить со мною. Вёл я с ними самую откровенную беседу, отвечая на все их вопросы.

Из моих собеседований *я получил весьма ценные для меня данные* и впечатления как об общей обстановке, так и о большинстве деятелей, их взглядах и видах и об отношении к моей личности.

Общий ход событий, достигшие до меня сведения из России, новые из всех мест русского рассеяния обращения ко мне, наконец, денежные жертвы на *русское дело* из трудовых грошей нашего беженства — всё это вместе взятое определило *в конце 1923 года моё решение приступить тогда же к подготовительной работе,* которая ведётся ныне, не видная для широких кругов, но напряжённая, в мере имеющихся возможностей.

Она постепенно расширялась в следующем, 1924 году, когда, в видах сохранения единства *армии, я открыто встал во главе её.*

ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД

Так протекло время до 1925 года, когда возник вопрос о Зарубежном Съезде, сосредоточивший на себе внимание Русского Зарубежья во второй половине этого года и в начале текущего.

Зарубежный Съезд выявил свои *взгляды по основным вопросам бытия России,* и для меня было очень ценно, что взгляды эти оказались в полном согласии с моими и лишены всякого стремления *предрешить здесь* подобные вопросы.

Выявил Съезд и *отношение ко мне русских,* вынужденно находящихся вне её пределов, и единодушие Съезда в этом случае также для меня *крайне показательно.*

Некоторые лица, однако, считают, что Съезд не удался, и как неуспех его учитывают образование в результате Съезда двух группировок.

Приветствовать этот факт, конечно, нельзя, но делать из него подобный вывод было бы преувеличением. Я склонен считать, что *образование двух не объединённых в их работе группировок есть явление временного характера* и что общая цель и добрая воля их участников приведут к взаимодействию между ними, необходимому для дела и естественному для тех, кто посвящает себя борьбе с III Интернационалом и делу свержения его власти в России.

За эти три года я лично с полною откровенностью и неоднократно высказывал, что *могу работать только с теми, для которых интересы Родины превыше партийных и личных,* а при этом условии *достичь единства* и взаимодействия всегда возможно.

ВОЖДЬ И ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Я знаю, что существует некоторая *разность во взглядах на отношение ко мне как к Вождю:* от желания моего безотлагательного, официального для всего мира, выступления в качестве такового до считающих, что я должен стоять в стороне и предоставить всю подготовительную работу иным деятелям.

Казалось бы, раз есть полное доверие к Вождю, целесообразнее предоставить ему решить *форму* его отношения к делу.

В чём, по моему мнению, собственно, должна и может заключаться подготовительная работа к спасению России?

Внешние сношения

В основу её, прежде всего, должны быть положены сношения, при благоприятной обстановке, с деятелями различных государств. Это дело может осуществлять только одно лицо, которое руководит всем делом, то есть Вождь. Только он сам может избрать необходимых ему и пользующихся полною и заслуженною его доверенностью помощников, и то в исключительных случаях и в ограниченном числе. По самому существу своему эта отрасль работы не допускает никакой огласки и требует тайны.

Связь с Россией

Другая, не менее важная подготовительная работа заключается в организации связи с Россией, *дабы знать своевременно, что происходит там, и чтобы там знали, что мы делаем всё возможное для подания России руки помощи*. Нужно ли говорить, что и эта работа требует сугубой осторожности, особой осмотрительности и, конечно, сокровенности, вызывающих сосредоточение её в одних руках, под единоличным руководством того лица, которое, будучи в курсе всего, может дать ей соответствующее всей обстановке направление, то есть Вождя.

Изыскание средств

Наконец, третья отрасль подготовительной работы, и притом, в стадии подготовки, чрезвычайно важная, — это *изыскание денежных средств,* без коих невозможно осуществление никакой работы вообще, а организации связи с Россией и в особенности.

Течение и успех этой последней стоят в непосредственной и прямой зависимости от размера имеющихся на неё средств и уверенности и планомерности их поступления. Скажу более, самое *приближение конечного, всем желанного результата в значительнейшей степени зависит от денег*.

Поэтому все силы, знание и опыт должны быть направлены в эту сторону, ибо это долг и дело всего Зарубежья, как дело общее и общественное.

Всем этим далеко не исчерпывается подготовительная работа. В её задачи входит *учёт, поддержание и сохранение тех сил и организаций, которые доказали свою жизненность* и полезность и необходимость которых для будущего России стоят вне сомнения.

К числу таких сил я отношу, в первую голову, *воинские наши кадры и нашу молодёжь*.

Армия

Как бы ни суждено было нам вернуться на Родину, вся важность наличия в нашей среде чинов армии, проникнутых сознанием и чувством долга и стоящих на уровне современных военных знания и опыта, должна быть понятна каждому.

Не сомневаюсь, что ясна и важность той работы, которая вот уже три года *настойчиво* ведётся в этом направлении, хотя и с ничтожными сравнительно средствами. Отмечу, однако, что не только

её расширение, но и самая возможность продления этой работы стоят под сомнением из-за материальных затруднений.

Молодёжь

О молодёжи распространяться не приходится, она — *будущность России.* Укрепить в ней преданность и любовь к Отечеству и дать ей истинное постижение его прошлого, вооружить знанием, — конечно, несомненный и общий наш долг.

Научные силы

Обязаны мы перед Россией поддержанием и тех представителей науки, которые вынесли оттуда в чистоте свои знания и ныне не только делятся ими с молодёжью, но находят в себе силы их развивать и совершенствовать.

Технические силы

После всё разорившего лихолетья России долгие годы придётся отстраиваться и строиться во всех областях её жизни, и нужно сосредоточить особое внимание на тех технических силах, что имеются в эмиграции.

Медицинское дело

Мы все знаем, во что превращено в России при советской системе правления *медицинское дело.* И это в то время, когда общий уровень народного здоровья с каждым днём и всё резче там падает.

В этих условиях необходимо *использовать знания и опыт* имеющихся на чужбине медицинских русских сил, выяснить, *в чём должна заключаться та помощь, которую мы должны принести с собою,* и быть и в этом отношении во всеоружии в нужный момент.

Советское законодательство

Наконец, не забудем, что Россия ослаблена не только физически. Поколеблен и здравый дух её, выразителем которого в государстве является закон. *В России нет права, а есть извращение самого его понимания.*

Но быть осведомлённым о советском законодательстве и в то же время хранить основы Русского Права — крайне важно. Это позволит вернуться, зная, что мы найдём на Родине и как применить создавшуюся там обстановку. Работа ведётся в этом направлении.

Я наметил только в самых общих чертах те мысли, которые владеют мною уже с давних пор.

Я вполне сознаю величайшую трудность их осуществления среди тех, *исключительно неблагоприятных* условий, в которых протекает наша общая жизнь вдали от *одинаково всем нам дорогой нашей Родины.*

Мне особенно ценно поэтому услышать голос тех, кто одинаково со мною думает *только об одном — о возвращении нашей Родины на путь порядка, законности и мирного труда,* мне важно знать, как осуществить эти мысли, как претворить их в дело, в чём и насколько могу я рассчитывать на деятельную помощь?

Я буду искренне признателен за всякое откровенно высказанное слово и с благодарностью приму всякий совет, так же как и всякую попытку внести поправки и дополнения в то, что мною выражено лишь самым беглым образом.

БЕСЕДЫ У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА*

В течение минувшего июня у Великого князя Николая Николаевича состоялся ряд бесед, в которых приняло участие до ста лиц.

Предметом бесед служила общая обстановка, сложившаяся в настоящее время, и те выводы, которые могут и должны быть из неё сделаны в деле спасения России. Значительное место в этих беседах было отведено и состоявшемуся в апреле в Париже Зарубежному Съезду.

Указанным содержанием бесед предопределялся и самый состав его участников, весьма широкий как по прошлой, так и по настоящей их деятельности. К участию в беседах были привлечены не только члены Зарубежного Съезда и образовавшихся после него двух политических объединений, но и лица, не входящие в их состав и не принимавшие участия в Съезде, а также члены целого ряда общественных и профессиональных организаций.

Такой состав участников бесед в полной мере обеспечивал всестороннее, лишённое какого-либо партийного характера, освещение существующей обстановки.

В результате бесед можно с полным удовлетворением установить единодушное признание, с одной стороны, значения Зарубежного

* «Отечество», 4 июля 1926 г.

Съезда как нового серьёзного шага в деле борьбы за спасение нашей Родины и, с другой стороны, осуществимости действенного единения национально мыслящих элементов в подготовительной работе, направленной к этой цели.

ГОДОВЩИНА ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

В первых числах апреля прошлого года открылся в Париже Зарубежный Съезд. Он всколыхнул всю беженскую массу, вселил большие надежды в людях.

Казалось, весь вопрос будет разрешён, покончено с разбродом, достигнуто объединение, создан руководящий центр. И когда этого не случилось, то наступила полоса общественной депрессии. После подъёма — упадок, это естественно. Люди стали отворачиваться от того течения, которому они отдались с таким рвением в своих преувеличенных ожиданиях.

Задача сплочения русских сил не удалась. Но и трудности были невероятные.

Вспомните, что предстояло объединить деятелей торгово-промышленных с представителями дворянско-помещичьего землевладения, либералов — с правыми, Высший Монархический Совет — с Национальным Союзом, то есть Карташёва, Фёдорова, Семёнова с Крупенским и Марковым 2-м; если прибавить к этому казачью рознь и всю трудность примирить течение, возглавляемое ген. Красновым, с атаманами и объединённым казачеством, если припомнить то упорное противодействие Съезду, которое проявили более левые демократические группы, и усилия, направленные к тому, чтобы сорвать Съезд, то станет ясным, что одно то, что Съезд состоялся, является уже значительным достижением.

Если же не удалось создать объединяющий центр, то значит ли это, что Съезд провалился? Нет. Прежде всего, это не был мёртвый, а живой съезд. Велась напряжённая политическая борьба, заставившая выйти из застоя и неопределённости и выявить самих себя.

Собрать со всех концов мира 420 представителей, не только из Европы — из Польши, Финляндии, из Софии, Белграда, Константинополя, Берлина, Праги, но и из Африки, из Америки и Дальнего Востока, добыть при нашей нищете потребовавшиеся огромные средства, сорганизовать, провести собрание из случайной, в сущности,

* «Новое время», 3 апреля 1927 г.

сбродной толпы, добиться общих постановлений и единогласного признания Великого князя Николая Николаевича Национальным Вождём — это значительный успех, свидетельство внутренних сил Зарубежья, показатель вместе с тем, что программа, на которой собирался Съезд, соответствует настроениям и чаяниям широких кругов русского зарубежного общества.

Никакая другая партия, никакая другая политическая программа не могли бы объединить и десятой части.

Пусть попробовал бы Милюков с его республиканско-демократической программой, или эсеры, или какая угодно другая политическая группа попыталась бы собрать свой съезд — и что же? Разве когда-либо им удалось поднять и привести к избирательным урнам 16 тыс. человек, как это было в Сербии? Что бы ни кричали о фальсификации выборов белградской комиссией, никаким криком нельзя умалить эти 16 тыс. поданных голосов.

Я видел, как к избирательным урнам шли инвалиды, калеки, слепые с их провожатыми. А кто их поднял? Одно имя Великого князя Николая Николаевича. Вот это знаменательно, и это нужно твёрдо запомнить. Все эти предвыборные партийные ожесточения, грубые выходки, угрозы «правой стенкой», оскорблённые самолюбия и истерические выходки — всё это забудется, но история отметит, что в апреле месяце 1926 года в Париже собрался Зарубежный Съезд и обратился к русскому народу со словом примирения.

Отказ от предрешения за рубежом вопроса о монархии, отказ от возвращения земель, отказ от вражды и мести — вот что останется навсегда памятником Русского Зарубежья в годы изгнания.

Если вы вспомните историю французской эмиграции, к которой нас стараются так часто приравнять, то вы не найдёте там ничего подобного.

Во французской эмиграции были претенденты, но не было принца крови, отказавшегося от всяких личных притязаний и сделавшего обращение, подобное заявлению Великого князя. Там был Кобленц, была армия принца Конде, но не было Белого движения, и я смею прибавить — не было Зарубежного Съезда.

Только отдельные люди среди французской эмиграции подымались до понимания задач своего времени. Жозеф де Местр понимал — и нельзя не отметить, что мысли его как раз совпадают с тем, что было признано на Зарубежном Съезде. «Реставрация не должна сопровождаться возвращением конфискованных земель эмигрантам, — говорил он. — Монархия — это мир, а не вражда. Нужно откинуть

всякую мысль о мести. Забвение всему прошлому, ни казней, ни преследований».

Понимал и Малле дю Пан, когда он отстаивал либеральную монархию.

Но масса эмигрантов ничего не хотела знать. «Она ничего не забыла и ничему не научилась».

Значение Съезда выяснится тем ярче, если вы вспомните, что не далее как года три перед тем в Париже был собран съезд членов Учредительного Собрания*. Нам хотели навязать в виде великого авторитета чьи имена? Виктора Чернова, Керенского, Милюкова, Авксентьева, Минора... Вот кто притязал на главенство, на представительство перед иностранными державами, на руководство русским делом. Всё Белое движение, армия, монархические течения, церковь — всё отметалось как силы реакционные. «Будущее принадлежит тем, кто скомпрометировал себя в революции и тем неразрывно связал себя с ней», — заявил Милюков.

Если это припомнить, то станет ясно, какой произошёл общественный сдвиг от Учредительного Собрания до Зарубежного Съезда, и станет также понятно всё ожесточение против него скомпрометированных и связанных с революцией.

Съезд определил наш путь. Пусть кругом происходят обвалы, пусть вспыхивают огни раздоров, мы не должны сворачивать с раз избранного пути.

Н. Львов

ЗАСЕДАНИЕ У ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА**

2 июня 1927 г.
Шуаньи

Присутствовали: А.Ф. Трепов, П.Л. Барк, ген.-лейт. барон П.Н. Врангель, проф. И.П. Алексинский, А.О. Гукасов, ген. от инф. Кутепов, ген.-лейт. Лукомский и кн. Н.Л. Оболенский, при секретаре В.В. Попове

---

* Вероятно, речь идёт о совещании членов Учредительного Собрания, состоявшемся 8–22 января 1921 г. в Париже. Ему предшествовало предварительное совещание (декабрь 1920 г.), на котором возникла идея объединения бывших членов Учредительного Собрания. Из 56 приглашённых в январском совещании участвовали 36, большинство из которых — эсеры. По окончании совещания была принята декларация.

** Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 2, оп. 1, к. 1, ед. хр. 43, л. 11–21.

Великий князь Николай Николаевич отметил, что в общей политической обстановке за последнее время произошли чрезвычайно значительные изменения. Таковы события на Дальнем Востоке в той их части, которая касается взаимоотношений Китая и Советского правительства, а также недоразумения с последним в Англии, завершившиеся разрывом дипломатических отношений между британским правительством и Советами и прекращением действия существовавшего торгового соглашения. Осветить значение этих событий, и в особенности новой стадии английской политики с точки зрения русского дела, выяснить возможные от того последствия и уяснить себе способы использования этих событий, дабы подвинуть русское дело, чрезвычайно важно. Пользуясь приездом в Париж П.Л. Барка, близко наблюдающего Англию, Е.И.В. пригласил присутствующих, мнению которых придаёт особое значение, и просил их со всею откровенностью высказать в предстоящей беседе свои по этому вопросу соображения.

При этом ввиду объяснения П.Л. Барка, что, по условиям его положения в Англии, он стоит в стороне от политики, Е.И.В. особенно подчеркнул, что настоящая беседа имеет характер совершенно частный.

При последовавшем затем обмене мнениями присутствовавшие остановились прежде всего на характеристике отношения Великобритании к России и русскому вопросу вообще.

В этом отношении необходимо считаться с известными историческими предубеждениями англичан против России, основанными на опасении её проникновения в Индию или приближения к последней через Афганистан. С другой стороны, и существовавший в России государственный строй, не соответствовавший английским понятиям, также внушал Великобритании скорее антипатию к России. Это чувство предубеждения и антипатии было обще как консерваторам, так и либералам и предопределяло общность их политики в основных её направлениях, независимо от того, какой кабинет находился у власти. До самого последнего времени эта политика определялась стремлением обеспечить возможность вести с Россией торговлю, невзирая на то какое она имеет правительство, лишь бы последнее не вмешивалось во внутренние дела Великобритании. Даже события на Дальнем Востоке и проявление враждебной Англии там советской пропаганды первоначально не изменили этой, по существу выжидательной, позиции Британского кабинета, покоившейся, в конечном результате, на расчёте неминуемой смены в России правления крайних коммунистических элементов более умеренными представителями этой партии. Лишь тогда, когда пропаганда и деятельность больше-

виков приняли более определённый характер вмешательства их во внутренние дела Англии, правительство последней прибегло к известным уже ныне решениям и мерам.

Эту общую характеристику отношения Англии к России, данную П.Л. Барком, подтвердил и А.О. Гукасов. Ссылаясь на своё долговременное, свыше двадцати пяти лет, знание Англии, он отметил, что Англия, несомненно, предпочитает видеть Россию государственно слабою. Именно этим движется и её послевоенная политика по русскому вопросу. Отсюда поощрение образования лимитрофных государств и содействие возникновению независимых Кавказских республик, ставившееся вновь на очередь в отношении Грузии при правительстве Макдональда. Пока большевики были орудием ослабления и расчленения России, Англия их терпела. Но усвоение ими империалистической политики для Великобритании неприемлемо, и, быть может, именно в этом обстоятельстве надлежит искать действительную причину, теперь приведшую к разрыву её с Советами.

С другой стороны, помимо руководящего английскою политикою стремления видеть Россию не усиленной в её крепости и значении, а, наоборот, ослабленной, в настоящее время двигателем этой политики является, по мнению проф. Алексинского, и то соображение, что большевики уже пережили себя. Учёт общего настроения в Италии, Франции и Америке должен был показать Великобритании повсеместное нарастание противокоммунистической тенденции и привести её тем самым к убеждению, что большевиков поддерживать более не стоит, а целесообразнее обратить свои взоры в сторону других элементов, которым в ближайшем будущем суждено играть роль в России.

Приведённые соображения нашли себе подтверждение и развитие в высказанных ген.-лейт. бароном Врангелем и А.Ф. Треповым суждениях. Бар. Врангель отметил, что, по его мнению, немалое значение в современной стадии отношения Англии к СССР имела почувствованная ею на себе самой опасность коммунистической пропаганды, а А.Ф. Трепов указал на присущий Великобритании вообще близкий интерес к России и широкую её осведомлённость в русских делах, которая всегда была ей свойственна. Именно этою осведомлённостью и проистекшим из неё убеждением, что карта большевиков, так сказать, бита, и надлежит объяснить поворот в отношении Британской империи к правящим нашею Родиною большевикам.

Выяснив, таким образом, что отношение Англии к России прежде всего определяется её собственными интересами и выгодами и что

разрыв с Советами имеет своею первопричиною отнюдь не сочувствие к судьбам русского народа и не стремление к восстановлению российской государственности, а лишь учёт, с одной стороны, неблагоприятных и вредных британским интересам последствий от внешней политики Советов и коммунистической пропаганды и, с другой стороны, правильное соображение противосоветского настроения во всех государствах и ослабления большевиков внутри самой России, — присутствующие перешли к обсуждению следующего поставленного Великим князем Николаем Николаевичем вопроса, а именно о том, как может сказаться происшедший разрыв с Советами непосредственно на русских делах.

Всё значение этого разрыва для русской проблемы представлялось одинаково очевидным для всех участников собеседования. Только что побывавший в Англии А.О. Гукасов удостоверил, что известные круги, ещё вчера не обнаруживавшие никаких намерений содействовать русскому противобольшевистскому движению, сегодня готовы говорить об оказании ему помощи. Это находится в непосредственной связи с тою руководящею ролью, которую взяла на себя в деле борьбы с Советами Англия, под влиянием которой явно изменяет свою позицию в этом вопросе Франция и за которой в конечном итоге вынуждена будет последовать и Германия. Со своей стороны, проф. Алексинский и ген. Лукомский особенно остановились на том, что силою событий Англия вынуждена будет искать путей для международного противодействия большевикам, тем более что, по мнению ген. Лукомского, большевики несомненно усилят свою деятельность против Англии. При этом проф. Алексинский высказал предположение, что главная работа Великобритании в области международной сосредоточится сейчас в Германии, дабы лишить Советы её поддержки, и что именно в этом заложен ключ к разрешению русской задачи. Так или иначе, однако, английская политика должна будет все же войти в сношение с русской эмиграцией. Это последнее суждение подтвердил и ген. Кутепов, пояснивший свою мысль тем соображением, что и правительственные, и коммерческие круги Великобритании вынуждены будут приступить к борьбе с Москвой в течение полномочий нынешнего состава палаты общин, ибо в противном случае выборы откроют Советам широкую возможность воздействия в желательном для них смысле на английского избирателя.

Со своей стороны, генерал барон Врангель, не отрицая огромного значения происшедших в Англии событий, полагал бы ошибочным ожидать вследствие них единодушных в русском смысле и притом

быстрых решений. По его убеждению, пока не уничтожены многочисленные порождённые войною поводы для международных несогласий и недоразумений и пока III Интернационал имеет возможность использовать их в своих видах, Европа не способна на иные действия, как полумеры. К числу таких полумер нужно отнести наблюдаемую ныне материальную и моральную поддержку Францией украинского сепаратизма и независимости различных кавказских образований. Таковы же попытки Англии вступить в разговоры с кавказскими нефтепромышленниками.

По мнению П.Л. Барка, позиция Великобритании в отношении России в ближайшем времени будет диктоваться двумя соображениями.

С одной стороны, не подлежит никакому сомнению её стремление превратить предпринятую ею антисоветскую политику в международную. В этом отношении показателен тот факт, что самый разрыв отношений с СССР предпринят Англией после совещания с главнейшими державами и соглашения с Францией. Германия заняла пока позицию выжидания. Но уже достигнуто очень многое, и мы присутствуем при том, как решительное изменение курса британской политики отрицательно отражается на международном положении СССР: Югославия, бывшая накануне признания Советов, резко пошла в этом вопросе назад, в Чехии это событие также привело правительство к размышлению, то же ждёт Советы и в других государствах. Вот непосредственный результат. Сгущающаяся атмосфера в международной обстановке, создаваемой Британским кабинетом, тяжело отразится на внутреннем состоянии в России и на самом положении правящих кругов коммунистической партии, значению которых тем самым в глазах русского народа наносится чрезвычайный удар.

С другой стороны, англичане во всех шагах своих, предпринимаемых ими по русскому вопросу, вынуждены считаться прежде всего со своими внутренними настроениями. В наступивший период, выжидательный и переходящий, консервативное правительство Англии не может допустить, чтобы действия его получили в глазах английского народа объяснение как стремление к реставрации в России. Поэтому британское правительство, несомненно, во всей своей деятельности будет теперь проявлять особую сдержанность и исключительную осторожность в своих отношениях с русской эмиграцией. К тому же какая надобность Англии говорить с последней, особенно в настоящее время, когда всё внимание её сосредоточено на событиях в самой России?

Но если в настоящее время нет оснований ожидать непосредственных, решительных и общих мероприятий против правительства СССР и ближайший период времени скорее должен быть характеризован как выжидательный и подготовительный в международном смысле, то в чём же должна выразиться деятельность русских зарубежных кругов, преследующих задачи национального возрождения России?

В этом отношении присутствующими высказан был ряд пожеланий.

В их ряду прежде всего надлежит отметить, по-видимому, общее всем присутствующим признание необходимости известных шагов в сторону получения денег на ведущуюся работу.

При этом как генерал бар. Врангель, так и ген. Кутепов отметили, что они считают так называемую интервенцию неосуществимой, и говорят о кредите на революционную работу в самой России.

Ген. Кутепов пояснил, что борьба с Советами внутри России поставлена в неизмеримо более трудные условия, чем работа там в прежнее время революционеров. В старой России никогда сыск не достигал такого развития, как ныне, не говоря уже о практикуемых Советами приёмах подавления всякого движения против них. С другой стороны, прежние революционеры усиленно поддерживались денежно через заграничные их центры, чего вовсе нет теперь. И нет никакого сомнения, что усиление материальных средств позволило бы расширить работу, которая ныне, при всех нелёгких условиях, всё же ведётся в России. В свою очередь бар. П.Н. Врангель объяснил, что развитие связи с внутренними русскими силами особенно настоятельно, и высказал, что в этом отношении подготовительная работа должна быть направлена и в сторону оппозиционных элементов среди большевиков. При таком достижении и на эти цели, по его мнению, возможно будет получить и денежную поддержку центру за границею, ибо центр в самой России иметь пребывание не может.

Невозможность получения денег в видах интервенции из английских кругов подтвердил и П.Л. Барк, высказавший, что возможность материальной помощи со стороны англичан нельзя ни в коем случае предполагать в отношении тех или иных русских организаций за границею, но лишь непосредственно организациям в самой России. Англичане будут там приветствовать всякий строй, который заменит большевиков и который позволит России стать субъектом международного экономического общения. Не отрицая, что без инициативы в самой России невозможно ничего сделать, А.О. Гукасов пояснил, что и в существующих сейчас условиях не только нужна, но

и вполне возможна реальная, то есть денежная, помощь со стороны англичан. По его словам, на прямо им поставленный о том на минувшей неделе в кругах Сити вопрос он получил, хотя и с большими оговорками в отношении британского Министерства иностранных дел, совершенно утвердительный ответ.

Далее сделано было указание на желательность проникновения в различные круги не только Англии, но и других держав, и в первую голову Германии, дабы в порядке связи с государственными и экономическими элементами этих держав проводить надлежащее освещение русского вопроса (проф. Алексинский). При этом кн. Оболенский напомнил о том, какое неблагоприятное впечатление произвело во Франции перед Каннской международной конференцией* поступление в Министерство иностранных дел двадцати или более записок от различных русских организаций, из коих каждая отдельно трактовала русский вопрос. Повторение такой разноголосицы, способной лишь ослабить впечатление, до крайности нежелательно всегда и в настоящих условиях в особенности, и подобную возможность полезно было бы предупредить.

Высказано было затем, что необходимо вообще развить деятельность в ближайшем же времени, так как общая конъюнктура благоприятна и события развёртываются быстро (А.О. Гукасов, проф. Алексинский, бар. Врангель).

Наконец, А.О. Гукасовым в развитие его заявления о тех беседах, которые он имел в Сити, было заявлено о необходимости для получения помощи известной организации. По его словам, английские финансовые круги готовы иметь дело с такою группою, которая, с одной стороны, была бы лишена всякого социалистического оттенка, а с другой — была бы чужда и реставрационных намерений, будучи притом образована на близком всякому англичанину принципе общественного представительства. Финансовые круги не встречают пре-

---

* *Каннская международная конференция* — заседание Верховного Совета Антанты — проходила 6–13 января 1922 г. На конференцию была приглашена Германия и в качестве наблюдателя СА Штаты. Обсуждались вопросы возмещения убытков, понесённых союзническими державами во время 1-й Мировой войны, а также перспективы созыва международной конференции, посвящённой проблеме экономического восстановления Европы. Оговаривались условия, при принятии которых могла состояться конференция (ненавязывание одним государством другому своих систем собственности и внутреннего управления, неприкосновенность иностранного капитала, признание государством всех внешних долгов и т.д.). На будущую конференцию решено было послать приглашение России. В вопросе об участии России отмечалось, что в случае если Советы потребуют признания своего положения de jure, то им придётся согласиться с требованиями международного сообщества. Некоторые положения резолюции вызвали негативную реакцию со стороны русской эмиграции, в частности те, в которых говорилось, что каждая страна имеет право выбора той государственной системы, которую она предпочитает; что одно государство не может предписывать другому устройство своего национального хозяйства и управления.

пятствий и не имеют возражений, если во главе группы будет находиться лицо старого государственного опыта и даже царственного происхождения, при условии, однако, если созданная организация будет прочна, будет представлять большинство беженства и откроет финансирующим её кругам свою работу, откровенно делясь с ними своими намерениями и действиями. Отказ от реставрационных намерений должен быть выражен в форме декларации или в форме какого-либо официального заявления, в котором должно быть подчёркнуто равенство отношения ко всем религиям и расам, а также те принципы, которые входят в английское понимание свободы. С другой стороны, подтвердить отсутствие реставрационных намерений нужно и при самой организации группы: ни старой бюрократии, ни бывших помещиков, ни прошлых промышленников восстанавливать не приходится, все должны быть готовы пожертвовать собою и своими интересами и идти на то, чтобы управляли новые люди.

Необходимость и пользу правильной и открытой организации подтвердил со своей стороны и А.Ф. Трепов, считающий крайне важным для русского спасения создание за границею единого русского представительства, постоянно действующего под единым руководством. Создание такого открытого центра важно и для иностранцев, которым нужно показать противостоящую большевикам истинную русскую силу. И в этом отношении нужно, несомненно, проявить всеобщую жертвенность. Как практически разрешить этот вопрос — сказать сейчас же невозможно и необходимо его в подробности сообразить, но уже теперь нельзя оставить без возражения некоторые положения А.О. Гукасова. Нельзя в будущей России упразднить классы; невозможно злоупотреблять самым словом «реставрация», не вкладывая в него определённого содержания; недопустимо идти далее тех широких обещаний, которые уже даны Великим князем в заявлениях Е.И.В.; неосмотрительно, наконец, и ставить русскую работу под контроль иностранных кругов вообще и английского Сити в частности. Ибо их помощь может иметь место лишь в тех пределах и до тех пор, пока это будет представляться для них выгодным.

В последовавшем обмене мнениями присутствующие вновь вернулись к вопросу о том, желательны ли какие-либо непосредственные действия со стороны русских организаций в отношении Англии.

Признавая важное значение объединённой русской организации за границею на случай возможных перемен в России, для координации решений и шагов иностранных правительств в этом случае с русскими национальными интересами, П.Л. Барк всемерно предостерегал от

всяких в данный выжидательный период обращений к Англии со стороны каких-либо организаций русских зарубежных кругов. Такое обращение в лучшем случае не будет иметь никаких последствий, и с организациею просто не станут говорить. Если же бы организация явилась от имени Великого князя, то это, несомненно, причинило бы русскому делу прямой ущерб. Авторитет и имя Е.И.В. необходимо всячески оберегать, и в связанных с ним действиях нужна в настоящих условиях особенная осторожность. Другое дело — частные попытки бесед и разговоров отдельных лиц. Они могут содействовать выяснению положения, однако лишь при том условии, что целью их будет привлечение внимания иностранных кругов к ведущейся Великим князем работе (ген.-лейт. Лукомский) и согласованность таких попыток с общим её направлением. Отдельные же разрозненные поиски в Англии денег, как это сделано было в течение последней недели тремя из существующих в Париже организаций, не только не приведут к цели, но могут иметь, безусловно, отрицательные для всего дела последствия (ген.-инф. Кутепов).

Приведённым исчерпывались высказанные присутствующими в заседании суждения и пожелания, и заседание после небольшого перерыва и личных во время него собеседований между собою присутствующих было закрыто Великим князем Николаем Николаевичем, отдельно при прощании благодарившим всех участников заседания за прибытие и участие в таковом.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ*

Великим князем Николаем Николаевичем на этих днях высказаны нижеследующие суждения по русскому вопросу, которые мы уполномочены предать гласности и которые приобретают в настоящее время особенный интерес как ввиду международной обстановки, так и по тому настроению в России, которое начинает там теперь прорываться наружу.

Большевики во всех своих неудачах обвиняют Англию и другие страны.

По этому поводу Великий князь питает уверенность, что предпринимаемые иностранными правительствами в отношении СССР меры и шаги направлены против III Интернационала и его агентов —

* «Новое время», 1 июля 1927 г.

советского правительства, а не идут против России и русского народа. Русский народ, по убеждению Великого князя, поймёт и учтёт это обстоятельство тем легче, что видит в захвативших власть большевиках прямого и жестокого своего врага и угнетателя.

По точному и всестороннему учёту различными путями доходящих до Великого князя из России данных, ложь и обман всех обещаний коммунистов совершенно ясны русскому народу. Истинная природа и сущность его поработителей теперь стала выясняться с полной очевидностью и в других странах.

Под гнётом, не знакомым мировой истории на всём её протяжении, дух русского народа, однако, не угас, и гнев его начинает прорываться наружу.

Пролитая и проливаемая советскими палачами кровь — святая кровь. Весь мир потрясён этими преступными убийствами мучеников за попираемые большевиками свободу и государственность русского народа.

И ныне никакая большевистская ложь и никакие заверения советов не смогут более подорвать веры в русский народ и в его пламенное стремление к жизни и свободе.

Как же устроится эта жизнь и как мыслится будущая государственная власть России?

Великий князь неизменно держится того мнения, что коренные вопросы русского государственного устройства могут быть разрешены только на Русской земле и в согласии и с чаяниями самого народа.

Для себя он ничего не ищет и в своём изгнании продолжает, как старый солдат, отдавать все свои силы на служение Родине.

По его убеждению, будущая государственная власть в России будет, несомненно, внеклассовой и внепартийной. Одинаково ко всем благожелательная и справедливая, она будет чужда всякой мести за прошлое и лишена племенной или религиозной нетерпимости. Национальная, она создаст условия свободного развития национальной жизни для народов, входящих в состав Российского государства. Неся с собою общее умиротворение, она примет и призовёт к сотрудничеству все живые силы страны и учтёт тяжёлое положение всех тех, кто был принуждён служить коммунистическому правительству в советских установлениях.

К тому же, в противность проповеди Интернационала, национальный дух крепнет в России с каждым днём. Среди коммунистов многие и многие поняли своё заблуждение и захотят искупить свои ошибки прямой помощью делу освобождения Родины. Верит Великий

князь, что и армия сбросит с себя иго III Интернационала и вновь станет великой Русской армией.

Предстоящий будущей власти подвиг воссоздания России поистине необъятен. Для свершения его прежде всего нужна общая готовность к жертвам. При этом условии — Великий князь не сомневается — воссоздание России в области внутреннего её устроения пойдёт решительными шагами, как только коммунистическую власть насилия и произвола сменит власть, несущая уважение к закону, к личности и к собственности.

Это прежде всего и сразу же скажется в области сельского хозяйства — основной и главной промышленности в России. Крестьянин, когда обрабатываемая им земля будет укреплена за ним особым актом в порядке закона в полную собственность бесспорной государственной властью, отдаст этой земле все свои силы и труд.

Равным образом предоставленные свободной инициативе торговля и промышленность вновь возродятся и создадут для рабочих благоприятные условия существования и труда. С другой стороны, улучшение быта рабочих и развитие рабочего законодательства явятся предметом особой заботы и непосредственно самой будущей власти.

Совершенно ясно, что восстановление многообразных сторон хозяйственной жизни России потребует прилива денежных средств и участия финансовых и технических сил других стран, в коих за время русского большевизма промышленность и техника продолжали своё развитие.

В сложной совокупности грядущих международных отношений русский народ, как всякий другой народ, будет естественно руководиться насущными интересами самой России, и, таким образом, его внешняя политика будет и может быть только русской политикой. В основу последней, несомненно, лягут экономические взаимоотношения.

Великий князь Николай Николаевич считает, что все те, которые не желают эксплуатировать временную слабость России, но строят свою экономическую политику на здоровых началах, могут рассчитывать на полное сочувствие со стороны будущей власти, которая предоставит им соответствующие экономические преимущества и выгоды.

Возвращение России на путь нормального государственного бытия будет иметь громадное значение для восстановления общего благосостояния и довольства во всем мире. Всегда миролюбивая в своей внешней политике, Россия, по убеждению Великого князя, особенно будет ценить теперь всё значение мира вообще и доброго соседства в частности.

Русскому народу всегда было присуще чувство благодарности, и всё его прошлое свидетельствует, что он сумеет быть истинным другом тех, кто поможет ему поднять национальный флаг над его Родиной.

Вот те основные взгляды по русскому вопросу, которых держится Великий князь Николай Николаевич и которые, как по самой его личности, так и по отношению к нему в России и среди беженства, заслуживают особого внимания.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА*

La Critique est Aissee, et l'Art est Difficile**

Доброжелательная и недоброжелательная критика Зарубежного Съезда весьма полезна для тех, кто работал над этим делом, и она, пожалуй, весьма опасна и вредна для тех, кто в нём не участвовал. Тот, кто работал в этом деле, знает испытанные трудности и видит сделанные ошибки. Но тот, кто в нём не работал, рискует впасть в опасную иллюзию и забавное самообольщение, а именно возыметь мысль, что если бы он, а не кто другой устраивал и вёл дело, то оно сошло бы безупречно гладко и отменно умно.

Прежде всего я должен повторить мысль, высказанную мною в день открытия съезда. Никто съезда не устраивал. Он сам устроился.

Очень многие съезд расстраивали. Но он всё-таки не расстроился.

Сейчас неумеренные критики справа и враги слева говорят и кричат о провале съезда. А есть люди, которые думают, что успех съезда состоит именно в том, в чём неумеренные критики видят его «провал».

Съезд не учредил органа, иерархически связанного с национальным вождём. Это решение или это воздержание от решения я и до приступа к организации съезда, и в организационный период, и на самом съезде считал единственно правильным.

Почему? А потому, что создание такого органа было бы и за границей, и внутри России воспринято как образование какого-то зарубежного русского «правительства» при национальном вожде.

Именно этого ни в коем случае не следовало делать.

Есть ещё другой итог съезда.

Нельзя правительствовать и управлять, не имея власти, и не должно фабриковать и подделывать власти там, где для неё нет объективных возможностей. Власть никогда не приказывает впустую. Она приказывает с тем, чтобы в случае ослушания вынудить и вынуждать исполнение приказаний.

Конечно, власть опирается не только и не главным образом на принуждение. Но без такового она немыслима, ибо неполна и немощна.

---

* «Возрождение», 25 апреля 1926 г.

** Критика легка, а искусство трудно (*франц.*).

В объективной обстановке безвластия не может быть власти в точном и подлинном смысле этого слова. Вот почему была так не только ошибочна, но и превратна формула «безоговорочного подчинения». Эта формула, в которой наивная неясность политической мысли сочеталась с опасными и даже пагубными психологическими навыками, была просто-напросто «выдумана» с партийными целями.

Ибо там, где налицо власть, подчинение, во-первых, само собой подразумевается и, во-вторых, введено в твёрдые рамки, в которых «оговорки» и «рассуждение» на основании собственного разумения составляют не «право», а непременную обязанность повинующегося. А там, где нет налицо обстановки власти, формула «безоговорочного подчинения» есть усыпляющий мысль и в корне поражающий действенность оборот, за которым скрывается партийно-политическая задняя мысль.

Огромное достижение Зарубежного Съезда заключается в том, что он своим исходом вскрыл объективную пустоту и внутреннюю неправду формулы «безоговорочного подчинения» и, наоборот, выявил всю объективную содержательность и внутреннюю правду бесстрашного патриотического рассуждения, без которого — в сложной обстановке необычайно трудной борьбы с коммунистическим игом — немыслима никакая подлинная действенность, ибо невозможно никакое настоящее реальное действие.

Пётр Струве

*ПРИЛОЖЕНИЕ**

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ Н.В. САВИЧУ

Сремски Карловцы
*8 апреля 1923 г.***

Глубокоуважаемый и дорогой Никанор Васильевич.

Несколько дней тому назад возвратились из Парижа генералы Кутепов и Шатилов. Из их доклада я узнал о намечаемом ныне в Париже объединении русских людей, в целях единения сил и действий, направленных к осуществлению нашей общей национальной задачи — освобождению и восстановлению России.

Горячо приветствую это начинание, особенно горячо потому, что это объединение намечается, по-видимому, вокруг Великого князя Николая Николаевича, имя которого пользуется большим обаянием в армии и высоким авторитетом и за границей, и в самой России.

Не могу вместе с тем не испытывать некоторой тревоги. Представляется вероятным, что с того дня, когда Великий князь примет участие в активной работе и вступит в общение с представителями разнообразных политических группировок русской эмиграции, и политические партии, и отдельные лица будут пытаться использовать имя Великого князя для своих партийных и личных целей. Если это случится и нарождающееся русское национальное дело обратится в партийное, оно не сулит ничего, кроме неудачи.

Оберечь Великого князя и наше общее национальное дело от посягательств со стороны отдельных политических группировок составит непременную задачу государственно и национально мыслящих кругов русской эмиграции, правдивому слову которых должен быть обеспечен широкий доступ к вниманию Великого князя.

Я горячо приветствую выраженное инициаторами намечаемого объединения желание иметь в своей среде лиц, близких Армии. Вхождение в состав намечаемой организации непосредственного представительства Армии вряд ли будет удобным, и потому я пола-

* Письма ген. П.Н. Врангеля даются в качестве приложения, т.к. в архив они поступили после того, как книга была подготовлена к печати.

** Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 29, л. 12, 13.

гал бы желательным участие в этой организации лиц, не занимающих ныне в Армии какого либо официального положения, но тесно с ней связанных прочными узами. Наиболее отвечающими этим условиям я считаю генералов П.Н. Шатилова и Я.Д. Юзефовича, разновременно продолжительное время занимавших должность начальника моего штаба и тесно связанных с Армией и со мною лично. Генерал Юзефович в настоящее время едет в Париж, и я просил его впредь до приезда в Париж генерала Шатилова войти в состав намечаемого объединения.

Представлялось бы также крайне желательным в целях всестороннего ознакомления Великого князя с близкими Армии Общественно-политическими кругами, чтобы Великий князь, по переезде в окрестности Парижа, принял для личной беседы выразителей мнения этих кругов.

Я позволил себе довести до сведения Великого князя моё пожелание, чтобы в качестве таковых были приняты Вы и профессор И.П. Алексинский.

Приобщившись едва ли не с первых дней Добровольческой армии к её государственной работе, оставаясь до сих пор близким и верным другом Армии, Вы хорошо знаете условия жизни и работы армии, проникнуты её психологией и переживаниями и можете наилучшим образом послужить указанной выше цели.

Позвольте мне, глубокоуважаемый Никанор Васильевич, выразить уверенность, что Вы не откажете в исполнении этой моей усердной к Вам просьбы.

Прошу Вас принять уверение в глубоком моём уважении и искренней преданности.

П. Врангель

Сремски Карловцы
*14 июня 1923 г.**

Многоуважаемый и дорогой Никанор Васильевич.

Получил Ваше интереснейшее письмо и с величайшим удовольствием прочитал Ваш тонкий анализ создавшегося в Париже политического положения. Ваша оценка отношения к объединению раз-

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 29, л. 14.

личных группировок и их собственных взаимоотношений вполне отвечает тем выводам, которые я сделал на основании многочисленных корреспонденций, исходящих от лиц, различных по темпераменту и по политическим воззрениям.

Мои собственные выводы мне подсказывают, а Ваше письмо ещё более меня убеждает, что необходимость перехода от затянувшихся переговоров к энергичным действиям вполне созрела. Отступление психологически невозможно, следовательно, надо дерзать и смело идти вперёд по пути объединения, увлекая колеблющихся и сомневающихся.

Нельзя, конечно, закрывать глаза и на то, что созидаемое национальное объединение неминуемо станет на монархический путь. Вопрос лишь в том, чтобы, не создавая монархического Кобленца, избрать соответствующий момент для перехода на монархический путь, т.е. по получении уверенности в том, что Россия достаточно подготовлена для приятия Монарха.

Затем, само собой разумеется, должен быть разрешён в окончательной форме и вопрос персонально-династический, ибо наличие многих претендентов ослабляет монархические позиции.

Но всё это вопросы будущего, подлежащие разрешению главы и руководителя объединения, т.е. В.К.Н.Н., наша же работа ныне должна состоять в том, чтобы энергичными подталкиваниями ускорить создание объединения.

Крепко жму Вашу руку, сердечно Ваш

П. Врангель

Сремски Карловцы
*6 августа 1923 г.**

Глубокоуважаемый и дорогой Никанор Васильевич.

Письмо Ваше через И.П. Ставицкого получил и спешу поблагодарить Вас за подробную всестороннюю информацию.

Информация, исходящая от Вас для меня особенно ценна — Ваша объективная, широкая оценка обстановки мне хорошо известна. К сожалению, мои осведомители в большинстве случаев вносят в ос-

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 29, л. 15, 16.

вещение бесконечно сложной обстановки свои личные субъективные ощущения.

Поскольку я могу судить, общее положение в связи с ведущимися вот уже несколько месяцев в Париже переговорами мне рисуется так: предпринятые шаги по созданию объединения вокруг Великого князя были преждевременны, это я учитывал и ранее, однако мои сомнения не разделялись моими ближайшими сотрудниками, и я, не считая возможным допустить и тени сомнения в искренности желания моего идти за Великим князем, вынужден был со своей стороны сделать соответствующее заявление.

Я, как показала действительность, правильнее моих сотрудников оценил обстановку и то, что родится теперь в таких муках, в своё время родилось бы безболезненно.

Однако теперь рассуждать уже поздно, надо действовать. Ждать полного объединения различных общественных групп бесполезно, надо дерзать, опираясь на армию и тех, кто гласно заявил о готовности поддержать Великого князя. Остальные пойдут, когда будет успех.

Призрак объединения налицо. Надо этим призраком воспользоваться и незамедлительно начать действенную работу, объединив те разнородные усилия, которые пока вносят лишь разнобой в общее дело. Пусть ведутся переговоры, вырабатываются программы и намечаются тезисы, тем временем негласно должна вестись реальная работа.

В полной мере разделяю все Ваши соображения касательно моего приезда в Париж; и в этом вопросе я расхожусь с моими ближайшими сотрудниками, все время настаивающими на срочности моего приезда. По моему убеждению, таковой будет необходим, лишь когда наметится деловая работа и явится необходимость разграничить таковую между Парижем и Балканами. Пока до этого, видимо, ещё далеко.

Вернувшись из Парижа, я должен буду иметь возможность дать войскам определённые ответы на те вопросы, которые их волнуют. Этого также в настоящих условиях я сделать бы не мог.

Очень прошу Вас, дорогой Никанор Васильевич, не оставлять меня Вашими письмами, которыми, как уже говорил Вам, особенно дорожу. Горячо надеюсь на участие Ваше в той деловой работе, которая, хочу верить, в ближайшее время должна начаться.

Жму Вашу руку и желаю всего лучшего.

Ваш П. Врангель

Сремски Карловцы
*18 августа 1923 г.**

Глубокоуважаемый и дорогой Никанор Васильевич.

С большим интересом и особым вниманием прочёл письмо Ваше от 6-го августа. В тот же день получил письмо И.П. Алексинского от 10-го августа, из коего вижу, что имевшее место расхождение по вопросам создания единого объединения русских национальных сил за рубежом России ныне путём взаимных уступок устранено.

Вы глубоко правы, что не должно быть в настоящее время — время междуусобицы — людей, не принадлежащих ни к одному из станов и более всего должно избежать всего того, что носило бы тень примиренчества. Общее национальное объединение должно быть обязательно ярко политическим, политическим, но отнюдь не партийным; чем шире будет это объединение, тем лучше.

Я горячо сочувствовал выдвигавшемуся И.П. Алексинским проекту, надеясь, что этот проект даст выход из того тупика, куда забрела русская зарубежная общественность в поисках «платформ», «тезисов», «программ». Я при этом прекрасно сознавал, что подобное объединение с первых же шагов своей работы неминуемо обратится в политическое, так как ни один насущный жизненный для беженства вопрос не может в настоящих условиях не иметь политического значения, и обратно: любой политический фактор неминуемо затронет жизненные интересы русского беженства.

В настоящее время имеется уже ряд подобных объединений: Русский комитет в Турции, Русский комитет в Королевстве С.Х.С. Конечно, и тот и другой являются организациями определённо политического характера.

Очень рад, что ныне первоначальные затруднения устранены и есть надежда от слов перейти к делу. Созыв общенационального съезда за рубежом России, при условии если уроки прошлого будут учтены и будет готовность поступиться партийными и личными интересами на пользу общего дела, будет, несомненно, иметь крупное значение.

Убедительно прошу Вас осведомлять меня о дальнейшем, пока же от души желаю всего лучшего и крепко жму руку.

Ваш Врангель

---

* Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Ф. 7, оп. 5, ед. хр. 3, л. 26, 27.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН*

* Указатель подготовлен А.В. Ломоносовым при участии С.А. Сапожникова и С.В. Волкова.

СОДЕРЖАНИЕ

РАБОТА СЪЕЗДА
(4–11 апреля)

Первый день

Второй день

Третий день

Четвёртый день

Пятый день

Шестой день

Седьмой день

Восьмой день

ИТОГИ СЪЕЗДА

Вместо заключения

Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Доку-
Р-76 менты и материалы. — М.: Русский путь, 2006. — 848 с., ил. — (ИНРИ. Серия «Исследования новейшей русской истории». Вып. 6).

ISBN 5-85887-168-2

В апреле 1926 г. в Париже со всех мест рассеяния собрались русские люди, чтобы объединить свои усилия в антибольшевицкой борьбе за будущее России — борьбе, в которой должны были погаснуть взаимные разногласия и забыться партийные амбиции. Первый раздел книги («Подготовка к Съезду») даёт представление о содержании предварительной работы и о том, сколь трудным оказался путь к задуманному ещё в 1923 г. съезду. Раздел «Работа Съезда» показывает глубину и резкость обнажившихся политических разногласий, силу эмоций, наполнявших зал заседаний. В последнем разделе подводятся итоги прошедшего съезда.

Издание полностью подготовлено на основе документов и материалов архива Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье».

ББК 66.3(2Рос)6

РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД
1926
ПАРИЖ

Документы и материалы

Составители *М.А. Котенко, И.В. Домнин*
Корректор *И.В. Леонтьева*
Компьютерная верстка *Е.В. Сёминой*

Подписано в печать 22.02.2006
Формат 60х90/16. Тираж 2000 экз. Заказ № 475

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Книжный магазин «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru
ISBN 5-85887-168-2
9 785858 871682 >

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46